У.А. Карпенко

Трансляция смысла и трансформация значений первокорня

Монография

Київ
«Освіта України»
2013

ББК 81.2

УДК 81'373.6

К262

Рецензенты:

А. И. Леута, доктор филологических наук, профессор
(Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова);

В. В. Лучик, доктор филологических наук, профессор
(Киевский национальный университет «Киево-Могилянская академия»);

Н. В. Слухай-Молотаева, доктор филологических наук, профессор
(Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко).

Печатается по решению Учёного совета
Национального педагогического университета им.М. П. Драгоманова
(протокол № 9 от 29.05.2013)

К262 **Карпенко У. А.** Трансляция смысла и трансформация значений первокорня: монография. – Киев: Освита Украины , 2013. — 496 с.

ISBN 978-617-7111-04-6

Монография посвящена изучению трансляции смысла и трансформации значений первокорня.

В работе обосновывается понятие первокорня и разрабатывается когнитивно-сравнительный этимологический метод для его анализа; доказывается существование древнейших первокорней, которые присутствуют в разных, в том числе неродственных языках, их наличие обусловлено не заимствованием, а восхождением к праязыку. Смысл первокорня остаётся неизменным и транслируется сквозь века, значения же трансформируются под воздействием метонимических и метафорических переносов, закрепляясь в конкретных словах того или иного языка на данном этапе его развития.

Для филологов, а также всех, кто интересуется этимологией и занимается изучением и преподаванием нескольких неродственных языков.

ISBN 978-617-7111-04-6

© Карпенко У.А., 2013
© Освита Украины, 2013

К262 Карпенко У. О. Трансляція смислу та трансформація значень першокореня: монографія. – Київ: Освіта України , 2013. – 496 с.

Монографію присвячено вивченню трансляції смислу та трансформації значень першокореня.

У роботі обґрунтовано поняття першокореня та розробляється когнітивно-порвняльний етимологічний метод для його аналізу; доводиться існування давніх першокоренів, що вони присутні у різних, також неспоріднених мовах, їхню наявність обумовлено не запозиченням, а походженням з прамови. Смисл першокореня залишається незмінним та транслюється крізь століття, значення трансформуються під впливом метонімічних та метафоричних переносів, закріплюючись у певних словах тієї и іншої мови на певному етапі її розвитку.

Для філологів, а також усіх, хто цікавиться етимологією та займається вивченням і викладанням кількох неспоріднених мов.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ 5
Раздел 1. ПЕРВОКОРЕНЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА . . . 29
1.1. Феномен первокорня 33
1.2. Первокорень и смежные (сходные) лингвистические понятия 37
1.2.1. Первокорень и языковой знак. 37
1.2.2. Первокорень и языковые универсалии 42
1.2.3. Первокорень и элементарные понятия в ностратических языках . . 43
1.2.4. Первокорень и архетип 50
1.2.5. Первокорень и внутренняя форма слова. 52
1.2.6. Первокорень и этимон 56
1.2.7. Первокорень и единицы праязыка. 59
1.2.8. Первокорень и номинация 61
1.2.9. Первокорень и концепт. 66
1.2.10. Первокорень и заимствование 71
1.3. Трансляция смысла и трансформация значений первокорня 74
1.3.1. Значение и смысл 77
1.3.2. Действие семантических механизмов в преобразованиях первокорня .86
1.3.3. Роль метонимии и метафоры в трансформации значений 92
1.3.4. Оценочная коннотация первокорня. 98
Выводы к разделу 1. 103
Раздел 2. ОТОБРАЖЕНИЕ ПЕРВОКОРНЕЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП НОСТРАТИЧЕСИХ ЯЗЫКОВ СОГЛАСНО ОНТОЛОГИЧЕСКИМ КАТЕГОРИЯМ. 105
2.1. Явления 107
2.1.1. ‘Названия животных’ 107
2.1.2. ‘Основные явления природы’ 148
2.1.3. ‘Части тела’ 185
2.1.4. ‘Названия растений’ 214
2.2. Действия и процессы. 232
2.2.1. ‘Элементарные действия и процессы’ 232
2.3. Качества 324
2.3.1. ‘Основные качества’. 324
2.3.2. ‘Родственные отношения’ 376
2.4. Пространство и время 392
2.4.1. ‘Пространственные отношения’ 392
Выводы к разделу 2. 424
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. 429
Приложение. 438
Список условных сокращений источников справочной литературы 443
Справочная литература 444

ВВЕДЕНИЕ

Миграционные языковые процессы и взаимодействие народов осуществляются посредством межкультурной коммуникации, которая во все времена привносила новые элементы в их языки.

В процессе взаимопроникновения культур осуществляется заимствование на разных уровнях языка и освоение, в результате которого в некоторых случаях иноязычное происхождение слова впоследствии обнаруживается при помощи этимологического анализа. Столь глубинное проникновение чужеродного элемента, очевидно, возможно при существовании почвы для подобного вживления, некоей предопределённости, которая существует в результате древнейшей родственности, восходящей к праязыку. Как отмечал В. фон Гумбольдт: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения её…» [Гумбольдт 1985: 375]. «Духовное своеобразие и строение языка народа настолько глубоко проникают друг в друга, – пишет учёный, – что как скоро существует одно, другое можно вывести из него. Универсальная деятельность и язык способствуют созданию только таких форм, которые могут удовлетворить их обоих. Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1960: 71].

Язык, по мнению В. В. Воробьёва, В. А. Масловой, С. Г. Тер-Минасовой и др., является хранителем и свидетелем культуры. С. Г. Тер-Минасова отмечает: «Генетическая, культурная, историческая память языка может проявляться как относительно открыто и явно, так и в скрытой форме, доступной только в результате глубоких диахронических исследований» [Тер-Минасова 2007: 19].

В разных языках происходит преобразование первокорней, их развитие движет полисемия, лики которой по-разному оборачиваются в различных языках в результате осмысления того или иного константного корня тем или иным народом. Явление заимствования по отношению к константному корню представляется вторичным, так

как оно исходит от последней огласовки, отмечаемой в языке-источнике.

Заимствование, по замечанию И. Г. Добродомова, – это «элемент, перенесённый из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [Добродомов 1990: 158]. А. А. Реформатский предлагает различать «слова усвоенные и освоенные и слова усвоенные, но не освоенные. Освоение иноязычных заимствований – это прежде всего подчинение их строю заимствовавшего языка: грамматическому и фонетическому» [Реформатский 2003: 139]. В нашем исследовании изучаются как усвоенные и освоенные, так и усвоенные слова, если в них содержится первокорень.

Прохождение слова через язык-посредник сопровождается обретением и утратой тех или иных денотативных и коннотативных значений, что наталкивает на мысль о проведении параллели между строением концепта культуры и корня, заимствованного в разные языки. В концепте (вслед за Ю. С. Степановым), выделяются ядро и слоистая структура вокруг него [Степанов 2001: 48]; корень-константа, обнаруженный посредством сопоставления этимологических толкований, подобно слоям в структуре концепта, проявляется в процессе осознания носителями разных языков.

Познание мира человеком и дальнейшая интерпретация познанного отражена в языке, в частности, во внутренней форме слов, заключающей в себе первоэлементы, на основе которых человеческое сознание закрепляло представление о новых воспринятых предметах. А. А. Потебня, рассуждая о представлении и значении, отметил, что «в слове также совершается акт познания. Оно значит нечто, т. е. кроме значения, должно иметь и знак. Хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, но он указывает на значение не сам по себе, а потому, что прежде имел другое значение … Поэтому звук в слове не есть знак, а лишь оболочка. Или форма знака; это … знак знака. Так что в слове не два элемента, как можно заключить из … определения слова как единства звука и значения, а три» [Потебня 1888: 5].

Таким образом, слово того или иного языка как отпечаток мира состоит из трёх элементов: значение, звуковая или письменная оболочка и внутренняя форма, тот третий элемент, знак, познанный ранее. А. А. Потебня приводит пример, как на его вопрос о том, что такое указанный им колпак лампы, начинающий говорить ребёнок ответил «арбузик», то есть «Тут произошло познание посредством наименования, сравнение познаваемого с прежде познанным. Смысл ответа таков: то, что я вижу, сходно с арбузом» [Потебня 1888: 5]. «Язык, – по замечанию учёного, – есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать её, что он не отражение сложившегося миросозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня 1913: 141].

Следовательно, «арбузики», первоэлементы, первокорни, заложенные в номинацию, представляют собой первоэлементы мира, познаваемого человеком, подобно огню, воздуху и воде в мифологиях разных народов, от которых всё пошло, без которых не может существовать мир. Как отмечал В. фон Гумбольдт, «Меня бесконечно привлекает внутренняя, удивительно таинственная связь всех языков … » [Гумбольдт 1985: 312].

В отличие от А. А. Потебни, А. Шлейхер выделяет иной «третий элемент»: «Кроме звучания, кроме звуковой материи, применяемой для выражения значения и отношения (функций), и кроме функций, мы должны выделить ещё третий элемент в природе языка. То многообразие [способов соединения слов], которое мы отметили, частично основывается на звуке и не на функциях, а на отсутствии или наличии выражения отношений и на том положении, которое занимают относительно друг друга выражение значения и выражение отношения. Эту сторону языка мы называем его формой. Мы должны, следовательно, в языке, а затем и в слове выделять три элемента, точнее говоря, сущность слова, а тем самым и всего языка определяется тремя моментами: звуком, формой и функцией» [Шлейхер 1960: 93].

Язык представляется константой, организующей мыслительную деятельность человека. «…восприятие и деятельность человека зависит от его представлений, – пишет В. фон Гумбольдт, – … его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же

самым актом, посредством которого он из себя создаёт язык, человек отдаёт себя в его власть, каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг» [Гумбольдт 1859: 57]. Причём система языка заново осваивается, «воссоздаётся» и проживается каждым его носителем: «Каждый ребёнок, научаясь говорить, – указывает А. Мейе,. – должен сам создать себе систему ассоциаций между движениями и ощущениями, подобно той системе, которой обладают окружающие» [Мейе 1938: 53].

Язык также определяет особенности национального сознания, то есть выступает как дифференцирующая сила: носители разных языков по-разному воспринимают и интерпретируют мир. В концепции А. А. Потебни «значения в языке по происхождению образны, каждое может с течением времени стать безобразным» [Потебня 1976: 5], такое движение значения происходит в рамках мотивации и динамики, которые, по замечанию О. Н. Трубачёва, есть «в природе человека, метафорического человеческого мышления» [Трубачёв 1998: 28].

Категория языкового сознания утвердилась в науке и со времён В. фон Гумбольдта подвергается постоянному изучению. Теоретическим проблемам языкового сознания посвящены труды А. А. Залевской, А. А. Леонтьева, А. И. Новикова, Е. Ф. Тарасова, Т. Н. Ушаковой.

Языковое сознание в большей мере статично, оно представляет собой «то, что познано» и соотносится с языковой картиной мира. Предметом нашего исследования является вид формирования языкового сознания, то есть, языковое познание.

Под познанием в современной науке понимается «Обусловленный законами общественного развития и неразрывно связанный с практикой процесс отражения и воспроизведения в человеческом мышлении действительности» [Философский словарь 1968: 279]. Знания об окружающем мире человек использует в своей практической деятельности с целью преобразования мира. Познанные предмет или явления подвергаются номинации и тем самым получают языковое воплощение в виде звукового комплекса, наделённого

смыслом. Смысл однажды познанного соотносится и переносится на познаваемое, в результате чего всё вновь называемое ассоциативно связывается с прежде познанным. Так происходит формирование значений, которые трансформируются посредством сужения, а также метонимических и метафорических переносов. Смысл транслируется и является несущим стержнем осознания действительности, значения же трансформируются на каждом этапе развития того или иного языка, отображая познание и осмысление тех или иных объектов номинации носителями языков.

Созерцая объект в процессе познания, человек соотносит его с прежде познанным и накладывает на него свой исторический опыт, тем самым этот объект предстаёт целью новой номинации. В результате данного ментального действия происходит очередной виток трансформаций значений. Живое созерцание объектов осуществляется посредством чувственно-практической деятельности человека. Объект номинации чувственно воспринимается и тем самым происходит его восприятие, формируется представление о нём и формируется номинация. В её внутреннюю форму закладывается признак, на основании которого был осуществлён перенос, признак, отображающий связь вновь познанного с познанным прежде. «Свойства, функции вещей, их объективное значение для практики, закрепляясь в сигнально-речевой деятельности людей, становится значением и смыслом слов, с помощью которых мышление человека создаёт определённые понятия о вещах, их свойствах и проявлениях» [Философский словарь 1968: 280].

Обобщение представлений о природе вещей происходит благодаря фантазии и творческому акту. По замечанию А. А. Потебни, номинация – это акт творчества. Диалектический путь познания объективной реальности идёт от опытного восприятия к абстрактному мышлению. Конкретный воспринятый признак познаваемого закладывается в основу номинации, и создаётся слово, абстрактно употребляемое для обозначения предмета или явления без его обязательного наличия в зоне действий говорящего. Носители языка на протяжении всей истории своего общества уточняют и углубляют знания

о познанном явлении, в результате чего происходит трансформация значений, закрепляющихся в словах того или иного языка на разных этапах его развития. Данные слова отображают уточнённые особенности предмета, который ранее был назван более общё. Этот единый стержень сохраняется посредством трансляции смысла.

Познание динамично и эвристично. То есть в процессе языкового познания осуществляется трансляция смысла и трансформация значений.

В разных языках многие кажущиеся разными слова имеют один и тот же «блуждающий корень». В таких случаях, как отмечает А. Мейе, «… либо все рассматриваемые группы восходят к одному источнику, либо две из них заимствовали формы третьей. … Соответствия окажутся менее явными, а закономерности их труднее установить, если рассматривать языки более далёкие во времени и в пространстве…» [Мейе 1954: 13]. Выявление закономерностей путей первокорней в разных языках представляет несомненный научный интерес.

Таким образом, актуальность монографического описания заключается в выявлении закономерностей путей первокорней, которые, трансформируясь полисемией, путешествуют по языкам, обрастают значениями, транслируя исходный смысл. Исследование актуально для сравнительно-исторического языкознания в его новом когнитивном аспекте, прежде всего для русистики, поскольку исходным и конечным материалом для анализа является русский язык. В исследовании задействованы также итальянский, английский, испанский, арабский, турецкий, украинский, кечуа, греческий.

В процессе поиска целью было определение первокорней, которые продолжают жить (и порождать) в современном русском языке, выявление заключённого в них смысла и трансформации их значений, закрепившихся в русском и в других (неродственных, родственных, а также в языках с отдалённым родством). Для достижения поставленной цели были решены такие задачи как создание среды поиска, которой представляются лексико-семантические группы ностратических языков; выявление лексем указанных лексико-семантиче-

ские групп, заключающих в себе первокорни, путём сопоставления данных этимологических словарей; определение смысла, транслируемого первокорнем в диахронии; прослеживание трансформации значений первокорня; выведение набора первокорней, отражённых в русском языке, функционирующих в других неродственных языках; выделение закономерностей трансляции смысла первокорня; выявление закономерностей трансформации значений первокорня.

В предпринятом исследования объектом стали первокорни, реализующиеся в современном русском языке; предметом выступили смысл и значения первокорня.

В качестве предварительного определения отметим, что смысл понимается как обозначение исходного объекта древнего бытия, которое переходит из языка в язык на разных синхронных срезах, что обусловлено не заимствованием, а принадлежностью к праязыку.

Значение – это одно из многих пониманий разных сторон объекта, закреплённое за ним в данном языке на данном этапе его развития, значениям свойственно пошаговое преобразование посредством метонимических и (в меньшей степени) метафорических переносов. Развитие смысла осуществляется трансляцией, развитие значений происходит посредством трансформации.

Анализ был осуществлён на материале данных этимологических словарей, эксплицирующих первокорни, выявленные в лексико-семантических группах ностратических языков, которые, в свою очередь, соответствуют основным онтологическим категориям: явления (‘названия животных’, ‘основные явления природы’, ‘части тела’, ‘названия растений’); действия и процессы (‘элементарные действия и процессы’); качества (‘основные качества’, ‘родственные отношения’); пространство и время (‘пространственные отношения’). Круг элементарных понятий и реалий этих лексико-семантических групп, по наблюдениям В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитыча, А. Мейе, включает в себя корни основного словарного фонда праязыков, что является естественным в представлении человека об окружающем его мире, в котором он видит и даёт номинацию реалиям указанных лексико-семантических групп. На первичность данных лексико семантических

групп указывает также Б. М. Гранде, отмечая, что в семитских языках, которым свойственно трёхсогласное строение корня, первичным по отношению к трёхсогласным выступают двухсогласные корни. Наиболее древними, неразложимыми двухсогласными корнями являются слова, обозначающие, в частности, «термины родства», «части тела», названия некоторых животных и растений [Гранде 2001: 20, 23]. Исследование слов указанных лексико-семантических групп происходит на материале русского, а также следующих разноструктурных языков (перечисление приводится по степени задействованности того или иного языка в данной работе): итальянского, английского, испанского, украинского, турецкого, арабского, кечуа, греческого).

Было выявлено 170 первокорней, продолжающих жить и порождать слова в современном русском языке. Основной корпус задействованных в исследовании этимологических словарей включает в себя: Етимологічний словник української мови: в 7 т. (головний ред.) Мельничук О. С.; Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка; Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка; Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка; http://www.nisanyansozluk.com (этимологический словарь турецкого языка); Dizionario Etimologico della Lingua Italiana / redazione Diego Meldi (этимологический словарь итальянского языка); Diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (этимологический словарь испанского языка); Collins English dictionary (словарь с этимологическими данными английского языка), а также словарь арабського язика, построенный по гнездовому принципу и словарь языка кечуа (выходные данные представлены в списке литературы).

В монографии при анализе практического материала используется ряд традиционных лингвистических методов, а также создаётся свой метод, потребность в котором обусловлена предметом исследования. Сравнительно-исторический метод необходим для изучения процессов фонетического и морфологического характера развития древних корней на их пути от праформ индоевропейского, общесла-

вянского, семитского, латинского происхождения. Данные, полученные благодаря использованию описательного метода, интерпретируются с помощью сопоставительного метода. Обращение к сопоставительному методу позволило выяснить проявления одного и того же первокорня в русском, а также других задействованных в данном исследовании языках. Сопоставление соответствий дало возможность проследить связи слов из разных языков на их современном этапе развития, не отмеченные в этимологических словарях. При наличии соответствующего этимологического инструмента можно вычленить первокорень, присутствующий в разных словах разных языков. Ввиду когнитивно-исторической сущности первокорня, стала необходимой разработка и применение когнитивно-сравнительного этимологического метода исследования первокорня, который вобрал в себя наследие лингвистических знаний.

Когнитивно-сравнительный этимологический метод исследования первокорня – это совокупность приёмов и процедур комплексного подхода к выявлению первокорня в русском языке и подтверждению его функционирования в других неродственных и отдалённо родственных языках для установления закономерностей трансляции заложенного в нём смысла и трансформации значений.

В силу природы первокорня, его проявления в разных, в том числе неродственных языках, точнее было бы, на первый взгляд, говорить о сопоставлении, а не сравнении, поскольку сопоставительный метод «Основан на сравнении соответствующих явлений разных языков независимо от их принадлежности к той или другой языковой семье, то есть независимо от наличия или отсутствия между ними генетических связей» [Ахманова 1969: 442]. Однако в нашем исследовании предпринимается сравнение не языков как таковых или отдельно взятых явлений, а конкретного проявления определённого древнего корня, дошедшего в трансформации своих значений до наших дней. Принцип ретрогностики сравнительно-исторического метода позволил учёным смоделировать исходные праязыковые формы, при выведении которых производилась важнейшая процедура сравнительно-исторического метода – реконструкция. Для на-

шего исследования реконструированная праформа является готовой данностью, почерпнутой из этимологических словарей, и цель исследования – выявление первокорней, которые продолжают жить (и порождать) в современных языках, в том числе неродственных. Первокорень един и поэтому его проявления – трансформации значений не являются разнопорядковыми и неродственными сущностями. Поэтому целесообразно говорить именно об операции сравнения, а не сопоставления. Поскольку сравнение – это калькированное латинское cum (с) и par (равный), которое терминологизировалось как «понятие равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества» [Ахманова 1969: 449]. В нашем исследовании выясняется как стал выглядеть первокорень в разных языках, собственное его соответствие, удаление от исходного смысла, то как праформа реализовалась в словах современных языков, в том числе неродственных (русском, украинском, итальянском, английском, испанском, турецком, арабском, греческом). Языки перечислены по степени их задействования в данном исследовании.

Отметим, что в основе трансформационной методики лежат идеи З. Харриса о том, что синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, а все другие производны от неё. Ученик З. Харриса Н. Хомский разработал трансформационную методику и воплотил её на материале синтаксиса. Трансформации понимаются как формальные операции, необходимые для того, чтобы из простого (ядерного) предложении получить более сложное. [Иванова 2010: с. 147-148]. Но синтаксис поддаётся большей формализации, чем семантика. В семантике алгебра трансформаций невозможна, хотя идея весьма целесообразна.

Слово «трансформация», став термином, используется в лингвистике и переводоведении. Оно задействовано в специфических понятиях трансформационного анализа и трансформационного метода. Основой трансформационного анализа считается концепция функциональной транспозиции, отображённой в трудах Ш. Балли, О. Эсперсена, А. Фрейя, Л. Теньера, Е. Куриловича. Л. Теньер рассматривал нетипичные синтаксические функции как результат транс-

формаций структур в предложении. Процесс трансформационного анализа сближается с концепцией Х. Глинца, который устанавливал возможности пропуска, замены и перестановки языковых элементов в определённых контекстах. Трансформационный анализ используется, частности, в лексической семантике для отграничения нюансов значения слов. В процессе трансформаций элементарные ситуации, обозначаемые ядерными предложениями, остаются неизменными [Апресян 1990: с. 519-529; Селиванова 2006: с. 626-627]. Подобным образом неизменным остаётся смысл первокорня, значения которого трансформируются.

Термин «трансформация» обрёл специфическое значение и стал осмысливаться в контексте приведённых исследований. Однако его значение исходит от латинских приставки trans (сверх) и корня forma(m) (форма), то есть «давать чему-либо новую форму», «менять вид» [ит. эт, с. 1014]. Так, от исходного первокорня путём сужения, уточнения, конкретизации прежде познанный признак переносится на познаваемое, в результате чего происходят трансформации значений, дающие название новым объектам номинации, получающим план выражения в словах того или иного языка. Таким образом, в данном исследовании идея трансформаций экстраполируется на трансформации значений первокорня.

Прежде всего, оговорим, что название нашего метода несёт в себе научную аллюзию на сравнительно-исторический метод. Сравнительно-историческое языкознание заложило основы лингвистики. Начало XIX века считается временем научного оформления языкознания, поскольку тогда в работах Ф. Боппа, Я. Грима, Р. Раска, А. Х. Востокова был разработан новый сравнительный метод исследования языка. Сравнительно исторический метод развивался и совершенствовался, охватив, помимо фонетики и морфологии, также синтаксис и, что особенно важно для нашего исследования, – семантику (в трудах Э. Бенвениста, К. Бругмана, Л. А. Булаховского, Т. В. Гамкрелидзе, Б Дельбрюка, В. М. Жирмунского, Вяч. Вс. Иванова, А. Мейе, А. С. Мельничука, А. Н. Савченко, А. М. Селищева, Б. А. Серебренникова, О. Н. Трубачёва) [Степанов 1990: 298]. Осно-

вой этимологической методики, по замечанию Ж. Ж. Варбот, является сравнительно-исторический метод исследования различных единиц языка, который опирается на законы фонетических изменений, морфонологической закономерности, закономерности морфологических изменений [Варбот 1990: 596].

О причинах возникновения потребности в новом методе пишет, в частности, Е. Ю. Марченко, ссылаясь на Л. Блумфилда, который работал в начале XX века, когда проблема поиска нового метода была особо актуальной. Важность новых задач была обусловлена такими причинами: новые потребности разных отраслей языкознания, выделение новых проблем общей теории языка, установление связи языкознания с другими науками [Марченко 2012: 104].

Любая наука становится таковой, вырабатывая, в частности, собственную методику исследования. Доминирующей чертой оформившегося направления является собственный метод. Когда определённая наука обозначилась как таковая, становится возможной её более детальная разработка. Метод в лингвистике – это система научно-исследовательских приёмов, предназначенных для познания закономерностей возникновения, развития и функционирования языковых явлений [Алефиренко 2005: 314]. Так, Н. В. Крушевский отмечает, что «тему диссертации можно выбрать только тогда, когда являешься как бы хозяином своей науки» [Бодуэн 1963: 148].

Как указывает Л. П. Иванова, «всякая область знаний становится наукой, когда выработает свой объект, метаязык (систему терминов) и методы. В рамках сложившейся науки формируются различные направления, главным признаком сформировавшегося направления является собственный метод. Так, например, первым направлением нашей науки, заложившим основы лингвистики, явилось сравнительно-историческое языкознание, возникшее благодаря разработанному сравнительно-историческому методу» [Иванова 2010: 69-70]. А. А. Потебня полагал: «Говорят обыкновенно об исторической и сравнительной методе языкознания; это столь же методы, пути исследования, сколько и основные истины науки …Мысль о сравнении всех языков есть для языкознания такое же великое открытие, как идея человечества для истории» [Колесов 1985: 36].

Слово «метод» переводится с греческого как «путь исследования». Адекватный метод исследования гарантирует истинность результатов. И. А. Бодуэн де Куртене утверждал: «…главные условия осуществления науки в своём уме следующие: достаточное количество материала и надлежащий научный метод … Рядом с собиранием материала идут научные приёмы, научный метод: 1) в исследовании, в выводах из фактов, 2) в представлении результатов науки и в сообщении их другим, в преподавании» [Бодуэн 1963: 52].

Теорию метода разрабатывали Н. Ф. Алефиренко, Л. А. Булаховский, В. А. Глущенко, Л. Ельмслев, В. А. Звегинцев, Л. П. Иванова, В. И. Кодухов, Г. А. Подкорытов, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, Л. В. Щерба, В. Н. Ярцева. Детальному рассмотрению метода посвящена монография «Методы лингвистических исследований» Л. П. Ивановой [Иванова 1995].

По замечанию Л. П. Ивановой, в составе лингвистического метода выделяются два компонента: 1) теоретическое обоснование данного подхода к анализу языковых и речевых фактов; 2) вытекающая из него методика исследования. Первая часть метода неразрывно связана и непосредственно вытекает из методологии, под которой традиционно понимается философское мировоззрение, определяющее путь осмысления и познания мира, в частности − языка. Методология обусловливает объект и предмет лингвистического исследования, его цели и задачи, интерпретацию результатов. Именно цели и задачи определяют выбор метода и конкретных приемов анализа языкового материала. Сумма приемов исследования формирует его методику [Иванова 2010: 70].

И. А. Бодуэн де Куртене рассуждает о том, каким должен быть метод: «Есть разные методы исследовать язык: один из них не столько входит в подробности, а старается схватить общее, другой же напротив, один приходит к познанию развития языка через тщательное исследование его памятников, другой через рассмотрение его строя в данную минуту и через сравнения с другими языками, ещё другой (устарелый) хочет из идеи языка вывести его проявление (наружность) и т. д. … это только разные стороны одного и того же самого предмета, это только разные пути, ведущие к той же цели; предмет

исследования остаётся при всём этом один и тот же – язык, цель исследования остаётся тоже одна и та же – исследование языка. … но идеальный знаток слова человеческого … совмещает в своей голове знание всех языков и исследование их всеми методами; разумеется, такой гений никогда не существовал и существовать не будет» [Бодуэн 1963: 36]. А также: «Только обладая практическим знанием языков, о которых рассуждаешь, … можно … избегнуть ошибок. … Именно научное, историческое, генетическое направление считает язык суммою действительных явлений, суммою действительных фактов, и, следовательно, науку, занимающуюся разбором этих фактов, оно должно причислить к наукам индуктивным. Задача же индуктивных наук состоит 1) в объяснении явлений соответственным их сопоставлением и 2) в отыскивании сил и законов, то есть их основных категорий или понятий, которые связывают явления и представляют их как беспрерывную цепь причин и следствий … Так точно и языковедение, как наука индуктивная, 1) обобщает явления языка и 2) отыскивает силы, действующие в языке, и законы, по которым совершается его развитие, его жизнь. … Необходимые условия каждого научного закона следующие: а) относительно субъекта – определённость, ясность и точность; б) относительно объекта – общеприменимость [Бодуэн 1963: 55, 57].

В конкретном исследовании метод определяется также развитием смежных наук. Так, например, М. М. Маковский, исследуя проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках, развивает проблемы лингвистической генетики, обращаясь к методологии и законам генетики, проводя их как параллель к процессам развития языка [Маковский 2007].

В. В. Колесов, исследуя научное наследие А. А. Потебни, так интерпретировал видение учёным сравнительно-исторического метода: «Снимая пласт за пластом наслоения системы, «мы должны направлять наши исследования от современного к прошедшему, иначе от настоящего более известного к прошедшему неизвестному: таковы условия нашей мысли» … Начало исследовательского процесса всегда таково: от известного к неизвестному» [Колесов 1985: 29].

В нашей работе мы придерживаетмся именно такого хода мысли: от слова современного русского языка к первокорню, прослеживая его воплощения в других неродственных языках, которые, следуя наставлению И. А. Бодуэна де Куртене, мы продолжаем тщательно изучать, совершенствуя практическое владение ими.

О методе А. А. Потебни В. В. Колесов пишет: «Системность авторской позиции проявляется в том, что Потебня строго разграничивает реальную ситуацию жизни («явление») и языковые средства её выражения и передачи: предмет, качество, действие, отношения и связи даны в реальной жизни совместно, слитно, неразрывно одно от другого, но языковое сознание представляет их аналитически «как составляющие цельной мысли». Это положение проходит через многие работы А. А. Потебни и является своеобразной доминантой его научного метода … Лингвист (филолог) обязан собрать воедино, на новом уровне познания, результаты собственного языкового (данного в языке) анализа и, отражая реальные связи и отношения, представить их в синтезе, то есть в их функции … Ключевым для метода А. А Потебни является принцип, сформулированный им афористически… «Анализ образа или понятия происходит посредством синтеза» [Колесов 1985: 30].

Ввиду сложной сущности первокорня, необходимо применение особого метода к его анализу. Этот метод должен базироваться на накопленных лингвистических знаниях, методах, приёмах и подходах к анализу языковых фактов.

Так, проблемы трансляции смысла обсуждаются в современном языкознании. Примером может служить исследование Мамедали оглы Мамедали Аслан, в котором анализируется передача библейских смыслов в переводе на тюркские языки. Отсутствие метаязыка для такого рода описаний весьма усложняет интерпретацию полученных данных, поэтому разработка его является актуальной и насущной [Мамедали оглы Мамедали Аслан 2011].

Отграничивая данное исследование от смежных наук, отметим следующее. В отличие от семасиологии, которая изучает формирование значения, в нашей работе рассматриваются также процессы

трансляции смысла и трансформации значения. Герменевтика и поэтика рассматривают смыслы в тексте, что в большой степени относится к сфере литературоведения, объектом данного научного поиска является значение слов вне текста. Функционализм берёт для исследования ту или иную категорию, употребление, функционирование которой изучается на всех уровнях языка. Данная работа зиждется на лексическом уровне. Традиционная грамматика в первую очередь занимается категориями, которые оформляют смысл. В наши задачи входит выявление смысла и его трансляции, что является содержанием, а не формой.

Ценнейшим наследием сравнительно-исторического метода являются этимологические словари. Как известно, этимология зародилась в древней Греции, сам термин приписывается стоикам. Трудом, в котором предпринимаются попытки объяснения происхождения слов (от греч. etymon – истина), является диалог Платона «Кратил» [Звегинцев 1960: 9].

Научная этимология, базирующаяся на фонетических законах, лежащих в основе сравнительно-исторического языкознания, обоснована в 1833 году, в работе А. Ф. Пота «Этимологические исследования в области индогерманских языков». Методы лингвистической географии с привлечением диалектного материала были разработаны Ж. Жильероном. Связь лексики с реалиями культуры изучалась направлением «Слова и вещи» в трудах В. Мейера-Любке, Р. Мериегера, В. фон Вартбурга, Г. Шухардта. Процессы изменения значений и анализ лексики по семантическим полям рассматривались Й. Триром. Этимологию в аспекте биографии слова, в большей степени, чем его происхождения, изучали Г. Шухардт и Ж. Жильерон. В отечественном языкознании вопросам общей теории сравнительного языкознания посвящены трыды Э. А. Макаева.

В XX веке в работах Э. Бенвениста, В. В. Мартынова, А. С. Мельничука, Р. О. Якобсона активизируется применение структурных принципов анализа лексики по семантическим, корневым, аффиксальным, лексико-грамматическим признакам. По замечанию Н. С. Арпановой, индивидуальность истории отдельного слова ста-

новится важной для этимологии при реконструкции исходных слов, а не только корней, в исследованиях чехословацкой этимологической школы, в работах В. Махека, Ш. Ондруша. Об определяющей роли фонетических законов как движущей силы изменений писали Я. Малкиел, А. Мейе, О. Семереньи, О. Н. Трубачёв. Взаимосвязь истории общества и происхождения слов изучалась в исследованиях В. И. Абаева, Э. Бенвениста, Вяч. Вс. Иванова, М. М. Покровского, О. Н. Трубачёва, [Арапова 1990: 597].

Бесценный материал, накопленный за столетия этимологических исследований, даёт учёным богатейшую своим потенциалом возможность пользоваться готовым продуктом истории преобразований того или иного слова, приводимым в этимологических словарях. Без этого филологического пласта было бы невозможным осуществление целых направлений исследований в области лингвистики, культурологии, философии, концептологии.

Располагая базисом этимологических словарей, возможно углубление лингвистического поиска причин переосмысления того или иного из первокорней носителями разных языковых культур в когнитивном аспекте (в нашем исследовании, согласно наставлению И. А. Бодуэна де Куртене, в сочетании с практическим изучением перечисляемых языков используются данные этимологических словарей русского, украинского, итальянского, испанского, английского, турецкого языков, а также словарь арабского языка, построенный по корневому принципу, привлекаются факты греческого языка). По замечанию А. Мейе, «…совпадение трёх несмежных языков практически яляется достаточным ручательством за «индоевропейский» характер слова» [Мейе 1938: 383].

Методику изучения процессов номинации и типа мотивации номинативных единиц представляет собой когнитивно-ономасиологический анализ, который, по указанию Е. А. Селивановой: «грунтується на таких положеннях: 1) дослідження мотивації має бути двовекторним, спрямованим на результат номінаційного процесу, зафіксований в ономасіологічній структурі одиниці, так і на процес вибору у структурі знань про позначуване активованого фрагмен-

та; 2) у випадках полісемії мотивація встановлюється окремо щодо кожного із значень слова; 3) обов'язковим є врахування семантики найменування і її зв'язку зі структурою знань; 4) опис мотиваційного процесу здійснюється, зважаючи на низку етапів номінації: від аперцепції об'єкта, його інтеріоризації у свідомості до внутрішнього програмування мотиваційної бази найменування та подальшої селекції мотиватора з певного фрагмента концептуальної структури шляхом активації відповідної ділянки концептуальної мережі; 5) вибір мотиватора з активованого фрагмента структури знань про позначене на етапі внутрішнього програмування відбувається одночасно з гасінням елементів мотивованої бази, тобто ономасіологічною імплікацією; 6) фрагмент знань про позначуване є інформацією, яка активується у свідомості шляхом взаємодії п'яти психічних функцій, що опосередкують процеси пізнання (за К. Юнгом, це мислення, відчуття, інтуїція і трансценденція), і колективного позасвідомого… Когнітивний аналіз має традиції проектування структури номінативної одиниці на внутрішню форму слова [Селиванова 2006: 217-218].

Когнитивный подход с учётом лингвокультурологической информации необходим для нашего исследования в процессе выяснения переосмысления первокорней в разных языках, поскольку именно национальная специфика мировидения определяет трансформацию значений исходного смысла первокорня. Проблемам когнитивной лингвистики посвящены труды Б. Н. Величковского, В. И. Герасимова, М. Гримич, В. З. Демьянкова, О. В. Ивашко, В. Б. Касевич, В. В. Красных, А. Р. Лурии, М. Минского, В. П. Мусиенко. В развитие лингвокультурологии внесли вклад В. В. Воробьёв, Т. М. Полякова, Е. В. Рахлина, Н. С. Трубецкой, Р. И. Хашимов, Л. А. Шкатова; проблемами картины мира занимались: А. Вежбицкя, Е. М. Верещагин, А. Г. Костомаров, Б. М. Гаспаров, Г. Д. Гачев, И. А. Голубовская, О. А. Корнилов, В. И. Постовалова. Б. А. Серебренников, Э. Сепир, Н. И. Сукаленко, Б. Уорф, Е. В. Урысон, Е. С. Яковлева.

Общими философскими категориями, ставшими теоретическим обоснованием применяемого в нашем исследовании метода, стали категории исторического и логического, характеризующие важные

особенности процесса развития, а также соотношение между логическим развитием мысли и историей предмета, историей самого процесса [Философский словарь 1968: 141]. Аксиомой экзистенции первокорня является Развитие. Это развитие подчиняется и в то же время продуцирует внутри себя логику движения. «Историческое выражает реальный процесс возникновения и формирования данного объекта, логическое – то соотношение, законы, связи и взаимодействие его сторон, которое существует в развитом состоянии. Историческое относится к логическому как процесс развития к его результату, в котором последовательно складывающиеся в ходе реальной истории связи достигли полной зрелости и классической формы. Историческое и логическое находятся в диалектическом единстве…» [Философский словарь 1968: 141].

В начале процесса, на момент «первичной номинации», от которой в глубокой древности проистекает первокорень, логика трансформаций его значений ещё отсутствует, поскольку отсутствует выражение развитой структуры объекта (первокорня). Он должен пройти путь развития. Последовательность проходимых процессом фаз частично отображается попытками учёных найти закономенрости развития семантики. Процесс завершается становлением определённого специфического объекта. Однако в преломлении к нашему исследованию подобная «завершённость», «законченность» в первокорне возможна только условно, применительно к определённому языку на определённом синхронном срезе его развития. Путь первокорня, очевидно, «бесконечен» и прекратится с остановлением существования всех языков и всех их носителей. В связи с этим есть определённое расхождение в соотнесении категорий исторического и логического с процессами развития первокорня. «В объекте, достигшем «полной зрелости и классической формы», отпадает и утрачивается всё случайное, преходящее, все те зигзаги развития, которые неизбежны для исторического процесса» [Философский словарь 1968: 142]. На пути развития первокорня не утрачивается значимость ни одной трансформации значений. Для первокорня жизненно важен каждый мельчайший семантический оттенок, поскольку он может

привести к формированию последующих значений, становящихся актуальными в том или ином языке на том или ином этапе его развития. Однако логическое воспроизведение пути первокорня как развитого целого оказывается ключом к раскрытию его действительной истории. Таким образом, философские категории исторического и логического помогают раскрыть суть процесса развития первокорня, идентифицируемая целостность которого заключается в трансляции смысла сквозь века и языки, а многоликость и изменчивость состоит в трансформации значений на разных этапах развития и бытования в разных языках.

Вытекающей из теоретического обоснования методологией исследования выступает использование таких общенаучных методов как описательный, метод сравнения, анализ, синтез. Частную методологию, включающую методы языкознания, представляет, прежде всего, сравнительно-исторический метод. «Метод в специально философском значении, как средство познания, есть способ воспроизведения в мышлении изучаемого предмета» [Философский словарь 1968: 214]. Таким методом, разработанным в нашем исследованни специально для изучения трансляции смысла и трансформации значения, стал когнитивно-сравнительный этимологический метод исследования первокорня.

В системе терминов используются: первокорень, трансляция смысла, трансформация значения, праформа, этимон, фонетический процесс и другие, принадлежащие науке этимологии.

Когнитивно-сравнительный этимологический метод исследования первокорня включает в себя систему научно-исследовательских приёмов.

Для поиска первокорня необходимо выявить трансформировавшиеся значения на синхронном уровне языков, пройти «обратный путь» метонимических и метафорических переносов, приведших к их образованию. Далее, посредством сопоставления данных этимологических словарей разных языков, выйти на совпадающую как исходную во всех словарях праформу. Она и будет письменно зафиксированной условной транскрипцией первокорня. В подобном поиске

необходимо сопоставление данных разных этимологических словарей как одного и того же языка, так и разных языков. Это нужно во избежание ошибочных выводов, обусловленных совпадением транскрипций. Такие совпадения имеют место, поскольку первокорень уходит в глубокую древность праязыка, и его исконное звучание спрятано в ушедших тысячелетиях. Отметим, что ни один первокорень не является мёртвым, он живёт и проявляется в произошедших от него словах в разных языках. Для поиска первокорней разрабатывается когнитивно-сравнительный этимологический метод исследования первокорня.

Предметом исследования является первокорень, поэтому первый этап – это его выявление из словарных статей этимологического словаря базового языка исследования. В нашем случае – это корпус этимологических словарей русского языка. Выявление слова, в котором может быть имплицирован первокорень, во многом поддерживается интуицией исследователя. Поскольку объективные критерии того, как «заметить» первокорень, отсутствуют, изначальная зацепка слова, содержащего первокорень, сводится к интуиции, основанной на знании нескольких разноструктурных языков (в нашем случае – итальянского, английского, испанского, турецкого, арабского, греческого). Далее слово, в котором предположительно имплицирован первокорень, перепроверяется по этимологическим словарям данного языка, а также других, в том числе, неродственных языков. Сравнение, по замечанию А. Мейе, – это единственное орудие, которым располагает языковед для построения истории языков [Алефиренко 2005: 341]. Сравнение словарных статей этимологических словарей имеет две цели: подтвердить, что рассматриваемые слова являются родственными и что приводимые праформы или исходные корни являются истинными. Если этимологические словари разных, в том числе неродственных языков, приводят одну и ту же праформу – она является истинной. Истинная праформа, «архетип» со знаком * в толковании А. Шлейхера, представляет собой условную фиксацию корня праязыка – первокорня. Аксиомой сравнительно-исторического языкознания является признание того, что материальное родство

языков – результат общности их происхождения [Алефиренко 2005: 341]. Содержание данного первокорня является стабильным смыслом. Смысл первокорня – это то, что без изменений транслируется в разных языках в диахронном аспекте и удерживает стержень полисемии. Значение – это проявление трансляции смысла в данном конкретном языке на определённом этапе его развития, закреплённое в конкретном слове данного языка. Значений много, поскольку языков и их синхронных срезов достаточно большое количество.

После извлечения праформы и выявления пути первокорня в разных языках исследователь сталкивается с задачей обозначения транслируемого смысла словом своего языка. Значения закреплены в языках, они вербализированы. При необходимости передать значение слова, которому нет точного эквивалента в том или ином языке, в нашем исследовании используются марровские кавычки (‘’), к которым прибегают также Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов и многие другие учёные, работающие с семантикой.

Смысл не всегда назван, иногда возникает необходимость соотнесения интерпретаций праформы в этимологических словарях разных языков. Тогда вспомогательным методом выступает компонентный анализ слова. Семный состав значения представляет собой вхождение частей в целое. Значения по отношению к смыслу не всегда выступают составными частями. Тот компонент значения, который представлен во всех словах, реализующих трансформацию значений (компонент «+» у всех), и является указанием на транслированный смысл.

Следовательно, выявление первокорня – это составной этап реализации когнитивно-сравнительного этимологического метода анализа. Данный этап состоит из следующих шагов: 1) гипотетически предположить имплицитное проявление первокорня в словарной статье этимологического словаря базового языка исследования; 2) подтвердить или опровергнуть гипотезу посредством сравнения данных этимологических словарей языка исследования и других языков, в том числе неродственных; 3) вербализировать транслируемый смысл; 4) отметить ряд трансформаций значений (представле-

ние абсолютно полного списка трансформаций значений невозможно, поскольку языки постоянно развиваются, а также не все значения фиксируются на том или ином этапе развития определённого языка); 5) определить переносы метонимии и метафоры в трансформации значений.

Когнитивно-сравнительный этимологический метод исследования первокорня необходим для подтверждения выдвигаемой в нашем исследовании гипотезы о том, что: 1) в сознании носителей как родственных, так и неродственных языков существуют первокорни, которые осмысливаются по-разному в результате национально-культурной специфики того или иного языка, в котором функционирует выявленный первокорень; 2) обнаружить первокорень возможно, сопоставив статьи этимологических словарей разных языков, объясняющих происхождение одного и того же слова; 3) в процессе движения из языка в язык, а именно, из одного коллективного языкового сознания в другое, первокорень обрастает слоями значений и приращений значений, которые порой изменяют то или иное слово до неузнаваемости, приводя в некоторых случаях к энантиосемии; 4) то, что представляется вариациями значений одного и того же корня в разных языках, является результатом полисемии. Развитием полисемии движет коллективное языковое сознание народа-носителя; 5) существует некий небесконечный, однако полностью невыявляемый набор первокорней, породивший в разных языках разные слова, которые оказываются родственными между собой.

Метод научного поиска в нашем исследовании является сравнительным, поскольку сравниваются данные из разных языков, этимологическим, поскольку в процессе выявления и определения первокорня используются материалы этимологических словарей, когнитивным, поскольку выясняется специфика переосмысления первокорня в сознании носителей разных языковых картин мира и культурологическая информация.

В данном монографическом исследовании впервые выявляется набор первокорней, которые с древнейших времён дошли в русский язык и функционируют в других, в том числе неродственных меж-

ду собой языках (русском, украинском, итальянском, английском, испанском, турецком, арабском, греческом, кечуа) (перечень дан по степени задействованности указанных языков в данной работе); осуществляется анализ трансляции смысла и трансформации значений первокорней, отображённых в словах современного русского языка, что отличает данное исследование от существующих трудов, посвящённых изучению древних корней как таковых, многие из которых либо вышли из употребления, либо никогда не существовали в русском языке; определяется смысл, заложенный в первокорне, который транслируется сквозь пространство языков и время своего диахронического функционирования; выясняются значения, которые трансформировались в русском и других языках на разных этапах развития; разрабатывается методика выявления первокорней и анализа трансляции заложенного в них смысла, а также последующей трансформации значений.

Говоря о теоретическом вкладе данного монографического исследования, следует отметить, что разработан когнитивно-сравнительный этимологический метод для исследования первокорней, продолжающих свой путь развития в современном русском языке, а также выявляются закономерности этого движения. Данный метод позволяет создать базу для нового направления лингвистического поиска, соединившего в себе классические этимологические исследования с новейшими когнитивными разысканиями. Подобный подход возможен как на основе русского, так и любого другого языка.

Раздел 1

ПЕРВОКОРЕНЬ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Наука этимология приоткрывает тайны мироздания. Данное утверждение справедливо при учёте того, что язык отображает мир, воспринятый человеком. То, что носитель языка назвал, обратив на это внимание, выделив это нечто из хаоса впечатлений. Первокорни заключают в себе то, чему человек дал название в первую очередь, то, что стало необходимым для освоения мира, для превращения хаоса в космос.

Естественной средой для поиска первокорней являются этимологические словари. Науку этимологию развивали учёные, труды которых регулярно выходили в свет в серии «Этимология», а также «Этимологические исследования по русскому языку». Вопросам этимологии свои исследования посвятили: В. И. Абаев, В. Д. Бондалетов, Л. А. Булаховский, В. Н. Вакуров, В. Т. Ваюшечнин, Ж. Ж. Варбот, В. В. Веселитский, В. В. Виноградов, В. В. Владимирская, Т. В. Гамкрелидзе, А. С. Герд, Л. А. Гиндин, Т. В. Горячева, В. П. Гудков, В. Я. Дерягин, И. Г. Добродомов, Н. М. Ёлкина, В. К. Журавлёв, В. В. Иванов, В. М. Иллич-Свитыч, А. М. Иорданский, А. М. Камчатнов, С. Каралюнас, А. Н. Качалкин, Р. С. Кимягарова, Л. Киш, Г. А. Климов, Р. А. Козлова, Н. П. Колесников, А. И. Корнев, О. А. Корнилов, А. К. Кошелев, Н. А. Красавский, П. С. Кузнецов, Л. В. Куркина, Б. А. Ларин, С. Д. Ледянёва, В. В. Лопатин, Г. Н. Лукина, Н. А. Луценко, А. С. Львов, В. И. Лыткин, М. М. Маковский, Б. А. Маргарян, И. К. Марковский, В. В. Мартынов, А. К. Матвеев, Е. О. Меладзе, В. А. Меркулова, К. Ш. Микаилов, М. Младенов, В. М. Мокиенко, В. А. Никонов, Б. Л. Огибенин, Г. Ф. Одинцов, О. Е. Олышанский, Т. Османалиев, Е. С. Отин, Ю. В. Откуп-

щиков, И. П. Петлева, М. В. Раевский, Г. Т. Риков, Л. И. Ройзензон, Л. К. Садник, А. М. Сандлер, Л. Г. Свердлов, Е. М. Сендровиц, П. Н. Сергеев, П. Н. Стрелков, А. Е. Супрун, А. И. Толкачёв, В. Н. Топоров, О. Н. Трубачёв, И. А. Туева, И. С. Улуханов, А. М. Фенрих, А. М. Финкель, Э. Хэмп, Р. М. Цейтлин, Ю. И. Чайкина, Е. А. Чистилин, Ю. П. Чумакова, А. К. Шагиров, Н. М. Шанский, В. К. Шаур, Н. Ю. Шведова, В. В. Шеворошкин, Х. Шустер-Швец.

Весомый вклад в развитие науки этимологии и истории языка внесли современные украинские учёные: М. А. Брицын, В. В. Лучик, А. С. Мельничук, Г. П. Пивторак, В. А. Пономаренко, Т. В. Радзиевская, В. Г. Скляренко, О. Б. Ткаченко.

Ф. И. Буслаев так определил место этимологии среди других наук: «Грмматика делится на две части: на этимологию или словопроизведение, и синтаксис, или словосочинение. Первая рассматривает каждое слово в отдельности; вторая рассматривает слова во взаимном их сочетании, в предложениях простых и сложных» [Буслаев 1959: 37]. И. А. Бодуэн де Куртене рассматривает этимологию как часть морфологии: «Наука о корнях – этимология» [Бодуэн де Куртене 1963: 66].

В. М. Иллич-Свитыч отмечает труды авторов, занимавшихся индоевропейскими реконструкциями: Н. Андерсон, Ф. П. Кеппе, И. Куно, В. Томсен. Наблюдения Г. Асколи во многом подготовили индоевропейско-семитские исследования. Ф. Бопп, один из отцов индоевропеистики, предпринял попытку картвельско-индоевропейских сопоставлений, основанную на морфологических сходствах. Ряд уральско-картвельских параллелей можно обнаружить в работе Б. Мункачи. Из сопоставлений широкого плана отмечается лексический перечень И. Линдстрема, сопоставлявшего разнородный материал алтайских, уральских, индоевропейских и семитохамитских языков, а также статья Г. Эвальда, рассматривавшего морфологические свойства данных семей. В. М. Иллич-Свитыч особо отмечает труды основателя научной дравидологии Р. Колдуэлла, который сопоставляет лексический, морфологический и словообразовательный дравидийский материал с данными уральских и алтайских языков.

В построениях А. Тромбетти привлекался материал ностратических языков, им были даны сводки сходств в области местоимений, числительных, а также лексические сходства. Проблематике индоевропейско-семитохамитского сравнения посвящена обширная литература, наиболее существенные достижения представлены в работах Г. Мёллера и его последователя А. Кюни. Важный шаг вперёд в урало-алтайских штудиях представляют работы видного тюрколога М. Рясянена, материал которого подверг тщательному отбору Б. Коллиндер. Сводку наиболее явных параллелей дал в этимологическом картвельском словаре Г. А. Климов. Проблемы связей большинства ностратических языков в лексике, морфологии, падежной системе разрабатывал К. Менгес, А. Б. Долгопольский [Иллич-Свитыч 1971-984: 38, 39, 42, 43].

Наша работа базируется как на достижениях сравнительно-исторических исследований, так и когнитивной лингвистики, поскольку изучается трансформация и переосмысление исторического первокорня в сознании носителей русского и других языков. Полипарадигмальный подход, а также когнитивный анализ выводят этимологические разыскания на новый виток развития, в частности, с позиций лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. Поиску соответствий и выведению древних корней, подтверждающих родство ностратических языков, посвящено фундаментальное исследование В. М. Иллич-Свитыча «Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский)» [Иллич-Свитыч 1971-1984]. Целью автора является доказательство родства указанных языков. Определяя сущность своего исследования «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [Гамкрелидзе, Иванов 1984], Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов указывают, что «В отличие от известного индоевропейского словаря Покорного, каждая словарная статья Семантического словаря рассматривает не только формальные соответствия между родственными словарями индоевропейских диалектов, которые позволяют реконструировать индоевропейский архетип, но и разбирает все явления материальной и духовной культуры, которые

в отдельных традициях связываются со словами данного корня. На этом основании даётся затем соответствующая реконструкция и для общеиндоевропейского уровня» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: X]. В нашем исследовании, благодаря наличию данных этимологических словарей с уже выведенными праформами, стало возможным соотнести соответствия в неродственных языках, путём сопоставления приводимых этимонов вывести первокорень и проследить смысл, который он транслирует с последующей трансформацией значений в историческом и современном состоянии языков, задействованных в данной работе. Соотношение трансляции смысла и трансформации значений аналогично корреляции инварианта и варианта, что, по замечанию Р. О. Якобсона, является насущной темой всего современного научного мышления. Поиск первокорней сродни систематическому извлечению инвариантов, что по утверждению Р. О. Якобсона, вырастает в центральную лингвистическую задачу. Учёный указывает на целесообразность применения сравнительного метода в таких областях как ритуал и мифология. Экстраполируя данное утверждение на область семантики, отметим, что систематическое применение сравнительного метода открывает дорогу также к выяснению закономерностей в трансформации значений, порождённых первокорнем [Гамкрелидзе, Иванов 1984: XV].

Проблема передачи смысла является одной из вечных проблем языкознания: к ней обращались в рамках религиеведения, переводоведения, наибольших успехов достигло сравнительно-историческое языкознание, особенно этимология. В русле современных исследований стало очевидно, что необходимо обратиться к когнитивной лингвистике, изучающей проблемы получения, сохранения и трансляции информации, лингвокультурологии, предметом которой является сохранение и передача культурной информации, репрезентированной в языке.

Таким образом, для решения поставленных проблем необходим полипарадигмальный подход, объединяющий все указанные направления языкознания. Ведущие из них – сравнительно-историческое языкознание и когнитивная лингвистика.

1.1. Феномен первокорня

Из синонимического ряда «потебнианский арбузик» [Потебня 1888: 5], первоэлемент, первокорень, корень-архетип и др., то есть «то, что заложено в номинацию и представляет собой один из первоэлементов мира», мы выбираем термин «первокорень» в силу его русскости и, следовательно, прозрачности его внутренней формы, отсутствия разночтений, научных коннотаций и слоистой структуры, что гарантирует избежание неточности толкований.

Предметом поиска и анализа в нашем исследовании является первокорень, который понимается нами следующим образом.

Первокорень – это первоэлемент, заложенный во внутреннюю форму того или иного слова.

Ф. Бопп писал: «Незатронутой остаётся только тайна корней или принципов наименования первичных понятий» [Бопп 1960: 30].

Первокорень повторяется в номинации предметов и явлений в разных языках, он подвергается фонетическим изменениям, которые часто приводят к его неузнаваемости. В задачи исследователя входит выявление первокорня при помощи этимологического анализа и сопоставление данных этимологических словарей разных языков. Первокорень соотносим с тем, что М. М. Маковский называет «душой слов»: «…одно и то же значение, своеобразная «душа» слов, может в том или ином варианте…воплощаться и перевоплощаться в различных языковых оболочках, неодинаковых по своей типологии в языковом пространстве и во времени» [Маковский 2007: 71]. При выведении первокорня следует руководствоваться правилом В. И. Ильич-Свитыча, который отмечал необходимость исключения возможных заимствований, малонадёжных сближений, где можно предполагать случайные соответствия [Иллич-Свитыч 1971-1984: III]. Ж. Вандриес предостерегал: «Особенно не следует доверять сходству в словаре. Этимология нас учит, что в языках, историю которых мы знаем, слова, близкие или даже вполне совпадающие по форме, могут иметь совпадающие значения, будучи совершенно разного происхождения» [Вандриес 1937: 279].

Б. М. Гранде, излагая арабскую грамматику в сравнительно-историческом освещении, приводит определение исходного корня семитских языков, в понимании которого возможно провести параллель с первокорнем: «Корень – это извлекаемый морфологическим путём из совокупности основ «остов» из согласных звуков, из которых путём набора разных гласных и аффиксов как бы строятся основы и слова. Существование корня может быть принято лишь в этом смысле, его нельзя считать исторически зарегистрированной лексической единицей» [Гранде 2001: 19]. Спецификой фусхи, литературного арабского языка как замкнутой и сложившейся системы, является этимологическая прозрачность лексических единиц, поскольку практически в каждом слове возможно выделение исходного трёхсогласного корня (3-е л. ед. числа перфекта). Большинство словарей арабского языка построено по гнездовому принципу, и лишь учебные «карманные словарики» – по алфавитному для «начинающих» арабистов. Аналогия заключается в том, что этимологическое выявление первокорня подобно тому, как Б. М. Гранде определяет выявление корня в семитских языках – убрать всё то, чем «оброс» корень и увидеть «остов». Первокорень как скелет не может жить без тела, первокорень возможно зафиксировать лишь в составе слов, сам по себе первокорень не может вступать в грамматические и парадигматические отношения и, следовательно, не может участвовать в развитии языка, не будучи оформленным в слова, подобно тому, как само слово не существует вне речи. А. А. Потебня указывал, что «… значение возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, не тем более формальных свойств» [Гречко 1985: 171].

Количество первокорней, дошедших до наших дней, продолжающих функционировать в современном русском языке, не является бесконечным. «Этимологическое и историческое изучение словарного состава языка о единстве механизма образования слов в языке подсказывает глубину и всеобщность этого процесса, – пишет В. А. Гречко, — Несколько сот тысяч слов такого языка как русский (у Даля более 200 тысяч) возникло из небольшого числа корней (со-

гласно Потебне, 500-1000 слов). Однако то, что сейчас выступает корнем по отношению к своим производным, было словом с теми же тремя элементами. И так, по Потебне, на недостижимую глубину ... Эта глубина, охват огромного лексического материала, постоянство работающего механизма образования новых слов и формирования их значений дают основания предполагать такой же механизм и в древнейших, доисторических состояниях языка и, возможно, в первобытную эпоху» [Гречко 1985: 465].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, «Реконструкция языка предполагает восстановление не только отдельных фонем и их соотношений в парадигматической системе, но и целых последовательностей фонем и их комбинаций, дающих определённые морфемы, слова и словосочетания, которые выражают определённое грамматическое или лексическое значение. При этом реконструируется не только план выражения языка, но и его план содержания» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: XC].

Первокорень продолжает порождать новые слова. «Корни не есть вовсе преимущество какого-нибудь периода развития языка, – утверждает И. А. Бодуэн де Куртене, – Корни существуют в языке всегда. Новые корни могут рождаться постоянно, во всякое время» [Бодуэн 1963: 349].

Первокорень транслирует первородный смысл, заложенный в момент номинации семой, актуализированной в его внутренней форме. В этом его константность и универсальность. Однако первокорень подвержен переосмыслению в разных языках носителями разных языковых культур, которые трансформируют его значение, в этом изменчивость первокорня.

Корню свойственно обрастать значениями, об этом пишет Н. Я. Марр, развивая свою теорию о четырёх первичных элементах: «Пересадкой четырёх звуковых комплексов из труд-магического действа в языкотворческий процесс с функциею четырёх лингвистических элементов, звуковая речь стала на пути разрыва и действительно порвала и со средой их возникновения, поскольку четыре лингвистических элемента не просто стали обрастать значениями в

дополнение тому общему (первично скользившему в своём осмыслении по ряду предметов производства с уточнением от наглядных его моментов), что имели они в труд-магическом действе, но получили новый источник семантического оплодотворения в независимом от прежних норм изменчивом языковом построении с опорой на также изменчивые производственно-социальные факторы. Тогда как письмо давало лишь графическую стабильность линейным образам и представлениям ручной или кинетической речи» [Марр 1931: 19].

Движущей силой трансформации значения предстаёт полисемия. Однако Р. Раск предупреждает об опасности выдумать связь, которой нет: «Значения сопоставляемых слов всё же должны находиться в известном родстве и связи друг с другом, так как если значение в одном слове совершенно чуждо значению другого, то они неродственны друг с другом» [Раск 1960: 43].

В том, какие значения сформировались в результате развития полисемии, заложена национально-культурная специфика переосмысления константного инварианта первокорня. Для подтверждения идеи о постоянстве первокорня возможно сослаться на А. Мейе: « … живой язык не образует свободно новых слов. Применяемые основы обыкновенно бывают уже в общем употреблении, и говорящий редко имеет случай образовать новую основу, которой он ещё не слыхал» [Мейе 1938: 265].

Таким образом, смысл первокорня инвариантен, его значения в разных языках вариантны, они обусловлены национально-культурной спецификой. Связующим звеном смысла первокорня и вариантов его значений представляется общий семантический стержень полисемии. Движение полисемии невозможно интерпретировать как хаотичное, оно представляет собой развитие. Развитие – это ключевое положение в философском обосновании трансляции смысла и трансформации значений первокорня.

В соответствующих разделах данного исследования производится анализ первокорней, выявленных в ходе сопоставительного этимологического поиска. «Чем более углубляем мы своё исследование, – пишет А. Мейе, – тем более мы убеждаемся, что почти у каждого слова своя собственная история» [Мейе 1938: 63].

Таким образом, *первокорень* – это первичный корень, положенный в основу номинации, во внутреннюю форму слова, который, трансформируясь в значениях, что обусловлено национально-культурной спецификой языков-рецепиентов и их носителей, сохраняет общий семантический стержень в трансляции исходного смысла. Движущей силой перемещения первокорней является полисемия. Количество первокорней ограничено. Искать их следует в диахронном аспекте, в разных родственных и неродственных языках. Выявление набора первокорней приоткроет секрет о первоэлементах мироздания, о том, что в первую очередь человек называл и осмысливал.

Рассмотрим соотнесённость первокорня со смежными и сходными лингвистическими понятиями.

1.2. Первокорень и смежные (сходные) лингвистические понятия

1.2.1. Первокорень и языковой знак.

Согласно исследованиям Ф. де Соссюра, яыковой знак есть двусторонняя психическая сущность. «Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический оттенок звука, представление, получаемое нами о нём посредством наших органов чувств; он – чувствительный образ и если нам случается называть его «материальным», то только в этом смысле и из противопоставления второму моменту ассоциации – понятию, в общем более абстрактному» [де Соссюр 2006: 77]. Учёный предлагает «…сохранить слово знак для обозначения целого и заменить термин понятие и акустический образ соответственно терминами означаемое и означающее; эти последние два термина имеют то преимущество, что отмечают противопоставление, существующее как между ними, так и между целыми и ими как частями этого целого. … Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: языковой знак произволен» [де Соссюр 2006: 78-79]

Первокорень выявляется при сопоставлении сходных корней разных языков. По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, возникает вопрос о причинах такого сходства в знаках (словах) различных языков. Вероятным объяснением сходства в соотносимых знаках различных языков является допущение общего происхождения этих систем из какой-то общей исходной языковой системы, преобразовавшейся в различных направлениях [Гамкрелидзе, Иванов1984: LXXV- LXXVI].

Возможно констатировать, что первокорень как языковой знак является материально-идеальным образованием, это двусторонняя, имеющая план выражения и план содержания, единица языка, он репрезентирует предмет, свойство, соотнесённость с действительностью. Как отмечает А. А. Уфимцева, языковой знак представляет собой единство определённого мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчленённых звуков (означающего) [Уфимцева 1990: 167]. Означаемое языковым знаком предстаёт явлением, которое осмыслил человек и дал ему номинацию.

Для обозначения языкового знака или означающего, полагает Ф. де Соссюр, «… иногда пользуются словом символ. Принять его не вполне удобно,… символ характеризуется тем, что он не до конца произволен; он не вполне пуст, в нём есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым» [де Соссюр 2006: 79]. Подобная связь, очевидно, присутствует в первокорне, сохраняющем мотивацию наименования.

Как и почему номинирующее человеческое сознание выбрало означающее, остаётся открытым вопросом психологии и психолингвистики.

Две стороны языкового знака опосредованы человеческим сознанием. Связь означаемого и означающего – это то, что дало сему, положенную в основу номинации, а затем, видоизменяясь в полисемии, обусловленной интерпретациями первокорня разными национальными сознаниями, изменилось до неузнаваемости.

Так, слово как знак понимается А. А. Потебнёй в виде «двустороннего отношения: внешняя форма словесного содержания есть

звук (звучание), внутренняя его форма есть ближайшее этимологическое значение слова (представление).Таким образом, действующее в данный исторический отрезок времени значение слова жёстко фиксировано между двумя «формами», оно сформулировано ими как материальный знак [Колесов 1985: 37].

Материальный носитель языкового знака обладает социально приданным ему значением, которое воспринимается в сознании человека. Языковой знак является завершённой сущностью. Его можно прочитать и написать. Первокорень также воспринимается сознанием носителей, однако интерпретация его неодинакова носителями разных языков и культур. Первокорень один и тот же, однако, восприятие и интерпретация его различны.

«Корень в индоевропейских языках, – говорит Г. Курциус, – есть знаменательное сочетание звуков, которое остаётся от слова по отделении всего формального и случайного … корень есть знаменательное сочетание звуков, которое остаётся по выделении из слова всех остальных знаменательных сочетаний и по устранении звуковых случайностей … Корень как отвлечение и корень как реальная объективная величина, так как слово (ибо только слово имеет в языке объективное бытие) суть два совершенно различные понятия. Всякому продукту отвлечения необходимо свойственно заключаться в каждой из единиц, бывших исходными точками отвлечения, и быть общим всем этим единицам. Это слово имеет корень как отвлечение, но не корень как слово … Процесс отвлечения корня не предполагает между словами, над которыми производится, никаких других отношений, кроме отношения сходства. Напротив, корень как действительное слово предполагает между словами этого корня генетическое отношение, о котором мы узнаём не посредством отвлечения, а посредством сложного ряда вероятных умозаключений» [Потебня 1888: 14].

Первокорень также материален и осязаем, потому что он породил много слов и прослеживается в их составе. Он представляет собой «кусочек действительности», по-разному схваченный и по-разному интерпретированный в силу различий между языковыми картинами

мира. Первокорень проявляется в языковом знаке-слове и вычленим из него, поскольку последний является словом.

Человеческое познание предмета или явления и последующее отражение его в слове выступает результатом мыслительной деятельности предшествующих поколений носителей того или иного языка. Содержание первокорней и, следовательно, слов, которые они породили, носит кумулятивный характер.

По наблюдениям А. А. Потебни, «внутренняя форма столь же материальна, как и внешняя, а поскольку знак – это то, что указывает на значение и внутреннюю форму, представление (образ) – тоже знак значения. Всякий же знак многозначен, и нет предела его способности раствориться в функции. В таком случае единство содержания этого слова всегда обеспечено совокупностью ограничителей, двух форм существования этого знака: внешней (звучание) и внутренней (представление)» [Колесов 1985: 38].

Первокорень присутствует во многих словах каждого языка. При наличии соответствующего этимологического инструментария его можно вычленить и возвести к более древним первоисточникам. Если тот или иной этимон утерян, это не значит, что его нет, он недоступен на данном этапе поиска.

По замечанию В. А. Гречко, «слово представляется центральным элементом языка и потому, что в нём, как в зародыше, эмбрионе, заложены другие более сложные формы мыслительной деятельности человека» [Гречко 1985: 165].

Таким образом, языковой знак и первокорень сближаются в структурном элементе языкового знака – означаемом, которое, по замечанию А. А. Уфимцевой, представляет собой « … схематическое отражение элементов опыта человека, фактов и явлений окружающего мира, формирующих значение так называемых характеризующих знаков, представленных полнозначными словами» [Уфимцева 1990: 167].

Расходятся первокорень и языковой знак в структурном элементе языкового знака означающем, плане выражения, поскольку первокорень не представлен одним конкретным словом, он обнару-

живается в разных словах разных языков. Количество первокорней на определённый момент ограничено, но процесс вторичной номинации находится в постоянном движении, и сознанию одного человека, учёного-лингвиста, невозможно контролировать наличие и появление вариантов инварианта первокорня в разных языках мира. По этой причине в нашем исследовании в определённой мере задействованы доступные нам (перечисление осуществляется по степени убывания знания указанных языков): русский, итальянский, английский, испанский, турецкий, арабский, греческий, кечуа.

Если языковой знак материально выражен словом, он зафиксирован в словаре того или иного языка в синхронии. Фиксацию первокорня возможно обнаружить в этимологических словарях в диахронии. Первокорень, в отличие от слова в синхронии, не переводится с языка на язык в наборе значений, он транслирует смысл, заложенный в основу номинации.

Ввиду отсутствия единой и однозначной конкретной формы первокорня, он, в отличие от слова, не вступает в иерархии и системы частеречных и, затем, парадигматических отношений. Чтобы вступать в эти отношения, первокорень должен материально выразиться в конкретном слове конкретного языка.

Первокорень становится языковым знаком в процессе развития языка. Таким образом, языковой знак – сущность завершённая, конкретная и, следовательно, единица, вступающая в системные отношения на соответствующих уровнях языка. Первокорень в своём исходном виде сводим до конкретного слова как языкового знака, но тогда он становится этим словом, и его следует извлекать при помощи этимологического анализа. Следовательно, в своём условном словарном виде под этимологической звёздочкой праформы первокорень может вступать в системные отношения лексической семантики (синонимия, антонимия и т. п.), однако эти отношения являются условными, поскольку первокорень не завершён конкретной словесной оболочкой с однозначным планом выражения и планом содержания.

1.2.2. Первокорень и языковые универсалии

Оба рассматриваемых элемента являются свойствами, присущими всем языкам или большинству из них. С той разницей, что языковая универсалия – это явление формы, а первокорень – содержания. Однако, в силу невозможности выражения смысла без облачения его в какую-либо форму, первокорень начинает участвовать в языковых процессах на вторичном этапе своего развития, когда выходит из «детства человечества». По замечанию Е. М. Марковой, «изучение межъязыковых различий не может осуществляться без изучения языковых универсалий, что составляет основу лингвистической типологии» [Маркова 2007: 121].

В описании практического материала ниже констатируется обращение к одинаковым семам, положенным в основу номинации сходных явлений в разных языках, когда внутренняя форма восходит к разным апеллятивам, но есть некое соотношение в семантике (например, русское вилка от вилы, арабское слово, которое переводится «вилка» شوكة , соотносится с корнем, обозначающим шипы растения [Гранде 2001: 30-36]. Корень разный, однако номинация осуществляется по одной и той же функции – накалывать, цеплять). Данное явление соотносимо с универсалиями лексико-семантического плана; например, по замечанию Т. М. Николаевой ‘тяжёлый по весу’ приобретает значение ‘трудный’ в разных, неродственных языках [Николаева 1990: 535].

Диахронически универсалии связываются с изменением картины мира носителей языка. В процессе подобных изменений первокорень трансформируется в своих полисемических значениях. Языковые универсалии в лингвистической традиции типологии представляются явлением плана выражения, как и вся сущность науки типологии. Первокорень же – это чистое содержание, он представляет собой остановленное мгновение бытия, зафиксированное в процессе номинации и извлекаемое из внутренней формы слова, в котором он реализуется. После того, как первокорень застыл и кристаллизовался, он участвует в языковых процессах.

Частным случаем взаимодействия первокорня и языковой универсалии представляется явление морфемно-аффиксного уровня

языка, когда знаменательная часть речи становится словообразовательным аффиксом с полным сохранением своей семантики. (Ср. турецкий глагол bilmek – знать, уметь, который выступает в функции аффикса, присоединяясь к смысловому глаголу, образуя значение «суметь что-то сделать»: yapmak – делать, yapabilmek – суметь сделать). Данный турецкий корень был заимствован в русский язык в застывшей отрицательной форме широкого времени bilmez ‘не знает (вообще)’ в выражении «не знать, не разуметь ни бельмеса».

Не аналогичный, однако похожий процесс имеет место в языках флективного типа, например, в русском суффикс -тель «учитель», латинский аффикс -tor, унаследованный современным итальянским -tore «direttore» с семантикой аффикса ‘исполнитель действия’). Подобное явление, в частности, активизируется в процессе перехода языка от агглютинативного строя ко флективному, а также в состоянии перехода от синтетизма к аналитизму. Так, в процессе формирования романских языков система латинских склонений и падежей в современных неолатинских языках преобразовалась в систему отношений существительного с предлогом, передающего то или иное значение падежа. Например, в современном итальянском предлог «di» передаёт значение принадлежности и восходит к генитиву, родительному падежу, предлог «a» обозначает направление движения или действия по отношению к адресату речи и т. п.

Таким образом, языковая универсалия и первокорень соотносимы по семантике термина «универсальности»; они расходятся, будучи сущностями двух разных сфер – формы и содержания, однако они непосредственно взаимодействуют, когда семантически маркированный служебный элемент участвует в образовании новых языковых единиц.

1.2.3. Первокорень и элементарные понятия в ностратических языках

Первокорень обнаруживает родство вселенское, которое метафорически может быть названо единством языка «Вавилонской башни», в своём идеальном состоянии первокорень восходит к некоему самому первому и единому праязыку (если таковой был, наличие или отсутствие которого в равной степени недоказуемо).

Ф. И. Буслаев, рассуждая об общности языков, указывает, что «Языки церковнославянский и наш русский, как отдельные наречия, суть члены одного, общего им обоим славянского языка, который, в свою очередь, вместе с языками индусов, персов, греков, римлян, кельтов, немцев и литовцев входит, как отдельный член, в общий состав языков индоевропейских. Как родство этих языков, так и разделение их по наречиям относится к эпохе доисторической. Все они суть языки самостоятельные, и потому ни один из них не происходит от другого» [Буслаев 1959: 22].

А. Шлейхер называл языки, возникшие из праязыка, «языками-основами» [Шлейхер 1960: 91]. Изучению индоевропейских языков и истории языка посвящены труды А. В. Десницкой, Н. Н. Дурново, А. В. Квачадзе, Н. А. Кондрашова, М. А. Соколовой, И. И. Срезневского, Г. А. Хабургаева, А. А. Шахматова, Л. П. Якубинской. Н. В. Крушевский отмечал, что «По примеру истории и лингвистика начертила себе идеалом восстановление ариоевропейского праязыка, его ближайших потомков, родоначальников разных европейских языков и степени их взаимного родства. Воссоздать языки, давно погибшие, языки, о которых мы заключаем только по их известных нам живым и мёртвым родичам, – вот идеал, который рисует лингвисту один из знаменитейших современных учёных, миланский профессор Асколи» [Крушевский 1893: 42]. А. Мейе полагает, что индоевропейский язык есть форма, принятая каким-то языком, на котором говорили раньше [Мейе 1938: 108].

По мнению В. А. Дыбо, элементарные понятия ностратических языков доказывают родство языков, обозначаемых данным термином (макросемья языков, объединяющая афразийские, индоевропейские, картвельские, уральские, дравидийские и алтайские языки) [Дыбо, Терентьев 1990: 338].

Как отмечает В. М. Иллич-Свитыч, «Ностратическими мы называем большую языковую семью, включающую по крайней мере шесть языковых групп Старого света – индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидскую, картвельскую и семитохамитскую. Сравнение этих языковых групп (точнее, сравнение соответствующих ше-

сти реконструированных праязыков) с очевидностью свидетельствует об их родстве. На такое родство указывает прежде всего значительный объём общей для всех или части сравниваемых праязыков лексики, позволяющей сформулировать достаточно строгие фонетические соответствия и реконструировать исходную фонологическую систему – систему «ностратического языка-основы» [Иллич-Свитыч 1967: 321]. Термин «ностратические языки» был предложен впервые Х. Педерсеном. Само существование «ностратического языкознания» оправдывается тем, что оно призвано не только использовать достижения индоевропеистики, уралистики, алтаистики и т. п., но и само должно во многом способствовать развитию этих разделов компаративистики, так же как, например, индоевропеистика способствует развитию германистики, славистики, иранистики [Иллич-Свитыч 1971-1984: 1, 2].

Среди языков, входящих в состав индоевропейских, А. Мейе называл «хеттский, «тохорский», санскритский, древнеперсидский, греческий, латинский, ирландский, готский, литовский, древнеславянский, армянский», отмечая, что они «представляют в своей грамматике и лексике явные сходства» [Мейе 1938: 48]. Учёный указывал, что «два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше. Совокупность родственных языков составляет … языковую семью» [Мейе 1938: 50].

Элементарные понятия и реалии ностратических языков представляют собой корпус корневых морфем (а также аффиксальных, которые, как отмечалось выше, также могли восходить к самостоятельным словам), обнаруживающим генетическое родство указанных языков. Праязыки, порождения которых объединены в группу ностратических, обнаруживают генетическое тождество наиболее устойчивых частей системы морфем.

Уточняя возможности восстановления индоевропейского языка, А. Мейе писал, что «метод сравнительной грамматики применим не для восстановления индоевропейского языка в том виде, как на нём говорили, а лишь для установления определённой системы соответ-

ствий между исторически засвидетельствованными языками. Сравнительная грамматика определяется как разновидность исторической грамматики в отношении тех частей языкового развития, которые не могут быть прослежены на основе документов [Мейе 1938: 79]. «Индовропейский язык восстановить нельзя» [Мейе 1938: 74]. «Соответствия между различными индоевропейскими языками, отражающие древние общие формы; совокупность этих соответствий составляет то, что называется индоевропейским языком» [Мейе 1938: 81].

Семантическими группами, в которых проявляется генетическое родство языков, являются названия частей тела, родственных отношений, основных явлений природы, названий животных и растений, пространственных отношений, элементарных действий и процессов, основных качеств. Такие лексико-семантические группы, как названия родства, а также названия животных и растений исследовал также А. Мейе [Мейе 1938: 391, 394].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. И. Иванова, путём выделения лексических групп в языке и установления определённых фонемных соотношений с другими языками осуществляется расслоение лексики языка на определённые подсистемы, включающие так называемую базисную группу слов, проявляющих в основном первичные фонемные соответствия с другими языками, которые и отражают общность их происхождения [Гамкрелидзе, Иванов 1984: LXXIX].

К анализу слов данных лексико-семантических групп мы обратимся в дальнейшем. Указанные группы слов В. М. Иллич-Свитыч выделял среди ностратических языков, состав которых пересекается, но не совпадает с языками, которые задействованы в нашей работе (русский, украинский, итальянский, английский, испанский, арабский, турецкий, кечуа, греческий). Согласно наблюдениям В. М. Иллич-Свитыча, языковые элементы названий элементарных действий, частей тела, местоимений обычно не заимствуются в известных ныне языках [Иллич-Свитыч 1971-1984: 4].

По замечанию Г. Штейнталя, «Если будет создана система слов какого-нибудь языка, то в качестве руководящего принципа следу-

ет взять внутреннюю форму языка в её связи со звуком … Сначала следует свести слова к корням, причём со всей осторожностью нужно установить самую первоначальную звуковую форму корня и содержащееся в нём представление. Затем корни будут объединены в группы или семьи по сходству их звукового состава и выражаемого ими представления одновременно. Следует стремиться к тому, чтобы получить возможно меньше таких групп, но каждая группа должна быть как можно более многочисленной» [Штейнталь 1960: 112]. В нашем исследовании лексико-семантические группы выделяются вслед за В. М. Иллич-Свитычем, А. Мейе и Б. М. Гранде. Именно задействованные группы, согласно мнению этих учёных, отображают историческое развитие лексики в разных языках. А. А. Потебня указывал: «Прежде чем языкознание стало нуждаться в помощи психологии, оно должно было выработать мысль, что и язык имеет свою историю и что изучение его должно быть сравнением его настоящего с прошедшим, что такое сравнение, начатое внутри одного языка, вовлекает в свой круг все остальные языки, то есть что историческое языкознание нераздельно со сравнительным, мысль о сравнении всех языков есть для языкознания такое же великое открытие, как идея человечества для истории» [Потебня 1913: 39-40].

Однако исследуемые лексико-семантические группы являются универсальными, поскольку они отражают процессы первичного познания первобытного человека: номинируется то, что необходимо выделить из хаоса, а это те реалии, которые непосредственно окружают человека. Данные реалии универсальны, что помогает организовать материал поиска первокорней в русском, украинском, итальянском, испанском, английском, турецком, арабском, кечуа. Отметим, что кечуа не входит в очерченный В. М. Иллич-Свитычем ностратический ареал. Однако, как показывает фактический материал, в нём имеются соответствия некоторым изучаемым первокорням.

Очевидно, элементарные понятия ностратических языков наиболее сближаются с содержанием первокорня и реализуются в нем.

Определённый набор выявленных первокорней окажется «слепком» мира древних носителей праязыка. По утверждению Ж. Одри,

реконструировать лексику – это значит реконструировать концептуальную систему, которую она выражает, культуру, которая её поддерживает, материальную цивилизацию, которая её окружает. Эта задача требует привлечения различных данных и методов, выходящих за рамки лингвистики, а также их интерпретации собственно лингвистическими методами, как показал Э. Бенвенист в труде «Словарь индоевропейских общественных терминов» [Одри 1988: 118].

Возможность восстановления набора первокорней, которые, очевидно, будут представлять собой наиболее актуальные понятия в сознании древних носителей праязыка, не является фантастической. Эта работа была проведена в трудах В. М. Иллич-Свитыча, Э. Бенвениста, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова. В сущности, первокорни в скрытом и тематически несистематизированном виде содержатся в любом этимологическом словаре. По замечанию Ж. Одри, количество и точность соответствий восстанавливаемых на всех уровнях языковой системы древних индоевропейских языков делает общеиндоевропейский язык если не ощутимой реальностью, то по крайней мере обоснованной гипотезой [Одри1988: 121].

По замечанию Р. О. Якобсона, «Идея лексики как структурной системы, обычно отставшая в разработке по сравнению со звуковым и грамматическим планом, приобретает надёжное основание, и в таких областях, как, например, мифология и ритуалы, она открывает дорогу к систематическому приложению сравнительного метода» [Гамкрелидзе, Иванов 1971-1984: 14].

Отметим, что В. М. Иллич-Свитыч в работах «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков» и «Опыт сравнения ностратических языков» констатировал регулярные фонетические соответствия, которые подтверждали родственность ностратических языков. Соответствию согласных в инлауте посвящена работа А. Б. Долгопольского «Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала». По замечанию О. Н. Трубачева, «…базой любого этимологического исследования служит историческая фонетика, прежде всего – совокупность аксиоматических правил относительно так называемых регулярных переходов звуков, исторических звукосоответствий» [Трубачёв 1972: 3].

На этапе формирования этимологии и создания этимологических словарей большинство исследований было посвящено фонетическим и грамматическим процессам в сравнительно-историческом освещении. Объединение языков под терминологическим названием «ностратические» произошло в результате того, что исследования В. М. Иллич-Свитыча позволили сформулировать «…достаточно строгие фонетические соответствия и реконструировать исходную фонологическую систему – систему «ностратического языка-основы» [Иллич-Свитыч 1967: 321]. Наша работа, наследуя достижения, результаты формирования этимологических данных, посвящена первокорням, которые без наработанного учёными этимологического материала была бы невозможной. Фонетические процессы, изученные исследователями-этимологами, позволяют констатировать существование первокорня. В результате экзистенции первокорня возможно говорить о происходящих с ним семантических процессах.

В. Н. Манакин приходит к заключению о том, что «Идея о единстве всех языков мира основывается на принятии по крайней мере трёх аксиом: 1) о единстве реальности и объективного сознания (сознания-реальности, в нашем понимании), которые отражены в языках и действительной частью которых является сам язык; 2) о единстве ментально-психологических законов познания мира, которые лежат в основе лингвистических универсалий и определяют важнейшие языковые законы и категории; 3) о единстве языковой способности как всеобщем человеческом даре, имеющем генетико-биологическую природу. Выделенные три аксиомы единства не имеют видимых границ и представляются взаимопереходящими воплощениями единства на ноосферическом метауровне» [Манакин 2004: 66].

В современной науке осуществляются исследования по выделению типов мотивировочных признаков: географических терминов, названий животных, птиц, одежды, обрядовых хлебов, лекарственных растений и др. Над изучением различных лексико-семантических групп работали учёные школы М. А. Брицына: Адамчук Н. В., Анненкова О. С., Артыкуца Н. В., Ашиток Н. И., Богачук В. В., Болонина Э. Н., Борисова З. У., Варик Л. О., Волкова О. Н., Гончаров В. И., Давыденко В. И., Закупра Ж. А., Клипа Н. И., Кокойло А. В., Ман-

дебура Н. И., Мандрик Н. В., Олещук Т. В., Паршак К. Д., Порфиренко Н. А., Прискока О. В., Риднева Л. Ю., Рижняк О. Л., Слободянюк Т. В., Стась Т. В., Титкова Л. Л., Цухровска А., Чинок Е. И., Шилова Л. Л., Шовкопляс А. Г., Юрчук О. Ф.

А. С. Мельничук высказывает мысль об исходном родстве всех языков мира: «В ходе производившихся в поседние годы разысканий, направленных на углубление этимологических исследований в индоевропейском языкознании, неожиданно были обнаружены своеобразные и убедительные фактические данные, красноречиво свидетельствующие о единстве происхождения всех современных языковых семей мира. Эти данные представляют собой ряд фонетически соотносительных и регулярно повторяющихся в языках каждой семьи обширных этимологических комплексов с большими пучками связанных между собой элементарных значений и со специфической, до сих пор не отмечавшейся сложной системой структурных вариантов корня, одинаковой для каждого этимологического комплекса … В самое последнее время было обнаружено, что все перечисленные здесь структурные особенности играют большую роль в организации повторяющихся во всех языковых семьях мира обширных этимологических комплексов с настолько сложной и своеобразной и вместе с тем изоморфной для каждого комплекса внутренней структурой, что это не может быть объяснено никакими другими причинами, кроме как изначальным и, ввиду этих фактов, абсолютно неоспоримым родством всех языков мира [Мельничук 1991: 28, 33].

Собственно, непосредственно для нашей работы из учения о ностратических языках мы извлекаем набор лексико-семантических групп, которые создают среду поиска первокорней.

1.2.4. Первокорень и архетип

Как первокорень, так и архетип являются прообразом, прототипом.

О полисемантическом архетипе Н. Я. Марр писал: «…в лексике [имеется] обширный диапазон словотворчества за все пройденные стадии и потому вокруг полисемантического архетипа первичной эпохи теперь собирается часто такое количество действительно ге-

нетически увязанных с ним слов, дериватов, что без распределения их по стадиям языковой материал производит впечатление хаоса» [Марр 1931: 10].

По замечанию В. П. Нерознака, в сравнительно-историческом языкознании архетипом считается исходная для последующих образований форма, реконструируемая на основе закономерных соответствий в родственных языках [Нерознак 1990: 47]. Архетип представляет собой теоретически вероятную форму, которая выводится посредством соотнесения элементов, зафиксированных в ряде языков. Первокорень же не выводится, он выявляется, поскольку он никуда не пропадает, он всегда присутствует и, как правило, находится в корневой морфеме, заключающей основное семантическое ядро.

Архетип может быть заключён в грамматических формантах, аффиксах, постановке ударения. Примером может служить замечание А. Мейе о суффиксе * -ske-, который фиксируется в хеттском языке в форме настоящего времени, в тохарском, армянском, санскрите, а также в латыни, например, posco – требую (-sc-) [Мейе 1938: 236]. В современном итальянском языке, непосредственном наследнике латыни, в третьем спряжении глаголов в настоящем времени спорадически (поскольку пребывает в стадии исчезновения) появляется указанный суффикс -isc- , например, «capisco» – я понимаю.

Анализируя этимологические и семантические колебания, не выходящие за пределы славянского смыслового круга, В. Н. Манакин пишет « … о существовании своеобразного славянского семантического архетипа, который можно смоделировать не только на историческом, но и на синхронном уровне, опираясь, в частности, на данные типологической и сопоставительной лексикологии» [Манакин 2004: 291].

Архетип выступает репрезентантом праязыкового состояния той или иной единицы анализа или группы языков. Очевидно, всякий первокорень является архетипом, но не всякий архетип является первокорнем, поскольку не обязательно представляет корневую морфему, это могут быть как основы, так и морфемы, детерминативы, фонемы.

Во избежание нечёткости понимания объекта нашего анализа при допустимой терминологической синонимии корень-архетип / первокорень мы будем пользоваться термином «первокорень» как более узким понятием. Архетип имеет более широкое терминолого-дисциплинарный спектр употреблений, благодаря своему юнговскому происхождению он также входит в понятийный аппарат психологии, мифологии, в то время как первокорень прежде всего является единицей анализа диахронической лингвистики в её сравнительно-историческом аспекте.

1.2.5. Первокорень и внутренняя форма слова

Внутренней формой слова, вслед за А. А. Потебнёй и исследованиями Харьковской лингвистической школы, считается признак, положенный в основу номинации.

А. А. Потебня писал: «Говоря о том, что звук получает значение, мы оставляли в тени важную особенность слова сравнительно с междометием, особенность, которая рождается вместе с пониманием, именно так называемую внутреннюю форму. Нетрудно вывести из разбора слов какого-нибудь языка, что слово собственно выражает не всю мысль, принимаемую за его содержание, а только один её признак. … В слове есть, следовательно, два содержания: одно, которое мы … называли объективным, а теперь можно назвать ближайшим этимологическим значением слова, всегда заключает в себе только один признак; другое – субъективное содержание, в котором признаков может быть множество. Первое есть знак, символ, заменяющий для нас второе. … Первое содержание слова есть та форма, в которой нашему сознанию представляется содержание мысли. Поэтому, если исключить второе, субъективное и … единственное содержание, то в слове останется только звук, то есть внешняя форма, а этимологическое значение, которое тоже есть форма, но только внутренняя. Внутренняя форма слова есть отношения мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1913: 82]. Вопросом внутренней формы занимались, в частности, Т. Г. Кияк, Е. С. Снитко, Н. П. Ульянова.

Первокорень – вербализированная экспликация данного признака. Внутренняя форма указывает на причину, по которой данный комплекс звуков стал выражать данное значение. Первокорень является первичным звуковым обликом слова. Принципы номинации и построения связей в окружающем мире аналогичны в разных языках, однако внутренняя форма, как правило, специфична для кадого конкретного языка.

Ф. И. Буслаев писал: «Все языки родственны между собой по выражаемым в них отвлечённым понятиям; но, вместе с тем, и все различны по тем впечатлениям, которые лежат в основе кажого слова» [Буслаев 1959: 313]. Возникает вопрос о том, как разрешить противоречие: внутренние формы разные, а первокорни одинаковые. Отвечая на этот вопрос, выскажем мысль о том, что первокорень идёт из глубокой древности, его «внутренняя форма», признак, положенный в основу создания первокорня, настолько глубок в истории, что его номинация восходит к праязыку. Внутренняя форма того или иного слова конкретного языка отображает метонимический перенос, который произошёл в процессе трансформации значений. Так, например, первокорень слова «око» восходит к глубокой древности, однако он задействован во внутренней форме таких слов, как, например «окно», созданное посредством метонимического переноса «то, куда/откуда смотрят оком», «окуляр», украинское «окуляры», а также русское очки, итальянское occhiali (очки) и т. п., в основу номинации которых положена связь с глазом, объектом действия последнего являются указанные предметы.

Предполагается, что выбор признака, лежащего в основе номинации, не обязательно определяется его существенностью, поэтому в разных языках один и тот же предмет называется на основе выделения разных признаков (например, в русском языке «лягушка» от лягать, бить наотмашь задними ногами [Цыганенко 1970: 251]; в итальянском rana – жаба, от ономатопеическогог *rak/ *rag, лягушка – ranocchio, в котором прозрачно сложение основ с occhio – глаз, то есть ‘глазастый’ [Мельди 2005: 820]).

Г. Пауль отметил: «Этимология учит, что и в древние периоды предметы получали наименования по определённым признакам,

вследствие чего обозначение само по себе не выражало предмет во всей его полноте» [Пауль 1960: 110]. Первокорень же самодостаточен, поскольку он не заключает в себе значение как слово, а транслирует смысл. Реализуясь в конкретных словах разных языков, первокорень прослеживается в трансформации значений, возникших по определённой логике, которая, порой, позволяет наблюдать прозрачность внутренней формы. Чем более современно слово, тем очевиднее принцып его создания, особенно если в его состав входят понятные или переводимые составляющие (например, «супермаркет» – ‘большой базар’).

Для древних носителей языка внутренняя форма была прозрачна и актуальна, поэтому её и выбрали для названия тех или иных предметов, явлений.

В. Н. Манакин замечает: «…уникальность внутренней формы … заключается в том, что она служит постоянным упоминанием о прошлом слова, а значит о прошлом народа, связавшего с ним свои мысли и представления о называемых предметах и явлениях ... » [Мнакин 2004: 240]. Внутренняя форма отображает национальную специфику, сложившуюся в глубокой древности, что подтверждает высказывание Ю. Н. Караулова о том, что «Национальное всегда диахронно» [Караулов 1987: 40], а также А. А. Потебни, который, «… развивая идеи В. Гумбольдта, писал в книге «Мысль и язык»: «Внутренняя форма слова есть отношение мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1922: 83]. Отметим, что в современных словах, созданных на основе сложения иноязычных основ типа «смартфон», национальная специфика практически не прослеживается, даже, очевидно, для носителей английского языка. Таким образом, в первокорне историческое носит общечеловеческий характер, во внутренней форме каждого конкретного слова, номинация которого идёт из старины, историческое отображает национально-культурную специфику.

Для современного человека внутренняя форма многих слов неактуальна, потому он, как правило, её не видит и должен искать, прибегая к научному анализу. Очевидно, это обусловлено огромным

временным и культурологическим пространством, разделяющим древних и современных носителей языка. Разная пресуппозиция или её отсутствие обусловливает непрозрачность внутренней формы в сознании современных носителей. М. М. Покровский указывал, что название, данное предмету или явлению на основании определённого признака, с течением времени «как бы спаивается с предметом, ассоциируется также с другими его отличительными признаками. И эти признаки могут выступать на первый план сравнительно с первоначальным отличительным признаком, что будет ещё более способствовать затемнению этимологии слова» [Покровский 1959: 46].

В данном контексте возможно соотнесение первокорня с лингвистическим пониманием *имени*, поскольку положенный в основу имени признак сам имел уже языковое выражение. Учёные, занимавшиеся философией имени, например, Л. Леви-Брюль, А. Ф. Лосев, Ю. С. Степанов, полагают, что Имя предстаёт включённым в систему, в рамках которой оно взаимосвязано с одними её элементами и противопоставлено другим.

В контексте развития и преемственности идей А. А. Потебни некоторые исследователи, например, В. Г. Варина разграничивают внутреннюю форму и этимологию языковых единиц, указывая, что внутренняя форма – это осознаваемый носителями языка признак номинации, а этимология – это затемнённая, забытая внутренняя форма [Варина 1976: 243].

По этому поводу Е. М. Маркова отмечает, что «говоря об отношениях между семантикой, этимологией и мотивацией, нужно заметить, что этимология слова есть факт статики и диахронии, семантика есть факт статики и синхронии, мотивация слова представляет собой факт динамики, проецирующийся как на диахроническую, так и на синхроническую плоскости. Этимология слова – это его мотивация в момент номинации, как таковая она сохраняется в качестве постоянной и объективной диахронической характеристики слова. Однако в процессе дальнейшего функционирования слова его мотивация в каждый момент существует лишь постольку и в таком виде, поскольку и в каком виде она осознаётся носителями языка» [Маркова 2007: 20].

Внутренняя форма слова выступает зафиксированным в языке результатом творчества. Г. Пауль уточняет: «Тот процесс, который мы назвали первотворчеством, сам по себе ещё не может обеспечить создание языка. Для этого надо, чтобы принадлежащие к одному обществу индивиды приобрели бы, кроме того, способность сохранять в памяти созданный ими языковой материал. Язык начинается там, где речь и понимание основаны на воспроизведении» [Пауль 1960: 228].

Первокорень является материальной репрезентацией внутренней формы слова в том случае, когда определяется смысл, транслируемый первокорнем. Однако при последующих трансформациях значения внутренняя форма слова присутствует в каждой из трансформаций, поскольку без признака, положенного в основу номинации, не может быть самой номинации. В силу материальности первокорня его производные всегда мотивированы логикой номинации предметов на основе предыдущего опыта.

1.2.6. Первокорень и этимон

И. А. Бодуэн де Куртене определил этимологию как науку, занимающуюся «составом слов и их значимых частей с точки зрения исторического родства» [Бодуэн, т. 2, 1963: 11]. Учёный указывал: «Применяя к отдельным частям грамматики любого языка понятие хронологической последовательности, сравнивая разновременные состояния одного материала, получим историю языка» [Бодуэн, т. 2, 1963: 101]. По справедливому утверждению О. Н. Трубачёва, «Практически этимология каждого слова (если иметь в виду древнюю лексику) связана со сравнительной грамматикой, и эта связь почти всегда сложна и многопланова, поскольку этимология представляет собой комплекс действий, опирающихся на комплекс сведений из сравнительной грамматики. … Этимология питала сравнительную грамматику, и она может ещё многое уточнить и дополнить в детальной картине славянского языкового развития, которую даёт современная сравнительная грамматика). Каждая этимология оперирует фактами сравнительной фонетики, морфологии и словообразования [Трубачёв 2005: 175]. Термин «этимон» использовался А. А. Потебнёй.

Этимоном, по определению Н. С. Арпановой, является первоначальное значение и форма слова. Выявление этимона – это основная цель этимологического исследования, сущностью которого выступает генетическое отождествление рассматриваемого слова с другим словом как исходным, производящим, а также отождествление других структурных элементов слова с исторически известными структурными элементами и реконструкция первичной формы и значения слова с первичной мотивацией [Арпанова 1990: 596-597].

В. А. Звегинцев, излагая историю этимологической науки, восходящей к произведению Платона «Кратил», указал, что «Включаясь в спор о «природном» или условном характере слов и придерживаясь той точки зрения, что слова изначально истинны, то есть отражают действительную природу обозначаемых ими вещей, стоики выдвинули перед античной наукой о языке новую задачу – обнаружение истинной сущности или природы слов. Тем самым был сообщён стимул для зарождения новой лингвистической дисциплины этимологии, или науки об истинном значении слова» [Звегинцев 1960: 11].

Этимология напрямую связана с фонетикой. О закономерностях фонетических изменений писал Б. Дельбрюк, объясняя последние воздействием артикуляции: « … неудобное место артикуляции заменяется удобным, во-вторых, отодвинутое далеко назад место является неудобным, в качестве общего направления развития звуков можно установить направление от задних мест артикуляции к передним. Так, р может происходить из к, но к не может происходить из р. Далее, звуки, труднопроизносимые вследствие характера их артикуляции, заменяются более лёгкими, поэтому, например, так называемые взрывные звуки переходят в так называемые щелевые, тогда как движение в обратном направлении не имеет места. Так, t может превратиться в s, но s не может превратиться в t. Этим основным законам, действенность которых Курциус в особенности стремился доказать, подчинены все звуковые переходы, в том числе и спорадические. … можно ожидать перехода более трудного звука в более лёгкий, но не обратно» [Дельбрюк 1960: 187]. У каждого слова своя собственная история. Об этом пишет А. Мейе: «Что обычно называ-

ется «фонетическим законом», это, следовательно, только формула регулярного соответствия либо между двумя последовательными факторами, либо между двумя диалектами одного и того же языка» [Мейе 1938: 64].

Открытие фонетических законов и тщательная работа над их выведением и уточнением дала возможность составления этимологических словарей, в которых этимоны подаются как доказанный факт. В нашем исследовании мы пользуемся сведениями этимологических словарей как готовым продуктом, не ставя своей задачей сомнения или критику фонетических процессов, приведших к выведению той или иной праформы. Мы отдаём себе отчёт, что в данных этимологических словарей возможны расхождения и спорные моменты. Во избежание использования неточных или неоднозначных сведений, каждый этимон, задействованный нами в поиске того или иного первокорня, перепроверяется по этимологическим словарям разных языков, что исключает возможность «переписывания» учёными, работающими в пределах одного языка, в более новый словарь данных более старого этимологического словаря. Если праформа совпадает в нескольких этимологических словарях разных языков, сомневаться в её истинности, как правило, не приходится.

Однако, с течением времени, этимон утрачивает ощутимую связь с порождённым им словом в сознании носителей языка. Л. А. Булаховский выделял следующие факторы деэтимологизации: «сдвиги в значениях лексем, переносы наименования (по сходству функций, признаков), утрата обстоятельств называния, нечёткость восприятия при переходе слов из одной социальной среды в другую, расхождение стилистических сфер употребления соответствующих слов» [Булаховский 1949: 149].

Слова, восходящие к общему этимону, В. В. Виноградов считал «историческими вариациями» [Виноградов 1968: 119].

А. Шлейхер писал: «Метод восстановления подсказывается нам жизнью языка и, в частности, жизнью звуков. Мы познаём законы, по которым происходит изменение языка, на основе наблюдений над языками, развитие которых мы можем проследить в исторический

период на протяжении столетий и даже тысячелетий» [Шлейхер 1960: 94].

Первокорень включает в себя этимон и может ему равняться, однако первокорень представляется сущностью более завершённой, готовой вступать в новые образования, являясь строительным материалом для вторичной номинации. Этимон же является результатом процесса схватывания действительности человеческим сознанием, первокорень выступает «отпечатком», «слепком» этого процесса. Этимон раскрывает причину названия. Первокорень переносит само название внутри одного языка, а также из языка в язык.

1.2.7. Первокорень и единицы праязыка

Единицами праязыка с точки зрения формального аппарата сравнительно-исторического языкознания являются фонема, морфема, словоформа, сочетание слов или синтаксическая конструкция. Как отмечает Вяс. Вс. Иванов, каждая единица праязыка задаётся соответствием между генетическим тождеством элементов отдельных языков, происходящих из данного языка [Иванов 1990: 391].

По мнению А. Мейе, «сам … праязык индоевропейской семьи мыслится Шлейхером, в отличие от Боппа, не как первобытный язык, но как продукт длительного и сложного развития, идущего от простой клеточки – корня к сложному флективному строю» [Мейе, с. 33].

Согласно гипотезам теории моногенеза, упоминаемой Вяч. Вс. Ивановым, праязыки произошли из диалектов одного языка Homo sapiens sapiens, существовавшего со времен его появления (от 100 до 30 тысяч лет назад) [Иванов 1990: 392].

Наличие единого праязыка и Вавилонской башни легко и логично объяснило бы происхождение первокорней как слов единого древнего общечеловеческого языка.

А. Шлейхер указывает: «Невозможно установить общий праязык всех языков, скорее всего существовало множество праязыков, это с очевидностью явствует из сравнительного рассмотрения ныне ещё живущих языков. Так как языки всё более и более исчезают и

новые при том не возникают, то следует предположить, что первоначально было больше языков, чем ныне. В соответствии с этим и количество праязыков было, по-видимому, несравненно большим, чем это можно полагать на основе ещё живущих языков» [Шлейхер 1960: 90]. Г. Остгофф и К. Бругман пишут, что из форм древнейших исторически известных периодов развития языков конструировали индоевропейские праформы. И эти последние в такой степени стали общепризнанным масштабом для рассмотрения исторических формаций языка, что сравнительное языкознание получило общее представление о жизни языков, их развитии и преобразовании главным образом с помощью индоевропейских праформ … являющихся, конечно, чисто гипотетическими образованиями…» [Остгоф и Бругман 1960: 155].

Центральной смысловой морфемой этимологии выступает корень. И. А. Бодуэн де Куртене чётко сформулировал, что этимология – это наука о корнях [Бодуэн 1963: 66]. Учёный констатирует, что «Курциус различает 7 главных периодов образования индоевропейских языков: 1) период корней, 2) период коренных определителей, 3) период первичных глаголов, 4) период образования тем (основ), 5) период сложных глагольных форм, 6) период образования падежей, 6) период наречий (Adverbialperiode) [Бодуэн 1963: 67].

Первокорень выявляется посредством сопоставления этимонов, представленных в этимологических словарях разных неродственных языков. Реконструкция первокорня подобна восстановлению праформы. По замечанию Ф. де Соссюра, «…соответствия, устанавливаемые между различными формами, … должны привести к установлению единой праформы» [Цит. по Гамкрелидзе, Иванов 1984: XCVIII].

В. Шерцль указывал на «многознаменательность» как свойство древних корней. Семантика древнего корня обусловливает энантиосемию (как, например, в словах конец и начало) [Цит. по Новиков 2001: 146].

А. Мейе пишет о наличии наиболее древних корней в виде слов уже в общеиндоевропейском: «Соответствующие слова существова-

ли уже в общеиндоевропейском, а другие могут объясняться более или менее поздним распространением некоторых слов по всей или по части индоевропейской территории…приходится под индоевропейскими словами разуметь слова, общие нескольким индоевропейским диалектам, при условии, чтобы они представляли все фонетические и морфологические изменения, характеризующие те диалекты, к которым принадлежат, и чтобы исторические свидетельства не указывали на позднейшее их появление» [Мейе 1938: 382].

Гипотетически предполагается, что первокорень в силу своей древности восходит к праязыку, и процесс номинации того или иного предмета или явления происходил в глубокой древности. Однако в ходе последующего анализа оказывается очевидным, что одним из характерных свойств первокорня является его естественное существование в движении из языка в язык. Перемещаясь по языкам, первокорень трансформируется в своих значениях в результате полисемии. Несомненна глубокая древность некоторых первокорней, однако их принадлежность к праязыку не всегда доказуема, если последняя не фиксируется в этимологических словарях.

Поэтому в задачи нашего исследования, в частности, входит выявление набора первокорней как таковых, которые отражают то, что было актуально для древнего языкового сознания, осуществившего номинацию.

1.2.8. Первокорень и номинация

Первокорень вовлечён в процесс номинации. По отношению к первичной номинации он является результатом, по отношению ко вторичной номинации он является материалом, инструментом, которым оперирует номинативная функция языка. Под воздействием номинативной функции первокорень служит для вычленения и осмысления фрагментов действительности.

Проблему номинации изучали В. Ф. Васильева, Л. А. Капанадзе, В. Н. Телия. Исследуя процесс номинации, Н. Я. Марр писал: «Когда … звуковые комплексы получают постоянное значение, хотя бы в порядке полисемантизма, то есть те же звуковые комплексы

становятся символами или сигналами и в этом смысле уже определёнными в смысле значимости лингвистическими элементами, то лишь тогда возникает письменность, и первое письмо так называемое слоговое, открытое или закрытое, это из начертаний, воспроизводящих изобразительно наши четыре лингвистических элемента в их наличных тогда социально-фонетических разновидностях. На деле это не слоговое письмо, а элементное, из целых слов. Сюда относится, между прочим, вне всякого сомнения, и клинопись» [Марр 1931: 21]. В. А. Гречко, изучая наследие А. А. Потебни, указывает: «Природа названия в языке такова, что мы не можем дать название новому явлению вне отношения к другим бытующим названиям. Нельзя понять и обозначить новое явление вне связей и отношений к другим явлениям и отражающим их значениям и обозначениям. Такой способ понимания и обозначения нового явления включает образ (представление) и формирующееся с его участием новое значение и образность – постоянное его качество, ибо служит средством представлять и понимать новое. В образных, фигурных выражениях Потебня видел «естественную необходимость мысли» и заключал, что в языке нет непереносных выражений (Эстетика, 119) и что изобразительность пока он (то есть язык) жив, не оскудевает, потому что она тождественна с понятностью слова» (Записки по рус. гр. Т. ½, 54) [Гречко 1985: 168].

Вопрос о первичности той или иной номинации, даже наиболее древней, остаётся открытым. Отметим, что ономатопея тоже не может расцениваться как первичная номинация. Г. Пауль пишет: «… ономатопеические образования…не являются первообразованиями в чистом виде, – ведь они созданы из звукового материала уже сложившегося языка. Когда этот материал применяется для подражания голосам животных и другим звукам в природе, с ним происходит нечто подобное тому, что имеет место при их передаче с помощью музыки, где интервалы высоты тона подвергаются модификации с целью привести их к обычным, принятым в музыке интервалам» [Пауль 1960: 226].

Возникает вопрос о степени первичности первокорня. Очевидно, в процессах номинации, которые в языке как в живом организме не

прекращаются, они были так же активны и в древние времена, и в праязыке, следовательно, то, что современному исследователю кажется первичной номинацией и этимоном, возможно, в момент своего создания было вторичной номинацией, поскольку называние происходило на базе уже существующих знаний о мире, которые были вербализированы определённым образом. А. Шлейхер пишет: «Возникновение и становление языка мы никогда не можем наблюдать непосредственно, историю развития языка можно установить только посредством розложения образовавшегося языкового организма … Жизнь языка распадается прежде всего, следовательно, на два совершенно отдельных периода: история развития языка (доисторический период) и история распада языковых форм (исторический период)» [Шлейхер 1960: 95, 96].

По замечанию Е. М. Марковой, «…перенос значения осуществляется по общим принципам вторичной номинации, которые в разных языках имеют собственные особенности метафоризации, в то же время выделяются и общие ассоциации, свойственные разным народам … Даже языковые различия выявляют в конечном итоге сходство – сходство в типологических путях развития лексической семантики [Маркова 2007: 180, 184].

Структура актов номинации отражена в трёхчленном соотношении семантического треугольника: реалия – понятие – имя. Очевидно, понятие, создаваемое о той или иной реалии, уже было осмыслено при помощи того или иного слова, которое становится этимоном по отношению к первокорню и, таким образом, номинация как таковая бесконечна. Термин «вторичная» следует понимать не как то, что было названо второй раз на основе чего-либо, а как акт наименования, который осуществляется энный раз по отношению к задействованному первокорню. Называемая реалия предстаёт как денотат имени. Но имя это – очередное новообразование, в котором движение корней и сем наслаивается и вытекает друг из друга.

Г. Пауль пишет о существовании «…особого рода изменения, касающегося звуковой формы и значения одновременно. Сюда относятся прежде всего первоначальное объединение звука и значения, которое можно назвать первотворчеством. С него началось развитие

языка … на основе того, что было создано первотворчеством, стали возможны все остальные процессы. Но сюда же относятся и различные другие процессы, имеющие между собой то общее, что готовые звуковые элементы языка вступают в новые комбинации на основе присущего им значения. Важнейшим фактором при этом являются аналогия, которая встречается, впрочем, в чисто звуковой области, но действует главным образом тогда, когда одновременно участвует и значение» [Пауль 1960: 56].

Всякие предмет или явление когда-то были названы впервые. Акты номинации представляются результатом речевой деятельности, порождения которой приживаются в языковой системе, осваиваясь в узусе и переходя в норму языка. По этой причине первокорень вступает в языковой процесс во вторую очередь, когда он становится готовым элементом, утратив прозрачность своей внутренней формы. Эти языковые сущности приспосабливаются к дейктической, строевой и служебной ролям. Г. Пауль отмечает, что «…очевидно и то, что вскоре после создания первых слов вступили в силу те самые способы дальнейшего расширения первоначально созданного материала, которые мы наблюдаем в более поздние периоды. В этом смысле различие между отдельными периодами развития носит не качественный, а лишь количественный характер. В ходе развития меняется лишь соотношение между процессом первотворчества и процессом передачи созданного материала из поколения в поколение, а также между первотворчеством и другими способами обогащения лексики, как-то: расширение значения слова с помощью апперцепции, комбинирование простейших элементов, образование по аналогии и прочее» [Пауль 1960: 214].

По наблюдению Е. М. Марковой, «мотивационная модель, составляющая основу наименования, представляет собой первичную семантическую модель, служит основой её дальнейшего смыслового развития … Взгляд на мотивировку слова как исходную семантическую модель, являющуюся ступенью последующих семантических трансформаций, показывает, что большинство подобных моделей носит метонимический или метафорический характер, так как об-

условлено смежностью, сближением предметов, лежащих в основе любой ассоциации. Метонимия является наиболее распространённым и универсальным видом семантического развития лексем [Маркова 2007: 228].

«Мотивация наименования, – с точки зрения В. Н. Манакина, – это не что иное, как закодированная в слове семантическая ассоциация, «бросившийся в глаза признак» (Л. Фейербах), который был положен в основу наименования представителем того или иного языкового коллектива» [Манакин 2004: 62].

В первокорне либо утрачивается эмоциональный компонент, либо он не ощущается современным носителем языка. В то время как акты номинации, будучи творческим действием, связаны с эмоциональным отношением того, кто называет, к тому, что он называет, то есть прагматический фактор маркирует сигнификат эмоциональным отношением говорящего. Субъективное отношение, создающее экспрессивную окраску языковых единиц за счёт субъективно-модального компонента, невозможно проследить в первокорне, поскольку процесс называния не видится современным носителем как действие – оно уже не восстановимо. Исследователь может выявить лишь этимон, он, как правило, не снабжён эмоциональными коннотациями, поскольку последние – неотъемлемая часть живого процесса, который остался в давних временах. По замечанию В. Н. Телии, «Смысловые компоненты, переходящие при переосмыслении имени во вторичное значение, образуют внутреннюю форму этого значения. В зависимости от сохранения или забвения внутренней формы различают мотивированность или немотивированность слов» [Телия 1990: 337]. По наблюдениям Е. М. Марковой, «важным признаком «расщепления» значения является семантический – утрата значением нового слова прежней мотивированности. Поэтому в рамках одной языковой системы семантическое «расщепление» ведёт к образованию слов-омонимов» [Маркова 2007: 141].

Переосмысление значений при вторичной номинации происходит по законам построения тропов, прежде всего метонимии, а затем – метафоры. Следовательно, первокорень – это образ в структуре

«предмет-образ». Если номинация первична, она очень древняя, то предметом в составе метафоры выступает познаваемый объект реальности, а образ – это его творимое имя. Название, становясь первокорнем, порождает другие именования, которые, в свою очередь, кристаллизируются в слова. Последние как единицы языка станут участвовать в процессах на его разных уровнях.

1.2.9. Первокорень и концепт

Концепт, в отличие от единиц, соотнесённых с первокорнем выше, является элементом когнитивной лингвистики и, следовательно, дальнейшее рассмотрение затронет аспект ментальной сути первокорня.

Изучением концепта заимались многие учёные: Т. В. Булыгина, В. М. Бухаров, О. Д. Вишнякова, С. Г. Воркачёв, Э. В. Грабарова, Л. А. Грузберг, В. Н. Денисенко, Г. П. Джинджолия, Е. В. Димитрова, Н. В. Дорофеева, О. П. Ермакова, С. А. Жаботинская, Л. А. Жданова, Н. М. Железняк, В. Г. Зусман, О. О. Ипполитов, В. И. Карасик, Т. А. Карпинец, О. Коваль, К. Бондар, Н. И. Кохташвили, А. Д. Кошелев, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачёв, С. М. Лобода, В. А. Лукин, С. Х. Ляпин, С. Е. Никитина, Т. В. Новикова, В. Ф. Новодранова, Е. О. Опарина, Л. Г. Панова, И. В. Песоцкая, З. Д. Попова, Е. Н. Рядчикова, С. Л. Сахно, Г. Г. Слышкин. И. А. Стернин, В. Ужченко, Р. М. Фрумкина, В. М. Шаклеин, А. Д. Шмелёв, Г. М. Яворская, О. Ясіновська.

Анализ внутренней формы слова «концепт» позволяет подчеркнуть одно из значений, весьма важных, на наш взгляд. Возможной версией интерпретации может быть то, что «концепт», от латинского «conceptus», состоит из корня -cept- и приставки con-. Данная приставка как морфема, обладающая семантической наполненностью, обозначает ’совместное’ действие, ’объединение разрозненного во единое’ [Карпенко 2006: 13].

Следовательно, «con-cept» предполагает ‘объединение смыслов вокруг некоей ядерной сущности значения’; умственный образ, сформированный на основе обобщенных впечатлений. В связи с этим представляется справедливым именование В. А. Масловой концепта «свёрнутым текстом» [Маслова 2004: 36].

Трактование концепта как зародыша прослеживается в статье С. А. Аскольдова: «Концепты – это эмбрионы мысленных операций … Когда произнесённое кем-нибудь слово понимается в своём значении, то это значит, что понимающий производит некоторый мгновенный акт, служащий зародышем целой системы мысленных операций» [Аскольдов 1928: 36].

Согласно этимологической версии, концепт – это зародыш, самый важный и ценный, главный смысл, замыкающий вокруг себя другие, организованные определённым образом значения.

Подобно концепту первокорень представляется зародышем смысла. Однако культурная значимость, заключённая в первокорне, не соотносима с той, что несёт в себе концепт. Ядром, вокруг которого формируются слои структуры концепта, выступает первокорень как этимологическое начало слова, вербализирующего концепт.

Сущность концепта толкуется тремя антиномиями:

1. Концепт постоянен (константен) и замкнут в своём строении – концепт когда-то возник и постоянно эволюционирует.

Первокорень не замкнут в своём строении, он не существует вне слов, которые он же порождает. С момента своего возникновения первокорень эволюционирует, но каждое его порождение – это уже самостоятельная сущность подобно тому, как связаны между собой предки и потомки, однако дед и внук – это уже разные люди, в то время как концепт в контексте этой метафоры – один человек.

2. Концепт существует благодаря тому, что он используется и активизируется в речемыслительной деятельности носителей языка (существование концепта субъективно) – концепт существует вне зависимости от чьего-либо незнания о его существовании (существование концепта объективно).

Первокорень существует вне зависимости от того, пользуются ли им носители, он может быть затерян на стенах древнего храма либо цитироваться в статьях современных лингвистов, занимающихся, в частности, этимологией, однако причастность носителя к использованию того или иного слова для уже существующего первокорня значения не имеет.

3. Концепт архетипичен, универсален – концепт своеобразен и по-своему актуален для каждого народа и каждой культуры.

Данное утверждение справедливо для первокорня, если оно не подаётся как антиномия. В первокорне нет противоречий, поскольку это завершённая, статичная сущность, в отличие от живого концепта. Следовательно, первокорень архетипичен, однако в результате полисемии по-разному осмысляется носителями разных языковых культур ввиду особенностей их картины мира.

Первокорень, как и концепт, – это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Однако концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом. Как отмечалось выше, первокорень лишён эмоциональной окрашенности.

Что касается методологии поиска, первокорень объективно находится в этимологических словарях разных языков, через которые он транслируется, поиск концепта сопряжён с привлечением многих литературных и фольклорных источников, а результаты этого поиска всегда подвергаются определённой доле сомнения, поскольку то, что один исследователь считает концептом, другой может не расценить как ментальную сущность.

Первокорни функционируют сами по себе, концепты объединяются в концептосферы.

Н. В. Коч оперирует термином концентр, определяя его как «когнитивный слой, однородный по генезису и разнородный по форме репрезентаций (в частности языковых) определённой области знаний, концентрирующий в своих когнитивных структурах генетически значимую для носителей языка культурно-историческую информацию … В такой концентр входят содержательно связанные концепты, которые могут представлять как одну, так и разные концептосферы» [Коч 2010: 45].

Основополагающее отличие концепта от первокорня заключается в том, что концепт жив и активен, а первокорень – это застывшая форма, она живёт как первопредок в современных словах.

Тем не менее на момент номинации для носителей языка первокорень был подобен концепту. Для нас этот слепок действительности

остаётся первокорнем, поскольку у нас уже нет той пресуппозиции, а культурными слоями первокорень не оброс, не концептуализировался.

Первокорни представляются смальтами мозаики, слепками первоэлементов, из которых был создан мир, однако «химический состав красок и стекла» этой «мозаики» нам уже не восстановить. Возможно предположить, что этот процесс отражения слепка слепков (то, на основе чего осуществляется номинация), спиралевиден и бесконечен.

Концепт и первокорень имеют одинаковый план выражения: слово. Слово, в свою очередь, в своём соотношении с человеческой мыслью представляется предметом разысканий психологии, лингвистической философии, культурологии, лингвокультурологии, когнитивистики, этнолингвистики [Брутян 1973, Величковский 1982, Гачев 1995, Гримич 2000, Жайворонок 2007, Залевская 1979, Леви-Стросс 2001, Леонтьев 1969, Лосев 1990, Лотман 2001, Павиленис 1983, Петренко 1988, Постовалова 1988, Слухай 1999, Толстой 1995, Топоров 1994, Яковлева 1994 и др.]

Концепт – это ментальная сущность, его «структура включает глубинные и поверхностные компоненты, подвергающиеся в диахронии семантическим трансформациям, в результате которых концепт может менять своё информационное качество» [Коч 2010: 51]. Первокорень стабилен. Первокорень – это слепок, оттиск. Различие первокорня и концепта отображает следующее: в концепте происходит постоянное движение, в первокорне процессы не идут. Они происходят при использовании его как строительного материала, для формирования новых слов в разных языках.

Первокорень вкладывается в концепт как исходная точка формирования смысла. Это вложение отображает модель айсберга или веерную модель концепта, «которая показывает степень спрессованности информации в разные временные периоды и потенциальную возможность рекурсии любого элемента знания, объективированного языковой единицей» [Коч 2010: 54-55]. Если представить себе веер, первокорень подобен «креплению», которое соединяет лопости

веера, он реализуется в исходной этимологической семе, от которой исходят последующие наслаивания значений.

Интерпретация концепта как ментального генотипа присутствует в работах Ю. С. Степанова, Д. С. Лихачёва, В. В. Колесова: «Это сущность, явленная в своих содержательных формах – в образе, в понятии, в символе. Концепт – ментальный генотип, атом генной памяти, … и архетип, и первообраз…» [Колесов 2004: 19-20]. Первокорень также выступает первоэлементом, однако, в отличие от концепта, в нём нет слоёв, он не обрастает, он трансформируется в значении, транслируя смысл. Концепт аккумулирует внутри себя, первокорень перерождается в новых словах. Не случайно В. Аврамова предлагает именовать концепт аккумулемой.

Концепт представляется свёрнутым смыслом, свёрнутым текстом культуры, по замечанию Ю. М. Лотмана, «…тексты, входящие в «традицию» не мертвы: попадая в контекст «современности», они оживают, раскрывая прежде скрытые смысловые потенции … перед нами живая картина органического взаимодействия, диалога, в ходе которого каждый из участников трансформирует другого и сам трансформируется под его воздействием: не пассивная передача, а живой генератор новых сообщений [Лотман 1996: 99]. В первокорне генерация новых сообщений проявляется в полисемии, в результате развития которой образуются новые слова при переосмыслении первокорня в разных языковых культурах. Первокорень подобен концепту, он открыт для образования новых смыслов. «Когнитивный подход к исследованию языкового материала позволяет проанализировать ментально-языковые типологии, соотнести языковые явления с общими критериями познания мира, выделить языковые универсалии как точки пересечения культур» [Коч 2010: 68]. Первокорень – это не точка пересечения, это исходная точка.

Таким образом, в отличие от концепта, первокорень, обладая культурной наполненностью, является стабильным, застывшим, это исходная точка для наслоения смыслов, которыми обрастает концепт. Первокорень не накапливает значения, он трансформируется и проявляется в них, но уже не как прежняя сущность, а как полноцен-

ное новое образование. Вербализация по отношению к первокорню первична – он есть древнее слово; по отношению к концепту вербализация вторична, концепт называется словом для возможности его лингвистического анализа, с одной стороны, и для сохранения в сознании носителей с другой стороны. Концепт – это явление культуры, которое изучается в языке, первокорень – это, прежде всего, явление языка, которое подвержено воздействию разных культур.

1.2.10. Первокорень и заимствование

Контакты языков и культур порождают процесс заимствования. Однако, при наличии большого количества иностранных элементов, проникающих в язык-реципиент, им усваиваются далеко не все. Очевидно, одним из факторов успешного освоения и присвоения заимствования, переход той или иной лексической единицы из словаря иностранных слов в толковый словарь, является наличие определённой «почвы» для перехода от «чужого» к «своему». Такой «базой» является первокорень. Проблемой заимствования занимались В. М. Дерибас, Л. П. Крысин, Д. С. Лотте.

А. Мейе указывает: «…за вычетом слов, сходство которых объясняется заимствованием, остаётся значительное число таких, которые, принимая во внимание изменения в произношении, определяемые «фонетическими законами», могут быть признанными тождественными, как авестийское kaēna, древнеславянское цена … »[Мейе 1938: 382].

Языки неродственные, произошедшие из древних индоевропейских языков, должны были обменяться большим количеством лексем и большей частью грамматического материала [Одри 1988: 121]. Так, заимствование в историческом плане имеет место также в области фонетики: «В тосканском диалекте, – пишет А. Мейе, – на территории былого распространения этрусского языка, наблюдается особое произношение смычных. Восходящее к произношению этрусского языка, в котором, насколько об этом можно судить по древней передаче, были глухие придыхательные, но не было звонких смычных» [Мейе 1938: 371].

Процесс заимствования Л. П. Крысин определяет как « … перемещение различных элементов из одного языка в другой» [Крысин 1968: 18]. Лексическое заимствование имеет место, когда происходит перемещение элементов лексического уровня. Заимствование слова – наиболее типичный случай заимствования. Возможно также заимствование на фонемном, морфемном, синтаксическом уровне языка. Лексическое заимствование является первой ступенью иноязычного влияния [Крысин 1968: 19].

Сложнее обстоит дело с заимствованиями в сфере культуры и интеллектуальной сфере вообще. Ю. М. Лотман тонко подметил: «Для того, чтобы Байрон вошел в русскую культуру, должен возникнуть его культурный двойник − «русский» Байрон, который будет одновременно лицом двух культур: как «русский» он органически вписывается во внутренние процессы русской литературы и говорит на ее (в широко-семиотическом смысле) языке. Более того, он не может быть изъят из русской литературы без того, чтобы в ней не образовалось не заполненная ничем зияющая пустота. Но одновременно он и Байрон − органическая часть английской литературы, и в контексте русской он выполнит свою функцию, только если будет переживаться как Байрон, то есть как английский поэт, только в этом контексте понятно восклицание Лермонтова: Нет, я не Байрон, я другой ... » [Лотман 2001: 262]. Войдя в нашу культуру в начале XIX века, Байрон занимает в ней почетное место и по сей день. Согласимся с Ю. М. Лотманом: «Прошлые состояния культуры постоянно забрасывают в ее будущее свои обломки: тексты, фрагменты, отдельные имена и памятники. Каждый из этих элементов имеет свой объем «памяти», каждый из контекстов, в которые он включается, аккумулирует некоторую степень его глубины» [Лотман 2001: 621].

Первокорень в силу своей древности не заимствуется, он изначально заложен в том или ином языке. Процессы заимствования происходят в синхронном аспекте определённого этапа развития языков. По отношению к этим этапам первокорень всегда восходит к глубокой древности. Как правило, источник и период заимствования возможно зафиксировать, что и предпринимается в словарях ино-

странных слов, затем – в толковых словарях. «Заимствованные слова представляют собой факты языка; … в тот или иной момент развития языка можно более или менее точно определить состав и число заимствованных слов, большая часть которых обычно лексикографически зафиксирована» [Крысин 1968: 47].

Момент «рождения» первокорня, то есть сам момент номинации и мотивации, активизации внутренней формы слова возможно предположить лишь условно и отнести его к очень древним временам. Лексические единицы, вовлечённые в процесс заимствования, могут нести в себе тот или иной первокорень, будучи его порождением в своём языке. Очевидно, активизация первокорня в сознании носителей благоприятствует принятию и освоению иноязычного элемента, поскольку первокорень является причиной наличия благоприятной почвы в языке-реципиенте. «Заимствованное слово обычно легче укореняется в языке, если в лексической системе последнего есть своего рода предпосылки к заимствованию» [Крысин 1968: 23].

Процесс заимствования представляется линейным, из языка в язык, для него необходимы определённые причины (тесные культурные связи между народами-носителями и т. п.), для трансляции смысла и трансформации значений первокорня такие условия не нужны, процесс его активизации в том или ином языке подобен пучку, от которого расходятся значения, это движение, в отличие от линии, направлено во все стороны. Заимствованием движет человек как носитель языка, которому на том или ином этапе развития социума необходимы те или иные обозначения предметов и явлений. В одном синхронном срезе изучаются такие вопросы, как «…частотность иноязычного слова в речи, лексико-семантические отношения его со словами одного тематического или семантического поля … освоение слов в языке – диахроническая проблема, поскольку освоение протекает во времени; само выделение заимствованных слов (т. е. слов, находящихся в определённых отношениях с системой заимствующего языка) из иноязычной лексики (т. е. из числа слов иноязычного происхождения, употребляемых в данном языке) также связано с этимологическими, историческими аспектами» [Крысин 1968: 34].

Движение первокорня подчиняется внутренним законам языка, носитель представляется средой, переносчиком, а не движущей силой пути первокорня. Многие этапы его перемещения остаются за пределами внимания исследователя. Первокорень возможно отобразить настолько, насколько филолог его заметил. Жизнь первокорня идет вне зависимости от наших знаний о нём.

Таким образом, первокорень присутствует в языке исконно, а заимствование приходит. Заимствование представляет собой элемент «чужого», который проходит процесс освоения и становится «своим». Первокорень изначально является «своим» для каждого языка. Первокорень не привязан к денотату, эта связь была в момент номинации, её, как правило, возможно восстановить по транслируемому сквозь пространство и время смыслу, формирующему стержень полисемии. Однако в процессе трансформации значений и «разветвления» семантических пучков при активизации первокорня в разных языках, эта связь с исходным денотатом, признак, положенный в основу номинации, не всегда восстановим. Тогда исследователь сталкивается с тем, что этимология того или иного слова не ясна. Однако отсутствие сведений не обозначает отсутствие денотата, по связям с которым в глубокой древности был заложен смысл первокорня.

1.3. Трансляция смысла и трансформация значений первокорня

Определяясь с понятиями смысла и значения в аспекте первокорня, мы ориентируемся на положения о том, что смысл инвариантен, он был изначально заложен в семе первокорня. Поэтому смысл транслируется сквозь пространство и время. Значение представляется вариантным, оно трансформируется в зависимости от национального мировидения носителей того или иного языка, оно трансформируется в пространстве и времени. Смысл един, значений много.

Знаменитейшее высказывание В. фон Гумбольдта подтверждает мысль о трансляции смысла в языке: «Язык есть не продукт деятельности (ergon), а деятельность (energeia). Его истинное определение

поэтому может быть только генетическим. Язык представляет собой беспрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли … Так как каждый язык наследует свой материал из недоступных нам периодов доистории, то духовная деятельность, направленная на выражение мысли, имеет дело уже с готовым материалом: она не создаёт, а преобразует» [Гумбольдт 1859: 40, 41]. « … Так как ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, то каждую человеческую индивидуальность, независимо от языка, можно считать носителем особого мировоззрения. Само его образование осуществляется через посредство языка, так как слово, в противоположность душе, превращается в объект всегда с примесью собственного значения и таким образом привносит новое своеобразие» [Гумбольдт 1859: 56]. Такого рода «своеобразие», очевидно, наслаивается и с течением времени трансформирует исходное значение слова до неузнаваемости.

Проблемами семантических трансформаций лексем праславянского языка занимались такие учёные, как Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, М. М. Покровский, О. Н. Трубачёв и другие.

Как указывают Т. В. Гамкрелидзе, В. И. Иванов: «По своей объяснительной силе диахронические трансформации, выводящие исторически засвидетельствованные формы языка из определённых теоретических конструктов, которые считаются более ранними в хронологическом отношении ступенями этих форм (их «архетипами»), могут быть сопоставлены с «трансформациями» порождающей грамматики, выводящими наблюдаемые элементы поверхностной структуры из теоретически постулируемых базисных конструкций, определяющих глубинную структуру языка … Чем меньше хронологическое расстояние между такими «шагами», тем точнее и адекватнее описание развития языка, отражающее его последовательные переходы, начиная с исходного состояния [Гамкрелидзе, Иванов 1984: LXXXIII-LXXXIV]. Пошаговое выявление трансформаций возможно экстраполировать на выделение этапов трансформаций значений смысла, транслируемого первокорнем. При семантических реконструкциях особое значение приобретает типология семантических

трансформаций. Допускаемые преобразования становятся более вероятными при обнаружении сходных семантических преобразований в истории отдельных языков или групп языков [Гамкрелидзе, Иванов 1984: XCI].

По наблюдениям Е. М. Марковой, аналогия и связь предметов реальной действительности выражает собой внешнюю сторону семантических преобразований, в чём и проявляется решающее значение экстралингвистического фактора, лежащего в основе всех семантических трансформаций. Предмет может получить название другого предмета или явления действительности по сходству их признаков (метафорический перенос) или функций (что иногда называют функциональным переносом). Нужно различать «перенос значения» слова на другой предмет и «перенос слова» на другой предмет. В первом случае говорят о переносном значении слова, во втором случае мы имеем дело с метафорическим переносом, при этом слово меняет своё значение и возникает или новое значение того же слова, или новое слово-омоним» [Маркова 2007: 156-157].

Смысл заключён в корне, который лёг в основу номинации, при трансляции смысла сохраняется общий стержень значения, что, возможно, обусловлено вселенским родством всех языков. Смысл является стержнем полисемии, её развитие порождает значения как внутри одного языка, так и в разных языках на разных этапах развития.

Наследственность и изменчивость, по замечанию М. М. Маковского, – «…два изначальных свойства жизни не только органического мира, но и языка. Одно начало консервативное, другое – революционное. Изменчивость поставляет материал для эволюции, наследственность же закрепляет её результаты. Консерватизм языка и его изменчивость неразрывно связаны друг с другом и в значительной мере определяют возможности процесса эволюции» [Маковский 2007: 12]. Очевидно, смысл, заложенный в первокорне, стабилен, а значения изменчивы. «Практика сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков убеждает в том, что основной формой существования и движущей силой эволюции лексико-семантической системы … и отдельных её элементов является их постоянное вос-

производство. В этой связи выясняется, что многие слова, считающиеся омонимичными, при ближайшем рассмотрении оказываются генетически родственными; в равной мере и слова, внешне «не похожие» друг на друга (лексемы с перформантами, инфиксами, с меной гласных и согласных, с различными детерминативами), в действительности предстают не как разные слова, а как «потомки» тех или иных лексико-семантических комбинаторик, в совокупности с которыми они образуют определённый «генетический вид» или «семью» в языке» [Маковский 2007: 13].

В связи с семантическим наследованием возникает понятие языкового гена, который М. М. Маковский определяет следующим образом: «Языковой ген – это регулирующий жизнеспособность, формы существования и изменчивость (неизменность) слова, внутренний семиотический фактор, возникающий в том или ином окружении в результате комбинаторной селекции и последующего объединения (конъюгации) качественно и количественно неодинаковых отрезков семантических и фономорфологических континуумов (внешняя семиотика), что в свою очередь порождает различный генетический потенциал отдельных слов … » [Маковский 2007: 15]. Языковой ген как дискретная единица наследственной информации соотносима с первокорнем.

Обратимся к рассмотрению первокорня в системе координат семантики.

1.3.1. Значение и смысл

О «царстве значений» писал И. А. Бодуэн де Куртене: «…в языке есть и такие стороны, для которых у нас нет внешних знаков и которые не проявляются ни в звуках, ни в работах органов речи, – это обширное царство значений, свойственных словам, то есть ассоциируемых с представлениями звуков и артикуляции … Слова человеческого языка, напротив, ни в коем случае не являются просто знаками известных конкретных проявлений, но представляют собой абстракции, которым прямо не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного; вследствие этого они всё более тяготе-

ют, с одной стороны, к мышлению и рассуждению, независимому от чувственности, с другой стороны, к одухотворённому поэтическому творчеству» [Бодуэн 1963: 261, 262].

Проблема понимания значения и смысла, прежде всего, носит *философский* характер. Изучению смысла в философии посвящены труды С. Б. Крымского.

В философии смысл и значение трактуются как основные понятия логической семантики, а именно её части, занимающейся теорией смысла Значительный вклад в развитие логической семантики внесла Львовско-Варшавская школа польских логиков, а также Р. Карнап, Дж. Кемени, В. Куайн, А. Чёрч. «Под значением языкового выражения обычно понимают тот предмет или класс предметов, который обозначает (называет) данное выражение, а под смыслом выражения – его мысленное содержание, то есть ту заключённую в данном выражении информацию, благодаря которой происходит отнесение выражения к тому или иному предмету» [Филос. словарь 1968: 187, 188, 121].

Впервые вопросы логической семантики были подробно рассмотрены Г. Фреге, который поставил вопрос о разграничении значения и смысла в статье «О смысле и значении» в 1892 году.

Согласно мнению автора, значение и смысл выступают двумя взаимообусловленными уровнями семантики слова. Они связаны между собой причинно-следственными отношениями. Смысл инвариантен для всех носителей языка, а значение является индивидуально-семантическим вариантом, обусловленным прагматической ситуацией, отображённой в речи.

Значение реализуется и конкретизируется в человеческой речи, и оно невозможно вне деятельности носителей языка. Следовательно, в понимании значения важную роль играет *социальный* аспект.

Значение является психоментальным фрагментом коллективного сознания. С. Д. Кацнельсон определял значение слов как « … добытые в процессе общественного развития абстракции, своеобразные отражения объектов действительности. Объём и содержание значений, если отвлечься от вторичных, чисто стилистических наслоений

в лексике, своеобразно отражает реальное различие вещей» [Пауль 1960: 1].

Значение конвенционально закреплено за определённой языковой формой. Этой языковой формой предстаёт слово-реализация первокорня на данном этапе своего развития в том или ином языке.

Тулио де Мауро, автор толкового и этимологического словаря итальянского языка, интерпретировал значение как то, что откладывается в человеческой памяти, указывая, что человек действует в рамках сообщества, отмеченного семантической солидарностью.

Фоновые знания на определённом этапе развития языковой культуры выступают почвой, на которой полисемия реализует то или иное значение первокорня. Благодаря закреплённости за определённой языковой формой значение идентифицируется в сознании носителей языка.

Соотнесённость значения с тем, что оно подразумевает в сознании носителей языка, открывает путь к *психологическому* аспекту в понимании значения. По замечанию Л. Выготского, мысль осуществляется в слове. Очевидно, таким осуществлением (а не выражением) является номинация, породившая первокорень.

Однако объяснение, которое даёт психология, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, «…не решает ещё вопроса, представляющегося по отношению к каждому отдельному факту в каждом отдельном языке: как образовалась в данном языке связь данных звуков речи с данным значением» [Фортунатов 1960: 204]. Связь между звуковым комплексом и значением обеспечивает понимание и восприятие того или иного слова членами языкового коллектива. «Для того, чтобы связь знака и обозначаемой им вещи разорвалась, – пишет Ж. Вандриес, – и знак приобрёл значение, независимое от своего объекта, нужен психологический процесс, являющийся исходной точкой человеческого языка … Что касается словаря, то он основан на следующем принципе: с определённой группой фонем соединяется какое-либо определённое понимание, и этот принцип мы находим во всех языках, он действителен для языка вообще» [Вандриес 1937: 25].

Каждое вербализированное значение вызывает в сознании говорящего и слушающего образ.

В концепции А. А. Потебни «Связь между звуком и мыслью не обусловлена представлением (то есть значением предшествующего слова в его отношении к последующему) (Записки по русской грамматике. т ½, 19) … переход от образа к значению есть всегда акт познания, и именно в нём проявляются познавательные возможности и способности нашего мышления, которые исторически изменчивы. Переход от образа к значению будет различным в зависимости от господствующего способа мышления» [Гречко 1985: 166, 168].

Значение зыбко и неуловимо в своих реализациях. Согласно мнению В. А. Гречко, «…причины соединения звука и значения Потебня видит в представлении, в апперцептивном движении понятой и обозначенной представляющей мысли к пониманию и обозначению мысли последующей, то есть в материальном и идеальном участии предшествующего слова в образовании последующего» [Гречко 1985: 166].

Значение невозможно без материальной оболочки плана выражения. Следовательно, значение должно иметь стабильную закреплённость за звуковой оболочкой, остов которой содержится в первокорне. Именно на основании того, что представления и понятия получают звуковое выражение, А. Шлейхер называет их значениями. По мнению учёного, «Функции звука состоят … в значении и отношении. Звуки и звуковые комплексы, функцией которых является выражение значения, мы называет корнями. … Значение и отношение, совместно получившие звуковое выражение, образуют слова. Слова в свою очередь составляют язык. В соответствии с этим сущность слова, а тем самым и языка заключается в звуковом выражении значения и отношения. Сущность каждого языка в отдельности обусловливается способом, каким значение и отношение получают звуковое выражение» [Шлейхер 1960: 93]. Следовательно, значение закреплено в данном конкретном слове, смысл же заложен изначально, в первокорне, от которого происходят трансформации, в результате чего получаются новые значения и слова.

Тем не менее, термин «значение» не получил постоянной дефиниции. По замечанию Е. А. Селивановой, это произошло из-за размытости грани между значением и смыслом. Так, в 1923 г. К. Огден и А. Ричардс в работе «The Meaning of Meaning» выделили около 16 дефиниций значения [Селиванова 2006: 169]. Данная неопределённость исходит от антиномии языковой системы и речи как уровня её реализации, из-за применения термина «значение» как смысловой стороны языкового знака к разным единицам (фонемам, морфемам). В нашем исследовании изучается трансформация значений именно применительно к корневой морфеме, смысл которой исходит из глубокой древности, он восстанавливается при помощи этимологического анализа. Однако с течением времени значения расходятся. Если в разветвлении значений участвует оценка, это может привести к энантиосемии.

Проблема изменчивости значений интересовала многих исследователей. Так, в частности, Г. Пауль отмечает: «Расхождение значений этимологически родственных слов, если только оно не возникло как результат какого-либо другого обособления, является следствием изначального различия функций. Имя может изменять своё значение по таким направлениям, по которым не может изменять своего значения глагол. В подлинном соответствии с глаголом находятся только настоящие имена деятеля и имена действия. Как только имя деятеля начинает употребляться для обозначения постоянного качества или носителя постоянного качества, имя действия – для обозначения состояния, результата или орудия действия, их первоначальное значение может измениться таким образом, как оно не может измениться у глаголов» [Пауль 1960: 237].

Основным фактором изменения значения с его последующим закреплением Н. В. Крушевский считал употребление в речи: «Дело в том, что для того, чтобы данное слово служило названием данной вещи, вовсе не требуется, ни чтобы его корень означал эту вещь, ни чтобы морфологическое строение слова было правильно. Требуется только, чтобы оно употреблялось с данным значением… Слово есть агрегат человеческих звуков, с которым связана известная, более или

менее определённая идея» [Крушевский 1893: 42, 43]. Данная мысль подтверждает наблюдение о том, что закрепляется не изначальное этимологическое, а последующее, второстепенное значение, развившееся в результате трансформаций посредством цепочек метонимических переносов.

Изменения семантики М. М. Маковский трактует как генетические операции: «Появление у слова новых значений (или утрата старых значений), появление или утрата перформантов, детерминативов или инфиксов, изменение расположения фонетических компонентов слова, потенцирование (редупликация), накладывание и снятие «запретов» … изменение формального и / или семантического состава слова – это генетические операции, приводящие к порождению новых языковых сущностей или к гибели уже имеющихся … в языке постоянно (хотя и не всегда явно) происходит процесс генетического обновления, действующий в виде непреложного закона, без которого существование языка как самопорождающего и саморегулирующего явления немыслимо» [Маковский 2007: 30].

Об изменении значения рассуждал Г. Шухардт, отграничивая последнее от обозначения: «Вместо того, чтобы говорить об изменении обозначения, обычно говорят об изменении значения. Это имеет известное обоснование, потому что и то и другое по существу имеет в виду одно и то же, но только оно рассматривается с разных сторон; в первом случае в аспекте вещи, во втором – в аспекте слова. В первом случае направление нашего взгляда совпадает с направлением процесса, а во втором никакого процесса от слова к вещи не происходит, здесь перед нами лишь отношение. Следовательно, потребность в обновлении исходит не от слова. Я вижу перед собой бутылку; я подыскиваю короткое и меткое название для её верхней, сужающейся части. Так как бутылка в целом напоминает мне человеческую фигуру …, а её верхняя часть – горло, то я и называю поэтому верхнюю часть бутылки горлышком. Такое распространение обозначения, производимое говорящим, воспринимается слушающим как расширение значения» [Шухардт 2003: 206].

Расширение значений приводит к многозначности, разветвления которой, объединяясь единым семантическим стержнем, называют-

ся *полисемией*. Определение полисемии соотносимо с пониманием трансляции значений и трансляции смысла. «Полисемичное слово – это ассоциативное единство различных значений, каждое из которых является обобщением, инвариантом ряда речевых употреблений» [Муравицкая 1987: 151].

Однако новые значения не возникают спонтанно, многообразие метонимических переносов подчинено определённой логике. Среди наиболее стабильных законов развития значений выделяется *аналогия*. Одним из первых учёных, описавших роль аналогии в истории развития языка, был Г. Пауль. Исследователь отмечал: «…в самой природе языкового развития заложено непрерывное образование множества равнозначных слов, форм, типов сочетаний … причиной этого является образование по аналогии, а также сходящееся с разных сторон (конверирующее) развитие значений. Одной из причин можно также считать заимствование иноязычного слова для понятия, которое уже представлено в языке исконным словом … Хотя появление такого избытка является неизбежным, однако он не может сохраниться в языке длительное время. Языку чуждо какое бы то ни было излишество» [Пауль 1960: 301].

Значение реализуется в конкретных словах конкретного языка на данном этапе его развития. Значения трансформируются, перемещаясь во времени и кочуя из языка в язык в процессе переосмысления носителями заимствований. Смысл исходит от первокорня, он был когда-то заложен в праязыке или в первичной номинации языка-донора заимствуемого слова, смысл транслируется, сохраняя исходную сему.

Лексическое значение слова закреплено в словаре, оно отображает устойчивые знания о предмете или явлении. Однако словарная статья приводит значения слова, а не его смысл. «Семантика слова, фиксируемая в филологическом словаре («ближайшее значение» по А. А. Потебне), – по замечанию В. Н. Манакина, – вторична, производна по отношению к знаниям о мире» [Манакин 2004: 221].

Сема, заложенная в первокорне, становится отправной точкой в трансляции смысла, она также является моментом рождения слова. Об этом писал А. А. Потебня: «Представление, тождественное с ос-

нованием сравнения в слове, или знаком, составляет непременную стихию возникающего слова; но для дальнейшей жизни слова оно не необходимо. Как известно, есть много слов, связь коих с предыдущими не только не чувствуется говорящим, но неизвестна и науке» [Потебня 1888: 7]. Значение трансформируется пошагово, шаги эти осуществляются посредством цепочек метонимических переносов, вытекающих как друг из друга, так и идущих параллельно. В меньшей степени процесс трансформации значений осуществляется посредством метафорических переносов. «Общий закон языка состоит в том, – указывает А. А. Потебня, – что всякое новое слово имеет представление, то есть что значение общего слова всегда заключает в себе один признак, общий со значением, ему предшествующим» [Потебня 1888: 24]. Этот признак и выступает предметом для последующего метонимического или метафорического переноса.

Значение легче обнаружить, оно зафиксировано в словаре, а также является очевидным для носителей языка на своём синхронном срезе. Смысл же выводим посредством соотнесения существующих трансформаций, выделения общего семантического стержня полисемии, и, прежде всего, посредством ориентирования на исходную сему, заложенную в первокорне. Как правило, последняя и будет материальным закреплением смысла, за исключением тех редких случаев, когда транслироваться стала сема одной из первичных трансформаций.

Э. Бенвенист отмечал необходимость восстанавливать точные значения, а не удовлетворяться расплывчатым смыслом. По утверждению Ж. Одри, не следует отрицать существование в индоевропейском общих и многозначных лексем, но нужно избегать увеличения их числа. Даже если исходный смысл широк, употребление, начиная с которого началось расхождение, должно быть изучено и восстановлено самым точным образом [Одри 1988: 118].

О том, что слово с течением времени может трансформироваться в разные слова на основе расходящихся значений, пишет также Ф. Ф. Фортунатов: «Одно и то же слово, представляющее известное видоизменение значения, с течением времени в истории языка может

обратиться в различные слова, имеющие тождественную звуковую сторону, как скоро различные значения слова в их изменениях настолько удалятся в истории языка одно от другого, что уже не связываются между собой в сознании говорящих как видоизменения значения одного слова [Фортунатов 1901-1902: 198-199]

Более конкретной в силу своей остановленности во времени, замершей формой является первокорень. Сема, положення в основу номинации, идентифицируется в этимологическом словаре (при том условии, что этимон не утрачен). «Слово «относится» к тому или иному корню, – пишет А. Мейе, – то есть входит в совокупность слов, включающих одинаковый комплекс фонем, с которым ассоциируется некий общий смысл … Значение индоевропейского слова сложно … основа есть слово, поскольку оно выражает понятие; роль слова в предложении, а также определённые категории числа, рода, имени и т. д. указываются окончаниями огласовки основы и места повышения тона» [Мейе 1938: 169, 170].

Значения изменяются и развиваются под влиянием неязыковых, а, прежде всего, социальных, исторических факторов, которые влияют на среду обитания носителей языка. «Чтобы иметь точное представление о значении какого-либо индоевропейского корня, – указывает А. Мейе, – надо знать его специальные употребления, точно так же действительно узнать слово какого-либо языка можно лишь узнав, в каких сочетаниях оно обычно употребляется» [Мейе 1938: 391].

Таким образом, значений много, они трансформируются посредством метонимических и, в меньшей степени, метафорических переносов. Смысл един, он заложен в первокорне и транслируется в диахронном аспекте в разных, в том числе неродственных, языках.

Первокорень является актуальным, материально выраженным, однако конкретная речевая ситуация, в которой реализуются определённые слова в своих конкретных значениях, удаляет от изначального смысла, заложенного в первокорне.

Вопросом изучения движения мысли между семантикой и её материальной выраженностью в слове занимаются семасиология и

ономасиология. Обратимся к рассмотрению механизмов реализации семантики первокорня.

1.3.2. Действие семантических механизмов в преобразованиях первокорня

Началом развития семантики как науки принято считать вторую половину 19-го века, когда, вслед за В. фон Гумбольдтом, появились фундаментальные лингвистико-гносеологические концепции Х. Штейнталя, А. А. Потебни и В. Вундта. Вопросами семантики занимались Т. И. Вендина, К. К. Жоль, А. Зализняк, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Г. В. Колшанский, В. Ф. Коннова, Г. И. Кустова, Дж. Лакофф, А. Л. Леонтьев, Е. Н. Маркарьян, А. Л. Мицык, Т. В. Неделяева, М. В. Никитин, Л А. Новиков, Р. И. Павиленис, В. Ф. Петренко, А. В. Сибрук, О. В. Тищенко, С. Ульман, Е. В. Федорчук, Л. Чейф. Изучению проблем семасиологии посвящены работы Ю. Д. Апресяна, Р. А. Будагова, Б. Ю. Городецкого, В. А. Звегинцева, В. А. Пономаренко, Д. Н. Шмелёва.

Семасиология как особая область языкознания выделилась после завершения семантикой сравнительно-исторического этапа в трудах М. М. Покровского, который отметил, что «слова со сходным значением проходят сходную семасиологическую историю» [Покровский1959: 214].

В. В. Виноградов в предисловии к книге М. М. Покровского указал, что автор разработал проблемы закономерности семасиологических явлений «…вопреки утверждениям большинства западноевропейских семасиологов, например, М. Бреаля, О. Шредера…, К. Шмидта и других, отрицавших возможность уловить исторические закономерности в сфере истории значений слов» [Покровский 1959: 4]. М. М. Покровский подчёркивал, что семасиология какого-нибудь отдельного языка немыслима без сравнения с другими языками [Покровский 1959: 5]. Поэтому в нашем исследовании задействовано несколько неродственных языков, на материале которых предпринимается попытка выявления закономерностей трансформации значений.

Рассмотрим, какие из закономерностей в аспекте нашего исследования выделяют учёные, посвятившие свои труды семантике.

В. Я. Марр выдвигает гипотезу: «…реализация семантической потребности на первичных стадиях развития человеческих обществ возлагалась в глоттогонической среде на имевшееся в её распоряжении слово, происходила, следовательно, в пределах одного и того же слова, принимаемого потому в разрезе идеологии за мать-понятие. Однако реализация сводилась к созданию нового слова из старого без его аннуляции. Новое слово своим выделением не упраздняло прежнего слова, мнимой родительницы: как бы унося с собой функцию лишь более уточнённого обозначения … » [Марр 1931: 11-12, 15]. Следовательно, речь идёт о сужении, уточнении уже существовавшего значения.

О необходимости изучения слов в составе лексико-семантических групп писал М. М. Покровский, отмечая, что законы семантики выделяются не в отдельных словах, а в группах и системах слов. Поэтому в процессе практического анализа реализаций первокорней изучаемые нами слова методически объединяются в лексико-семантические группы. На развитие значения влияют конкретно-исторические закономерности, связанные с жизнью общества. В ходе жизни социума и его языковой деятельности реализуются значения, трансформируясь и образовывая новые слова. А. Мейе также отмечал связь языковых изменений с историческими и социальными факторами.

Названные факторы комбинируются, что приводит к концептуализации духовного мира, в данном процессе движущей силой выступает трансляция смысла, исходящая от первокорня, сема которого сохраняется в преобразованиях (ср. например, трансляцию смысла в следующих обозначениях: философский термин «материя», восходящий к латинскому materia – «древесина», что сохранилось, в частности, в современном испанском языке – Madera – древесина и название острова, на котором, согласно впечатлению первооткрывателей, росло много деревьев (остров Мадера в 1410 г. открыли и назвали J. Gonzales и T. Var)). Вторичной номинацией выступает название вина «Мадера».

Данный пример подтверждает тезис Л. Витгенштейна о том, что значение это не какой-либо объект, соотнесённый с данным словом,

значение слова есть его использование в языке. В качестве грамматического примера возможно привести наблюдение А. Мейе: « … слова, первоначально самостоятельные, путём употребления низводятся на степень грамматических элементов: в латинском выражении habeo aliquid factum «я имею что-то сделанным» habeo имело ещё полное своё значение; на j'ai во французском j'ai fait «я сделал», неоднократно повторяясь, постепенно утратило свою самостоятельность; в настоящее время три первоначально самостоятелных слова (ego, habeo и factum), которые дали в результате французское j'ai fait, составляют лишь одну грамматическую форму, родственную латинскому feci и не имеющую больше выразительной силы. Слова, которые таким путём становятся простыми грамматическими элементами, привесками предложения, произносятся особенным образом, часто укорачиваются, в своём фонетическом развитии отличаются от главных слов; так, латинское указательное местоимение illam в сочетании со следующим именем даёт французский артикль la, тогда как развитие – совершенно иное – самостоятельной формы того же слова привело к французскому личному местоимению elle «она», которое в свою очередь сделалось грамматическим элементом» [Мейе 1938: 55]. А. Мейе указывает на необходимость « … выяснить … , в каких условиях, согласно каким законам … наблюдаемые факты сосуществуют и сменяются одни другими» [Мейе 1938: 471]. Так трансформируются значения.

Смысл же закладывается в первокорне. Войдя в употребление, первокорень реализуется во многих словах, которые, участвуя в языковых процессах, будут принимать разные значения, развивая их.

Темпы развития значений и какие-либо временные рамки в языке вряд ли возможно конкретизировать. По наблюдениям М. М. Маковского, « … генетически обусловленные темпы развития формы и значения в различных языках неодинаковы, в связи с чем доминантность формы в том или ином языке может существовать в течение веков, а значения при этом могут интенсивно изменяться; с другой стороны, в некоторых языках очень долго «держится» доминантность значений при свободном варьировании форм» [Маковский 2007: 37].

Смысловые изменения Г. Пауль классифицировал как «разновидности смысловых изменений»: 1) сужение объёма и обогащение содержания» (специализация значения); 2) «объединение содержания, связанного с расширением содержания представления»; 3) «перенос названия на основании пространственных, временных или каузальных связей»; 4) «некоторые разновидности изменений значений, не поддающихся простому подведению под один из трёх основных классов» [Пауль 1960: 106]. Классификации, построенные на принципе сужения, расширения и переноса значений, представлены в трудах М. Бреаля, а также Р. А. Будагова. М. Бреаль полагал, что общие тенденции семантических изменений определяются законом дифференциации синонимов. В. Вундт указывал на то, что законами изменений значений являются общие законы ассоциативных связей: 1) связь по сходству; 2) связь по смежности (пространственной или временной); 3) связь по противоположности. По наблюдениям Г. Пауля, «относительно редко встречается смешение равнозначных, но этимологически не связанных друг с другом слов. Смешение происходит легче, если синонимы этимологически родственны» [Пауль 1960: 191-192]. Контаминацию Г. Пауль понимал « … как явление, заключающееся в том, что две синонимичные или в чём-то родственные формы выражения мысли возникают в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо этого возникает новая форма, в которой элементы одной формы смешиваются с элементами другой» [Пауль 1960: 191]. Яркий пример, интерпретируемый Г. Паулем как контаминация, распространяющийся как на сферу фонетики, так и семантики, приводят Ф. И. Буслаев, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, А. Мейе и многие учёные, занимавшиеся вопросами этимологии и составления этимологических словарей: слово «девять» в русском языке, где звук / д / развился под влиянием последующего «десять», которое как следующее по порядку число стабильно сопровождало данный корень, восходящий к *neo- ‘новый’, поскольку индоевропейцы считали восьмёрками, используя четыре и четыре пальца двух рук, после которых начиналась «новая восьмёрка», то есть «девять» было новым началом счёта.

«Девять» и «новый» (new – nine, nuovo – nove) – это однокоренные слова (подробнее см. во второй главе).

В. А. Гречко, изучая творчество А. А. Потебни, обращает внимание на закономерности семантических изменений, выводимые исследователем: «Метафоричность, – считал учёный, – есть всегдашнее свойство языка, и переводить мы можем только с метафоры на метафору (Эстетика, 434). Развитие значения слова, понятия закономерно ведёт к забвению представления, к утрате образа. В результате появляются слова безобразные, в которых звук непосредственно примыкает к мысли, без участия промежуточных «мыслительных масс». … Все значения в языке по происхождению образны. Каждое может с течением времени стать безобразным. Оба состояния слова, образность и безобразность, равно естественны» [Гречко 1985: 168].

Следовательно, семантические изменения не хаотичны, они происходят по определённым законам и наделены логикой. И О. Н. Трубачёв утверждал: « … все изменения значений слов по-своему закономерны» [Трубачёв 1988: 295].

Логика трансформаций значений происходит, прежде всего, на основании ассоциаций. О важной роли ассоциативных связей писал И. А. Бодуэн де Куртене: «Семасиологическая ассоциация, или просто семасиологизация, является насущною потребностью каждого слова в его целом и в его морфологических элементах … этот ассимиляционный процесс не ограничивается одними только заимствованными словами. Он касается всех без исключения слов, непонятных или малопонятных, какого бы они происхождения ни были с точки зрения объективной истории племенного языка. Здесь решает одно только субъективное отношение данного лица, для которого то или другое слово лишено семасиологических ассоциаций» [Бодуэн 1963: т. 2, 285].

В ходе развития и движения первокорня по языкам, очевидно, целесообразными представляются два подхода к изучению развития семантических процессов: ономасиологический и семасиологический.

«Семасиологический аспект, – отмечает В. Н. Манакин, – позволяет обнаружить специфику варьирования сопоставляемых слов или семантические сходства и различия более крупных лексических объединений. … К ономасиологическому плану относится сравнение обозначающих разных языков с точки зрения мотивации, способов образования и т. д.» [Манакин 2004: 73, 74]. В. И. Теркулов упоминает две концепции полисемии: семасиологическую концепцию деривационных связей между значениями лексемы и ономасиологическаю концепцию общего значения.

При ономасиологическом подходе направление исследования идёт от предмета или явления к мысли о нём и его закреплению в языке. Вопросами ономасиологии, в частности, занимались В. Ф. Васильева, Ф. П. Сорокалетов, А. А. Уфимцева. Ономасиологический подход целесообразен в изучении номинации первокорня, когда при первичной номинации закладывается внутренняя форма слова. После осуществления номинации смысл, эксплицируемый первокорнем, начинает транслироваться в образованиях от него в разных языках. На этом этапе представляется целесообразным семасиологический подход, когда движение научного поиска происходит от слова к денотату.

Таким образом, все приведённые классификации способов развития значений выделяют сужение, уточнение, что является естественным в процессе познания человеком окружающего мира, в котором открывается и осмысливается всё больше предметов и явлений. Им даётся номинация на основании познанного ранее. Соотнесение с прежде познанным происходит на основании ассоциаций по сходству и по смежности, когда посредством соответственно, метафорических и метонимических переносов формируются новые значения и слова, их эксплицирующие.

Указанные закономерности помогут осуществить изучение трансформации значений в нашем исследовании. Выявив внешние особенности первокорня, следует определиться с анализом его содержания.

1.3.3. Роль метонимии и метафоры в трансформации значений

Познание мира человеком и объяснение его для себя, создание гармоничного и логичного слепка бытия познанных и взаимосвязано функционирующих предметов и явлений в своём сложенном и слаженном единстве осуществлялось посредством языка.

Хаос окружающего мира человек преобразовывает в познанный и познаваемый космос. В древнейшие времена это познание и выстраивание взаимосвязей стало возможным благодаря «магии» как инструменту воздействия и форме мышления. Семантические процессы и номинацию возможно представить как вербализированную, материально выраженную аналогию проявлению магических действий и их результатов. Действие номинации – это перенос свойства познанного предмета или явления на непознанное или на непознанный фрагмент того, что было освоено в целом, однако от него требуется качественно новое свойство. Это новое закрепляется в языке, в названии. Номинация в языке всегда реальна и материально выражена, имеет свой практический результат.

Магию как специфическую форму мышления интерпретировали Л. Леви-Брюль и Н. Я. Марр [Философский словарь 1968: 196]. Магическое мышление сосуществует с логическим. Основными законами магии являются: «Часть заменяет целое», и он соответствует метонимии в языке; «Подобное рождает подобное», этот закон соответствует метафоре, «Сказать – наполовину сделать», он совмещает в себе метафору (подобно тому, что сказано – станет реальностью) и метонимию (свойство, положение вещей сказанного переносится на реальность); это действо происходит в области модально-дезидеративной семантики [Тараненко 1989: 109].

Действие – это метонимический и метафорический процесс; воздействие – это номинация, результат – это образование новых слов. Происходящий внутренний семантический процесс – это трансляция смысла (того исходного, ставшего отправной точкой стержня полисемии, на основе которой осуществились метонимические и метафорические процессы) и трансформация значений (это собственно ре-

зультат каждого из переносов метонимических смежностей и метафорических подобий, закреплённых в созданном слове с его двуплановой сущностью – материально выраженной звуковой оболочкой и значением). «Магическое мышление» продолжает существовать, оно архетипично для человеческого сознания. Если далеко не все люди суеверны, то в социально-ментальной жизни Языка задействованы все. В языковой номинации происходят процессы переносов смежностей (метонимий) и подобий (метафор), которые как наследуют, так и продуцируют друг друга.

Давая определение связи звука и значения, А. А. Потебня указывает: «Независимо от отношения слов преобразованных и производных, всякое слово, как звуковой знак значения, основано на сочетании звука и значения по одновременности или последовательности, следовательно, есть метонимия» [Гречко 1985: 166]. М. В. Пименова, ссылаясь на В. В. Колесова, указывает на некоторые особенности русского языка, отражающие ментальные характеристики сознания: «Уклонение от метафоры определяется основной установкой словаря на метонимические переносные значения в слове. Метафорические переносы расцениваются как индивидуально-авторские, не всегда пригодные для общего пользования. Это – отказ творить в слове: с помощью метонимии легко истолковать традиционный символ, тогда как метафора создаёт новые символы, что (в индивидуальном исполнении) признаётся как ересь [Пименова 2012: 12].

«Метонимия переносит слово от одного значения к другому по различным отношениям», – указывает Ф. И. Буслаев [Буслаев 1959: 306, 309]. По замечанию А. А. Тараненко, «Когда значение той или иной единицы можно одновременно интерпретировать двояко, создаётся двусмысленность трактовки определённого значения в соответствующих контекстах и ситуациях, что приводит в конце концов к метонимическому переносу» [Тараненко 1989: 9].

В отличие от магического, колдовского действа, в котором исполнителем выступает шаман, предполагающий получение завершённого и быстрого результата, магическое действие в языке происходит долго, каждый из переносов нуждается во времени для закрепления

и усвоения, чтобы стать основой, продуцирующей последующие переносы, исполнителем действия предстаёт не один конкретный человек, а социум, пользующийся данным языком в пространстве и времени. Ссылаясь на Ю. Д. Апресяна и Е. Л. Гинзбурга, А. А. Тараненко также приводит обычные для лексики метонимические модели: «материал – изделие из него» (рыба – блюдо из неё); «часть тела – часть одежды на ней» (локоть – протёртые локти) [Тараненко 1989: 12-13]. Ю. В. Откупщиков указывает на следующие семантические модели, которые реализуются в семантических переходах: «молоть» – «мука», «покрывать» – «одежда», «плести» – «плетень», «резать» – «мех, шкура». Данная семантическая модель является типичной и составляет основу этимологии слова» [Откупщиков 2001: 49].

Метонимия выступает более частотным и распространённым переносом при трансформации значений. М. М. Покровский отмечает вторичность метафоры по отношению к метонимии, поскольку «быть похожим на что-либо» значит «иметь часть данного объекта»: « … значение ‘похожий на что’, в сущности, есть модификация значения ‘имеющий что’; в последнем случае обозначается, что предмет *обладает* другими *предметами*, в первом, что он *обладает* отдельными признаками этих предметов. Дело в том, что с представлением о предмете и о слове, ему соответствующем, мы соединяем представление не только обо всех, но и об отдельных так или иначе характерных его признаках…» [Покровский 1959: 206].

Метафора, – по замечанию Н. Д. Арутюновой, – это прежде всего сдвиг в значении, метонимия – сдвиг в референции [Арутюнова 1990: 32]. И. А. Бодуэн де Куртене указывал на необходимость различать «Ассоциацию по смежности, по соседству, по рядам…от ассоциации по сходству, по группам» [Бодуэн 1963: 288]. Одним из положений диссертации Н. В. Крушевского было следующее: «Если в результате закона ассоциации (соединения представлений) по сходству слова должны укладываться в нашем уме в системы или гнёзда (семьи слов), то благодаря закону ассоциации по смежности те же самые слова должны строится в ряды … Всё старое в языке опирается главным образом на воссоздание, на ассоциации по смежности

в то время, как всё новое – на создание, на ассоциации по сходству. Процесс развития языка представляется нам с определённой точки зрения как постоянный антогонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциациями по смежности … Если наши слова своим происхождением обязаны ассоциациям по сходству, то своим значением они обязаны ассоциациям по смежности» И. А. Бодуэн де Куртене критикует Н. В. Крушевского, однако констатирует, что «Из психологии Крушевский заимствовал объяснение языковых явлений при помощи «законов» ассоциации, или соединения представлений: ассоциации по сходству и ассоциации по смежности» [Бодуэн 1963: 185].

В аспекте синхронии метафорические и метонимические переносы происходят и закрепляются в языке на базе как родственных, так и неродственных слов, словосочетаний, предикативных основ, сокращения предложений в отдельный член в пределах данного языка. В аспекте диахронии метафорические и метонимические переносы порождают номинацию при условии трансляции смысла первокорня. Этот смысл сохраняется в стержне развивающейся полисемии, которая порождает трансформацию значений с их последующим материально выраженным закреплением в разных, в том числе, неродственных языках.

Е. М. Маркова выделяет следующие семантические корреляции, возникающие при метонимическом переносе: 1 отношения пространственной близости денотатов; 2) «содержащее» – «содержимое»; 3) «часть» и «целое»; 4) «материал» – «изделие из него»; 5) «действие» и «инструмент действия»; 6) «действие» и «его производитель»; 7) «действие, состояние» – «место совершения действия», 8) «действие» – «предмет, совершающий действие»; 9) «действие» – «результат действия», «продукт»; 10) значения, связанные с каузативными отношениями [Маркова 2007: 162-172].

Таким образом, трансформация значений происходит на основании метафорических и, в большей степени, метонимических переносов. В проанализированном нами материале метонимические переносы осуществляются по моделям: nomina actionis, nomina agentis,

nomina strumenti, nomina loci, которые использованы, в частности, в исследованиях А. Мейе, Г. Пауля, М. М. Покровского.

Трансляция смысла первокорня – это переход исходного обозначения денотата (действия или явления) древнего бытия из языка в язык на разных синхронных срезах, обусловленный не заимствованием, а принадлежностью к праязыку.

Трансформация значений первокорня – это преобразование, происходящее в пространстве и времени, одного значения в другое, осуществляющееся в процессе развития языков.

Отметим, что идея трансформативной методики принадлежит Н. Хомскому, который воплотил её на материале синтаксиса [Хомский 1962: 412-526]. Но синтаксис поддаётся большей формализации, чем семантика. В семантике алгебра трансформаций невозможна, хотя идея весьма целесообразна. В данном исследовании идея трансформаций экстраполируется на трансформации значений первокорня

Трансформация значений первокорня сходна с пониманием трансформаций в методе трансформационного анализа, однако отличие заключается, прежде всего, в разном объекте трансформации, а также в трансформации значений не может быть трансформа, поскольку возникает вопрос, сходный с тем, что было раньше, что во что перешло в ходе трансформации.

Традиционное понимание трансформации соотносимо с трансформацией значений первокорня следующим образом. Трансформации представляют собой преобразования, инвариантом которых является одно и то же содержание сообщения [Алефиренко 2005: 367]. Причём инвариант – это стержень полисемии, стартующей от базы первокорня, содержание сообщения – это смысл, трансформы – это значения. Значения как трансформы возможно констатировать либо на синхронном срезе данного языка с указанием даты (как это дано в итальянском словаре Тулио де Мауро и в испанском Х. Коромине са), либо на современном уровне того или иного языка, толковый словарь которого фиксирует и нумерует значения. Методом трансформационного анализа оперирует человек-исследователь, трансформа-

ция значений происходит как общеязыковой процесс, на который коллективно влияют носители на протяжении многих веков, однако им не может управлять никто.

Понимание трансформации зачений как общеязыкового процесса аналогичено пониманию научного языкознания Л. Ельмслевым. Учёный полагал, что последнее должно быть имманентным, изучая внутренние, постоянные элементы языка, присущие человеческой речи вообще, а не данному конкретному языку. Процессы трансляции смысла и трансформации значений свойственны всем языкам, метафорические и метонимические переносы характерны для человеческого сознания. Процессы перехода от одной метонимической модели к другой (действия – на объект действия и др.) являются отношениями. В глоссематической теории только внутренние и внешние отношения имеют право на существование. Однако, фундаментальным отличием между семантическими множителями как элементарными смыслами (фигурами) и шагами трансформации значений первокорня является то, что первые представляют собой чистую форму, а вторые – содержание. Первокорень, как звуковой комплекс под звёздочкой праформы, наделнный смыслом, которому свойственно транслироваться, лишён грамматическиого оформления, что исключает комбинации формальных значений семантических множителей. Однако, идея о том, что и те и другие процессы свойственны языку как таковому, позволяет соотнести теорию первокорня с положением универсальности глоссематики.

Интересно, что первоэлементами мира в мифологиях всегда являются предметы: огонь, земля, вода, воздух, всякие твари, которых в ноевом ковчеге по паре, линии Наски – кондор, руки, ящерица, трапеция, обезьяна, паук и др. Среди тех или иных первоэлементов нет действия. Действие невозможно конкретизировать, его нельзя нарисовать, потому что рисунок в своём исходном конкретном смысле – это «что?» или «кто?». Однако первокорни часто обозначают именно действие. Следовательно, первоэлементы бытия как «действия» возможно извлечь только из языка, в котором нет дымки метафоры искусства, первокорень конкретен и понятен, его не нуж-

но толковать и расшифровывать, как рисунок, символ, артефакт. В идентификации первокорня меньше риска неверного толкования. Таким образом, поиск первокорней в языке – это ключ к познанию мира и того, что в первую очередь привлекло внимание человека и обусловило последующую номинацию.

1.3.4. Оценочная коннотация первокорня

Всякая культурная интерпретация того или иного феномена субъективна и адресантно обусловлена. Система мировоззренческих ценностей и картина мира как таковая привязаны к конкретному социуму, определяя последний, с одной стороны, и являясь его продуктом, с другой. Невозможно интерпретировать ту или иную эпоху с позиции иного синхронного среза, и всякая интерпретация древней цивилизации представляется относительно условной, поскольку реципиент и носитель культуры иного времени никогда не будет полностью соответствовать реципиенту изучаемой им эпохи. Возможно погружение в тот или иной культурный контекст, однако оно не может быть абсолютным.

Таким образом, поиск ценностных компонентов значений в первокорнях в принципе невозможен. Мы можем лишь констатировать факт номинации в прошлом, её относительную первичность и, к сожалению, ни в коей мере не в состоянии судить об оценке, которая, возможно, была заложена во внутреннюю форму.

Тот факт, что признак, положенный в основу номинации, не является основным и наиболее существенным, очевиден. Обясняется это, в частности, тем, что внутреннюю форму извлекает и констатирует учёный, человек и носитель языка, мировоззрение которого бесконечно далеко от мира древних носителей языка. В процессе употребления слова закрепляется его коннотативное значение, которое нам ближе и понятнее, в отличие от признака, отображаемого внутренней формой слова. Г. Пауль отмечает: «…очень часто бывает, что нечто, в сущности не относящееся к значению слова и лишь случайно присоединившееся к нему, постепенно заполняет всё содержание слова и становится его подлинным значением, в то время

как основное значение слова уже больше не прихоит на память» [Пауль 1960: 124]. Следовательно, закрепляются, а затем ассоциативно выходят друг из друга коннотативные значения.

То, что было актуально в глубокой древности, абсолютно скрыто от нас. Современный исследователь может лишь констатировать акт номинации и мотивацию последней. Подобно тому, как археолог находит мозаики, изображавшие меню у входа в древнеримский ресторан, он может интерпретировать рисунок и выявить материал, из которого сделана мозаика, но он никогда не разделит представления о том, что сырое яйцо с уксусом – это вкусно. Оценка может интерпретироваться, если известны обстоятельства её порождения в социуме. Оценка – это составляющая коннотативного компонента семантической структуры единицы языка, которая представляет отношение носителей языка к обозначаемому … [Селиванова 2006: с. 438]. Проблемой оценки занимались, в частности, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, С. М. Воронина и другие.

В первокорне утрачено оценочное значение. Однако нельзя утверждать, что оценки в первичной номинации не было. По замечанию Н. Д. Арутюновой, «…связь оценочного значения с автором речи многогранна. Оценка выражает личные мнения и вкусы говорящего, а они различны у всех людей. Во внутреннем мире человека оценка отвечает мнениям и ощущениям, желаниям и потребностям, долгу и целенаправленной воле. Это создаёт её конфликтность: оценка, порождённая желанием, отлична от оценки, вытекающей из долга, и от оценки, вызванной нуждой» [Арутюнова 1988: 6].

Очевидно, в утерянной оценке первокорня или, точнее, невозможности интерпретации последней современным учёным как представителем другого социума, отделённого огромным количеством веков от автора номинации, и кроется то, что воспринимается как определённая спонтанность в избирании признака, положенного в основу номинации. Этот признак, как правило, не совпадает с основным свойством предмета, однако он оказался актуальным в момент номинации. Мы можем его выявить и констатировать при помощи этимологического анализа, но мы не в состоянии ощутить актуаль-

ность именно этого признака. Века сохраняют факты и артефакты, однако стирают их видение, их оценку давними современниками. Оценка социально обусловлена, а между социумом, который произвёл номинацию, и социумами носителей данного языка в процессе его развития лежит пропасть веков. Интерпретация оценки, по замечанию Н. Д. Арутюновой, «…зависит от норм, принятых в том или другом обществе или его части. Мировоззрение и мироощущение, социальные интересы … формируют и деформируют оценки» [Арутюнова 1988: 6]. Социум темпорально обусловлен и, следовательно, чем большая временная дистанция, тем меньше возможностей у исследователя «проникнуться» системой ценностей исследуемой эпохи. Учитывая, что процесс номинации происходил в глубокой древности, восстановить оценочную коннотацию признака, положенного в основу первичной номинации, практически невозможно.

Одной из немногих групп номинаций, в которых оценка поддаётся интерпретации, являются имена. Оценка совершенно чётко прослеживается в имени собственном, в антропониме. Создание имени человека представляется вторичной номинацией и несёт в себе свёрнутую программу. Имена, соотносимые с языческими богами или явлениями природы, предполагали метафорический перенос тех или иных свойств реалии апеллятива на носителя имени. Имена христианского периода предполагали наличие защиты святого покровителя. Всякий апеллятив имени положителен. Имён, в основу которых положен признак с отрицательной оценкой, значительно меньше, чем тех, в основе которых присутствует положительная оценка. Например, антропонимы современного русского и других славянских языков, Людмила (милая людям), Богдан (данный богом). А также антропонимы итальянского именника: Letizia – от латинского слова LAETITIA – *радость*; Luca – от латинського «свет»; Luigi – от французького LOUIS, которое, в свою очередь, происходит от германского LODEWIG, образованного от HLOD, что обозначает *слава*, и от WIG – *битва*, значение имени возможно интерпретировать как – *славная битва* [Meldi 2005: 1114-1116].

Очевидно, поскольку имя – явление социальное, в нём возможно восстановить оценку и осознать её мотивацию. Апеллятив антро-

понима соотносим с оценочным высказыванием, которое « … выполняет коммуникативную цель рекомендации, побуждение к действию…» [Арутюнова 1988: 6]. Например, можно интерпретировать внутреннюю форму имени Луиджи «да будет битва славной!», которая, очевидно, заложена в соответствии с законом магии «сказать – наполовину сделать».

Структура оценки представляется следующей: «Оценка определяет выбор из некоторого ассортимента объектов или альтернатив. Она потому неотделима от сравнения. Сравнительная оценка выражает предпочтение, связывающее оценку с деятельностью. Это в свою очередь ставит оценку в зависимость от цели действия или предназначения предмета» [Арутюнова 1988: 7]. Очевидно, в момент номинации определённых предметов и явлений оценка была, однако она не восстановима в её первоначальном формировании в сознании древнего социума говорящих, в речемыслительной деятельности которых произошло создание внутренней формы. Оценка – это то, что присоединяется к понятию, однако не составляет его. По образному выражению Н. Д. Арутюновой, « … это [оценка] твёрдый орешек, хотя в нём нет семантического ядра» [Арутюнова 1988: 7]. Первокорень же является, прежде всего, семантическим ядром.

Возникает вопрос, всегда ли оценка сопровождает процесс номинации. Например, «стол» назван по действию «стелить», стелить – это хорошо или плохо? Очевидно, в подобных случаях оценка отсутствует.

Оценка появляется и изменяется в процессе употребления готового слова в речи носителей, представителей общества на разных этапах его развития. Чем большее временное расстояние (и пространственное – в случае анализа слов неродных языков) отделяет носителя от интерпретатора, тем сложнее выявить и адекватно истолковать оценку.

Однако среди лексико-семантических групп, обнаруживающих родство ностратических языков, есть группа, в которой предполагается наличие оценки – это группа «основные качества», поскольку качество, как таковое, предполагает знак плюс или минус, по крайней мере, в своей контекстуальной реализации, хотя у первокорня, в

его первозданном этимологическом виде, контекста быть не может. Таким образом, предположим, что среди слов, первокорни которых сформировали лексико-семантическую группу «основные качества», более вероятно обнаружить оценку, чем при анализе лексических единиц других групп.

Аристотель анализирует значение оценочных слов по аналогии с дескриптивными предикатами. Дескриптивные предикаты могут входить в состав бинарной оппозиции (интересный-нудный), и тогда возможно говорить о наличии положительной и отрицательной оценки. Однако другие лексические единицы из лексико-семантической группы «основные качества», такие как «белый-чёрный», могут иметь оценку только коннотативного характера, а последней не может быть в первокорне. Поэтому невозможно говорить о наличии оценки во всех лексических единицах группы «основные качества». Те же предикаты, в которых обнаруживается оценка, восходят к каузативным глаголам, обозначающим отношения между объектами внешнего мира и реакцией на них со стороны говорящего. «Они отсылают к некоторому свойству объекта, который стимулирует в человеке определённую реакцию. При этом само это свойство не эксплицируется … Хотя по логике вещей стимул (т. е. объективное свойство объекта) первичен по отношению к вызываемой им реакции» [Арутюнова 1988: 20]. То или иное слово, обозначающее «основное качество», также является первичным.

Оценка, проявляясь в функционировании готовых слов, имеет место при трансформации значений. Участвуя в этом процессе, она может привести к энантиосемии.

Таким образом, в первокорнях оценки нет. Она появляется после того, как первокорень оформился в употребляемое в речи носителей слово. В процессе употребления оценка формируется и меняется на разных этапах развития общества. Однако эти изменения возможно констатировать при наблюдении за длительными периодами или за кардинальными социальными изменениями. Система ценностей общества, в речи которого осуществилась первичная номинация, то есть заложилась внутренняя форма слова, не всегда восстановима в сознании исследователя, отделённого веками и эпохами.

Выводы к разделу 1

Первокорень, пускаясь в «жизнь», реализует бесконечный потенциал избыточности, энтропии, а также обретения оценочности и её изменения. На динамической траектории «пути» первокорня смысл сохраняет общий семантический стержень, а значения трансформируются. Фактор случайности, непредсказуемости зигзага фантазии носителей языка в сложившемся ситуативном контексте не всегда поддаётся объективной логике. Речь идёт о выборе признака, закладываемого в основу номинации, который, как правило, не отражает основного свойства называемого предмета с точки зрения современных носителей языка. Рождение новых значений происходит в результате употребления слова в речи носителей одного и того же языка на разных этапах его развития и в разных языках, поскольку первокорень обладает свойством кочевать из языка в язык и трансформироваться.

Таким образом, избыточность и потенциал к трансляции смысла и трансформации значений является основным признаком первокорня. Без этого сгустка внутренней энергии корень не будет жить в столетиях и путешествовать по языкам при посредстве человеческих языковых сознаний, которыми он переносится и преобразуется.

Очевидно, на момент номинации первокорень выступал своеого рода текстом, поскольку соответствовал определённой прагматической ситуации, которая называла предназначение или свойство предмета или явления.

Однако современный учёный с полной достоверностью эту прагматическую ситуацию восстановить не может. То, что подвластно исследователю и входит в наши задачи, – это поиск первокорней, транслируемого ими смысла, трансформации значений в разных языках, обнаружение закономерностей данных процессов.

Таким образом, первокорень как сущность языка соотносим со следующими понятиями: языковой знак, языковая универсалия, элементарное понятие в ностратических языках, архетип, внутренняя форма слова, этимон, единица праязыка, результат номинации,

концепт. Его характерными особенностями являются: конкретная вербальная выраженность, законченность, восстанавливаемость при помощи этимологического анализа. Первокорень возник в глубокой древности и продолжает перевоплощаться на разных этапах развития языка, реализуясь в новых словах. Движущей силой преобразования первокорня в разных языках является полисемия. Её реализация происходит за счёт переосмысления первокорня в разных языковых культурах. Исходный смысл первокорня транслируется сквозь века и языковые культуры, являясь семантическим стержнем полисемии, значения же развиваются, трансформируются в разных языках.

Раздел 2

ОТОБРАЖЕНИЕ ПЕРВОКОРНЕЙ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП НОСТРАТИЧЕСИХ ЯЗЫКОВ СОГЛАСНО ОНТОЛОГИЧЕСКИМ КАТЕГОРИЯМ

Анализируемые ниже лексические единицы фиксируются как слова современного русского языка. Наш материал позволил вслед за В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитычем, А. Мейе распределить исследуемые слова по лексико-семантическим группам, которые, в свою очередь, соответствуют основным онтологическим категориям. Отметим, что последние представляют собой значительно большее разнообразие в философии, однако, в нашем исследовании в методических целях организации материала задействованы следующие: явления (‘названия животных’, ‘основные явления природы’, ‘части тела’, ‘названия растений’); действия и процессы (‘элементарные действия и процессы’); качества (‘основные качества’, ‘родственные отношения’); пространство и время (‘пространственные отношения’).

Под лексико-семантической группой (ЛСГ) традиционно понимается класс слов одной части речи, которые связаны между собой общим семантическим компонентом (категориально-лексической семой), сходством уточняющих её сем, сходством сочетаемости, а также однотипностью в развитии многозначности [Матвеева 2003: с. 130]. Так, ЛСГ ‘элементарные действия и процессы’, в основном, представлена глаголами, имеет общую сему «элементарного» действия, уточняющие семы, указывающие на характер действия «природного» или «выполняемого человеком». ЛСГ ‘основные качества’ в целом представлена именами прилагательными, ЛСГ ‘названия животных’, ‘основные явления природы’, ‘части тела’, ‘названия

растений’ ‘родственные отношения’ в основном содержат имена существительные, ЛСГ ‘пространственные отношения’ содержит имена прилагательные и наречия. Однако, как было указано в первом разделе, первокорень, транслирующий смысл, не равен слову, он подвергается трансформации значений, которые, в свою очередь, воплощаются в словах. Последние в сознании современного носителя языка имеют частиречную принадлежность. Однако понятия ЛСГ, а именно, отнесение объектов номинации к одной тематической группе было весьма специфично в сознании носителей разных языков на разных этапах их развития. Следовательно, отнесение анализируемых ниже слов современного русского языка, содержащих первокорень, является условным и осуществляется на семантической основе.

Отметим, что распределение слов, содержащих первокорень, является методическим приёмом организации материала и предпринимается вслед за уже предложившими и успешно использовавшими его учёными (Б. М. Гранде, В. А. Дыбо, В. М. Иллич-Свитычем, А. Мейе).

Лексическое значение, безусловно, привязано к слову. Проблемам лексикологии посвящены труды Р. А. Будагова, Д. М. Васильева, Г. К. Венедиктова, Г. О. Винокура, Н. Д. Голева, М. К. Голованивской, А. А. Гребнева, Н. П. Гринковой, Я. Грота, А. А. Залевской, В. Н. Зиновьева, Б. Н. Проценко, В. М. Русановского, О. Г. Смирновой, О. М. Соколова, Ф. П. Филина, А. А. Ховалкиной.

Если исходный смысл первокорня представляется размытым, не закреплённым за конкретным словом какого-либо языка и подвергается сомнению самим этимологическим источником, лексическая единица причисляется к группе, семантика которой прослеживается наиболее чётко. В процессе анализа рассматриваются значения, сложившиеся на пути развития первокорня в разных языках. Отметим, что жёсткая отнесённость того или иного слова к одной из семантических групп в принципе невозможна, это и не является целью данного исследования.

При изложении материала используется знак кавычек « » для указания конкретного значения определённого слова. Для обозначе-

ния смысла, того, что не имеет конкретного, закреплённого за той или иной звуковой и письменной оболочкой плана выражения, используются марровские кавычки ‘’, к которым традиционно прибегают также Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов.

Порядок следования лексико-семантических групп обусловлен частотностью наполняющих их слов современного русского языка, в которых удалось обнаружить первокорни. Номер при разбираемом первокорне соответствует алфавитному порядку, который таким образом восстанавливается, несмотря на тематическое расположение слов, входящих в разные лексико-семантические группы.

Целесообразность методики исследования слов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе, оправдала себя в работах многих учёных, в том числе Б. М. Гранде, В. М. Иллич-Свитыча, А. Мейе, а также М. М. Покровского, которорый отметил, что «… история значений известного слова будет для нас только тогда понятной, когда мы будем изучать это слово в связи с другими словами, синонимическими с ними и, главное, принадлежащими к одному и тому же кругу представлений» [Покровский 1959: 75].

Трансформация значений происходит на основании метафорических и, в большей степени, метонимических переносов. Метонимические переносы осуществляются по традиционным моделям: nomina actionis, nomina agentis, nomina strumenti, nomina loci.

Обратимся к анализу.

2.1. Явления

2.1.1. ‘Названия животных’

В составе лексико-семантической группы ‘названия животных’ встретились следующие русские слова, содержащие в себе первокорни: агнец, бабочка, блоха, гнездо, ёж, зверь, корова, кот, лань, лебедь, осёл, пава, поросёнок, птица, раковина, угорь, улей, утка, червяк, яйцо, ястреб. К данной группе были отнесены животные и место их проживания (гнездо, раковина).

Отметим, что большинство этих существ не являются экзотическими и живут на многих территориях, приспосабливаясь в разных

климатических условиях, следовательно, они близки и хорошо знакомы носителям разных языков.

2. Агнец – заимствовано из старославянского языка. Старославянское агнец – «ягнёнок» является производным посредством суффикса -ьць (> ец) от основы агн-, которой соответствует латинское agnus – «ягнёнок, барашек») [Шанск., с. 24].

В современном итальянском языке, прямом наследнике латыни, слово ягнёнок agnello является диминутивом agnus, произошедшим от корня * ag-w-no-. Это единственная индоевропейская номинация, которая обозначала молодое животное [ит. эт., с. 46].

От данного корня образовано слово «ягнёнок». Собственно русское по происхождению, оно является новообразованием с суффиксом -ёнок от древнерусского ягня – «ягнёнок», восходящего к agne, развившему начальный j; /e/ у восточных славян изменилось в /'a/. Форма agne, общеславянская по характеру, образована с суффиксом *-ent от *agnъ, имеющего параллели в индоевропейских языках: в латыни agnus – «ягнёнок», голландском oonen «произвести потомство ягнят», древнеанглийском ēanian). Суффикс *-ent выступает в виде -ят- в формах множественного числа в слове «ягнята» [Шанск., с. 523].

В современном испанском языке слово «ягнёнок» переводится как corderito, деминутив от cordero, которое фиксируется в испанском с 1025 года со значением «ребёнок овцы младше одного года». Оно происходит из народной латыни *CORDARIUS от CORDUS, прилагательного, которое применялось по отношению к животным и растениям, появившимся недавно. Однокоренным является слово «сердце» – corazon [исп. эт. с. 151], которое, в свою очередь, восходит к латинскому COR [исп. эт., с. 150].

А. Мейе приводит соответствия данному корню в гомеровском греческом, латинском cor, древнеславянском сръдьцє, древнеирландском cride, хеттском kardi-. Учёный также указывает, что «В названии «сердца» индо-иранский имеет звонкую придыхательную: скр. hŕd- и ав. zərəd- … , при глухой простой в других языках: армянском sirt, древнеславянском сръдьцє, литовском širdis, готском haírto

[Мейе 1938: 143, 190, 266, 405]. О. Н. Трубачёв также указывает, что А. Мейе «…обращает внимание на то, что…от корневого атематического индоевропейского *kerd- произошло, с одной стороны, производное старославянское сръдьцє, а с другой стороны – старославянское среда» (через ять) [Трубачёв 2005: 205]. Об этимологической связи слов сердце и середина пишет текже А. С. Мельничук [Мельничук, т. 5, с. 224].

Данный корень присутствует во всём индоевропейском ареале, в частности, в санскрите – hard-aya. В знаменитой басне А. Шлейхера на гипотетическом индоевропейском праязыке задействован данный корень: «…Овца сказала коням: сердце теснится…Avis akvabhjams a vavakat: kard aghnutai…» [Шлейхер 1960: 104]. Исходное значение корня *kar- – «вибрировать». Однокоренным является слово corrotto – подкупленный (ср. коррупция) от cuore rotto, буквально сломанное сердце [ит. эт., с. 280].

Очевидно, в первокорне *kar- заложен смысл вибрировать, биться, быть живым, от которого посредством метонимического переноса развились значение «сердце» как nomina agentis исполнителя действия «биться». Далее прослеживается перенос значения по признаку – бьющийся, следовательно, «живой»; затем «детёныш». Очевидно, сема «молодой» распространилась на всё молодое, в результате подобного обобщения появилось значение «молодого растения».

Русское слово «сердце» имеет иную внутреннюю форму. Оно развилось из древнерусского сьрдьце, ‘середина’ вследствие изменения гласного / ь / под ударением в / е /, утраты слабого ь и последующего отвердения согласного д. Древнерусское слово сьрдьце восходит к праславянскому *sьrdьce, из *sьrdьko, производному с уменьшительным суффиксом *-ьк-о, в котором после ь звук /к/ изменился в /с/ [ц]. Этот суффикс присоединён к основе существительного *sьrdь «сердце», «то, что находится в середине». Славянское *sьrdь восходит к индоевропейскому *kērdi- (*kērd-. *kri-) [Цыг., с. 420]. Родственным является греческое kardia, таким образом, очевидно, речь идёт об одном корне *kr- со значением ‘то, что в центре, вибрирует’.

В турецком языке «сердце» передаётся словом kalb, которое восходит к арабскому [тур. эт]. На фусхе, литературном арабском языке, первым значением этого слова является «сердце», вторым – «середина». Исходным трёхсогласным корнем указанного глагола выступает глагол /kalaba/ – переворачивать, вращать. Во второй породе, семантикой которой является ‘усиление действия’, что эксплицируется геминацией второго корневого согласного /kallaba/, данный глагол обретает значение «вертеть, ворочать; листать, перелистывать» [Белкин 1986: 397]. Очевидна семантика ‘движения с быстрой периодичностью’, что соотносимо со значением русского слова «биться» (по отношению к сердцу).

Таким образом, в процессе номинации прослеживается аналогичный ход мысли носителей разных языков. Наблюдение о том, что при различных внутренних формах процесс номинации оказывается одинаковым, высказывает целый ряд учёных, в частности, М. М. Покровский, Е. М. Маркова (на что указано в теоретической части нашего исследования). Данный процесс является закономерным в силу одинаковых свойств предмета и общечеловеческих ассоциаций (сердце выполняет действие «биться», находиться в центральном месте человеческого тела).

Английское слово «сердце» heart восходит к староанглийскому – heorte, которое соотносится с древнесеверным hjarta, готским hairtō, древневерхненемецким herza, латинским cor, греческим kardia, древнеирландским cride [Кол., с. 717]. Учитывая наличие соответствия латинскому cor, возможно сделать вывод о родственности английского слова «сердце» heart с исследуемым первокорнем *kr- .

В языке кечуа, у слова «сердце» прослеживается иной корень. В кечуа для обозначения сердца используется два слова: shunqun – сердце или внутренний орган как таковой [Quechua, с. 142], а также puywan – сердце больших животных [Quechua, с. 17]. Язык кечуа является ономатопеическим с точки зрения содержания и принципа номинации, и агглютинативным по своему грамматическому типу. В исторических условиях сосуществования с испанскими завоевателями жители Анд, храня свой язык, духовную и материальную куль-

туру, стремились к консерватизму в языке и сохранению традиций. Интерференция испанского и кечуа произошла, однако она не поглотила кечуанский субстрат, который самобытен и жив в современном андинском ареале.

Таким образом, в сознании носителей разных языковых картин мира, наряду с тем, что во внутреннюю форму названия одного и того же предмета закладываются разные признаки, всё же идут аналогичные процессы интерпретации окружающего мира. Например, в наивной, донаучной картине мира, очевидно, что сердце – это то, что бьётся в середине тела. Следующее значение «молодого животного», очевидно, также восходит к стереотипной ситуации движения детёныша внутри материнского тела. Далее, значение «детёныш» трансформировалось в «молодое растение».

Отталкиваясь в этимологическом поиске от слова «агнец», придя к слову corderito (ягнёнок (исп.)), удалось выделить первокорень *kr- , смыслом которого является ‘движение внутри, в центре тела’. Отметим, что в русской картине мира присутствует фразеологизм «дрожать, как овечий хвост». Возможно, ассоциция именно овцы, а не кого-либо другого, с тем, что дрожит, является всего лишь совпадением, или этот фразеологизм возник в результате влияния языка на коллективное подсознательное древних носителей русского языка, ведомых внутренней формой своего языка. Гипотетически возможно предположить, что в «языковом бессознательном» ассоциативная связь остаётся прочной и незыблемой, в результате чего признак, положенный ранее в основу номинации, повторился в интерпретации стереотипной ситуации, на базе которой сложился фразеологизм.

3. *Акула* – заимствовано в XVIII веке из норвежского или исландского языка. Первоначальное исландское, норвежское haccal было переоформлено в аккула (а затем в акула), вероятно, под влиянием слова рыба [Мельничук, т. 1, с. 58; Шанск., с. 25]. В современном русском языке слово акула не воспринимается как иностранное. В «Большом словаре иностранных слов» А. Н. Булыко оно даётся с пометой происхождения от древненорвежского hàkall [Бул., с. 25] и не фиксируется в Толковом словаре иноязычных слов Л. П. Крысина.

Отметим, что слово русского языка «акула» – единственный пример, который непосредственно не является проявлением первокорня, однако позволяет выйти на некоторые трансформации значений, приводимые ниже.

В языках, в которых не было заимствовано иностранное слово, название этой хищной рыбы было образовано по аналогии с известными человеку существами: рыба-собака (в итальянском – pescecane, в турецком – kopek balığı). В этих языках название акулы терминологизировалось и при прозрачности внутренней формы не разлагается на компоненты, о чём свидетельствует слитное написание в итальянском pescecane (pesce – рыба + cane – собака). Аналогичный ментальный процесс демонстрирует включение двух основ в конструкцию изафета в турецком (kopek – собака + balık – рыба с аффиксом -ı). В арабском языке акула называется морской собакой /kalbu al bahri/ (kalb – собака, bahr – море). Грамматическая конструкция идафы аналогична изафету. Отметим, что при вторичной номинации подобный процесс прослеживается и в сознании носителей русского языка, например, при слове «летучая мышь» никто не представит мышь обыкновенную, только с крыльями. При произнесении названия «летучая мышь» в сознании носителей языка возникает чёткий образ соответствующего существа. Так, в частности, для носителей итальянского языка, в котором это животное обозначается словом «pipistrello», буквальный перевод сочетания «летучая мышь» звучит странно и вызывает в сознании образ диковинного существа. Аналогичный процесс происходит в сознании носителей русского языка при восприятии словосочетания «летучая собака», которым для русских туристов на Шри-Ланке называют волосатое существо, размером с кота-подростка, которое летает в сумерках, а также в светлое время суток под дождём.

Для народов, на территории проживания которых отсутствует та или иная реалия, возможны такие пути её осознания: заимствование и освоение иностранного слова либо осуществление собственной номинации, адаптирующей неизвестное через известное. Так произошла номинация акулы как рыбособаки. Слова рыба и собака, как

реалии известные, являются исконными в разных языках. Обратимся к их анализу.

Рыба – общеславянское, имеющее соответствия в германских языках (ср. в древневерхненемецком rûppe – «гусеница, червяк»). Вероятно, «рыба» по происхождению является словом-табу, заменившим исконное *zъvь – «рыба», корень которого отмечается в литовском žuvis – «рыба», он сохранился в слове русского языка «звено» [Шанск., с. 396]. Табуирование именования рыбы представляется возможным в контексте мифологических представлений о данном существе как перевозчике из мира живых в мир мёртвых (о данной функции рыбы пишет, в частности, В. Я. Пропп).

Одной из этимологических версий происхождения слова «звено» является указанный корень *zъvь – «рыба», первоначальным значением которого было «часть рыбы», затем – «часть цепи, кольцо» [Шанск., с. 160; Цыг., с. 158].

В английском языке слово fish – рыба произошло от староанглийского fisc, которое соотносится с древнесеверным fiskr, готским fiscs, русским piskar, латинским piscis [Кол., с. 581]. Н. М. Шанский считает сближение с русским «пескарь» малоубедительным [Шанск., с. 336].

В современном итальянском языке слово pesce – рыба происходит от латинского piscis, которое, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню *pi- . Данный корень интерпретируется либо как сходный с тем, что в глаголе «пить» и указывает на связь с водой, либо интерпретируется как ономатопеический [ит. эт., с. 748].

Итальянское слово cane (собака) происходит от латинского canis, от индоевропейского kwen, к которому также восходят греческое kýon, немецкое Hund.

Плиний утверждает, что Канарские острова были так названы в связи с тем, что там жило большое количество собак. В современном итальянском языке ползучая роза для изгороди называется rosa canina, поскольку её корни считались средством от собачьего бешенства [ит. эт., с. 180].

В английском языке этот же корень прослеживается в слове hound –охотничья собака, которое восходит к древнеанглийскому hund, соотносимому с древневерхненемецким hunt, древнесеверным hundr, готским hunds [Кол., с. 753]. Немецкому Hund соответствует русское слово «сука». Являясь общеславянским, оно образованно при помощи суффикса -ка от того же корня, что и латышское suns – собака, армянское šun, латинское canis, немецкое Hund, древнепрусское sunis, готское hunds с тождественным значением [Фасмер, т. 3, с. 798; Шанск., с. 431].

В современном испанском языке используется слово perro (собака), вошедшее в употребление в эпоху средневековья как плебейское, противопоставленное благородному can, последний корень восходит к латинскому canis, индоевропейскому kwen [исп. эт., с. 104]. Слово perro имеет ономатопеическое происхождение от prrr, brrr [исп. эт., с. 427]. Отметим, что Н. М. Шанский указывает на влияние того же звукоподражания подзыва животных (бар-бар) в статье о происхождении слова «баран» [Шанск., с. 36].

Согласно мнению некоторых учёных, в русском языке слово собака является древним заимствованием из иранского, вероятно, из языка скифов. Ему соответствует авестийское и мидийское spaka [Шанск., с. 419]. О проблематичности данной версии рассуждает О. Н. Трубачёв в труде «Из славяно-иранских лексических отношений».

Для обозначения данного животного в русском языке также используется слово пёс, которое является древнеславянским, произошедшим из праславянского *pьsъ. Нет единого мнения по поводу его исходного значения. Возможно, оно обозначало «сторож» и, таким образом, было связано с латинским specio «смотрю», авестийским spasyeiti «наблюдает» и славянским пасти. О славянском «пасти» О. Н. Трубачёв в труде «Из славяно-иранских лексических отношений» отмечает, что «… из всех древних детерминированных вариантов индоевропейской основы ‘охранять, пасти’ *pās- , *pāsk- , *pā- , *pāy- славянский достоверно знал только основу *pas- » [Трубачёв 2005: 71]. Согласно другой версии, *pьsъ связано с цветом и разви-

лось из *pьs(t)гъ. По третьей версии, это слово соотносимо с древнеиндийским peçús «скот» и латинским pĕcus «скот, домашнее животное» [Цыг., с. 337]. Два последних предположения Н. М. Шанский считает менее убедительными [Шанск., с. 335].

Исходя из версии, интерпретирующей слово pĕcus как «скот, домашнее животное», возможно констатировать, что в современном итальянском языке значение этого корня трансформировалось в pecora (овечка), от латинского pecus «скот», которому родственно также древневерхненемецкое fihu, немецкое Vieh, произошедшие, возможно, от корня *pac- (-объединять) [ит. эт., с. 737].

Таким образом, отталкиваясь от слова акула, следуя пути движения корней, возможно констатировать существование первокорня *pōi- , транслирующим смысл ‘пить’. В процессе развития его значения трансформировались в «рыба» pesce в итальянском языке, а также пир, пиво в русском [Цыг., с. 343]. Связь рыбы с действием пить, очевидно, произошла на основании представлений о том, что рыба живёт в воде. Первокорень *kwen- сохранил единство смысла и значения «собака» с небольшим расхождением значений в современном английском, где производное hound обозначает не всякую, а именно охотничью большую собаку (отметим, что именно это слово фигурирует в названии романа А. Конан Дойля «Собака Баскервилей»). Первокорень *kwen- транслирует смысл ‘собака’. Значения трансформировались, сохраняя связь с этим животным. Большой трансформации значений не произошло, поскольку слово называет животное, близкое человеку во все времена и практически во всех странах.

Корень *pac- транслирует смысл ‘объединять’ (в том числе животных в стадо), значения которого трансформировались в латыни pĕcus «скот, домашнее животное», в итальянском – pecora (овечка), в русском, возможно, именно этот первокорень дал значение, породившее слово «пёс». Последняя версия может оказаться сомнительной, однако она может служить примером трансформации значений, которая происходит с первокорнем в разных языках. Сложно судить о первичности сем «объединять в стадо» и «охранять», логичен ход

мысли «охранять что» – «объединённых в стадо животных», однако логика древних носителей языка отлична от современных. Это отличие следует учитывать при интерпретации смыслов как действия, признака и т. п., в суждениях о первичности и вторичности имени, глагола, признака, поскольку у древних не было частиречной классификации, и они могли осознавать те или иные смыслы без абстрагирования, но с привязкой к конкретному объекту номинации.

Очевидно, в толковании семантических процессов, приближающихся к первичной номинации (следует говорить именно о «приближении», поскольку прямое соответствие не может быть констатировано с абсолютной точностью), целесообразно использовать более общее сочетание «объект номинации», а не «предмет или явление», «действие», поскольку то, что представляется действием нам, могло быть именем действия в сознании древних носителей языка. В подтверждение мысли о несоответствии частиречного «мировосприятия» носителями разных языков, возможно, в частности, привести пример из грамматики арабского литературного языка, в котором классифицируется «имя действия», называемое арабскими грамматистами термином «масдар», что в переводе обозначает «источник». Данный факт позволяет предположить, что в арабском языке источником других частей речи является «имя действия» (например, учение, писание, чтение).

5. *Бабочка* – собственно русское. Образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса -очка от существительного баба – «мотылёк, бабочка», известного ещё в диалектах XIX века, возникшее лексико-семантическим способом на основе слова баба в значении «ведьма, колдунья < старуха». По старым поверьям, некоторые животные, в том числе и бабочки, считались тайными колдунами [Шанск., с. 31]. Версию о душе первопредка приводит О. Н. Трубачёв: «*baba – слово детской речи … бабочка ‘мотылёк’ – это первоначально ‘душа бабки, предка женского пола’ [Труб., т. 1, с. 107] Производные слова от баба – бабка, бабушка осмысливаются в русском языке как уменьшительные от баба «старуха». В славянских языках баба значит «бабушка». Этот корень встречается в дру-

гих неродственных языках: в английском baby «дитя», итальянском тосканском babbo «папа», турецком baba «отец», почётный титул Али-баба [Цыг., с. 30]. О принадлежности слова «баба» детской речи пишет также А. С. Мельничук [Мельничук, т. 1, с. 102]. Повторение губных характерно в процессе онтогенеза детской речи.

Отметим, что в испанском языке слово бабушка – abuela происходит от слова из народной латыни AVIŎLA, которое является диминутивом от AVIA ‘бабушка’. Испанское слово «дедушка» – abuelo выступает дериватом от AVIA ‘бабушка’. В данной лингвистической ситуации логичным представляется вывод о первичности бабушки [исп. эт., с. 4]. В арабском языке слово «отец» /ab/, очевидно, является тем же корнем.

В современном итальянском языке бабочка обозначается словом farfalla, которое происходит от пересечения двух основ: латинской papilio ономатопеического происхождения и palpitare (биться, трепетать) по отношению к крыльям. Имеется также соответствие в греческом phálaina (ночная бабочка) [ит. эт., с. 380]. Отметим, что в современном итальянском falena, испанском mariposa, русском «ночная бабочка» имеет коннотацию, образованную в результате метафорического переноса «путана, ночная бабочка». В художественной речи Г. Г. Маркеса, нобелевского лауреата в области литературы, фигурирует глагол mariposear, описывающий полёт молодой и милой «марипозиты».

В английском языке слово butterfly (бабочка) происходит от староанглийского buttorflēoge, которое, возможно, базируется на поверии о том, что бабочки воруют молоко и масло [Кол., с. 220]. В этом слове прозрачна внутренняя форма butter – масло и fly – летать.

В языке кечуа бабочка называется словом pillpintuy [Quechua, с. 126], в котором, возможно, заключен корень глагола pintiy – заблудиться, потеряться [Quechua, с. 127]. Если это предположение верно, возможно, полёт бабочки метафорически соотносится носителями этого языка с бесцельным движением заблудившегося человека или животного.

В литературном арабском языке фусха, наряду со словом /faraša/, существует аналитическое название в виде идафы

/abu dakika/ [Красновский, Шарбатов 1992: 33], буквально «отец минуты». Данное сочетание, с одной стороны, передаёт значение мимолётности жизни бабочки, с другой стороны, эксплицирует первокорень /ab/, присутствующий в русском слове «бабочка».

Исходя из номинации бабочки в русском языке, возможно предположить наличие следа первокорня * -b- /ab, baba/, транслирующего смысл «старший, старый». В арабском языке он квалифицируется как двухсогласный. Двухсогласные корни, по замечанию Б. М. Гранде, являются более древними по отношению к трёхсогласным корням семитских языков. Общеславянское слово баба русского языка образовано удвоением слога ба- (ср. такого же образования мама) [Шанск., с. 31].

Собственно называние бабочки в разных языках обусловлено мифологическими представлениями, а также внешними впечатлениями о трепете крыльев, полёте и скоротечности её жизни. В современных языках присутствует коннотация легкомысленного поведения, что является результатом метафорического переноса. Очевидно, первокорень *ba- задействован, преже всего, в лексико-семантическай группе «название родственных отношений» (баба, бабушка), а его присутствие в номинации бабочки обусловлено метафорическим переносом.

8. *Блоха* – общеславянское, индоевропейского характера, имеющее соответствия в литовском blusà, латинском pulex, немецкоем Floh. Индоевропейское *blous- , *plous- представляет собой производное с суффиксом -s- от индоевропейского звукоподражания blou- , plou- , объясняемого как подражание прыжку блохи [Шанск., с. 49].

В современном итальянском языке блоха – pulce происходит от латинского pulex индоевропейского происхождения, которому соответствуют слова санскрита plusih и греческого psýlla [ит. эт., с. 800].

В современном испанском языке блоха pulga дало такие деривaты как espulgar [исп. эт., с. 455], прямым значением которого является выводить блох, а переносным – тщательно исследовать, изучать [Больш испанско-русский словарь 1997: 404]. Интересен тот факт,

что метафорический перенос указывает на анализ (а не синтез) извлечения и рассмотрения мельчайших элементов.

Слово современного английского языка flea (блоха) восходит к древнеанглийскому flēah, соотносимому с древнесеверным flō и древневерхненемецким flōh [Кол., с. 588].

В труде В. М. Иллич-Свитыча «Материалы к сравнительному словарю ностратических языков» приводится указанный корень, фиксируемый в слове «блоха» и его соответствия в ностратических языках [Иллич-Свитыч 1967: 331].

Очевидно, блоха является древнейшим спутником человека на всех территориях, в результате чего данная номинация закрепилась в разных языках. Первокорень *blou- / plou- транслирует смысл прыжка. Очевидно, он прошёл одинаковый этап трансформации значений по метонимической модели nomina agentis, называя исполнителя действия «прыгать», – «блоху». Ономатопеический характер индоевропейского корня blou-, plou- по ментальному процессу своего образования соотносится со звукоподражательным происхождением латинского papilio (бабочка) от palpitare (биться, трепетать).

25. *Гнездо* – общеславянское, восходит к *ni-zdos, индоевропейского характера, имеющее соответствия в древнеиндийском nīdás – стоянка, армянском nist – сидение. Оно образовано путём сложения основ ni- «внизу» и sed- (однокоренное с сесть), в преобразованном виде zd- . Первоначальное значение – «место для сидения внизу» (для отдыха). [Мельничук, т. 1, с. 538; Шанск., с. 106].

Указанный корень обозначает гнездо в итальянском языке: nido произошло от латинского nidus, которое восходит к более древней форме nizdos (место для сна, подстилка), составляющие которого интерпретируются так же, как и в русском этимологическом источнике: ni- – префикс, обозначающий движение вниз, и корень *sed-/ *zdo- от глагола sedeo – сидеть. В санскрите соответствием слова «гнездо» является nida, в немецком – Nest [ит. эт., с. 674].

А. Мейе приводит соответствия: «индоевропейское *ni-zdó (санскритское nīdáh «гнездо», армянское nist «место поселения», латинское nīdus «гнездо», древневерхненемецкое nest) от корня *sed- «сидеть» [Мейе 1938: 269].

Идентичным является слово современного английского языка nest (гнездо), которое также соотносится с латинским nīdus, раскладывается на префиксальную и корневую морфему, имеет значение «сидеть внизу» [Кол., с. 1048].

Слово низ, общеславянское по происхождению, образовано от основы ни- (из *nei- внизу, имеющей соответствия в древнеиндийском ni – низ, немецком nieder – вниз, низкий, греческом neios «луг», родственными являются русские слова нива, никнуть [Цыг., с. 293; Шанск., с. 292], итальянское ниша – nicchia [ит. этимо, с. 673]. В процессе трансформации значений образовался глагол итальянского языка nicchiare со значением «колебаться, не решаться», а также существительное с гендерным показателем мужского рода nicchio – 1) раковина моллюска, 2) в тосканском диалекте – глиняная масляная лампа, 3) треугольная шляпа католического священника [Зорько, Майзель, Скворцова 1995: 581]. Очевидно, значения развивались посредством цепочки метафорических переносов по признаку «укромное место»: место для отдыха внизу, укромное местечко, укромное место для моллюска – его раковина, убежище, сидеть в нём и не решаться выйти, предпринять что-либо, колебаться. А также по признаку формы: раковина, глиняная лампа, шляпа и архитектурная ниша nicchia с показателем женского рода. Возможно, родственным является русское слово «заныкать», спрятать, засунуть в укромное место, а также жаргонизмы «нычка», «нычиться» – скрываться, прятаться, подобно моллюску в своей раковине. По наблюдению учёных, занимающихся изучением развития семантики (М. М. Покровский, Е. М. Маркова), логика мышления остаётся одинаковой. Так, «нычка» является современным жаргонизмом, но оно образовано по тому же принципу и от того же корня, что и ниша. (Ср., например, аналогичное явление идентичности процесса номинации древнего есть – еда и современных жаргонизмов «жрачка» от жрать, «хавчик» от хавать, «бухло» от бухать).

Таким образом, первокорень *nei- транслирует смысл ‘внизу’, значения которого трансформировались в разных языках: по функции место для сидения внизу, прятаться, прятать, укромное место,

«дом» (гнездо, раковина), а также по форме – ниша, глиняная лампа, шляпа.

Вторую часть данного сложного слова составляет корень sedere (сидеть), который происходит от латинского *sed- , он прослеживается также в санскрите sidati, в греческом hézomati, немецком sitzen, в английском sit, в русском «сидеть». Среди производных в современном итальянском наблюдаются следующие слова, которые восходят к латыни, они имеются также в русском: sedia (стул), sedile (сидение), sella (седло), assessor (асессор – чиновник, котороый «сидел» рядом с другим чиновником как ассистент), assedio (осада), possedere (владеть), residenza (резиденция), presidente (президент), subsideo (субсидия) и др. [ит. эт., с. 898]. М. Фасмер указывает соответствия данному корню на славянской почве: праславянское *sesti, литовское sesti, «садиться», древнепрусское sindats, «сидящий», а также сад, садить, седло [Фасмер, т. 7, с. 613]. Г. П. Цыганенко отмечает прямое происхождение от данного корня слова сажа от праславянского *sadja «осадок, сажа», которое в древнерусском языке вследствие изменения *dj в / ж / приняло вид сажа «копоть, осадок дыма», вследствие процесса ётового смягчения. Сюда же относится праславянское существительное *sadlo «сало», собственно «нечто насевшее, осевшее на мясо». Это слово образовано при помощи суффикса *dl-o от глагола *saditi «делать так, чтобы что-то садилось, оседало». Впоследствии в слове *sadlo упростилось сочетание dl > l, давшее современный вид слова «сало» – ‘жировое отложение в теле животного организма’ [Цыг., с. 422].

Следовательно, первокорень *sed- транслирует смысл ‘сидеть’, значения трансформировались с сохранением общего семантического стержня «сидеть». Возможно, пространственное отношение *nei- «внизу» и *sed- «сидеть» были взаимосвязаны в народном сознании, поскольку, даже если место для сидения находится сверху, чтобы в него поместиться, осуществляется направление движения вниз. Эта связь закреплена в слове гнездо, слагаемые которого обозначают «вниз садиться».

Отметим, что семантика ‘схрон’, ‘надёжное место’ в слове «гнездо» также прослеживается в языке кечуа, в котором гнездо обозна-

чается словом qisha, qishaq обозначает «больной» [Quechua, с. 133]. Возможно, общим семантическим стержнем является «спокойное, надёжное место для больного». Вновь подтверждается мысль о том, что в наиболее древний период принципы номинации были аналогичными в разных языках.

43. *Ёж* – общеславянское, от основы *ez- , которая восходит к индоевропейскому *egh- (колоть) [Шанск., с. 138]. От корня *ez- (*egh-) образовано праславянское *ježь. Этапы трансформации были следующие: *ježь возникло из более старого *ežь, где j развилось в начале слова перед /e/. Форма *ežь появилась из *ežjь после изменения zj в ž; само *ežjь возникло при помощи суффикса -j-ь от *ez-, восходящего к индоевропейскому *egh- (колоть) [Цыг., с. 141]. Корню *ez- (*egh-) имеются соответствия в латышском ezis «еж», древневерхненемецком igil, древнесреднегерманском igull, iglas «щетинистый», нововерхненемецком Igel, армянском ozni, греческом echinos «еж». Данный корень связан с греческим exis «змея», армянским ij «гадюка», что, возможно, было табуистическим названием «пожирателя змей» [Мельничук, т. 2, с. 323; Фасмер, т. 2, с. 10; Цыг., с. 141].

По всей вероятности, индоевропейскому корню *egh- (колоть) родственно слово современного итальянского языка ago (игла), которое восходит к латинскому acuere – «делать острым». Родственными являются следующие итальянские слова: aceto (уксус), acido (кислый, кислота), в которых реализуется переносное значение «острый» [ит. эт., с. 46], а также acuto – «острый» (в значении острой поверхности) [ит. эт., с. 33], acerbo – «терпкий». Корень *ak- присутствует во многих словах со значением ‘острия’: acies (лезвие сабли) в латыни, agre, acre (кислый, терпкий, острый на вкус, резкий о запахе, едкий, горький), agrio (то же, что в итальянском; а также о речи «колкий», «язвительный») в испанском. Корень *ak- присутствует также в греческом akon (дротик, копьё), в санскрите açànith (название мифического оружия), ac-noti, ac-nute (достигать, проникать, в данном случае реализуется перенос значения по действию острым предметом), accaio (сталь), в древнеперсидском aku (острие), древневерхненемецком eggju (я заостряю, точу) [ит. эт., с. 26, 30].

Выскажем гипотезу о сближении данного корня со словом современного английского языка «орёл» – eagle, восходящему к старофранцузскому aigle, провансальскому aigla, латинскому aquila [Кол., с. 488]. Этимология латинского слова aquila (орёл) не ясна. Имеются версии о том, что оно возникло от aquilus – тёмный или от греческого aetós от áemi – «дую» (о ветре), однако указывается на неоднозначность этих версий [ит. эт., с. 81].

Латинскому acuere – «делать острым» родственно acuto – острый, которое, в свою очередь, соответствует русскому слову острый, полная форма которого развилась от праславянской краткой формы *ostrъ, производной с суффиксом *-r-ъ, (< *-r-o), указывающим на большую степень признака от корня *os- «острый» из индоевропейского *ok- (*ak-), который содержится в латинском acus «игла», ācer «острый» и в литовском akútas «ость», греческом akis «остриё, колючка». От основы *os- «острый» с помощью суффикса -ть образовано существительное *osть > ость «усик на чешуе злаков», родственными является слово «поощрять». Глагол поощрити образован с помощью приставки по- от ощрити – делать острым, производного с суффиксом -и-ти от прилагательного остръ – острый [Цыг., с. 320, 359].

Возникает вопрос о сближении с данным корнем русского слова «игла», поскольку, кроме значения, на мысль о родстве наталкивает созвучие приводимых выше древневерхненемецкого igil, древнесреднегерманского igull, iglas «щетинистый», нововерхненемецкого Igel, с которыми связана номинация ежа.

Игла – общеславянское по происхождению, образовано при помощи суффикса -ъла от той же основы, что и иго – «ярмо». Первоначальное значение: «тонкая палочка, которой сбоку закреплялось ярмо на шее животного [Шанск., с. 168]. Г. П. Цыганенко отмечает, что значение палочки, скрепляющей ярмо, развилось позже, изначально «игла» обозначало ремень для стягивания ярма, это слово восходит к индоевропейскому корню *jeug- «стягивать, скреплять». Родственным является также старославянское «ижица» – название 42-й буквы кириллической азбуки, поскольку её начертания напоми-

нают контуры ярма, а само название буквы является уменьшительной формой с суффиксом -иц-а от существительного иго. В русских диалектах «игла» употребляется в значении «прут», «спица» [Цыг., с. 167]. Тот же корень, что и в слове игла, прослеживается в «ягель» – мох. Его происхождение неясно, однако, согласно одной из версий, ягель восходит к *ĕgъlь, имеющему тот же корень, что и в слове игла. В таком случае, первоначальное значение – «колющее растение» [Шанск., с. 523].

Слову «игла» имеются соответствия в кельтском *joug- , древнепрусском aysmis «вертел» [Фасмер, т. 2, с. 115]. Следовательно, в слове «игла» прослеживается семантика «острия», что позволяет предположить генетическое родство с корнем, обозначающим ‘ежа’.

Этимологическая версия В. Пизани сближает славянское jьgъla с немецким Nagel «гвоздь». Последнему соответствует слово современного английского языка nail – «гвоздь». В английском языке и ‘гвоздь’, и ‘ноготь’ обозначаются словом «nail», которое не являющимся омонимом, поскольку восходит к одному корню из староанглийского nægl и соотносится с древневерхненемецким nagal (гвоздь), латинским unguis (ноготь, коготь), греческим onux [Кол., с. 1035]. Близким по семантике со словом «гвоздь» является «игла» – needle, которое восходит к древнеанглийскому nædl, оно соотносится с готским nēthla, немецким Nadel [Кол., с. 1044]. Его староанглийское звуковое оформление отличается от слова «гвоздь» одним согласным (/g/ – /d/): nædl (игла), оно соотносится с готским nēthla, немецким Nadel [Кол., с. 1044].

Латинское unguis (ноготь, коготь) отражено в современном итальянском unghia (ноготь, коготь). Сама форма unghia непосредственно восходит к латинскому ungula, которое является диминутивом unguis, изначально оно обозначало «копыта», а затем – ногти, когти. Этот корень индоевропейского происхождения, имеющий соответствия в санскрите nakháh, в персидском nâkhun, греческом ónycs, старославянском noguti, русском «ноготь», готском naglas, древневерхненемецком nagal, немецком nagel (гвоздь), древнеирландском inga [ит. эт., с. 1029].

Возможно, родственным является слово современного турецкого языка iğne (иголка, жало), которое трактуется как происходящее от древнего тюркского корня ig- с иноязычным суффиксом, в сочетании с которым возникло iğ- > iğne [тур. эт.].

Русское слово «ноготь» родственно слову «нога». Праславянское по происхождению, изначально оно обозначало «копыто» (у животных), «коготь» (у птиц), что указывалось в итальянском этимологическом источнике. Ему имеются соответствия в литовском naga «копыто», nāgas «ноготь», готском nagljan «царапать». В славянских языках слово *noga было шутливым названием подобно лапа в значении рука, как в итальянском голова testa от «горшок», (в сицилийском диалекте – cuguzza – голова, буквально «тыква»). Впоследствии оно закрепилось как основное название конечности, поскольку вытеснило общеславянское слово *korkъ «нога» (ср. окорок) и индоевропейское название ноги pes > пех, от которого происходит «пехота», в латыни – pēs, pědis, в испанском – pie, в итальянском – piede (нога, ступня) [Цыг., с. 295; исп. эт., с. 430; ит. эт., с. 753].

Таким образом, смысл тактильного ощущения «колющийся» транслируется первокорнем *egh- ‘колоть’ (а также *ak-, *ig- ‘острый’), *ak- , *ig- неразложимы, в них замыкаются этимологические толкование, и далее их самих цепочка этимологических превращений не идёт. Возможно, они выступили производной либо параллельной формой первокорня *egh- со смыслом действия ‘колоть’, закрепив за собой смысл признака ‘острый’. Бесспорной является объединяющая их семантика ‘колющегося ощущения’. Значения трансформировались, сохранив общий семантический стержень тактильного впечатления остроты. Воспринятый признак ‘острый, колющийся’ был перенесен на «коготь», от которого пучком разошлись значения ‘конечности’ (копыто у животных и когти у птиц), затем был произведён перенос, возможно, с комическим эффектом, на ногти человека, находящиеся на том месте, где у животных – копыта, а у птиц (когтистых животных) – когти. Метафорический перенос «остроты» был осуществлён по отношению ко вкусу. Тактильное ощущение «острый, колкий» стало также базой семантического

пучка, от которого разошлись обозначения острых предметов (копьё, дротик, игла, гвоздь). Значение «стягивать», которое связывают с иглой, возможно, развилось вследствие того, что игла как тонкая ось, скреплявшая застёгивающийся элемент ярма, выполняла функцию застёжки, однако, её изначальная форма тонкой палочки соотносима с острым, колющимся предметом.

Следовательно, в случае, когда смысл связан с конкретным физическим (тактильным) ощущением, значения в процессе трансформации сохраняют исходный смысл.

52. *Зверь* – общеславянское, его первоначальное значение – дикий (вероятно, противопоставлено домашнему животному). Ему имеются соответствия в литовском žvėrìs, латышском zvēr «зверь», греческом thēr, thēros «дикое животное» (th из gh); в латинском fĕrus «дикий, неприрученный», fĕra зверь (f из gh) [Мельничук, т. 2, с. 251; Цыг., с. 159, Шанск, с. 161]. А. Мейе также указывает на соответствие литовского žvėrì (винительный падеж единственного числа) и fĕrus «дикий» [Мейе 1938: 267].

В современном итальянском языке родственным является fiero – отважный, смелый, суровый. Очевидно соотнесение качества смелости с восприятием человеком дикого животного. Итальянское fiero восходит к латинскому ferus, от *fer, которое возможно связать с греческим thér (дикое животное), что восходит к индоевропейской теме *g(w)her [ит. эт., с. 393]. Однокоренным также является слово фурор – furore. В современном итальянском языке первое значение этого слова – приступ страсти или ярости, второе – близкое к значению слова фурор в русском языке [ит. эт., с. 419]. В русский язык слово фурор – шумный публичный успех было заимствовано из французского, оно восходит к латинскому furor – неистовство [Бул., с. 635; Кр., с. 815].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово ferocious – свирепый, жестокий, которое идёт от латыни ferox – воинственный [Кол., с. 568].

Очевидно, однокоренным является имя сверхъестественных существ фурий – Furia, которому родственно итальянское слово

foia – вожделение, мания, от латинского furia, от furere, восходящего к индоевропейскому корню *dhwer- (неистовствовать, срываться с цепи) [ит. эт., с. 402].

Существует мнение, что корень «дикий» – ferus входит в состав слова «зебра» как вторая основа в переоформленном португальском слове, возводимом к латинскому equus «лошадь» и ferus «дикий». На эту версию указывает А. Доза. Однако существует предположение о том, что слово «зебра» заимствовано из африканских языков (Эфиопии или Конго), что отмечает Ф. Клюге [Шанск., с. 161] и другие учёные [ит. эт., с. 1076]. В английской этимологической версии разделяется точка зрения латинского происхождения данного слова, в английский язык оно пришло через итальянский из древнего испанского, в который слово перешло из народной латыни eciferus – от латинского equus «лошадь» и ferus «дикий» [Кол., с. 1786].

Таким образом, первокорень *g(w)her- транслирует смысл ‘дикое животное’, значения трансформировались в обозначении черт характера, метафорически перенесённых человеческим сознанием на бесстрашное поведение, а также на состояние неистовства. Отметим, что связь человеческого эмоционального свойства с определённым животным была типична для построения бестиариев, а также наблюдается в баснях.

66. *Корова* – праславянское по корню. Звуковое оформление восточнославянское с характерным полногласным сочетанием -оло-, которое развилось из праславянского *-or- в *korva ‘рогатое животное’. Это была форма женского рода для обозначения самки от существительного мужского рода *korvъ. Существительное *korvъ образовано при помощи суффикса *-v-ъ от индоевропейского *kêr- «выдаваться, возвышаться». Ему имеются соответствия в греческом keras «рог», keraFos – «рогатый», в древнепрусском kurwis – «бык», польском диалектном karw «старый, ленивый вол», латыни cornu «рог», cervus «олень», литовском karve «корова», немецком Horn «рог» (звуковое соответствие k-c-h). Родственными являются слова горн, серна. Серна – праславянское, современная форма которого развилась из древней *sьrna «серна», собственно «рогатая», оно

происходит от *srna из ker-na «нечто выдающееся, возвышающееся», «рог» (звуковое соответствие k-s-h-c). Слово горн отмечается с I половины XIX века, заимствовано из немецкого языка, в котором Horn значит труба, первоначально – «рог» [Фасмер, т. 2, с. 331-332, Цыг., с. 107, 217, 420; Шанск., с. 213].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово horn – рог, которое восходит к староанглийскому, соотносящемуся с древнесеверным horn, готским haurn, латинским cornu – рог [Кол., с. 749].

Отметим, что в арабском литературном языке слово рог обозначается трёхсогласным корнем /karn/.

В современном итальянском языке присутствует однокоренное слово corno – рог, оно восходит к латинскому cornu, греческому kéras. Корень *ker- является индоевропейским, ему соответствуют верхненемецкое Horn, кельтское corn. Однокоренным является также итальянское cervo – олень, которое происходит из латинского cervus от корня *ker- – голова. [ит. эт., с. 263, 208]. К тому же корню восходит слово «церебральный» и производные от него латинские термины, заимствованные в русский язык [Бул., с. 650; Кр., с. 869]. Латинское cerebrum происходит от *keras (голова), схожее с греческим kára (голова, череп). Ему имеется соответствие в санскрите çiras. От того же корня происходит латинское cervix (затылок), образованное сложением основ *cer- и *vic- (соединять), что является элементом медицинских терминов со значением «мозг». От диминутива cerebellum происходит слово современного итальянского языка cervello – мозг, однокоренное с итальянским cranio – череп [ит. эт., с. 207, 271].

Таким образом, первокорень *ker- транслирует смысл ‘голова’ и всё, что с ней связано: снаружи – рога, затылок, внутри – мозг, череп. Эти значения сформировались в результате метонимического переноса целое – его часть. Далее, на основе такой же метонимии часть – целое сформировались значения рог – рога – крупное рогатое животное (по модели признак – его носитель): корова, бык, серна, олень, старый ленивый вол.

69. *Кот* – заимствовано в праславянский период из народной латыни: cattus – дикая кошка. Производным от котъ является *коша,

давшее уменьшительное кошька > кошка. [Труб., т. 11, с. 209; Фасмер, т. 2, с. 350; Цыг., с. 221; Шанск, с. 216].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово gatto, восходящее к позднелатинскому cattus, которое вытеснило классическое латинское feles, когда из Египта был завезён домашний кот. (Домашний кот был неизвестен в древности [исп. эт., с. 272]). Данному слову имеются соответствия в немецком Katze, английском cat, французском chat. Существует предположение о кельтско-германском происхождении данного слова, поскольку этому корню соответствуют ирландское cat, древневерхненемецкое kazza, шведское katt. (М. Фасмер не поддерживает мысль о германском происхождении слова «кот» [Мельничук, т. 2, с. 450-451; Фасмер, т. 2, с. 350]). В армянском памятнике V века находится слово catu, которому соответствует сирийское gato. В арабском имеется /quittun/. Таким образом, предполагается вероятным семитское происхождение данного слова [ит. эт., с. 427].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово cat, которое восходит к древнеанглийскому catte, происходящему от латинского cattus, ему имеются соответствия в древнесеверном köttr, древневерхненемецком kazza, старофранцузском chat, русском kot [Кол., с. 253]. В турецком языке имеется слово kedi – «кот»; отмечается его средиземноморская распространённость [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *kot представляет собой редкий случай, когда смысл транслируется без изменений и отсутствует трансформация значений. Семантика ‘кота’ замкнута и неизменна в себе самой. От данного корня не произошло переносов. Это животное, безусловно, приобретало сакральный смысл в верованиях разных народов (ср., например, Бастет в египетской мифологии и мумификацию кошек в Древнем Египте).

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, одной из причин существования разных корней для номинации одного денотата является табуирование. В результате последнего исконный корень вытесняется словом-табу, и этимологические нити утрачиваются. Кот как неопасное животное, очевидно, не подвергалось табуирова-

нию, и, в частности, по данной причине это раннее заимствование не подверглось изменениям в процессе освоения.

73. *Лань* – общеславянское, индоевропейского характера. Современное слово лань происходит из *olnь; оно образовано при помощи суффикса -нь от той же основы, что и существительное олень, лось, ему родственны праславянское *olni, древнепрусское alne «лань».

Лось – древнее славянское слово, развилось из праславянского *olsь «лось» вследствие метатезы ol > lo. Существительное *olsь образовано с суффиксом -sь от того же корня *ol-, что слова олень, лань. Ему родственны греческое alkē «лось», древнеисландское elgr «лось» (*algi-), средненемецкое Elch, латинское alces, древневерхненемецкое elo «рыжеватый».

Олень – праславянское, происходит от той же индоевропейской основы *(j)elenь, что и в слове «лань». Значение корня *el- (*ol-) одни связывают с ‘рог’ (армянское ełungu «ногть», eljiur «рог»). Другие соотносят это слово с древневерхненемецким elo, elawēr «бурый, жёлтый». Данную гипотезу разделяет М. Фасмер. Праславянское *(j) elenь в древнерусском языке после утраты /j/ претерпело изменение начального /e/ в гласный /o/, отсюда происходит «олень». Ему родственно древнелитовское elenis, кимрское elain, «косуля», ирландское elit. [Мельничук, т. 2, с. 291; Фасмер, т. 2, с. 458, 522, т. 3, с. 134-135; Цыг., с. 247, 313; Шанск, с. 233, 247, 306].

А. Мейе также указывает на соответствие слов лось и лань, а также отмечает, что олень часто называется своим эпитетом «рогатый», приводит пример из Гомера, объясняя это тем, « … что у полуцивилизованных народностей есть обычай не называть по имени животное, за которым они охотятся» [Мейе 1938: 396].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово alce – лось, которое восходит к латинскому alces, являющемуся германским по происхождению. Ему имеются соответствия в древнеисландском elgr, древненемецком ëlho, современном немецком Elch, современном английском elk [ит. эт., с. 50].

Слово современного английского языка elk – лось восходит к древнеанглийскому eolh, соотносимому с древнесеверным elgr, латинским alcēs, греческим alkē [Кол., с. 506].

Опираясь на соотнесение родственного слова «олень» с древневерхненемецким elo, elawēr «бурый, жёлтый», предположим соответствие современного английского наименования жёлтого цвета yellow, которое восходит к староанглийскому geolu и соотносится с древнесаксонским, древневерхненемецким gelo, древнесеверным gulr, латинским helvus. Однокоренным с yellow выступает английское слово yolk – желток, восходящее к староанглийскому geoloca из geolu – жёлтый [Кол., с. 1779, 1789].

Таким образом, первокорень *el- (*ol-) на начальном этапе своего развития, имея значение «жёлтый», закрепился за реалией крупного животного олень, лось, лань. Согласно традиционному толкованию явления номинации, во внутренней форме прослеживается далеко не основной признак объекта номинации. В данном случае, лось скорее крупный и рогатый, чем жёлтый. Однако следует учитывать пространственно-временное расстояние между носителями языка, в речи которых произошла номинация, и носителями языков последующих эпох. Эта дистанция обусловливает ментальную специфику. По замечанию М. М. Покровского, на дальнейших этапах развития семантики закрепляется вторичное, возможно, коннотативное значение. То основное, что было положено в основу номинации, забывается как неактуальное, что, в частности, приводит к утрачиванию этимона. Следовательно, нельзя интерпретировать ментальные процессы, произошедшие в речи, давшей названия «словам и вещам», с точки зрения современного человека.

Следовательно, тот признак, что кажется неосновным нам, представлялся наиболее важным для древних.

Дальнейших образований от названия этого животного не последовало, очевидно, в силу закреплённости за данным конкретным зверем. Именование схожих животных схожими словами, очевидно, обусловлено соотнесением реалий зверей в сознании носителей языка. По замечанию Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, индоевропейцы, перемещаясь на новые земли, давали номинацию познаваемым реалиям, соотнося их с прежде познанными, в частности, это касается животных, которые встречались в новых зонах поселения.

75. *Лебедь* – древнее славянское слово. Его современная форма развилась в результате преобразования праславянского *elbědь «лебедь» – белая птица. В нём произошла метатеза начальных звуков *el > лě. Праславянское *elbědь образовано с помощью суффикса *-ědь, от того же индоевропейского корня *elb-, что и в слове «лебеда». Праславянский корень *leb- , от которого произошло слово лебеда, обозначал «нечто белое» и ещё имел вид *lob- с тождественным значением. Праславянские корни *leb- , *lob- , полагают, развились в результате перестановки начальных звуков в индоевропейских корнях *elb- , *alb- «белый». Эти корни отмечаются в средневерхненемецком elbis – лебедь, названии реки Эльба, латинском albus «белый», греческом alphos «белое пятно» [Цыг., с. 236]. Аналогично название птицы образовано в литовском balañdis – голубь, образованное от balas – белый [Мельничук, т. 3, с. 225; Фасмер, т. 2, с. 470-471; Шанск, с. 236]. Именованию Эльбы подобна древняя номинация Тибра – Albula, соотносимая с белым цветом. В итальянском языке, прямом наследнике латыни, с albus «белый» связано много слов, например, albo – реестр и album – альбом – ‘белая дощечка для объявлений ко всеобщему сведению’ [Шанск., с. 26]. Слово «альбом» было заимствовано в русский язык из латыни через французский [Бул., с. 30; Кр., с. 56], alba – рассвет, от alba lux – белый свет, albume – белок в яйце – от albumen, albus [ит. эт., с. 49, 50].

Однокоренным с латинским albus (белый) является также общеславянское слово «олово», обозначающее металл, названный по цвету, и представляющее собой суффиксальное образование от корня ol- . Аналогично по цвету названо дерево ольха [Шанск., с. 308].

К. Мошинский высказывает догадку о связи варианта индоевропейского *albho- – белый с корнем слова яблоко [Фасмер, т. 4, с. 539]. Яблоко – праславянское, его современная форма развилась из первоначального *ablъko «яблоко» в результате прибавления протетического звука j- . Праславянское *ablъko образовано с помощью суффикса -ъ-к-о от индоевропейской основы *ābl- – ‘яблоко’. От неё в русском языке есть слово с суффиксом -он-ь яблонь, преобразованное в «яблоня». Соответствия имеются в немецком Apfel,

голландском appel – яблоко (звуковое соответствие b – pf - pp). Родственным является также слово «апельсин», которое было заимствовано из голландского языка appelsien, созданного для обозначения плода, завезённого из Китая. Слово представляет собой кальку с французского, буквально, яблоко – appel из Китая – Sien [Цыг., с. 23, 561]. Основа *abl- имеет индоевропейский характер. Соответствия находятся в древнепрусском – woble – яблоко, древневерхненемецком apful – яблоко, древнеирландском aball с тождественным значением, в латинском Abella. Последний топоним является названием города в области Кампании, что на территории современной Италии, который славился своими яблоками («Et quos *maliferae* despectant moenia *A*ellae», – указывает Виргилий в «Энеиде» 7, 740) [Фасмер, т. 4, с. 539, Шанск., с. 522].

Указанный латинский корень со значением ‘белый’ повлиял на название альбатроса. В русский язык слово «альбатрос» пришло через французское посредничество из испанского alcatraz [Бул., с. 30]. В испанский alcatraz – альбатрос заимствовалось из арабского /ġattâs/ со значением ‘морского орла’. В арабском это слово образовано по модели «имя деятеля», буквально обозначает «ныряльщик» и происходит от трёхсогласного корня /ġattasa/, обозначающего действие ‘нырять’.

Из испанского это слово перешло в английский, где стало применяться по отношению к другой птице [исп. эт., с. 19]. В английский albatross – «альбатрос» было заимствовано из португальского alcatraz – «пеликан», пришедший из арабского. В составе арабского заимствования /al-/ – артикль, который был воспринят вместе с корнем как целостное слово, и /ghattās/ – ‘белохвостый морской орёл’. Благодаря цветовому признаку в сознании европейцев именование этой птицы по закону аналогии пересеклось с латинским albus – белый.

Отметим, что белый цвет занимал важное место в мифологических представлениях. Он выступал эквивалентом пелены «слепоты», не позволявшей представителям этого и того света видеть друг друга. Река является границей между мирами. Вода и птица выступают в роли перевозчика. Мёртвая и живая вода отправляют изру-

бленное тело героя в мир мёртвых, а затем – в мир живых. Птица, а позже – крылатый конь (который является синкретизмом коня и птицы после одомашнивания и мифологизации коня), перевозили героя в иной мир во время обряда инициации, что нашло отражение в сказках. Следовательно, логично, что первокорень *elb-, (*alb-), транслирующий смысл ‘белого цвета’, трансформировался в значениях, называющих воду, реку и птиц. Первокорень и мифологема не равны, однако пересекаются и обусловливают друг друга в человеческом сознании.

101. *Осёл* – общеславянское, заимствованное из готского языка, в котором asilus восходит к латинскому asinus [Мельничук, т. 4, с. 218; Фасмер, т. 3, с. 157; Цыг, с. 317; Шанск., с. 314].

Латинское слово asinus средиземноморского происхождения, возможно семитское, которому имеются соответствия в иврите athon – ослица от atana – ‘медленно идти’, в греческом ónos, армянском es, шумерском ansu, баскском asto, древневерхненемецком esil, а также в старославянском и русском – осёл [ит. эт., с. 92].

Таким образом, первокорень, заключённый в слове «осёл», не претерпел трансформации значений и сохранился без изменений (подобно слову «кот»). Очевидно, отсутствие трансформаций значения имеет место в тех случаях, когда денотат не изменяется (не совершенствуется подобно предмету быта), сопутствует человеку и представляет собой древнее заимствование реалии и её названия.

102. *Пава* – собственно русское. Коррелятивная форма женского рода к павъ, старому заимствованию из древневерхненемецкого, в котором pfâwo – «павлин» восходит к латинскому pavo с тождественным значением [Мельничук, т. 4, с. 247-248; Фасмер, т. 3, с. 181; Шанск., с. 321]. Более старинной формой было pavus, слово восточного происхождения, предположительно индийского. Ему соответствуют греческое taós, персидское taus, арабское tavus [ит. эт., с. 737].

Арабское /ṭāwūs/ طاووس было заимствовано в турецкий tavus – павлин, которому имеются соответствия в древнегреческом и в арамейском. Турецкий этимологический словарь также указывает на индийское происхождение данного корня [тур. эт.].

От названия самки павлина – пава пошло именование самца – павлин, которое было сближено с французским pavillon, потому что павлин распускает свой хвост, подобно шатру [Фасмер, т. 3, 182]. Слово «павильон» было заимствовано в русский из латыни, где papilio обозначало «шатёр» [Бул., с. 414; Кр., с. 555]. Очевидно, произошла контаминация слов papilio – «бабочка» и pavus – «павлин» ввиду схожести семантики (раскрытый хвост павлина и яркие цвета крыльев бабочки). Однако само латинское слово бабочка papilio является ономатопеическим по происхождению, напоминающим движение крылышек бабочки [ит. эт., с. 716].

Таким образом, pfâwo – пава, не претерпело трансформаций значений как наименование животного единого в своём роде, подобно словам «кот» и «осёл».

119. *Поросёнок* – древнее славянское слово. Его современная форма появилась в результате присоединения суффикса -ёнок по типу названия детёнышей. Существительное порося (с юсом малым вместо я) развилось из праславянского *porsę с тождественным значением, возникшим из *pors-ent «пятнистое», в котором из en появился носовой гласный /ę/ и отпал звук /t/. Форма *porsent образована с суффиксом названия детёнышей -ent от основы *pork-o, *perk – ‘пятнистое’. Название *porsent – порося обусловлено тем, что дикие поросята пятнистые [Цыг., с. 360]. После развития полногласия /or/ изменилось в /oро/. Эта же основа прослеживается в латинском porcus – свинья, курдском purs, немецком Ferkel [Шанск., с. 355]. Родственными являются также древнепрусское parstian, древневерхненемецкое far(a)h «поросенок», среднеирландское orc «молодая свинья» [Мельничук, т. 4, с. 525; Фасмер, т. 3, с. 332].

А. Мейе указывает на то, что «… слово, обозначающее исключительно «домашнюю свинью», встречается только на севере и западе Европы и не засвидетельствовано ни в индоиранском, ни в армянском, ни в греческом: латинское porcus, ирландское ore, древневерхненемецкое farah, литовское paršas, древнеславянское прася» (юс малый на конце) [Мейе 1938: 395]. И. А. Бодуэн де Куртене отмечает соответствие морфем : « … разных языков из области ариоевропей-

ских (например: *pors- , parš-, porkz-, farh- … опирается, с одной стороны, на их семасиологическое сходство и связь, а с другой стороны, на их фонетическое соответствие, регулярно повторяющееся в целом ряде этимологически родственных слов» [Бодуэн 1963: 274-275].

Латинское porcus дало итальянское porco, оно индоевропейского, характера с изначальной формой porko, широко представленной в индоевропейском ареале. В современном итальянском языке присутствуют дериваты от данного корня, среди которых интересная трансформация значения наблюдается в слове porcellana – фарфор, которое происходит от названия тигровой ракушки, моллюск которой напоминает свинью, затем по сходству с блеском ракушки был назван фарфор, китайская керамика, завезённая в Европу в XVI веке [ит. эт., с. 770].

Таким образом, первокорень *perk транслирует смысл «свинья», который сформировался на базе метонимического переноса по модели признак – его носитель (пятнистый поросёнок – взрослая свинья). Значения трансформировались, сохраняя семантический стержень ‘свинья’. На основании метафорического переноса была осуществлена номинация раковины; второй ступенью наименования стал «фарфор» в итальянском языке, сохраняющий лишь звуковую оболочку porce- (порцелян), семантика которой связана с подобием ракушке и собственно к свинье не относится.

124. *Птица* – древнерусское слово. Образовано при помощи уменьшительного суффикса -иц-а от праславянского существительного *pъta, от которого произошло древнерусское пъта, ему соответствует украинское «птах». Праславянское *pъta родственно латышскому putnus – ‘птенец’, ‘малыш’, в котором наблюдается звуковое соответствие u – ъ. В праславянский период детёныш птицы назывался *pъtę, в котором / ę / происходит из суффикса названий детёнышей -en(t). От *pъtę в праславянскую эпоху при помощи суффикса -ьс-ь была образована уменьшительная форма *pъtenьcь, где перед гласным ь суффикса сочетание /en/ сохранилось, не развилось в носовое / ę /. Древнерусское пътеньць, возникшее из праславянского *pъtenьcь, на почве русского языка претерпело утрату безу-

дарных ъ, ь, а также изменение ударяемого ь > е и последующее отвердение звука / ц /, откуда произошло современное слово птенец [Цыг., с. 381]. Родственными являются латинское putus – мальчик, putila – птенец, древнеиндийское putrás – ребёнок, сын, древнепрусское pawtte [Мельничук, т. 4, с. 623-624; Фасмер, т. 3, 398; Шанск., с. 373].

С данным корнем сближается слово современного испанского языка pato – утка, общее в языках разных семей: в португальском pato, арабском /batt/, болгарском и словенском patka с идентичным значением, в албанском pate – ‘гусь’. Указывается ономатопеическое происхождение слова «pata», передающее ‘тяжёлый шаг утки’ [исп. эт., с. 418]. В испанском языке слова с корнем pat- с женским гендерным окончанием -а (pata) имеет значение ‘лапа’, с мужским -о pato ‘утка’. Их происхождение объясняется звукоподражанием «топать, топтаться» [исп. эт., с. 417].

Латинское putus – мальчик в современном итальянском языке выглядит как putto, и в латыни имеет женский вариант putta – девушка. Однокоренное putela с идентичным значением функционирует в венецианском диалекте. Однокоренное puttana пришло в итальянский через французский putaine [ит. эт., с. 803].

Таким образом, первокорень *рьta транслирует смысл ‘молодого существа’, который возник в результате переноса ономатопеического «топтаться, ходить, шлёпая лапами» на движение кого-то маленького, начинающего ходить по метонимической модели nomina agentis действие – исполнитель действия. Далее подобие походки было соотнесено с птицей типа утки, гуся. Очевидно, компонент значения «неуклюжести» утратился, и возникло обозначение птицы как соотнесения с симпатичным малым существом. Вновь находится подтверждение наблюдению М. М. Покровского о том, что закрепляется не основное, а коннотативное значение.

127. *Раковина* – древнерусское, образовано с помощью суффикса -ин-а от утраченного праславянского *раковь, *ракы со значением «хранилище». В древнерусском и старославянском имелось слово «рака» – ‘ларец’, ‘ковчег’, ‘гробница’, в чешском сохранилось

rakev – гроб. Структура слова *раковь аналогична слову морковь из *мъркы. Существительное *ракы (родительный падеж ракъве) развилось из *orky, в котором начальное *or- изменилось в ра- . Слово *orky через древнегерманские языки пришло в славянские из латинского. В готском arka произошло от латинского arca – ‘ящик’, ‘ларь’, от arcēre ‘запирать, защищать, оберегать’ [Мельничук, т. 5, с. 20; Фасмер, т. 3, с. 437-438; Цыг., с. 391]. По замечанию Н. М. Шанского, сближение данного слова с «рак» является народной этимологией [Шанск., с. 382], однако, согласно комментарию О. Н. Трубачёва, Р. О. Якобсон связывает слова раковина, ракушка, рак [Фасмер, т. 3, с. 439].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово ark, обозначающее Ноев ковчег, восходящее к староанглийскому arc, от латинского arca – ящик, ларец [Кол., с. 81]. В испанском присутствует однокоренное слово arcon – сундук. В Помпеях, в типичной структуре богатого дома была гостиная с бассейном, «имплувиум», содержащим дождевую воду, по бокам бассейна находились вместилища сокровищ под названием arcae. В современном итальянском языке присутствует родственное слово arcano – ‘тайный’, ‘сокровенный’, оно восходит к латинскому arcanus – ‘то, что скрыто в ларце’, от arca – ‘ящик, ларчик’, связанного с arceo – ‘держать далеко’. Корень *ark- , присутствующий также в греческом arkéo – ‘защищаю’, имеет общее значение ‘препятствовать’ [ит. эт, с. 83].

Таким образом, первокорень *ark транслирует смысл ‘препятствовать проникновению’, значения которого трансформировались и конкретизировались. Метонимический перенос с действия на его объект: препятствовать, быть запертным, хранить в себе нечто, защищать – то, что защищается, с последующим сужением значения – моллюск в раковине, сокровище в ящике, а также сакральное значение – Ноев ковчег, хранящий тварей, которых в нём по паре, уникальных для продолжения существования мира. Далее значение ‘защищающего, хранящего в себе нечто, ящика’ трансформировалось в «запертый, запретный ящик», затем – ящик сакрального значения, хранящий в себе мощи, кости не одного, а нескольких людей.

То есть рака, подобно ковчегу представляется вместилищем разных созданий (людей), которые принадлежат тому свету, как твари, сохранённые Ноем во вселенском потопе, на рубеже миров. Развитию значения ящик – ларец – ковчег, очевидно, способствовал метафорический перенос мифологического совмещения корабля и гроба, поскольку последний представлялся тем, что по воде перевозит в мир иной. Лодка, бочка, в которой находится герой волшебной сказки, по наблюдениям В. Я. Проппа, является последующим развитием представлений о проглатывании героя животным-перевозчиком во время обряда инициации и перемещения испытуемого в иной мир.

156. *Угорь* – рыба. Общеславянское, индоевропейского характера. Имеет соответствия в древнепрусском angurgis – угорь, в древневерхненемецком angar – хлебный червь, в латыни anguis – змея, anguilla – угорь. Оно восходит к ongrъ, изменившемуся в угрь в результате развития у восточных славян носового / о / в / у /. Появление беглого / о / в «угорь – угря» объясняется возникновением слогового плавного /р/ после утраты ь. Переносное значение ‘угорь на лице’ возникло лексико-семантическим образом словообразования на базе значений слова «угорь» ‘червь’, ‘личинка’ [Шанск., с. 460]. Слово угорь родственно литовскому ungurys из *angurys, откуда финское ankerias – угорь. Предполагают родство со словом «уж» и древневерхненемецким unc – уж, древнеирландским esc-ung – угорь, буквально «водяная змея», что соотносимо с турецким yılan balığı – угорь, буквально – змеерыба [Мельничук, т. 1, с. 436; Фасмер, т. 4, с. 146]. Корень турецкого слова yılan – змея трактуется как прототюркский [тур. эт.].

Родственное слово «уж» является праславянским по происхождению, имеет соответствия в других индоевропейских языках. Его современная форма развилась из ужь в результате утраты конечного слабого гласного ь и отвердения звука / ж /. В украинском языке в слове «вуж» перед гласным в начале слова развился протетический / в /. Древнерусское ужь восходит к праславянскому *onžь. На почве древнерусского языка носовой гласный / о / изменился в / у /. В праславянском носовой гласный развился из сочетания звуков /on

(an)/ в конце слога. Этот корень прослеживается в индоевропейском *anghuis – змей, в котором корень *ong- тот же, что и в слове «угорь» – змеевидная рыба [Цыг., с. 501].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово anguilla – угорь, происходящее от латинского anguilla, диминутива от anguis – змея. Этот индоевропейский корень сближается с греческим échis, óphis – змея, от которого énchelys – угорь. Родственными являются также слова санскрита ahis, древнеперсидское azh-is, литовское angis – змея и ungurý – угорь, старославянского уж [ит. эт., с. 69].

Таким образом, первокорень *ong- транслирует смысл ‘змеевидная рыба’, значения которого трансформировались, не удалившись от реалии: угорь, змея. В случаях номинации, когда название связано с животным, близким человеку в быту и окружающей среде, значения трансформируются мало. Сохраняется, однако, стандартная схема трансформаций (метонимии, затем – метафора): змея, червь, его часть – личинка (метонимический перенос) в результате метафоры на основании подобия личинки дало название кожному заболеванию угрю.

157. *Улей* – по корню праславянское, по звуковому оформлению – русское. Современное слово развилось из древнерусской формы улии – улей вследствие перехода гласного /и/ перед й в звук /е/. К древнерусскому улии восходит украинское вулик и старославянское улии, которое образованное при помощи суффикса -ии от праславянского *ul- (*ula) – дупло, дыра из индоевропейского щель *aul- – ‘щель’, ‘проход’. Ульем первоначально называлось дупло дерева, где жили пчёлы. Существительному улей родственны греческое aulos – дудка, en-aulos – впадина, пещера, aulōn – долина, ущелье, проход, литовское aulis – улей и голенище. Родственным является также слово улитка, которое в русских словарях отмечается с первой половины XVIII века. Оно образовано с помощью уменьшительного суффикса -к-а от существительного улита, которое некогда значило нечто вроде «владетель дупла» (раковины), «снабжённый убежищем, дуплом». Существительное улита является производным с суф-

фиксом -ит- от праславянского *ul- (*ula) – дупло. От этого же корня при помощи суффикса иц-а образовано существительное улица, праславянское по происхождению. Первоначально «ула» обозначало ‘дыра’, ‘отверстие’, затем ‘вход’, ‘ворота’, ‘проход’, ‘проход между рядами домов’. Данному слову родственно греческое aulon – овраг, ущелье, aulē – двор. Это тот же корень, что и в словах закоулок, улей, улитка [Мельничук, т. 1, с. 439; Цыг., с. 504-505; Шанск., с. 464].

Однокоренным является слово современного итальянского языка aula – аудитория, восходящее к греческому aulē – двор [ит. эт., с. 105]. Следовательно, значение «аудитория» развилось как помещение – ‘пространство, рукотворное по отношению к природному’ – оврагу, раковине.

К этому же корню относится итальянское слово alveare – улей, которое происходит от alveo – русло реки, от латинского alveus – деревянный горшок, ящик, затем – ложе реки. Однокоренным является итальянское слово alvo – живот, чрево, средоточие, восходящее к терминологии средневековой медицины; на латыни – alvus, сходное с греческим aulós, – канал [ит. эт., с. 58]; а также слово альвеолы (углубления в челюсти) – alveolo – диминутив от alveo [ит. эт., с. 58]. Оно было заимствовано в русский язык из латыни [Бул., с. 31; Кр., с. 56].

Однокоренным является также слово современного турецкого языка avlu – двор, восходящее к древнегреческому aulē αυλη, которому соответствует латинское aula – аудитория, аул – поселение [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *aul- транслирует смысл ‘вогнутого ограниченного пространства’. Значения трансформировались, сохраняя общий семантический стержень: щель, проход. На основе перенесения признака ‘ограниченного пространства’ сформировались значения улей, дупло, а также впадина, пещера, овраг. Метафорические переносы дали значения дудка, голенище, а также двор и аудитория; перенос был осуществлён и на участки тела человека: живот, чрево, альвеолы. Метонимия по модели место – тот, кто в нём находится, дала название улитке как того, кто «снабжён убежищем».

158. *Утка* – по корню праславянское, имеет соответствия в других индоевропейских языках. Современная форма развилась из древ-

нерусской утъка, отмечаемой в памятниках XIII века. В ней исчез слабый гласный ъ. Древнее утъка образовано при помощи уменьшительного суффикса -ък-а от уты, винительный падеж утъвь «утка». От него происходит древнерусское ут-иц-а, утиный и древнее утя (с юсом малым на конце) ут-ен- , давшее после присоединения суффикса -ък-ъ > ок – современное «утёнок». Древнерусское уты развилось из праславянского *onty с тождественным значением вследствие изменения у восточных славян носового / о / в ротовой гласный / у /. В праславянском *ont-у носовой гласный /о/ возник из индоевропейского сочетания /on/ в конце слога. Слову *onty соответствуют литовское antis, немецкое Ente [Цыг., с. 508-509], латинское anas, древневерхненемецкое anut – утка, литовское antuka – кулик [Фасмер, т. 4, с. 174; Шанск., с. 486]. А. Мейе о данном корне говорит, что « … В конечном слоге слова *ə сохраняется: древневерхненемецкое anut (из *anud) «утка», где u отражает *ə, при латинском anas» [Мейе 1938: 126].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово anatra – утка. Оно восходит к латинскому anas, anatem (винительный падеж), затем – к *anitra(m) – форма народной латыни. Данный корень индоевропейского происхождения, ему соответствует немецкое Ente – утка (газетная утка в переносном значении) и древневерхненемецкое anut [ит. эт., с. 66]. По замечанию Г. П. Цыганенко, значение «газетная утка» возникло в XX веке, что является семантической калькой французского слова canard – «утка», ложный слух. Во французском языке выражение donner des canards обозначает «пустить слухи» [Цыг., с. 509].

Таким образом, первокорень *onty транслирует смысл ‘утка’ как конкретная водоплавующая птица. Значения практически не трансформировались, как это происходит всегда с названием животных, близких человеку. В современности сформировались переносные значения, такие как утка газетная или медицинская.

164. *Червяк* – общеславянское, является параллельным образованием к несохранившемуся чьрмь (древнерусское чьрмьный – «красный», украинское червоний), восходящему к *kьrmь, родственному

персидскому kirm – «червь», древнеиндийскому /krmis/ – чередование суффиксальных m/v носит индоевропейский характер. Однокоренным со словом червь является общеславянское существительное черёмуха. Оно образовано с помощью вторичного суффикса -уха от несохранившегося черема – смуглая, восходящего к общеславянскому *kerma. Звук /к/ изменился в /ч/ перед /е/, а сочетание /er/ на древнерусской почве перешло в /ере/ в процессе первой палатализации. Общеславянское *kerma родственно *kьrmь в древнерусском чьрмьный [Шанск., с. 490, 491].

Индоевропейской базой данного слова является kwrmi, которая в латинском и германском ареале преобразовалась в wermi. В санскрите родственным является krmih, литовском kirmis, готском vaurmus, немецком wurm, английском worm [ит. эт., с. 1047]. Слово современного английского языка worm – «червь» восходит к староанглийскому wyrm, соотносимому с древнефризским wirm, древневерхненемецким wurm, древнесеверным ormr, готским waurms, греческим romos (древесный червь), латинским vermis [Кол., с. 1770]. Латинское vermis в современном итальянском дало слово verme – червяк [ит. эт., с. 1047]. Отметим, что к латинскому vermis (червяк) восходит итальянское слово vermicelli – вермишель [Шанск., с. 76], которое буквально обозначает «червячки» (диминутив с флексией мужского рода множественного числа). Слово «вермишель» было заимствовано в русский язык из итальянского [Кр., с. 161] через посредство французского [Бул., с. 117].

А. Мейе отмечает соответствия: «червяк: санскрит kŕmih, новоперсидский kirm, литовский kirmis, ирландский cruim, валлийский pryf и латынь uermis, древневерхненемецкий wurm, греческий ρόμος» [Мейе 1938: 397].

Индоевропейскому происхождению данного слова kwrmi, очевидно, соответствует слово kırmızı (красный цвет) современного турецкого языка, которое восходит к арабскому /krmz/ – жук, дающий краску красного цвета [тур. эт.]. Гипотетически возможно соотнести первые три согласных этого четырёхсогласного корня с арабским / karrama/ 1) читать, почитать 2) чествовать, /karamun/ – благородство,

великодушие, щедрость [Белкин 1986: 406]. Подобное развитие переносного значения, возможно, связано со следующим обстоятельством. Как отметил С. Б. Крымский в одном из своих устных выступлений, в природе краситель, дающий красный цвет, было наиболее сложно добыть, и потому одежды красного цвета могли носить лишь знатные благородные люди. Следовательно, наблюдается метонимический перенос: дворянин, носящий одежды красного цвета, > благородство.

От этого же корня происходит заимствованное в русский из французского слово «кармин» – от арабского /kirmiz/ красный + minium = киноварь – ярко-красная краска, добываемая из насекомого кошенили; применяется в живописи, парфюмерии [Бул., с. 255].

Таким образом, первокорень *krm транслирует смысл ‘красный цвет’, значения которого трансформировались в название жучка-носителя признака, из которого этот окрас добывается, червяка, затем по форме червячка была названа вермишель. И тот и другой перенос возможно интерпретировать как метафорический подобия цвета и формы, так и метонимический по модели признак – его носитель. По замечанию В. В. Виноградова в предисловии к книге М. М. Покровского «Избранные работы по языкознанию», метафора произошла от метонимии, поскольку перенос по подобию значит, что признак предмета имеется в том, что выступает образом в составе метафоры.

167. *Яйцо* – общеславянское, образовано первоначально как диминутив с помощью суффикса -ьсе (современное -цо) от jaje – яйцо, сохранившееся в некоторых славянских языках и восходящее к *aje, развившему начальный / j / (в старославянском была форма аице). Существительное *aje имеет индоевропейский характер, которому соответствуют древневерхненемецкое el – яйцо, готское ada, греческое ōion, латинское ōvum с тождественными значениями [Шанск., с. 524]. Праславянское *aje развилось из индоевропейского ōv-jo-m – названия птицы. От него латинское ōvum – яйцо, avis – птица. От последнего произошло слово авиация [Цыг., с. 565], которое было заимствовано в русский язык из латыни через посредничество французского [Бул., с. 9; Кр., с. 32].

Праславянское *aje родственно осетинскому aik – яйцо, древне- и средневерхненемецкому ei, древнеисландскому egg, кимрскому wy – яйцо, древнекорнуэльскому uy, корнуэльскому oy [Мельничук, т. 6, с. 539-540; Фасмер, т. 4, с. 552].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово uovo – яйцо, которое восходит к позднелатинскому ovus, от классического ovum, которое связывается с avis – птица. Основой является ow, ей соответствуют слова санскрита avjan, греческого oión (от более древнего *oÛyon). В германском и славянском ареалах основой выступает oi / ei, как в немецком, – ei [ит. эт., с. 1031].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово egg, пришедшее из древнесеверного и соотносимое со староанглийским æg, древневерхненемецким ei [Кол., с. 498].

От того же корня, что и avis – птица происходит современное итальянское uccello – птица, пришедшее из позднелатинского aucellus, которое использовалось на месте avicellus, диминутива от avis, женского рода от классического avicula. Однокоренным является слово oca – гусыня. Оно происходит от позднелатинского auca, возможно, от aucella, от *avica, заменившего исходное anser и ставшее названием домашней птицы, священной для богини Юноны. Avis – индоевропейское по происхождению, ему соответствуют слова санскрита hasas, греческого oionós. Среди производных отмечается, в частности, ocarina – духовой музыкальный инструмент в форме птицы, придуманный Г. Донати в 1867 году, восходящий к названию гусыни в эмильянском диалекте итальянского языка [ит. эт., с. 689, 1025].

В современном испанском языке слово птица – ave также восходит к указанному латинскому avis [исп. эт., с. 54].

В турецком «яйцо» yumurta трактуется как древний тюркский корень [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *aje- транслирует смысл ‘яйцо’. Значения трансформировались на основании метонимии птица – произведённое ею яйцо. Затем произошло сужение и конкретизация значений, указывающих на птицу домашнюю и конкретно на гусыню. Столь неразветвлённая трансформация значений обусловлена тем,

что яйцо – конкретный предмет, близкий человеку в быту, а также яйцо – это элемент мифологической картины мира, занимающий важное место в верованиях многих народов. Такие значения не претерпевают большого количества трансформации, сохраняя первоначальный смысл практически в полном объёме. Отметим, что соотнесение птицы с самолётом и авиацией по метонимической модели исполнитель действия (птица) – действие (летать) – объект, выполняющий действие (самолёт – «стальная птица») характерно в разных неродственных языках, например, в русском и в арабском (в последнем корень слова летать тот же, что и в ‘птица’ и ‘самолёт’.

170. *Ястреб* – по корню праславянское – *jastrębъ возникло из *astrębъ – зоркая птица вследствие появления в нём протетического звука / j /. Ему родственно праславянское *(j)astriti – быстро видеть. Первоначальное *astrębъ образовано от прилагательного *astrъ – быстрый с помощью предметного суффикса *-ębъ, который является звуковой разновидностью суффикса *onbъ, того, что в слове голубь. Прилагательное *astrъ развилось из *asrъ в результате вставки между согласными / sr / взрывного / t /. Форма *asrъ образована с суффиксом *-rъ от индоевропейского *as- из *ōku – быстрый (о взгляде, о полёте), звуковое соответствие k – s. Родственными являются древнеиндийское āçus, авестийское āsu, греческое ōkys – быстрый [Цыг., с. 568].

Родственным является латинское accipiter – ястреб, первоначальная форма – *acupeter с удвоением cc от accipere, а также словацкое jastrit’ – бросать быстрые взгляды, jastrivy – острый, быстрый (о взгляде). Первоначальное значение ястреб – птица, отличающаяся быстрым полётом [Мельничук, т. 6, с. 558; Фасмер, т. 4, с. 566-567; Шанск., с. 526]. О. Н. Трубачёв отмечает корень -ak- из индоевропейского *ōk-, вариант с долготой от более распространённого *ok- , славянского oko ‘глаз’ [Трубачёв 2005: 66].

В современном итальянском языке ястреб называется словом avvoltoio avvoltoio. Существует три этимологических версии: avvoltoio возводят к латинскому vulturis. Полагают, что vulturis происходит от vulture и связывается с vellus – шерсть, того же, что в

английском wool – шерсть, которое восходит к древнеанглийскому wull и соотносится с древнефригийским, среднедатским wulle, древневерхненемецким wolla, немецким Wolle, древнесеверным ull, латинским lana и vellus – шерсть [Кол., с. 1767]. Также существует предположение, что vulturis восходит к vellere – раздирать, поскольку птица хищная. Согласно другой версии, это название этрусского происхождения: птица Vel. Однокоренной топоним Vulture называет гору в области Кампанья на юге Италии. Итальянское av- может происходить от avis – птица, avis vulturis или от acceptor – ястреб. Однокоренной глагол accettare – принимать происходит от латинского acceptare, интенсива от accipere, состоящего из ad- и capere – брать [ит. эт., с. 25, 110]. В таком случае, acceptor – ястреб возможно возвести к латинскому capere, которое через народную латынь пришло в итальянский в виде capire с исходным значением брать руками, затем – схватывать умом. Корень *kep- присутствует в греческом kápe – рукоятка, в германском ареале, в немецком hab-en – иметь [ит. эт., с. 184].

В турецком языке функционирует слово ok – стрела, совпадающее с указанными по семантике (быстрый полёт) и звуковому оформлению, оно квалифицируется как собственно тюркское [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *ōku транслирует смысл ‘быстрый (о взгляде, о полёте)’. Значения трансформировались на основании метонимии действие – его исполнитель – ястреб, стрела, а также, метафорического переноса – быстрый взгляд.

Первокорни, обозначающие животных, сопутствующих человеку в быту и не подвергающихся табуированию, практически не претерпеват изменений, то есть значения не уходят далеко от смысла.

Признак, положенный в основу номинации и кажущийся нам не основным, очевидно, был наиболее актуальным для древних носителей языка как такового, в речи которых сформировалось то или иное название. На дальнейших этапах развития семантики закрепляется вторичное, возможно, коннотативное значение, в результате чего происходит затемнение этимона.

Обозначение признака, положенного в основу номинации, словом, реализующим древний корень, отображает обстоятельства ак-

туализации, видения и использования объекта номинации в жизни древних носителей языка.

Обобщая процессы трансформации значений лексико-семантической группы ‘названия животных’, возможно отметить следующее. От обозначения животных, не схожих с другими, виды которых (подобно оленю, лосю, лани) не встречались в большом разнообразии на пути движения индоевропейцев, практически не произошло трансформаций (кот, осёл, пава), либо трансформации произошли в небольшой степени (угорь – рыба, змея, личинка с последующим метафорическим переносом на название заболевания кожи).

Признак переносится на его носителя (ястреб – быстрый, ёж – острый, колючий) подобный перенос происходит и по признаку цвета (червь – красный, червонный, лань, олень, лось – «жётые», лебедь – белый, поросёнок – пёстрый). Трансформация, исходящая от семантики движения, приводит к обозначению, сформировавшемуся по метонимической модели nomina loci (биться внутри – сердце, ягнёнок, сидеть – гнездо (низ)). Черты животного в результате метафорического переноса могут прилагаться к человеку, что характерно также для басенной аллегории.

Обозначение реалии мира животных переносится на его носителя (яйцо – птица, гусыня; раковина – моллюск, жемчуг). Возможны также метафорические переносы (внутреннее пространство – улей, дупло, аул, аудитория).

Трансформации значений слов лексико-семантической группы ‘названия животных’ характеризуются большей степенью конкретизации по сравнению с другими анализируемыми группами, очевидно, в силу своей привязанности к конкретному существу, воспринимаемому человеческим сознанием.

2.1.2. ‘Основные явления природы’

В составе лексико-семантической группы ‘основные явления природы’ встретились следующие слова современного русского языка, содержащие первокорни: вода, день, дерево, зима, море, ночь, огонь, пена, порох, река, руда, сад, село, семя, скала, сок, солнце, тьма.

23. *Вода* – древнее славянское слово общеиндоевропейского характера, сохраняющее своё первичное значение. Та же основа, но с переогласовкой, содержится в словах ведро, выдра, гидра [Цыг., с. 77; Шанск., с. 86]. Родственным является также древнеиндийское uda- «вода», носовой согласный в латинском unda «волна» вторичного происхождения [Мельничук, т. 1, с. 414; Фасмер, т. 1, с. 330].

Однокоренным является слово современного итальянского языка onda – волна. Оно происходит от латинского unda, восходящего к древнему индоевропейскому корню *wed- / *ud- с исходным значением воды как в магическо-религиозном, так и в практико-инструментальном значении. Ему имеются соответствия в санскрите udakám, греческом hýdor, славянском voda, литовском vaduô, русском vodka, немецком Wasser [ит. эт., с. 697].

Немецкое соответствие позволяет сделать вывод о родственности английского water – вода. Оно исходит от староанглийского wæter, германского происхождения. Имеются соответствия в саксонском water, древневерхненемецком wazzar, готском watō, старославянском voda; этот корень соотносится с греческим hudor [Кол., с. 1733].

Тот же корень реализуется в итальянском sudare (испанском sudar [исп. эт., с. 518]) – «потеть», который восходит к древней теме *swoido индоевропейского происхождения. Ему соответствуют в санскрите svédah, греческом hidrós, немецком Schweiss, английском sweat [ит. эт., с. 968]. Английское sweat восходит к староанглийскому swætan – потеть, из swāt – пот, соотносимого с древнесаксонским swēt, древнесеверным sveiti, древневерхненемецким sweiz, латинским sūdor, санскритским svedas [Кол., с. 1556].

Родственным с «вода» является слово «ведро» [Фасмер, т. 1, с. 283-284], которое восходит к тому же индоевропейскому корню *ued- «мокнуть, орошать», что и в слове «вода» (чередование е : о). Ему соответствуют хеттское vator, vatenas «вода», литовское vandu «вода» и vudra «выдра», а также немецкое Wasser «вода», германское *wēta «влажный». Слово выдра восходит к индоевропейскому

*ūdra «вода», которому соответствуют древнеиндийское ūdrás «выдра», udán «вода»; греческое (h)ydros «водяная змея». В славянских языках индоевропейский звук *ū дал /ы/, перед которым развился протетический звук /в- / [Цыг., с. 63]. В русский язык слово гидра было заимствовано из греческого [Бул.,с. 150], также как и гидро … - составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову влажность [Кр., с. 197].

Однокоренным является также слово современного английского языка wet – мокрый. Оно восходит к староанглийскому wēt и соотносится с древнефригийским wēt, древнесеверным vātr, старославянским vedro [Кол., с. 1745].

Таким образом, первокорень *wed- / *ud- транслирует смысл ‘вода’. Значения трансформировались в небольшой степени. На основании метонимического переноса вещество – то, что из него состоит, возникло слово волна, то, что его содержит – ведро; вещество – его признак – мокрый, влажный; действие увлажнения – мокнуть, потеть; вода как среда обитания – те, кто в ней живут, – гидра, выдра.

37. *День* – общеславянское, индоевропейского характера, имеет соответствия в древнеиндийском dínam, литовском dienà, латышском díena – день, ирландском denus – промежуток времени [Мельничук, т. 2, с. 33-34; Труб., т. 5, с. 33; Фасмер, т. 1, с. 498-499; Шанск., с. 123].

Слово «день» современного русского языка развилось из праславянского *dьnь вследствие исчезновения конечного слабого гласного ь и изменения корневого слабого гласного ь в гласный полного образования /е/. Праславянское *dьnь этимологически обозначает ‘ясный, блестящий’ и восходит к индоевропейской основе *din- , которая представляет собой сочетание корня *di- (того же, что *dei-) ‘светить’, ‘сиять’, и суффикса -n- – варианта суффикса -en-. Однокоренным является слово «сегодня» [Цыг., с. 125].

В современном испанском языке día – день, восходит к слову народной латыни *dīa [исп. эт., с. 191]. Слово giorno современного итальянского языка также восходит к латинскому diu – ‘на свет, на свету’, которое является древней формой вокатива *dius классического

dies. От слова dies происходят также названия божеств светлого дня Dieus-pater (которому соответствует санскритское Dyauh-pita), а также Juppiter – Юпитер, Diana – Диана [ит. эт., с. 439]. Подобные соответствия приводит также А. Мейе: «древнепрусское deiws «бог» … , латинское deus (из *deios, *deiuos), … оскское deivai «богини», древневерхненемецкое Zīo и древнеисландское Týr (из- германского *tīwaz), ирландское dīa, санскритское deváh «бог», авестийское daēvō «демон» [Мейе 1938: 137].

Родственным является слово современного итальянского языка Dio – Бог. Оно произошло от латинского dues. Его темой является *deiwo, связанное со значением «свет» (dues изначально было прилагательным со значением «светлый»). Ему имеются соответствия в санскрите deva-, от корня *div- – «блестеть». Другая латинская форма divus, от которой происходят итальянское divino (божественный), divinare (предугадывать) – это та, с которой связано dues и dies от Dieus-pater [ит. эт., с. 310]. В итальянском языке прилагательное divino (божественный) впоследствии стало постоянным эпитетом «Божественной комедии» Данте la Divina Commedia, а также прозвищем Микеланджело – Divino божественный.

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, от индоевропейской основы *t'ieu- / *t'iu- с первичным значением 'небо' происходят латинское dues – бог, dīus – небесный, греческое имя верховного бога Зевс. «Поскольку основа *t'ieu- / *t'iu- 'небо' употребляется как название 'бога' во всех древнейших индоевропейских диалектах, дифференциальный семантический признак 'небесный' – 'земной' является, очевидно, древнейшим признаком, по которому противопоставляются 'люди' и 'боги' [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 475-476].

Однокоренным является русское слово «диво», восходящее к индоевропейской основе ди-, от которой произошли латинское deus, греческое theos – «бог». От этой же основы при помощи суффикса -къ образовано известное в восточно- и западнославянских языках «дикий» [Шанск., с. 125].

Очевидна трансформация значений divinare (предугадывать будущее, гадать, indovinare (итал.), adivinar (исп.) – угадывать,

adivinador (исп.) – гадатель), диво, в значении чудо. Возможно, подобная трансформация значений при трансляции смысла ‘блеск’ первокорнем *di- стала возможной на мифологической почве. Архетипичным представлением об ином мире является блеск, свет, белый цвет и, так называемая вслед за В. Я. Проппом, «слепота иного мира», когда житель этого света не может видеть тот свет, белый цвет – признак существ и явлений того света. Совмещение признаков ‘белый’ и ‘ясный’ отображено, в частности, в современном турецком языке, в котором Средиземное море называется akdeniz, в составе которого корень ak- несёт значение ‘белый, ясный, блестящий’, как это море выглядит на рассвете при взгляде на него с анатолийских земель.

В современном английском языке слово day – «день», восходит к староанглийскому dæg, соотносится с древневерхненемецким tag, древнесеверным darg [Кол., с. 405]. Однокоренным в английском языке является слово «рассвет» – dawn, восходящее к древнеанглийскому dagian – светать [Кол., с. 405]. Чётких указаний на соответствие латинскому *dei- не наблюдается. Корень слова day соответствует *fav- (тому же, что в латинском слове favilla – искра), а также в санскрите dàhati, в готском dags – день [ит. эт., с. 384]. Данный первокорень рассматривается в нашей работе при анализе слова «запястье» в разделе «части тела» под номером 49.

Таким образом, первокорень *di- транслирует смысл ‘светить’, значения которого трансформировались в «блестящий», а также – светлое время суток – день, рассвет, «белое, блестящее, ясное» море. Метафорический перенос дал значение «сверхъестественный – божественный», очевидно, произошло наложение впечатления о свете, небе в дневное время и небе как одном из мест пребывания богов, в результате чего данный корень совместил признаки ‘светлый’ и ‘божественный’.

38. *Дерево* – общеславянское, имеет точные соответствия в балтийских языках. Общеславянское *drevo образовано от основы der-. Полногласное сочетание -ere- развилось из праславянского *-er- (*dervo). Та же основа der- на другой ступени чередования выступает

в слове «драть». Эта основа фигурирует в литовском dervá (сосна), darva (смола), древнеиндийском dāru, dru (дерево, материал), греческом dory (дерево, копьё), кимрском derwen (дуб), англосаксонском teru «смола», авестийском dauru, «дерево», ирландском derucc «желудь», галльском dervo. Родственным является слово «драть», «дрова» [Мельничук, т. 2, с. 36-37; Труб., т. 5, с. 106; Фасмер, т.1, с. 502; Цыг., с. 126; Шанск., с. 123, 132]. А. Мейе приводит соответствия: «…древнеславянское древо (через ять) (русское дерево), валлийское derwen «дуб», ромеровское (родительный падеж) δουρός (из δορFός) «древка» [Мейе 1938: 157].

Драть – древнее славянское слово, сохранившееся в своём первоначальном значении. Однокоренными являются литовское dirti «сдирать», греческое derma «кожа», derō «деру», готское distairan, [Цыг., с. 136; Шанск., с. 132], драка [Шанск., с. 131], а также слово современного русского языка «дорога», образованное с помощью суффикса -г(а) от той же основы, что и дор – «расчищенное место». Слову «дерево» родственно прилагательное «древний», заимствованное из старославянского языка, а также «здоровый» (по крепости подобный дереву) [Шанск., с. 129, 132, 161].

Возможно, этот же корень прослеживается в слове современного итальянского языка duro (твёрдый, трудный), произошедшем от durare (длиться). В латыни глагол durare имел значение «делаться твёрдым». Корень durus (от древнего *druros) восходит к *dwa-du, которому имеются соответствия в санскрите dàrunah (крепкий, сильный), греческом derón, связанном с drys – древнегреческим названием дуба [ит. эт., с. 333]. В греческом языке однокоренным со словом дуб (drys) является имя нимф Дриад, живших под древесной корой [ит. эт., с. 809]. Древнегреческое слово drys – дуб позволяет предположить родственность корня слова «дерево» с латинским durare. Последнее соотносимо с предлогом современного английского языка during (во время), восходящим к duren (длиться), к латинскому durare (длиться) [Кол., с. 484].

Согласно данным словаря М. Фвсмера, однокоренным со словом «дерево» является английское tree [Фасмер, т. 1, с. 502]. Tree восхо-

дит к староанглийскому treo, которое соотносится с древнесеверным trē, древнесаксонским trio, готским triu, греческим doru (двевесина), drus (дерево) [Кол., с. 1639].

Таким образом, первокорень *dr- транслирует смысл, обозначающий денотат ‘дерево’. Значения трансформировались подобно вариантам инварианта, сузились, стали обозначать породы дерева, а также производные материалы как результат метонимического переноса метериал (древесина, смола), изготовленный предмет – дрова, древко, копьё. По метонимической модели «место – тот, кто в нём пребывает» сформировалось значение имени мифических персонажей Дриад. Очевидно, столь незначительные расхождения полисемии обусловлены реалией дерева, его важности в жизни человека, а также архетипичностью дерева в мифологии.

53. *Земля* – по корню и значению праславянское, из праславянского *zemja развилась форма «земля» вследствие изменения *mj в мл. В свою очередь, праславянское *zemja образовано с помощью суффикса *-j-a от существительного *zemь «земля». Существительное *zemь «земля» развилось из индоевропейского *ĝhem- «земля» вследствие изменения на славянской почве *gh > z. Слову «земля» имеются соответствия в греческом chamai «на земле», в латыни humus «земля», в литовском zēmas «низкий», в латышском zem – под [Мельничук, т. 2, с. 259; Фасмер, т. 2, с. 93; Цыг., с. 160-161; Шанск., с. 162]. Слову земля родственно также «змея» на иной ступени чередования: змея, буквально – ‘ползающая по земле’ [Шанск., с. 163]

В. М. Иллич-Свитыч указывает на индоевропейский облик данного корня *dheĝhōm [Иллич-Свитыч 1967: 342].

В современном итальянском языке родственным является слово человек – uomo, которое происходит от латинского homo, от humus (земля) в значении земное создание, противопоставленное небесному; ему родственны литовское zemz – земля и zmu – человек [ит. эт., с. 1031].

От данного корня был образован термин гуманизм, латинский по происхождению, введённый Г. Фогтом [Шанск., с. 117]. В русский язык это слово было заимствовано из немецкого [Бул., с. 176; Кр., с. 225]. В современном английском языке данный корень реализован

в слове human – человеческий, пришедшем в английский из латыни hūmānus, соотносимое с homō – человек [Кол., с. 756].

М. Фасмер указывает на родственность слова «земля» греческому cama – на земле [Фасмер. т. 2. с. 93]. На основании этого факта возможно соотнести данный корень с испанским и португальским cama – кровать. Х. Коминес констатирует дороманское происхождение указанного корня со значением «лежбище на земле» [исп. эт, с. 101]. Смысл «местонахождение на земле», а не на возвышающемся над поверхностью предмете (например, кровать, гамак), позволяет соотнести данный корень cama, присутствующий в испанском и португальском, с греческим cama, предполагая его древний средиземноморский характер.

Очевидно, однокоренным является также слово турецкого языка zemin – основа, почва. Данное суждение производится на основании указания М. Фасмером на наличие соответствия данному корню в древнеперсидском zam – земля [Фасмер. т. 2. с. 93]. Турецкое zemin восходит к слову из фарси zamīn – земля, которому соответствует авестийское zam. Указанные слова происходят от индоевропейского *dhghem [тур. эт.]. Данный вид индоевропейского корня, приводимый в турецком этимологическом словаре, соответствует праформе, выведенной В. М. Иллич-Свитычем – *dheĝhōm [Иллич-Свитыч 1967: 342].

Таким образом, первокорень *dheĝhōm- транслирует смысл ‘земля, почва’. Значения трансформировались в небольшой степени, поскольку реалия земли с семантикой ‘пол, почва, то, на чём всё «стоит»’ во все времена была близка человеку. Трансформация произошла на основании метонимического переноса местонахождения – низкий, под, движущийся по земле – змея, а также то, на чём лежат, спят – ‘кровать’. Отметим, что данное значение связано с первокорнем слова «земля» далеко не во всех языках. Например, для спанья или отдыха в быту Латинской Америки на равне с реалией кровати используется гамак, который в современном быту переносится и вешается в удобном для сиесты месте. В арабском языке корень одного из слов, обозначающих кровать, – /firāsh/ соотносим с

тем же корнем, что и в слове коврик, который прослеживается в собирательном наименовании мебели – /mafrushat/, происходящего от первичного трёхсогласного корня /farasha/ – «устилать».

Произошла также трансформация значения на основании мифологических представлений о связи земли и человека (humus – homo). От корня слова «человек» было образовано «человечный», а также терминологизировавшееся название направления «гуманизм», которое в латинской «звуковой оболочке» было заимствовано в русский язык. Связь земли и человека архетипична. Она наблюдается также в иврите, семитский трёхсогласный корень которого /adm/ выступает в словах, обозначающих землю и человека, а также закрепился в имени библейского первого человека Адам. В турецком языке adam является нарицательным и переводится как «человек».

Следовательно, корни слов могут быть разными, однако связи, выстраиваемые человеческим сознанием, одинаковы, отображая аналогичный ментальный процесс в сознании носителей разных языков.

55. Зима – древнее славянское слово, имеет соответствия в других индоевропейских языках. Праславянское *zima происходит от индоевропейского *ĝheima «холодное время года», «время дождей и осадков» от ĝhei- «лить» (о дожде и снеге). Имеются соответствия в древнеиндийском himas «холод» (h из ĝh); в греческом cheō «лью», cheima зима, буря (ch из g'h), chion «снег»; в латыни hiems «дождливое время года, ненастье», в армянском jiun. На славянской почве индоевропейское / ĝh / изменилось в / z /, дифтонг *ei – в гласный / i / [Цыг., с. 161; Шанск., с. 163]. Согласно этимологии О. Н. Трубачева, индоевропейское *ĝhei-m- «зима» идёт из ĝhei- «лить» [Мельничук, т. 2, с. 261; Фасмер, т. 2, с. 97]. Отметим, что обозначение действия, осуществляемого дождём, репрезентированного глаголом «лить», не соответствует действию, производимому снегом – сыпать. Однако в древнем сознании мог существовать глагол для обозначения действия осадков с более широким значением, включающим в себя и дождь, и снег. Принципы семантического переноса, соотнесения и проведения аналогий в сознании носителей разных эпох и языковых культур сходны, в отличие от внутренней формы слов,

отражающей национально-культурную специфику. В литературном арабском языке фусха глагол /nazala/ передаёт действие «оседания», «падания вниз, с неба на землю» осадков. Этот же корень используется в дардже, современном тунисийском диалекте арабского языка «дарджа» для названия отеля, то есть места, в котором «осели», остановились туристы. Таким образом, индоевропейский корень *ĝheu- «лить», родственный *ĝhei-m- «зима», очевидно, на равне с «лить», имел значение, распространявшееся на действие осадков, включая в себя и дождь, и снег. Подобная гипотеза, очевидно, имеет право на существование, поскольку, не смотря на различие внутренних форм, принципы номинации и ход ассоциативных связей у многих народов оказываются весьма сходными.

Ввиду родственности данному корню латинского hiems, отметим, что однокоренным является слово современных итальянского (inverno) и испанского (invierno) языков. Оно происходит от латинского hibernus (tempus) – зимний сезон [исп. эт., с. 316], от hiems, восходящего к форме *gheimrinos (в греческом cheimerinós – зимний, от cheîma – зима), которые восходят к индоевропейской форме gheima. Соответствия имеются в санскрите himás (холод, снег). От той же темы происходит латинский топоним Imaus – древнее название горной цепи Памир в Центральной Азии, известной также под названием «Крыша земли», частично она совпадает с Гималаями – местом снега.

Название Гималаев как местонахождения снега связано с греческим chímaros – зимняя коза, от которой произошло имя Химеры [ит. эт., с. 532]. М. Фасмер также указывает на то, что этот корень задействован в наименовании животного: датское диалектное gimmerlam «годовалый ягненок» [Фасмер, т. 2, с. 97]. Одна из голов сверхъестественного существа Химеры – козлиная, на греческом chímaira – коза [ит. эт., с. 213].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, в некоторых индоевропейских диалектах происходит замена первичного индоевропейского слова со значением ‘снежить’, ‘снег’ *sneig[h]- иными лексическими образованиями, главным образом производными от сло-

ва *ĝ[h]eim- ‘зима’: древнеиндийское himá- (мужской род) ‘холод’, ‘мороз’, ‘снег’, himávant- ‘покрытый снегом’ (ведическое himávantas párvatās ‘снежные горы’, отсюда название ‘Гималаев’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: с. 681].

Таким образом, первокорень *ĝhei- транслирует смысл ‘оседание холодных осадков в зимний ненастный период’. Значения трансформировались, сохранив общий семантический стержень ‘явлений, происходящих в зимний, ненастный период’: собственно название этого периода – зима, появившееся в результате метонимического переноса действие – время, когда оно происходит, сезон; метонимия nomina loci привела к семантике заснеженного места – Гималаев. Метонимический перенос на основе названии деятеля, с которым происходит нечто в указанный период времени, дал значение животного, обрастающего зимой тёплой шерстью – овцы и козы. Далее произошёл метафорический перенос с животного на мифическое существо – Химеру. Поскольку животное в природе – первично, а создание человеком мифических существ на основании того, что он видел в природе, – вторично, возможно сделать вывод о том, что название козы – первично, а Химеры – вторично. Следовательно, при совмещении признака реалии природы и его мифической интерпретации может сохраняться корень, называющий этот признак в природе.

87. *Море* – праславянское. Существует предположение, что корень *mer- (*mor-) выражал значение ‘мерцать’, ‘раскачиваясь, двигаться и мерцать при данном действии’. В этом значении ему соответствует греческое marmairō – сверкаю, блистаю. В ином толковании море – «большое пространство стоячей воды»; ему соответствует древнелитовское mores – озеро, болото, устье реки; французское mare – лужа, marécage – болото, mer – море, готское marei, немецкое Meer, древнепрусское mary «залив», латышское mare, древневерхненемецкое meri, ирландское muir «море», латинское mare. На другой ступени чередования гласного: древневерхненемецкое muor имеет значение «лужа, болото», а также в немецком Moor – «болото». Древним значением было «болото», как в английском marsh,

нововерхненемецком Marsch «болотистая низина». В русских диалектах словом море обозначалось «озеро», в древнерусском Чудское озеро называлось море Чудское. Однокоренным является слово мариновать [Мельничук, т. 3, с. 513; Труб., т. 19, с. 227; Фасмер, т. 2, с. 654-655; Цыг., с. 272; Шанск., с. 271]. Английское marsh – болото восходит к древнеанглийскому merisk, которое соотносится с немецким Marsch, датским marsk и соответствует корню mere. Последнее с пометой диалектное, архаичное обозначает болото или озеро и идёт из староанглийского mere sea, lake, соотносится с древнесаксонским meri – море, древнесеверным marr, древневерхненемецким mari, латинским mare [Кол., с. 978].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, особую группу слов составляет основа *mor- // *mar- в значении ‘море’ в целом ряде «древнеевропейских» диалектов (при значении ‘озеро’, ‘залив’, ‘болото’ – в других, что может рассматриваться как лексическая изоглосса для данной диалектной общности [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 673].

Опираясь на латинское соответствие, отметим, что в современном итальянском функционирует однокоренное слово mare. Оно происходит от латинского mare с изначальным значением «лагуна», слово индоевропейского происхождения, северо-западного ареала. В кельтском море обозначается словом mor, в славянских языках – more, от которого происходит название Померании, исторической области на юге Балтийского моря. Соответствия прослеживаются также в провансальском – mars, французском – mer, испанском – mar, которым в юго-восточном ареале соответствует sélos – болото, лагуна, как в санскрите saras – зеркало воды, в греческом hélos. Согласно одной из этимологических версий, *mar- обозначает мёртвый, бесплодный, чему соответствует слово санскрита maru – пустыня, лишённая растительности. Согласно другой версии *mar- связывают со значением блестеть. Кельты, германцы, славяне и латиняне дают морю одно и то же название, возможно, потому, что узнали море на побережье Понта Эвксинского, до разделения. Другая гипотеза возводит *mar- к санскриту marath – горький и к коптскому mme, may – вода [ит. эт.,

с. 611]. Отметим, что в литературном арабском языке фусхе, а также в некоторых диалектах, в частности, в египетском, вода обозначается тем же корнем /ma/, что и в указанном коптском mme, may – вода. В коптском, хамитском, и в арабском, семитском, может быть один и тот же корень, общий для афразийских языков. В. М. Иллич-Свитыч выводит корень *jam- в ностратических языках. В семито-хамитских языках обозначению воды соответствует указанный выше корень *jm(m) – море, вода, которому отвечает *am(m) – вода в дравидских языках [Иллич-Свитыч 1984: 349]. Отметим, что в иврите, семитском языке, море также именуется корнем /jam/.

Исходя из того, что *mar- наделяется значением ‘блестеть’, однокоренным оказывается слово мрамор, которое в русский заимствовано из старославянского языка, куда мраморъ пришло из латыни marmor. Оно восходит к греческому marmaros [Шанск., с. 275]. В украинский язык «мармур» заимствовано с той же расстановкой согласных. Слово мрамор развилось из латинского marmor (мрамор) в результате метатезы звуков ar > ra. Латинское marmor из греческого marmaros, что значит «блестящий» (камень), далее – камень вообще. Греческое слово образовано от глагола marmairō «сверкаю, блещу» [Цыг., с. 274]. В греческом языке присутствует также однокоренное слово amarýsso – я сверкаю. Корень *mar- имеет значение блестеть, сверкать, которому соответствуют в санскрите marici – луч света, marakata – изумруд [ит. эт., с. 613].

Однокоренной глагол «мариновать» заимствован в русский из французского. Глагол mariner буквально значит «помещать в морскую солёную воду». Он образован от прилагательного marin(e) «морской», от латинского marinus «морской» (mare – море) [Цыг., с. 256].

Внутренняя форма «блестящий» актуализируется в топониме Мармарис, портового и курортного города в Турции, который располагается на Средиземном море, в провинции Мугла. С древнегреческого языка Мармарис переводится как сияющий, блестящий.

Внутренней форме блестеть соответствует восточнославянское слово мар, марево. Оно образовано с суффиксом -ево от существи-

тельного мара – туман, производного суффиксом -ра от той же основы, что и мана в манить [Шанск., с. 255]. Мар родственно греческому amarýsso – я сверкаю, marma – «блистать, сверкать, гореть, как жар» [Фасмер, т. 2, с. 571].

Манить – восточнославянское, образовано с помощью суффикса -ити от манна – обман чувств, производного посредством суффикса -на от исчезнувшего мати – «колебать, качать». Однокоренными являются марево, обман, махать, маяк [Шанск., с. 255]. Семантика обмана может происходить от первого значения мар как солнечного зноя; сухой мглы; сна, а также глагола марит «(солнце) печет, особенно при туманном, душном воздухе» [Фасмер, т. 2, с. 571]. В таком состоянии человеку может показаться мираж, обман зрения. В русский язык слово мираж было заимствовано из французского, mirage «обманчивое видение» является отглагольным существительным с суффиксом -age от mirer «отражать как в зеркале». Французское mirer происходит из латинского mirāre «любоваться, удивляться» [Цыг., с. 267], которое исходит от mirus – чудесный [ит. эт., с. 639]. В современном испанском глагол mirar обозначает «смотреть». Первое значение в древнекастильском совпадало с латинским mīrari – любоваться, восхищаться», затем в кастильском развилось значение «всматриваться» и, наконец, в XV веке – «смотреть» [исп. эт., с. 373]. В современном английском функционирует однокоренное слово mirror – зеркало, которое в английский пришло из старофранцузского mirer – смотреть, восходящего к латинскому mirari – любоваться, удивляться [Кол., с. 997].

Однокоренным с «манить» выступает слово «маяк». Оно представляет собой отглагольное образование с суффиксом -к от глагола «маять» ‘махать, колыхаться’. Маяк – первоначально то, что маячит, затем – условный знак, сигнал [Цыг., с. 259; Шанск., с. 259]. Отметим, что в речи современных пользователей мобильной связью, активно употребляется глагол «маякнуть» в значении набрать и отключить номер, чтобы подать знак абоненту, с которым желают пообщаться.

Глагол «махать» образован от махъ с помощью суффикса -ати. Существительное махъ – производное с суффиксом -хъ от исчез-

нувшего мати со значением колебать, качать [Фасмер, т. 2, с. 584; Шанск., с. 258].

Таким образом, первокорень *mer- (*mor-) транслирует смысл ‘мерцать, «раскачиваясь, двигаться и мерцать при этом’. Как известно, замечается, в поле зрения попадает то, что движется, колышется. От действия «смотреть на движущийся объект», очевидно, сформировалось значение «всматриваться, смотреть с вниманием, восхищением», вообще «смотреть». Признак блеска был перенесён на камень, блестящий камень – мрамор, за которым впоследствии как основной закрепился не признак блеска, а прочности камня как такового. Признак блеска был также перенесён на большое скопление поверхности воды – озеро, болото, море. В номинации моря активизировалась заложенная в корне *mer- семантика действия «двигаться и мерцать при этом». Таким образом, действие «мерцать, двигаться» и исходящий от него признак «блестящий» породили ряд параллельных, а также вытекающих друг из друга трансформаций значений: мрамор, изумруд, а также луч. Метафорический перенос дал значение манить, которое было переосмыслено и трансформировалось в мираж, а также в nomina actionis любоваться.

91. *Ночь* – древнее славянское слово, сохраняющее своё первоначальное значение. Его современная форма развилась из праславянского *noktъ «ночь» вследствие изменения на восточнославянской почве сочетания *kt перед гласным переднего ряда ь в звук /ч/. Праславянскому *noktъ соответствуют литовское naktis, немецкое Nacht, латинское nax, noctis [Цыг., с. 297], древнеиндийское náktam – ночью, хеттское nekuz – вечер [Шанск., с. 295], латышское nakts, древнепрусское naktin [Мельничук, т. 4, с. 104; Труб., т. 25, с. 175; Фасмер, т. 3, с. 86 - 87].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово night, которое происходит из древнеанглийского niht, соответствия имеются в датском nacht, латинском nox, греческом nux [Кол., с. 1055].

От латинского nox происходит итальянское notte. Генетивом от nox является noctis, образованное от древнейшей первичной формы

negh, присутствующей во всём индоевропейском ареале. Данному корню соответствуют слова санскрита nacta, греческого nýcs, старославянское nosti, немецкое Nacht, английское night, французское nuit [ит. эт., с. 681].

Таким образом, первокорень negh транслирует смысл ‘ночь’, который сохранился без изменений, очевидно, в силу реалии ночи, постоянно закреплённой в человеческом сознании как тёмное время суток. Произошло сужение значения ночь, вечер.

95. *Огонь* – общеславянское, происходит из *ognis, имеет соответствия в других индоевропейских языках, например, в литовском ugnis, латинском ignis из *egnis. Однокоренным является русское слово огниво, восходящее к *ognь [Мельничук, т. 1, с. 413-414; Труб., т. 32, с. 30; Фасмер, т. 3, с. 118-119; Шанск., с. 303].

В современном итальянском языке, в котором латинское слово ignis было заменено лексической единицей fuoco – огонь, всё же сохранились следы этого древнего корня: igneo – огненный, пламенный. Igneo происходит от латинского igneus от ignis – огонь, восходящего к индоевропейскому корню *ag- – ‘толкать’, ‘встряхивать’, ‘колебать’. Ignis сохранилось в таких ареалах, как латинский, славянский, индийский agnas, балтийский ugnis. Изначально оно обозначало огонь как одушевлённое существо. Например, в санскрите agnih. В греческом данный корень был заменён словом pŷr, обозначавшим огонь как инструмент. Focus – это слово с более конкретным оттенком значения и отсутствием религиозной коннотации [ит. эт., с. 471].

В. М. Иллич-Свитыч выделяет «огонь» среди слов ностратических языков [Иллич-Свитыч 1967: 352]. Предположительно антропоним Ignazio (Игнатий) от латинского IGNATIUS, восходит к латинскому IGNIS, что обозначает ‘огонь’ [ит. эт., с. 1112]. Латинскому ignis родственно древнее славянское слово уголь, образованное от древней формы угль, угля, в которой после утраты в конце слова краткого гласного ь развился между согласными звуками /гл/ беглый гласный /о/. Форма угль возникла из праславянского *onglь – уголь со значением ‘нечто, дающее огонь’. На восточнославянской почве носовой гласный /о/ изменился в /у/. В праславянский период носо-

вой /o/ возник из индоевропейского сочетания /on/ в конце слога. [Цыг., с. 499-500]. Однако М. Фасмер отвергает гипотезу о том, что праформа *ngnis, представленная у О. Гуера, А. Мейе, С. Младенова, Х. Педерсена, Ф. Соссюра, сближает «огонь» с русским «уголь».

Очевидно, родственным является название «геенны огненной», хотя М. Фасмер не отмечает прямого родства с корнем слова «огонь» [Фасмер, т. 1, с. 400-401]. Эпитет «огненная», соотнесённость с адом и огнём позволяет предположить, что геенна связана с корнем ignis – огонь.

Существует необщепринятое мнение о том, что однокоренным со словом «огонь» является «гнев» (альтернативной версией выступает его связь со словом «гниение»). Предположительно «гнев» (написанное через ять) выделилось из глагола «огневати» (через ять), производного от «огонь» в результате его декомпозиции: осмысления о- как приставки и -ев- как части корня [Шанск., с. 106].

А. Мейе, объясняя значение рода, приводит в качестве примера слово огонь: «Чтобы понять значение родов «одушевлённого» и «неодушевлённого», надо иметь в виду понятия, отличные от наших современных. В индоевропейском всё, что движется, всё, что действует, тем самым подпадает под понятие «одушевлённого». Случается даже, что данному понятию могут соответствовать два имени: одно «одушевлённого» рода, другое «неодушевлённого». Так, например, со значением «огонь» есть имя среднего рода … умбрийское pir (отложительный падеж pure), армянское hur, древневерхненемецкое fiur, что обозначает огонь как предмет, – и есть имя «одушевлённого» (мужского рода, в санскрите agníh, древнеславянское огнь, латинское ignis, что обозначает «огонь», разумеемый как действующее существо; в ведийском языке agníh есть некое божество» [Мейе 1938: 345].

Таким образом, первокорень *ognis (*egnis) транслирует смысл ‘огонь’, значения которого практически не трансформировались. Очевидно, отсутствие расхождений с исходным смыслом обусловлено тем, что реалия огня конкретна и ощутима, она всегда занимала важное место в быту человека, а также мифологизировалась, высту-

пая первоэлементом бытия. По наблюдениям М. М. Покровского, одним из наиболее важных факторов семантических изменений являются конкретные обстоятельства жизни человека. Очевидно, данный экстралингвистический фактор сыграл свою роль в развитии семантики слова «огонь», которая не удалилась от исходной, поскольку огонь неизменно сопутствует человеку.

107. *Пена* – общеславянское, имеющее родственные слова в других индоевропейских языках. В форме, от которой произошло «пена», – ять дифтонгического происхождения. Данному корню соответствует древневерхненемецкое feim, древнепрусское spoayno ‘пена бродящего пива’, осетинское fink – «пена, накипь», латинское spima «пена, брызги», pimex «пемза» [Мельничук, т. 4, с. 406; Фасмер, т. 3, с. 231; Шанск., с. 332].

Слово «пемза» было заимствовано в русский из латыни, языками-посредниками считаются английский, [Бул., с. 432], чешский, древневерхненемецкий [Кр., с. 579], немецкий в XVIII веке. Немецкое Bims восходит к латинскому pumex, того же корня, что и spuma – пена [Шанск., с. 332].

В английском языке слово пена – foam обозначается тем же корнем, который возводится к древнеанглийскому fām, соотносимым с древневерхненемецким feim, латинским spuma, а также с санскритом phena [Кол., с. 596].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово pomice – пемза, которое восходит к слову поздней латыни pomex и латыни классической pumex, которые связываются с spuma – пена. Итальянское spuma восходит к латинскому spuma, индоевропейского происхождения, соотносимого с pomix – пемза и, возможно, ономатопеического происхождения. Ему имеются соответствия в санскрите phénah – пена, в русском – пена, в древневерхненемецком feim. Согласно одной точке зрения, данный корень возможно связать с глаголом spuere – ‘плевать’, другой – с корнем *spus- – ‘дуть’, третьей – с *spa- – ‘простираться’, тем же, что и в spazio – пространство. Одним из дериватов в итальянском является spumante – шампанское [ит. эт., с. 768, 949]. Производным от spazio – ‘пространство’ являет-

ся слово «космос», которое присутствует также в английском space, куда оно пришло из старофранцузского espace, в который, в свою очередь, данное слово проникло из латыни spatium [Кол., с. 1480].

Латинское spatium восходит к корню *spet- , варианту *pet- , и, следовательно, связано с petere – ‘быть открытым’, ему соответствуют умбрское spanti, греческое дорическое spádion, аттическое stádion, древневерхненемецкое spannan – ‘развёртывать, расстилать’. Корень *spet- возможно соотнести с корнем санскрита *spa – ‘расти, распространяться, раздувать’.

Среди дериватов в итальянском отмечаются spazzatura – мусор, от глагола spazzare – подметать, то есть ‘освобождать пространство’, ‘осуществлять действие расстилания, развёртывания’ (чему подобно махание метлой), spazzola – щётка – орудие, при помощи которого осуществляется действие ‘мести’ [ит. эт., с. 940]. Возможно предположить, что *spet- пересеклось с корнем, реализовавшемся в слове «пена».

Очевидно, первокорень слова pumex, ономатопеический по происхождению, транслирует смысл ‘пенится’, значения которого трансформировались по метонимической модели действие – его результат – ‘пена’. На основании подобия пене пемзы был осуществлён метафорический перенос, давший название ‘пемзе’. Подобие действию «пениться» в итальянском дало название шампанскому – spumante (по форме – субстантивировавшееся причастие настоящего времени, буквально, «пенящееся»).

120. *Порох* – древнерусское порохъ «пыль» развилось из праславянского *porchъ ‘пыль’ вследствие изменения у восточных славян *-or- в -ра-, от чего происходит слово прах, пришедшее в русский из церковнославянского языка. Праславянское *porchъ ‘пыль’ происходит от индоевропейского *pers- ‘брызгать, осыпать’. От *pers- с изменением s > x в русском языке «перхоть»; от *porchъ «пыль» – глагол «порхать», изначально обозначавший действие пыли, а затем – насекомых и животных. От глагола «порхать» на основе семантики ‘легко двигаться’ посредством суффикса -ень образовано существительное «поршень», отмечаемое в словарях с XVIII века. Перед

гласным согласный /х/ изменился в /ш/ [Цыг., с. 360] в результате первой палтализации. Однокоренным является также слово «порша», «поршок». Соответствия имеются в других индоевропейских языках: древнескандинавском fors – «водяные брызги», латышском parslas – снежинки. Современное значение слова «порох» появляется, в частности, под влиянием однокоренного польского proch – порох в XVII веке, ранее порох назывался словом «зелье». Исходное значение слова «порох» – пыль [Шанск., с. 355]. Родственными являются также древнеисландское fors «водопад», латышское parslas «снежинка», perslas «ледяная иголка», хеттское pappar – «брызгать опрыскивать» [Мельничук, т. 4, с. 526-527; Фасмер, т. 3, с. 332-333].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово polvere – пыль, а также порох, восходящее к латинскому pulvis [ит. эт., с. 768], от него образовано также испанское polvo – пыль, порошок, прах. Оно развилось непосредственно от слова народной латыни *pulvus, классической параллелью которого является pulvis, purveris [исп. эт., с. 441].

Таким образом, первокорень *pers- транслирует смысл ‘распылять мелкие частички’, значения которого трансформировались на основании метонимического переноса действие – его результат – порох, подобие мелких частичек дало значение перхоть, мелкие брызги. Метафора лёгкости движения, свойственной мелким частичкам, дала значение поршня. Соотнесение с частичками породила заначение перетёртой травы, которое сузилось и конкретизировалось в «зелье».

129. *Река* – праславянское по происхождению, образовано при помощи суффикса -к-а от индоевропейской основы *rei- со значением течь, стремиться. К этой же основе восходят слова реять, рой, ринуться. Слова с основой на *rei- отмечаются также в других индоевропейских языках, например, в латыни rivus – поток, ручей, в древнеиндийском rayas – стремление, бег, поток, в английском диалектном rithe – ток воды [Мельничук, т. 5, с. 95; Фасмер, т. 3, с. 464; Цыг., с. 395; Шанск., с. 387-388].

В современном итальянском функционирует однокоренное слово riva, восходящее к латинскому ripa – обрыв, слово индоевропей-

ского происхождения, ему соответствует греческое eripeîn – падать. Среди дериватов отмечается riviera от riparia, используемое в русском языке, однако оно не фиксируется как заимствованное, а также arrivare – приезжать, прибывать от *adripare, глагола народной латыни, буквально обозначающего «к» ad- и ripa- «берег» – прибывать к берегу [ит. эт., с. 89, 854].

В современном английском функционирует однокоренное слово river – река, которое восходит к старофранцузскому riviere, от латинского rīpārius – берег реки от ripa – берег [Кол., с. 1337].

Однокоренным является также латинское слово rivalis – соперник, происходящее от rivus – ‘тот, кто с другой стороны ручья’, что в речи сельских жителей обозначало ‘тот, кому завидуют, ревнуют, поскольку он использует общую воду’. Однако существует иное предположение, заключающееся в том, что латинское «rivalis» интерпретируется как родственный со старославянским revnosti.

Rivus – это индоевропейский корень *rei- со значением ‘течь’. Ему родственны слова санскрита rináti – «заставляет течь», сербохорватского rijeka – «река». От rivus происходит итальянское слово *rivuscellus – ruscello – ручеёк [ит. эт., с. 854]. Отметим, что русское слово «ревность» соответствует латинскому rīvīnus – соперник [Шанск., с. 387]. Однако М. Фасмер не подтверждает родственность русского «ревность» и латинского «rīvīnus» (соперник) [Фасмер, т. 3, с. 455].

Таким образом, первокорень *rei- транслирует смысл ‘течь’. Значения трансформировались, сохранив общий стержень ‘течение’, подобие движению которого переносится на действие реять, усиление значения – ринуться, метонимический перенос на объект – рой. Ещё одно ответвление метонимических преобразований дало значение «то, что движется, течёт» – река. Последующий метонимический перенос на то, что по месту связано с рекой, породил названия смежных с ней обрыва, берега, ручья, а также действие «прибывать» с исходным значением ‘прибывать к берегу’. Метафорический перенос от стремительного течения реки к стремлению человеческих усилий, возможно, дал значение конкурентов, находящихся по обе стороны реки, претендующих на воду.

131. *Руда* – общеславянское, образовано с помощью темы -а от той же основы, что и ръдети (через ять) – рдеть на иной ступени чередования гласного. Руда буквально обозначает ‘красная’ [Щанск., с. 395]. В ближайшей этимологии встречается значение «кровь», которое было табуированием её истинного названия. В ниже- и верхнелужицком ruda обозначает «железняк, красная земля». Родственным является украинское «рудий». Праславянское *ruda соотносится с литовским raudas – буланый, латышским rauda – дикая утка, латинским ruber – красный. Однокоренными являются слова рдеть, ржавчина [Мельничук, т. 5, с. 134; Фасмер, т. 3, с. 513].

А. Мейе указывает на отклонение в данном корне: «…некоторые отклонения вызываются заимствованиями. Так, в Риме старое ou переходит в ū, а старое *dh после u переходит в b перед гласной; литовское raūdas, … древнеирландское rūad – красный и т. д. должно было бы, следовательно, соответствовать *rūbus, но в других латинских говорах uo переходит в ō, например, в Пренесте. Поэтому rōbus, во всяком случае в отношении своего ō, не есть римское слово» [Мейе 1938: 375].

Рдеть – общеславянское, образовано суффиксом -еть, имевшим ять в своём старинном виде. Основа та же, что и в словах «ржавый», «руда», «рыжий» на иной ступени чередования. Данная основа имеет индоевропейский характер. Соответствия присутствуют в древнеиндийском rudhirās – красный, в латышском ruds – красноватый, греческом ereuthō – обагряю, древневерхненемецком rōt – красный. Первоначальное значение – становиться красным. От основы руд- , выступающей в слове «руда», с помощью суффикса -мян (через ять) образовано прилагательное румяный, в котором сочетание / дм / упростилось в / м /. Однокоренным является также глагол «рдеть» [Фасмер, т. 3, с. 453; Шанск., с. 386, 395].

Признак ‘светлого цвета’, не красного, как в литовском raudas – буланый, актуализируется в современном испанском – rubio – светловолосый. Данное слово также восходит к латинскому rubeus – красноватый [исп. эт., с. 487]. Идентичное значение имеет однокоренное слово «русый», общеславянское по происхождению, образованное с

помощью суффикса -с- от основы руд- , выступающей в слове руда, сочетание /дс/ упростилось в /с/. Признак цвета отмечается также в однокоренном слове «рыжий», образованного с помощью суффикса -j- от той же основы, что и рдети (через ять) на иной ступени чередования гласного, сочетание /д/ с последующим /j/ у восточных славян изменилось в /ж/ [Шанск., с. 395, 396]. Отметим, что в современном итальянском слово rosso обозначает красный цвет, однако применительно к волосам – рыжий. По признаку цвета названа «рысь». Слово рысь, общеславянское по происхождению, образовано при помощи суффикса -сь от той же основы, что и рдеть, рыжий, русый. Сочетание / дс / упростилось в / с / [Шанск., с. 397].

Однокоренным является итальянское rubino – рубин, название драгоценного камня, заимствованного в русский из латыни через немецкое посредничество [Бул., с. 509; Кр., с. 685]. Латинское rubinu(m) восходит к корню rub- от rubeu(m) – красный. К этому же корню восходит итальянское обозначение красного цвета rosso, от латинского russus, от *rudhere (в греческом ereútho – краснею). От корня *reudh- / *rudh- происходят синонимы ruber и rufus, оскское rufu, а также слова санскрита rudhia, греческого erythrós, немецкого Rot, английского red, итальянское ruggine – ржавчина [ит. эт., с 858, 860].

Однокоренным является слово «рубрика», заимствованное в русский из латыни [Бул., с. 509; Кр., с. 685]. «Terra rubrica» обозначает «красная земля» – то, чем в древности писали заглавия законодательных текстов. В книжном мастерстве «terra rubrica» (красная земля) использовалась для окрашивания в красный цвет деревянной оси, вокруг которой был обёрнут пергамент – volumen. В красный цвет окрашивались также контейнер и полоса index, на которой было написано название тома. Словом «rubricario» называлось оглавление, то есть то, что было выделено красным цветом. В современном итальянском слово rubrica стало обозначать список номеров в мобильном телефоне, «записную книжку» [ит. эт., с. 860]. Последний перенос вновь демонстрирует закрепление не основного, а вторичного значения, которое утратило связь с красным цветом.

Однокоренное слово «эритема» греческого происхождения обозначает медицинский термин покраснения участков кожи [Бул., с. 695]. В современном английском языке функционирует однокоренное слово red – красный, которое восходит к древнеанглийскому rēad, ему соответствуют древневерхненемецкое rōt, готское rauths, латинское ruber, греческое eruthros, а также слово санскрита rohita [Кол., с. 1298].

Таким образом, первокорень *reudh- / *rudh- транслирует смысл ‘красный’. Трансформация значений произошла на основании соотнесения с красным цветом: руда, красная земля, ржавчина, а также табуированное название крови. Перенесение цвета на природный окрас животного стало обозначать дикую утку, масть коня, а также светлые, не чёрные волосы человека. Метонимический перенос с заглавной надписи, выполненной красным цветом, дал значение рубрики, которое утратило связь с исходным смыслом первокорня.

Заимствованный в русский язык термин эритема обрёл медицинскую коннотацию и не воспринимается носителями языка как имеющийся в современном русском языке.

133. *Сад* – общеславянское, образовано с помощью -ъ и переогласовки от *sēdti, в древнерусском языке обозначало также «дерево, растение» [Мельничук, т. 5, с. 162-163; Фасмер, т. 3, с. 543-544; Шанск., с. 399].

От праславянской основы *sad с помощью суффикса -j-a образовано праславянское *sadja «осадок, сажа», которое в древнерусском языке, в результате изменения *dj > /ж/, дало слово «сажа».

Однокоренным является также существительное sadlo «сало» со значением ‘то, что осело на мясе’, /dl/ упростилось в /l/, данное слово образовано при помощи суффикса *dl-o от глагола *saditi.

Звуковой вид *sad- получил корень *sōd- , поскольку в праславянском языке долгий /ō/ развился в /a/. Корень *sad- присутствует с слове «садить», а также в глаголе садиться – несовершенном виде к сесть. Этот же корень присутствует в производных засада, осада. От глагола садити была образована кратная форма итератива *sad-j-a-ti, которая после изменения *dj в / ж / в восточнославянских языках

дала глагол сажати – сажать, а также старославянский вариант саджати, в котором *dj перешло в жд, которое сохранившееся в современных словах русского языка осаждать, насаждать.

Литовское sóstas – сидение свидетельствует о том, что гласный /ĕ/ чередовался с /ō/ в корне *sĕd-, который прослеживается в древнем славянском глаголе *sĕdti. Из последнего развилась форма *sĕsti, в котором произошли изменения dt > tt > st. От праславянского *sĕsti произошло древнерусское сести, писавшееся через ять. В нём на почве русского языка ять изменился в е, конечный безударный /и/ утратился, в результате чего образовался глагол сесть, а также существительные сосед, председатель, седло.

От праславянского глагола *sĕdti – сесть происходят современные глагольные корни сед- , сид- , сад- , саж- , садж- .

Древнему славянскому глаголу *sĕdti соответствуют литовское sēsti – садиться, латинское sĕdēre – сидеть, заседать. Производным является сессия от session – сидение, заседание, в котором /sd/ изменилось в /ss/ [Фасмер, т. 3, с. 618-619; Цыг., с. 421-422].

От корня глагола сидеть образовано существительное сосед. Общеславянское по происхождению, оно произошло от соединения приставки съ- , передающей значение ‘вместе’, и сидети, буквально – «сидеть рядом», жить рядом [Шанск., с. 422]. Отметим, что данная модель наблюдается и в более поздних образованиях, например «соотечественник», «сожитель». Сложение предлога «с» и основы, обозначающей место, прослеживается, в частности, в современном итальянском языке, например: compaesano – con – «с» и paese – «страна», то есть – «соотечественник», а также compagno – «товарищ» от cum – «с» и panis – «хлеб», то есть, ‘друг, разделяющий с тобой хлеб’ [ит. эт., с. 236]. От данного слова происходит заимствованное в русский язык «компания» [Бул., с. 281; Кр., с. 377].

В современном итальянском данный корень отображён в глаголе sedere, восходящем к латинскому sedere – сидеть от корня *sed- , что присутствует в санскрите sidati, греческом hézomai, немецком sitzen. Среди производных отмечаются слова, заимствованные из латыни в русский язык: асессор – изначально обозначавшее ‘чиновника, си-

дящего, присутствующего рядом с другим', а именно, – помощник претора в древнем Риме, затем – судебный заседатель в средневековой Европе, чиновник восьмого класса в центральных государственных учреждениях при губернских правлениях в России 18-19 веков [Бул., с. 62; Кр, с. 92], диссидент – dissidents – несогласный, противоречащий [Бул, с. 204; Кр, с. 264], осада, которое не фиксируется как заимствование, резиденция [Бул., с. 493; Кр., с. 660], президент, буквально, 'сидящий впереди', [Бул., с. 462; Кр., с. 619], [ит. эт., с. 898]. Латинскому sedere соответствует также французское séance – сеанс, суффиксальное образование от seoir. Слово сеанс было заимствовано в русский из французского в XX веке [Бул., с. 517; Кр., с. 696; Шанск., с. 404].

В английском языке функционирует однокоренной глагол sit – сидеть, восходящий к староанглийскому sittan, соотносимому с древнесеверным sitja, готским sitan, древневерхненемецким sizzen, латинским sedēre, санскритом sīdati – он сидит [Кол., с. 1445].

По замечанию О. Н. Трубачева, у исходного индоевропейского корня *sed- было синкретическое значение «передвигаться, сидя в повозке», откуда затем *sed- I «сидеть» и *sed- II «ходить, идти». Следовательно, их отношения не являются омонимией в историческом плане [Фасмер, т. 4, с. 252-253; Шанск., с. 479]. Древнее славянское слово ход *chodъ развилось из более старого *sod-os – 'ход' после изменения окончания -os в -ъ, в корене *sod- из *sed- произошло чередование e : o. В приставочных образованиях от слова *sodъ, как в *u-sodъ, *pri-sodъ, после гласных /i/, /u/ звук /s/ изменился в /x/, отсюда *uchodъ > уход, *prichodъ – приход. Затем из приставочных образований корень *chod- выделился в самостоятельный и дал слово *chodъ – ход. От существительного ходъ образован глагол ходити > ходить. У глагола ходити в древности была краткая форма *chadjati с чередованием o : a, из неё в результате изменения *dj в /ж/ развилось хажати, давшее последующее образование «хаживать» и «ухаживать» – 'ходить за кем-либо, заботиться'. Праславянский корень *sed- «идти» в древности претерпел звуковые изменения / s / в / ch /, / e / в / ь /. В возникшем таким образом корне *chьd- в дальней-

шем / ch / изменился в / š /. Праславянский корень *šьd- отражён в форме прошедшего времени шьд-л-ъ «шел», в которой впоследствии гласный ь развился в е, конечный слабый ъ исчез. После утраты ъ группа согласных / дл / упростилась в / л /, в результате этих изменений возникла форма прошедшего времени мужского рода «шёл». В форме женского рода шьдл-а краткий гласный ь, находясь в слабой позиции, утратился. В форме «шла» от корня сохранился только / ш /. В причастной форме шьд-ъш-ии > шед-ш-ий корень шьд- сохранил старое количество звуков, но изменил ь в е перед последующим слабым кратким ъ. Формы шёл, шла, шедший, этимологически восходящие к праславянскому *sed- «идти», в современном языке употребляются в системе форм глагола идти, восходящего к древнему корню *i- . Исторически разные основы – шед-, i- ныне образуют супплетивную систему форм одного глагола идти [Цыг., с. 521-522].

Таким образом, первокорень *sed- транслирует смысл ‘сидеть’, который сформировался на основании корня, разошедшегося на два значения: ‘передвигаться, сидя в повозке’ и ‘сидеть на месте’. Значения трансформировались в зависимости от направленности действия по метонимической модели nomina actionis: сажать, оседать, сад, а также исполнителя nomina agentis: президент, асессор, сосед и др. В ряду последних примеров ведущую роль в трансформации значений сыграли предлоги. О важности предлогов, которые движут семантическими процессами, писал М. М. Покровский, а также А. Мейе, рассуждая о разложении падежных систем, в результате чего падежные отношения частично эксплицируются предлогами. Последние эволюционируют в приставки, несущие значение направленности действия.

138. *Семя* – древнее славянское слово, современная форма которого развилась из древнерусской в результате изменения ять в е, а юса малого в я. Древнерусское слово происходит от праславянского *sěmę из индоевропейского *sěmen «посеянное» > «то, что сеют». Сочетание / en / в конце слога развилось из носового / ę /, изменившегося у восточных славян в / ‘а /, графический юс малый. Сочетание /en/ перед последующим гласным сохранилось без изме-

нения и наблюдается в современных косвенных падежах существительного «семя»: семени, семенем (чередование я : ен). Индоевропейское *semen образовано с помощью суффикса *-men от глагола *sěti (*sěiti) «сеять». Ему родственны литовское sẽmens, латинское sēmen – «семя, росток». Однокоренными являются слова «семинар», «сеять» [Цыг., с. 419], а также древнепрусское semen [Мельничук, т. 5, с. 254; Фасмер, т. 3, с. 600-601; Шанск, с. 404].

Однокоренным выступает итальянское слово seme, восходящее к латинскому semen от индоевропейского корня *se- – ‘сеять’, от удвоенного корня *siso- , с которым связан глагол serere – ‘сажать зёрно по одному, одно за другим’. Родственными являются готское saian, немецкое säen. Среди дериватов отмечается seminarium – ‘питомник, рассадник, школа’. В итальянском seminario – «семинария» буквально обозначает ‘школу священников’ [ит. эт., с. 900], в современном русском языке первое значение слова «семинария» – это среднее духовное учебное заведение [Большой толковый словарь русского языка 1998: 1174].

Говоря о расширении значения слов сеять, посев, М. М. Покровский отметил закон развития семантики темпоральности: «… всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определённым временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имён, или даже переходят в чисто темпоральные слова. Например, латинское satio значило ‘посев’ и ‘время посева’ (т. к. посев совершается в определённое время); идея времени настолько укрепилась за этим словом, что в романских языках оно обозначает ‘время вообще’: фр. saion ‘часть года’, ‘удобное время’ … Обратим также внимание на древнейший у индоевропейцев способ определения времени по светилам и другим видимым на небе знакам. … также обозначение одним словом лунного диска и периода времени, регулируемого движением луны (месяц)» [Покровский 1959: 30].

Глагол сеять, производный об общеславянского сети (через ять) выступает родственным латинскому sero – сею, готскому saian – сеять. От глагола «сеять» происходит общеславянское слово «сито»,

образованное с помощью суффикса -то [Шанск., с. 408, 409]. Ему соответствует итальянское название сита – setaccio от глагола setacciare – просеивать, произошедшего от глагола средневековой латыни setaciare [ит. эт., с. 906].

Принимая во внимание звуковую оболочку и семантику, которые сближаются со словом «семя», предположим связь с итальянским sesamo – сезам, кунжут, от латинского sesamum, от греческого sésamon, слово восточного происхождения, имеющееся в арабском semsem, иврите shemen (масло), ассирийском samassammu [ит. эт., с. 906].

Схожей звуковой оболочкой и семантикой обладает также английское слово seed – семечко, восходящее к староанглийскому sæd, оно соотносится с древнесеверным sāth, готским sēths, древневерхненемецким sāt [Кол., с. 1401].

От глагола serere – ‘ставить в ряд, очередью друг за другом’ происходит слово serie серия [ит. эт., с. 905], которое было заимствовано в русский язык через посредничество французского [Бул., с. 524] или итальянского [Кр., с. 705] из латыни. Очевидно, произошло пересечение корней: того, что в слове «семя», и того, что в слове «ссора». Данное пересечение, очевидно, стало возможным в результате старинного и распространённого соотнесения засевания семян с письменностью. Эта метафора, в частности, отображена в первом памятнике итальянской письменности – Веронской загадке, в которой семена соотносятся с буквами, поле – с пергаментом, быки, которые пашут, – с пальцами писца.

От глагола serere – ‘выстраивать в ряд, переплетать, связывать вместе’ происходит латинское sermone(m) – разговор, давшее итальянское sermone – проповедь, упрёк, наставление, нравоучение; с пометой «старинное» – речь, язык.

В латинском sermo – разговор отмечается индоевропейский корень, тот же, что и в древнеисландском – svara – отвечать, а также в общеславянском сора – свара [Шанск., с. 401, 425]. Родственными являются также готское swaran – клясться, древневерхненемецкое swerian – клясться, говорить определенно, первоначально – отвечать,

оскское sverrunei – дательный падеж единственного числа «говорящему», нововерхненемецкое Schwur – клятва [Фасмер., т. 3, с. 569, 741].

Учитывая германские соответствия, возможно сделать вывод о родственности английского глагола to swear – клясться. Он восходит к древнеанглийскому swerian и соотносится с древнесеверным sverja, готским swaran, древнефригийским swera, немецким schwören – клясться, присягать [Кол., с. 1556].

Исходным значением подобно тому, что в латинском leggere – читать от legare ‘связывать’, текст от текстиль – ткань, было ‘соединять элементы в единое полотно речи’. Это значение стало исходным для трансляции смысла, который заключён в корне *se- – ‘говорить речь’. Значения трансформировались в зависимости от наполнения данной речи – клятва, проповедь, ссора. В каждом из значений содержание речи выступает сильным и эмоционально окрашенным.

Соотнесение речи обучающей, адресованной, присутствует и в современности, например, «Сеять мудрое, доброе, вечное», «Свободы сеятель пустынный».

Таким образом, первокорень *se- транслирует смысл ‘сеять’. Значения трансформировались на базе метонимического переноса: сеять – то, что засевают – зерно. Следующий шаг метонимического переноса зерно – то, что из него вырастает, произвёл значение росток. Метафорический перенос подобия засевания для того, чтобы затем выросло нечно важное, питающее жизнь, дал значение семинар, школа, семинария. Метонимия по форме засевать зёрна друг за другом привела к развитию переносного значения серия предметов, которое затем под воздействием последующего метафорического переноса стало использоваться и в абстрактном значении, в котором элементы серии утратили предметное значение (например, серия событий). Метонимический перенос зерно – действие с ним, производимое, затем – инструмент, для этого используемый, стал основой для появления значения сито. На основании метафорического переноса сеяния и передачи информации на письме и в речи развился пучок значений, связанных с говорением. Очевидно, соотнесение сея-

ния с говорением стало возможно ещё и в силу культурной значимости обоих действий, поскольку зерно, пахота, обработка земли стало переломным и прогрессивным толчком в развитии цивилизаций.

137. *Село* – праславянское по происхождению, в нём слилось два корня, совпавших по звучанию: поселение от *sědlo, образованное с помощью суффикса *-dl-o от глагола *sědti – «сесть» с семантикой ‘осесть, поселиться в определённом месте’, а также корень «село» со значением ‘поле, земля’, сближающимся с латинским solum – «почва», древневерхненемецким sal – «дом, зал», литовским salà – «деревня» [Цыг., с. 416-417; Шанск., с. 405]. Праславянское *selo – «пашня» фонетически совпало в восточнославянском и южнославянском с *sedlo – «поселение», которое лишь в западнославянском можно отличить от *selo; *sedlo представлено в чешском sidlo – «местонахождение, сидение», sedlak – «крестьянин». Напротив, праславянское *selo – «пашня» родственно латинскому solum – «почва», solea – «сандалия», лангобардскому sala – «двор, дом» [Мельничук, т. 5, с. 209; Фасмер, т. 3, с. 596].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное с праславянским *selo – «пашня» слово suolo – «грунт, почва», которое восходит к латинскому solum – «почва» от soglia – «порог». Последнее происходит от латинского solea – «сандалия», связанного с индоевропейской темой *selo, той же, что в слове solum – «почва, пол» [ит. эт., с. 929, 970].

В слове современного английского языка soil – «почва» также отмечается смешение корней. В английский данное слово пришло из англо-нормандского от латинского solium – ‘место для сидения’, смешавшееся с латинским solum – «почва». Однокоренным является также английское слово sole – подошва, которое пришло через старофранцузский из латыни solea – «сандалия», соотносимого с solum – «почва» [Кол., с. 1469, 1470].

Однокоренным является слово sala – зал современного итальянского языка. Оно пришло в итальянский из франкского sal, родственного немецкому Saal – зал, лонгобардскому sala. Латыни известно родственное слово solum – пол [ит. эт., с. 866].

Таким образом, первокорень *selo транслирует смысл ‘почва’, значения которого трансформировались, сохраняя общий стержень значения связи с землёй: пашня, грунт, поле, а также перенос на нижнюю часть дома – пол, порог, затем помещение – зал. Метонимический перенос поле – тот кто его обрабатывает дал значение крестьянин. Метонимическое перенесение по месту «то, что снизу», дало значение подошва, а также целая обувь – сандалия.

139. *Скала* – праславянское, первоначально обозначало щель, расколотый, осколок [Шанск., с. 410], камень с острыми краями, затем – отвесный склон, выступ горы. Слово «скала» образовано от основы *skel- (*skōl-) колоть. В украинском слове «скеля» сохранился древний звуковой вид слова скала. В результате чередования / е / : / о / появилось звучание *skol- , которое прослеживается в слове «осколок». При переходе / ō / в / а / возникла основа *skal- , которая отмечается в существительном «скала» и в глаголе «скалить». Родственными являются литовское skélti – колоть, skalà – щепка, лучина, греческое skallō – копаю, skalis – мотыга, кирка [Цыг., с. 425], готское skilja – мясник, древневерхненемецкое scala – скорлупа, шелуха [Фасмер, т. 3, с. 630-631].

Однокоренным является также слово щель, общеславянское по происхождению, образованное с помощью темы -ь (< ĭ) с переогласовкой о / е от той же основы, что и скала, скалить – *skel- , /sk/ перед е изменилось в щ. Родственными являются литовское skélti – раскалывать, расщеплять, греческое skallō – копаю, рою [Мельничук, т. 5, с. 269; Шанск., с. 519].

В современном итальянском функционирует однокоренное слово scoglio – ‘скала над водой’, представляющее собой тосканскую форму, соответствующую генуэзскому диалектному scoggiu, восходящему к латинскому scopulus, которое происходит от латинского scopulus, в свою очередь, восходящего к греческому skópelos индоевропейского происхождения. Существует предположение о том, что греческое слово сближается с глаголом scopéo – я смотрю вокруг, поскольку скала является местом, с которого возможно обозревать панораму; согласно другой версии, греческое skoliós обозначает «кривой, терпкий» [ит. эт., с. 889].

Таким образом, первокорень *skel- (*skōl-) транслирует смысл ‘твёрдый осколок’. Метафорический перенос nomina actionis дал название действию колоть, копать от которого последующая метонимия действие – его результат, привела к развитию значения осколок, щепка. Способ использования щепы, отколотого материала для изготовления светильника в результате метонимии дал значение лучина. Метафорический перенос подобия осколка торчащему из воды камню дал значение скала, морская скала. Дальнейший метонимический перенос скала – действие, на ней осуществляемое, сделал возможным появление значения наблюдать, всматриваться в даль с высоты. В данном случае закрепилось не основное, а вторичное значение, утратившее прямую связь с исходным смыслом первокорня.

145. *Сок* – общеславянское, имеет соответствия в индоевропейских языках: в древнепрусском sackis – смола, в греческом opos – сок, латинском sucus – сок, немецком saugen – сосать. Слову сок родственно заимствованное из латыни opium [Бул., с. 406; Кр., с. 543], в свою очередь, пришдшее из греческого opion, являющегося диминутивом от opos – сок [Мельничук, т. 5, с. 251; Фасмер, т. 3, с. 708; Шанск., с. 310, 420].

Латинское sucus или succus возводят к индоевропейскому корню *suc- / *sug- – ‘течь’, от него происходит литовское sunkà, старославянское sok, древневерхненемецкое saf, датское saebe, английское sap. Среди дериватов отмечается латинский глагол *exsucare – ‘вытирать’, буквально обозначающий ‘обессочивать’. От данного глагола происходит слово современного итальянского языка scioccо – глупый. Оно развилось из народной латыни *exsuccus – ‘лишённый сока’ (ex-succus). Данное слово использовалось Квинтилианом по отношению к оратору [ит эт, с. 887, 968]. К данному корню восходит также глагол современного итальянского языка succhiare – сосать, от латинского *succulare, от succus – сок [ит эт, с. 967]. М. Фасмер указывает на родственность албанского gjak – кровь. Латинское sanguen – кровь также связывается с индоевропейским корнем *suc- , тем же, что в латинском succus – сок [ит. эт., с. 869].

В. М. Иллич-Свитыч приводит корень слова сок среди ностратических, а также отмечает соответствие алтайского *sag- [Иллич-Свитыч 1967: 366]. Основываясь на данном соответствии, возможно предположить родственность турецкого глагола sağmak – доить, собственнотюркского по происхождению [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *suc- транслирует смысл ‘внутренняя жидкость’, значения трансформировались в результате метонимического переноса: то, что находится внутри, сузились и конкретизировались: сок, кровь, смола. Метонимия nomina actionis дала значение сосать, а также «обессочивать», вытирать. Метафорический перенос «без сока» (выдохшийся оратор) трансформировалось в именование того, кто не в состоянии сказать что-либо дельное – дурак. Метафора по подобию действия с извлечением жидкости дала значение доить.

146. *Солнце* – древнее славянское слово, его современная форма развилась из древнерусской сълньце (слъньце) вследствие изменения ъ в о и утраты слабого гласного ь. Древнерусское сълньце восходит к праславянскому *sъlnьce с тождественным значением, образованого с помощью уменьшительного суффикса -ьс-е от существительного *sъlnь. Праславянское *sъlnь является производным с суффиксом *-nь от индоевропейской основы *saul- , из суффикса -l- и корня *sau- «светить». Родственными являются литовское saule – солнце, латинское sol – солнце [Цыг., с. 440], древнепрусское saule, древнеиндийское svar- , готское sauil – солнце, албанское hyll, yll – звезда (*sil-), древневерхненемецкое sunna – солнце [Мельничук, т. 5, с. 354; Фасмер, т. 3, с. 710-711; Шанск., с. 420]. В. М. Иллич-Свитыч приводит корень слова «солнце» среди ностратических [Иллич-Свитыч 1967: 366].

Латинское sol происходит от древнейшей формы sawel, которой соответствуют слова из санскрита svar, греческого hélios, критского habélios, старославянского slunice, немецкого Sonne, английского sun, французского soleil, происходящее от латинского диминутива soliculus [ит. эт., с. 929].

А. Мейе приводит ряд соответствий корня слова, обозначающего «солнце»: «ведийское s(ú)v-ar «солнце»…, греческое ηλιος…, гот-

ское sau-il, литовское sáu-l-(e), латинское sōl, древнеирландское sūil (значит «глаз»), древнеславянское слъньцє…» [Мейе 1938: 320].

В. Я. Марр о данном слове высказывает такое мнение: «Основа solen сама по себе не форма родительного падежа на -n (предполагали мы родительный падеж, упустив из вида, что в те эпохи склонения ещё не было), а стянутый вид составного слова из двух элементов АС – *sol-en ‘солнце’, буквально ‘дитя (-en) неба’ (sol) при выдержанной огласовке – sel-en (sel-en e), в спирантных разновидностях полностью оба вида с огласовкой – «ол-ень» || старославянское «елень» < yel+en+e» [Марр 1931: 7].

В современном английском языке функционирует родственное существительное sun – солнце, восходящее к древнеанглийскому sunne и соотносящееся с древневерхненемецким sunna, древнефригийским senne, готским sunno [Кол., с. 1545].

Опираясь на приводимое М. Фасмером албанское соответствие hyll, yll –звезда, предположим родственность турецкого yıldız, корень которого присутствует в собственно тюркском *yul и в древнетурецком yal- / yaldra- – излучать, сверкать [тур. эт.].

Основываясь на соответствии из санскрита svar, возможно связать данный корень с именем Сварога – бога огня. В древнерусском пантеоне сыном Сварога назывался Дажьбог: «…сего ради прозваша и богъ Сварогъ … и по семь царствова сынъ его именемъ Солнце, его же наричють Дажьбог … Солнце царь сынъ Сварогов еже есть Дажьбогъ», – так описывает Сварога Ипатьевская летопись 1114 года [Мифы народов мира 1997: 420].

В. М. Иллич-Свитыч отмечает индоевропейское соответствие корня слова «солнце» *seHu- среди ностратических [Иллич-Свитыч 1967: 366].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, для общеиндоевропейского языка восстанавливается название ‘солнца’ в форме *s(a)uHel-/n со следами гетероклитического склонения [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 634].

Таким образом, первокорень *sau- транслирует смысл ‘светить’. Значение трансформировалось по метонимической модели nomina

agentis тот, кто светит – звезда, солнце. Будучи связанным с реалией обожествлённого небесного тела, значения транслировались практически без изменений в разных языках. На основании метафоры олицетворения в мифологии многих народов бог солнца воспринимался живым существом и, в частности, в древнерусском пантеоне имя бога Солнце восходит к указанному первокорню.

154. *Тьма* – древнее славянское слово. Праславянское *tьma развилось из индоевропейского *tem- ‘отсутствие света’ в связи с изменением в славянских языках гласного е в ь. В этом корне звук е сохранился в литовском témti – темнеть, смеркаться, в персидском temel – мрак. Из праславянского *tьmь развилось древнерусское, сохранившееся в диалектах существительное тьмь > темь – темень с изменением ь в е. От праславянского *tьm- с помошью суффикса -ьnъ создано прилагательное *tьmьnь, от которого образовалось древнерусское тьмьнъ > теменъ ‘лишённый света’, с окончанием -ыи давшее полную форму темьныи, современной формой которого является тёмный [Цыг., с. 496]. От той же основы, что и «тьма», образовано слово «тень» [Мельничук, т. 5, с. 543; Шанск., с. 440, 457], которое раньше выглядело как *tьmnь – тень, где сочетание согласных /мн/ впоследствии упростилось в /н/. Праславянское *tьmnь образовано с помощью предметного суффикса -nь от той же основы *tьm-, что и в слове «тьма». Другие полагают, что древнерусское слово «тень» (через ять) и параллельное ему древнерусское и старославянское сень развилось из стень (через ять) – ‘тень’ с утратой в слове «тень» звука / с /, а в «сень» – звука / т /. Хаверс пытается объяснить колебание начала слова мотивами табу [Фасмер, т. 4, с. 43]. Форма стень (через ять) также отмечается в старославянском и древнерусском языках, она развилась из праславянского scěnь – тень с изменением / sc/ в /st/ > /ст/. Праславянское *scěnь возникло из *skēiā (*skoi-men) ‘тень’. Ему родственны греческое skĭa –тень, нововерхненемецкое schemen – тень, призрак. Однокоренным является слово «застенчивый», которое по этимологии значит «тот, кто склонен держаться в тени». Оно образовано при помощи суффикса -чив- со значением склонности к тому действию, которое обозначается производящей

основой, от глагола застенять, восходящего к древнерусскому стень, тень [Цыг., с. 155, 473]. В. М. Иллич-Свитыч отмечает корень слова «тёмный» среди ностратических [Иллич-Свитыч 1967: 368].

Однокоренным является слово современного итальянского языка tenebra – тьма, произошедшее от латинского tenebrae (более употребительного в данной форме множественного числа), восходящего к древнему *temasra. Ему имеются соответствия в санскрите tamisra – темнота и tama – ночь, древневерхненемецкое dinstar, немецкое düster – тёмный, литовское tamsa, англосаксонское thimm, старославянское tima – тёмный. Некоторые этимологи выдвигают версию о корне *tam- – тёмный, который в санскрите несёт значение удушья, истомы – tama, поскольку темнота затрудняет, останавливает движение и действия человека [ит. эт., с. 993].

Таким образом, первокорень *tem- транслирует смысл ‘отсутствие света’. Значения трансформировались, сохраняя основной семантический стержень тёмный.

По метонимической модели признак – его носитель конкретизировались значения мрак, тень, от которого дальнейший метонимический перенос по той же модели дал значение застенчивый – тот, кто в тени. Метонимия nomina actionis привела к развитию значений темнеть, смеркаться. Также задействовано значение «слепоты», невидения, темноты, блокирующей действия человека.

Обобщая процессы трансформации значений лексико-семантической группы ‘основные явления природы’, отметим некоторые тенденции. В тех случаях, когда отправной точкой трансформации вступает семантика действия, происходит разветвление пучка с метонимическими переносми на признак действия и его носителя (мерцать, блестеть, море, мрамор, изумруд).

При обозначении носителя признака происходит сужение (пена, пемза, шампанское). Возможен ряд метафорических переносов (течь, реять в воздухе), метафорический перенос также имеет место в мифологическом контексте (солнце – бог Солнца).

Когда трансформации начинаются от обозначения конкретной реалии, их цепочки не оказываются длинными (земля – почва, ле-

жать), однако могут быть весьма разветвлёнными, обозначая носителя признака и обитателя среды (вода, гидра, мокрый, мокнуть).

Признак может переноситься на действие по метонимисеской модели nomina actionis на действие и на результат действия (твёрдый, раскалывать, щепка, скала). В составе данной лексико-семантической группы прослеживаются переносы по традиционно выделяемым метонимическим моделям.

2.1.3. 'Части тела'

В составе лексико-семантической группы 'части тела' отмечаются следующие слова русского языка, содержащие в себе первокорни: горло, десна, закорки, запястье, кость, ланита, нога (перл), нос, око, панцирь, пелена, слюна, сопля, чело, язык.

31. *Горло* – общеславянское, образовано с помощью суффикса *dl-o от индоевропейского корня *gher- (*ghel-) «глотать» от той же основы, но с чередованием / г : ж /, что и жрать (из *gьrati). Корень ономатопеичен, поскольку передаёт звуки жадного поглощения пищи. От основы *gъr образовано русское глотать *gъltati, древнеиндийское gārgaras «глотка, пасть», литовское gurklys, древнепрусское gurcle – горло. От французского gargantua по одной из версий получил свой антропоним Гаргантюа, карнавальный обжора из бессмертного романа Ф. Рабле [Мельничук, т. 1, с. 568; Цыг., с. 107, Шанск., с. 110].

В испанском языке корень garg- квалифицируется как ономатопеический, подражающий звукам, издаваемым горлом [исп. эт., с. 270]. К этому же корню восходит название химеры горгульи, которая является архитектурным украшением водосточной трубы и получила своё название по звукам воды.

Родственным выступает итальянское имя существительное gola – горло, произошедшее от латинского gula, которое восходит к индоевропейскому *gwer- , имитирующему проглатывание. В средневековых немецких университетах словом goliardi называли бродячих семинаристов, легендарным покровителем которых считался Голиас, имя, восходящее к библейскому Голиафу. Имя Голи-

афа, великана филистимлянина из Гефа, побеждённого в единоборстве Давидом, восходит к еврейскому слову gŏljat [Мифы народов мира 1997: т. 1, с. 309].

Итальянский этимологический источник интерпретирует Голиафа как символ порока и, очевидно, потому связывает с ним корень, обозначающий ‘быть ненасытным’. Также высказывается альтернативная версия о том, что именование вагантов словом goliardi связано с *goliare, *goleggiare – «ненасытно хотеть что-либо» [ит. эт., с. 446].

В фонетике классификационный признак звука «гуттуральный» также восходит к корню *gwer- [ит. эт., с. 446]. Слово современного итальянского языка goliardo переводится как бродячий студент, goliardico – студенческий. В воронке дантовского ада грешники golosi находятся в третьем кругу. Прилагательное goloso передаётся в русском как прожорливый, жадный; лакомка, чревоугодник, обжора; оно входит во фразеологически связанное сочетание essere goloso di – жаждать, очень хотеть, очень любить что-либо.

Очевидно, однокоренным предстаёт слово русского языка «голод». Оно является праславянским, по звуковому оформлению – восточнославянским с характерным полногласным -оло- из *ol- , в существительном *goldъ чередуются гласные о : е (ь) и согласные г : ж. *goldъ связано с жьлдети (ять после д), которое отмечается в древнерусском и старославянском языках и обозначает «страстно желать что-либо» [Цыг., с. 104, Шанск., с. 108].

Полностью совпадают значения итальянского essere goloso di (жаждать) и русского жьлдети (ять после д), страстно желать что-либо.

М. Фасмер указывает на дальнейшую связь *goldъ с древнеиндийским grdhyati «жаждет» от gardhas «жажда» [Фасмер, т. 1, с. 430].

Таким образом, первокорень *gwer- транслирует смысл ‘глотать’, значения которого разошлись в небольшой степени, очевидно, в силу ономатопеического происхождения. Звукоподражание всегда связано с конкретным предметом, поэтому этимологические цепочки не оказываются длинными. Значения трансформировались в результате метонимического переноса действие – объект действия:

«глотать» – «то, что глотает» – глотка, пасть, горло. Далее, метафрический перенос дал название тому, что подобно горлу – жерло. Метонимия по модели nomina loci породила значение того, что на горле находится, – ожерелье [Шанск., с. 305; Цыг., с. 311]; действие – жрать, название ощущения голода в результате метафорического переноса произвело значение страстно желать, жаждать. Метонимия по модели nomina agentis дала название исполнителя действия горгульи, существа, производящего звук горлом.

39. *Десна* – общеславянское, образовано от индоевропейской основы dent (общеславянское *det-) – зуб с помощью суффикса *-sna: *det-sna; /ts > s/, /e > a/; современное десна с е вместо а – в результате закрепления на письме изменения безударного гласного [Шанск., с. 124]. От латинского наименования зуба (dens, dentis) во французском было образовано название зубного врача dentiste, заимствованное в русский язык как «дантист» [Бул., с. 178; Кр., с. 229, Цыг., с. 127]. Слову «десна» имеются соответствия в других языках: в древнепрусском dantis, древнеиндийском dan, авестийском dantan- , латинском dens, (род. п. dentis), ирландском dent, кимрском dant [Мельничук, т. 2, с. 281-282; Фасмер, т. 1, с. 506].

Очевидно, родственным является также английское tooth (зуб), восходящее к староанглийскому tōth и соотносится с древнесаксонским tand, древневерхненемецким zand, древнесеверным tonn, готским tunthus, латинским dens [Кол., с. 1623]. Однокоренным с английским tooth выступает слово современного итальянского языка zanna – клык, произошедшее от лонгобардского zann (зуб). Ему соответствуют древневерхненемецкое zan, немецкое Zahn, древнесаксонское и шведское tang, готское tanthus, англосаксонское tooth [ит. эт., с. 1076]. Возможно, данный корень соотносим также с именованием зуба в арабском языке: /sin/.

В современном итальянском языке слово зуб – dente происходит от латинского dens, которому имеются соответствия в санскрите dan, немецком Zann, лонгобардском zan (от него происходит слово итальянского языка zanna – «клык»). Греческое слово odoús, odóntos (odontoiatra – зубной врач (ит.)) соотносится с латинским edere (есть,

кушать), от ed (жевать), от которого dens является сохранившейся формой причастия аориста [ит. эт., с. 296].

Происхождение название зуба М. М. Покровский выводит из закономерной метонимической модели действие – исполнитель действия nomina agentis: «… названия частей тела могут передаваться через nomina agentis на общем основании с остальными именами, обозначающими орудие действия. Началась ли ещё в индоевропейскую эпоху передача названий частей тела через nomina agentis, – это решать трудно за недостатком достоверных примеров. Можно только сослаться на индоевропейское обозначение ‘зуба’ через причастие, перешедшее уже в самом индоевропейском языке в nomen agentis» [Покровский 1959: 122].

С латинским edere (есть, кушать) соотносится русский глагол «есть» который является общеславянским, индоевропейского характера. Он восходит к *ēd-ti (есть), в котором произошло изменение dt > tt > st , в результате чего получилось «есть». Этому корню соответствуют литовское ësti, латинское ēdi [Цыг., с. 143; Фасмер, т. 2, с. 139].

В русском языке слово «зуб» происходит от другого корня. Это общеславянское слово индоевропейского характера, его современная форма развилась из праславянского *zabъ вследствие изменения в восточнославянских языках носового /о/ в /у/. Этимологически «зуб» обозначало ‘нечто выросшее, выступ’ (зубец, шип, клык, рог). Значение ‘рог’ отражено в слове «зубр». Этот праславянский корень восходит к *ghen- рождаться. Ему соответствуют литовское žembeti «прорастать», žembas – «рог», греческое genea «рождение», gomphos – «гвоздь», древнеисландское kambr – «гребень» [Цыг., с. 165; Фасмер, т. 2, с. 166].

Очевидно, однокоренным является английское слово comb – расчёска, гребень. Оно восходит к староанглийскому camb, соотносится с древнесеверным kambr, древневерхненемецким camb [Кол., с. 321]. Расчёска – то, на чём расположены зубья.

Таким образом, первокорень *det- транслирует смысл номинации денотата зуба. Поскольку эта реалия конкретна и доступна всем носителям языков, значения трансформировались в малой степени.

По переносу функции было осуществлено название клыка. Само слово зуб возникло по метонимической модели nomina agentis тот, что ест – зуб, однако это значение закрепилось за денотатом и дало название ряду производных. В русский язык было заимствовано терминологизировавшееся название зубного врача – дантист, которое нало успешно конкурирующее с параллельным термином стоматолог.

В названии зуба в русском языке прослеживается первокорень *ghen- рождаться, значения которого трансформировались гораздо более пространно. Аналогично данной номинации зуба как ‘появления чего-либо’ прослеживается название зуба в турецком языке: diş от *tı- [тур. эт.] открытый корень, вылезший наружу.

Следовательно, когда корень обозначает денотат, стабильно присутствующий в быту, значения трансформируются в небольшой степени, смысл и значения практически не расходятся.

47. *Закорки* – верхняя часть спины, собственно русское слово, образовано префиксальным способом от куроки, диминутива куры – «заплечье», суффиксального образования от того же корня, что и кукиш. Ему имеются соответствия в польском kuczki – «корточки», латышском kukurs – «горб». Возможно, слово «закорки» представляет собой приставочное образование от исчезнувшего корки – «плечи, спина», родственного корчиться, древневерхненемецкому hrukki, немецкому Rücken – «спина», латинскому curvus – кривой [Фасмер, т. 2, с. 376; Шанский, с. 154]. Древнему славянскому слову кривой этимологически родственно литовское kreivas (кривой, звуковое соответствие и – ei). От слова кривый в древности при помощи суффикса -ьд-а (ср. правда) образовано существительное кривьда – кривда [Цыг., с. 225].

В современном итальянском языке функционируют слова, образованные от curvo – кривой, которое, в свою очередь, восходит к латинскому curvus. Ему имеются соответствия в греческом kyrtós – дугообразный, галльском crwnn – круглый. Очевидно, корни в этих словах восходят к *kr- (обворачивать вокруг), который имеет соответствие в санскрите c’arkras, что обозначает «колесо» [ит. эт., с. 282].

В современном итальянском языке есть выражение, относящееся к женщине с красивой фигурой «tutta curva» – вся изогнутая. Возможно, оценочно позитивная номинация женщины с красивой фигурой далее произвела слово «курва» с отрицательной оценкой. Однако предполагается, что курва обладает привлекательными внешними данными.

Очевидно, родственным является слово «корона», функционирующее, в частности, в современном русском, итальянском, английском и других языках. Этимологическая версия английского словаря указывает на то, что английское crown восходит к старофранцузскому corone, в который оно пришло из латыни corōna – венок, и имеет соответствие в греческом korōnē – корона, что-либо изогнутое (curved) [Кол., с. 381]

Однокоренными являются слова «цирк», в итальянском circo (цирк) от латинского circus, от греческого kírkos (кольцо), происходящего от корня *kr- со смыслом ‘обворачивать вокруг’, ему родственно слово санскрита c’akra (колесо, сфера) [ит. эт., с. 221]. Слово итальянского языка cerchio – круг является диминутивом от circus [ит. эт., с. 207]. В свете данных сведений возможно предположить родственность слова русского языка «круг». Его современная форма развилась из праславянского *krǫgъ «круг» вследствие перехода на восточнославянской почве носового / o / в / y /. Праславянское *krǫgъ происходит от индоевропейского *grengh- (> *grongh-) «огибать». В праславянском языке сочетание / on / в конце слога дало носовой звук ǫ. Данному корню родственны древнесреднегерманское hringr «кольцо, круг, бухта) [Цыг., с. 227], англосаксонское hring, готское ringes – кольцо. Носовое / o / у восточных славян изменилось в / y / [Шанск., с. 222]. Родственны также древнеисландское hringr, древневерхненемецкое hring «кольцо», умбрийское cringatro, krenkatrum «cinctum, повязка на плече как знак отличия» [Фасмер, т. 2, с. 385].

Слово современного английского языка ring (круг, кольцо) восходит к староанглийскому hring, соотносимому с древнесеверным hringr [Коллинз, с. 1334].

Таким образом, первокорень *kr- транслирует смысл ‘обворачивать вокруг’. Значения трансформировались, называя разные пред-

меты, однако общий семантический стержень сохранился. Метафорический перенос подобия части человеческого тела – спине дал значение заплечье. Другое метафорическое соотнесение кривизны породило значение кривда с отрицательной оценкой. Перенос подобия на предмет дал названия: колесо, корона, венок, цирк, а также – бухта. Признак изогнутости произвёл значения дугообразный, круглый.

Очевидно, когда исходной точкой трансляции смысла является не денотат, а действие, значения трансформируются в большей степени, поскольку перенос осуществляется на более широкий круг предметов, явлений и действий, не связанных с конкретным денотатом.

49. *Запястье* – общеславянское, образовано суффиксально- префиксальным способом, присоединением приставки за- и суффикса uj- (>-j) от существительного пясть, которому родственно древневерхненемецкое fūst – кулак. Существительное «пясть» восходит к той же основе, что и существительное «пять» [Шанск., с. 157]. Праславянское *pęstь возникло с помощью суффикса *-tь от *pętь «пять». В первоначальном *pęttь – «пятерня» произошло изменение tt > st. Праславянское пять развилось из *pętъ – пятый, вследствие присоединения окончания полной формы -ыи и изменения на восточнославянской почве носового /ę/ в гласный /‘a/ (я). Праславянское *pętъ было порядковым числительным, затем оно стало восприниматься как количественное подобное существительным į-основ, в связи с чем гласный основы ъ изменился в ь – *pętь – пять. Числительное *pętь происходит от индоевропейского *penktь «пятый». На праславянской основе сочетание / en / в конце слога развилось в носовой звук / ę /, группа согласных / kt / упростилась в / t /. Ему родственны литовское penkì – пятый, греческое pente – пятый, немецкое Faust – кулак, отсюда «Фауст» И. В. Гете (/ f / из / p /), древнеиндийское pankti – «пятёрка-пяток» [Мейе 1938: 411; Мельничук, т. 2, с. 238; Фасмер, т. 3, с. 426; Цыг., с. 386].

Родственное слово современного английского языка fist «кулак» восходит к староанглийскому fyst, соотносится с древнефризийским fest, древнесаксонским, древневерхненемецким fūst, родственным является слово five – пять. Five восходит к древнеанглийскому fif,

соотносится с древнесеверным fimm, готским fimf, древневерхненемецким finf, латинским quinque, греческим pente, санскритским panca [Кол., с. 582, 583].

Ф. И. Буслаев указывает на то, что « … обратный переход значения слов, то есть от совокупности известных предметов к числу вообще, принадлежит к древнейшему периоду образования имён числительных. Как в некоторых языках … пять называется рукою, так и два может быть названо крыльями (или, например, глазами). В основе всех числительных должно предполагать перенесение слова по синекдохе, только теперь её трудно объяснить, потому что уже давно поняли народы, что множество таких переносных выражений для одного и того же числа излишне, даже неудобно, и ведёт к сбивчивости» [Буслаев: 1959: 310].

В современном итальянском именнике присутствует имя Фауст (Фауста – женский вариант), однако его происхождение трактуется как латинское FAUSTUS, это было римское имя собственное, образованное от прилагательного FAUSTUS со значением счастливый, процветающий [ит. эт., с. 1105]. В современном итальянском языке функционирует прилагательное fausto – счастливый, благополучный, восходящее к латинскому faustus, связанному с глаголом favere (favorire – способствовать, благоприятствовать). Однокоренным является слово современного итальянского языка favore –одолжение, благосклонность. Оно происходит от латинского favor от faveo – благоприятствовать. Изначально это слово принадлежало религиозному контексту (дохристианских времён). От того же корня образованы имена богов Фавна – Fauno, а также латинское название весеннего ветра Favonio (в греческом Zéphiros), от faveo, что обозначает ‘оплодотворяющий, плодотворный’. Корень foveo *fav- тот же, что в слове favilla – искра, а также в санскрите dàhati, в готском dags, английском day – день [ит. эт., с. 384]. Как было отмечено выше, при формировании значения ‘день’ перенос осуществился на основании семантики светлый, белый, светлое время суток.

Либо значения ‘кулак’ и ‘счастливый, благополучный’ происходят от разных, совпавших в своём фонетическом облике корней,

либо их значения логично сформировались в результате метафорического переноса ‘сжатые в кулак пять пальцев представляют силу, единство, благополучие’.

Числительное пять в итальянском языке – cinque происходит от латинского quinque, от идноевропейского penkwe с исходным значением ‘кулак’. Данный корень присутствует в санскрите pánca, в персидском pang, греческом pénte, немецком fünf, английском five, литовском penki. Имя собственное Pompeius и Pomponius является оскско-умбрской формой, обозначавшего того, кто родился пятым. Итальянское слово «кулисы» – кулиса – quinta также происходит от латинского порядкового числительного quintus (пятый), поскольку кулиса состояла из пяти поворачивающихся поверхностей [ит. эт., с. 220].

Взаимосвязь счёта с пальцами прослеживается также в этимологии числа девять, внутренней формой которого является ‘новый’, поскольку начиналась новая четвёрка – четыре загнутых пальца на обеих руках (восемь). Слово современного английского языка палец – finger является однокоренным с five – пять [Кол., с. 578].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, след архаичного счёта по пальцам прослеживается в названии руки, пяти пальцев, индоевропейское значение корня, заключённого в слове «пять», – это «вся совокупность пальцев руки». Этот же корень прослеживается в хеттском pankur «совокупность, род», panku – «весь, целый». Указанная же форма может лежать в основе греческого /pan-/ – «весь, вся совокупность» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 849].

Таким образом, денотат, от которого отправляется смысл «пять», – это пять пальцев руки. Первокорень *penk- транслирует смысл ‘пять пальцев’, значения которого трансформировались, конкретизируясь и сохраняя связь с рукой : пять пальцев, палец, кулак, запястье. Очевидно, на основании восприятия жеста сжатого кулака в результате метафорического переноса сформировалось значение ‘целый, весь’, а также ‘целый, добротный’.

Отметим, что в русской и украинской культуре принято считать, загибая пальцы, тогда как, например, американцы, итальянцы, паль-

цы разгибают. Судя по тому, что «пять» – это кулак, древние индоевропейцы при счёте тоже пальцы загибали.

68. *Кость* – общеславянское, ему родственно латинское слово costa – ребро [Цыг., с. 221; Шанск., с. 216]. М. Фасмер отмечает, что в слове «кость» предполагают существование индоевропейской приставки k- , что позволяет сблизить данное слово с древнеиндийским asthi, авестийским ast- , asti- , латинским ossis – кость [Мельничук, т. 2, с. 540; Фасмер, т. 2, с. 349]. На индоевропейский корень *kost – кость указывает В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1967: 345].

В современном итальянском языке функционирует слово costa, имеющее следующие значения: ‘ребро’, в широком смысле – ‘бок’, ‘берег моря’, ‘корешок книги’. Указанные значения представляют собой полисемию, стержнем которой выступает сема формы ребра (узкое длинное боковое, к которому примыкает то, что оно обрамляет: другие кости, море, страницы книги). Итальянское costa происходит из латинского costa – ребро, восходящее к древнему корню *ost- – osso – кость, как в старославянском kosti и в греческом ostéon [ит. эт., с. 267]. В современном испанском функционирует однокоренное слово hueso – кость, восходящее к слову народной латыни ōssum. Так же, как в русском языке во втором значении, однако без уменьшительного суффикса (косточка), hueso обозначает кость фрукта [исп. эт., с. 304]. А. Мейе тоже констатирует соответствие указанных латинского и славянского слов: « … наряду с латинским os «кость», родительный падеж ossis с двойным s, и санскритским ásthi, asthnáh с глухою придыхательною в суффиксе (ср. греческое οστέον), в славянском мы имеем кость. С первым элементом к- ; тот же первый элемент встречается и в латинском производном costa «ребро»» [Мейе 1938: 415].

По поводу основы на *os-, О. Н. Трубачёв указывает, что она встречается в славянских именах *ostь, *osъtъ, которые обозначают ость колоса, колючие сорняки и рыбью кость, а также прослеживается в древнем славянском прилагательном *ostrъ ‘острый’ (с индоевропейским расширением -r- [Трубачёв 2005: 211].

В современном итальянском языке присутствует также однокоренное слово osso – кость, восходящее к позднелатинскому ossum, от классического латинского os, родительный падеж ossis, от основы oss- , присутствующей на хеттском, греческом, индоиранском ареалах с расширением ost / osth, от корня *as- (бросать) в результате переноса первичного значения ‘бросать косточку, камень’. Ему соответствуют слова санскрита ásthi, греческого ostéon, старославянского costi (с префиксом k-) [ит. эт., с. 710].

Однокоренным является слово «котлета», заимствованное из французского в русский [Бул, с. 297; Кр., с. 403]: côtelette (жареный кусок мяса с рёбрышком), в котором первая часть сложенной основы côte восходит к латинскому корню, обозначающему ребро [ит. эт., с. 269; Шанск., с. 216].

Данному корню родственно также Кощей «худой, тощий» [Шанск., с. 218]. Постоянный эпитет «бессмертный», очевидно, присоединился на основании видения этого героя того света, поскольку он уже умер и является бессмертным. Возможно, реалия скелета и останков, знакомых в быту древнего человека, сформировали представления о внешнем облике мифического, а затем сказочного персонажа – Кощея Бессмертного.

Таким образом, первокорень *ost- транслирует смысл денотата ‘кость’. Значения трансформировались незначительно, очевидно, из-за постоянного присутствия денотата кости в быту человека значения конкретизировались, обозначая кость, ребро, затем последующий перенос дал значения рыбья кость, ость колоса. На основе метонимии предмет – действие с ним возникло глагольное значение «бросать»; предмет – то, что на нём находится, – котлета. Метафорический перенос дал имя собственное персонажа – Кощей. На базе метафоры схожести кости ребра было сформировано значение побережья, а также корочки книги. Возможно, потому, что кость ребра – наиболее крупная и находится там, где человек ел мясо убитых животных, у латинян «основной замеченной костью» оказалась рёберная, знания о которой исходят не из медицины и анатомии, а от потребления пищи и глодания рёбер.

72. *Ланита* – старославянское, обычно объясняется из праславянского *olnita ‘изогнутая часть тела’, образовано с помощью суффикса -ита от *olna, родственного латинскому ulna – локтевая кость, готскому aleina – локоть, древневерхненемецкому elina – локоть (начальное ol перед согласными > ла). Предполагаемое первичное значение – округлая часть лица [Мельничук, т. 3, с. 191; Фасмер, т. 2, с. 457; Шанск., с. 233].

В современном турецком языке функционирует собственно тюркское по происхождению слово el – рука (кисть), сходное по семантике и звуковому оформлению [тур. эт.].

В современном английском присутствует слово elbow – локоть, которое восходит к древнеанглийскому elnboga и соотносится с древнесеверным olbogi. [Кол., с. 501] Данное слово состоит из двух основ ell и bow, первое из них выступает фразеологически связанном в составе выражения: give him an inch and he’ll take an ell – дай ему палец, он всю руку откусит; в котором inch дословно переводится «дюйм», а во фразеологизмах обретает семантику «абсолюта», например: by inches – понемногу; every inch – целиком, полностью; he’s every inch a soldier – он настоящий солдат. Слово bow имеет целый ряд значений: лук, смычок, бант, радуга, поклон, сгибать, нос корабля. В наборе приведённых значений очевидно проявление разветвления полисемии. Слово, переводимое как лук, в первом значении восходит к староанглийскому boga – лук и соотносится с древнесеверным bogi – лук, древневерхненемецким bogo, древнеирландским bocc. Данное слово этимологически родственно bow в значении сгибаться. Оно связано со староанглийским būgan, соотносящимся с древнесеверным bjūgr – склонность, древневерхненемецким biogan – сгибаться, наклоняться, гнуть, датским buigen [Кол., с. 188].

Таким образом, первокорень *ol / al – el / транслирует смысл ‘дуги по форме’, значения которого трансформировались на основании метафорических переносов «подобный» шеке, локтевой кости, локтю, а затем, на основании метонимического переноса часть – целое образовалось значение «рука».

74. *Лапа* – праславянское, имеет соответствия в балтийских и германских языках. По происхождению представляет собой звуко-

вой вариант несохранившегося праславянского *lopa ‘нечто плосковатое’, от индоевропейского корня *lop- (*lep-) того же, что в словах лопата, лопасть. Ему соответствуют литовское lópa «лапа» (собаки, медведя), латышское lāpa с тождественным значением, готское lōfa – «ладонь», курдское lapk «лапа»; с другой ступенью вокализма: датское lab, шведское labb «лапа». По замечанию Г. П. Цыганенко, сюда же относится русское диалектное лоп «лист», от которого образовано слово лопух – растение с широкими листьями. Наименование лапа дано ноге по внешнему виду: щирокая, приплюснутая. Однокоренными являются слова лапоть, лопасть, ласт [Мельничук, т. 3, с. 193; Фасмер, т. 2, с. 458; Цыг., с. 234; Шанск., с. 233, 234].

Опираясь на соответствие с другой ступенью вокализма датского lab, шведского labb «лапа», предположим родственность итальянского labbro – губа, восходящего к древнему корню *labh – брать. Отметим, что функция лапы у многих животных соответствует человеческой – брать. Слово «labbro» восходит к латинскому labrum и, согласно одной из версий, может быть ономатопеического происхождения. Согласно другой гипотезе, данный корень имеет соответствия в германских языках и происходит от глагола lambire – лизать, связанного с греческим láptein – лизать, восходящим к европейскому корню *lap- , возможно, прямо связанному с более древним корнем *labh – брать. Ему имеются соответствия в санскрите labhate – обретать, хватать, в греческом lambáno – я беру. А также англосаксонское lippa, английское lip, немецкое Lippe, литовское lupa [ит. эт., с. 552].

Слово современного английского языка lip – губа восходит к староанглийскому lippa, соответствующему древневерхненемецкому leffur, норвежскому lepe, латинскому labium [Кол., с. 907].

Вопрос о родственности от индоевропейского корня *lop- (*lep-), реализованного в *lopa ‘нечто плосковатое’ с *labh – брать, остаётся открытым. Их семантика противоречива. Лапа с плоской внешностью более удобна для опоры или плавания и, очевидно, соотносима с задними конечностями. Лапа, выполняющая действие «брать», сближается в верхней конечностью, однако, в то же же время, многие животные умеют стоять и брать, и плавать как передними, так и задними лапами.

В данном случае либо исходный смысл не восстанавливается в силу закреплённости трансформировавшихся значений, либо указанные два корня являются разными. Очевидно, именно так происходит отдаление значений и формирование новых слов, родственность которых не восстанавливается.

90. *Нос* – древнее славянское слово, имеющее соответствия в других индоевропейских языках: литовском nosis, латинском nasus, немецком Nase, древнепрусском nozy, древневерхненемецком nasa «нос». Также имеется значение «мыс», которому соответствуют верхненемецкое nase, древнеисландское nes «мыс» [Мельничук, т. 4, с. 102; Фасмер, т. 3; с. 84-84, Цыг, с. 297; Шанск., с. 294].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово naso. Оно восходит к латинскому nasus, в свою очередь, произошедшему от индоевропейского корня *nas- . Ему соответствуют слова санскрита nas, немецкого Nase, английского nose, французского nez. От латинского nasus образовано nares – ноздри, которое в итальянском оформленное как narici [ит. эт., с. 663].

В английском присутствует однокоренное слово nose – нос, восходящее к староанглийскому nosu и соотносящееся с древнефригийским nose, норвежским nosa – нюхать и nus – запах [Кол., с. 1067].

Таким образом, первокорень *nas- транслирует смысл ‘нос’. Значения трансформировались в небольшой степени, очевидно, из-за привязки к конкретному денотату. На основании метонимического переноса целое – его часть образовалось значение «ноздри», исполнитель – его действие – «дышать», действие – его объект – «запах». На базе метафорического переноса возникло значение мыса, части земли, выступающей подобно носу на лице.

96. Око – общеславянское, индоевропейского характера, происходит от индоевропейского корня *oku- ‘смотреть’. Ему соответствуют латинское oculus – глаз, литовское akis, армянское akn, родительный падеж akan «глаз, отверстие, дыра», немецкое Auge, древнепрусское ackis, тохарское A ak, B ek «глаз». Однокоренным является слово окно, праславянское, образованное с помощью предметного суффикса -ън-о от существительного око [Фасмер, т. 3, с. 128-129; Цыг., с. 311-312; Шанск., с. 306].

В современном итальянском функционирует однокоренное слово occhio – глаз, восходящее к латинскому oculus, от индоевропейского корня *okw- / *op-, присутствующего во всех ареалах: в санскрите aksa, греческом ophthalmós, немецком Auge. Данный корень прослеживается в латинских сложных словах, обозначающих взгляд ferox, atrox (жестокий) от «взгляд суровый», а также в греческих сложных словах: myóps – близорукий, euóps – с красивыми глазами [ит. эт., с. 689]. Корень, родственный oculus, присутствует также в слове современного итальянского языка atroce – жестокий, ужасный от ater – чёрный и *ox – тот же, что в латинском oculus и в греческом ópis – зрение, вид [ит. эт., с. 101].

В русский язык офтальмо- – первая составная часть сложных слов, выражающих понятие «глазной», было заимствовано из греческого [Бул., с. 414; Кр., с. 553].

Соответствия древнесеверному auga, древневерхненемецкому ouga и санскриту aksi позволяют сделать вывод о родственности данному корню слова современного английского языка eye – глаз. Оно восходит к староанглийскому ēage [Кол., с. 551]. В русском языке суффиксальным производным от око является собственнорусское наречие очень. Возможно, оно развилось из несохранившейся краткой формы очьнъ – прилагательное очьный «глазной», происходящий на глазах, производного с суффиксом -ьн- от око с изменением перед ь звуков / к > ч /. Слово «очень» первоначально могло значить «воочию», заметно для глаз, действительно, в сильной степени [Цыг., с. 323; Шанск., с. 320].

По признаку выделяющихся глаз в русском языке получила название рыба окунь [Шанск., с. 307], в итальянском – лягушка – ranocchio. Оно восходит к слову rana с тождественным значением, образованным от *raksna, которое, в свою очередь, происходит от ономатопеического *rak- / *rag- [ит. эт., с. 820].

Таким образом, первокорень *oku- транслирует смысл ‘смотреть’, он замкнулся на трансформировавшемся посредством метонимического переноса (действие – орган его осуществления) значении глаз. Дальнейшая трансформация значений осуществлялась на основании метонимической смежности с глазом – окно, окуляр,

очки, окунь. Метонимия «то, что происходит на глазах» дала значение очевидный, интенсивность признака которого затем трансформировалась в значение слова очень, утратившем непосредственную связь с исходным смыслом, поскольку закрепилось вторичное значение. От греческой основы, входящей в номинацию глазных болезней, образовался ряд терминологизировавшихся значений, воспринимаемых носителями русского языка как иностранные, связь с исконным корнем утратилась.

103. *Панцырь* – древнерусское, заимствованное из средневерхненемецкого языка, где panzer происходит из старофранцузского pancier «оборонительный доспех», восходящего к среднелатинскому pancere – панцырь, суффиксальному производному от pantex – живот. В русском языке «панцирь» преобразовано по типу имён на -ырь. В современном слове «панцирь» гласный / ы / передаётся буквой и [Мельничук, т. 4, с. 280; Фасмер, т. 3, с. 199-200; Цыг., с. 327-328; Шанск., с. 325].

Слово «панцирь» впервые упоминается в русских летописях XV века, оно было заимствовано в русский через посредство немецкого из итальянского pancia – живот [Бул., с. 420; Кр., с. 562]. Первое значение этого слова – металлическая одежда воина для защиты туловища от ударов холодным оружием, второе – твёрдый покров некоторых животных.

От слова со значением ‘пузо’ происходит имя героя Санчо Панса. В испанском языке живот – panza, восходя к латинскому pantex – живот имеет вариант pancho, который является диалектизмом мосарабского происхождения [исп. эт., с. 411], то есть происходит из речи испанских христиан, возводящих свои корни к Маврам и Сарацинам.

В современном итальянском языке живот обозначается словом pancia, восходящем к латинскому pantices, множественному числу от pantex – кишка. Производным от pancia выступает pancetta – сырокопчёное мясо с салом [ит. эт., с. 722].

Таким образом, первокорень *pant- транслирует смысл ‘живот’, значения которого трансформировались в небольшой степени. На основе метонимии места сформировалось значение панциря, того,

что покрывает живот у некоторых животных, защищая их. Подобно тому, как защищено животное, человеком было придумано использовать доспехи, что породило метонимический перенос и название панциря воина. Метонимия, осуществляющая перенос живот – то, что в нём находится, породила значение кишки, а также подчерёвка – pancetta в итальянском языке.

106. *Пелена* – общеславянское, образовано с помощью суффикса -на от основы пел- из праславянского *pelen- . Имеются соответствия в греческом pellas – кожица, плёнка, в немецком Fell – шкура, латинском pellis (из *pelnis), древневерхненемецком fel «шкура». От данной основы происходит слово пелёнка – сшитое полотно [Мельничук, т. 4, с. 331; Фасмер, т. 3, с. 228-229; Шанск., с. 332].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово pelle – кожа. Оно восходит к латинскому pellis от индоевропейского корня *pel- со значением одевания, облачения. Однокоренными являются слова древневерхненемецкого fel, английского film – плёнка [ит. эт., с. 739].

Слово фильм было заимствовано в русский язык из английского, его исходным значением было оболочка, плёнка [Бул., с. 618; Кр., с. 828]. Film восходит к староанглийскому filmen – мембрана, соотносимому с древнефригийским filmene, греческим pelma – подошва, ступня. Однокоренным является слово современного английского языка fell в своём четвёртом значении шкуры, которому соответствуют древневерхненемецкое fel – кожа, древнесеверное berfjall – медвежья шкура, латинское pellis – кожа. От этого же корня происходит глагол to peel – соскабливать, снимать, отображённый в заимствованном в русский язык слове «пилинг», которым называется процедура смывания шелушащейся кожи [Кр., с. 590]. Оно восходит к староанглийскому pilian – сдирать, соотносится с латинским pilāre – делать лысым, от pilus – волосы [Кол., с. 576, 1149].

Однокоренным является слово современного испанского языка волосы – pelo, восходящее к латинскому pilus – волосы [исп. эт., с. 422]. Возможно, в данном случае имеется пересечение корней pil- / pel- , первый из которых обозначает кожу, а второй – волосы.

Однако более вероятно предположение о полисемии, семантическим стержнем которой является ‘покров, оболочка’ – кожный покров и власяной покров. К латинскому pilus – волос восходит также собственно русское слово «плисовый», представляющее собой суффиксальное образование от плис, заимствованный из шведского языка [Бул., с. 449; Кр., с. 601], где plys идёт от французского peluche – плющ, итальянского peluzzio – буквально «ворсистая ткань». От того же латинского pilus происходит слово плюш, заимствованное в русский из немецкого Plüsch [Шанск., с. 343, 345; Бул., с. 450; Кр., с. 603]. Отметим, что в результате метонимии материал – то, что из него изготовлено, появилось наименование плюшевого мишки, а в перуанском испанском, очевидно, в результате метафоры, словом peluche обозначается девушка. Слово несёт в себе положительную оценку.

К первокорню *pel- восходит также русское слово «плесень».

Плесень – общеславянское, суффиксальное производное от той же основы, что и древнерусское пелесый – сероватый, образованного суффиксальным способом от того же корня, что и латышское palss – плесень, латинское pallor – бледность, древнеиндийское palitás – беловатый [Шанск., с. 342]. Однокоренным со словом плесень является общеславянское полоса, в котором корень с перегласовкой о / е от того же корня, что и пелесый – полосатый, плесень [Шанск., с. 352].

О. Н. Трубачёв связывает данный корень с литовским «сталь»: «Литовское pliẽnas ‘сталь’, по моему мнению, самым ближайшим образом родственно таким литовским словам, как … pléine ‘пепел, плёнка на тлеющих угольях’, plienis ‘пепел’, … Всё это семейство разнообразных слов с основой pl- / pel- и разными расширениями включает такие названия плёнки, плевы, шелухи, мякины … достаточно сослаться на то, что среди старинных способов получения стали видное место занимал способ получения из окалины, путём последовательного нагревания, охлаждения и отделения чешуек окалины» [Трубачёв 2005: 174].

Опираясь на соответствие латинского pallor – бледность, отметим родство итальянского прилагательного pallido – бледный. Оно

восходит к латинскому pallidus от глагола palere, которое возможно связать с palumbus – голубь. Соответствия имеются в санскрите pálitas – серый, греческом pellós – тёмный, корень *pel- – тот же, что и в paglia – солома [ит. эт., с. 720].

К латинскому palumbus – голубь восходит слово современного испанского языка paloma – голубь. Ему соответствует вариант разговорной латыни palŭmba [исп. эт., с. 409].

Итальянское paglia – солома восходит к слову народной латыни *palia, которому соответствует слово классической латыни palea от корня *pel- – кожа, кожура. Ему имеются соответствия в санскрите palas и palavas – мякина, высевки, в старославянском плева, в русском – полова. Среди дериватов в итальянском отмечается pagliaccio – мешок с соломой, затем – соломенное чучело, паяц [ит. эт., с. 717]. Слово паяц было заимствовано в русский из итальянского [Бул., с. 430; Кр., с. 576]. М. Фасмер указывает на родственность в дальней этимологии между русским плесень и литовским pleiskanos, множественное число – «шелуха, чешуйка». Плева этимологически связано с «пелена», им также соответствует латинское palea «красная кожа под клювом у петуха» [Фасмер, т. 3, с. 277]. К этому же корню восходит слово «палевый», заимствованное из французского языка в XVIII веке, в котором pale – бледный от латинского pallidus [Шанск., с. 323]. Тождественным значением обладает английское pale, которое также восходит к латинскому pallidus, от глагола pallēre – выглядеть бледным, изнурённым [Кол., с. 1122].

Очевидно, в данном корне совместились признаки покрова, кожи, плёнки и её цвета. По линии цвета сформировалась цепочка значений, которые в итоге дошли до противоположностей: серый и палевый, сформировав своего рода энантиосемию.

Таким образом, первокорень *pel- транслирует смысл ‘оболочки’. Значения трансформировались на основании метафорического переноса: оболочке подобна кожа, шкура, покров, плесень, шелуха. Затем метонимия то, что шелушится, дала значение нечто шелушащееся – солома. На базе семантики шкуры имел место метафорический перенос, в результате которого образовалось значение волосы.

Метонимия предмет – действие с ним породила значение пилинг, шелушение. Подобие плёнке сделало возможным метафорический перенос, в результате которого появилось значение кино- и фотоплёнки, затем – фильма. Метафорический перенос, основанный на подобии цвета, в латыни дал значение голубь, а также бледный, которые перешли в некоторые неолатинские языки.

109. *Перл* – заимствованное в XIX веке из французского, в котором perle происходит от латинского perna – разновидность морского моллюска, в результате изменения n > l. От того же корня происходит название перловой каши, названной по подобию крупных зёрен ячменя. Первоисточником М. Фасмер называет латинское pirula «маленькая груша» [Мельничук, т. 3, с. 351; Фасмер, т. 3, с. 242; Цыг., с. 336; Шанск., с. 334].

В современном английском функционирует однокоренное pearl – жемчужина, восходящее к старофранцузскому, куда данное слово пришло из народной латыни pernula, от слова классической латыни perna – морской моллюск [Кол., с. 1147].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово perla – жемчужина, восходящее к слову народной латыни *pernula, диминутиву от perna – ветчина, затем – вид раковины, названной так по сходству со свиным бедром. Это слово даёт корень, распространённый в индоевропейском ареале. По схожести формы образовано также слово perno – ось, палец, штырь, опора [ит. эт., с. 745].

В современном испанском языке функционирует однокоренное слово pierna – нога выше ступни, которое также восходит к латинскому perna – ‘мускул и нога вместе’ у животных, окорок, нога птицы или насекомого. Среди дериватов отмечается pernil – окорок [исп. эт., с. 431].

Корень итальянского слова piede – ступня восходит к латинскому pes, генитиву pedis – индоевропейского происхождения, распространённого в индоевропейском ареале [ит. эт., с. 753]. Данный корень фигурирует в составе сложного слова педикюр, заимствованного в русский из французского, восходящего к латинским словам pes (pedis) – нога и curare – ухаживать [Бул., с. 431; Кр., с. 577]. К тому

же латинскому корню pes (pedis) восходит заимствованное в русский в XIX веке из французского слово пионер [Бул., с. 441; Кр., с. 591], в котором pionnier – пехотинец – суффиксальное производное от pion – пеший, от латинсого pedo (корень pes, pedis) [Шанск., с. 339].

Таким образом, первокорень *pern- транслирует смысл ‘округлой вытянутой формы’, значения трансформировались на основе метафорического переноса на окорок, окорока – на раковину. Метонимия окорок, свиная голень, опора произвела ряд значений, связанных с ногой и ступнёй. Метонимический перенос раковина – то, что в ней находится, дал значение моллюска и жемчужины. Подобие жемчужине дало значение перловой крупе.

142. *Слюна* – переоформление общеславянского слина, которое представляющее собой суффиксальное производное от той же основы сли- , что и древнескандинавское slim – слизь, мокрота, латышское sliēnas – слюна, вязкая грязь, диалектное слен – твёрдая слизь, которой покрывается рыба на зиму [Мельничук, т. 5, с. 313; Фасмер, т. 3, с. 681; Шанск., с. 416].

По семантике и звуковому оформлению сближается с латинским saliva, восходящим по одной из версий к корню *sal- / *sil-, который появляется в греческом síalon, а также в древневерхненемецком slîm [ит. эт., с. 867]. Слово saliva обозначает слюну также в английском языке, отмечается его тёмное происхождение [Кол., с. 1366]. Однокоренным является турецкое слово salya – слюна, которому соответствует греческое / saliá /, латинское saliva [тур. эт.].

С корнем в латинском слове saliva – слюна связан восточнославянский по происхождению глагол «соловеть», образованный суффиксальным способом от прилагательного соловый – желтоватый, серый, общеславянского производного посредством суффикса -в- от той же основы, что и в древневерхненемецком salo – тёмный, грязный, среднеирландском salach – грязный. От соловъ – серый, желтоватый при помощи суффикса -uj- (> -ей) образовано слово соловей, называющее птицу по её цвету [Шанск., с. 420].

Таким образом, первокорень *sli- транслирует смысл ‘слизкий’. Сохраняя общий стержень, значения трансформировались, по мето-

нимической модели признак – его носитель: слюна, слизь, мокрота, рыбья слизь. Дальнейший перенос дал значение грязь, который отдалился от исходного смысла. Последующий перенос был осуществлён по признаку цвета серый, желтоватый, он как признак метонмически был перенесён на его носителя – соловья. В результате противоположной оценки, заложенной в представлениях о соловье, птичке прекрасной и сладкоголосой, и о грязи, слизи как о неприятном веществе, в русском языке сформировалась энантиосемия, происходящая из трансформаций значения анализируемого первокорня.

147. *Сопля* – общеславянское по происхождению, суффиксальное образование от той же основы, что и сопеть, сопло – труба в кузнечном меху. Однокоренными являются древнерусское сопу – соплю, старославянское сопоть – канал, словенское sop – дыхание. В родственном глаголе «сопеть» отмечается корень сопъ, звукоподражательный по происхождению [Шанск., с. 421]. Далее сюда относят древнеисландское safi – сок дерева, средненижненемецкое sabben – брызгать слюной, sabbelen – пачкать, латинское sapa – сироп из виноградного сусла, армянское ham (*sapmo-) – сок [Мельничук, т. 5, с. 355; Фасмер, т. 3, с. 719]. Как не вполне убедительную, в частности, Н. М. Шанский приводит версию того, что с древнеисландским saf и латинским словом, обозначающим «сок», связано происхождение названия «сосна» как смолистого дерева, в котором произошло упрощение группы согласных / psn / > / sn / [Шанск., с. 422].

Глаголу «сопеть» родственно слово современного испанского языка soplar – дуть. Оно происходит от латинского sŭfflare от flare, которому в народной латыни соответствует *sŭpplare [исп. эт., с. 515]. Однокоренным является глагол современного итальянского языка soffiare – дуть, восходящий к латинскому sufflare, состоящему из sub- и flare. К тому же корню восходит слово fiato – дыхание, идущее из латыни flatus от flare – дуть. Слово ономатопеического происхождения. С flare – дуть связано немецкое blasen – раздуваться, английское blow – дуть, голландское blagen. Итальянское слово flauto – флейта восходит к латинскому диминутиву *flabeolum [ит. эт., с. 391, 927].

Английский глагол blow – дуть происходит от древнеанглийско-

го blāwan и соотносится с древнесеверным blær – порыв ветра, древневерхненемецким – blāen, латинским flāre [Кол., с. 170].

Таким образом, первокорень *sop- транслирует смысл ‘дуть’, сформировавшийся в результате звукоподражания данному действию. Значения трансформировались на основании метонимического переноса по модели nomina actionis сопеть, дуть. Далее перенос был осуществлён на то, что затрудняет дыхание, – жидкость в носу, затем – действие выдыхать жидкость, которое затем приняло более обобщённое значение брызгать, пачкать Последующий метонимический перенос на то, чем брызгается, дал значения сок, сироп. Метонимия по модели nomina strumenti породила название духового инструмента флейты..

152. *Тетива* – общеславянское по происхождению, восходит к tętiva, образованному, вероятно, с суффиксом -iva от корня *ten- , осложнённого формантом t. Из *ten-t-iva в результате изменения у восточных славян / ę / в / ‘а / возникло тятива, зафиксированное в памятниках XIV века и сохранившееся в украинском языке. В русском языке написание е вместо я объясняется закреплением в орфографии произношения безударного гласного а как е. Корень *ten- , сохранившийся в слове тенёта, имеет соответствия в некоторых индоевропейских языках, например, в латышском tina – род сети, в латинском tenus – верёвка, tendo – натягиваю, древнеиндийском tántus – верёвка. Однокоренное слово тенёта (сети) является общеславянским по происхождению и представляет собой форму именительного падежа множественного числа от тенето. Оно образовано с помощью суффикса -ето от той же основы (тен-), что и тетива [Шанск., с. 440, 441-442]. Праславянское *tentiva соотносят с древнеиндийским tantus-бечева, tantram-основа ткацкого станка. С другой стороны, его сравнивают с латинским tempus, родительный падеж –oris – ‘время’ с первоначальным значением ‘натянутое’ [Фасмер, т. 4, с. 53].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово tendine – ‘связка’ в анатомическом значении. Оно происходит от позднелатинского tendine (m), связанного с глаголом tendere – тянуть, протягивать, который восходит к корню *ten-, тому

же, что в tenere – держать, иметь с расширением d. Ему родственны слова санскрита tanômi – я развёртываю и tantis – струна, верёвка, а также готского ufthanian, древневерхненемецкого dennan, немецкого dehnen – расширять, расстилать, старославянского teneto, греческого teíno – я тяну, протягиваю и ténon – связка, кельтское teann, древнеирландское têt – струна арфы. Среди дериватов отмечается итальянское tenda – занавеска, палатка, архаичное tenzione – наречная форма интенсива tentare – пробовать, испытывать [ит. эт., с. 993]. Дериватами выступают заимствованные в русский язык слова интенция – от латинского intento – стремление, intendere – замышлять [Бул., с. 234; Кр., с. 308], контейнер – пришло в русский из английского container – ящик, буквально ‘в себе держащий’ con- – со- и tenere – держать, содержать (аналогично построено итальянское слово contenuto – содержание) [Бул., с. 288; Кр., с. 389], претендент – от латинского praetendens – домогающийся [Бул., с. 464; Кр., с. 622].

Латинский глагол tenere, уже отмечавшийся в нашем исследовании, значение которого в литературном итальянском трансформировалось в ‘держать’, а в испанском – ‘иметь’ (владеешь тем, что держишь в руках), восходит к корню *ten- из tendere с расширением / e /, что обозначает длительность, а не единомоментность. Корень тот же, что и в tenus, tener – нежный с изначальным значением мягкий, податливый, такой, который легко удержать [ит. эт., с. 993, 994].

Название голоса тенор – tenore, заимствованное в русский из итальянского языка в XVIII веке, также восходит к tenere – держать, поскольку именно такой голос «держал» мелодию [Шанск., с. 440].

В испанском языке однокоренной глагол tener – ‘держать занятым’ в кастильском начинает заменять глагол haber – иметь с XII века, однако закрепляется в данном значении лишь с XVI века. Среди производных от tierno – нежный отмечается ternero – телёнок [исп. эт., с. 538].

Однокоренным английским словом, заимствованным в русский язык, является tender (тендер) – форма выдачи заказов на поставку товаров или подрядов на выполнение определённых работ [Бул., с. 572; Кр., с. 768]. Данное существительное восходит к глаголу to

tend – иметь тенденцию, склоняться, пришедшему в английский через старофранцузское tender, из латыни tendere – тянуть, вытягивать, натягивать [Кол., с. 1588].

Корень латинского глагола tendere – тянуть, вытягивать пересекается с корнем другого латинские глагола sternere – расстилать, того же, что и в русском «стлать». От корня tendere – тянуть при помощи предлога ad- со значением ‘направленности действия на что- , кого-либо’, преобразовавшегося в префикс, был образован глагол ad-tendere, который в итальянском дал attendere со значением ‘ждать’ как переходный глагол и ‘посвятить себя чему-либо с особым стремлением’, если глагол переходный. От данного глагола образовано существительное внимание – attenzione [ит. эт., с. 102]. В английском от латинского attendere – тянуться к чему-либо был образован глагол to attend со значением посещать, присутствовать [Кол., с. 97], существительное attendant – слуга, служащий, тот, что сопровождает или ждёт другого, в сочетании со словом flight – полёт обозначает стюарда.

Таким образом, первокорень *ten- транслирует смысл ‘тянуть’, значения которого трансформировались под воздействием метонимических переносов: то, что тянется – тенёта, то, что натянуто – струна, тетива, то, что натянуто и закреплено – то есть то, что удерживается, – занавеска, палатка, то, что в палатке – магазин; держится – значит, имеется, то, что легко удержать – податливое, мягкое, нежное; нежный и ласковый – телёнок.

159. *Ухо* – древнее славянское слово, современная форма которого возникла в праславянский период из индоевропейского *ausos – ухо в результате изменения дифтонга au перед последующим согласным в гласный u, а после u согласного s в x. В индоевропейском *aus-os – слушание, восприятие содержится тот же корень *au- , обозначающий «состояние, противоположное сну», что и в слове явный с изменением дифтонга *au- в *av- перед гласным. Ему родственны древнеиндийское āvís «явно, очевидно», ušas – слух, литовское ausis – ухо, латинское aur-is – ухо, в котором звук r из s. Современное множественное число «уши» по происхождению явля-

ется формой двойственного числа, в которой перед окончанием / и / звук / х / изменился в / ш /, в соответствии с первым смягчением задненёбных звуков. В современном украинском языке употребляется форма в-уха, представляющая собой старое множественное число основы на -es- [Цыг., с. 511]. Родственными также являются готское ausō – ухо, греческое ous с тождественным значением, латинский глагол aus-cultare – ‘внимательно слушать’ [Мельничук, т. 1, с. 441; Фасмер, т. 4, с. 179; Шанск., с. 470].

А. Мейе приводит соответствия: «Латинское aurēs «уши», ирландское au, ō «ухо» … наряду с формой нулевой степени авестийское uši «уши» (двойственное число), армянское unkn «ухо» и наряду с формой с о- греческое ουατα (из *ουσατα) «уши» и с *ō в дорическом ώ(F)ατα» [Мейе 1938: 186].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово orecchio – ухо. Оно восходит к латинскому auris через диминутив auricola (позднее oricla). Auris – это очень древнее слово, широко представленное в индоевропейском ареале. Оно присутствует в греческом *ousnt, затем oûs, родительный падеж otós, в оскском *ausis, английском ear – ухо, немецком Ohr с тождественным значением. Глагол итальянского языка ascoltare – слушать происходит от латинского auscultare (auris – ухо) от индоевропейского корня *aus- [ит. эт., с. 92, 704]. В современном испанском языке глагол слушать имеет звуковую оболочку escuchar, однако восходит к тому же корню: от древнего ascuchar, произошедшего, в свою очередь, от *ascŭltare, формы народной латыни от auscultare [исп. эт., с. 225].

В. М. Иллич-Свитыч отмечает корень слова ухо в индоевропейском *Heus- [Иллич-Свитыч 1984: 370]. Однокоренным со словом ухо является собственно русское «ушат». В памятниках XV века отмечается диминутив ушатьць. По происхождению оно является формой прилагательного от уши, вероятно, формы множественного числа от ушь – ухо, однокоренного с ухо [Шанск., с. 470].

Однокоренное слово английского языка ear – ухо восходит к древнеанглийскому ēare и соотносится с древнесеверным eyra, древневерхненемецким ōra, готским ausō, греческим ous, латинским auris [Кол., с. 488].

Таким образом, первокорень *aus- транслирует смысл ‘ухо’, большой трансформации значений не произошло. Метонимический перенос по модели nomina actionis дал название действию слушать, слышать. Дальнейший метонимический перенос на объект действия дал значение то, что услышано, которое, в свою очередь, произвело значение явный. Оно отошло от изначального смысла, поскольку в нём закрепился вторичный признак. Метафорический перенос внешнего сходства с головой и двумя ушами дал название ёмкости ушат.

163. *Чело* – общеславянское по происхождению, суффиксальное образование от глагольной основы, выступающей в литовском kélti, keliù – поднимать, а также kálnas – гора, в латинском excello – возвышаюсь, поднимаюсь, celsus – высокий, collis – холм, в готском hallus с тождественным значением, древнеисландском hallr – поднимать. Первоначальное значение – гора, возвышенность [Мельничук, т. 6, с. 338-339; Шанск., с. 489].

Однокоренным является слово современного итальянского языка eccellere – превосходить всех, восходящее к латинскому excellere от ex- и *cellere, *celdere – возвышаться, от *kel- индоевропейского происхождения. Однокоренным является итальянское существительное colle – холм, которое восходит к латинскому collis, ему соответствует греческое kolonós – холм, английское hill – холм [ит. эт., с. 230, 336]. Современное hill – холм восходит к староанглийскому hyll, соотносится с древнефригийским holla – голова, латинским collis, нижненемецким hull – холм. Однокоренным является английский глагол excel – превосходить, а также прилагательное excellent – превосходный [Кол., с. 540, 735].

Согласно одной из этимологических версий, к тому же корню, что и в слове «чело», восходит образованное сложением основ «человек». В нём выделяются основы «чело-» и «век». Первая часть «чело» имела значение ‘верх, возвышенность’, откуда далее – ‘высшее качество’; вторая – векъ (через ять) со значением ‘сила’. В этом случае первоначальное значение слова «человек» может определяться как «обладающий полной силой, взрослый человек» [Шанск., с. 489].

Таким образом, первокорень *kel- транслирует смысл ‘возвышенность’. Значения трансформировались, сохраняя основной се-

мантический стержень. Метонимический перенос по модели nomina actionis дал название действиям поднимать, возвышаться. Затем был осуществлён перенос на объект: то, что возвышается, – холм, гора. Метафорическое соотнесение с человеком дало значение голова, затем – возвышающаяся часть головы – чело. Последующий виток метафорического перноса дал значение – возвышающийся над другими, превосходный.

166. *Язык* – древнее славянское слово, современная форма которого развилась из древнерусской языкъ – орган, речь, утратившей слабый гласный ъ. Древнерусское слово языкъ появилось из праславянского *językъ с тождественным значением в связи с изменением у восточных славян носового гласного / ę / в / ‘а / (графическая я). В праславянском *językъ гласный / ę / из сочетания гласного с носовым: / en / (in). Славянскому слову «язык» родственны древнеиндийское jihvā – язык, звуковое соответствие z – h, а также латинское lingua – язык (звуковое соответствие j – l, z – g). Предполагают, что праславянское *językъ происходит от индоевропейского корня *eng- – узок, того же, что и в слове *onzъkъ > узок (чередование носовых / e : o /). Возможно, слово «язык» некогда обозначало ‘узкую полосу кожи, ткани’ и т. п. Значение ‘орган в полости рта’ у него вторичное [Цыг., с. 564].

Соответствия имеются в древнепрусском insuwis – язык, немецком Zunge, а также в древнелатинском dingua, древневерхненемецком zunga. Предполагалось также действие языкового табу. Старославянское и церковнославянское значение ‘народ’ представляет собой, возможно, кальку латинского lingua – народ, которое представлено во французском Languedoc – название области в Южной Франции [Мельничук, т. 6, с. 538; Фасмер, т. 4, с. 550-551; Шанск., с. 523-524]. Такое же значение прослеживается в греческом, по примеру которого было создано слово «язычник», оно было заимствовано из старославянского. «Язычник» – иноверец, что является словообразовательной калькой греческого ethnikos – прилагательное от ethnos – народ. Древнерусское язык с XI века фиксируется в значении «народ» [Шанск., с. 524].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово lingua. Оно происходит от латинского lingua, которое восходит к индоевропейскому корню *dngwa- . Соответствия имеются в немецком Zunge, английском tongue, готском tuggo, румынском limba, провансальском lengua. Древнее, чем латинская форма, было dingua, в котором d становится l под сабинским влиянием. Возможно связать с lingere – лизать [ит. эт., с. 578-579].

В современном английском языке функционируют однокоренные слова language, пришедшее в английский из старофранцузского langage, в котором оно из латинского lingua, а также tongue, восходящее к древнеанглийскому tunge, соотносящееся со старосаксонским и с древнесеверным tunga, древневерхненемецким zunga, латинским lingua [Кол., с. 875, 1622]. В. М. Иллич-Свитыч приводит корень слова «язык» в таблице соответствий исследуемых ностратических языков [Иллич-Свитыч 1967: 18].

Таким образом, первокорень *eng- транслирует смысл ‘язык как орган речи’. Отметим, что на начальных этапах развития семантики «узкий» по признаку формы было перенесено на орган речи язык, значение которого закрепилось как смысл и стало транслироваться в дальнейшем. На базе метонимического переноса по модели nomina actionis возникло значение речь. Дальнейший метонимический перенос язык – его носитель дал значение народ.

В ходе трансформации значений слов лексико-семантической группы ‘части тела’ возможно отметить некоторые тенденции. Когда отправной точкой трансформаций яляется обозначение денотата, происходит сужение по определённому метонимическому переносу (nomina loci живот – то, что на (в) нём находится – панцирь, кишки, сало; пять пальцев – кулак, запястье; кость). В случае, когда трансформация начинается с обозначения действия, происходит метонимический перенос по модели nomina agentis, а также перенос на объект действия (тянуть – тенёта, струна, палатка), встречается усиление действия (дуть, дышать, мешать дышать, брызгать), прослеживается также модель nomina strumenti (око – очки, окно, окуляр). Возможен ряд метафорических разнонаправленных переносов (оборачивать,

кривизна – спина, заплечье, кривда). Исходное значение с признаком формы обычно даёт сужение значения при последующих переносах (плоский – лапа, лопость). Начинаясь от обозначения природного свойства, цепочка трансформаций может доходить до энантиосемии (слизкий – слюна, грязь, их цвет, соловей – птица, воспринимаемая с оценкой плюс и эстетической коннотацией прекрасного пения). Трансформации значений данной группы происходят в соответствии с традиционными моделями, и это говорит о том, что первокорень, исходя из глубокой древности, следует развитию, заложенному природой, подобно живому организму.

2.1.4. 'Названия растений'

В лексико-семантическую группу 'названия растений' вошли следующие слова русского языка, содержащие в себе первокорни: абрикос, астра, бор, бумага (как то, что производится из растений), зерно, олива, омела, полотно, пшено, роза.

1. *Абрикос* – заимствовано в начале XVIII в. из голландского языка, в котором abrikoos из романских языков (ср. франц. abricot, порт. albricoque). В романские языки слово пришло из арабского. В арабский (через посредство греческого) – из латыни. Латинское praecox значит «скороспелый». В XVIII веке в русском языке наряду с существительным «абрикос» употреблялось существительное априкос, заимствованное из немецкого языка. В XIX веке немецкое заимствование было вытеснено современной формой, голландской по происхождению. [Шанск., с. 22].

Г. П. Цыганенко указывает на внутреннюю форму латинского первоисточника: praecox: prae- «заранее», «наперёд», и coquo, coxi, coquere «давать созреть», «делать готовым», «варить»), или apricus «согретый солнцем» [Мельничук, т. 1, с. 39; Цыг., с. 15], к которому, возможно, также восходит название месяца апреля [Цыг., с. 23].

Непосредственным наследником латыни является итальянский язык. В современном итальянском языке название фрукта и дерева, на котором он созревает, различается по роду. Дерево – мужского рода, фрукт – женского. А. Мейе констатирует это противоречие, поскольку плодоносящее начало должно было бы быть женского рода.

Название абрикосового дерева в итальянской этимологической традиции связывается с арабским al-barquq – слива, которое пришло через испанское albercoque [ит. эт, с. 49]. Возможно, в восприятии данного слова произошло переосмысление посредством народной этимологий, выделившей созвучие «alber», поскольку в итальянском языке слово albero, в испанском arbol – обозначает «дерево». Итальянский этимологический словарь также указывает на то, что в арабский это слово пришло из латыни (арабское al- barquq برقوق – собирательное «слива») через посредство византийского греческого praikókion. Д. Мельди отмечает, что исходным арабским названием было /mismas/, от которого произошло слово лигурийского диалекта итальянского языка miscimin [ит. эт. с. 50]. Однако, /mişmiş/ مشمش в современном арабском обозначает ‘абрикос’, а не ‘слива’.

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, называние нового растения, используемого в быту, происходит по аналогии с уже знакомым овощем, животным, злаком и т. п. Так, например, «неточное» соответствие в номинации предметов одного класса наблюдается в языках контактирующих культур (ср. турецкое kavun – дыня и украинское кавун – арбуз).

В английской этимологической версии полностью подтверждается путь данного слова: apricot от португальского или испанского albricoque, из арабского al-briqūq, которое, в свою очередь, было заимствовано из греческого praikokion, куда слово пришло из латыни praecox. [Кол., с. 74]. Этот же путь подтверждает этимологический словарь испанского языка [исп. эт., с. 18].

В современном турецком языке слово kayısı (абрикос) представляется исконным [тур. эт.]. Отметим, что арабская принадлежность абрикоса прослеживается в его названии damasco в варианте испанского Латинской Америки, в Южном Конусе, в который входят Аргентина, Уругвай и Чили. Дамаск – столица Сирии, арабской страны.

Родиной абрикоса считается Китай, в Европу он был завезён из Армении Александром Македонским. Латинское название абрикоса prunus armeniaca указывает на произрастание этого фрукта в Армении.

Исходной латинской формой является prae- «заранее», coquere «давать созреть», которое, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню *pekw- , что встречается в санскрите pàcami (я готовлю (еду)) [ит. эт., с. 280]. Следовательно, prae-cox обозначает «заранее созревший». Очевидно, по сравнению с другими фруктами, абрикос созревал раньше, что обусловило его наименование носителями латинского языка.

К индоевропейскому корню *pekw- восходит также глагол современного итальянского языка cuocere – готовить еду. Cuocere в итальянский пришло из народной латыни *cuocere от coquere (готовить, печь, обрабатывать сырую пищу, созревать), которое восходит к индоевропейскому корню *pekw- . Ему имеются соответствия в санскрите pàcami – я жарю, готовлю, в греческом pépon – созреваю [ит. эт., с. 280]. Древнему глаголу *pekti соответствует древнерусское слово «почка». Оно образовано с помощью суффикса -ька, современный вид которого – -ка от исчезнувшего «пока». Ему соответствует диалектное и древнерусское опока – глина. Оно представляет собой производное посредством огласовки и темы -а от *pekti, от которого произошло слово «печень», ему родственно кашубское povarka [Шанск., с. 359].

К итальянскому глаголу cuocere (готовить еду) восходит имя существительное современного итальянского языка cucina – кухня и cucinare – готовить еду [ит. эт., с. 279]. Родственным является слово современного русского языка «кухня», которое было заимствовано в русский из польского в XVIII веке [Бул., с. 309; Кр., с. 419] и вытеснило старое русское «поварня». Польское kuchnía заимствовано из германских языков, имеет соответствия в нижненемецком koch «повар», современном немецком Küche «кухня», а также в переносном значении – «стол, пища», в древневерхненемецком kuchīna, из среднелатинского cocina, латинского coquina «поварня». Среднелатинское cocus, coquus «повар» от coquere «готовить, варить, жарить» [Фасмер, т. 2, с. 436; Цыг., с. 232; Шанск., с. 230].

В современном английском функционирует родственное слово cook – готовить, повар, kitchen – кухня. Они восходят к древнеан-

глийскому cycene, которое развилось из позднелатинского coquīna, от латинского coquere – готовить. Однокоренным является также английское слово kiln – печь для обжига и сушки. Оно восходит к древнеанглийскому cylen, пришедшему из поздней латыни: culīna – кухня, от латинского coquere – готовить [Кол., с. 856, 853].

Слово современного английского языка cook – готовить еду идёт от древнеанглийского cōc, восходящего к латинскому coquus – повар, от coquere – готовить [Кол., с. 351]. Слово кок – повар на судне было заимствовано в русский язык из голландского как морской термин [Бул., с. 275; Кр., с. 366].

Первокорень, породивший слово «абрикос», восходит к индоевропейскому корню *pekw- , связанному с русским глаголом «печь», который также реализует значение «готовить». Н. М. Шанский отмечает общеславянский, индоевропейский характер глагола «печь» [Шанск., с. 337].

Таким образом, первокорень *pekw- транслирует смысл ‘готовить еду’. В процессе развития полисемии действие приготовления метафорически соотнеслось с созреванием плода на дереве, в результате чего развилось значение рано созревающего плода, которое субстантивировалось и стало обозначать абрикос. Субстантивировавшееся сочетание префикса с глагольной формой prae-cox прошло путь заимствования и прижилось в русском языке. Словарь иностранных слов фиксирует абрикос как заимствованное из французского [Бул., с. 6; Кр. с. 29]. В результате метонимического переноса действие – его результат сформировалось значение «абрикос» (зреть – то, что созрело; метонимия действие – место, в котором оно происходит, дала значение печь, кухня, а метонимия действие – его исполнитель породила значение кок, повар.

4. *Астра* – заимствовано в русский язык в XVIII веке из французского или немецкого языка первоначально в виде aster. Французское aster, немецкое Aster восходит к греческому astēr – «звезда». Цветок назван по форме, напоминающей звезду [Мельничук, т. 1, с. 54; Шанск., с. 30]. Слово астра осознаётся в русском языке как заимствованное и фиксируется в словарях иностранных слов [Булл., с. 65; Кр., с. 96].

В современном итальянском языке цветок астра обозначается словом gherbera, margeritona (-one является суффиксом аугментативом, буквально ‘большая маргаритка») [Майзель, Скворцова 1995: т. I, с. 14]. Слово astro с грамматическим показателем мужского рода, с флексией -о функционирует в значении ‘общее название небесных тел’. В латыни основа слова astrum была вовлечена в словообразовательный процесс, в результате чего префиксальным способом было образовано dis- astro (disastro) в значение «злая звезда». В испанском языке отрицательная оценка слова desastre сформировалось в первой части 13-го века. Очевидно, «звезда» и «не-звезда» развило значение счастливой и несчастной судьбы [исп. эт., с. 50]. В современном итальянском языке слово disastro обозначает бедствие, в этом значении оно встречается и в других современных языках, в частности, в английском «disaster». Данный корень возможно соотнести с ведическим санскритским staras, немецким Stern, латинским stella, армянским astl [ит. эт., с. 99]. Латинское stella от более древнего *stelena восходит к индоевропейскому корню *ster- , от которого в современном итальянском произошло stendere (расстилать, звёзды расстелены, развёрнуты по небесному своду). Этому корню родственны греческое aster, готское stairno, древневерхненемецкое sterro, немецкое Stern, английское star.

В индоевропейском ареале этот же корень появляется в форме *telo-, от которого происходит санскритское talam (равнина), в ведическом staras (звёзды, в форме множественного числа). В славянских языках этому корню родственно tilo – почва. Отметим, что в значении почва этот корень соотносится с современным украинским «тло» (background), «на тлі» – на фоне. В латыни tellus обозначает «земля» [ит. эт., с. 955]. Версия о родственности данного корня славянскому слову «тело» не подтверждается и не опровергается русскоязычными этимологическими словарями. Этимология праславянского *tělo достоверно не изучена. Возможно, оно образовано с суффиксом l-о (как дело) от индоевропейской основы *sthā «ставить» с утратой начального звука s [Цыг., с. 472].

В современном русском языке слово «звезда» общеславянского происхождения, оно известно также в балтийских языках. Образо-

вано с помощью суффикса -da от *gvoidъ, являющегося дублетом *kvoitъ ‘свет’. Первоначальное *gvoidda изменилось в звезда: /oi/ перешло в ять, от ять образовалось е, /dd/ трансформировалось в /зд/; /gv/ перед ять перешло в /зв/. Существительное *gveida «звезда», «светило» образовано с суффиксом *-da (как в слове колода) от корня *gveid- (*gvoid-), который был звонкой разновидностью корня *kveit- (*kvoit-) «светить, сиять» (от него свет, цвет) [Шанск., с. 160; Цыг., с. 157]. Слова «цветок», «цвет» и «свет» восходят к общему корню *kvoitъ [Шанск., с. 483].

Наблюдается проведение одинаковой аналогии между цветом и светом носителями разных языков. С одной стороны, внешне цветок астра напоминает звезду в её восприятии наивным сознанием, однако очевидно совпадение между цветом и светом, цветком и небесным телом.

Таким образом, первокорни *ster- и *gveid- , будучи различными между собой, транслируют смысл ‘свет’. В сознании носителей разных языковых картин мира произошёл аналогичный процесс метафорического переноса цвета и света, цветка и звезды. В латинском совокупность звёзд метафорически была перенесена на что-либо расстеленное, что в дальнейшем переосмыслении дало значение фон.

11. *Бор* (хвойный лес) – по корню праславянское, восходит к индоевропейскому *bhar (*bher) ‘быть острым’ с изменением / a > o / [Цыг., с. 46-47]. Слово бор того же корня, что и борода, боров, бородавка, бороться, борозда, борщ. В основу названия положено колющее свойство хвои [Цыг., с. 47; Шанск., с. 53-54].

Слово «борщ» было заимствовано в русский из украинского языка, в русских словарях оно отмечается с начала XVIII века. В украинском языке оно развилось от названия целебной травы (‘навар из целебной травы’) *bъrstjь, известное в других славянских языках. Во внутреннюю форму названия травы от корня *bhr- (*bher-) заложено тактильное ощущение прикосновения к острым листьям [Цыг., с. 43; Шанск., с. 54].

Первокорень *bhr-, транслирующий смысл ‘острый’, трансформировался в значение «борода», образованное от праславянской основы *bord- (острая, колкая). Из праславянского *-or- развилось

полногласное сочетание -оро- (борода) на почве восточнославянских языков [Цыг., с. 47; Шанск., с. 54]. Это слово имеет соответствия в других индоевропейских языках, например, в итальянском barba (борода) от латинского barba, восходящего к индоевропейскому корню *bardh- [ит. эт., с. 123].

В современном английском языке слово борода – beard восходит к древнеанглийскому «beard», соотносящемуся с древнесеверным barth, древневерхненемецким bart и латинским barba [Кол., с. 136].

К индоевропейскому *bher- ‘быть острым’ восходит праславянское *dorna, от которого произошло слово «борона» в значении сельскохозяйственного орудия. Ему родственно греческое phorō «раскалываю», латинское forare «сверлить», немецкое bohren «сверлить, ковырять». Звуковое соответствие: e-o-a; bh-f [Цыг., с. 47; Шанск., с. 54]. К этому же корню, возможно, восходит итальянское frangere (дробить). Латинское frangere восходит к корню *bhreg-, ему имеются соответствия в готском brikan и в санскрите bhanakti (он ломает) [ит. эт., с. 410]. Среди производных от указанного корня на этапе его закрепления в латыни (frangere) отмечается слово, вошедшее в русский язык, – «фракция» – ‘составная часть’ [Бул., с. 631].

Таким образом, первокорень *bhr- транслирует смысл ‘острый, колючий’. Его значения трансформировались как в разных языках, так и в пределах одного, – русского. Основой смыслового восприятия, очевидно, является тактильное ощущение – то, что колется. Метонимический перенос свойства на предмет дал значение борода, затем – носитель колючей щетины – боров. Тактильное впечатление колкости дало название отвару из трав, которые, очевидно, в процессе приготовления колятся. Затем значение отвара было перенесено на варёную смесь овощей – борщ, что утратило связь с исходным смыслом, поскольку закрепилось второстепенное значение. Метонимия nomina actionis дала значение раскалывать, последующий метонимический перенос по модели действие – его результат породил семантику борозда, то, что расколото надвое. Метафора раскола дала значение излом, а также фракция (группа членов какой-либо партии в парламенте), которое терминологизировалось и было заимствовано

в русский язык, где оно воспринимается как иностранное и не ассоциируется с исходным корнем.

13. *Бумага* – заимствовано в русский язык из итальянского [Бул., с. 106]. Л. П. Крысин данное слово как иноязычное не фиксирует, возможно, потому, что в русских памятниках оно отмечается ещё с XV века [Цыг., с. 54]. Древнерусское, заимствовано из итальянского языка, bambagia – «хлопок, хлопчатая бумага» через латино-греческое посредство (латинское bombacium – «хлопчатая бумага», греческое bambakion – «бамбук») восходит к персидскому pänbäk – «хлопок, хлопчатая бумага» [Шанск., с. 62-63]. Отметим, что в современном турецком языке слово хлопок звучит как pamuk и является родственным корню bombuks [тур. эт].

В самом итальянском языке денотат бумаги обозначается другим корнем – carta, что в испанском обозначает «письмо», являясь результатом развития полисемии.

Итальянское слово «бумага» – carta происходит от латинского charta, соотносится с греческим chàrtes (лист папируса) [ит. эт., с. 193]. Однокоренным является слово картридж, а также итальянское cartuccia в значении ‘заряд для огнестрельного оружия’, а также ‘фильтр для карбюратора’ [ит. эт., с. 194]. Отметим, что в русском языке фигурирует однокоренное слово «картуш», обозначающее надпись египетскими пиктографическими символами имени (фараона (в древности) и туриста (в наше время), заключённую в овал, символизирующий овальную форму земли, согласно древним представлениям о мире, с подставкой в виде свёрнутого свитка папируса.

В испанском языке слово, обозначающее бумагу – papel, происходит от каталонского paper, что восходит к латинскому papyrus, которое, в свою очередь, происходит от греческого papyrus.

Производство бумаги было ввезено в Европу через Каталонию и Италию арабами в X веке [исп. эт., с. 412]. С IX по XI века на Сицилии была арабская доминация, следы теснейших контактов с арабской культурой по сей день видны в архитектуре и диалекте современного Палермо и других сицилийских городов.

Возможно предположить, что само название бумаги, которая ас-

социируется с процессом письма, хранения и передачи информации, связано с культурным центром Северной Африки – Карфагеном. Финикийский город владел Средиземноморьем и, в частности Сицилией, Сардинией и Корсикой. В литературном арабском одним из слов, обозначающих денотат бумаги, является /kirtās/ [Красновский, Шарбатов 1992: 54], что соответствует первым согласным написания названия Карфагена на арабском литературном языке.

Название Карфагена Qart hadašt в пунической записи без гласных Qrt hdšt переводится с финикийского языка как «новый город».

Таким образом, carta в значении «бумага», поверхность с написанным текстом, может восходить к названию Карфагена, который распространил своё культурное влияние на древнее Средиземноморье.

Слово «бамбук» заимствовано в русский через французский [Кр., с. 113; Бул., с. 79] из малайского (Индонезия). В русских словарях отмечается с XVIII века [Цыг., с. 32]. В итальянский это слово также пришло через посредство французского, в котором оно появилось из португальского bambu [ит. эт., с. 121[. В испанский язык слово bamboo было завезено португальцами из языков marati и guyarati. В древнекаталонский язык данное слово было заимствовано из арабского [исп. эт., с. 62]. Очевидно, с развитием морских путей и завозом в Старый свет реалий открытых земель, в языках старого света появились слова, обозначающие эти реалии. В английском языке bamboo также идентифицируется как слово малайского происхождения [Кол., с. 119]. Слово paper (бумага) английского языка восходит к латинскому PAPYRUS [Кол., с. 1128]. Само слово «папирус» является заимствованием из латинского, где греческое papyrus египетского происхождения [Шанск., с. 326]. К этому же корню восходит украинское слово папір [Мельничук, т. 4, с. 283]. Существует предположение о коптском первоисточнике данного слова от nâpirop (зародыш, завязь) [ит. эт., с. 725]. Учитывая сакрально-мифологическое значение, которое древние египтяне придавали папирусу, что в своём поперечном срезе отображает треугольную форму пирамиды, возможно предположить, что папирус виделся не только как быстро растущее растение, но и как то, что порождает и переносит в себе культуру и сакральные знания.

Таким образом, название бумаги восходит к материалу, на котором писали: хлопок pänbäk или бамбук, а также, возможно, к культурному центру Карфагена. Образование от «бамбука» является конкретным и материальным, перенос номинации был осуществлён по метонимической модели от растения к материалу, из него изготовленного. Второе образование по финикийскому корню, фиксируемому в названии города Карфаген, может показаться сомнительным, однако если эта версия верна, то здесь имеет место перенос духовного смысла и понимание письма не как физического процесса нанесения знаков на материал, а как передачи культуры, её распространения из центра, которым для древнего мира был Карфаген. Возможно существование параллельных номинаций, поскольку культура Древнего Египта была богата своими ценностями, в контексте которой не было ситуации распространения информации из далёкого очага культуры на завоёванные территории, как это было в историческом контексте Карфагена. Параллельными первокорнями, транслирующими смысл ‘поверхности для письма’, ‘то, что содержит в себе нечто духовное’, можно считать финикийское /Qrt hdšt/ и коптское /nâpirop/, значения которых трансформировались в разных языках, сохраняя семантику «бумаги».

54. *Зерно* – древнее славянское слово, имеет соответствия в индоевропейских языках, современная форма развилась из праславянского *zьrno с этимологическим значением ‘то, что созрело’. На восточнославянской почве ь дал е, а праславянское *zьrno образовано с помощью суффикса *-no от глагола *zьrěti > зрети, которое восходит к индоевропейскому корню *gr-, *ger- ‘распасться, стать ломким, готовым падать’. Данному корню имеются соответствия в древнеиндийском jīrnas «распавшийся, растёртый», греческом gēraskō «созреваю, поспеваю» (о плодах); gergerimos «падающая от спелости ягода», в литовском žirnis «горх»; в латинском grānum «зерно», в древнепрусском zyrne – «зерно», в немецком Korn, в древнеирландском gran – зёрнышко, первоначально – растёртое. С древней ступенью чередования родственно также древневерхненемецкое kerno – «ядро, косточка» [Мельничук, т. 2, с. 260; Фасмер, т. 2, с. 95-96; Цыг., с. 161; Шанск., с. 162].

В современном итальянском языке слово grano – зерно восходит к латинскому granum, от индоевропейского корня *gere- , в греческом давшему géron – старый, в немецком – Korn – зерно, поскольку во влажных северо-восточных областях стать сухим обозначает поспеть, созреть, а в Юго-Восточных областях ссохнуться – значит состариться [ит. эт., с. 451].

В современном английском языке функционирует два однокоренных слова, их значения разошлись незначительно: grain – зерно, крупинка и corn – зерно, кукуруза. Grain восходит к латинскому grānum [Кол., с. 671]

Corn восходит к древнеанглйскому corn, соотносится с древнесеверным corn, готским Kaurn, латинским grānum, санскритским jīrnà – хрупкий [Кол., с. 356]. Очевидно, оба английских слова grain и corn восходят к одному и тому же латинскому корню, который на пути своего развития был реализован в латыни в виде grānum. От этого же корня происходит слово гранула (granulo [ит. эт., с. 451]), заимствованное также в русский язык из латыни (granulum – зёрнышко) через посредничество немецкого языка [Бул., с. 172; Кр., с. 220].

Базируясь на значении ‘растёртое’ первокорня *gr- , в его вариации corn на германской почве, выскажем предположение о родственности глагола современного английского языка grind-groung-ground со сходной семантикой «молоть, точить». Данное английское слово восходит к древнеанглийскому grindan, соотносимому с латинским frendere, литовским gréndu я тру, нижненемецким grand – песок [Кол., с. 682].

Латинский глагол frendere трещать, скрипеть зубами, дробить, крошить восходит к индоевропейскому корню *gwrendh- . От этого глагола происходит слово современного итальянского языка freno – тормоз, образованное от латинского frenum – узда лошади [ит. эт., с. 413]. Очевидно, значение ‘дробить, грызть зубами’ породило название уздечки, которую кусает лошадь.

Смысл первокорня *gr- трансформился в значении, реализуемом в слове «горох» праславянского происхождения. Его современная форма развилась из *gorchъ «горох», возникшей из *gorsъ вследствие изменения в славянских языках / s > x /. Слово родственно древне-

индийскому ghársati «трёт». Горох назван по тому признаку, что его зёрна вынимаются из стручков, горох буквально значит «тёртый». Прежнее *gorchъ в восточнославянских языках дало форму «горох» с полногласным сочетанием -оро- (в чешском языке ему соответствуют hrach, в польском groch – горох) [Цыг., с. 108; Шанск., с. 111].

Таким образом, первокорень *gr- транслирует смысл ‘распасться, стать ломким’, который трансформировался по метонимической модели nomina actionis тереть. На основании последнего в результате метонимического переноса по модели действие – его результат развились последующие конкретизированные значения – зерно, горох, кукуруза, косточка. Далее трансформация значения произошла через метафорическое сходство с твёрдыми мелкими частицами – гранула, песок. Из семантической точки ‘тереть’ развилось дальнейшее наименование действий – дробить, перетирать зубами и далее – узда лошади (очевидно, в результате метонимии действие – его объект). Отправляясь от значения узды, на латинской почве произошёл перенос по функции на механический транспорт – тормозить, тормоз.

97. *Олива* – заимствовано в русский язык в XVIII веке из французского или из немецкого, в которые оно пришло из латыни [Бул. с. 402; Кр., с. 539] Латинское oliva представляет собой переоформление греческого elaia, параллельного elaion – масло [Шанск., с. 308].

В русском языке был осуществлён аналогичный перенос номинации масло-маслина. Маслина «оливковое дерево» заимствовано из старославянского языка, в котором оно возникло как калька греческого elaia (оливковое дерево и его плод), родственного elaion – масло из плода маслины с тем же корнем, что в слове елей «оливковое масло», елейный «приторно ласковый» [Цыг., с. 258]. Однокоренным со словом масло является слово «мазать». От глагола «мазать» безаффиксным способом было создано слово «мазь». В праславянский период от глагола *mazati образовано существительное *mazslo (то, чем мажут), в результате упрощения группы согласных изменившееся в «масло» [Цыг., с. 252].

Та же связь действия «мазать» – «то, чем мажут» – «масло» – «оливковое масло» наблюдается в турецком, в него zeytin (оливка) пришло из арабского /zaytūn/ (оливка) от /zayt/ (масло рас-

тительное, смазочное; не сливочное, но не обязательно именно оливковое). Исходным трёхсогласным корнем, обозначающим действие смазывать, делать смазку, маслить, является /zyt/ (/zayyata/). Турецкий этимологический словарь указывает на арамейский источник заимствования в арабский (aram. zeytā), которому имеется соответствие в иврите /zayt/ [тур. эт.].

В русском языке этимологически родственным со словом «оливка» выступает название испечённого на масле блюда – «оладья». Оно было заимствовано из греческого языка в древнерусский период. Греческое eladion «нечто масленое» образовано от elaion – масло. Этому же корню родственно украинское олія, где / о / из / е / [Цыг., с. 312].

В русский язык слово «елей» было заимствовано из старославянского (древнерусское диалектное «олей»). В старославянском языке оно восходит к греческому elaion, образованному от «олива» – elaifa [Шанск., с. 138].

В современном итальянском языке слово oliva является однокоренным с olio: 1) оливковое масло; 2) любое масло. Olio – от латинского oleum, которое, в свою очередь, происходит от греческого élaion, являющегося праиндоевропейским словом. Среди дериватов выступает oliva, в греческом – elaía [ит. эт., с. 694]. Женское имя современного итальянского именника Оливия было завезено норманнами на Сицилию и восходит к названию оливкового дерева [ит. эт., с. 1123].

В современном испанском языке название оливки обозначается словами oliva и aceituna. Пара слов масло – маслина (оливка) образовывается от второго: aceite (масло) – aceituna (маслина, оливка). Aceite (масло) восходит к арабскому zéit [исп. эт., с. 5].

В современном английском языке масло образуется словом oil, которое пришло в английский из старофранцузского, куда оно было заимствовано из латыни oleum (оливковое масло), от olea (оливковое дерево), от греческого elaia – оливка [Кол., с. 1086].

М. Фасмер называет греческое наименование оливки старым средиземноморским элементом [Фасмер, т. 3, с. 134, слово «олей»],

указывает на родственность слова «лить», «слой» [Фасмер, т. 2, с. 504], а также отмечает, что источником можно считать в первую очередь латинское oleum или древневерхненемецкое olei [Фасмер, т. 3, с. 134].

Таким образом, первокорень *el- (*ol-) транслирует смысл (elaion – oliva) – олива, что, будучи привязанными к конкретному предмету быта – маслу, которое неизменно сопровождало существование человека в веках, практически не разошлись в трансформации значений. Традиционный метонимический перенос дерево – его плод дал значение оливка. Оливка – продукт, из неё изготовленный породил значение оливковое масло, затем трансформировавшееся, обозначая любое масло, утратив тем самым связь с первокорнем, поскольку, как это часто бывает, закрепилось не основное значение, а вторичное. Последующий метонимический перенос масло – то, что на нём приготовлено, дал название еде, оладьям. Метонимическое сужение и конкретизация значения масло – церковное масло привело к названию елея. Далее метафорический перенос елейный породил значение приторно ласковый.

Отметим, что связи между действием, веществом и предметом одинаковы: (мазать – масло – оливка) в русском (из праславянского *mazati); в арабском (из арамейского), заимствованное впоследствии в турецкий и испанскоий /zeyt/ – /zeytun/; в древнем ареале средиземноморья elaion (oliva) – в греческом, из которого оно было заимствовано в латынь, английский, итальянский и некоторые другие языки.

98. *Омела* – общеславянское, имеющее соответствия в балтийских языках, например, в литовском amalas, латышском āmals. Данное слово является суффиксальным образованием от той же основы, что и греческое ōmos – сырой, незрелый, армянское hum, древнеиндийское āmás с тождественным значением [Фасмер, т. 3, с. 139; Шанск., с. 308].

Основываясь на соответствии греческого ōmos – сырой, возможно сделать вывод о родственности итальянского umido – влажный. Оно восходит к латинскому umidus от глагола umere – быть влажным, с которым связано uggia – скука. Uggia происходит от слова

народной латыни *udia – тень, затем – влага, от udus. Корень *eugw- связан с umere – быть влажным, восходящим к более древней форме *uksmeo. Однокоренным является слово umore – настроение, функционирующее также в украинском языке – гумор. Его значения связываются с учением Гиппократа о темпераментах, определявшихся по преобладанию жидкостей: крови, флегмы, жёлтой желчи, чёрной желчи [ит. эт., с. 1026, 1029], очевидно, из-за этого данный корень с исходным значением влаги получил значение настроения.

В английском языке присутствует однокоренное слово humour – юмор, настроение, восходящее к латинскому «жидкость», оно соотносится с латинским глаголом ūmēre – быть влажным, древнесеверным vökr – влажный, греческим hugros – мокрый [Кол., с. 757].

Таким образом, первокорень *eugw- транслирует смысл ‘быть влажным’. Значения трансформировались, сохраняя признак влаги, сырости, перенесённый на растение омелу. В результате метафорического переноса было осмыслено подобие влаги жидкостям человеческого организма, на основании которых Гиппократ определял темперамент, затем метонимия вид темперамента – настроение вообще, породила значение «настроение». Затем произошло сужение и терминологизация, в результате чего возникло название понятия юмор. Оно было заимствовано в русский, осмысливается носителями языка как иностранное, поскольку связь с исконным корнем была утрачена в результате закрепления вторичных значений.

118. *Полотно* – древнее славянское слово, современная форма которого развилась из праславянского *polьtno вследствие развития из *ol- между согласными в древнерусском языке полногласного сочетания -оло- : древнерусское полотьно «ткань, паутина»; старославянское платьно «полотно», в котором *-ol- дало -ла-. Праславянскому *poltьno соответствует древнеиндийское pata из palta «ткань, материя». Древнерусское полотьно утратило слабый гласный ь. От существительного полотно в древности образовано слово полотенце с уменьшительным суффиксом -це-е, давшее после изменения ударного ьве и утраты слабого ь современное существительное полотенце [Цыг., с. 356]. Праславянскому *poltьno родственно средневерхне-

немецкое valte, valde «ткань для обертывания одежды» [Мельничук, т. 3, с. 502; Фасмер, т. 3, с. 316]. Возможно, родственно также немецкое Falte – «складка» [Шанск., с. 352].

Опираясь на немецкое соответствие Falte – «складка», отметим родственность английского fold – складка, восходящее к староанглийскому fealdan и соотносимое с древнесеверным falda, древневерхненемецким faldan, латинским duplus – двойной, греческим haploos – простой [Кол., с. 597].

В современном испанском языке функционирует однокоренное слово falda – юбка, имеющее германское происхождение *falda – складка, ему соответствуют немецкое falte и английское fold [исп. эт., с. 244]. В современном итальянском присутствует однокоренное слово falda – широкая тонкая полоса, восходящее к франкскому *falda – складка [ит. эт., с. 375]. Слово фалда было заимствовано в русский язык из немецкого через посредничество польского со значением «складка на одежде, шторах» [Бул., с. 605; Кр., с. 812].

Если английская этимологическая версия верна, соотнесение falda с латинским duplus – двойной позволяет возвести данный корень к внутренней форме duo – два, буквально, два края полотна, касающиеся друг друга [ит. эт., с. 329]. М. Фасмер указывает на греческое соответствие paltoj «двойной» [Фасмер, т. 3, с. 316].

По семантике и звуковому оформлению с данным корнем, очевидно, сближается заимствованное в русский из французского слово «пальто» [Бул., с. 418; Кр., с. 559], куда оно пришло из испанского palletoque – плащ с капюшоном. Первоисточником М. Фасмер, А. Г. Преображенский и А. И. Томсон называют латинское palla – верхнее платье [Фасмер, т. 3, с. 194].

Таким образом, первокорень *palt- транслирует смысл ‘ткань, материя’. Значения трансформировались в небольшой степени, претерпев сужение и конкретизацию: полотенце, складка. Дальнейший метонимический перенос по модели способ изготовления – то, что изготовлено дал значение фалда, юбка, пальто.

125. *Пшено* – древнее славянское слово. Его современная форма развилась из древнерусской пьшено вследствие падения слабого

гласного ь. В древнерусский язык это слово пришло из праславянского *рьšeno – крупа из зерна, нечто толчёное. Морфологически *рьšeno является краткой формой среднего рода страдательного причастия с суффиксом *-en- от глагола pichati > пихоти, толкать, толочь, молоть. В причастии отмечается чередование i : ь, перед гласным переднего ряда е звук ch изменился в š. Праславянский глагол *pichati образован от индоевропейской основы *pis- (< *peis-) с изменением на славянской почве s в ch. По этимологии ему родственны литовское pisú, paisau – толку ячмень, piėstà – ступа, древнеиндийское pistas – молотый, латинское pestor – растирающий зёрна, славянское «пест».

От причастной основы *рьšen- пьшен- с помощью суффикса -ic-a в праславянский период образовано существительное *рьšenica – пшеница – «такое зерно, которое даёт толчёный продукт, – пшено, муку» [Цыг., с. 384-385]. Общеславянское пест образовано суффиксом -тъ от того же корня, что и пшено, пихать. Последнему соответствуют латинское pinso – толку, древневерхненемецкое fesa – мякина [Мельничук, т. 4, с. 647-648; Шанск., с. 336, 340].

Однокоренным является слово современного итальянского языка pestare – толочь, молоть, топтать, мять. Оно восходит к позднелатинскому pistare, интенсива от pinsere, который восходит к индоевропейскому корню *peis- . Ему соответствуют латинское pila – ступка, pilum – дротик, а также слово санскрита pista – хлеб, греческое ptísso – я давлю, мелю. От греческого ptísso, ptisáne – отвар из очищенного ячменя происходит итальянское tisane – отвар, настой из трав. К глаголу pestare восходит субстантивировавшееся прилагательное pesto, называющее генуэзский соус из базилика и чеснока [ит. эт., с. 749]

Таким образом, первокорень *peis- транслирует смысл ‘толочь’. Значения трансформировались на основании метонимических переносов по моделям действие – его орудие – пест; действие – его результат – пшеница, песто, продукты измельчения. Дальнейшая метонимия дала значение отвар, настой трав, в котором закрепилось второстепенное (отвар), а не основное значение (измельчать). От-

метим, что в названиях продуктов характерно сужение значения, то есть конкретизация, какой именно продукт имеется в виду, название которым даётся на основании метонимического переноса действие – его результат по способу приготовления.

130. *Роза* – заимствовано из немецкого языка, первоисточником является латынь [Бул., с. 507; Кр., с. 680] rosa [Фасмер, т. 3, с. 494; Шанск., с. 392].

У этого данного древнего корня прослеживается средиземноморское происхождение, от wrodya. Ему имеются соответствия в греческом rhodéa, древнеперсидском vereda, халдейском v'râd – арамейском языке семитского народа, обитавшего в области устьев рек Тигра и Евфрата на северо-западном берегу Персидского залива, армянском vard, арабском / warda / [ит. эт., с. 858].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, идоевропейское название для 'розы' предполагается в форме чередования *urot'- , *urt' . Несмотря на диалектную ограниченность названия (греческо-иранский, латинский), слово по схеме диалектного членения может считаться древним индоевропейским образованием. Латинское rosa возводят к *urod-ja. Индоевропейский характер названия 'розы' согласуется с возможностью соотнесения его с индоевропейской основой *ur(ā)t'- // *ur(o)t'- в значении 'ветка', 'корень', с которым соотносится латинское rādīx 'корень'. Предполагаемое для индоевропейского название розы *urot'- , *urt' могло означать как культурное растение, из цветов которого получали 'масло', так первоначально и дикую 'розу', 'шиповник' – очень широко распространённое в Передней Азии растение типа кустарника, плодоносящее на больших высотах [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 663].

Таким образом, корень *ur(ā)t'- сохранился без изменений, будучи привязанным к конкретной реалии – цветку розы. Его значения развились, дав название розовому цвету, розариуму и другим словам, связанным с розовым цветком, кустом.

Обобщая процессы трансформации значений в словах лексико-семантической группы 'названия растений', возможно отметить некоторые особенности. Когда исходной точкой трансформацион-

ной цепочки выступает обозначение природного признака, происходит сужение в перенесении признака на его носителя (острый – борода, щетина, трава, боров; влажный – омела, жидкость). При названии действия дальнейшие переносы реализуются по метонимической модели nomina strumenti (дробить – пест), а также параллельно происходит называние результата действия (пшено). Возможен метафорический перенос (готовить, поспевать, быть готовым к употреблению – ягода абрикос), а также метафора на основании внешнего сходства (свет – звезда, цветок астра). Стремление человека использовать растения для собственного пропитания и обустройства жизни дало ряд значений, образованных по метонимической модели растение – то, что из него сделано (бамбук – бумага, оливка – масло). Возможно также отсутствие трансформаций (например, слово «роза»), как это было отмечено в номинации некоторых животных. Модели трансформации значений в словах лексико-семантической группы ‘Названия растений’ продуктивны и могут породить большое количество переносов.

2.2. Действия и процессы

2.2.1. ‘Элементарные действия и процессы’

В составе лексико-семантической группы ‘элементарные действия и процессы’ встретились следующие слова современного русского языка, содержащие первокорни: болтать, брать (касса), быть, вить, велеть, вешать, гореть, грести, дать, дремать, есть, заключать, залпом, защищать, звенеть, знать, де (говорить), калить, каяться, колесо (вращаться), колокол, кормить, кушать / кусать, лизать, мазать, мнить, парить, пасти, пищать, плевать, плыть, почить, прыгать (гопак), меркнуть, мести, мурлыкать, обитать, обонять, орало, ориентироваться, потрошить, работать, расти, связывать (ярмо), скрипеть, смердеть, стонать, тащить, творить (ватрушка), хоронить, цедить.

10. *Болтать* (двигать, взбалтывать) – по-видимому, общеславянское, имеющее соответствия в германских и балтийских языках (немецкое poltern – «стучать, громыхать», шведское bulta – «ударять, колотить», литовское bildinti – «громыхать, стучать»). Глагол обра-

зован посредством суффикса -ати (> -ать) от той же основы (*bьlt-), что и древнеисландское bella – «толкать, ударять». Корень в слове (bъl-) тот же, что и в «балаболка» [Шанск., с. 52].

Очевидно, родственным данному корню является слово современного английского языка ball – шар, мяч, восходящее к древнесеверному böllr, соотносимому с древневерхненемецким balla, итальянским palla, французским balle [Кол., с. 117]. Слово современного итальянского языка palla (balla) – шар – индоевропейского происхождения. Этот же корень прослеживается в греческом слове bàllein – бросать [ит. эт., с. 119]. От этого же корня происходит слово современного итальянского языка ballare – танцевать [ит. эт., с. 119], дериватом которого является ballerina.

Слово «балерина» [Бул., с. 78], обозначающее в русском языке танцовщицу балета, а не танцовщицу вообще, как в итальянском, было заимствовано в русский язык. Оно происходит от латинского корня ballāre, который, возможно, связан с греческим ballō «мечу, бросаю». Г. П. Цыганенко [Цыг., с. 31] связывает этот корень со словом «балл» – «шар для голосования», «оценка». Оно заимствовано в русский из французского в XVIII веке, этому корню родственен глагол «баллотировать». Значение «цифровая оценка», очевидно, развилось из практики голосования шарами. От греческого корня ballō «мечу, бросаю» в русском языке развилось значение «баллистика» – наука о движении тел, брошенных в пространство; «баллон», – первоначально «шар, пузырь». В английском языке однокоренным является слово ball «мяч, шар». Очевидно, связь танца и шара может быть осознана как метафорический перенос быстрого движения танцора и летящего шара.

Однокоренным является слово дьявол, заимствованное в русский язык из греческого [Кр., с. 276, Бул., с. 213]. В греческом языке diàbolos происходит от dià-bàllo (бросаю против), в иврите s'atan – противник [ит. эт., с. 304]. Следовательно, исходное значение слова «дьявол» – бросающий навстречу, тот, кто создаёт противоречие.

От этого же корня происходит заимствованное из английского в русский «бойлер» – устройство для подогрева воды [Бул., с. 98].

Английское boil – кипеть (boil-er: -er аффикс с семантикой производителя действия) в английский язык пришло из старофранцузского boillir, которое, в свою очередь, восходит к латинскому bullīre [Кол., с. 177], что буквально обозначает «делать пузыри» (bullae) [ит. эт., с. 150]. Данный корень породил много слов, которые в современном языке не осознаются как родственные. Так, например, от bulla (ит.) «круглый хлеб, шар» происходит заимствованное в XVII веке из польского в русский язык слово «булка», которое родственно общеславянскому булла – «шишка, ком, шар», от него же происходят слова булавка [Шанск., с. 62] и булава. От этого же корня возникло заимствованное в XVIII веке из французского в русский слово бульон от bouillon – «отвар» от латинского bullire – кипятить [Шанск., с. 62]. Очевидно, от этого же первокорня образовано тибетское pulu (шар), которому родственно polo – «мяч», входящее в название игр, например, водное поло – waterpolo [Шанск., с. 70]. Произошли фонетические изменения оглушения / озвончения / b / – / p / и лабиализации / o /, переходящего в / u / между двумя согласными.

Очевидно, прямое значение «шар, пузырь, лопающийся пузырь» было перенесено на действие «болтать» как на бессмысленный пустой звук, подобный лопнувшему пузырю. Возможно, от того же корня, но уже с закрепившимся метафорическим значением «лопающегося пузыря», происходит слово «балабол» – болтун, которое представляет собой восточнославянскую полногласную форму общеславянского *bolbolъ, что представляет собой удвоение звукоподражательного корня бол- [Шанск., с. 33]. От этого же корня происходят «балагур» и «балалайка» от балы – россказни, шутки. Бал < балъ – суффиксальное производное от глагола бати (от него же происходит «басня») [Шанск., с. 33].

В современном итальянском языке есть выражение «dire le balle» – говорить ерунду, буквально «говорить пузыри».

В современном турецком языке присутствует слово bol с семантикой «простора, свободы», возможно, это также является трансформацией значений «простор, пустота, лопнувший пузырь», однако точных этимологических сведений по поводу происхождения данного слова не имеется.

Таким образом, смысл, транслируемый первокорнем *b…l b-o/u/a-l является ‘круглая форма’, значения же трансформировались в разных языках, а также в пределах одного и того же языка. Прямым соотнесением действия и звука (стука), им производимым, оказывается развитие значений «стучать», «громыхать». На основании данного метонимического переноса был осуществлён следующий шаг в трансформации значений: «шар», что может быть результатом метонимии nomina actionis – nomina strumenti, поскольку «шар» возможно интерпретировать как орудие выполняемого действия стука, грохота. Последующим шагом возможно предположить трансформацию на основании метафорического переноса подобия шара и пузыря. Затем действие пузыря «лопаться» могло логически соотнестись со сформировавшимся значением пустого звука, «болтовни». Параллельно развивается значение действия шара – «лететь», метонимия nomina agentis – nomina actionis производит значение «танцевать», а также «бросать шары в голосовании» с последующей метонимией «балл, оценка», а также «бросающий против» – «дьявол, дух противоречия». Свойство пузырей лопаться по метонимической модели исполнитель – его действие дало значение «кипеть» с последующим названием аппарата «бойлер», который представляет метонимию nomina agentis – nomina actionis на последующем витке трансформаций. От каждого из производных значений возможны продолжения цепочек трансформаций (танцевать – место действия – бал и т. п.).

7. *Быть* – общеславянское, индоевропейского характера. Первичное значение – ‘расти, пухнуть, разбухать, произрастать’, затем ‘становиться, быть’. Однокоренными являются слова былинка, бухнуть [Шанск., с. 65]. Праславянское *buti, *byti первоначально значило ‘расти’. От него суффиксальным способом (суффикс -х-) образован глагол «бухнуть» (разбухать) «увеличиваться в объёме», от которого при чередовании / х : ш / дальнейшее – бушевать – первоначально ‘пышно разрастаться’. На базе семантики ‘вырастать’ у праславянского глагола *buti, *byti развилось значение ‘существовать, наличествовать’ [Цыг., с. 57].

Однокоренным является слово «бутон», которое было заимствовано в русский язык из французского [Бул., с. 108, Кр., с. 148] в 60-е

годы XIX века. Французское bouton – «почка» образовано суффиксальным способом от глагола bouter ‘расти, набухать’ [Шанск., с. 64]. В переносном значении ‘почка растения’, ‘маленький шарик, диск’ из французского ‘бутон’ в итальянский это слово было заимствовано в значении ‘пуговица’ – bottone от butar – распускаться (о почках) [ит. эт., с. 154].

Слово пуговица (button) современного английского языка происходит от старофранцузского boton от boter (толкать, пронзать), butt германского происхождения [Кол., с. 220]. Слово butt в современном английском языке имеет следующие значения: 1. Большая бочка; 2. Стрельбище, мишень; 3. Толстый, утолщённый конец, приклад ружья, (разг.) окурок; 4. Бодаться, ударять головой. Очевидно развитие полисемии: ‘большой, разбухший, лопающийся, удар, выстрел’.

В английский язык слово butt было заимствовано из старофранцузского botte, которое соотносится с провансальским bota, позднелатинским buttis бочонок, возможно, от греческого butinē (ночной горшок) [Кол., с. 220].

В современном итальянском языке глагол бросать, ‘бросаться, окунаться с головой в какую-либо деятельность’, а также ‘выбросить в мусор’ передаётся словом, восходящим к этому же корню: buttare от провансальского botar, франкского *botan ‘выбрасывать бутоны’ (о растении) [ит. эт., с. 165].

Слово botar (кидать) современного испанского языка также восходит к *BÔTAN «толкать», «ударять», что родственно английскому beat (бить), средненемецкому bôzen [исп. эт., с. 84]. Английский этимологический источник подтверждает родственность слова beat (бить) со старофранцузским bēatan, древнесеверным bauta, древневерхненемецким bōzan [Кол., с. 136].

У выявленного первокорня *but прослеживается два исходных значения, от которых пошла дальнейшая трансформация (‘бутон’ и ‘лопаться’). Значение ‘лопаться’, ‘сильное резкое движение’ реализовалось в глаголе современного русского языка «бить», которое является древним, общеславянским словом. Его современная форма развилась из праславянского *beiti (*boiti) со значением «бить».

Дифтонг / ei / дал звук / u / [Цыг., с. 42]. Следовательно, *beiti является первокорнем по отношению к but-, породившему приведённые выше слова. Праславянское *beiti образовано с глагольным суффиксом -ti от индоевропейской основы *bei- *(boi-) ‘удар’ [Цыг., с. 42]. Родственными этой индоевропейской основе являются латинское perfinēs – «разбиваешь», ирландское benim – «режу, бью», немецкое Beil – «топор», греческое – phitros «дубинка, полено», армянское bir – «палка» [Шанск., с. 46]. Следовательно, в русском языке слова «быть» и «бить» происходят от одного первокорня.

Очевидно, первокорень *bei транслирует смысл резкого действия ‘толкать, разбухать, бить’, который в разных языках трансформировался в ограниченное количество значений: действие ‘разбухать – лопаться, выстрелить, ударить’ и предметное значение округлости ‘круглый сосуд’ (бочка, горшок), бутон – пуговица, кнопка. В результате метонимического переноса действие – его результат появилось название реалии природы «бутон, почка» (бухнуть, расти – то, что выросло под воздействием силы, раздувающей изнутри». Далее, в результате метафорического переноса подобие артефакта породило ряд названий предметов, сделанных человеком: пуговица, бочка, горшок и т. п. – то, что подобно раздутой форме бутона или того, что было создано под воздействием силы, раздувающей изнутри. Отметим, что в природе действие бурного роста и разбухания не выглядит резким как действие «бить». Соотнесение силы природы с действием человека бить, очевидно, стало возможным посредством метафорического переноса на основании силы осуществляемого действия (на пустом месте появляется бутон или почка). Трансформация значений от действия бить дала основание для ряда метонимических переносов: действие – его результат – удар, орудие действия – дубина, топор.

Очевидно, при соотнесении явлений природы ведущим тропом является метонимия. Далее, при перенесении названий от природных явлений на рукотворные происходит переход на некоторую «метафорическую ступень», поскольку рукотворное подобно природному, а не обладает его частями. Затем, после прохождения метафорической ступени, следуют разветвления метонимических переносов

на дальнейшее название артефактов и действий, которые человек с ними осуществляет.

17. *Ватрушка.* Результатом трансформации значения от первокорня, породившего название элементарного действия «творить», является слово «ватрушка». Данное предположение выглядит сомнительным, предпримем попытку его доказать.

Собственно русское слово «ватрушка» общепринятой этимологии не имеет. По замечанию Н. М. Шанского, словообразовательно-семантические факты позволяют считать, что слово образовано с помощью суффикса -ька (его современный вид – -ка) от «творог». Исходное творожька в результате метатезы изменилось в вотрожка и после падения редуцированных, оглушения / ж / перед / к / (вотрошка) подверглось влиянию слов на -ушка; а вместо о стало писаться после закрепления аканья на письме [Шанск., с. 70]. Существует версия, что «ватрушка» происходит от ватра «огонь», однако, учитывая стабильность начинки (творог, в отличие, например, от пиццы или вареников, в которых название не связано с конкретными ингредиентами, поскольку последние варьируются), примем версию о происхождении открытой творожной булки от «творога».

Значение «испечённой на огне лепёшки», отражающее способ приготовления, представлен в названии «лепёшки» focaccia в современном итальянском языке. Оно произошло от слова народной латыни *focacja, параллельно которму существовало focacius в классической латыни, восходящее к focus в значении focolare – очаг (однокоренным является слово современного итальянского языка fuoco – огонь) [ит. эт., с. 400].

Слово «творог» образовано с помощью предметного суффикса -ог-ъ от основы твар- из твор- с удлинением о̄ > а, что в глаголе «творить» ‘создавать, придавать форму’ [Мельничук, т. 5, с. 530; Цыг., 471, Шанск., с. 438]. Глагол «творить» является общеславянским по происхождению, образован с помощью суффикса -ити от основы твор- (ср. творъ – «вид, существо, творение»), представляющей собой результат переогласовки основы, выступающей в тварь [Шанск., с. 438].

Однокоренным, очевидно, является слово «твёрдый», общеславянское, имеющее соответствия в балтийских и германских языках (литовское tvirtas, дреснеисландское thrūd – сила) [Шанск., с. 438]. Возможно, однокоренным является слово современного итальянского языка solido – твёрдый, восходящее к латинскому solidus (плотный, крепкий), которое произошло от глагола solere, от индоевропейского корня *sel, того же, что и в слове salvo (спасённый, сохранный) [ит. эт., с. 930]. Слово salvo соотносится с глаголом salvare (спасать) и фигурирует в антропониме Salvatore, а также в религиозном контексте (Бог-Спаситель; ср. также Сан Сальвадор). Salvo от латинского salvus (целостный). Индоевропейское по происхождению, оно присутствует в индийском, иранском, италийском (оскско-умбрском) ареале. Ему имеются соответствия в санскрите sárvah – целостный [ит. эт., с. 869].

Праславянское прилагательное *tvьrdъ образовано с помощью суффикса -d-ъ, который восходит к причастному суффиксу -t-ъ от глагола *tvьrti «твёрдо держать, придавать форму». Ему родственны: литовское tvérti «определить, придавать форму»; немецкое quarz > кварц «твёрдый материал», проникшее в русский язык в XVIII веке (звуковое соответствие tv – qu; t-z) [Цыг., с. 470]. Логическим продолжением развития значения представляется «твёрдый» от «творить»: нечто, чему была придана форма, эту форму сохранило, затвердело. Однокоренным, однако противоположным по значению, является глагол растворити, в котором приставка рас- указывает на действие, противоположное творити (из твёрдого сделать жидким) [Цыг., с. 470].

Отметим аналогичное наименование продукта по действию его создания (творить – творог) в современном итальянском языке, в котором слово сыр – formaggio восходит к корню forma [ит. эт., 405], то есть продукт, массе которого была придана форма.

В русском языке слово «сыр» представляется однокоренным с «сырой», имеющим соответствия в других индоевропейских языках: в литовском sūras «солёный», древневерхненемецком sûr «кислый», в древнепрусском suris «сыр». Слово сыр этимологически родствен-

но греческому tyros «сыр», авестийскому *turi «свернувшееся молоко, сыворотка» и праславянскому *tvarogъ > творог [Цыг., 466]. В английском языке слово sour, входящее в состав названия сметаны soured cream- кислые сливки, восходит к староанглийскому sūr, соотносиму с северным sūrr, литовским suras солёный, старославянским сырой [Кол., 1477].

Очевидно противопоставление творога (твёрдого) и сыра (сырого). Возможно, корни, обозначающие эти два продукта, пересеклись на почве семантики твёрдый – растворённый, жидкий, сырой. Отметим, что в современном украинском языке продукт творог называется словом «сир».

В русском языке процесс создания формы осознаётся как то, что имеет стабильный конечный результат: то, что сотворено, стало твёрдым. В латыни процесс обретения формы видится как то, что связано с трансформацией, превращением, имитацией, претворянием. Словом, отображающим данное развитие семантики, является «фигура», заимствованное также и в русский язык.

Фигура – от латинского figura – образ, вид в русском языке имеет значения: 1) форма, очертания чего-л.; 2) внешние очертания человеческого тела; 3) изображение человека или животного в скульптуре, живописи [Бул., с. 614]. Латинский корень figura восходит к fingere от *dheig- (*fig-) [ит. эт., с. 393]. В современном итальянском языке глагол fingere обозначает «претворяться», в латинском языке глагол fingĕre имел значение придавать форму [исп. эт., с. 250]. В современный английский слово figure также пришло из латыни [Кол., с. 574]. Очевидно развитие полисемии: смысл первокорня *fig- ‘воссоздать форму чего-либо’ трансформировался в значениях ‘подражать первоисточнику, претворяться’.

Таким образом, первокорень *tvr- транслирует смысл ‘творить, создавать, придавать форму’, значения его трансформировались в «твёрдый» (как конечный результат творения), «творог» (приготовленный, «сотворённый» продукт), «растворять» (обратный процесс разрушения того, что было твёрдым). Интересно, что при создании продукта носителями разных языковых сознаний усматривается

аналогичный процесс формирования, создания, придания твёрдой формы: русское творог-творить, итальянское (а также французское) formaggio (сыр) от formare (формировать). По наблюдениям М. М. Покровского, ассоциативные связи носителей разных языков являются весьма схожими.

Изготовление продукта на огне стало основанием стабильного метонимического переноса, который зафиксирован в разных корнях: русское ватрушка – ватра и итальянское фокачча – огонь (fuoco). Стабильность связей, устанавливаемых разными народами между одними и теми же явлениями и закрепляемых в разных корнях, неоднократно констатируется в нашем исследовании.

22. *Вить* – общеславянское, индоевропейского характера, имеет соответствия в литовском výti – вить, латинском viere – плести, древнеиндийском váyati – плетёт, ткёт [Шанск., с. 83]. Данное слово развилось из праславянского *veiti «вить», в котором дифтонг *-ei- изменился в / и / или, в зависимости от позиции, в / е / (императив «вей»), или в ять, из которого в русском языке произошёл е (венок, венец, веник, ветвь [Мельничук, т. 1, с. 383-384; Цыг., с. 73; Шанск., с. 74].

Однокоренным, восходящим к «вить», является слово «вино». Общеславянское, заимствованное через германское посредство из латыни [Шанск., с. 82]. Очевидно, в силу давности заимствования, оно не осознаётся как иноязычное и в словарях иностранных слов не фиксируется [Бул., Кр.]. Латинское слово vinum, от которого пошло vino, средиземноморского происхождения, как греческое oînos, имеет соответствия в санскрите vênas (приятный, вкусный). Существует предположение о том, что это слово доиндоевропейское, имеющее соответствия в еврейском языке iin (или yâyn), армянском gini, которое связано с глаголом iun (делать шипучим). Греки, очевидно, заимствовали это слово у финикийцев и затем передали латинянам. Согласно этой гипотезе, семитские народы имели вино в быту раньше [ит. эт., с. 1055]. Б. М. Гранде указывает на происхождение корня وين (uin) «чёрный виноград», оно заимствовано из эфиопского uain «вино, виноградник», имеет соответствие в древнееврейском iaiin

«вино», однокоренным является арабское وِيمة /uima/ «злословие» [Гранде 2001: 42]. Интересно, что упоминание «побочного эффекта» наблюдается в арабском языке, в культуре которого употребление алкоголя порицается вслед за пророком Мухаммедом, который, увидев на своём пути пьяных людей, сказал о вреде пьянства. В санскрите оценка, сопровождающая слово вино, положительная, в других отмеченных выше языках – нейтральная, поскольку номинация связана с денотатом винограда.

А. Мейе отмечает, что: «Индоевропейские народы встречались в Западной Европе, и в особенности в средиземноморском бассейне, с народами более высокой материальной культуры, чем их собственная. Но языки этих народов нам неизвестны. Поэтому у нас нет никакого способа определить, например, насколько греческий и латинский языки заимствовали свои слова из языков блестящей эгейской культуры, открытой раскопками последни лет. Греческое Foινos, латинское uīnum и умбрийское vinu, армянское gini «вино» представляют, по-видимому, заимствования из языка одного из средиземноморских народов, который возделывал виноградную лозу до прихода народностей индоевропейского языка» [Мейе 1938: 386].

В современном английском языке слово wine произошло из древнеанглийского wīn, которое, в свою очередь, было заимствтвано из латыни [Кол., с. 1759].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, схожие по фонетическому облику слова для ‘вина’ обнаруживаются в целом ряде древних ближневосточных языков. В египетском, начиная с Древнего Царства, засвидетельствована форма wnš в значении ‘съедобного плода’, ‘винограда’ и ‘вина’. В семитский язык индоевропейская форма заимствуется в огласовке *o *wajn-, тогда как в хаттский uindu- и общекартвельский *γwino- (индоевропейское название ‘вина’) попадает в форме с нулевой огласовкой. Допускается заимствование древними ближневосточными языками слова для ‘винограда’ и ‘вина’ из индоевропейского, что предполагает контакты индоевропейского языка с указанными языковыми системами в Передней Азии, а также знакомство древних индоевропейцев с вино-

градарством и виноделием уже в эпоху таких контактов, не позднее третьего тысячелетия до н. э. (судя по данным семитских, египетского и хаттского языков).

Общеиндоевропейский язык показывает лексические контакты с древними языками Ближнего Востока – шумерским, эламским, хаттским («протохеттским»), которые обнаруживают ряд лексем общего происхождения. Это в первую очередь касается слова для ‘вина’ – лексемы, очевидно, индоевропейского происхождения, проникшей в широкий ареал языков Передней Азии. Индоевропейское *ue/oi-no- ‘вино’ соответствует семитскому *wajn- : аккадскому īnu, древнееврейскому jajin, арабскому wajn- ‘чёрный виноград’, южноаравийскому wjn ‘вино’, геезу wajn ‘виноград’, ‘вино’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 649, 650-651, 882].

В современном турецком şarap – вино восходит к арабскому / şaraba/ – пить [тур. эт.]. Виноградник обозначается словом bağ, аффиксальные производные которого bağlamak – связать, прицепить, bağlanmak – привязаться (с аффиксом возвратности -n-), а также переносное значение «полюбить кого-либо», «привязаться», в чём прослеживается семантика ‘вить, плести’.

Таким образом, первокорень *uei транслирует смысл ‘вить, плести’, его значения трансформировались в разных языках, однако не разошлись слишком далеко, поскольку они привязаны к реалии вьющегося растения винограда и продукту, из него изготавливаемого, – вину. Отправной точкой трансформации значений явилась реалия природы – растение винограда. Последующие трансформации значений произошли на базе восприятия человеком его свойств и применения в быту. Подобие действию вьющегося ползучего растения дало метафорический перенос действия вить вообще с последующей метонимией вить – результат действия вить, то, что свито: венок, веник. Продукт, изготовляемый из винограда – вино, было названо в результате метонимического переноса. В арабском языке, в котором с приходом мусульманства питие вина стало осуждаться за его эффект, возникло переносное метафорическое значение – злословие. Прослеживается также связь номинации действия вить по

подобию вьющемуся растению и в тюркском, неродственном корне. В турецком языке происходит последующий шаг трансформации на основе метафоры, давшей значение – привязаться, полюбить. Последнее вновь подтверждает гипотезу о том, что в сознании носителей разных языков и эпох выстраиваются одинаковые связи при восприятии окружающей реальности.

21. К называнию элементарного действия «говорить, вещать» восходит заимствованное из старославянского языка слово «*вещь*». В старославянском вешть произошло из *vektь, производного посредством суффикса -ть от той же основы, что и латинское vox – «слово, голос» [Цыг., с. 69; Шанск., с. 79].

В современном английском языке слово voice (голос) также возводится к латинскому vox через посредство старофранцузского voiz [Кол., с. 1718].

Латинское vox восходит к древнему корню *wekw- (который обозначает звук голоса), имеет соответствия в санскрите vak, греческом языке Гомера óssa и óps (крик), древневерхненемецком gawahan (упоминать). Среди дериватов – вокал, вокабула [ит. эт., с. 1060].

Таким образом, первокорень *wekw- ономатопеический по происхождению и транслирует смысл ‘звучание спокойного голоса’, то есть речи, процесса говорения. Его значения трансформировались в старославянском в *vektь, русское «вещь» (например, выражение в «сказать одну вещь, кое-что»), в латыни в vox «слово, голос». Эти трансформации значения выступают результатом последовательных метонимических переносов, действие – его результат: звучание говорения – голос, затем – процесс осмысленного говорения вещать и его результат – то, что сказано – вещь.

71. *Кушать* – общеславянское, итератив к кусити «пробовать», что является ранним заимствованием из германских языков (например, готское kausjan -пробовать, отведывать [Шанск., с. 230]. Как отмечает М. Фасмер, данное слово восходит к старославянскому вькоушати [Фасмер, т. 2, с. 439]. Очевидно, однокоренными являются слова «вкус», славянское въкусъ, от кусить, готское kausjan.[Фасмер, т. 1, с. 326].

Родственным представляется современное итальянское слово gusto (вкус как одно из пяти чувств), оно происходит от латинского gustus, от индоевропейского корня *geus (выбирать, смаковать), ему имеются соответствия в греческом geúo (смакую), немецком kosten (пробовать) [ит. эт., с. 459], а также украинское коштувати. Возможно, индоевропейскому корню *geus (выбирать) родственно слово современного английского языка choose (выбирать). В современный язык оно пришло из древнеанглийского ceosan, соотносимого с древнесеверным kjōsa, древневерхненемецким kiosan [Кол., с. 287].

Корень кус-, который прослеживается в слове «искус», по мнению М. Фасмера, восходит к праславянскому *kusiti, заимствованному из готского kausjan [Фасмер, т. 2, с. 141]. В таком случае, «искус» является однокоренным со словом современного русского языка «кушать».

Однако Г. П. Цыганенко указывает на то, что корень кус- в словах вкусить (испытать, ощутить) не связан с тем корнем кус- , который содержится в глаголе «кусать». Он развился из *gous- (*geus-) ‘отведывать, испытывать’. В славянских языках индоевропейский звук / g / не мог переходить в / k /. Такой переход был свойственен германским языкам [Цыг., с. 179-180].

В современном английском слово eat (кушать) восходит к древнеанглийскому etan, которое соотностится с готским itan, древневерхненемецким ezzan, греческим edein, санскритским admi, латинским edere [Кол., с. 491]. От этого же латинского корня происходит слово современного испанского языка comer (кушать) от comĕdĕre, деривата от ĕdĕre [исп. эт., с. 140], которое в классической латыни обозначало «кушать». При становлении итальянского языка латинское ĕdĕre было вытеснено старофранцузким mangier, что восходит к латинскому manducare от mandere (жевать). Возможно, как в истории русского, произошло смешение исходных значений ‘кусать’ / ‘отведывать’, ‘пробовать на вкус’, также в процессе становления итальянского наложились значения ‘кушать’ / ‘жевать’.

Таким образом, элементарное действие «кушать» обозначается первокорнем *geus-, который транслирует смысл ‘отведывать, ис-

пытывать', значения трансформировались в обозначение процесса «есть», единомоментного действия «кусать», а также метафорическое значение «вкушать», затем – «выбирать», «иметь вкусовое предпочтение». А именно, действие кусать было перенесено как многократное на процесс кушать, от которого на основании метонимического переноса появилось сужение значения вкус как то, что ощущается в процессе еды. Затем, в результате метафоры значение трансформировалось в «эстетический вкус» как способость оценить, ощутить качество воспринимаемого предмета или явления.

28. К элементарному действию 'прыгать' восходит название украинского танца «*гопак*», заимствованное из украинского языка в русский [Бул., с. 169; Кр., с. 216], в котором оно закрепилось в XIX веке. Оно образовано с помощью суффикса -ак от междометия гоп, заимствованного из польского языка. Польское hop восходит к немецкому hopp, безаффиксному производному от hüpfen – «прыгать» [Мельничук, т. 1, с. 561-562; Шанск., с. 109].

В современном английском языке слово hop – прыгать, подскакивать, восходит к древнеанглийскому hoppian, которое соотносится с древнесеверным hoppa (прыгать), средненижненемецким hupfen [Кол., с. 748]. Этот корень в английском входит в состав сложных основ, например, grasshopper – кузнечик, в котором grass – трава, hop – прыгать, -er – суффикс исполнителя действия, буквально «травяной прыгун».

Первокорень *hop- ономатопеичен по происхождению, транслирует смысл 'прыжка, подскока, быстрого движения вверх и вниз'. Значения трансформировались незначительно, поскольку сохранился общий стержень полисемии: скачок, подскок, танец с прыжками.

Следующий пучок трансформации значений связан с метафорическим переносом ономатопеи «оп» на быстро выполненное действие, когда, сделав что-то, человек говорит «оп». В названии танца «гопак» также прослеживается указанная семантика, поскольку танец представляет собой не просто акробатические прыжки, а удалые прыжки, он показывает молодечество казаков, следовательно, «гоп» обретает положительную оценочную коннотацию.

В украинском языке существует поговорка: «Не кажи гоп … ». Возможно, с этим междометием были связаны представления о табу, и тогда оно выступает как мифологема. Согласно закону магии «Сказать – наполовину сделать», высказанное помогало получить желаемое. Затем возник запрет, известный среди предрассудков современности: не рассказывать о загаданном желании, пока оно не сбудется. Таким образом, «гоп» говорится по завершении трудного действия, например, поднять и переставить что-либо тяжёлое. В таком случае движение также соотносимо с прыжком «вверх-вниз», действие, которое имеет начало и конец и было завершено успешно.

Очевидно, некоторые пословицы повторяют путь переноса в трансформации значения, отражая тот же принцип номинации. Этот факт свидетельствует о том, что связи в построении подобий остаются неизменными. Поэтому внутренняя форма слов, представляющая собой метафорический перенос, в составе которого есть предмет и образ, в разных языковых культурах разная, но ментальное построение связей в метонимическом переносе (часть – целое, как в законе магии), – одинаково.

30. *Гореть* – общеславянское, индоевропейского характера, имеет соответствия в литовском gareti – жечь, древнеиндийском haras – жар, древнеирландском gorim – грею. От основы гор- образовано «гореть» и, в другой огласовке, – «жар». Форма «жар» развилась из праславянского *gěrъ вследствие изменения перед гласным переднего ряда / ě / согласного / г / в / ж /. Данный праславянский корень происходит от индоевропейского *ĝhēr-, от которого произошло также слово «гореть». Родственными являются прусское gorme – жара, армянское ger – тепло, греческое thermos (th из dh) – тёплый [Мельничук, т. 1, с. 42; Труб., т. 7, с. 42; Фасмер, т. 1, с. 441; Цыг., с. 145; Шанск., с. 110]. Очевидно, этот же корень с его индоевропейским соответствием *dhegh- приводит В. М. Иллич-Свитыч как ностратический [Иллич-Свитыч 1971-1984: 337].

В общеславянском «греть» корень тот же, что и в «гореть»; к слову «греть» восходит «грех», общеславянское по происхождению, образованное подобно смех, успех посредством суффикса -хъ от гре-

ти. Первоначальное значение «греха» – то, что мучает, жжёт. Отметим «внутренний», психологический подход к пониманию греха в русском сознании, когда этот дефект видят не другие извне, а им мучается изнутри сам грешник, осознающий свою вину. В итальянском peccato (грех) от латинского peccare (грешить), изначальное значение которого было «спотыкаться», от *peccus (имеющий недостаток в ногах), от pes – ступня [ит. эт., с. 737]. То есть, в латинском сознании изъян является внешним, заметным со стороны, причинами которого является физическое, а не духовное страдание его носителя. Переносное значение жжение огня – жжение, приносящее страдание, аналогично развивалось в древнеиндийском tapas – «боль» от tapati – «раскаляться» [Шанск., с. 114].

Индоевропейский корень *ĝhēr- со значением ‘гореть’ отмечает также В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1967: 337].

Очевидно, родственным является также турецкое hararet – жар, которое восходит к арабскому /harāratun/ – жара, жар [тур. эт.].

Однокоренным является также слово «термы» – бани в структуре античного города, которое в латыни эксплицируется как thermae, множественное число от therma, от греческого словосочетания thermaí pegaí тёплые источники. Корень *ghar- / *har- присутствует в санскрите gharmas (тепло, жара), к которому восходит также греческое слово théros – лето, старославянское горети, готское varmian [ит. эт., с. 994-995].

Опираясь на готское слово varmian, предпримем попытку связать с ним индоевропейский корень wer, который прослеживается в современном испанском verano – лето. Лексическая единица verano является сокращением от слова народной латыни verānum tempus «весеннее время». До золотого века различались понятия, вербализированные как verano, что обозначало конец весны и начало лета, и estío, которое применялось для обозначения остатка тёплого сезона. Primavera обозначало начало теплого сезона, оно происходит из народной латыни prīma vēra, которому соответствует сочетание из классической латыни primo vere «в начале весны» [исп. эт., с. 573]. В современном итальянском языке весна обозначается словом primavera,

в составе которого выделяется латинский корень ver, восходящий к индоевропейскому wer, которому соответствует древнеисландское var (весна) [ит. эт., с. 785]. О. Н. Трубачёв указывает на соответствие в языке пушту worai (<*wāhrt-) ‘лето’ [Трубачёв 2005: 31].

Возможно, родственным представляется корень слова verde – зелёный в испанском и итальянском, восходящий к латинскому viridis, который, очевидно, связан с virere – быть зелёным и сильным. Этот корень в таком виде прослеживается только в латинском ареале, однако существует гипотеза, связывающая его с индоевропейским *ghar- / *ghvar- (быть зелёным, жёлтым), значение связано с «блестеть». Вокруг этого значения группируются слова санскрита harita (зелёный), haritaka (зелень, овощи) и hirana (золото), старославянское zlutu (жёлтый), древневерхненемецкое gruoni, немецкое grün (зелёный), литовское gèltas (жёлтый) [ит. эт., с. 1046].

Таким образом, первокорень *ghar- / *har- транслирует смысл ‘горения, выделения тепла и света’. На основании религиозных представлений о наказании за грехи в русском языке произошёл метафорический перенос, давший значение грех.

В процессе трансформации значений на базе ‘тепла’ сформировался пучок значений «жар» har- , от которого произошли семантические цепочки посредством метонимии: «тепло» – «тёплое время года» wer, далее на базе значения «тёплый сезон» прослеживается пучок значений с базовой семантикой «быть зелёным и сильным» – virere, от которого, очевидно, развились цепочки цветовых значений на основе созревшего в тёплый сезон урожая: «быть зелёным, жёлтым» – *ghar-/ *ghvar- . Предположительно последний – это тот же корень, что и *ghar- / *har- , присутствующий в санскрите gharmas (тепло, жара), возможно, это совпадение звуковой оболочки выведенных праформ. С достаточной степенью точности возможно сделать вывод о том, что исходным оказалось тактильное ощущение тепла, а затем – внешний, цветовой признак, который менее ощутим, его невозможно воспринять с закрытыми глазами или не остановив на нём внимания, в отличие от ощущения жары, восприятие которого происходит помимо воли реципиента.

Следовательно, значением, являющимся корнем, базой пучка последующей трансформации должно быть наиболее интенсивно ощущаемое свойство.

33. *Грести* – общеславянское, восходит к *grebti «копать, грести, чесать» (от данного корня произошло слово «гребень»). Основа гребна другой ступени чередования прослеживается в слове «грабить» [Мельничук, т. 7, с. 109; Шанск., с. 114].

Грабить – древнеславянское, индоевропейского характера, изначально имело семантику «загребать что-либо», родственными являются верхнелужицкие hrabac «обрабатывать граблями», польское grabic «обрабатывать землю», грабли (орудие) из *grabja, в котором bj дало бл, а также литовское gróbti «хватать, собирать», древнеиндийское grābhás – «пригорошня», английское grab – «хватать». На иной ступени чередования основа граб- прослеживается в слове гроб [Труб., т. 7, с. 109; Фасмер, т. 1, с. 149-150; Цыг., с. 110; Шанск., с. 112].

Праславянский глагол *grebti первоначально обозначал ‘рыть, копать’. Этимологически родственными являются погреб, сугроб, гроб. В последнем произошло чередование /е : о/, значение развивалось от ‘то, что выгребли’, ‘могила’, далее ‘ящик, в который кладут умершего’ [Цыг., с. 113]. В современном итальянском слово bara (гроб) восходит к лонгобардскому bara (носилки), которое, в свою очередь, происходит от германского *beran (нести) [ит. эт., с. 123]. Очевидно, родственным является слово современного английского языка bury (хоронить), которое произошло от староанглийского byrgan (хоронить, прятать), соотносимого с древнесеверным bjarga (сохранять), староанглийским beorgan (защищать) [Кол., с. 217].

Семантика ‘прятать, сохранить’ как действие по отношению к умершему прослеживается также в украинском «ховати». Очевидно, данное действие, закреплённое в неродственных языках с разными языковыми оболочками, но с одинаковым значением, восходит к архетипу представлений о том свете. В древнем Египте сохранность тела, изготовление мумии считалось необходимым для обеспечения жизни после смерти. Потребность «спрятать» мёртвого от живых восходит к верованиям о том, что представитель этого света не мо-

жет видеть находящегося на том свете. Некоторые сверхъестественные существа представляются слепыми или с недостатком зрения (например, одноглазый циклоп Полифем). Обязанность защищать мёртвых и их могилы от разграбления имеет место во все времена, например, сооружение египетских пирамид, скифских курганов, сохранённые в положении сидя и парадно одетые умершие в Наске (Перу) на кладбище Чаучилья, а также исторический факт, что после «открытия» европейцами Мачу Пикчу исконные жители покинули город и унесли с собой своих мёртвых.

Глаголу «грабить» родственно существительное «грабли» (из *grabja-), которое имеет соответствия в латышском greblis, древнеисландском gref [Фасмер, т. 1, с. 450].

Очевидно, родственным является слово современного итальянского языка aggrappare – схватывать. Оно происходит от grappa (скоба), которое, в свою очередь, восходит к германскому *krappa (крючок) префикс a- в a-ggrappare несёт семантику ‘усиление действия’ [ит. эт., с. 45].

Возможно, родственным является название итальянской виноградной водки «граппа» grappa, которое восходит к готскому *krappa, пришедшему в итальянский из этого германского языка, а именно – из северного ломбардийского диалекта. Согласно другой этимологической версии, grappa восходит к франкскому raspôn (ощипанная виноградная гроздь). К этому же готскому корню *krappa восходит итальянское слово гроздь – grappolo [ит. эт., с. 451].

С данным корнем связано английское слово виноград – grape. Оно пришло в современный английский из старофранцузского grape (гроздь), германского происхождения [Кол., с. 674]. Подтверждение германского происхождения данного слова примиряет обе версии, высказанные в итальянском этимологическом источнике. Имеются соответствия в древневерхненемецком: krāpfo, которое соотносится с английским cramp (скоба, скреплять скобой), grapple (сцепиться, борясь) [Кол., с. 674].

Семантика ‘сцепиться’, ‘скоба’ (которая сцепляет) позволяет предположить, что она выступила стержнем полисемии, объединяющим значения, которые возникли в результате трансформации в

разных языках. Первокорень *grab- транслирует смысл ‘подцепить и…’, значения трансформировались в зависимости от последующего действия: «подцепить и…» (тянуть к себе – грести, грабли, грабить; соединить вместе (виноградные ягоды; а также «скоба»). Таковым было разветвление пучка. На основании метафоры грести было переосмыслено как грести к себе, загребать, грабить. Метонимия nomina actionis – nomina strumenti дала трансформации значений гребень, грабли. Метонимический перенос действие – его результат породил трансформации в пригорошня, скоба и гроздь. От значения виноградной грозди, ягод, находящихся вместе, подобно пригорошне, пошло название виноградной водки граппы. Переосмысение действия грести как «грести, копая», привело к трансформации значения погреб, сугроб, могила и то, что в неё кладётся, – гроб.

34. *Дать* – древнее славянское слово, индоевропейского характера. Праславянское *dati «дать» происходит от индоевропейского *dō- «давать». Долгий / ō / в славянских языках изменился в / а /. Родственными являются литовское dúoti – «давать», греческое didōmi – «даю», латинское dare – «давать», древнеиндийское dádāti – «даёт», авестийское daditi «дает».

Индоевропейский корень *dō- имел звуковую разновидность *dōu- «давать». Из неё развился глагол давать (ō > а, u > в). Древнейшим по происхождению является существительное дар, образованное при помощи суффикса -р-. В праславянский период посредством суффикса -нь- из *-ni- было образовано существительное «дань». Однокоренными являются также «дача», «удалой» [Мельничук, т. 2, с. 13-14; Фасмер, т. 1, с. 484; Цыг., с. 118-119; Шанск, с. 120].

Слова современных итальянского (dare), испанского (dar), каталонского (donar) языков, (дать) восходит к латинскому dare от корня *do- – ‘передача собственности’, которому есть соответствия в греческом dídomi, санскрите dádami. Латинский термин происходит от нотариальной формулы haec littera data est [ит. эт., с. 285]. Согласно исследованиям Бруно Мильорини в области истории итальянского языка, нотариат благоприятствовал развитию письменной формы народной латыни, поскольку акты перехода собственности записы-

вались на народном языке latino volgare, понятном для купеческой среды.

В. М. Иллич-Свитыч фиксирует первокорень *deH- (давать), указывая на его индоевропейское происхождение [Иллич-Свитыч 1971-1984: 338].

Первокорень *dō- / *dōu- транслирует смысл ‘давать’, трансформаций значений которого практически не произошло. Возможно, отсутствие трансформации значения обусловлено тем, что в иных ареалах, например германском, значение «давать» передаётся корнем, представленном в английском give (давать), которое происходит от древнеанглийского giefan, соотносимого с древнесеверным gefa, готским giban, древневерхненемецким geban, шведским giva [Кол., с. 653].

Таким образом, чем в меньшем количестве языков обнаруживается первокорень, тем меньше шагов в его трансформации значений. В таком случае значение совпадает со смыслом.

41. *Дремать* – общеславянское, индоевропейского характера. Образовано с помошью суффикса -ати от индоевропейской основы, выступающей в древнеиндийском dr-ti, латинском dormire – спать [Мельничук, т. 2, с. 130; Труб., т. 5, с. 109; Фасмер, т. 1, с. 537; Шанск., с. 132]. Однокоренным является также слово «дремучий», бувально «никем не потревоженный в своём сне лес» [Шанск., с. 132].

В современном итальянском языке слово спать – dormire восходит к латинскому dormire, которое, в свою очередь, идёт от корня *der- , присутствующего также в санскрите dra-mi (я сплю), в греческом darthάno, старославянском dremati [ит. эт., с. 330].

В современном итальянском языке от названия действия (nomina actionis) dormire – спать образовано название места, где спят dormitorio – общежитие, небольшая гостиница низкого класса. Данное значение образовано посредством метонимического переноса по модели nomina loci, о которой М. М. Покровский писал, что « … представление о предметах или действиях, приуроченных культурно-историческими или естественными условиями к определённому месту, вызывает за собою представление об этом месте (ассо-

циация представлений по смежности, вследствие этого имена, соответствующие этим предметам или действиям, могут употребляться в языке как имена локальные … Возьмём nomina actionis, переходящие в nomina loci» [Покровский 1959: 31-32].

В английском языке слово sleep (спать, сон) восходит к древнеанглийскому slæpan, которое соотносится с древнефригийским slēpa, древнесаксонским slāpan, древневерхненемецким slāfan, немецким schlaffen [Кол., с. 1453]. Однокоренным является русское слово «спать». Общеславянское по происхождению, оно имеет соответствия в других индоевропейских языках: в древнеиндийском svápati – «спит», немецком schlafen – «спать» [Шанс., с. 423].

Древнерусское сънъ происходит от праславянского *sъpnъ «сон», в котором упростилась группа согласных pn > н. Праславянское *sъpnъ является производным с суффиксом *-nъ от корня *sъp- , из индоевропейского *suep- «сон». Ему родственны литовское sāpnis «сновидение», латинское sŏpor «глубокий сон», древнеиндийское svapnas «сон», suptás «сонный». Праславянский корень *sъp- , в котором ъ из ŭ может иметь вид сп- с утраченным ъ, а также сып- , где ы из долгого ū, и соп- , где о из ъ в сильной позиции [Фасмер, т. 3, с. 716-717; Цыг., с. 441].

Этот же корень прослеживается в слове современного итальянского языка assopire (наводить сон, успокоить), которое восходит к латинскому ad и sopire; слово assopire функционировало в средневековой латыни [ит. эт., с. 97]. Очевидно, этот корень выступает в словах современного итальянского и испанского языков, обозначающих сон и мечту. Sogno (ит.) от латинского somniu(m) от sŏmnus – сонливость, сон [ит. эт., с. 929]. Sueño (исп.) от латинского sŏmnus (акт сна), с которым в кастильском (castellano) смешалось латинское sŏmnĭum (репрезентация событий, представляемых во сне) [исп. эт., с. 518].

Н. Я. Марр связывает данные корни с географическими представлениями скифов: « … spa-, основа глагола «спать», русским языком получена в наследство от тех подлинных скифов, про которых Геродот говорит, что термин «Аримаспы», название одной из народ-

ностей, они понимали как ‘одноглазый’… arima … значило ‘один’ и за sp- … оставалось бы значение ‘глаза’…» [Марр 1931: 22]. Очевидно, данная параллель обусловлена фоновыми знаниями о том, что в процессе сна живое существо находится с закрытыми глазами, это было переосмыслено как недостаток зрения. Однако признак наличия одного глаза в контексте волшебной сказки и, соответственно, в мифологической картине мира, воспринимается как принадлежность одноглазого существа к иному миру. Об этом пишет В. Я. Пропп, приводя в пример циклопа Полифема.

Таким образом, для обозначения состояния сна существуют два первокорня: dorm- и *suep- , которые, очевидно, различаются по семантике глубокого, со сновидениями (*suep-) и менее глубокого, крепкого сна (drm-). Значения трансформировались незначительно: спать – метонимический перенос по модели действие и его результат – сон, что под воздействием метафоры стало обозначать мечту, которая воспринималась подобной сновидению. Последний перенос также вербализирован в одной из пословиц итальянского языка «Sognare con gli occhi aperti» – мечтать, видеть сны с открытыми глазами. В данной пословице прослеживается понимание мечты как сна наяву. Очевидно, столь небольшое отдаление значений от изначального смысла обусловлено тем, что состояние сна свойственно человеку во все времена в его повседневной бытовой жизни.

45. *Заключить* – общеславянское, образовано при помощи суффикса -*j- ь от основы клюк- , той же, что и в слове клюка. Звукосочетание *kj изменилось в /ч/ (первая палатализация задненёбных). От слова «клюка» образовано название кости «ключица». Ему имеются соответствия в латыни clavis – «ключ», греческом klēis – «засов, ключ» [Мельничук, т. 2, с. 323; Фасмер, т. 2, с. 258; Шанск., с. 154, Цыганенко, с. 203]. Ключ в значении «источник» является совпадением в звучании, полным омонимом, образованным от ономатопеи клю-клю, подражающей звуку воды [Шанск., с. 200; Цыг., с. 203].

Однокоренным выступает слово современного итальянского языка chiave – ключ, которое происходит от латинского clavis, соотносимого со словом дорического диалекта греческого языка klawis

(в ионическом – kleis). Корень *klu- тот же, что в глаголе claudere (в современном итальянском – chiudere – закрывать), который связан со словом clavus – гвоздь, поскольку изначально замки состояли из кольца и помещаемого в него гвоздя [ит. эт., с. 212]. К данному латинскому глаголу восходит слово современного английского языка «закрывать» – close. Английское close прошло путь заимствования из старофранцузского, позднелатинского clausūra (засов), из латинского claudere – закрывать [Кол., с. 307].

Словом, собственно обозначающим ключ в английском языке, является key, которое восходит к староанглийскому cæg и соотносится с древнефризийским kēi, древненижненемецким kele копьё, дротик [Кол., с. 851]. По форме копьё схоже с гвоздём, штырём, который помещался в кольцо древнего замка.

Н. М. Шанский отмечает родственность корня слов заключать с немецким Schloß – замок [Шанск., с. 154]. Отметим, что от этого же корня образовано заимствованное из немецкого в русский слово «шлюз» [Бул., с. 663; Кр., с. 888]. Н. М. Шанский указывает на голландский источник заимствования в XVIII веке. Голландское sluis представляет собой переоформление французского écluse, которое восходит к латинскому exclusa, причастного субстантивированного производного от excludere – «запирать, исключать». Шлюз буквально обозначает заслон, закрывающий полтину [Шанск., с. 509]. Отметим параллельное существование калек «включать – исключать (от «ключ»), а также, в разных терминологизировавшихся значениях – includere-escludere – инклюзивный – эксклюзивный (от того же корня, что и в слове ключ – *klu-). Очевидно, однокоренным является также русское слово калитка, заимствованное из тюркских языков [Шанск., с. 184]. Слово современного турецкого языка kilit – замок родственно русскому калитка, восходит к фарси /kilīd/ – ключ, имеет соответствия в греческом klidí, в древнегреческом kleíō – закрывать, быть закрытым. Этот корень идёт от индоевропейского *klāu-, того же, что в латыни claudere – закрывать [тур. эт.]

Таким образом, первокорень *klu- привязан к денотату – гвоздю, который помещался в кольцо и явился прообразом замка. На пер-

вом этапе семантического переноса от предмета на действие сформировалось значение «закрывать», которое закрепилось в латинском глаголе “claudere” (закрывать). Далее значения трансформировались посредством метонимии в номинацию орудия «закрывания» – ключ, который, выполняя функцию гвоздя в кольце, на более высоком этапе «технического» развития стал обозначать ключ в замке. Далее сформировались специфические переносные значения на основании метафорического переноса, такие как, например, clausura – затворничество, а также «эксклюзивный», «эксклюзивная и инклюзивная» форма лица глагола в грамматике. Следовательно, смысл транслируется от денотата, а значения трансформирутся на предмет (ключ), на конкретное действие (закрывать) и на семантический перенос «включать-исключать».

Ключ как орудие действия, утрачивая связь с семантикой закрывания, в результате метафорического переноса по подобию формы породил значение клюки, ключицы. По действию закрывать в результате метонимического переноса nomina actionis – nomina strumenti сложилось значение шлюза.

48. *Залпом* – обознчает образ действия ‘делать что-либо разом, одним махом’ (читать, пить и т. п.), может быть отнесённым к элементарным действиям.

Залпом (сразу). Собственно русское, возникло морфолого-синтаксическим путём на базе творительного падежа единственного числа существительного «залп» в значении ‘одновременный выстрел из нескольких орудий’. Залп -заимствовано в начале XVIII века из немецкого [Бул., с. 216; Кр., с. 283]. Немецкое Salve восходит к латинскому salve – «будь здоров». Первоначально «залп» означал приветственные выстрелы, затем – одновременный выстрел из нескольких орудий [Мельничук, т. 2, с. 229; Фасмер, т. 2, с. 76-77; Цыг., с. 153; Шанск., с. 155].

Латинское слово salvus обозначает «целый» и заключает в себе индоевропейский корень, присутствующий в индийском, иранском, италийском (оскско-умбрском) ареалах. Ему имеются соответствия: в санскрите – sàrvah (целый, весь), в греческом – hólos. От salvus в

итальянском языке происходят два глагола salvare (спасать), который заменил латинский глагол с тем же значением servare, а также глагол salvere (быть в добром здравии). От формы приветствия salve в итальянском образовалось слово salva со значением «артиллерийские выстрелы в честь кого-то». Этот корень связан с solidus [ит. эт., с. 869]. Имя прилагательное итальянского языка solido происходит от латинского solidus (цельный, массивный), которое, в свою очередь, образовано от глагола solere, от индоевропейского корня *sel- , того же, что в слове salvo. Также слово современного итальянского языка «деньги, монета» происходит от позднелатинского nummus soldus – золотая монета, восходящая к эпохе Константина. От переходного глагола assoldare (uomini) – вербовать, производить набор (людей) было образовано assoldati, soldati (солдаты), то есть те, кому заплатили деньги [ит. эт., с. 930]. Soldato – это форма причастия прошедшего времени от глагола soldare, буквально «оплаченный», тот, с кем рассчитались деньгами.

В русский язык были заимствованы слова, произошедшие от рассматриваемого первокорня. Это, например, слово солдат, заимствованное в русский из немецкого, восходящее к итальянскому soldato [Бул., с. 538; Кр., с. 723]. Отметим, что в русском национальном сознании солдат является культурным концептом [Карпенко 2006: 69] и воспринимается тем, кто совершает героический подвиг во имя Родины, и всякий денежный контекст отсутствует. Однокоренным, заимствованным из французского в русский язык, является слово солидарность, а также солидный [Бул., с. 538, Кр., с. 724], их значения трансформировались, однако общий семантический стержень «прочности, единства» сохранился.

Однокоренным является слово современного английского языка whole – целый, которое восходит к древнеанглийскому hāl, hæl и соотносится с древнефригийским hāl, hēl, с готским hails, а также с hale [Коллинз, с. 1752]. Hale – здоровый, крепкий. В шотландском и северных диалектах слово whole обозначает ‘целый’ и происходит от староанглийского hæl [Кол., с. 699].

Таким образом, первокорень, заключённый в индоевропейском *sel- , видоизменился фонетически, принадлежность к нему возмож-

но констатировать благодаря пересечению указаний этимологических словарей разных языков. Он транслирует смысл ‘целый, целостный, единый’, значения которого трансформировались в прочный, массивный, здоровый, желающий здоровья – приветствующий, а затем осуществился перенос по образу действия – приветствовать, стреляя вместе из нескольких орудий, затем – стрельба одновременно, и последующий метафорический перенос – действие быстрое, законченное, выполненное одним махом – «залпом». Значения трансформировались; смысл логично выстраивается при прослеживании семантических переносов.

Очевидно, когда осуществляется перенос признака на действие и, затем, на образ действия, путь смысла, транслируемого первокорнем, не прямой, а следующий по виткам, выходящим на очередной уровень переосмысления посредством трансформации значений. Возможно, также по этой причине не восстанавливается единый условный графический облик праформы, отображающей первокорень.

105. *Пасти* – общеславянское, индоевропейского характера, ему родственны латинское pasco – кормлю, пасу, тохарское pāsk – «пасти, охранять», древневерхненемецкое fuotar – пища. От основы глагола «пасти» префиксальным способом образовано «запасти», от которого, в свою очередь, с помощью темы -ъ образовано существительное «запас» [Шанск., с. 157, 329]. От глагола «пасти» при помощи суффикса -ух образовано «пастух», родственным является также существительное «пастбище» [Цыг., с. 331-332].

Очевидно, аналогично образованию пасти – пастух, в итальянском языке образовано pascolare (пасти) – pastore (пастух, пастырь). М. Фасмер приводит версию о том, что «пастырь» происходит от «булочник, пекарь», однако полагает более вероятным предположение о происхождении данного слова от исконно славянского «пасу» [Фасмер, т. 3, с. 215].

Слово современного итальянского языка pascolare (пасти) восходит к pacchia (весёлое житьё, застолье; глагол pacchiare – жадно есть, уплетать) [ит. эт., с. 732]. Согласно одной из этимологических версий, pacchia сближается с латинским pabulum (пастбище, еда), которое происходит от того же корня, что и pascere (есть, выводить на

пастбище), ра (питать). С данным корнем соотносятся pastum (еда), pastore (пастух, пастырь) и, возможно, pater (падре – отец, священник); а также греческое patéomai (я ем), немецкое Futter – корм, еда [ит. эт., с. 715].

Слово современного итальянского языка pasto (еда, приём пищи, выпечка, а также pasta – макаронные изделия) происходит от латинского pastu(m), от pascere пасти [ит. эт., с. 734]. Однокоренным является также слово «паштет», заимствованное в русский в первой трети XVIII века из немецкого языка. Немецкое Pastete является переоформлением существительного народной латыни pastāta – тесто. Первоначальным значением слова паштет было пирог с мясной начинкой [Шанск., с. 331].

Однокоренным является также слово современного итальянского языка pane – хлеб, которое восходит к латинскому panis, к более древнему *pastnis, от корня *pas- из pascere, того же, что и в pasto – еда, pastore – пастух, compagno – товарищ, состоящее из предлога cum (с) и существительного pane (хлеб) – «с хлебом», буквально, сохлебник, тот, с кем разделяют пищу [ит. эт, с. 723].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, индоевропейское *p[h]aH- / *p[h]oH(i)- ‘охранять’ (в частности, скот), ‘пасти’ дало хеттское pahš- ‘охранять’, тохарское A pās- , тохарское B pāsk- ‘охранять’, латинское pāscō ‘пасу’ [Гамкрелидзе, Иванов 1971-1984: 695].

Таким образом, цепочка развития значений в диахронном аспекте для итальянского языка выглядит следующим образом: еда – корм – выводить на место, где находится корм, то есть – пасти, пастбище даёт вдоволь еды, которую не нужно готовить, следовательно, животное может наесться вдоволь – обильная еда – приём еды – выпечка, макароны. Параллельно развилось значение ‘тот, кто ведёт на пастбище’ – пастух, от которого произошел метафорический перенос значения в церковном контексте – тот, кто ведёт, направляет вверенных ему подопечных – пастырь.

Родственным является глагол современного английского языка feed – кормить, который восходит к староанглийскому fēdan и со-

относится с древнесеверным foetha – кормить, древневерхненемецким fuotan, готским fōthjan. Однокоренным является также слово food – еда [Кол., с. 565]. Food восходит к староанглийскому fōda, соотносится с древнефригийским fōida – питать, кормить, готским fōdeins – еда [Кол., с. 599].

Пересекается по смыслу и, возможно, родственным является глагол «питать», образованное с помощью суффикса -ати от пита – «пища, хлеб» [Шанск., с. 339].

Современная форма древнего славянского слова питать развилась из праславянкого *pitati «кормить» с первоначальным значением «делать жирным», поскольку корень в глаголе *pitati восходит к корню *pit-, *peit- «жир». Ему соответствует немецкое feist «жирный» (f-p). Кроме *peit-, этот корень имел звуковой вид *pait- (*poit-). От данного корня произошло также слово «пестовать» [Цыг., с. 342-343]. Очевидно, родственным является слово современного английского языка fat – «жир» (как существительное) и «толстый» (как прилагательное). Оно восходит к староанглийскому fætt, которое является формой причастия прошедшего времени от fætan – набивать, пичкать; оно сближается с древнесеверным feita, древневерхненемецким feizen – откармливать. С ним соотносится готское fētjan – украшать [Кол., с. 561]. От корня *pit-, *peit- «жир» последующие значения трансформировались «питать» – «питать избыточно – пичкать» – «толстеть» – «украшать». Очевидно, изобилие жира, еды в народном сознании воспринимается положительно. Аналогично положительная оценка присутствует в украинском языковом сознании: «толстый» – «гладкий», в русском (полный), что, в частности, отображается пословицей «Пока толстый сохнет, тощий сдохнет».

Таким образом, первокорень *pa- транслирует смысл ‘питать’. Значения трансформировались в небольшой степени. Метонимические переносы дали значения: пища, место, где находится пища nomina loci – пастбище; nomina actionis пасти, nomina agentis пастух, а также переносное значение в церковном контексте – пастырь. Действие кормить дало название результата – жир, а также усилилась каузативная семантика: питать, откармливать, затем оно оформилось

положительной оценкой – пестовать, что в результате метафорического переноса трансформировалось в украшать.

50. *Защитить* – общеславянское, является префиксальным производным от щитити, образованным с помощью суффикса -ити от щитъ [Цыг., с. 156; Шанск., с. 160]. В. М. Иллич-Свитыч указывает на индоевропейское происхождение данного корня [Иллич-Свитыч 1967: 342]. Щит – праславянское по происхождению. Имеет соответствия в других индоевропейских языках. Праславянское *ščitъ – щит. Звуки šč > шч (щ) в нём из *sk перед i в первоначальном *skitъ – «щит». Ему родственны латинское scutum, (из *skoitom) «щит», готское skaidan «разделять», литовское skiẽtas «поперечная балка» (в бороне и ткацком станке) [Цыг., с. 554; Шанск., с. 520]. В украинском языке защищать переводится захищати, которое, по замечанию А. С. Мельничука, происходит: «…від кореня хист- (*хистj-), що є, можливо, розширеним варіантом давнішнього хис-, (<хыз-), наявного також у слові хижа (*хyzja); з російським защищать етимологічно не споріднене [Мельничук, т. 2, с. 244].

Слово современного итальянского языка scudo – щит происходит от латинского scutum, от древнего scoitom, индоевропейского происхождения от корня *ska- / *sku- со значением «покрывать». Ему имеются соответствия в санскрите skunoti (покрывает), греческом skŷtos (кожа, шкура). Через провансальское escudier, от латинского scudarius от scutum произошло итальянское scudiero (оруженосец) и scuderia (конюшня, конный завод) [ит. эт., с. 895].

Возможно предположить, что однокоренным является слово современного английского языка skull – череп, скандинавского происхождения. Ему соответствуют норвежское skulka – прятаться, двигаться под прикрытием, маскироваться, шведское skolka и датское skulke – увиливать [Кол., с. 1450]. В приведённых соответствиях прослеживается сема ‘скрытого действия», в буквальном значении предполагается то, что прячет, заслоняет, как, например, щит.

Аналогичное значение реализуется в английском словое scale – чешуя, шелуха. Это слово германского происхождения пришло в английский из старофранцузского escale. Оно соотносится со староан-

глийским scealu и современным английским shell – ракушка [Кол., с. 1380]. Слово shell – ракушка восходит к древнеанглийскому sciell, соотносится с древнесеверным skel – ракушка, готским skalja – черепица, средненижненемецким schelle – ракушка [Кол., с. 1424].

Созвучие и семантика позволяет предположить родственность данному корню слова современного итальянского языка scodella – глубокая тарелка, миска для супа. Оно происходит от латинского scutella, диминутива от scutra – горшок, миска. Его этимология не ясна. Существует версия о его родственности греческому chýtra земляной горшок для варки, от глагола chéo – наливаю [ит. эт., с. 889].

Очевидно, значение ‘ёмкости’ развились на основании стереотипной ситуации использования предмета вогнутой формы для помещения в него чего-либо. Так, например, итальянское слово cucchiaio – ложка происходит от cochlea – улитка, от греческого kóchlos – ракушка [ит. эт., с. 213, 278]. Использование природного, нерукотворного предмета в функции ёмкости аналогично прослеживается в ритуальном действии – использовании черепа в качестве чаши. Однако, в отличие от ложки, череп имел магический смысл – по законам магии «подобное рождает подобное» и «часть заменяет целое» вино, выпиваемое из чаши-черепа, символизировало кровь и силу, забираемую от убитого врага, а череп являлся его частью и представлял собой самого поверженного врага, который, потеряв свою силу, лишался возможности мстить или как-либо влиять с того света.

Первокорень *ska- / *sku- транслирует смысл ‘покрывать’, значения которого конкретизировались: защищать, прятать. Метонимический перенос по модели действие – его результат породил значения шкура, кожа, чешуя, шелуха, а также череп и раковина как то, что покрывает. Далее произошёл перенос при наименовании артефакта с идентичной функцией – щита. И, очевидно, далее, отправляясь от названия «щита», номинация осуществлялась параллельно по двум направлениям: по функции «защищать» и по форме – глубокая тарелка, а также, круглая чеканная монета эскудо.

51. *Звенеть* – древнее славянское слово. Развилось из праславянского звенеть – *zvьněti, образованного посредством глагольного

суффикса -ěti от существительного *zvьnъ, звуковой разновидности существительного *zvonъ «звук». Существует мнение, что древнее *zvonъ развилось из индоевропейского *svonъ в результате изменения / с > з / под влиянием слова «звать». Корню слов «звенеть» родственны древнеиндийское svanás «звук», латинское sonus «звук», sonāre звучать [Мельничук, т. 2, с. 252; Цыг., с. 158; Шанск., с. 161]. Однокоренным является слово звякать, образованное с помощью -ати от звякъ, производного от *zvьnъ с суффиксом -къ (*zvьnkъ > zvekъ > звяк) [Шанск., с. 161]. Корень слова «звучать» и его индоевропейское соответствие *suei – «свистеть, звучать» упоминает также В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1967: 342].

В современном итальянском языке функционирует родственный глагол suonare – звучать, играть на музыкальном инструменте. Он происходит от латинского sonare и восходит к индоевропейскому корню *swene-, который присутствует в ареалах кельтском (в ирландском seinn – звучит и son – слово) и индийском (в санскрите svanáh – шум) [ит. эт., с. 970].

Слово современного английского языка sound звук происходит из старофранцузского soner, которое восходит к латинскому sonāre, от sonus – звук [Кол., с. 1476]. Очевидно, родственным является слово современного турецкого языка ses – звук, голос.

Таким образом, первокорень *swene- транслирует смысл ‘издавать звук’, который подвергся трансформациям, незначительно удалившись от общего семантического стержня звучания: nomina actionis звучать, с оттенком каузативности – играть на музыкальном инструменте; метонимический перенос с семантикой результат действия – шум, голос, слово, звук в фонетическом значении.

56. *Знать* – древнее славянское слово. Имеет соответствия в других индоевропейских языках. Праславянское *znati ‘знать, отличить, заметить’ происходит от индоевропейского *gnō- «знать» с изменением на славянской почве / g > z /. В греческом от данного корня происходят слово gnōmōn – «знаток, судья» и «указатель», gnosis «познание», diagnosis «распознавание», давшее медицинский термин диагноз. В латыни однокоренным словом является gnarus

«знающий». От глагола «знати» при помощи суффикса -к-ъ образовано существительное «знак» – ‘черта, рубец’. Существительное «знак» послужило основой для глагола значити – изначально «делать метки», затем – «означать, иметь содержание». С современным содержанием глагол «значить» отмечается в русских словарях с XVIII века. От него происходит существительное со значением ‘смысл, содержание’, отмечаемое в словарях также с XVIII века. В данном слове корень знач-, суффикс причастия -ен- и суффикс глагольных имён -ij-e (графический -ие) [Цыг., с. 163]. Соответствия имеются также в древнеиндийском jānāti – «знает», готском kunnan – «знать» [Шанск., с. 164], а также в литовском jinoti, jina- «знать», латышском zinu, древнепрусском ersinnat «узнать», тохарском knan «знать». О. Н. Трубачев отмечает, что индоевропейское gen- «знать» тождественно *gen- «рождать(ся)» [Мельничук, т. 2, с. 270; Фасмер, т. 2, с. 100-101]. На индоевропейский корень *gen- в слове «знать» и соответствия ему в ностратических языках указывает В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1967: с. 343].

От данного корня в греческой огласовке gnóme (ум) образовано слово gnomo – гном. Это слово создано Парацельсием в XVI веке для обозначения доброго духа, который хранит то, что скрыто в земле [ит. эт, с. 445].

От той же основы, что и в глаголе «знать», образовано русское слово «зять», общеславянское по происхождению. Первоначальное его значение – знакомый, известный [Фасмер, т. 2, с. 112; Шанск., с. 167], в отличие от невесты, которая этимологически толкуется либо как неизвестная, либо вновь приведённая [Шанск., с. 287]. Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов описывают традиции индоевропейцев основывать семьи по мужской линии, в результате чего в семью входила новая и неизвестная женщина [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 756].

Данному корню родственно слово современного английского языка know – знать, которое восходит к древнеанглийскому gecnāwan и соотносится с древнесеверным knā – я могу, латинским noscere – узнать [Кол., с. 860]. Значения слов знать и уметь в современном итальянском языке заключены в одном и том же глаголе sapere.

В современном английском – это два разных слова: know – знать и can – уметь, однако исторически они восходят к одному и тому же корню. Слово современного английского языка can – мочь восходит к древнеанглийскому cunnan и соотносится с древнесеверным kunna, древневерхненемецким kunnan, латинским cognōscere – знать, санскритом jānāti – он знает. Однокоренным является также шотландское ken – знать и английское uncouth – нескладный (о человеке) [Кол., с. 233, 848, 1672]. Очевидно, значение ‘нескладный’, ‘не умеющий себя вести’ соотносится с исходным «знать» так же, как в русском языке «невежа» и «невежда».

В современном итальянском языке функционирует слово conoscere, восходящее к этому же корню. Оно происходит от латинского cognoscere, от cum и (g)noscere, которое, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню *g(e)no- [ит. эт., с. 248]. Далее в итальянском этимологическом источнике приводятся факты, соответствующие утверждению О. Н. Трубачёва о родственности корней слов со значением «знать» и «порождать» от индоевропейского *gen- «знать». В современном итальянском языке функционирует глагол nascere – рождаться, корень которого соотносим с noscere – узнавать из *gene-. Однокоренными с conoscere – знать в романских языках являются слова nobile – дворянин, то есть известный, знатный, notizia – новость; в английском snob образовано из sine nobilitate, от этого же корня произошли немецкое König и английское king – король. К латинскому noscere восходят также ignorare – не знать, ignoto – неизвестный [ит. эт., с. 249, 472]. Глагол «игнорировать» был заимствован в русский язык через посредничество немецкого [Бул., с. 219; Кр., с. 287].

Таким образом, первокорень *g(e)no- транслирует смысл ‘знать’, значения которого трансформировались, однако смысловой стержень ‘иметь сведения’ сохранился. Последующим этапом трансформации значений, очевидно, выступает указание на действие – «уметь»; далее значения трансформировались метонимией на носителя признака: тот, кто знает – гном, знакомый – зять, известный (дворянин, король), а также с отрицательной частицей – сноб, невежда, незна-

ющий. То, что известно, помечено – знак. Аналогично латинскому cognoscere, от cum (с, совместно) и (g)noscere (знать) образовано слово русского языка со- знание – «сознание», значение котрого трансформировалось с дальнейшей терминологизацией.

19. *Велеть* – древнее славянское слово с первоначальным значением ‘проявлять свою волю’. От этого глагола при чередовании гласных /е : о/ образовано существительное «воля». Родственными являются нововерхненемецкое wollen – хотеть, латышское vala «сила, власть» [Цыг., с. 64], литовское pavelti «хотеть, позволять», древнесаксонское williu «я хочу», латинское velle «хотеть» [Мельничук, т. 1, с. 347; Фасмер, т. 1, с. 288].

В современном итальянском языке функционирует однокоренной глагол volere – хотеть. Это итальянское слово происходит от позднелатинского volere, от классического velle, калькированного с potere – мочь. Все указанные варианты восходят к корню *wel- , котрому имеются соответствия в готском vilian, древневерхненемецком wellan, немецком wollen, английском to will, а также wek в индоиранском и греческом ареале. В санскрите ему соответствует vrnáti (выбирать, хотеть), varas (уважаемый, избранный), в греческом búlomai (я хочу) [ит. эт., с. 1061].

В современном английском языке функционирует соответствующее образование от данного корня – will – воля; в первом значении – вспомогательный грамматический элемент для образования будущого времени, для выражения волеизъявления, принятия решения говорящим, а также желания, команд [Кол., с. 1756]. Во всех случаях употребления прослеживается значение намерения, волеизъявления. В указанном первом значении will восходит к староанглийскому willan и соотносится с древнесаксонским willian, древнесеверным vilja, древневерхненемецким wollen, латинським velle – желать, хотеть. Во втором значении will – «воля», «завещание», восходит к древнеанглийскому willa и соотносится с древнесеверным vili, древневерхненемецким willeo, немецким Wille, готским wilja, старославянским volia [Кол., с. 1756].

Указанные соответствия пересекаются, что позволяет сделать

вывод о происхождении вспомогательного грамматического элемента will и существительного Will от общего корня.

Таким образом, первокорень *wel- транслирует смысл ‘хотения’, значения которого трансформировались, но не разошлись далеко в результате метонимических переносов: субстантивация действия хотения – воля, изъявление своей воли в письменном виде – завещание, интенция на свершение действия в будущем – это значение имплицитно закрепилось за служебной частью речи, вспомогательным элементом английского языка, образующего будущее время; человек, деятельности которого захотели, – избранный, выбранный.

35. *Де* (частица, используемая при передаче чужой речи) восходит к форме 3-го лица, единственного числа настоящего времени от дети (откуда деяти – через «ять») – говорить. В результате редукции и отпадения конечного гласного, а также изменения ять в е – деи изменилось в де. Путём сращения данной частицы де с фонетически изменённой формой глагола сказать – скать образовалось собственно русское вводное слово дескать [Фасмер, т. 1, с. 489-490, Шанск., с. 121, 124].

От этого же корня образовано собственнорусское «издеваться» – первоначально – ‘насмехаться в разговоре’ [Шанск., с. 171].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово с идентичным значением dire – сказать. Итальянское dire происходит от латинского dicere, от индоевропейского корня *dik-, *deik- назначать, предназначать, от которого происходит dike (справедливость, юстиция). Ему имеются соответствия в санскрите dicami (я указываю), в оскском deikum (сказать), от этого же корня происходит слово индекс [ит. эт., с. 311], которое было заимствовано в русский язык из латыни через посредничество немецкого [Бул., с. 228, Кр. с. 300].

В современном турецком языке функционирует глагол «сказать» – demek (de-mek), корень которого de- из *tē- интерпретируется как собственно турецкий [тур. эт.].

М. Фасмер, трактуя частицу «де», приводит отсылание к «деть» [М. Фасмер, т. 1, с. 489-490], однако, при рассмотрении этимологии

«деть», он указывает соответствие латинскому «faci» [Фасмер, т. 1, с. 509], facere обозначает «делать», а не «сказать, говорить» fari. Очевидно, произошло соотнесение значений «сказать – сделать» и их совпадение в материальном выражении, в корне де-. Однако изначально де- из «дескать» и де- из «деть» представляют собой корни с разным значением.

Таким образом, первокорень *deik- транслирует смысл ‘сказать’, значения которого трансформировались в небольшой степени, в результате осмысления содержания речи произошла конкретизация и сужение значения – сказать, указать, произнести.

58. *Калить* – общеславянское, индоевропейского характера. Ему имеются соответствия в латыни callum, callus – «твёрдая кожа, нарыв», callēre – «иметь твёрдую кожу, затвердевать, зачерствевать», в латышском kals – «высыхать» [Мельничук, т. 2, с. 351; Шанск., с. 184]. Первичное значение праславянского корня кал- – ‘делать твёрдым, прочным’. Это значение прослеживается в слове «закал»– по отношению к хлебу – ‘непропечённый, сырой слой у нижней корки’, а также в значении ‘придать телу большую твёрдость, прочность’. Современное значение слова «закалить» металл – сделать металл более прочным. Существует предположение, что калити образовано с суффиксом и-ти от того же корня кал- , что и в латинском calēre «быть горячим», calor – тепло [Цыг., с. 185].

В современном итальянском языке функционирует родственное callo – мозоль, косточка, восходящее к латинскому callum, возможно, от callis – то, что затвердело [ит. эт., с. 173].

Родственными с калити являются латышское kalstu, kaltu «засыхать, сохнуть, ссыхаться», kalss «сухой, тощий», древнеирландское, среднеирландское calath, calad «твердый», латинское callum, callus «загрубевшая кожа, мозоль». М. Фасмер указывает на то, что данный корень не связан с латинским caldus – горячий, и с германским cold – холодный. Приводится также попытка установить связь с «кал» (потому что в гончарном производстве сосудам придается твердость накаливанием, причем, закапывая их в глину, добиваются их темной окраски [Труб., т. 9, с. 123; Фасмер, т. 2, с. 168-169].

Благодаря изучению корня, отображенного в русском глаголе калить, закалять, становится возможным развести две итальянские этимологические гипотезы, которые упираются в вопрос об одном или двух совпавших корнях в итальянском слове scualo – акула и squalido – ничтожный [ит. эт., с. 949]. Первый, очевидно, восходит к значению ‘чешуя, твёрдая, защищающая тело’, второй – к переносному значению от ‘грязный, ничтожный’.

Корень в слове squama – чешуя, squalo – акула от глагола squalere – ‘быть жёстким, покрытым чешуёй’, очевидно, соответствует тому, что в русском ‘калить, делать твёрдым’. Однако не следует забывать о семантическом сближении с корнем *ska- / *sku- ‘покрывать’ (описанным в данной работе под номером 50), одной из трансформаций значений которого выступает «чешуя».

В современном английском языке функционирует сходное по значению и звуковому оформлению слово gall – ссадина, натёртое место, ссадить, натереть, раздражить. В современном языке gall имеет следующие значения: наглость, горечь, злоба, затаённая обида, а также желчь и восходит оно к древнеанглийскому gealla, соотносится с древневерхненемецким galla, греческим kholē. Во втором значении gall толкуется как натёртость на коже, отмечается его германское происхождение. Соотносимое со староанглийским gealla – болячка на лошади. В третьем значении gall трактуется как ненормальный отросток на поверхности растения, вызванный паразитами. В этом значении данное слово восходит к старофранцузскому galle, от латинского galla [Кол., с. 631]. В латыни galla трактуется как слово средиземноморского происхождения со значением «распухшее место на растении, вызванное укусами насекомых». В современном итальянском это слово имеет значение несерьёзного человека [ит. эт., с. 422]. В первых двух значениях английского слова gall прослеживается общий источник – староанглийское gealla – болячка на лошади. Учитывая средиземноморское происхождение, логичным, в данном контексте выступает соответствие греческому kholē – желчь, что соотносилось с настроением и характером, чему имеется соответствие в русском языке – «желчный человек». Очевидно, первичное значение сложилось на базе денотата – мозоли, затвердения, болячки, от

которого по модели метонимии предмет – его признак произошёл перенос на обозначение болезненного состояния.

Таким образом, первокорень *kali/e- транслирует смысл ‘твёрдый’, значения которого трансформировались, обретя противоположную оценку. Перенос признака твёрдости на живое – человека, животное, растение обозначает болезненное затвердение и несёт отрицательную оценку. Именование однокоренным словом «закал» непропечённого слоя хлеба, что также несёт отрицательную оценку, очевидно, обусловлено мифологической картина мира, в которой хлеб связан с человеческим телом и затвердение в последнем воспринимается как признак болезни. Также в реальности быта хлеб в идеале представляется мягким и пропечённым, затвердение в нём является отрицательным нарушением его нормального состояния. По отношению к неживому предмету – железу признак твёрдости является залогом прочности и потому сопровождается положительной оценкой. Далее на этапе осознания действия «закалять железо, делать его прочным» произошёл метафорический перенос на тело, закалённое упражнениями и тренировкой. На этом этапе, более позднем, которому предшествовало положительное осознание закаления железа, действие закалять, применяемое к телу и здоровью, сопровождается положительной оценкой. Отметим, что в природе корень *kali/e- имеет предметное значение и отрицательную оценку. В переосмыслении по отношению к действию корень *kali/e- имеет положительную оценку и воспринимается как созидание, а не разрушение и болезнь.

59. *Касса* – восходит к элементарному действию ‘брать’ и присутствует во многих языках мира. В русский проникло в XVIII веке из итальянского через польский или немецкий [Бул., с. 257; Кр., с. 343]. Итальянское cassa восходит к латинскому capsa – ящик, футляр, шкатулка [Мельничук, т. 2, с. 398; Фасмер, т. 2, с. 207, Шанск., с. 190]. От этого латинского корня в русском языке слово капсула (уменьшительное к capsa) – коробочка [Цыг, с. 193].

Слово современного итальянского языка восходит к латинскому capsa – коробка, средиземноморского происхождения. От латинского capsarius – хранитель коробки, коробки с книгами, происхо-

дит cassiere – кассир [ит. эт., с. 196], пришедшее в русский через немецкий из итальянского [Бул., с. 257, Кр., с. 343]. Латинские capsa и capsarius образованы от глагола capere – брать. К нему также восходят catturare – захватывать в плен [ит. эт., с. 200], cattivo – злой, плохой. Cattivo происходит от латинского captivus, образованного от captus, причастия прошедшего времени от глагола capere – брать. Изначальное его значение – пленный, раб, в христианской латыни – одержимый, пленный дьявола, следовательно, злой [ит. эт., с. 199]. В современном английском языке функционирует однокоренное слово captive – пленник, восходящее к латинскому captivus от capere – брать [Кол., с. 241]. К capere восходит также глагол современного итальянского языка capire – понимать, значение которого сложилось через посредство глагола народной латыни *capire – брать руками и схватывать умом. Корень *kep- присутствует в греческом (например, káре – ручка), а также – в германском ареале hab-en – иметь [ит. эт., с. 184]. Следовательно, родственным является глагол have – иметь современного английского языка. Он восходит к древнеанглийскому habban, соотносимому с древнесеверным hafa, старосаксонским hebbian, древневерхненемецким habēn, латинским habēre [Кол., с. 713]. От латинского habēre происходит вспомогательный глагол современного итальянского языка avere. Habēre восходит к оскско-умбрийскому и кельтскому корню *ghabh- (брать). Ему имеются соответствия в ирландском gaibim – я беру [ит. эт., с. 108]. Однокоренным является также слово «хобот». Оно образовано, по-видимому, с помощью суффикса -отъ, современная форма которого -от и переогласовки от хабити – хватать, сохранившегося в диалектах и родственного латинскому habeo – имею. «Хобот» также соотносят с литовским kabéti – висеть, латышским kabināt с тождественным значением [Фасмер, т. 4, с. 252; Шанск., с. 479].

В современном испанском языке, как в некоторых южных диалектах итальянского языка, в значении «иметь», однако как полноценного смыслового, а не вспомогательного глагола, функционирует глагол tener (tenere) – держать в руках, иметь. Данное переосмысление логично: имеешь то, что ты держишь в руках. Глагол tener восхо-

дит к латинскому tĕnēre, в кастильяно с XII века начинает заменять haber в значении tener, однако в этом значении закрепляется лишь с XVI века. Латинский глагол tenere происходит от корня *ten- от tendere с расширением e, что обозначает продолжительность, в отличие от моментальности действия [ит. эт., с. 993].

Однокоренными с tenere являются также слова, впоследствии заимствованные в русский язык: тенор – из итальянского [Бул., с. 572; Кр., с. 768] (голос, значение развилось на основании семы «продолжительность»), континент – из латыни [Бул., с. 288;Кр., с.389] (продолжающаяся, не прерванная земля), теннис – из английского [Бул., с. 572; Кр., с. 768], восходящее к старофранцузскому tenez – «держи!», императив по отношению к сопернику по игре [исп. эт., с. 534], однако, tener не является родственным с haber.

Таким образом, первокорень *kap- (*ghabh-) транслирует смысл ‘брать’, значения которого трансформировались в результате сужения семантики в «держать», «хранить», «иметь», «захватывать». Далее на базе метонимического переноса носитель – его признак было образовано значение «пленник» (захватывать – захваченный), затем, в результате метафорического переноса, развилось значение пленный – бывший враг, чужой, злой – одержимый дьяволом. Очевидно, сема «иметь», «заполучить во владение», «присвоить» стало основой для развития функции вспомогательного глагола «иметь» (avere – в итальянском) в составных временах «имел сделал», ‘довёл действие до конца’, ‘действие законченное, целостное, действие в прошлом’ (например, перфект в английском, в испанском, итальянском и др.).

60. *Каяться* – возвратная форма к каяти, производному с суффиксом -ати от индоевропейской основы, имеющей соответствия в древнеиндийском káyatē – «мстить, наказывать», авестийском kāy – «воздавать, награждать», литовском kainà – цена. Значение «наказывать» сохранилось в древнерусском каяти – «порицать». Однокоренными являются слова казнь, цена [Мельничук, т. 2, с. 413; Труб, т. 9, с. 115; Фасмер, т. 2, с. 216, Шанск., с. 192]. Древнеславянское слово цена восходит к праславянскому *cěna «цена, платёж», которое возникло из индоевропейского *kaina «воздаяние, возмездие», «оплата

ущерба», «денежное наказание». Этим словам родственны литовское диалектное káina, авестийское kaēnā «месть, оплата», греческое poine «возмещение» и «месть, наказание» (звуковое соответствие р - к), от него латинское poena «пеня, кара» [Фасмер, т. 4, с. 298], давшее русское «пеня». Индоевропейское *kaina на славянской почве претерпело изменение дифтонга ai в гласный ě (старославянский ять), перед которым по второму смягчению задненёбных звук /к/ изменился в / с / - ц, откуда происходит *cěna. Полагают, что индоевропейское *kaina возникло из *kuoinā (изменение о > а), образованное с помощью суффикса -na от корня *kuei- «платить, мстить», того, что в слвянском каяти, казнь и греческом tinō «плачу», «воздаю» (звуковое соответствие ku – t) [Цыг., с. 529].

В современном итальянском языке функционирует существительное pena – наказание, кара, восходящее к латинскому poena. В латынь оно пришло из греческого poiné, которое, в свою очередь, восходит к древнему kwoina (*kuoinā) – цена, от корня *kwei- (*kuei-) «платить» [ит. эт., с. 740]. От этого же корня происходит «пенальти» [Кол., с. 1151, 1152], которое впоследствии было заимствовано в русский язык из английского (penalty) в значении термина футбола «штрафной удар по воротам соперника» [Бул., с. 432, Кр., с. 579].

Однокоренное существительное функционирует также в современном турецком языке kıymet – стоимость, цена, ценность. Это слово восходит к арабскому /ḳīma/ – ценность, стоимость, цена [тур. эт.]. Исходным корнем является глагол второй породы /kayama/ – «оценивать» с гименированным согласным звуком после первого коренного. Отметим, что в фусхе, литературном арабском языке, это слово обозначает как денежную, так и духовную ценность.

Родственным является также слово английского языка cain, kain, которое в ирландской и шотландской истории обозначало натуральную оплату, арендную плату произведённой ими продукцией со стороны фермеров. Это слово возводится к шотландскому, гаэльскому (языку кельтов в Ирландии, Шотландии, на острове Мэн) [Кол., с. 629]) cāin – рента [Кол., с. 226]. Ввиду соотнесения данного корня со среднеирландским cāin – закон, существут предположение о

его родственности слову canon. Очевидно, произошло пересечение созвучных корней, поскольку канон – закон является метафорическим переносом от обозначения тростника – прообраза линейки, выступавшим мерилом (подробно первокорень *kon- (*ken-) слова «канон» описан под номером 46 «закон»). В контексте оплаты первичным является значение kain, соотносимое с ценой. «Канон» – «закон об оплате» представляет собой очередной метонимический перенос как дальнейший шаг развития значения, который удаляет, а не приближает к первокорню. Значение ‘оплата, вносимая согласно закону’, очевидно, стало метонимическим переносом по модели действие – его результат (платить за пользование землёй – закон вносить оплату – внесённая плата).

А. Мейе наряду с фактами заимствования данного корня отмечает его генетическое соответствие: «За вычетом слов, сходство которых объясняется заимствованиями, остаётся значительное число таких, которые, принимая во внимание изменения в произношении, определяемые «фонетическими законами», могут быть признаны тождественными. Как авестийское kaēna, древнеславянское /цена/ (через ять), греческое ποινή» [Мейе 1938: 113, 381].

Таким образом, первокорень *kuei- транслирует смысл ‘платить’. Значения трансформировались, однако общий стержень полисемии сохранил сему ‘оплаты’. Посредством метонимического переноса образовалось значение плата – сумма и форма оплаты «цена», «стоимость»; результат действия внесения платы – «платёж», «рента»; плата за последующее обретение товаров и услуг и плата за невозмещённое свершение, потенциальный ущерб – «пеня» (а также «пенальти»). Далее, на основе метафорического переноса сформировалось значение «ценность», «духовная ценность»; базовой точкой, по отношению к которой было осмыслено подобие, стало значение «цена, стоимость». От семы ‘невозмещённое свершение’ на основании метонимии развилось значение «казнь», а на основе метафоры – «каяться», «покаяние», «раскаяние».

62. *Колесо* (по значению соединяется с элементарным действием «вращаться»). Восходит к общеславянскому слову индоевропейского

характера коло – колесо, сохранившемуся в иных славянских языках и диалектах, в древневерхненемецком – kelan «колесо», латинском colus – «прялка», древнеиндийском cárati – «двигаться», в греческом polos – «ось», родственным является также русское слово колобок «круглый хлеб» [Шанск., с. 204, 205], в древнепрусском -kelan в составе maluna-kelan «мельничное колесо», древнеисландском hvel «колесо» [Мельничук, т. 2, с. 509, 514; Труб., т. 10, с. 141; Фасмер, т. 2, с. 289-290]. Из греческого polos через латынь в русский язык было заимствовано слово полюс [Бул., с. 457; Кр., с. 610]. Звуковое соотвтствие к - р. Праславянское существительное коло «круг», которое развилось при изменении е > о из индоевропейского *kuel- – «вращаться». От существительного «коло» в русском языке сохранились слова: кольцо, калач, колея, кольчуга, кольчатый [Цыг., с. 208-209].

Латинское polus происходит от греческого pólos – ость, от глагола pélomai – я вращаю, от индоевропейского корня *kwel- (вращаться, поворачиваться вокруг) [ит. эт., с. 767].

Родственным является слово коляска, заимствованное в русский язык из итальянского calesse [Шанск., с. 207]. В итальянский calesse – кабриолет, двуколка пришло из французского calèche, куда, в свою очередь, проникло из немецкого Kalesche, что отправляет к польскому «коляска», в который данное слово пришло из русского. Эти слова восходят к древнему славянскому корню kolo, колесо [ит. эт., с. 173].

Однокоренным является слово «культивировать», заимствованное в русский язык из поздней латыни через посредничество немецкого, французского [Бул., с. 307; Кр., с. 415]. Слово средневековой латыни cultivare восходит к латыни классической colere (культивировать) индоевропейского происхождения. Однокоренным выступает слово современного итальянского языка colto – образованный, восходящее к индоевропейскому *kwel- (вращаться, поворачиваться вокруг). Составными образованиями от colere являются agricoltura (агрикультура, заимствовано в русский из латыни, [Бул., с. 15; Кр., с. 39]), colonus (в современном итальянском colono – поселенец, колонист, арендатор), clown – клоун. От причастия прошедшего вре-

мени cultus происходит слово cultura, культура, заимствованное в русский из латыни [Бул., с. 307; Кр., с. 415]. Глагол colere, кроме значения культивировать, имеет также моральный оттенок – изучать, овладевать знаниями с заботой и тщательностью, поклоняться культу. По утверждениям софистов, подобно полю следует обрабатывать и взращивать человека. К этому же корню принадлежит английское имя собственное Lincoln от Lindum Colonia [ит. эт., с. 233]. Слово культ, заимствованное в русский из латыни [Бул., с. 307; Кр., с. 415], восходит к cultus от colere – культивировать или поклоняться [ит. эт., с. 280].

Однокоренное слово «клоун», заимствованное в русский из английского [Бул., с. 272, Крысин, с. 364], восходит к латинскому colonus – крестьянин [ит. эт., с. 225], от которого, очевидно, развились значения > сельский > площадной артист: комик, тот, кто кривляется [Кр., с. 364].

Опираясь на указание М. Фасмера о том, что корню «коло» родственно в древнеисландском hvel «колесо» [Фасмер, т. 2, с. 289-290], возможно высказать предположение о соотнесённости с данным корнем слова современного английского языка wheel – колесо, поскольку среди соответствий английскому wheel приводится древнесеверное hvēl; wheel – колесо восходит к староанглийскому hweol, hweowol и соотносится также с нижнесредненемецким wēl, датским wiel [Кол., с. 1747].

Таким образом, первокорень *kuel- транслирует смысл ‘вращаться’. В процессе трансформации значений, изначальным, очевидно, был метонимический перенос действия на предмет: вращаться – колесо, прялка, далее метонимия части от целого породила значение ‘ось’ – то, вокруг чего вращается колесо и прялка. Затем, в результате метонимического переноса, появилось значение ‘полюс’ как точка оси, от которого под воздействием метафорического переноса образовалось значение земной оси после научного обоснования формы земли. Возможно предположить, что вторым этапом метонимии было перенесение действия вращения на обработку земли, далее, в результате метафорического переноса, образовалось значение куль-

туры и культа. Метонимический перенос от семантики обработанной земли дал значение поселенец, затем – сельский житель и клоун. От каждого новообразования идёт цепочка метонимий, что приводит к дальнейшему расхождению значений, общность которых восстанавливается при помощи этимологического анализа и практически не ощущается современными носителями языка.

64. *Колокол* – общеславянское, восходит к *kolkolъ, удвоению звукоподражательного корня *kol- , ol, которое между согласными изменилось в -оло-. В старославянском данное слово было клаколъ. Такое же удвоение наблюдается в древнеиндийском kala-kalas – «беспорядочный шум, крики», литовском *kalkalas – колокольчик, латышском kalada «крик». Этот же корень без удвоения выступает в латинском calāere – восклицать, созывать, греческом kaleō – зову, древневерхненемецком hellan – «звучать», является глухим вариантом корня гол- (глагол, голос). Однокоренным является слово «календарь». [Мельничук, т. 2, с. 518; Цыг., с. 207; Шанск., с. 205-206]. С другой стороны, литовское слово с носовым согласным соответствует древнеиндийскому ‘обруч, кольцеобразное украшение’ и литовскому ‘гусли’. Русское «колокол» в значении ‘головной убор странника’ употреблялось в былинах, возможно, оно сблизилось с этим словом только в результате народной этимологии и подражает греческому, в связи с чем присутствовало также аналитическое описательное наименование «шляпка земли греческой» [Фасмер, т. 2, с. 294].

Слово «календарь» в русский заимствовано из латинского через польский kalendarz [Фасмер, т. 2, с. 166]. Этимологически «календарь» обозначает перечень календ. Календа, в современном итальянском – calendae, происходит от глагола calare – звать, который в греческом (kaléo – я зову) имеет то же значение, восходит к корню *kal- – издавать звуки, имеет соответствия в санскрите: kalas – то, что звучит глухо [ит. эт., с. 173].

Календарь в латыни образовано при помощи суффикса -ārium со значением «вместилище чего-либо» от calendae – созыв, которое восходит к глаголу calāre – «звать». Существительное calendae возникло

с традицией торжественно созывать календы, когда жрецы в древнем Риме объявляли народу о наступлении первого дня нового месяца. Однокоренным является слово коляда – «рождественская обрядовая песня». Слово календарь было заимствовано в средние века, когда закон открытого слога уже не действовал активно, в результате чего en сохранилось без изменения, в то время как в слове «коляда», которое было заимствовано в начальный период общеславянской эпохи, сочетание en преобразовалось в носовой / ę /, который затем у восточных славян дал / ’а /, графическое я [Цыг., с. 184].

Старый юлианский календарь (от Юлия Цезаря) был реформирован папой Григорием XIII и преобразован в грегорианский календарь, в котором было удалено 10 дней с 4 октября 1582 по 15 октября, чтобы восполнить опоздание солнечного календаря по отношению к юлианскому строю. Во избежание подобной ошибки в будущем было принято решение учитывать високосные года [ит. эт., с. 172]. Високосный – каждый четвёртый год, содержащий 366, а не 365 дней за счёт 29 вместо 28 дней в феврале. Название происходит от искажённого латинского bissextus – дважды шестой, то есть год с двумя шестыми числами перед мартовскими календами в летоисчислении древних римлян [Куз., с. 133].

В современном испанском языке однокоренное слово calendas от латинского calendae с пометой исторического, словарная форма которого представлена во множественном числе, функционирует как фразеологически связанное: «dejar para las calendas griegas» отложить до греческих (или грегорианских – по совпадению в звучании) календ, откладывать в долгий ящик [Большой испано-русский словарь 1997: 200]. В испанском языке слово calendas фиксируется с 1295 в значении «первый день каждого месяца», от которого развилось значение ‘период времени’, ‘то время’ [исп. эт., с. 99].

Опираясь на приведённый факт соответствия латинского calāere древневерхненемецкому hellan – «звучать», глухому варианту корня гол- в русском глагол, голос, можно сделать вывод о том, что однокоренным предстаёт также слово современного английского языка to call – глагол «звать», (звонить по телефону), которое восходит к

староанглийскому ceallian, соотносящемуся с древнесеверным kalla, старославянским glasŭ – голос [Кол., с. 229].

Однокоренным является слово современного итальянского языка chiamare – звать, звонить по телефону, восходящее к латинскому clamare от темы *clama. Корень *kla- присутствует также в calere (calende), в греческом kaléo, в германском, славянском, индийском ареалах. К этому же корню восходит итальянское слово chiesa (церковь), от латинского ecclesia, от греческого ekklesia – ассамблея, собрание, от того же корня *kla- , что и в clamare [ит. эт., с. 211, 212]. От указанного корня образовано испанское существительное iglesia – церковь, происходящее от существительного народной латыни eclesia, которому соответствует классическое латинское ecclesia [исп. эт., с. 308].

Общеславянское «голос» имеет характерное для восточнославянских языков полногласное сочетание -оло-. Праславянское *golsъ «голос» образовано с помощью предметного суффикса -s-o от звукоподражательного индоевропейского корня *gol- (*gal-) «звучать, издавать звук», ему соответствуют литовское garsas «звук» (r : l); древнесреднегерманское kals (k < g) «требование», современное немецкое gellen «резко звучать», английское call (c < g) «зов, оклик» [Цыг., с. 105].

Глагол со значением ‘речь’ был заимствован из старославянского языка. Он образован при помощи сложения удвоенного звукоподражательного комплекса гол. В *gol-golъ в результате развития неполногласия ol > ла [Шанск., с. 104]. Таким образом, наблюдается редупликация *gol-golъ как *kol-kolъ в слове «колокол».

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, обнаружение общеиндоевропейских слов, обозначающих музыкальные инструменты, могло бы служить указанием на то, что обраядовые песнопения исполнялись обычно при музыкальном сопровождении. Одним из таких слов является, в частности, индоевропейская форма *g[h] olg[h]ol- , хеттское galgalturi- , обозначающее ‘цимбалы’ или определённую разновидность ударных инструментов и сопоставимое этимологисески с древнеиндийским gárgara- ‘музыкальный инструмент’

и с общеславянским *golgolŭ ‘слово’, ‘речь’, ‘звучание’ даёт основания предположить для общеиндоевропейского редуплицированную основу *g[h]olg[h]ol- (возможно, звукоподражательного характера) в значении некоторого музыкального инструмента [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 837].

Первокорень *gol- (*kol-), очевидно, является ономатопеическим по происхождению и транслирует смысл звука. Изначально звука, не наполненного содержанием, подобно глухому крику или звону колокола. Далее, очевидно, звук стал использоваться в качестве знака созыва слушателей, в результате чего произошёл метонимический перенос действия (звать) на предмет, реалию, его производящий, – колокол, голос. Посредством метонимии nomina loci возникло значение место созыва, собрания, далее – место культовых встреч – церковь. Затем метонимические переносы устремили развитие значений в разных направлениях. От переноса созыв – его функция (сообщить о начале месяца) возникло значение календарь – список дней месяца. А от метафорического подобия созыв – звук, наполненный смыслом, появилось значение связной речи (глагол), зова call, и, с возникновением современной техники, в английском возникло значение «телефонный звонок» и подобные ему, связанные с действием аппаратов.

65. *Кормить*, корм – общеславянское, имеет соответствия в индоевропейских языках: в ирландском curim «пиво», в латыни cremor «густой сок», в галльском koarmi «род пива». Однокоренным является слово «скоромный» [Фасмер, т. 2, с. 329; Шанск., с. 212].

В современном английском языке однокоренное слово cream имеет значения сливки, крем и восходит к старофранцузскому cresme, от позднелатинского crămum кельтского происхождения. На него повлияло позднелатинское chrisma – смесь оливкового масла и бальзама, используемая для священного смазывания в греческой православной и римской католической церквях [Кол., с. 373]. Кельтское происхождение отмечается в этом же корне слова crema испанского языка, куда оно пришло из гало-латинского crama, которое встречается в текстах Франции с VI века [исп. эт. с. 156].

В современном итальянском функционирует слово crema – крем, восходящее к французскому crème, от позднелатинского crama, галльского происхождения, пересёкшегося с chrisma, греческим словом со значением ‘масла для намазывания’ [ит. эт., с. 272]. Однокоренное слово современного итальянского языка cresima – конфирмация, миропомазание, освящение происходит от указанного греческого слова chrisma, от chríein – намазывать, индоевропейского происхождения. Параллельной формой cresima в итальянском выступает слово crisma – освящённое масло, которое фиксируется в средневековой латыни, в X веке оно имело значение медицинской мази, без церковной коннотации [ит. эт., с. 273, 274].

В современном арабском языке слово крем функционирует в сходной звуковой оболочке /krima/ и является заимствованным. В турецком слово krem обозначает крем косметический, а krema – продукт питания, оно пришло в турецкий из французского, в котором также отмечается кельтское происхождение [тур. эт.]. Следовательно, прослеживается общий кельтский первоисточник заимствования.

Отметим, что слово «кремация» является созвучным, обозначает действие сжигания, но имеет иное происхождение, оско-умбрийское, поскольку именно эти народы использовали данную форму погребения на территории Италии [ит. эт, с. 272]. Слово было заимствовано в латынь, откуда распространилось в другие языки

На основании значения ‘питать’ возможно предположить родственность с данным корнем итальянского слова cereale – злак, зерновые, которое в форме множественного числа восходит к латинскому cerealis от имени богини Цереры, научившей людей выращивать и обрабатывать пшеницу. От Ceres происходит имя Cerere – Церера, которое восходит к корню *cerus, произошедшего от *kere- с исходным значением «создавать» и последующим – «питать» [ит. эт., с. 207]. Связь имени богини Цереры с праславянским *keres- отмечает также А. С. Мельничук. Учёный сближает корни слов «корм» и corim – «пиво» в ирландском языке, ссылаясь также на О. Н. Трубачёва [Мельничук, т. 3, с. 28]. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов дают

данный корень k[h]r-em- со значением похлёбки, приготовленной на огне. Этот корень прослеживается в древнеиндийском karam-bhá ‘каша из ячменя’, в латинском cremor ‘слизкий густой сок’, в древнеирландском coirm ‘пиво’, русском корм [Гамкрелидзе, Иванов1984: 703].

От корня *kere- происходит также слово «креатив», присутствующее в современном английском create – создавать, которое восходит к латинскому creāre – производить [Кол., с. 373]. Латинское creāre восходит к корню *kere- , от которого пошло латинское crescere – расти, давшее испанское слово criollo – слуга, выросший в доме хозяев [ит. эт., с. 271, исп. эт., с. 157].

В. Г. Скляренко связывает корень латинского creāre с тем, что в словах краса, воскресение (природы, а также с последующим религиозным переосмыслением: «Характерно, що воскресіння Христове також припадає на час оживання природи, на весну» [Скляренко1997: 15]). Сакральний контекст воскрешення соответствует церковной коннотации греческого khrisma, с которым также связано имя Христа как Помазанного.

Таким образом, первокорень *kr- транслирует смысл ‘питать’. Между двумя действиями «питать» и «мазать» более простым представляется «мазать», поэтому, очевидно, изначально произошёл метонимический перенос действие – его результат и сформировалось значение ‘питать’, а также ‘растить’, ‘создавать’. На базе метонимического переноса питать – продукт, который питает, сформировалось значение пива, масла, сока, а также зерна. Далее метонимия вещество – обстоятельства его использования придала маслу церковную коннотацию, на основании которой масло, используемое в церкви, обрело сакральное значение, и слово cresima от обозначения вещества было перенесено на название обряда, в котором оно использовалось – конфирмация, миропомазание, освящение. Подобное перенесение предмета на культ, с ним связанный, прослеживается в образовании имени богини Цереры и её осмысления как культурного героя, научившего обрабатывать зерно.

77. *Лизать* – общеславянское, индоевропейского характера, имеет соответствия в армянском lizem – «лижу», греческом leichō с

тождественным значением, в немецком lecken – лизать [Мельничук, т. 3, с. 231; Труб, т. 15, с. 162; Фасмер, т. 2, с. 494-495; Шанск., с. 240].

В современном английском функционирует однокоренной глагол lick, который восходит к староанглийскому liccian и соотносится с древневерхненемецким leckon, латинским lingere, греческим leikhhein [Кол.,с. 898].

Основываясь на латинском соответствии lingere, возможно констатировать, что в современном итальянском языке функционирует однокоренной глагол leccare – лизать. Он восходит к слову народной латыни *ligicare, к классическому lingere. Последнее является древнейшим словом индоевропейского происхождения. Однокоренным являются греческое leícho, немецкое lecken, провансальское lekar, французское léscher, голландское likken, албанское lepij, сербохорватское lizati. Этот корень *lih- прослеживается также в санскрите lihanti [ит. эт., с. 565].

В латыни с глаголом lingere – лизать связано слово lingua язык как орган и как речь. Lingua происходит от индоевропейского корня *dngwa- , которому соответствуют немецкое Zunge, английское tonge, готское tuggo, румынское limba, провансальское lengua. Более древней латинской формой было dingua (где d становится l под сабинским влиянием) [ит. эт., с. 579].

По поводу немецкого Zunge Г. Пауль пишет следующее: « … с точки зрения Вундта … органы человеческого тела, имеющее отношение к образованию звуков языка, а также и движения этих органов обознчаются словами, артикуляция которых и происходит при помощи этих же органов и при помощи этих же движений. По мнению Вундта, таким образом возникли, например, немецкие слова essen «есть», blasen «дуть», Mund «рот», Zunge «язык» [Пауль 1960: 222]. И. А. Бодуэн де Куртене приводит название языка и связанные с ними фразеологизмы у разных народов в работе «Язык и языки» [Бодуэн 1963: т. 2, с. 67].

Английское слово tonge восходит к староанглийскому tunge и соотносится с древнесаксонским, древнесеверным tunga, древневерхненемецким zunga, латинским lingua [Кол., с. 1622].

Однокоренным является также топоним Languedoc – название области в Южной Франции [Фасмер, т. 4, с. 550]. В. М. Иллич-Свитыч отмечает индоевропейский корень *dnĝhū / *jnĝhū в слове «язык» [Иллич-Свитыч 1967: 373].

Латинскому lingua родственно русское язык. Звуковое соответствие j – l, z – g. Русскому языку отвечает также древнеиндийское jihvā – язык (звуковое соответствие z – h). Существует предположение, что праславянское *jezyk происходит от индоевропейского корня *eng- «узок» – того же, что в слове «узок» [Цыг., с. 564]. М. Фасмер указывает на затруднительность данного фонетического отношения и предполагает действие языкового табу [Фасмер, т. 4, с. 550].

Таким образом, первокорень *dnĝhū / *jnĝhū транслирует смысл ‘язык’. Значения трансформировались на основании метонимического переноса предмет – его действие – лизать, а также – говорить, затем имел место перенос действие «говорить» – то, что говорится» – «речь» и «способность передавать и хранить информацию» – язык. Человеческая речь в сознании носителей разных языков связывается с органом речи – языком, без которого произнесение слов невозможно. Метонимия язык – орган речи – язык в значении речи прослеживается у многих народов.

79. *Мазать* – древнеславянское слово, сохранившее своё первоначальное значение, ему имеются соответствия в индоевропейских языках: в греческом massō «мешу, давлю, мну», а также magis – тесто, в немецком machen – делать, английском to make – делать [Труб, т. 18, с. 23; Фасмер, т. 2, с. 557-558, Цыг., с. 252: Шанск., с. 252]. В украинском языке, по замечанию А. С. Мельничука, производным от мазать выступает слово мазепа: «неохайна, грубувата людина або нерозумна людина»; – бр. [мазэпа] «замазура», п. mazepa «плаксій; розшелепа, нечупара, замазура»; – похідне утворення від мазати «бруднити» [Мельничук, т. 3, с. 359].

Однокоренной глагол современного английского языка make восходит к староанглийскому macian и соотносится с древнефригийским makia – строить, конструировать, датским maken, немецким machen – делать [Кол., с. 943].

От глагола *mazati в праславянский период было образовано существительное *mazslo – ‘то, чем мажут’ [Фасмер, т. 2, с. 578] при помощи суффикса *-slo со значением «орудия действия». Первоначальное *mazslo обозначало «то, чем мажутся, натираются»; в результате упрощения группы согласных zsl > sl изменилось в «масло». С последним в этимологическом родстве состоит слово «масть» в значении «цвет», современная форма которого развилась из праславянского *maz-tь «жир» в результате изменения / zt / в / st /. От этого существительного в древнерусском языке был образован глагол мастити «мазать жиром, глиной». От глагола мастити произошло причастие маститый – помазанный», которое в дальнейшем стало восприниматься как одинаковое по структуре с прилагательными «именитый, знаменитый» [Цыг., с. 252].

Основываясь на приведённом однокоренном слове греческого языка со значением «тесто» [Фасмер, т. 2, с. 578], возможно предположить, что родственным является слово масса. Латинское massa восходит к греческому mâza – тесто. В итальянском языке от средневековой традиции называть словом massa ферму, произошло massarius – фермер, сохранившееся в форме женского рода massaia – хозяйка. В современном быту Сицилии в речи старшего поколения возможно услышать оценочное «массаро» по отношению к человеку, который умеет решать проблемы и не боится трудностей. Очевидно, это значение развилось по цепочке фермер – хозяин – хозяин положения. Однокоренным является итальянское madia – квашня, которое восходит к слову из народной латыни *magida – большая тарелка, от греческого magis – в форме винительного падеже magída, от глагола mássein – замешивать [ит. эт., с. 594, 616].

Возможно, корню *magida (большое блюдо) родственно арабское /māida/ обеденный стол. Отметим, что в быту бедуинов, речь которых наиболее близка к литературному арабскому, стол, на котором готовят, – это большой деревянный круг, за которым в процессе приготовления пищи сидят. Если данное предположение верно, то очевидно, что произошел перенос значения в наименовании круглой доски, а затем – круглого блюда.

Однокоренным является также «магма» – расплавленная огненная масса, образующаяся под воздействием высокой температуры и давления в глубинных зонах Земли, заимствованное в русский из греческого с исходным значением magma – густая мазь, тесто» [Бул., с. 331; Кр., с. 451].

По семантике и звуковому оформлению с данным корнем сближается заимствованное в русский язык через идиш из древнееврейского слово «маца» – название пресного хлеба из пшеничной муки в виде тонких сухих лепёшек, выпекаемого по еврейскому обряду к Пасхе [Бул., с. 344; Кр., с. 469]. В английском оно транслитерируется как matzo, matzoh, matza, matzah и возводится к древнееврейскому matsāh [Кол., с. 965]. Название данной реалии культуры было заимствовано в разные языки, в том числе в украинский маца, болгарский маца, польский maca, немецкий Matze [Фасмер, т. 2, с. 585].

Этимологически в иврите маца, множественное число мацот, буквально обозначает «выжатое», «лишённое влаги».

Отметим, что в другом семитском языке – арабском присутствует глагол со значением мазать /mazadja/, от которого происходит существительное «смесь» – /mazidj/ (мазидж), что сближается по семантике и звуковому оформлению с русским «мазать», однако этимологических доказательств этой связи, зафиксированных в этимологических словарях, обнаружить не удалось. Лишь гипотетически можно считать указанный арабский глагол проявлением первокорня.

С рассматриваемым корнем *mak- (*mah- , *maz-) по семантике и звуковому оформлению сближается и, очевидно, является родственным итальянский глагол ammaccare – сплющить, сдавить, которое происходит от народной латыни *maccare с приставкой a(d)- , от корня ономатопеического происхождения *macca – замешивание, смесь. В древнем итальянском maccо обозначало кушание из варёных бобов, лущенных и измельчённых. Это слово присутствует в сицилийском диалекте – maccu. От этого же корня происходит слово макароны – maccheroni (maccherone). Название макарон связывается также с именем Маккуса (Maccus), которое также восходит к данному корню [ит. эт., с. 61, 591]. Маккус (Мак-простак) – персонаж, изо-

бражающий обжору, из «Ателланы», фарсовых сценок в духе буффонады, названных по городу Ателла в области Италии Кампанье, где они зародились. Другая гипотеза о происходжении слова maccherone связывает его с греческим makários – блаженный, счастливый, изначально – бульон из ячменя. Предполагается, что эта еда потреблялась на траурных, похоронных банкетах.

Однокоренным является также итальянское maccia – пятно от macula. Производным выступает immaccolato – незапятнанный, непорочный от латинского immaculatus с приставкой отрицания in-maculatus (запятнанный) [ит. эт., с. 61, 477, 591]. Это слово терминалогизировалось в христианстве в устойчивом сочетании «непорочное зачатие» – immacolata concezione.

В. М. Иллич-Свитыч указывает на присутствие корня слова «мазать» в ностратических языках. Его второй вариант «мазать глиной» *śiw^ [Иллич-Свитыч 1967: 348] прослеживается в современном турецком языке sıvı – жидкость, sıva – штукатурка, глагол sıvmak – замазывать, заделывать. Корень трактуется как исконно тюркский, восходящий к слову su (вода) < *sı- прототюркского происхождения [тур. эт.].

Семантика и фонетический облик корня *mak- обращают внимание на древнеславянское «мокрый». Оно образовано при помощи суффикса -р-ъ. Ему соответствует глагол мокати, котороый в русском языке вследствие аканья принял вид макать. Первоначальное значение праславянского корня мок- – «нечто влажное» [Цыг. с. 268-269]. Макать является каузативом к мокнуть, гласный корня выступает на иной ступени чередования о/а [Шанск., с. 253]. Однокоренным является слово «моча», а также литовское makone «лужа», maknoti «идти по грязи» [Фасмер, т. 2, с. 640-641].

Таким образом, первокорень *mak- (*mah-, *maz-) транслирует смысл действия ‘делать, формировать из эластичного (мокрого, вязкого) материала’, преобразования вещества с целью его приготовления и употребления как наружного, так и внутреннего – ‘мазать, замешивать, давить, выжимать’. Значения трансформировались в результате метонимического переноса «действие – его результат, то,

что изготовлено» – масло, тесто, маца, макароны; затем осуществился метонимческий перенос «продукт – место его нахождения» – квашня; «тесто – еда вообще – тот, кто ест – обжора – персонаж Макус». На основании подобия пятну от пищи или масла возникла лексическая метафора «пятно» от чего-либо, «запятнанный» и отрицательное – «незапятнанный» в духовном смысле. Метафорический перенос подобия «мазать – менять цвет» породил значение «масть» и последующее переносное значение «маститый». Метафора подобия тесту, месиву дала значение «магма».

85. *Мнить* (думать) – общеславянское, индоевропейского характера. В праславянском *mьnĕti «мыслить, помнить» содержится индоевропейский корень *mьn- (*men-) «ум, мысль». Ему родственны латинское mēns, mentis «разум, рассудок»; греческое mnēme «память», древнеиндийское mánas «ум», литовское manýti – «понимать, думать».

Глагол мнити > мнить возник в результате исчезновения слабого гласного / ь / и конечного безударного / и /. Под влиянием форм настоящего времени мнишь, мнит ять в инфинитиве изменился в / и /. Однокоренным является также общеславянское «память», образованное с помощью приставки па- от существительного *mьnt̆ь (> мять), производным с суффиксом -ть от основы мьн- , той же, что в слове мнить [Мельничук, т. 3, с. 490; Фасмер, т. 2, с. 633; Цыг., с. 267; Шанск., с. 267, 324]. По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, «Для обозначения класса ‘говорящих’ или (что то же самое) ‘разумных существ’ в древнейшей индоевропейской традиции могло применяться название, образованное от лексемы *men- » [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 472].

Опираясь на родство латинского mēns, возможно сделать вывод о том, что в современном итальянском функционирует однокоренное слово mente – ум. Оно восходит к латинскому mens, от meminisse – помнить, от корня *men- (думать, помнить), который широко распространён в индоевропейском ареале. Он присутствует в санскрите mati- – мысль, mentiri – лгать. Корень mens обозначал «лгать осознанно», а сочетание mendacium dicere обозначало

врать неосознанно. От men происходит matos (своей головой), как в греческом automatos и maínomai – я прихожу в бешенство, от которого происходит mania – мания [ит. эт., с. 626]. Слово мания было заимствовано в русский язык из греческого manía – безумие [Бул., с. 338; Кр, с. 460]. Ему имеются соответствия в санскрите manyu – нев, раздражение, от того же корня происходит слово санскрита manas – дух, ум [ит. эт., с. 607].

Однокоренное прилагательное функционирует в современном английском: mental – умственный, ментальный, которое восходит к позднелатинскому mentālis, от латинского mēns – ум [Кол., с. 977].

А. Мейе указывает на то, что «…корень *men- «думать», от которого не образуется … ни одной корневой формы без суффикса, представляет следующие основы, засвидетельствованные по крайней мере двумя языками: … *mn-tei-: в санскрите matíh, mátih «мысль», латинское mens «ум», древнеславянское / (па-) мять (через юс малый) /, литовское (at-)mintis «память», готское (ga-)munds «память» [Мейе 1938: 265]. А также, говоря о типе спряжения, автор приводит пример с указанным корнем: «С установлением типа спряжения, сначала сложного, как в древнегреческом, потом более простого, постепенно сведённого к двум словам, имена перестают непосредственно связываться с корнями: они…изолируются как латинское mens «ум», которое уже не имеет ничего общего ни с monēre «увещевать», ни с reminiscor «припоминаю», comminiscor «придумываю» [Мейе 1938: 428]. О. Н. Трубачёв связывает корень *men- с названием народа Норманнов [Трубачёв 2005: 43].

Таким образом, первокорень *men- транслирует смысл ‘мыслить’. Значения трансформировались без больших расхождений. На основании метонимического переноса «действие – его результат» сформировались значения мысль, память; «действие – его носитель» – ум; а также – вторичный метонимический перенос объект – производимое им действие» – лгать, приходить в бешенство, маниакально воспримимать что-либо, иметь манию. Отметим, что в культурологии, когнитивной лингвистике и других современных науках однокоренные слова «менталитет», «ментальность» обрели терминологическое значение.

83. *Меркнуть* – общеславянское, суффиксальное производное с суффиксом -нуть от глагола меркать, восходящего к *mьrkti. Глагол *mьrkti родственен латышскому mirklis – «мгновение», «миг», немецкому Morgen – «утро», готскому maurgins «утро», древневерхненемецкому, древнесаксонскому morgan с тождественным значением. Однокоренными являются слова мрак, мерцать, сумерки [Фасмер, т. 2, с. 605; Шанск, с. 263]. Существительное сумерки восходит к корню морокъ, который развился из праславянского *morkъ (<*merkъ) «темнота». На восточнославянской почве в нём сочетание *-or- между согласными изменилось в полногласное сочетание – оро- . Праславянское *morkъ (<*merkъ) происходит от индоевропейского *merqu- с тождественным значением, которому соответствует древнеиндийское markàs «затмение», литовское mérkti «зажмуривать глаза». Однокоренным является слово «обморок» [Цыг., с. 302].

С чередованием гласных в «меркнуть», «мерцать» связано слово мрак, морок, которому сооветствует болгарское мракът «мрак, темнота», литовское markstyti «мигать», готское maurgins, древневерхненемецкое morgan «утро». Слову мерцать, меркнуть родственен глагол моргать. Ему соответствуют литовское murgai «видения, грезы», древнеисландское myrkr «темный» [Фасмер, т. 2, с. 652, 657]. От того же корня, что и в слове «мерцать», образовано «мечта». Оно заимствовано из старославянского мьчьта, образовано с суффиксом -ьта, первично значение – призрак, видение. От той же основы, что и в словах мрак, мерцать, меркнуть, образовано слово «морока». Первичное *morka в восточнославянском языке изменилось в moroka. Образовано от существительного мора – «мрак, тьма, потёмки» посредством суффикса -ка. От *morkъ после развития полногласия в восточнославянских языках, изменившегося в морокъ, образовано морока и глагол морочить [Шанск., с. 264, 271, 272].

В современном английском языке функционирует однокоренное morning –утро, которое происходит от morwening из morn, сформированного по модели evening. Слово morn является поэтическим эквивалентом morning – утро. В шотландском оно выражает понятие «завтра». Данное слово восходит к древнеанглийскому morgen

и соотносится с древневерхненемецким morgan, древнесеверным morginn [Кол., с. 1016].

Аналогично шотландскому значение утро / завтра пересекаются в испанском, в слове mañana, которое обозначает утро и как наречие – завтра. Оно восходит к народной латыни *maneana, сокращению от hōrā *maneānā – раннее утро, произошедшее от mane – завтра. В наречном значении «на следующий день после сегодняшнего дня» говорилось cras как в латыни, cras mañana – «рано утром», которое впоследствии, в XV веке, сократилось до mañana [исп. эт, с. 356].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово mattina – утро, производным которого является mane – утро. Mattina – утро происходит от латинского hora matutina, mattino – утро, от латинского tempus matutinum. В латыни matutinus происходит от имени Matuta, богини утра и зари, имя является производным женского рода от мужского *matutus от *matus, от корня *ma- (мера), который прослеживается в словах maturus – спелый, зрелый, manis – хороший, от которого образовалось слово среднего рода mane – утро со значением хорошее время [ит. эт., с. 618].

Таким образом, первокорень *merqu- транслирует смысл ‘момент смены темноты и света’. Значения трансформировались на основании метафорического переноса «подобно темноте делаться тёмным» – меркнуть. Действие меркнуть отображает процесс затемнения, который совмещает в себе и свет и темноту, подобно чему было образовано значение «мерцать». Следующий метафорический перенос был произведён на основании подобия данному природному действию действия человеческого – мигать глазами. Из череды мигов был выделен один миг, мгновение и был осмыслен как период времени погружения во тьму, что дало значение «обморок», а также светлый период времени – утро. Отметим, что когда действие природное переносится на действие человеческое, имеет место метафора, а не метонимия, подобие, а не смежность.

84. *Месить* – общеславянское, индоевропейского характера. Ему соответствуют литовское maišyti – «мешать», латинское misceo – «смешиваю», немецкое mischen – мешать, смешивать, английское to

mix – мешать, смешивать, древнерусское месить после изменения ять в / е / и утраты конечного безударного / и /; а также древнепрусское maysotan «перемешанный», ирландское mescaim с тождественным значением, древневерхненемецкое miscan «мешать», средневерхненемецкое meisch «хмельной мед», норвежское meisk «смесь». Однокоренным является слово месить от несохранившегося мехать – мешать [Мельничук, т. 3, с. 482; Фасмер, т. 2, с. 606-607; Шанск, с. 263, 265].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово mix, которое происходит от mixt – смешанный, пришедшее через старофранцузский из латыни mixtus от miscēre – смешивать [Коллинз, с. 1001].

В современном итальянском присутствует производный от miscēre глагол mischiare – смешивать, аналогом которого в разговорной латыни было *misculare с тождественным значением [ит. эт, с. 640].

Однокоренным является слово «микстура», заимствованное из латыни mixtira «смесь» [Бул., с. 362; Кр., с. 487; Фасмер, т. 2, с. 621], а также другие слова, заимствованные в русский через английский (например, миксер) [Кр, с. 487].

Таким образом, первокорень *mis- (*mes-) транслирует смысл ‘мешать, смешивать’, значения которого трансформировались на основании метонимического переноса действие – его результат: смесь, микстура; действие – орудие, его выполняющее, – миксер.

Отметим, что однокоренные слова, вернувшиеся в русский язык в инородной огласовке заимствования, имеют терминологическое либо узкое контекстуальное значение (например, микстура, микс, ремикс, миксер).

88. *Мурлыкать* – собственно русское, образовано при помощи суффикса -кать от звукоподражательного мурлы, воспроизводящего звуки кошки. Звукоподражательное мурлы представляет собой распространение также звукоподражательного мур или мур-мур, которому родственны немецкое murmeln – бормотать, латинское murmurare – бормотать, турецкое myrla –мурлыкать, бормотать, myr – мяукание [Мельничук, т. 3, с. 538; Фасмер, т. 3, с. 13; Шанск, с. 276].

Однокоренным является турецкое mırlamak – мурлыкать,

mırıldanmak – бурчать, бормотать ономатопеического происхождения [тур. эт.].

В итальянском языке функционирует однокоренное слово mormorare от латинского murmurare от murmur ономатопеического происхождения, образовано редупликацией звукоподражания текущей воды, ветра. Этот корень содержится во всех индоевропейских языках. Ему соответствует слово санскрита marmaráh, греческого mormýro [ит. эт., с. 652].

Таким образом, первокорень *mr- (mur-, mor-, mır-) транслирует смысл подражания зукам природы, которым свойственно журчащее течение, что передаётся редупликацией. Значения этих звуков человеческой речи трансформировались в приложении к звукам, издаваемым довольным котом, водой, ветром, а также словам, нечётко произносимым человеческим голосом. Соотнесение человеческого бормотания со звуками природы является последующим шагом звукоподражания, хотя и сама ономатопея метафорична, поскольку несёт в себе осмысление подобия.

93. *Обитать* – заимствовано из старославянского языка, в памятниках отмечается с XI века. Образовано от глагола витати при помощи приставки об- . Первоначальное значение глагола витати – ‘жить, занимать место’. Старославянской глагол обвитати «обживать, жить» получил значение ‘пребывать где-либо’, слово претерпело упрощение / бв > в /. Однокоренным является глагол витать, древнее славянское слово. Первоначальное значение ‘занимать место, жить’ развилось в «парить». «Витати» образовано при помощи суффикса -ати от существительного *vita, имеющего соответствия в балтийских языках, например, в литовском vietà – место. Семантика ‘парить’ развилась из значения «жить» в выражениях типа «витать в облаках», «витать в пространстве». Однокоренным является слово «обитель», заимствованное в русский из старославянского языка [Фасмер, т. 1, с. 321, т. 3, с. 101; Цыг., с. 73, 301; Шанск, с. 83, 297].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное существительное vita – жизнь, которое восходит к латинскому vita(m) от vivus, восходящего к индоевропейскому *vivita. Глагол

vivere – жить происходит от латинского vivere, от корня *gweye- . Ему соответствуют слова санскрита g'îvâtum – жить, g'ivaka – живущий, животное, g'îvâtu (жизнь, питание), готского qvius (живущий), древнем скандинавском kvikvendi (животное), старославянском живу, литовском givenú – я живу, греческом bíos – жизнь [ит. эт., с. 1057, 1059]

Таким образом, первокорень *vi- транслирует смысл 'жить, занимать место'. Значения трансформировались на основании метонимического переноса занимать место – пребывать, жить; результат действия – жизнь; носитель признака, живущий – животное, а также nomina loci – место обитания; необходимое условие существования – питание. Метафорический перенос дал значение витать, парить.

94. *Обонять* – заимствовано из старославянского языка. Образовано при помощи приставки об- от воняти / бв > б /, суффиксального производного от «вонь». Вонь – общеславянское по происхождению, образовано с помошью суффикса -j- от той же основы, что и латинское animus – дух, древнеиндийское anas – дуновение, греческое anemos – ветер, готское andi «дух». Вонь из *onjъ – в результате развития протетического /в/. Первоначальное значение – запах [Фасмер, т. 1, с. 349, т. 3, 105; Цыг, с. 81; Шанск/, с. 66, 299].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово anima – душа. Латинское anima женского рода обозначает дыхание, в мужском роде animo – дух, что восходит к animus со значением благодетель, доблесть. Слова anima и animus восходят к греческому ánemos – ветер и санскриту ánimi – я дышу, дую, anas – дыхание, anilas – ветер. Родственно также готское anan – дышать, слегка веять. Корень *an- имеет значение дуть, веять [ит. эт., с. 69].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова: «Наличие двух лексем в индоевропейских диалектах со значением «дышать», дух *d[h]eu- и *anH- может указывать на возможные первоначальные семантические оттенки значений этих лексем. Связываемое с первой лексемой в исторических индоевропейских диалектах значение 'задыхаться', 'тяжело дышать', 'выдыхать', 'дохнуть' при отсутствии этого оттенка во второй лексеме могло бы соотноситься с разными

моментами физиологического акта вдыхания и выдыхания. Индоевропейское *d[h]eu ‘выдыхание’ приобретает естественно и значение ‘удушья’, ‘последнего выдыхания’, ‘смерти’ при *anH- ‘вдыхание’ (с развитием значения ‘обоняемый запах’). От этих корней могло быть образовано общее наименование для всего класса одушевлённых существ в древней индоевропейской традиции [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 467].

Таким образом, первокорень *an- транслирует смысл ‘дуть, веять’. Значения трансформировались на базе основного признака живого организма – дышать. Метафорический перенос, наделяющий духовными качествами живое существо, породил значения душа и дух. На базе смысла движения воздуха образовались значения ветра и, очевидно, воздуха, окрашенного запахом.

99. *Орало* – общеславянское по происхождению, образовано с помощью суффикса * -dlo (> ло) от orati – пахать, деривата посредством суффикса -ati от *orti индоевропейского характера. Данному корню соответствуют литовское árti – пахать, готское arjan, латинское arare – с тождественным значением, армянское araur, ирландское arathar – плуг. Орало является однокоренным со словом рало, праславянского происхождения *ordlo [Мельничук, т. 4, с. 207; Труб, т. 32, с. 106; Фасмер, т. 3, с. 439; Шанск, с. 312].

В современном итальянском языке функционирует однокоренной глагол arare – пахать (в испанском – arar). Он восходит к латинскому arare, от индоевропейского корня *aro- , предположительно от ere- – грести, буквально ‘грести на земле’ [ит. эт., с. 82].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, индоевропейский корень *Har- ‘обрабатывать землю’, ‘пахать’ отображён в хеттском harš- ‘обрабатывать землю на посев’ , тохарском A, B āre ‘плуг’, латинском arō ‘пашу, обрабатываю землю’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 687-688].

О том, что европейские языки имеют одинаковый корень для обозначения действия «пахать», пишет А. Мейе: «…засвидетельствованный древнеславянский … , литовский ariù, готский arja, ирландский airim, латинский arō, греческий αρόω и даже в армянском

есть слово araw «плуг» – латинский arātrum. Но индо-иранский не знает этого слова, по-видимому, потому, что племена, говорившие на индоиранских языках, утратили его в переходный период кочевой жизни» [Мейе 1938: 388]. Наличие данного корня в языках яфетической семьи отмечает Н. Я. Марр [Марр1931: 53].

К корню ere- – ‘грести’ в итальянском восходит слово remo – весло, которое в латыни имело форму remus. Его предшествующая реализация *retmos восходит к корню *ere- , тому же, что и в arare. Данный корень присутствует в индоевропейском ареале. Ему имеются соответствия в санскрите aritras – тот, кто толкает, aritá – гребец; в греческом eretmón – весло, eréssein – грести; в латыни ratis – плот, германском, кельтском, древневерхненемецком ruodar – весло, немецком Ruder – весло [ит. эт., с. 831].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, индоевропейское слово *erH- / *reH- , обознеачающее плаванье в лодке или на корабле с помощью ‘вёсел’, сохраняется в исторических диалектах в форме древнеиндийского ведического aritra- – весло, aritár- – гребец, латинском rēmus – весло, древнеирландском rá- – грести, imbrá- – грести, плыть на кораблях, древнеисландском róa, древнеанглийском rōwan – грести, древневерхненемецком ruodar (немецком Ruder), прусском artwes – плаванье на корабле [Гамкрелидзе, Иванов1984: 675, 870].

Таким образом, первокорень *ere- транслирует смысл ‘осуществлять гребущее действие’, которое конкретизируется: по воде и по земле. Возможно предположить, что обрабатывание земли появилось позже плавания. Однако метонимические переносы от обоих действий одинаковы: nomina strumenti – весло, плуг, nomina agentis – гребец, пахарь, название самого действия – пахота и плавание на корабле, перенесение названия на предмет, выполняющий сходную функцию, – плот.

100. *Ориентироваться* – собственно русское, возвратная форма к «ориентировать», передающему французское orienter – суффиксальное производное от orient – ‘восток’, ‘восходящее солнце’, которое происходит от латинского oriens, orientis – уффиксального

образования от oriri – «подниматься, восходить». Ориентироваться буквально обозначает ‘устанавливать своё местонахождение по солнцу’ [Мельничук, т. 4, с. 212; Фасмер, т. 3, с. 152; Цыг., с. 316; Шанск, с. 313; Кол., с. 1101].

Латинское oriens от глагола oriri – возникать, восходить, причастие настоящего времени oriri от темы *or-, которое присутствует в греческом órnymi – я возникаю, я поднимаю, в санскрите ему соответствует rtah [ит. эт., с. 705].

Однокоренным является заимствованное в русский из латыни через немецкий [Бул., с. 409, Кр., с. 548] слово «оригинал» от oriri – выходить, появляться о звёздах [исп. эт, с. 401]. К тому же корню восходит слово «абориген», заимствованное в русский из латыни через французский, буквально обозначает ab origine – «от начала» [Бул., с. 6, Кр., с. 28]. «Aborigeno» присутствует также в современном итальянском. Это слово восходит к латинскому множественному числу Aborigines, названию первых жителей Лациума, живущих там ab origine – с самого начала. Существует также предположение О. Пьяниджани, что абориген обозначает abs – без origine – то есть, народ неизвестного происхождения. Однако корень origine сохраняется и в этом предположении, заменяющем предлог [ит. эт, с. 21].

Однокоренным является праславянское «орёл». Первоначальное *orьlъ «орёл» образовано с помошью суффикса -ьl-ъ от индоевропейского корня *or- , присутствующего в греческом ŏrnis «птица», от которого происходит термин «орнитология». Значение корня *or- связано с греческим oroyō «устремляюсь, кидаюсь» и с латинским orior, oriri – «подниматься, возвышаться». Ему соответствует армянское oror – коршун [Цыг., с. 316], а также древнепрусское arelie, готское ara «орел», древневерхненемецкое aro, нововерхненемецкое Aar «орел» [Фасмер, т. 3, с. 150-151]. В. М. Иллич-Свитыч отмечает слово «орёл» среди ностратических корней [Иллич-Свитыч 1967: 352].

Таким образом, первокорень *or- транслирует смысл ‘появляться на высоте, возникать’. Значения трансформировались на основании традиционных метонимических моделей: nomina agentis (появ-

ляющийся) звезда, птица (орёл, коршун); nomina loci – восток, как место восхода солнца – первого и наиважнейшего спутника человека в его существовании. Метафорическое восприятие появления как начала дало основание для пучка последующих метонимий: само начало, исходно существующий – оригинал, абориген. Способность определять местонахождение по отношению к востоку метафорически экстраполировалась на осознание себя в конкретной ситуации и дало значение «ориентироваться».

Отметим, что в арабском мире «перёд» – это сторона востока, север – это левая сторона, которая оказывается у человека по левую сторону, когда он смотрит на восток. Следовательно, восток воспринимается первыичным и главным, тем, что впереди. Возможно, это обусловлено реалией жизни, когда человеку было необходимо ориентироваться в пустыне.

104. *Парить* – заимствовано из старославянского языка, корень тот же, что и в перо, переть. Соответствия имеются в древнеиндийском piparti «переправляет, перевозит», авестийском pŕayeiti «ведет», готском faran «ехать», древневерхненемецком furt «брод, дорога», латыни portus «гавань». Согласно комментарию О. Н. Трубачёва, ему соответствует также хеттское partawar, родительный падеж partauna «крыло» [Мельничук, т. 4, с. 294; Фасмер, т. 3, с. 207; Шанск., с. 327]. Однокоренным является слово «перо», оно образовано от того же корня *per- (*pōr-) ‘летать, двигаться’, что и праславянское *perti ‘двигаться вперёд’. Корневой /a/ происходит из /ō/, чему родственно литовское sparnas – крыло. Ему соответствуют персидское parr – перо, крыло, древневерхненемецкое farn – папоротник. Корень тот же, что и в парить, прапорщик, папоротник [Цыг., с. 336; Шанск., с. 335]. Современная форма слова папоротник отмечается с XVIII века, она возникла в результате присоединения суффикса -ник-ъ к древнерусскому существительному папороть, которое развилось из праславянского *paporoth с тождественным значением. На почве древнерусского языка в нём *-or- между согласными изменилось в полногласное сочетание -оро-. Праславянское *paporoth образовано с помощью приставки *pa- , указывающей на сходство по

значению от *portъ «крыло», в свою очередь производного с суффиксом *-tь от корня *pōr- (*pēr-) ‘летать’, того же, что в слове «перо». Название растения связано с его листьями, которые напоминают перья [Цыг., с. 328].

Родственное слово «прапорщик» образовано от «прапор» – ‘знамя’, заимствованного из старославянского языка, восходящего к общеславянскому *porporъ, образованному удвоением корня *por-, того же, что и в перо и парить. Прапор буквально обозначает ‘развивающийся’ [Шанск., с. 361].

Однокоренным с парить является глагол переть (идти) – общеславянское, индоевропейского характера из *perti, после развития полногласия – перети. К тому же корню относится слово паром – общеславянское пором, в результате развития аканья и закрепления его на письме развилась форма – паром. Поромъ было образовано посредством суффикса -мъ от *perti. Существительное паром родственно древневерхненемецкому farm от faran – ехать [Шанск., с. 327].

Однокоренным со словом «переть» с семантикой ‘вход’ является слово «паперть», заимствованное из старославянского языка. Оно образовано с помошью приставки па- от исчезнувшего перть – вход. Ему родственно латинское porta – дверь, ворота, суффиксального производного от *perti [Шанск, с. 325].

М. Фасмер указывает на родственность лататинского portus «гавань». В современном итальянском языке функционирует производное porto – порт, которое является однокоренным со словом porta – дверь. Оно восходит к латинскому porta – проход от корня *por- от porus – пора. В античные времена этимология слова дверь возводилась к глаголу portare – нести, поднимать, потому что Ромул, очерчивая стены Рима плугом, поднимал его на тех местах, где должны были построить ворота города [ит. эт., с. 771]. Однокоренной является вторая основа сложного слова паспорт, восходящего к итальянскому passa от passare – проходить и porto – письменное разрешение пройти порт, что, в свою очередь, произошло из среднелатинского passare – проходить и portus – гавань [Шанск., с. 328].

Таким образом, первокорень *pōr- (*pēr-) транслирует смысл

‘летать, перемешаться’. Значения трансформировались на базе традиционных метонимических моделей: nomina loci как место осуществления движения – брод, дорога, порт, дверь. Значение двери сузилось и конкретизировалось, например – паперть. Nomina agentis дало значение паром, то есть движущийся. Nomina strumenti как средство осуществления движения дало название крыла. Дальнейший метонимический перенос крыло – его составляющие дал значение перо. Далее вторичный виток метафорических переносов по подобию крылу образовал значение папоротника, а подобие летящему движению породило значении прапор. Далее возможно провести большое количество последующих метонимических переносов, например, исполнитель действия, несущий прапор, – прапорщик. Порт, средство его прохождения – паспорт и т. п.

111. *Писк* – общеславянское, образовано с помощью суффикса -скъ от звукоподражательного пи. Однокоренным является слово «пищаль» в значении ‘свирель’. Общеславянское, оно образовано при помощи суффикса ять+ль от пискъ, причём ск перешло в щ, после щ ять с последующими звуками преоброзовалось в ‘аль. Очевидно, однокоренным выступает слово пистолет, заимствованное в петровскую эпоху из французского [Бул., с. 444; Кр., с. 594]. Pistolet – деминутив к pistole, передающему немецкое Pistole, являющемуся переоформлением чешского pištal – пищаль. Однокоренным с исходным «писк» выступает собственно русское слово пичуга, суффиксальное производное от пикать – пищать, образованное суффиксом -кать от звукоподражательного *pi- Предположительно, суффиксальным образованием от слова пискъ представляется «пескарь» [Фасмер, т. 3, с. 271; Шанск, с. 336, 339, 340].

От звукоподражательного *pi- в современном итальянском происходит название рыбы – pesce. Оно восходит к латинскому piscis индоевропейского происхождения, от корня *pi- , которому соответствуют немецкое и английское fish. С тем же корнем связано слово бассейн – piscina [ит. эт., с. 748, 758]. Английское слово fish – рыба восходит к древнеанглийскому fisc, которое соотносится с древнесеверным fiskr, готским fiscs, русским piskar, латинским piscis [Кол., с. 581].

Таким образом, ономатопеический первокорень *pi- транслирует смысл звука, значения которого трансформировались в соответствии с метонимическими моделями: тот, кто такой звук производит, – пичуга, предмет, звук производящий, – пистоль. Возможно, в наименовании пескаря, рыбы, имел место метафорический перенос, поскольку рыба не производит звуков, которые может слышать человек. Если латинское piscis является истинным производным данного первокорня, то возможно отметить, что метафора названия рыбы стала основанием для последующих метонимий, например, среда пребывания рыбы – вода, место искусственного помещения воды – бассейн (piscina).

112. *Пить* – древнее славянское слово, сохраняет своё первоначальное значение. Предполагается исходный корень *pōi- (*pōi-) «пить». Этот корень сохранился в славянском поить (понудительное действие), напою. В глаголе *piti гласный / i / из дифтонга / ei < oi /. Сочетание /ei/ прослеживается в форме повелительного наклонения пеё, а также в старославянском пий, украинском пий, где из / ei / происходит гласный / и /. В форме первого лица единственного числа гласный / I / перед / j / изменился в ь, из которого происходит форма с носовым / o /, давшая после падения слабого ь и изменения носового в / у / современное пью. От праславянского глагола пити с помошью суффикса -в-образовано древнее существительное пиво с первоначальным значением ‘напиток вообще’. От него произошло древнерусское пивьць – тот, кто пьёт. В праславянский период от глагола питии при помощи суффикса -р-ъ образовано существительное пиръ – пир. Однокоренными являются слова паять, пирог (версия суффиксального образования -ог-ъ от слова пиръ), пиявка. Последнее образовано с помощью уменьшительного суффикса -ък-а от исчезнувшего пиява, производного с суффиксом -ва от глагола пияти, разновидности глагола питии. От пияти образовано древнерусское пияница, давшее современное пьяница после сокращения / и /, украинское пияка, где / и / изменилось в / ы /. [Цыг., с. 342, 343, 344]. Этому корню соответствует ирландское ibim – пью, латинское bibo из *pibō «пью» [Мельничук, т. 4, с. 379-380; Фасмер, т. 3, с. 269].

Данному латинскому корню родственен итальянский глагол bere – пить. Он восходит к латинскому bibere от индоевропейского корня *pi- с удвоением. Ему соответствует слово санскрита pibati – он пьёт, греческое pinein – пить [ит. эт., с. 134].

Отметим, что в языке кечуа глагол «пить» переводится как upuay, пить что-либо приготовленное – upuy, поить – upuachiy [Quechua, с. 11]; -y является инфитнитивным окончанием [Soto Ruiz Clodoaldo 2006: 51], upu- – корневая морфема данных глаголов. Возможно, корневой согласный -p- тоже восходит к первокорню *pōi-, поскольку именно согласный звук является «остовом» корня, хотя данное предположение может оказаться ошибочным.

Таким образом, первокорень *pi- транслирует смысл ‘пить’, значения которого трансформировались на основании метонимических переносов: действие – его объект – пиво, действие – место действия, мероприятие – пир, то, что на пиру потребляется, – пирог. Отметим явное сужение и конкретизацию значений. Nomina agentis – пьяница, а также исполнитель действия – пиявка.

Очевидно, этот корень пересёкся со звукоподражательным *pi- , тем, что фиксируется в латинском слове рыба – piscis. Звуковая оболочка, а также, связь рыбы с водой сделали возможным данное пересечение.

116. *Плыть* – древнее славянское слово. Его современная форма развилась из праславянского *plŭti «плыть» вследствие изменения на славянской почве краткого ŭ / у / в у / ы /. Форма *plŭti из *plouti, *pleuti с изменением перед согласным дифтонга ou в гласный ŭ. Перед гласным дифтонг ou изменился в сочетание ов, отсюда слово пловец. С удлинением ō > а возник понудительный глагол *plaviti > заставить что-либо плыть, затем – «обращать что-либо в жидкость». Из плавити ‘заставлять плыть’ под влиянием глаголов на -а-ти развился глагол плавати > плавать.

С глаголом «плыть» связано существительное «плот», современная форма которого развилась из древнерусского и старославянского плътъ вследствие изменения ударяемого ъ в о и падения слабого ъ в конце слова. Древнее плътъ развилось из праславянского

*plъtь «плот, то, что плывёт». Последующая замена конечного ь на ъ объясняется тем, что слово плоть «паром» сблизилось и слилось с существительным плотъ «забор», которое этимологически ему не родственно. Праславянское *plъtь образовано суффиксом *-tь от *plouti – плыть, в котором -ou изменилось в ы > ъ > о. Ему родственны латышское pluts – плот, немецкое Flos – паром, древнеиндийское plutam – поток, греческое pleō, немецкое Flus – оток, в котором f из p; в русском языке от него слово флюс. [Цыг., с. 350], родственны также латинское pluit «идет дождь», древневерхненемецкое flawen, flewen «полоскать, мыть» [Мельничук, т. 4, с. 444-445-446; Фасмер, т. 3, с. 288-289].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, о знакомстве древних индоевропейцев с ‘морем’ или большим озером и судоходной рекой можно судить по наличию в общеиндоевропейском глагола *p[h]leu- ‘плыть’, ‘плавать’. В IV-III тысячелетиях до н. э. развитый водный транспорт известен в ареале Ближнего Востока, в частности в древней Месопотамии [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 674, 870].

От латинского глагола pluere в итальянском происходит название дождя – pioggia. Оно пришло через народную латынь *plovia. Изначально в латыни имелось imber (от im < in – в, внутрь и bibere – пить, то есть напоить, сильно намочить, наполниться водой), которое позднее было замнено pluvia от глагола pluere [ит. эт., с. 475, 757].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово flood – наводнение, которое восходит к староанглийскому flōd, соотносящемуся с древнесеверным flōth, готским flōdus. Однокоренными с flood являются английские слова flow – течь, литься, восходящее к староанглийскому flōwan и соотносящееся с древнесеверным flōa, средненижненемецким vlōien, греческим plein – плавать на поверхности, санскритом plavate – плавать; а также float – плавать по поверхности, fleet – флот, восходящее к староанглийскому flēot – корабль [Кол., с. 588, 591, 593, 590].

В итальянском языке английское происхождение отмечается у слова fluido – текучий, жидкий, – прилагательное, пришедшее из научной латыни fluidum от глагола fluere – течь. В русский через фран-

цузское посредничество из латыни fluidus – текучий было заимствованно однокоренное слово флюид [Бул., с. 623; Кр., с. 835].

С данным корнем родственно прилагательное fluviale – речной от латинского fluviale(m), производного от fluvius – река. Слово река в современном итальянском – fiume, от латинского flumen, которое возводится к *sreumen от корня *sreu- – течь, который присутствует в греческом rhéo – я теку. От другого корня происходит греческое pótamos, к которому возводится название Месопотамии – Междуречья, арабское ‘uadi, откуда название испанской реки Guadalquivir, китайское ho (Hoang-ho – Хуан-хе, – Жёлтая река, мексиканское quonektacut – от которого название штата Коннектикут, диалектное иракезское ohienhiio – красивая река, от которого – Ohio – Огайо – один из соединённых штатов Америки [ит. эт, с. 399, 400, 401]. Словом «вади» в современном диалекте арабского языка, распространённом на территории Арабских Эмиратов, называется также русло реки, высохшее и затем заполненное водой

Согласно мнению С. Младенова и Й. Зубатого, латинский корень *sreu- – течь, тот, что в латинском serum «сыворотка», древнеиндийском sarati «течет», saras «жидкий» прослеживается в русском слове срать, однако М. Фасмер не разделяет эту гипотезу [Фасмер, т. 3., с. 740].

Таким образом, первокорень *plou- (*pleu-) транслирует смысл ‘плыть по поверхности воды, перемещаться на воде’. Значения трансформировались, сохраняя общий семантический стержень ‘течь’, ‘плыть’. На основании каузатива развилось значение плавить, буквально, заставлять течь. Метонимический перенос nomina strumenti дал значение плот. Метонимия nomina agentis сформировала значение «то, что течёт» – поток, дождь. Дальнейший виток метонимии река, вода – то, что на ней движится, создал семантику корабль, флот. Метафорический перенос подобия большому количеству воды дал значение мыть, полоскать. Метафора стремительности притока назвала явление флюса. Абстрактный метафорический перенос осмысления потока сделал возможной номинацию флюида, который в русском языке воспринимается как заимствование с присутствием, возможно, некоей «мистической», нематериальной коннотации.

113. *Плевать* – общеславянское, индоевропейского характера, в котором /дл/ произошло из /пj/. Ему родственны литовское spiánu – плюю, латинское spuō – плюю, готское speiwan – плевать. Однокоренным с «плевать» является прилагательное плюгавый, известное в восточно- и западнославянских языках. Оно образовано с помощью суффикса -ав- от плюга, в свою очередь образованного суффиксом -га от утраченного плюти [Фасмер, т. 3, с. 291; Шанск., с. 342, 344].

Данный индоевропейский корень *pt(i)eu- В. М. Ильич-Свитыч трактует как ностратический [Ильич-Свитыч 1967: 354].

Опираясь на латинское соответствие, возможно сделать вывод о родственности итальянского sputare – плевать, которое восходит к латинскому sputare, представляющему собой интенсивную форму от spuere индоевропейского происхождения от корня *speu- / *sput- / *sthiw- . Этот корень широко распространён и имеет множество вариантов: в немецком speien (от исходного spei), греческом ptýo (от pyeu), в санскрите stivati – он плюёт (от sthiw) [ит. эт/, с. 949].

К латинскому корню conspŭĕre восходит также глагол современного испанского языка escupir – плевать, соответствия которому находятся в каталонском, старопровансальском, старофранцузском escopir, в румынском scuipi, а также в португальском, астурийском cuspir. Латинское conspŭĕre восходит к *exconspuere [исп. эт., с. 226].

Отталкиваясь от готского соответствия speiwan – плевать, возможно предположить родственность глагола современного английского языка spit – плевать, которое восходит к староанглийскому spittan и соотносится со spætan – плевать, и немецкому диалектному spitzen [Кол., с. 1491].

Таким образом, первокорень *speu- транслирует смысл ‘плевать’, который не подвергся трансформации в значениях, очевидно, в силу того, что это элементарное действие было и остаётся повседневным и неизменным в быту во все времена.

123. *Почить* – общеславянское, префиксальное производное к *čiti с тем же корнем, что и покой. Ему родственны древнеиндийское cirás – медленный, латинское quies – «тишина». Общеславянское слово покой образовано с помощью темы -ъ от покоити [Мельничук, т. 4, с. 481; Шанск, с. 350, 359].

Латинское quies – «тишина» родственно современному итальянскому quiete – спокойный, покой. Оно восходит к латинскому quies, от индоевропейского корня *kwye- , того же, что и в реквием, которое было заимствовано в русский из латыни requiem – винительный падеж от requies – покой [Бул., с. 495; Кр., с. 663]. Латинское requies – покой состоит из re- , передающего значение интенсива, и quies – спокойный [ит. эт, с. 811, 832].

Таким образом, первокорень *kwye- транслирует смысл ‘тишина, покой’. В процессе трансформации значений образовалось слово «реквием» как название музыкального произведения. Семантический признак покоя не подвергся метонимическим переносам, в результате чего он не был видоизменён ассоциациями человеческого сознания до неузнаваемости, как это бывает в процессе трансформаций с наслоениями метонимий, метафоры и исходящими из неё последующими метонимическими переносами по традиционным моделям места, инструмента, исполнителя действия и т. п.

122. *Потроха* (потрошить) – кроме восточнославянских языков, это слово отмечается в польском. Корень тот же, что и в болгарском троха – крошка, чешском troch – немножко [Мельничук, т. 4, с. 543; Фасмер, т. 3, с. 346; Шанск., с. 358].

По семантике и звуковой оболочке данное слово сближается с испанским trozo – кусок. В кастильский оно было заимствовано из каталонского или из провансальского языка трубадуров (tròs – кусок). Данное слово сближается со старофранцузским trous – кусок, древко копья, ствол дерева, которое происходит от латинского thyrsus – разрез. Производным от trozo выступает глагол destrozar – разрушать [исп. эт., с. 558].

К латинскому глаголу truncare восходит truncus, который связывается либо с греческим tryó – я тру, протираю, либо с латинским trux – свирепый, жестокий. Производными в итальянском являются слова troncamento – усечение, в частности, как фонетический процесс, tronco – ствол дерева, туловище человека [ит. эт, с. 1020]. Семантика ‘усечённый, подрезанный’ сохраняется.

От латинского talea – срезанная ветка происходит глагол taliare, от которого образовался глагол современного итальянского языка tagliare – резать [ит. эт, с. 979].

По семантике сближается корень современного английского языка scissors – ножницы, которое восходит к старофранцузскому cisoires, к народной латыни cīsōria, от латинского caedere резать [ит. эт, с. 1387]. К этому же корню восходит испанское название ножниц tijeras, изначально – tiseras, от латинского tonsōias, именно от forfices tonsorias – ножницы для стрижки овец, произошедшее от tondēre – стричь овец, от которого пошло португальское tesoiras, провансальское tosoiras. Неправильная -i- в кастильском и каталонском tisores возникла под влиянием синонима, сохранившегося во французском ciseaux, происходящего из cīsorium, что, в свою очередь, пересеклось с caesorium, дериватом от caedere – езать и incīsus – укороченный, отрезанный [исп. эт., с. 538]. К латинскому caedere – резать восходит слово цезура – пауза внутри стиха, которая его рассекает, [ит. эт., с. 209]. Слово цезура было заимствовано в русский язык из латыни [Бул., с. 647; Кр., с. 866].

Очевидно, в данном случае, на базе семантики ‘резать, отрезанный, кусок, куски’, произошло пересечение корней. Однако первокорень *troh- транслирует смысл ‘разделённый на куски’, который в процессе трансформации на основании метонимического переноса действие – его результат обрёл значение кусок, их большое количество – поторха, а также то, что произошло в результате усечения, – крошка, древко копья. Метафорический перенос дал значение малого количества чего-либо. Метафорическое сходство с древком копья стало отображать ствол дерева, который усечённым не является, однако имеет обозримые начало и конец. Метонимия nomina actionis породила название действия резать, затем разрушать – о, в результате чего получаются куски. Отметим, что эта метонимическая связь является универсальной в сознании нисителей разных языков, поскольку отображена в словах, образованных от других неродственных корней, обозначающих резать – кусок, например, в арабском: резать /qata‘a/, кусок /qit‘a/. Посредством метафорического переноса с действия усечения на усечение слова дало название фонетическому процессу troncamento в итальянском языке.

126. *Работать*, работа – по корню праславянское, звуковое оформление старославянское. Первоначальное *orbota в старославян-

ском языке претерпело такие же звуковые изменения, как в слове раб. На восточнославянской почве древнее *or- в начале слова изменилось в ро-, отсюда древнерусское робота, которое сохранилось в украинском языке. Праславянское *orbota образовано с помощью суффикса состояния -ot-a от существительного *orbъ – раб [Цыг., с. 387].

Слово раб заимствовано из старославянского языка, полагают, что это слово развилось из праславянского *orbъ – раб вследствие изменения в старославянском языке начального *or- в *ра- . Праславянское *orbъ первоначально значило сирота. Ему родственны древнеиндийское árbhas – дитя, малый, слабый, греческое orphanos – сирый, осиротелый (ph из bh), литовское orbus «сирота», готское arbaits «нужда, работа», немецкое Arbeit – работа [Цыг., с. 387], а также армянское orb – сирота, древнеирландское orbe – наследник [Шанск., с. 376], древневерхненемецкое ar(a)beit, женский род «работа, тягота, нужда» [Фасмер, т. 3, с. 427].

Родственным является также слово современного итальянского языка orbo – лишённый, которое восходит к латинскому orbus – лишённый чего-либо, зрения или родителей. Ему родственно греческое orphanós (лишённый, сирота), готское arbi – наследство, то есть вещь, лишённая хозяина, ирландское orbe, немецкое Erbe – наслдедство и erben – наследовать. От этого же корня происходит итальянское orfano – сирота. Однокоренным является латинское heres, давшее итальянское erede – наследник, eredità – наследство, наследие. Латинское слово восходит, очевидно, к *ghero- – пустой от корня *ed- / *od- – вступать во владение [ит. эт., с. 355, 702, 702].

Однокоренное слово современного английского языка heritage – наследство, наследие пришло в английский из старофранцузского и родственно heir – наследник, которое через старофранцузское посредничество восходит к латинскому hērēs и соотносится с греческим khēros – лишённый [Кол., с. 721, 727].

Таким образом, первокорень *ed- / *od- транслирует смысл ‘бесхозности’, значения которого трансформировались, конкретизируя, чего именно нет. Интересно, что в латыни самым главным лишением является отсутствие зрения и родителей. Значение ‘собственность

без хозяина’ трансформировалось в «наследство». В русском, по замечанию Г. П. Цыганенко, значение «раб» развилось из стереотипной ситуации, когда лишённое родителей дитя должно было работать на чужих людей [Цыг., с. 387].

Следовательно, значение развивалось, конкретизируясь: бесхозный, беззащитный, убогий, сирота, вынужденный работать. Далее от nomina agens работающий прослеживается nomina actionis, название самого действия – работа, нужда, а также переосмысление nomina agens – ребёнок (вынужденный работать сирота). Значение безхозный имело как субъектное, так и объектное отношение, то есть бесхозное имущество – наследство. От последнего, в свою очередь, по метонимической модели nomina agentis сформировалось значение наследник.

128. *Расти* – древнее славянское слово, в современной форме заимствовано из старославянского языка, в котором оно развилось из праславянского *orsti «расти» вследствие изменения начального *or- в ра-. Праславянское *orsti возникло из *ordti ‘родиться, расти’ в результате изменения / dt > tt > st/ , однокоренным является слово «род». Оно восходит к праславянскому *rodъ, развившемуся из *ordъ с тождественным значением вследствие изменения *or- в начале слова в *ro-. Праславянское *ordъ от глагола *ordti «родиться», собственно расти, ему родственны латинское arduus, иранское ard – высокий, большой [Цыг., с. 394, 399]. В результате развития аканья закрепилась форма написания расти [Шанск., с. 385]. Родственным является также древнеирландское ard «высокий», албанское rit «расту», менее вероятным предполагается также родство с древнеиндийским ardh- «процветать» [Мельничук, т. 5, с. 125-126; Фасмер, т. 3, с. 445-446].

От общеславянского *ordti с помощью суффикса -tъ образовано существительное рост, а также ростовщик при помощи суффикса -щик от ростовый – ‘накопленный отдачей под проценты’. От основы рост- с помощью суффикса -j- образовано слово роща, в котором сочетание / ст / с последующим / j / изменилось в щ [Шанск., с. 393, 394].

К тому же корню восходит итальянское arduo – трудный, крутой, произошедшее от латинского arduus, связанного с доиндоевропей-

ской темой *ardu, присутствующей в ирландском ard – высокий, а также в топониме Arduenna – Ardenne, департамент на северо-востоке Франции, на границе с Бельгией, от которого происходит ardoise, ardesia – шифер [ит. эт., с. 84], то, что находится сверху строения, покрывает крышу.

Таким образом, первокорень *ord- транслирует смысл ‘расти’, значения которого трансформировались, сохраняя семантический стержень процесса роста. Признак действия расти – высокий, большой, дал название гор Арденн, метонимия «высокий – то, что сверху» породила название шифера, материала, размещаемого сверху, на крыше. Осознание действия расти как процесса в результате метонимического переноса сформировало понятие ростовщичества, связанного с процентным ростом и названием ростовщика по метонимической модели nomina agentis.

140. *Скрип* – общеславянское, образовано с помощью суффикса -пъ от звукоподражательного скри с начальным с-, того же корня скри, что и в слове «крик», а также в «скрипка». Аналогичными являются древневерхненемецкое screi – крик, латинское screpo – трещу, стучу. Крик – общеславянское, индоевропейского характера, ему соответствует литовское krikseti – покрикивать, греческое krike – визжи, древнегерманское hrīka – скрежетать. Образовано с помощью суффикса -къ от звукоподражательной основы кри- . Родственными являются латышское krika – смеющийся, средневерхненемецкое reiger – цапля, древнеанглийское hragra – цапля, кимрское crych – хриплый, древнеисландское hrikja – скрипеть, далее древнеисландское skrikia – крик птицы, древнеанглийское scric – дрозд [Мельничук, т. 2, с. 286; Фасмер, т. 2, с. 376-377, т. 3, с. 657-658; Шанск., с. 220, 413].

Однокоренным является глагол современного английского языка scream – кричать, германского происхождения, сопоставимое со среднедатским schreem, западнофригийским skrieme – плакать [Кол., с. 1391].

Учитывая средневерхненемецкое соответствие reiger – цапля, возможно предположить родственность современного английского heron – цапля, которое пришло из старофранцузского hairon, герман-

ского происхождения, с которым соотносятся древневерхненемецкое heigaro и древнесеверное hergi [Кол., с. 728].

По семантике и звуковому оформлению сближается испанское carcajada – хохот, что является ономатопеей во многих языках. Ему соответствуют португальское gargalhada, баскское karkailla, арабское qahqah, karkél, латинское cachinnus [исп. эт, с. 111].

В турецком языке kahkah является ономатопеей смеха и толкуется либо как собственно тюркское kas kas, либо как заимствование из арабского [тур. эт.].

В современном итальянском языке, возможно, функционирует родственный глагол gridare – кричать, одна из версий базируется на его ономатопеическом происхождении. Согласно другой версии, он возводится к латинскому quiritare – ‘звать, созывать квиритов’, граждан Рима (от названия холма Quirinale): Quiritum fidem clamando implorare. Существует также предположение о германском происхождении от kritan – кричать [ит. эт, с. 453].

Таким образом, первокорень *kri- транслирует смысл ‘резкого звука’, ономатопеического происхождения, значения которого трансформировались, в зависимости от того, чей крик или звуку чего подражалось: человеку, птице, а также смеху, плачу, скрипу. Метонимический перенос дал название исполнителя скрипа, крика – птица (цапля, дрозд), а также инструмента – скрипка.

143. *Смердеть* – общеславянское по происхождению, имеющее соответствия в других индоевропейских языках. Образовано от утратившегося «смьрдъ» – сильный запах, вонь. Корень тот же, что и в собственно русском слове смородина, образованного с помощью суффикса -ина от смородa, женского соответствия к смород. Название было дано растению по сильному терпкому запаху [Шанск, с. 416, 418]. Слово смрад было заимствовано из церковнославянского языка, ему соответствует исконнорусское смород. Соответствия имеются в верхнелужицком smrod, нижелужицтком smrod – вонь, кал; черемуха, в литовском smardas – зловоние, смрад, латышском smarda – запах, аппетит, желание, готском smarna – ал, древнепрусском smorde – черемуха [Мельничук, т. 5, с. 317; Фасмер, т. 3, с. 691-692, 693].

Однокоренным является итальянское слово merda, испанское mierda – говно. Оно происходит от латинского merda [исп. эт., с. 371] и свявывается со старославянским smruzdo – вонять от темы *mard- от основной формы smard- [ит. эт., с. 628].

Таким образом, первокорень *smard- транслирует смысл ‘сильного запаха’. Значения трансформировались по метонимической модели признак – его носитель на базе общего семантического стержня сильного запаха, как приятного – черёмуха, смородина, так и неприятного – кал. Способность запаха ассоциироваться с предметом, который его вызывает, очевидно, сложилось значение аппетит, желание, отображающие стремление приобщиться к предмету, съесть определённую еду.

148. *Стлать,* стелю – общеславянское, имеющее соответствия в индоевропейских языках: в греческом stellō – ставлю, в латинском latus – широкий. Корень тот же, что и в ствол, а также в словах сторона (от исчезнувшего сторъ), простирать со звуком / р / на месте / л / [Шанск., с. 427, 428]. Наряду со *stel- представлено *ster- [Фасмер, т. 3, с. 753-754]. Латинское latus – широкий дало слово современного итальянского языка lato со значением широкий, обширный. Данный латинский корень связывают со *stlatos от *stele- / *stere- , того же, что и в слове strato – слой. Этот корень имеет значение ‘расстилать’ и присутствует в славянском ареале. Впоследствии в латыни он был заменён прилагательным lagrus – широкий. Среди латинских дериватов отмечается latitudo, от которого произошло итальянское слово latitudine – широта в географии, поскольку карты, начертанные относительно частей света, для рецепиента, ориентирующегося на Средиземное море, оказывались шире с запада на восток и длиннее с севера на юг, что, соответственно, было названо longitudine – долгота от lungo – длинный. От корня *ster- происходит латинский глагол sternere – мостить дорогу камнем. Причастием прошедшего времени от глагола sternere является позднелатинское strata, мощённая (via strata), от которого в итальянском развилась форма имени существительного strada – дорога [ит. эт., с. 563, 960].

Однокоренное слово «сторона» развилось из праславянского *storna – пространство вследствие изменения у восточных славян *-or- между согласными в полногласное сочетание -оро-. В старославянском слове страна из *-or- возникло неполногласное сочетание -ра-. Праславянское *storna образовано при помощи предметного суффикса -na от той же индоевропейской основы *stor-, *ster- – простираться, что и в словах простор, простереть с чередованием / о : е /. От существительного сторона, заимствованного из старославянского языка, при помощи суффикса -ьн- было образовано прилагательное странный с первоначальным значением «чужестранный, чужой», затем – «необыкновенный, странный» [Шанск., с. 428]. Однокоренными являются латинские sternere – расстилать, stŏrea – подстилка, одеяло [Цыг., с. 455]. От латинского классического stŏrea – подстилка, которому соответствует слово народной латыни *storia произошло современное итальянское существительное stuoia – циновка, пляжная подстилка, связанное с греческим storénnymi – расстилать [ит. эт., с. 966].

От стьлати при помощи темы -ъ и переогласовки образовано существительное стол [Шанск., с. 427].

Таким образом, первокорень *stor- / *ster- транслирует смысл ‘стлать’. Семантическим стержнем полисемии, очевидно, стало действие простирания, разглаживания вовне, обретшее коннотацию широты (поскольку расстилать можно и небольшой платок). Метонимический перенос действие – его признак дал значение широкий, последующая метонимия перенесения данного признака на предмет сформировала значение простор. Метонимический перенос действие – его объект, то, что расстилают, породил значение слой, терминологическое переосмысление метафорического переноса дало географическое понятие широты. В результате метонимического перенесения действия на предмет возникли обозначения подстилки, одеяла, цыновки, а также то, что мостят – мощёная дорога, дорога вообще. Метонимический перенос на предмет, на который осуществляется действие расстилать, дал значение стол.

149. *Стон* – общеславянское, индоевропейского характера, которому соответствует греческое stonos – стон, ирландское son – звук,

тон. Тот же корень наблюдается в латинском tonare – греметь, древневерхненемецком donar – гром, древнеиндийском *stanas – гул [Мельничук, т. 5, с. 423; Фасмер, т. 3, с. 766; Шанск., с. 428]. Латинское tonare – греметь родственно существительному tonos – тон, которое пришло из греческого tónos – напряжение, от глагола teíno – тяну, которому соответствует слово санскрита tanomi – развёртывать. Однокоренным является современное итальянское слово tuono – гром [ит. эт., с. 1004, 1021].

Родственным является слово современного английского языка sound, пришедшее в английский из старофранцузского soner – звучать, что восходит к латинскому sonāre от sonus – звук [Кол., с. 1476].

От латинского tonus при помощи приставки in- был образован глагол intonare, от которого происходит существительное intonazione [ит. эт, с. 528], заимствованное в русский язык из латыни через французский [Бул., с. 236; Кр., с. 311].

Таким образом, первокорень *ston- транслирует смысл ‘звучания’, значения которого трансформировались, сузившись, конкретизируя характер звучания: гром, тон, звук, гул. В результате метафорического переноса на звучание человеческой речи появилось терминологическое значение интонация.

150. *Тащить* – известно в восточно- и западнославянских языках. Удовлетворительной этимологии не имеет. «Таскать» является итеративом от «тащить». По мнению И. Шмидта, К. Уленбека, оно родственно древнеиндийскому taskaras – разбойник, вор [Фасмер, т. 4, с. 26; Шанск, с. 437].

Гипотетически возможно предположить, что древнеиндийское taskaras – вор развилось на основе значения ‘тащить по направлению к себе’, ‘воровать из кармана, сумки, из одежды человека’. Тогда промежуточным семантическим элементом выступает ‘сумка, карман’. В современном итальянском языке функционирует существительное tasca – карман, сближающееся по семантике и звуковому оформлению. Tasca восходит к древневерхненемецкому taska. Некоторые указывают на связь данного слова также с древневерхненемецким zascôn – тянуть, тащить, волочить по отношению к реалиям старин-

ной одежды носить карманы подвешенными к поясу [ит. эт, с. 985]. В мадьярском язке функционирует слово, сближающееся по звуковому оформлению и семантике – táska – сумка (ташка) [Magyar-Orosz Útiszótár, с. 292]. Очевидно, однокоренное слово прослеживается с составе второй основы заимствованного в русский из немецкого слова «патронташ», в котором Patron – патрон, Tashe – сумка [Шанск., с. 330].

Таким образом, первокорень *task- транслирует смысл ‘переносить’. Значения трансформировались на основании метонимии «действие – орудие его исполнения» – сумка, карман; а также «тот, кто ворует из кармана» – вор.

151. *Терпеть* – общеславянское по происхождению, имеет соответствия в некоторых индоевропейских языках [Фасмер, т. 4, с. 266; Шанск., с. 480]: в литовском tirpti – цепенеть, латинском torpēre – быть оцепенелым, в немецком sterben – умирать. Первоначальное значение – «неметь, твердеть, застывать». Однокоренным является прилагательное терпкий, общеславянское по происхождению. Оно образовано при помощи суффикса -ък от терпети (через ять). Первоначальное значение – ‘такой, от которого немеют зубы’ [Мельничук, т. 5, с. 557; Фасмер, т. 4, с. 49; Шанск., с. 441]. Сходное значение прослеживается в глаголе украинского языка терпнути – затекать.

В современном итальянском языке присутствует однокоренное прилагательное torpido – оцепенелый, восходящее к латинскому torpidus от глагола torpere – быть безжизненным, жёстким от корня *terp- , которое присутствует в русском terpnut – коченеть, цепенеть, литовском tirpti – придавать жёсткость, что некоторые сближают с древневерхненемецким stirbu и немецким sterbe – умирать, коченеть. Но более чётко корень соответствует средневерхненемецкому dërp – твёрдый, греческому tréphein – питать, делать крепким, твёрдым, tarphys – плотный, traphéros – компактный, твёрдый [ит. эт., с. 1006].

Таким обраом, первокорень *terp- транслирует смысл ‘неметь, терять чувствительность’. Значения трансформировались на базе тактильного восприятия по метонимическому переносу признака твердеть – твёрдый, плотный. Жизненный опыт человека сделал

возможным метонимический перенос на действие неметь, коченеть, умирать. Метафорический перенос, основанный на подобии действию неприятия и замирания дал значение терпеть.

160. *Хоронить* – общеславянское, по звуковому оформлению восточнославянское, развилось из праславянского *chorniti – прятать, хранить в результате изменения у восточных славян *-or- между согласными в полногласное сочетание -оро- , а также возникновения в слове значения ‘предавать земле умершего’. Праславянский глагол *chorniti образован с суффиксом -i-ti от существительного *chorna, изменившегося в хорона «защита». Праславянское *chorniti имеет соответствия в индоевропейских языках: в латыни con-servare – беречь, сохранять (звуковое соответствие s – x, e - o), в древнеиндийском çarana – защита, убежище (звуковое соответствие ç – x, a - o) [Цыг., с. 524].

Однокоренным является глагол современного итальянского языка serbare – хранить. Он восходит к латинскому servare от servus – слуга с исходным значением хранителя, от индоевропейского корня *swer- / *wer- –наблюдать. Развитие значения от хранителя, охранника до раба определяется бытовым устройством средиземноморского социума, элементы которого проникли в римскую семью. Данный корень в греческом дал horáo – я наблюдаю. Ему соответствует слово санскрита sarvatati – здоровье. От глагола servare образовалось servatorium – амулет, затем – резервуар, бак, в современном быту – бензобак, а также составные глаголы [ит. эт, с. 904, 906], заимствованные в русский язык conservare – консервировать [Бул., с. 286; Кр., с. 385], observare – обсерватория [Бул., с. 398; Кр., с. 533], reservare – резервировать [Бул., с. 493; Кр., с. 659] и их производные, а также слова сервиз; сервис – обслуживание, заимствованное в русский из английского [Бул., с. 524; Кр., с. 705] и другие однокоренные слова.

В английский язык существительное service пришло через старофранцузский из латыни servitium – состояние раба, от servus – раб [Кол., с. 1414]. Отметим, что в венгерском языке младший по отношению к старшему использует форму приветствия «servus».

Таким образом, первокорень *swer- / *wer- транслирует смысл ‘наблюдать, смотреть с целью охраны’, значения трансформировались в соответствии с осмысленной целью наблюдения – охранять. Метонимический перенос nomina agentis дал значение тот, кто охраняет – слуга, а также перенос на объект – то, что охраняется, то есть – прячется, что привело к развитию энантиосемии – прятать от взгляда других, хоронить. За спрятанным предметом наблюдать невозможно. Связь смотреть-охранять-хранить-оставить на потом прослеживается также в испанском языке, в котором глагол guardar имеет значения как смотреть, так и хранить (о вещах, о еде). Положительная оценка в коннотации действия сохранять, беречь нужный предмет, очевидно дала значение здоровье. Эта семантика прослеивается также в современном русском языке во фразеологизме «беречь здоровье».

161. *Цедить* – общеславянское, имеющее соответствия в некоторых индоевропейских языках: в литовском skíesti – отделять, латинском scindo – разрываю, scicid- , scissum, -ere – раскалывать, разрывать, в греческом schēzō с тождественным значением. Современная форма развилась из цедити (через ять) после отпадения конечного безударного и, а также изменения ять в е. Тот же корень, но с переогласовкой, выступает в слове «чистый». Оно является общеславянским по происхождению, образовано как форма страдательного причастия с суффиксом -т- от глагольной основы, выступающей в переогласованном виде в «цедить». Современная форма слова чистый развилась из *keidtъ > *kidtъ > *kittъ после изменения / к / в / ч / и сочетания / tt / в / ст /. Первоначальное значение – ‘процеженный, очищенный’, далее – ‘чистый’. Соответствия имеются в древнепрусском skijstan – чистый, литовском skystas – жидкий, древнеиндийском chinatti – раскалывает [Фасмер, т. 4, с. 295, 366-367; Шанск., с. 483, 495].

Однокоренным является слово современного итальянского языка scindere – раскалывать, которое восходит к латинскому scindere. От этого же корня происходит имя существительное scisma – раскол, что связано с греческим schizo – я раскалываю, schisma – разделение,

от которого образовано название болезни schizofrenia, в его составе обнаруживается две основы, вторая из которых – phrén – рассудок, сознание, буквальное значение – «раскол рассудка». «Шизофрения» было заимствовано в русский язык из греческого [Бул., с. 661; Кр., с. 885]. Слово scisma (раскол) связано с церковным контекстом [ит. эт, с. 887, 888].

Таким образом, первокорень *keidt- транслирует смысл ‘отделять, с целью очистить’. Значения трансформировались, сохраняя общий семантический стержень. Семантика сузилась и конкретизировалась: отделение частичек от жидкости дало значение процедить и сделать жидкость чистой. Признак чистый, очевидно, развился на основании метонимического переноса действие – его результат. Метафорическая линия развития значения дала семантику, связанную с определённым контекстом: раскол в церкви, а также раскол разума в значении ‘болезнь’.

42. *Есть* (кушать) – общеславянское. Имеет соответствия в других индоевропейских языках. Его современная форма развилась из древнерусской ести (с начальным ять) со значением ‘насыщаться’. Старый ять на почве русского языка изменился в е, конечный безударный / и / утратился. Он сохранился в украинском їсти, в котором ї развилось из ять. Древнерусская форма восходит к праславянскому *ědti – есть, в котором впоследствии произошло изменение / dt > tt > st /. В форме первого лица *ědmь > ем упростилось dm > m. Праславянскому глаголу *ědti соответствуют литовское ėdu, ėsti, латинское ēdo, ēdi – есть. С таким же корнем, как глагол *ědti, в русском языке существительное еда – принятие пищи, пища. От глагола ести, едять (с начальным ять) в древнерусском языке с помощью суффикса -ък- , указывающего на склонность предмета к тому действию, которое указано в производящей основе, образовано прилагательное едъкый. Это слово имело значение «съедобный», затем такой, что ест, разъедает, отсюда переносное значенне – острый, язвительный. Однокоренным является слово «яд», древнее славянское слово, современная форма которого происходит от древнерусской ядъ – яд, отрава, утративший слабый гласный ъ. Древнерусское слово ядъ возник-

ло из праславянского *ědъ, развившего / j / в начале слова. После / j / гласный / ě / (кириллическая буква ять), изменился в / ‘а / (я). Однокоренными являются древнерусское ясти – есть, а также ядь – пища, ядъ – отрава, литовское ēdis – еда, кушанье. Первоначально слово «яд» обозначало ‘пища’ вообще. В этимологическом родстве со словом яд находится существительное яства – кушанья, заимствованное из старославянского языка. Оно образовано с помощью суффикса глагольных имён -тв-а от глагола *ядти, из *ědti – есть. В первоначальном *яд-тв-а произошло изменение / дт > тт > ст / . От праславянского глагола *jadti > *ядти с помощью суффкса *-slo образовано существительное *jaslo > то, из чего кормят, которое затем обрело значение детского учреждения [Цыг., с. 143, 563]. С индоевропейским корнем *ed- (еда) связаны норвежское и датское aat – приманка для хищников [Фасмер, т. 4, с. 546-547; Шанск., с. 139, 523]. От этого же корня происходит украинское їсти [Мельничук, т. 2, с. 325]

В современном английском языке функционирует однокренной глагол eat – есть (кушать), который восходит к староанглийскому etan и соотносится с готским itan, древневерхненемецким ezzan, латинским edere, греческим edein, санскритом admi [Кол., с. 491].

Данный корень в его индоевропейской огласовке приводит В. М. Иллич-Свитыч (*ed-) трактуя его как ностратический [Иллич-Свитыч 1967: 340].

Таким образом, первокорень *ěd- транслирует смысл ‘есть’. Значения трансформировались на основании метонимического переноса действие – его результат – еда, затем значение сузилось: то, что ется – яд. Метафорический перенос есть-уничтожать дал значение есть, разъедать, его признак – едкий. Метонимия nomina loci породила значение место, где едят – ясли, значение которого на основе метафоры трансформировалось в «место, где едят животные», затем «место, где питают, растят, воспитывают».

168. *Ярмо*, внутренняя форма которого несёт в себе семантику элементарного действия ‘связывать’, является праславянским по происхождению, современная форма которого развилась из древней формы *jarьmo > ярмо вследствие утраты слабого ь и отвердения звука /р/. Праславянское *jarьmo (*jarьmъ) возникло из *arьmo (*arьmъ)

в результате развития /j/ перед гласным в начале слова. Существительное *arьmъ по этимологии обозначало, вероятно, ‘то, что связывает, соединяет’. Это слово образовано с помощью предметного суффикса -ьм-о от индоевропейской основы *air- «прилаживать, соединять», чему соответствуют греческое armos – связь, сустав, латинское arma – снаряжение. Образованные от латинского arma через французский в русский язык пришли слова арматура, армия [Цыг., с. 566]. В изменённом виде та же основа выступает в слове «ремень», общеславянском, восходящем к ремы, образованному с помощью суффикса *-men от основы *re- , восходящей, вероятно, к *er- . Первоначальное значение – яремный ремень [Мельничук, т. 6, с. 552; Фасмер, т. 4, с. 561; Шанск., с. 388, 525].

Классическому латинскому arma, armus – сустав, плечо, соответствует немецкое и английское arm – рука (до кисти). Латинское arma входит в состав обширной группы соответствий, объединяющей греческое harmós – плечо, harmonía – пропорция, arithmós – число. От составного armarium – арсенал, затем – ящик, происходит итальянское armadio, испанское armario – шкаф. Общий корень *ar- обозначает «соединять». С действием руки (arm – рука (до кисти)) связаны также слова artiglio – коготь, arte – искусство [ит. эт., с. 86-87].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово arm – рука, что пришло из древнеанглийского и которому соответствуют немецкое Arm – рука, древнесеверное armr – рука, латинское armus – плечо, греческое harmos – соединение [Кол., с. 81].

С древнегреческим ōmos – плечо совпадает турецкое omuz, на что турецкие этимологи обращают внимание, однако отмечают спорность этимологического родства [тур. эт.].

Однокоренные слова арифметика и гармония были заимствованы в русский из греческого [Бул., с. 57, 133; Кр., с. 86, 179].

Таким образом, первокорень *air- транслирует смысл ‘прилаживать, соединять’. На основании метонимического переноса по модели действие – его результат сформировалось значение нечтно связанное, которое сузилось, конкретизируясь: арматура, армия. Арсенал как место хранения оружия, по внешнему подобию получил значение ящик, которое в результате переноса по форме и функции

трансформировалось в шкаф. На базе метафорического переноса подобия того, что связано, появилось значение сустав, от которого на основе метонимии образовалось значение руки, кости, когтей. Метафорическое осмысление того, что творится руками, дало значение искусства. Метафорическое осмысление соединения породило понятие гармонии, пропорциональности и цифр, сформировалась семантика гармонии «идеальной связи, совмещения элементов».

Обозначая в целом процессы, происхоящие при трансформации значений, возможно отметить следующее. Когда транслируемый смысл подразумевает элементарное действие человека, при первых шагах трансформации формируется значение результата действия. Этот метонимический перенос по модели «действие – его результат» происходит параллельно и предполагает конкретизацию результатов (резать – кусок); в цепочках трансформаций представлены все метонимические модели (исполнителя действия, инструмента, места – nomina agentis, nomina strumenti, nomina loci). Аналогичное действие, переносимое на разные места его исполнения, предполагает образование названия исполнителя и инструмента по тем же моделям (грести (на воде) – весло, гребец; «грести» в значении пахать (на земле) – плуг, пахарь).

Высокочастотной трансформацией первого шага является формирование каузативного значения. Отметим, что в арабской грамматике этот перенос является фреквенталией. Поскольку значением второй породы глагола стабильно является каузативным по отношению к первой (учиться – обучать), от каузативного значения расходится пучок с семантикой направленности действия на объект, причём частым ответвлением подобного пучка является метафорический перенос, снабжённый оценкой, приводящей к энантиосемии (знать – уметь; знающий – гном, знакомый, тот, кого знают – зять; известный – знатный, дворянин (оценка плюс) и сноб (оценка минус)). Обозначение действия человека порождает значение ещё более усиленного действия (мазать – питать, есть – кормить) с возможным последующим метафорическим переносом (питать – создавать) с дальнейшей конкретизацией и перенесением на объекты действия.

Когда отправной точкой оказывается волевое, осознанное действие человека, цепочка трансформаций не является длинной и многошаговой, она содержит в себе уточняемый результат действия (велеть – воля как суждение, завещание) с возможным последующим переходом в грамматический вспомогательный глагол или частицу, генетически восходящую к глаголу (will – в английском будущем времени, have (англ.) и avere (в итальянском и других неолатинских языках) – иметь в образовании составных (сложных) времён. При обозначении элементарного действия, выполняемого человеком, одним из шагов может быть действие – результат действия – противоположный результат действия как обратный процесс (творить – затвердевать – делать твёрдым – растворять). При обозначении природных действий обратный процесс не наблдается.

При трансформации значения природного действия существа происходит метонимический перенос на его исполнителя nomina agentis и на результат действия (защищать – то, что защищает (шкура, чешуя, череп, раковина) с последующим переносом на артефакт – щит). Признак переносится на его носителя (расти – выросший – горы). Природное действие применяется к действию человека как ко вторичному (вить – виноград вьётся, человек вьёт венок, веник; мерцать (море мерцает) – мигать (человек, живое существо) мигает глазами).

В случаях, когда отправной точкой трансформаций выступает семантка артефакта, действие переносится на объект, на который оно направлено, метонимический перенос осущетвляется по моделям nomina agentis, nomina strumenti (гвоздь – заключать, закрывать – замок, шлюз, калитка). Чем длиннее цепочка, тем мене ощутима связность её элементов.

Когда трансформация начинается от значения признака, осуществляется последующий перенос на многих носителей данного признака, как одушевлённых, так и неодушевлённых (бесхозный, лишённый хозяина – раб, сирота, а также наследство). При интерпретации, приложении одного и того же признака к живому и неживому носителю, может возникать разная оценка (признак «твёрдый» имеет

оценку плюс по отношению к предметам, указывая на их прочность, и оценку минус по отношению к живым существам и растениям, указывая на затвердение покрова как болезненное состояние).

В случаях, когда трансформация начинается от обозначения звука, прослеживается пучок метафорических переносов (звук колокола, голоса – созыв, звонок, то, что направлено на привлечение внимания адресата с целью сообщения ему информации (календа в древнем Риме, телефонный звонок). Носитель звука конкретизируется (человек, птица, инструмент (скрип, скрипка, писк, пищаль, пичуга). Носителями звука в равной степени выступают одушевлённые существа и неодушевлённые предметы. Сужение значений происходит в зависимости от характера звука (речь, смех, плач).

Следует отметить, что трансформации значений невозможно представить исчерпывающе, они постоянно происходят в разных языках на синхронном уровне и могут в недостаточно полной степени быть зафиксированы на диахронном уровне в связи с их разговорностью, табуированностью, недостаточностью письменной фиксации. Тем не менее, намеченные тенденции прослеживаются достаточно чётко.

2.3. Качества

2.3.1. ‘Основные качества’

В составе лексико-семантической группы ‘основные качества’ встретились следующие слова современного русского языка, содержащие первокорни: белый, богатый, большой (мастер), бравый, гладкий, голый, гордый, грязный (кал), клейкий, короткий, круглый, лёгкий, малый, молодой, новый, пёстрый, плоский, поганый, подобный (сам), ровный (прямя линия), сладкий, смуглый, тёплый, холодный (колодец), целый, юный, ярый.

6. *Белый* – праславянское, образовано посредством суффикса -l- от индоевропейского *bhā – светить, сиять, блестеть. Первоначальное значение – светлый, блестяший. Ему соответствуют древнеиндийское bhās – сияние, bhāti – сияет, блестит, греческое phanē – факел, литовское bálti – белеть, кельтское belo – блестящий, белый.

Исконно родственно древнеиндийское bhālam «блеск» [Мельничук, т. 1, с. 195-196; Фасмер, т. 1, с. 149; Цыг., с. 38; Шанск., с. 41].

К этому же корню восходит итальянское слово fiamma – огонь. Оно происходит от латинского flamma, от *flama / *flagsma, от индоевропейского корня *bhleg- – сверкать. Данный корень связывается с flagrare – пламенеть, от которого flagrante – явный, очевидный, а также с fulgere – блистать, сиять; с греческим phlégo – я воспламеняю, зажигаю. В санскрите имеется bhaian – молния. В славянских языках оно приняло значение белого цвета и эксплицируется в слове «белый» [ит. эт., с. 391]. В английском языке функционирует однокоренное слово flame – пламя, пришедшее из англофранцузского flaume, из старофранцузского flambé, которое является модификацией flamble, от латинского flammula – маленький огонь, от flamma – огонь [Кол., с. 585].

Таким образом, первокорень *bhā- транслирует смысл ‘светить, сиять, блестеть’. Значения трансформировались, сохраняя основной семантический стержень свечения. На основе метонимического переноса признака света было образовано значение ‘пламя’. На базе метафоры признак света и блеска был соотнесён с белым цветом. Отметим, что свет и блеск традиционно связывается в народном сознании с белым цветом, что отображено, в частности, в названии «большой воды»: в турецком и арабском Средиземное называется Белым морем. На основании признака ‘светлый’, ‘ясный’ было сформировано переносное метафорическое значение ‘очевидный’, ‘понятный’.

9. *Богатый* – общеславянское, образовано посредством суффикса -ат- от существительного богъ – «достояние, счастье, доля, участь» (ср. аналогичного характера образование в латыни, где fortunatus – «богатый» образовано суффиксальным способом от существительного fortuna – «богатство, счастье»).

Однокоренным является слово Бог, общеславянское, имеющее соответствия в некоторых индоевропейских языках: в древнеиндийском bhagas – одаряющий господин», bhàgas – «богатство, счастье», древнеперсидском baga – господин, бог, тохарском pāk, pāke – часть). Праславянское «бог» восходит к индоевропейской основе *bhag- «до-

стояние, богатство». Значение ‘богатство, имущество’ отражается в славянских языках, например, в украинском збіжжя «хлеб в зерне», «имущество»; верхнелужитское zbože «достаток», «скот». Следовательно, значение слова бог развилось из бытовой жизни: «достояние» > «богатство» > «хозяин» > «владыка» > «податель благ». Это последнее послужило основанием для развития религиозного значения [Мельничук, т. 1, с. 109; Шанск., с. 50; Цыг., с. 44]. В этимологическом значении слова «бог» нет коннотации кары, запрета и страшного суда, равно как и духовной наполненности.

В современном итальянском языке присутствует слово fortuna, fortunate происходящее из латыни со значением ‘богатый – удачливый’.

Слово «фортуна» было заимствовано из латыни (fortuna). Fortuna – имя богини счастья, судьбы в древнеримской мифологии. При заимствовании в русский язык конкретизировалось в значении – ‘судьба’, ‘счастливый случай’, ‘слепое счастье’ [Бул., 627]. В современном итальянском языке однокоренным со словом fortuna (удача) является наречие forse (может быть, возможно) [ит. эт., 407]. Оно происходит от латинского fors sit – да будет судьба; fors, согласно древним этимологам происходит от ferre (нести) и может быть связано с санскритом bhrtih (ср. немецкое Geburt, рождение). Аблатив forte (случайно) использовался в латыни, в других падежах предпочиталась форма fortuna, называемая доброй или злой от *fortus – судьба [ит. эт., 406].

Очевидно, с данным корнем пересеклось турецкое fırsat – случай, возможность, которое восходит к арабскому /furṣa/, обозначающему ‘случай с мелиоративной окраской’. Данное слово, в частности, закреплено в этикетной форме приветствия «Радостный случай познакомиться с Вами». В арабский оно пришло из арамейского /pīrṣā/, в котором обозначало отверстие, проход, дырку в стене [тур. эт.]. Буквальное значение «дыра, проход» было переосмыслено как «возможность прохождения», затем – «случай, которй удался», отсюда мелиоративная окраска (счастливый, а не несчастный случай; случай совершить что-либо). Возможно предположить, что от этого корня пошла линия переносов со значением отверстия (в латыни

forare – делать отверстие, дырявить). Данная трансформация рассматривается в описании слова «форум».

От глагола forare происходит название инструмента, используемого для делания отверстий, – перфоратор, пришедшего в русский язык из латыни perforator – пробивающий, пробуравливающий [Бул., с. 437; Кр., с. 586]

Фортуна в римской мифологии – это богиня счастья, случая и удачи. В классические времена Фортуна идентифицировалась с греческой Тихе. Первоначально богиня урожая (об этом свидетельствует происхождение её имени – от глагола ferre, «носить»), материнства, женщин. Богиню плодов Фортуну почитали садоводы, её праздник (11 июня) совпадал с днём богини плодородия и деторождения Матер Матуты. Впоследствии, возможно, под влиянием пренестинского культа Фортуны Примигении («первородной») Фортуна стала богиней судьбы, счастливого случая. Введение культа Фортуны связывалось с царём Сервием Туллием, ставшим благодаря любви фортуны из сына рабыни царём и воздвигшим ей несколько святилищ. Фортуну почитали как Фортуну – «судьбу сегодняшнего дня», «данного места», «частных дел», «общественных дел», «доброй судьбы», «злой судьбы», «мужской судьбы», «милостивую» и пр. Изображалась Фортуна с рогом изобилия, иногда на шаре или колесе (символ изменчивости счастья) или с повязкой на глазах [Мифы народов мира 1997: том 2, с. 571].

Исходная функция божества фортуны в римской мифологии было рождение, приводится родственный немецкий корень Geburt – рождение. Однокоренным является слово современного английского языка birth – рождение, произошедшее от древнесеверного byrth, которое соотносится с готским gabaurths, древнешведским byrdh, древневерхненемецким berd – ребёнок [Кол., с. 159]. Однокоренным современным английским словом выступает bear (bore-born) – выносить, переносить трудности, которое родственно древнеанглийскому beran, древнесеверному bera, древневерхненемецкому beran – нести, опирая о себя, латинскому ferre, греческому pherein, санскриту bharati – он несёт [Кол., с. 135].

Таким образом, первокорень ferre транслирует смысл ‘нести’, от которого развивается значение ‘нести в себе зародыш’. Данное значение развивается на мифологической почве, поскольку имя богини плодородия происходило от этого корня. Далее, следуя мифологическому сюжету, Фортуна из богини плодородия превратилась в божество удачи, придав тем самым новое значение данному первокорню. Последующее развитие значения породило наречие forse – «возможно, может быть», которое полностью отошло от исходного смысла. Это значение обусловлено мифологическим сюжетом о том, как Сервий Туллий из сына рабыни стал царём, то есть обрёл благородное происхождение. Поскольку Фортуна представлялась с закрытыми глазами, её действия не были логичны и мотивированы, символом её изменчивости было колесо, что дало значение случайности удачи. Трансформация значения обусловлена мифологической персонификацией. В русском языке современное значение слова «богатый» появилось в результате цепочки трансформаций богатство > хозяин > владыка > бог. Признак богатства и благосостояния также соотносится с высшим божеством, однако его расположение не меняется по отношению к человеку, отсутствует компонент «колеса фортуны», богатство предстаёт вне человека, которое существует само по себе в виде зерна, скота, «части», имущества.

12. *Бравый.* Данное имя прилагательное в русский язык заимствовано из французского [Бул., с. 100; Кр., с. 139] в начале XIX века. Французское brave < лат. bravus «дикий, грубый» [Мельничук, т. 1, с. 242; Шанск., с. 56].

Слова «бравый» – храбрый, «браво» – «молодец!» в сознании носителей русского языка маркировано положительно, однако изначально оно имело отрицательную оценку.

Так, слово bravo (молодец) современного итальянского языка восходит к латинскому прилагательному pravus (злой) возможно, с наложением barbarus; pravus, которое пересеклось с *perwos (кривой – ср. переверзия). Значение ‘дикий’, ‘необразованный’, ‘грубый’ сохранилось в словосочетании tierra brava (необработанная, дикая земля), что в латыни противопоставлялось dominus, mansus [ит. эт., с. 157].

В современном испанском языке след отрицательной коннотации более ощутим, чем в итальянском. Имя прилагательное современного испанского языка bravo переводится как храбрый, отважный, смелый, мужественный, лихой, залихватский, молодецкий; дикий, свирепый (о животных); хороший, отличный, прекрасный; бурный, неспокойный (о море); дикий, невозделанный, запущенный [Большой испано-русский словарь 1997: 183]. Изначально это слово в испанском языке имело значение «жестокий, дикий», приблизительно с 16-го века развилась положительная оценка со значениями «стоящий», «хороший». Очевидно, исходным был латинский корень слова barbarus (варвар, дикарь), которое развилось от *BABRU в результате диссимиляции и транспозиции, от *BRABU. Значение междометия, восклицания в тоне аплодисментов по отношению к человеку в испанский язык было заимствовано из итальянского в XVIII веке [исп. эт., с. 86].

В современный английский язык слово brave (смелый) пришло из французского, в который оно заимствовалось из итальянского bravo в значении ‘смелый’, ‘дикий’, что восходит к латинскому barbarus BARBAROUS [Кол., с. 194].

В итальянском языке слово barbaro (варвар) соотносится с греческим bàrbaros (кто говорит на бормочущем языке, кто не умеет говорить на греческом и, следовательно, является иностранцем) [ит. эт., с. 123]. Отметим, что в русском языке аналогично создано слово немец (от прилагательного нем – говорящий неясно [Цыг., с. 291]. Противопоставление ясной и неясной речи породило также слово «араб», которое было заимствовано из греческого araps, родительный падеж от arabos восходит к арабскому arab, что буквально значит «ясно, отчётливо говорящий» [Шанск., с. 28]. В контексте современной науки когнитивной лингвистики, в рамках которой большое внимание уделяется бинарной оппозиции своё-чужое, весьма интересным представляется оценка и, затем, номинация людей, не владеющих языком говорящего.

В провансальском варианте французского языка данный корень эксплицирован как brau (грубый, жестокий), от него развилось

итальянское слово bravo со значением стоящий, сильный. [ит. эт., с. 123]. Очевидно, здесь произошёл перелом отрицательной оценки, возникновение положительной и последующее развитие энантиосемии. Возможно, хамитский народ берберов, проживающий на Севере Африки, получил своё название от этого же корня, поскольку арабы слышали, как греки называют их варварами [ит. эт., с. 123].

Учитывая значение ‘дикий’, ‘сильный’, ‘способный к борьбе’, родственным возможно посчитать слово «барон», заимствованное в русский из французского baron, которое восходит к среднелатинскому baro-, -onis – дворянский титул ниже графского [Бул., с. 81]. Л. П. Крысин выводит путь заимствования в русский из немецкого Baron, французского baron, древневерхненемецкого baro – ‘воинственный человек’ [Кр., с. 117]. В английский язык слово baron пришло из старофранцузского.

Дворянский титул «барон» изначально имел значение ‘свободный человек’, закреплённое в латинском корне baro- . Данный корень baro – «свободный человек» связан с «berjask» – сражаться [Кол., с. 126]. Очевидно, развитие семантики двигалось в следующем направлении: сражающийся, завоевавший себе свободу, титул человека, который никому ничего не должен, занимающий высокое положение.

Таким образом, *brav- /*bar- / *br- транслирует смысл ‘вольной, свободной, неограниченной силы’. Эта сила может интерпретироваться как дикая и жестокая, формируя отрицательную оценку, или как созидательная с положительной оценкой. Значения по-разному трансформировались в различных языках: в русском – положительное вслед за итальянским «браво» как поощрение артиста, в испанском возможна двойная оценка: о человеке – положительная, о явлениях природы и животных – отрицательная. В английском слово brave имеет положительную оценку. Слово практически не изменило свою звуковую оболочку, трансформация значений обусловлена оценкой, под влиянием которой энантиосемия породила противоположные значения. Вновь подтверждается наблюдение М. М. Покровского о том, что закрепляется не основное, а коннотативное

значение. На примере трансформаций значений данного первокорня возможно убедиться в немаловажной роли оценки и коннотации. Очевидно, коннотация и оценка влияют на трансформацию значений во все времена, однако на синхронном уровне исследователь, будучи человеком и носителем определённого языка на данном этапе его развития, может чётче судить о сформировавшихся значениях, яснее представляя себе экстралингвистические факторы, которые, по замечанию А. Мейе, М. М. Покровского и других учёных, как факторы исторические и социальные являются ведущими в изменении значений слов.

24. *Гладкий* – общеславянское, образовано с помощью вторичного суффикса -ъкь от гладь, что имеет соответствия в литовском glodùs – гладкий, древневерхненемецком glat – гладкий, блестящий [Труб., т. 6, с. 117; Шанск., с. 104], латинском glăbĕr, гладкий, лысый [Цыг., с. 99].

Данный корень с его индоевропейским соответствием *ghleHdh- ‘гладкий, лысый’ приводит В. М. Иллич-Свитыч [Иллич-Свитыч 1967: 335].

Однокоренным является русское слово «глаз», первоначальное значение которого – гладкий круглый шарик [Шанск., с. 104]. Очевидно, родственным является английское слово glad – радостный, довольный. Возможно, переносное значение образовалось на основе тактильного ощущения гладкой поверхности круглой формы. Ему родственны древнесеверное glathr, древневерхненемецкое glat – гладкий, сияющий, латинское glaber – гладкий [Кол., с. 654]. Учитывая осуществление метафорического переноса, возможно предположить, что данному корню родственно слово современного итальянского языка ghiaccio – лёд. В современный итальянский оно пришло из латыни glacies посредством народной латыни *glacia, женский род от корня *gel- (быть ясным, блестеть) [ит. эт., с. 435].

Таким образом, первокорень *gla- транслирует смысл тактильного ощущения ‘гладкий’. Очевидно, в силу конкретности и однозначности данного тактильного ощущения, значения в разных языках трансформировались, сохраняя общий семантический стер-

жень полисемии ‘гладкий’. Метафорический перенос наблюдается в значении английского слова glad, которое имеет ярко выраженную положительную оценочную окраску. Значение итальянского слова «лёд» трансформировалось в соответствии с внешним впечатлением «гладкий, блестящий».

Возможно, вариацией данного корня или параллельным близким по значению является корень glitъ – скользкий. Он прослеживается в глаголе современного английского языка «скользить» – glide, восходящем к староанглийскому glīdan, родственному древневерхненемецкому glītan [Кол., с. 656]. Очевидно, однокоренными являются русские слова глина (буквально «скользкая») и глиста, общеславянское, образованное от несохранившегося glitъ – скользкий, чему имеются соответствия в литовском glitùs – скользкий, латинском glis, glitis – вязкая почва [Шанск., с. 104].

Отметим, что в случае правильности предположения о том, что *gla- / glit- являются вариантами одного и того же первокорня с корневыми согласными *gl-, можно сделать вывод о том, что он транслирует смысл основного качества ‘гладкий’. Ввиду того, что стержнем полисемии является тактильное ощущение, значения в ходе трансформации в разных языках разошлись незначительно: гладкий, скользкий, круглый, блестящий. Эти значения породили метонимические переносы по модели признак – его носитель, в результате которых от круглый образовалось глаз, от скользкий – глист, глина, от блестящий – лёд, а также посредством метафорического переноса возникло оценочное гладкий, круглый, без шероховатостей и препятствий – довольный.

27. *Голый* – общеславянское по происхождению, имеет соответствия в балтийских и германских языках. В латышском gāla – гололедица, древневерхненемецком – kalo – лысый [Фасмер, т. 1, с. 433-434; Шанск., с. 108].

В современном итальянском языке слово calvo (лысый) восходит к латинскому calvus индоиранского происхождения. Ему имеется соответствие в санскрите с тем же значением kulvah (лысый) [ит. эт., с. 175].

В. М. Иллич-Свитыч также фиксирует этот корень: индоевропейское *gol- ‘голый, лысый’, алтайское *kal’ с тем же значением [Иллич-Свитыч1967: 337].

В современном турецком языке, очевидно, фигурирует родственный корень kel – лысый, а также kelle – голова, который имеет также фразеологически связанные значения: bir kelle peynir – голова сыра, bir kelle lâhana – голова капусты.

М. Фасмер, ссылаясь на В. Шульце, сближает слова «голый» и «голова», которым соответствуют древневерхненемецкое calua, латинское calva – череп (от calvus – лысый) [Фасмер, т. 1, с. 429].

Праславянскому *golva родственны литовское galva, латинское calva «череп» от calvus «лысый» [Цыг., с. 99].

М. Фасмер указывает на возможность того, что праславянскому *golva могло быть родственно желвь «желвак». Данное мнение разделяет Н. М. Шанский [Шанск., с. 108]. Восточнославянское по происхождению, образовано при помощи суффикса -ак от существительного желва – «шишка, костообразное утолщение». Желы – суффиксальное производное посредством суффикса -ы от того же корня, что и железа, голова, железо. Жел- восходит к *gel- < *ghel, со значением «камень», предполагают первоначальное значение ‘твёрдая, круглая’, чему родственно греческое chalix со значением ‘камень’ [Цыг., с. 99; Шанск., с. 142]. Современная форма русского слова «железо» развилась из праславянского *gel(e)zo со значением железо, собственно, ‘твёрдый как камень’. Звук / g / перед / e / в результате смягчения превратился в / ж /. Праславянское gel(e)zo восходит к индоевропейской основе с корнем *ghel – ‘твёрдый’, ‘камень’. В основу названия металла было положено слово, называвшее ранее камень, что предполагает перенос по функции [Цыг., с. 145; Шанск., с. 122].

Таким образом, первокорень *ghel- транслирует смысл ‘твёрдый’, значения которого трансформировались, однако семантический стержень полисемии сохранился чётко на основе тактильного ощущения. В латыни значение трансформировалось в ‘череп’, на ранних этапах развития русского языка сформировалось значение ‘шишка’, в греческом – ‘камень’. Далее наблюдается пучок значе-

ний, в ходе трансформации которых произошёл метонимический перенос по модели признак – его носитель; по признаку твёрдой, округлой, гладкой поверхности – ‘гололедица’ в латышском, ‘лысый’ – в древневерхненемецком, в турецком и в итальянском, в котором указывается индоиранское происхождение и приводится соответствие в санскрите. Затем присутствует также значение ‘голова’, которое, очевидно, развилось при наличии переходного звена ‘лысый’, а также значение ‘твёрдый, круглый’. Учитывая географический разброс, возможно предположить, что значения развиваются по цепочке, а трансформируются «пучками», поскольку из одной отправной точки прослеживается целый набор преемственно не связанных ответвлений.

29. *Гордый* – праславянское, восходит к индоевропейскому корню *grdъ. Значение развивалось следующим образом: гордый, высокомерный, пренебрегающий трудностями, странный, глупый. Однокоренными словами являются латинское gurdus – глупый, тупой > надменный, сербохорватское грдан – безобразный, противный, польское hardy – непокорный, дерзкий. Далее оценочное отношение изменилось, в древнерусском гордыи обозначало «страшный, непокорный», а также «важный, великолепный». В чещском однокоренное слово hrdina обозначает герой [Мельничук, т. 1, с. 564; Цыг., с. 106; Шанск., с. 109].

В современном испанском слово gordo имеет значение «толстый» и восходит к латинскому gurdus – глупый, тупой [исп. эт., с. 278]. Очевидно, в пределах испанского языка значение развивалось по следующей логике: толстый, значит, здоровый, сильный, тупая сила, глупость. Этот же путь осмысления передаёт пословица: «Сила есть – ума не надо». Она является общечеловеческой, поскольку имеет аналоги в других языках, например, в турецком: «Hem suçlu hem güçlü», буквально: «что виноват, что силён». Семантический примитив данной поговорки (atasüözü – отцовского слова, назидания) следующий: кто силён, тот и прав, ‘неосмысленная, наносящая ущерб сила’, то есть «глупая сила».

Отталкиваясь от значения ‘сила’, выскажем предположения о родственности английского hard: 1) твёрдый; чёрствый, жёсткий, 2) сильный, 3) тяжёлый, 4) суровый (о климате), а также фразеологи-

чески связанное выражение to be hard on smb. – быть несправедливо строгим с кем-либо. Последнее передаёт значение ‘несоответствия истине’, ‘глупости’. Слово современного английского языка hard восходит к староанглийскому heard, которое соотносится с древнесеверным harthr, древнефризийским herd, древневерхненемецким herti, готским hardus (твёрдый, тяжёлый), греческим kratus (сильный) [Кол., с. 708].

Учитывая придыхательный характер звука, обозначаемого буквой h в английском и его нулевой характер в итальянском, испанском, французском, предположим родство древнесеверного harthr с именем Артур, которое в английском написании выглядит как Arthur. О происхождении данного антропонима нет единого мнения. С одной стороны, предполагается, что это этрусское имя Artoriu, с другой, его связывают с кельтским Artua – облако, с третьей считается, что антропоним произошёл от ирландского Art – медведь [ит. эт., с.1091]. В русском языке также существует единая номинация медведя и человеческого имени Михаил. Допуская верность третьей версии, отметим, что Миша в представлении народов, на территории которых встречается животное медведь, видится носителем грозной силы. В таком случае, значение «сильный, страшный, медведь» соответствует корню Art – Arthur – harthr.

Опираясь на тот факт, что однокоренным является чешское слово hrdina (герой), обратимся к этимологии слова герой, которое было заимствовано в русский из французского и восходит к латыни, куда оно пришло из греческого [Бул., с. 146, Кр., с. 193]. В английский hero (герой) пришло из латыни hērōs, куда оно было заимствовано также из греческого [Кол., с. 728].

Греческое héros, очевидно, родственно санскритскому vír-a (сильный) [ит. эт., с. 357]. Таким образом, значение «сильный» могло быть исходным в слове герой. Этому корню санскрита родственно латинское vir – человек, мужчина [ит эт., с. 357], от которого произошло имя прилагательное современного итальянского языка virile – мужественный. Очевидно, однокоренным является слово испанского языка varon – мужчина, которое более активно используется в латиноамериканском, в частности, в перуанском варианте

испанского языка. В последнем функционирует также слово varuna – охранник (вышибала) ацтекского происхождения. Очевидно, корень *vr породил значение «сильный человек».

Таким образом, первокорень *grd- транслирует смысл ‘прочный, твёрдый’. Значения трансформировались следующим образом: прочный, твёрдый, далее, с твёрдого прочного предмета был осуществлён метонимический перенос на человека, в результате чего в одном направлении образовался пучок значений ‘носитель неосмысленной силы’, ‘толстый’, в другом направлении сформировался пучок значений ‘носитель созидательной силы’, герой, мужчина, охранник, силач. Очевидно, пучки значений расходятся из одной точки и затем отдаляются, доходя до энантиосемии.

57. *Кал* – общеславянское, индоевропейского характера. Ему имеются соответствия в древнеиндийском kālas – чёрный, в латыни cālīgere – быть тёмным, squālor – грязь. Первоначальное значение – грязь [Шанск., с. 183]. Однокоренным является наименование куста калины, образованного с помощью суффикса -ин-а от существительного калъ «грязь», поскольку кустарник растёт на влажной почве, либо по цвету плодов – тёмная [Мельничук, т. 2, с. 345; Труб., т. 9, с. 127; Фасмер, т. 2, с. 163; Цыг, с. 185; Шанск., с. 184].

Этот корень фигурирует в слове современного итальянского языка squallido (жалкий, убогий, хмурый, печальный), которое происходит от латинского squalidus. Корень *kal- имеет соответствия в санскрите kala (чёрный), kalankas (пятно), khalug (сумерки), в греческом kelainós (чёрный) и в латыни caligo (дымка, туман). Римляне называли словом squalida траурную одежду [ит. эт., с. 950]. Родственным является слово современного итальянского языка caligine – дымка, туман, смог, помрачение рассудка. Оно происходит от латинского caligo (туман, густой пар), восходящее к прилагательному *calus (тёмный), которое возможно связать с санскритом kalah (чёрный), греческим kelainós (чёрный) [ит. эт., с. 173].

В современнопм турецком языке функционирует сходное по значению и звуковому оформлению слово kara – чёрный, тёмный, мрачный, собственно тюркское по происхождению [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *kal- транслирует смысл ‘тёмный, чёрный’, значения трансформировались согласно метонимической модели признак – его носитель: грязь, пятно, сумерки, дымка, туман; а также по метонимической модели nomina actionis – быть чёрным. После нескольких этапов метонимических переносов прослеживается метафорический перенос, приведший к трансформации значения – помрачнение рассудка.

61. *Клей*, клейкий – общеславянское. М. Фасмер указывает на его праславянский характер *kъlьjь и родственность греческому «клей», средненижненемецкому helen «липнуть, приклеиваться» из *haljan и отвергает предположение о заимствовании славянского слова из средненижненемецкого, нижненемецкого klei, нововерхненемецкого Klei «вязкий ил, глина» [Мельничук, т. 2, с. 556-457; Фасмер, т. 2, с. 246]. Однако Н. М. Шанский отмечает возможность того, что общеславянское «клей» является ранним заимствованием из германских языков, указывая на соответствия в средненижненемецком klei – «вязкий, ил», голландском klei «глина» [Шанск., с. 197].

В современном английском языке функционирует родственное слово clay – глина. Оно всходит к староанглийскому clæg, соотносится с древневерхненемецким klīa, норвежским kli, латинским glūs – клей, греческим gloios – липкое масло [Кол., с. 301].

В современном английском языке бытует образованное от этого же корня, но с иным значением слово glue – клей. Оно восходит к старофранцузскому glu, в который данное слово пришло из поздней латыни glūs, оно также соотносимо с греческим gloios [Кол., с. 658].

В современном итальянском языке присутствуют однокоренные слова glutine – клейковина, glutinosità – клейкость, вязкость, glutinoso – клеевой, клейкий, вязкий. Они восходят к латинскому gluten – птичий клей [ит. эт., с. 445].

Очевидно, от корня *klej- со значением свойства ‘клейкости, липкости’ образование пошло по двум линиям: klei ‘вязкий, глина’ и glūs ‘липкий, клей’. Так, возможно предположить родственность наименования глюкозы по признаку сладкий-липкий. Слово глюкоза, заимствованное в русский язык из французского [Бул., с. 164; Кр.,

с. 211], восходит к греческому gleûkos (сусло, молодое, не перебродившее вино).

Возможным родственным образованием является итальянское colla, испанское cola – клей, восходящее к позднелатинскому *colla, в который, в свою очередь, оно пришло из греческого kola – резина. От него развилось греко-византийское «протокол» protokollon – лист, приклеенный на документ [ит. эт., с. 229]. От этого же корня образован химический термин коллоид [исп. эт., с. 137]. Коллоид – некристаллизующееся клееобразное вещество, слово было заимствовано в русский язык из греческого [Бул., с. 277; Кр., с. 370].

Таким образом, первокорень *klej- транслирует смысл ‘свойства клейкости, липкости’, значения его трансформировались по метонимической модели признак – его носитель: свойство вязкости – глина, коллоид (с узким терминологическим значением); свойство клейкости – глюкоза, липкое масло. Очевидно, название вещества «клей» совмещает и ‘вязкость’ и ‘клейкость’. Однако, будучи привязанным к конкретному веществу – клею и его свойству – клеить, значения разошлись незначительно, обозначив клей и глину. Следующий этап метонимического переноса дал название объекта, сделанного при помощи приклеивания – протокол, за которым впоследствии закрепилось коннотативное значение «документ», утратившее связь с клеем.

63. *Колодец* восходит к более древнему колодязь, которое фиксируется в памятниках с X в. Существует предположение о его заимствовании из древнегерманских языков. Исходным могло быть готское *kalding- – «холодный, студёный источник», ему соответствуют готское kalds, английское cold «холодный», датское kild «родник». На общеславянской почве в готском *kalding- сочетание in дало носовой гласный / ę /, после которого по третьему смягчению задненёбных звук / g / превратился в / z /, в результате чего возникло общеславянское *kolodęzь, которое дало восточнославянское колодязь, сохранившееся в украинском языке. В нём из *-ol- развилось полногласное сочетание -оло-, носовой / ę / изменился в / ‘а / – графическое я [Цыг., с. 207]. Изменение колодязь > колодец объясняется влиянием слов на -ец, в частности, старославянского студенец – «колодец», являющегося словообразовательной калькой готского *kalding- [Мель-

ничук, т. 2, с. 518; Шанск, с. 205]. М. Фасмер указывает на неубедительность возведение слова колодязь к колода [Фасмер, т. 2, с. 293].

Очевидно, родственным является слово современного английского языка cold – холодный, которое восходит к староанглийскому ceald и соотносится с древнесеверным kaldr, готским kalds, древневерхненемецким kalt [Кол., с. 316]. Однокоренным является английское слово cool – прохладный, которое восходит к староанглийскому cōl и соотносится с древнесеверным kōlna, древневерхненемецким kuoli [Кол., с. 351]. Родственным предстаёт слово современного английского языка chill – умеренная прохлада, chilly – зябкий, которое восходит к староанглийскому ciele и соотносится с латинским gelidus – ледяной [Кол., с. 282].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово gelo – лёд, восходящее к латинскому gelu – лёд, мороз, который, в свою очередь, произошёл от индоевропейского *gel- – колоться. Ему имеются соответствия в санскрите gala – холод и вода, готском kalds, немецком Kalt – холодный [ит. эт., с. 428]. В современном итальянском языке слово gelo выступает фразеологически связаным в словосочетании gelo pungente – «трескучий мороз», буквально «колящийся мороз», поскольку pungere обозначает колоть. В словосочетании gelo pungente – «колящий мороз» вторично воспроизводится внутренняя форма «колоть». Отметим, что среди дериватов в итальянском языке, в частности, присутствует слово gelato – мороженое, представляющее собой субстантивировавшееся причастие прошедшего времени, аналогично русскому слову мороженое. Очевидно совпадение соответствий готскому kalds.

Поэтапно, соотнося данные этимологических словарей, удалось восстановить, что готскому kald- , подтверждённому источнику русского слова «колодец», соответствует английское cold (холодный), которое, в свою очередь, связано с cool – прохладный. В словарной статье слова cool присутствует ссылка на chilly – зыбкий, статья которого указывает на соответствие латинскому gelidus – ледяной. Эта цепочка соответствий восстанавливается по данным одного языка – английского. Далее, благодаря латыни, стаёт возможным соотнесение с современным итальянским gelo – мороз. В словарной статье

слова gelo даётся отсылка к индоевропейскому корню *gel- с семантикой ‘колоться’.

Однокоренным является турецкое слово sert – твёрдый, крепкий, суровый, резкий, соответствующее serd – колящий (острый) мороз, которое восходит к фарси. Ему имеются соответствия в авестийском sarəta – холодный. Приведённые корни восходят к индоевропейскому *kelə-t- из *kel- – мёрзнуть, леденеть [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *gel- с исходным значением «колоться», которое передаёт свойство льда и мороза, воспринимаемое человеком, на начальных этапах своего функционирования обрело значение основного свойства «холодный». Как известно, признак, положенный в основу номинации, не всегда является главным. В ходе дальнейшего развития транслировался смысл ‘холодный’. Значения трансформировались в небольшой степени. По тактильному ощущению холодный был осуществлён метонимический перенос холодная вода, затем метонимия nomina loci (место, где находится холодная вода) образовала значение холодный источник, колодец. По признаку холода сформировалось значение мороз, лёд и постоянное свойства мороза и льда колоть, щипать в словосочетании gelo pungente – «трескучий мороз» – «колящийся мороз», активизировался возврат к признаку, задействованному во внутренней форме индоевропейского корня *gel- со значением ‘колоться’.

67. *Короткий* – по корню праславянское, по звуковому оформлению восточнославянское, оно произошло от праславянского *kortъkyi «короткий» с первоначальным значением ‘усечённый, подрезанный’. На восточнославянской почве в нём развилось полногласное сочетание -оро- из * or- между согласными, которому в старославянском соответствует «краткий». В данном слове исчез слабый ъ и затем уже в русском языке сочетание кы изменилось в ки. Праславянское *kortъkyi является полной формой прилагательного *kortъkъ «короток», которое является последним образованием с суффиксом *-ък-ъ от причастной основы *kort- глагола *korotiti, восходящего к индоевропейскому *(s) ker-ti, *(s) ker- «резать». Родственными являются греческое keirō «режу, стригу», иранское cert «малый», латин-

ское curtus «укороченный», литовское kartùs «бедный». Однокоренным является также заимствованное в русский из польского слово куртка – короткая верхняя одежда [Мельничук, т. 3, с. 42; Фасмер, т. 2, с. 336; Цыг, с. 218, 231; Шанск, с. 213].

В современном русском языке однокоренным является фразеологически связанное слово «крат», входящее в состав выражения «во сто крат», «многократный» и т. п., а также «кратный». Оно заимствовано из старославянского языка кратъ, которое имело значение «раз». Слово восходит к общеславянскому *kortъ, образованного с помощью переогласовки темы -ъ от той же основы, что и литовское kertù – рублю [Шанск., с. 219].

Родственным выступает слово современного итальянского языка corto – короткий, происходящее от латинского curtus (усечённый). Ему имеются соответствия в санскрите krtta. Корень тот же, что и в cortex, на полусокращённой ступени *ker'- [ит. эт., с. 266].

В современном испанском функционирует однокоренной глагол cortar – резать.

М. Фасмер указывает, что на другой ступени чередования родственным выступает слово черта [Фасмер, т. 2, с. 336].

Черта – по корню праславянское, в памятниках письменности чьрта отмечается с XI века в значении «нарезка, линия». Это слово образовано от глагола чьрсти, чьрту «резать, рубить», который развился из *kьrt-ti с тем же значением. На славянской почве / к / изменилось в / ч /, сочетание / tt / – в / st /. Родственными являются литовское kertù «резко ударяю», латышское kirst – «рубить», древнеиндийское kártati «отрезает» [Цыг., с. 536; Шанск., с. 492].

Вопрос о родственности глагола современного английского глагола cut – резать остаётся открытым, поскольку, несмотря на сближение семантики, первокорню *krt- соответствуют только два согласных / k, t /. Cut в английский пришло из скандинавских языков, ему соответствует норвежское kutte – резать и исландское kuti – маленький нож [Кол., с. 392].

Опираясь на указание родственности индоевропейского *(s) ker-ti, *(s) ker- «резать» греческому keirō «режу, стригу», возможно

констатировать то, что однокоренным с «короткий» является слово русского языка «кора». Кора – общеславянское, индоевропейского характера, первоначальное значение: «то, что срезается». Оно образовано от глагольного корня *ker-||*kor- «резать, рубить», который оформлен в слове при помощи окончания женского рода -а. Этот же индоевропейский корень *ker-||*kor- мог иметь расширенный звуком s (интенсивный) вид *sker-||*skor- . Ему родственно латинское corium – толстая кожа, шкура, karma – луб, лыко, древнеиндийское kármen – кожа, шкура, греческое keirō – обрубаю, литовское skirti – отделять, древневерхненемецкое sceran с тождественным значением. Тот же корень, но с начальным / с / выступает в диалектном скора, скорняк, шкура. Корень *sker-||*skor- встречается в диалектизмах русского языка: скора – кора, скура – кожа, из которого вследствие изменения ск > шк возникло слово шкура, а также – скорняк. Этому корню в виде *kor- родственны слова корица – высушенная душистая кора», образованное при помощи диминутива -иц- ; коричневый – цвет корицы, образованное с помощью суффикса -ев- от прилагательного коричный, которое, в свою очередь, произведено суффиксом -ьн- . Перед гласным переднего ряда /ь/ звук /ц/ изменился в /ч/; «корыто», образованное с помощью предметного суффикса -ыт-о, его первоначальным значением было «изделие из коры», скорлупа, образованное с помощью утраченного суффикса -уп-а от существительного скора «кора, шкура», скорняк, образованное посредством суффикса деятеля -ак от утраченного существительного *скорьнь «изделие из шкурок», которое произведено с суффиксом -ьн-ь от праславянского скора – шкура; корпеть, в котором заключён тот же корень, что и в слове скорняк, осложнённый начальным / с /. От того же корня, что и кора / шкура, образовано слово «черевички». По происхождению оно является формой множественного числа от черевичка, диминутива с суффиксом -ка от общеславянского черевикъ. Согласно одной из версий, его возводят к черево – чрево, в таком случае его значение связано с тем, что обувь делается из тонкой кожи; согласно другой версии, его возводят к черв- , восходящему к индоевропейскому *(s)ker- , выступающему в словах кора, шкура. Однокоренным является также глагол щерить. Общеславянский по

происхождению, он образован при помощи суффикса -ити от щера – трещина, являющегося вариантом существительного скора с чередованием о/е, щера < *skera. Буквальное значение глагола щерить – делать щель. Существует предположение о том, что однокоренным также является слово ящерица, если толковать данную номинацию как животное, меняющее шкуру. Слово ящерица не имеет общепринятой этимологии, предположительно оно образовано как диминутив с суффиксом -ица от ящеръ, засвидетельствованного в памятниках XIV века и, возможно, являющегося производным с первоначально диминутивной приставкой я- от той же основы, но с переогласовкой о/е , что и скора – шкура [Цыг., с. 216, 217, 426; Шанск., с. 211, 213, 491, 519, 527].

Ввиду восхождения к индоевропейскому корню *sker- , родственным является слово современного итальянского языка scorza – кора, которое происходит из народной латыни *scortja, которому имеется соответствие в классической латыни scortea, женскому варианту от scorteus, от scortum – кожа, связываемого с corium (твёрдая кожа как материал), которое восходит к корню *sker- – отрезать, ему соответствует немецкое Schere – ножницы [ит. эт., с. 893].

К указанному корню *ker- восходит слово современного итальянского языка carne – мясо, исходным значением которого является ‘порция’, ‘часть’. Возможно, значение происходит от жертвенного мяса, предназначенного для богов. Carne восходит к carnifex – резать, которое, в свою очередь, произошло от *ker- со значением «резать» [ит. эт., с. 191].

С семантикой «резать» сближается также собственно русское «кромсать», образованное при помощи суффикса -ать, осложнённого / с / от крома – граница, край. Его первоначальное значение – «отрезать до края, укоротить». Ему соответствует древнегерманское scrama – рубец. С данным корнем по семантике и звуковому оформлению сближается также общеславянское по происхождению слово «край», образованное с помощью темы -ъ от краяти – «резать», являющегося формой многократного вида к кроить – кроит. В первоначальном *krajъ звук / ъ / изменился в / ь /, в сочетании / jь / дало й. [Фасмер, т. 2, с. 364; Шанск., с. 218, 221]. Отталкиваясь от приве-

дённого древнегерманского scrama – рубец, отметим, что немецкое Schramme – шрам, рубец, которому соответствует средневерхненемецкое schram(m)e «рана от удара холодным оружием, рубец» через польское посредничество было заимствовано в русский язык [Бул., с. 665; Кр., с. 892] и дало слово «шрам» [Фасмер, т. 4, с. 476; Шанск, с. 512]. Этот же корень фигурирует в английском слове scar – шрам [Кол., с. 1382]. Родственным является также слово «корнать», общеславянское по происхождению, образованное с помощью -ати от кърнъ – короткий, обрезанный. Тот же корень в переогласованном виде выступает в словах черенок, корноухий. Основа прилагательного кърный выступает в словах, образованных сложением по типу курносый, кургузый [Шанск., с. 212, 227, 228].

Распространённость данного корня Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов связывают с развитостью ремесла обработки шкур: общеиндоевропейская лексика и реконструированные фрагменты текстов дают возможность установить относительно высокий уровень материальной культуры: значимо не только скотоводство, но и земледелие, продукты которых использовались в ремёслах, например, обработке шкур, о чём свидетельствует корень *sk[h]er- – ‘резать’, ‘стричь’, ‘кроить’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 884].

Таким образом, первокорень *sker-||*skor- транслирует смысл ‘резать’. Посредством метафорического переноса подобия действию резать сформировалось значение ‘резко ударять, рубить’. Дальнейшее развитие значения породил метонимический перенос действие – его результат (глагол) «отделять», «кроить», (существительное) черта, край, шрам, (прилагательное) усечённый, короткий. Метафора «короткий» дало значение ‘малый’, а также ‘бедный’ и ‘куртка’. Метонимия действие (резать) – орудие действия дало значение ‘ножницы’. Метонимия действие – то, что ему подлежит, дало значения ‘кожа’, ‘лыко’, ‘кора’. Метонимия материал – мастер, с ним работающий, привело к развитию значения ‘скорняк’. От слова «кора» метафорический перенос дал значение ‘скорлупа’. Метонимия материал – то, что из него изготовлено, породил значение ‘корыто’. Метафорический перенос от значения ‘кора’ произвёл название ‘корицы’, за которым в дальнейшем закрепилось вторичное значение специи,

а не коры. Метонимия предмет – его цвет сформировала значение ‘коричневый’.

70. *Круглый*. Круг – древнее славянское слово, современная форма которого развилась из праславянского *krongъ вследствие перехода на восточнославянской почве носового /о/ в /у/. Праславянское *krongъ происходит от индоевропейского *grengh- (> *grongh-) – огибать, которому имеются соответствия в германских языках: древнесреднегерманское hringr – кольцо, круг, бухта; древнеисландское hringr, англосаксонское hring – круг; готское ringes с тождественным значением, а также умбрское cringatro, krenkatrum cinctum – повязка на плече как знак отличия. В праславянском языке сочетание / on / в конце слога дало / о / носовое, которое у восточных славян перешло в /у/ [Мельничук, т. 3, с. 106-107; Фасмер, т. 2, с. 385, Цыг., с. 227; Шанск., с. 222].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово ring – круг, кольцо, ринг, которое восходит к древнеанглийскому hring и соответствует древнесеверному hringr [Кол., с. 1334].

Однокоренным является восточнославянское по происхождению слово кряж – толстый обрубок бревна, образованное при помощи суффикса -j- от той же основы, что и круг, но на иной ступени чередования гласного. Сочетание / г / с последующим / j / изменилось в / ж / [Шанск., с. 223].

Таким образом, первокорень *grengh- (> *grongh-) транслирует смысл ‘огибать’, значения которого трансформировались на базе метонимического переноса действие – его результат: круг, кольцо, повязка; а также метафорического переноса подобия формы – круглое бревно, пень, а также ринг, арена. Отметим, что однокоренное слово ринг было заимствовано в русский, закрепилось как термин и воспринимается иноязычным заимствованием.

76. *Лёгкий* – древнеславянское слово, современная форма которого развилась из древнерусской легкыи (льгъкыи) лёгкий, вследствие изменения в русском языке ударного /е/ после мягкого перед твёрдым согласным в гласный /‘о/, графическое ё и смягчения /кы/ в /ки/. Древнерусское легкыи из праславянского *lьgъkyi «лёгкий», которое является полной формой с окончанием *-yi > -ый от *lьgъkъ «легок»,

чему соответствует старославянское льгъкъ, русское легокъ. Прилагательное *lьgъkъ образовано суффиксом -ък-ъ от существительного *lьg-a ‘свобода, лёгкость’ из индоевропейского *legh- (*lengh-) «лёгкий». Ему имеются соответствия в литовском lengvùs, латышском liegs «лёгкий», древнеиндийском laghús «лёгкий, быстрый», верхнелужицком lohki, нижелужицком lekki, letki, латинском levis «легкий, быстрый», авестийском ra‘u-, (*ragv-) «проворный», древнеирландском сравнительная степень laigiu «меньше, хуже». Наряду с этим существуют формы с носовым инфиксом в древневерхненемецком lungar, готском leihts (древневерхненемецкое gilingan «удаваться»).

От существительного *lьga «лёгкость» с помощью суффикса *-ot-a, указывающего на отвлечённый признак, образовано существительное *lьgota – льгота, присутствующее во многих славянских языках. Однокоренным является также название органа лёгкое, поскольку оно не тонет в воде и воспринимается как то, что легче воды. При разделывании туши съедобные внутренности помещались в посудину с водой, и легкие оставались на поверхности, а сердце и печень в неё погружались. Слову «лёгкое» соответствуют английское lights множественное число «легкие некоторых животных», а также light «легкий», португальское leves «легкие» и leve «легкий», нововерхненемецкое Lunge «легкое», древневерхненемецкое lungar «легкий, быстрый» [Мельничук, т. 3, с. 209–210; Фасмер, т. 2, с. 473-474, Цыг., с. 237–238; Шанск., с. 236].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово light, которое в первом значении восходит к латинскому lux и обозначает свет, а во втором соответствует исследуемому корню с семантикой ‘лёгкий, не тяжёлый’. Оно восходит к древнеанглийскому lēoht, которое соотносится с датским licht, готским leihts [Кол., с. 900]. Отметим, что light, как в значении ‘свет’, так и в значении ‘лёгкий’ восходит к древнеанглийскому lēoht, что, очевидно, говорит о том, что пересечение произошло ещё в древнеанглийском, однако происхождение восприятия света (зрительное) и веса (тактильное) относится к разным денотативным полям.

Базируясь на латинском соответствии levis ‘легкий, быстрый’, возможно сделать вывод о соответствии ему современного итальян-

ского прилагательного lieve. Оно восходит к *lavis от основы leghu, присутствующей в греческом elachýs, в немецком leicht, а также в славянском ареале.

В современном итальянском языке дериватом от levis выступает глагол levare (облегчать, поднимать). От причастия прошедшего времени levamen / *levitum происходит существительное levamen (подошедшее тесто), от которого современное итальянское lievito – дрожжи. Причастие настоящего времени Levante со значением восходящего солнца породило название Востока, а также термин Левант (страны Леванта – Восточного Средиземноморья: Сирия, Ливан, Иордания, Палестина). Аналогично латинскому Levante – Восток в греческом образовано название Анатолии: anatolé, Anatolía ανατολία – страны Востока [ит. эт., с. 576; тур. эт.].

Однокоренным является прилагательное современного итальянского языка leggero, которое восходит к старофранцузскому legier, образовавшемуся в свою очередь от слова народной латыни *levjarius, от levis – лёгкий. От этого же корня происходят испанское прилагательное ligero и каталонское lleuger с тем же значением [ит. этимо, с. 567; исп. эт., с. 337].

Таким образом, первокорень *legh- (*lengh-) транслирует смысл ‘лёгкий’. Значения трансформировались в результате конкретизации и сужения: лёгкий, с малым весом, способный к быстрому перемещению – быстрый, проворный, а также такой, которого мало – малое количество. Метафорический перенос дал социально обусловленное значение льгота. По признаку ‘лёгкий – действие с ним’ был осуществлён метонимический перенос ‘поднимать’, ‘подниматься’, а также метафора ‘легко поднять’ – ‘легко сделать что-либо’ породила значение удаваться. По метонимической модели признак – его носитель сформировалось значение органа лёгкого. Последующий метонимически пренос действие (подниматься) – его носитель дал значение поднявшееся тесто, а затем, в результате следующего витка метонимии, nomina agentis – дрожжи.

Метафора ‘восход солнца’ с последующей метонимией переноса по месту дала значение ‘страны Востока’. Отметим, что сторона света Восток воспринимается как место восхода солнца европейцами. В

то время как самими жителями Леванта восток воспринимается как перёд – место, где встаёт солнце.

78. *Линия* – слово, передающее основное качество ‘прямой’, было заимствовано в русский из латыни [Бул., с. 322; Кр., с. 438]. От языков-посредников – польского (linia) и немецкого (Linie) слово «линия» унаследовало звучание второго /и/. В первоисточнике – латыни līnea обозначало льняную нить, черту, проведённую ниткой. Производным является līnum – лён [Фасмер, т. 2, с. 498; Цыг., с. 241-242; Шанск., с. 241]. Этому слову О. Н. Трубачёв приводит следующее соответствие и толкование: «*lenъ / *klenъ ‘сухожилие, связки шейных позвонков’ … наличие варианта клён, как этимологически тёмного и потому явно более древнего, позволяет достаточно уверенно объяснить форму лён, льна как следствие преобразования, вызванного вторичным сближением с названием растения. Семантическим основанием сближения было сходство сухожилий с волокнами вымоченного льна» [Труб, т. 14, с. 114].

В современном итальянском языке функционирует слово linea, восходящее к латинскому lineus – льняная нить. Слово лён – lino, образованное от латинского linum, имеет соответствия в греческом línon, немецком Lein, провансальском linha. Производным является «линолеум» – linoleum, состоящее из linum и oleum (масло), заимствованное в русский из английского [Бул., с. 323; Кр., с. 438] в конце XIX века. Оно представляет собой сложение, произведённое создателем данного материла, Вальтоном [Шанск., с. 241]. От linteulum (lino + telo – полотно) в итальянском произошло lenzuolo – простыня [ит. эт., с. 578, 579].

Однокоренным также является слово «лента». В современном виде оно фиксируется с XVII века, в форме лентии известно с XI века. Лентии со значением ‘пояс, полотенце’ было заимствовано из греческого языка. Греческому lention «полотенце» соответствует латинское linteum «холст», «льняное полотно», производное от linum «лён» [Цыг., с. 239; Шанск., с. 238].

Слово современного английского языка line – линия восходит к латинскому līnea, которому соответствует древнеанглийское līn.

Данному корню также и в английском соответствует номинация льна – linen [Кол., с. 905].

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов отмечают, что, судя по диалектному распространению слова для ‘льна’ (греческий, балто-славянский, латинский, а, возможно, также кельтский и албанский), форму *lino- следует считать древним индоевропейским образованием, отразившимся в большинстве индоевропейских диалектов в значении ‘лён’, ‘полотно’, ‘льняная нить’ [Гамкрелидзе, Иванов: 1984: 660].

В современном испанском функционируют однокоренные слова: женского рода lienza – узкая полоса ткани, шнур, а также мужского рода lienzo – полотно, холст, платок, которые восходят к латинскому lĭntĕum – льняное полотно. Появление дифтонга /ie/ объясняется существованием варианта lĕnteum в народной латыни [исп. эт., с. 337].

Таким образом, первокорень *lin- (*len-) транслирует смысл ‘лён’, который обобщился до номинации ‘нечто связанное с тканью’. Значения трансформировались на базе метонимического переноса материал – предмет, из него изготовленный: нить, затем последующий виток метонимии по той же модели дал значения полотно, простыня, платок. На основе метафоры, отображающей подобие натянутой нити прямой черте, образовалось значение ‘линия’.

80. *Малый* – устаревшее прилагательное, общеславянское по происхождению, имеет соответствия в других индоевропейских языках: в латыни malus – «дурной < малый, недостаточный», в готском smals – малый, древневерхненемецком – smals [Шанск., с. 253], древнесаксонском smal, нововерхненемецком schmal «узкий», средневерхненемецком smeln «умалять, сокращать». От слова «малый» происходит также древнерусское «мало» [Мельничук, т. 3, с. 371; Труб., т. 17, с. 177; Фасмер, т. 2, с. 564].

Основываясь на латинском соответствии, отметим, что в современном итальянском (испанском [исп. эт., с. 351]) языке функционирует однокоренное наречие male, происходящее от прилагательного malus, от индоевропейского корня *mel- с исходным религиозным значением. Ему имеются соответствия в греческом méleos – пустой, оскском mallom, армянском melk – грех [ит. эт., с. 601].

Опираясь на соответствия в германских языках, возможно сделать вывод о наличии однокоренного слова small – маленький в современном английском. Оно происходит от древнеанглийского smæl и соотносится с древневерхненемецким small, древнесеверным smali – малый скот [Кол., с. 1457].

В русском языке производным при помощи суффикса -ец (< -ьць) от малый является слово малец, от которого, в свою очередь, суффиксом -ик образовано слово мальчик [Шанск., с. 254].

Таким образом, первокорень *mel- транслирует смысл ‘нечто небольшого размера’, от которого посредством метонимического переноса произошла трансформация значений по модели признак – его носитель: малый, недостаточный, узкий, пустой. Метонимический перенос по модели nomina actionis дал названия действиям умалять, сокращать. В последующей трансформации значения данного корня произошло наложение оценки малый-плохой (недостаточный), подобно тому, как это прослеживается в слове худой (в значениях тонкий и плохой).

81. *Мастер* – раннее древнерусское, заимствованное из греческого не позднее X века. Греческое mastoras – «мастер, ремесленник». Однокоренным является восточнославянское слово «мастак», образованное от существительного маста – учение, мастерство, известного в диалектах, при помощи суффикса -ак. Существительное маста возникло как результат процесса осложнения слова «мастер», в котором стал выделяться суффикс -ер [Мельничук, т. 3, с. 363; Фасмер, т. 2, с. 578-579; Шанск., с. 257]. От этого же корня образовано слово «магистр», заимствованное в русский из латыни [Бул., с. 331; Кр., с. 450].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово маэстро – maestro, которое используется в составе обращения к деятелям искусства. В такой огласовке оно было заимствовано в русский со значением почётного звания крупных деятелей в разных областях искусства (композиторов, дирижёров, живописцев) [Бул., с. 345; Кр., с. 470]. Maestro происходит от латинского magister, от magisteros, восходящего к magis (более) с суффиксом -tero, кото-

рый имеется в греческом -teros и в санскрите -tara. Значение корня magis (более) – сравнительное, выражающее оппозицию между двумя объектами. Буквально: кто из двоих или более людей сильнее. Среди дериватов, кроме maestrale (название «главного ветра»), отмечаются magistero, magistrate, происходящие от позднего деривата *magistrissa с греческим суффиксом, французское maîtresse, английское mistress, сокращённое miss. Латинское magister часто использовалось в Vulgata (латинском переводе Библии) для обозначении человека во Христе и связывается с еврейским rabi, от *rab- (большой), корня, который в семитских языках входит в состав многих официальных именований, например, «раввин» [ит. эт., с. 595].

От этого же корня происходит испанское наречие сравнительной степени «более» mas. Оно образовано от латинского MAGIS, перешедшего в maes. Как наречный союз в двенадцатом веке он обозначал «имеется более», затем – «есть более» – уже в народной латыни. От него в современном испанском образовались слова с семантикой сравнения: demas – остальной, другой, demasía – излишек, от которого – demasiado – чрезмерный, ademas – сверх, помимо [исп. эт., с. 360].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово miss, мисс, заимствованное в русский с привязкой к английской культуре [Бул., с. 366; Кр., с. 493]. В английском языке miss происходит от mistress, которое, в свою очередь, образовано от master. Последнее идёт из староанглийского magister – учитель, от латинского magis – более [Кол., с. 962].

Тот же корень представлен в корне маг (волшебник), который был заимствован в русский. Его первоисточником указывается персидский maguš, из которого он перешёл в греческий magos, затем – в латынь magus, далее, через посредничество немецкого Magus, – в русский: маг [Бул., с. 330; Кр., с. 450]. Персидское слово magush обозначает ‘большой, великий’. Существует также версия о его сближении с персидским термином magidan – очищать. Очевидно, это один и тот же корень с двойным значением, что подтверждается однокоренным словом санскрита mahati – увеличивать в переносном значении – оказывать честь, затем – делать сакральным, священным. Ря-

дом с ним выступают слова mahant – большой, maha – праздник, священнодействие. Маги составляли класс священнослужителей. Они разбирались в науках, в оккультном знании, были толкователями снов, а также являлись врачами и негромантами. Производным является слово «магия», прошедшее путь заимствования через позднюю латынь magia, греческий mageía со значением ‘доктрина персидских магов’ [ит. эт., с. 596, 599]. Тот же корень с идентичной семантикой ‘великий’ выступает в слове махатма, заимствованном в русский из санскрита mahātmā – буквально, «великая душа» со значением мировой дух, божество, сверхчеловек в индуистской философии и теософии, а также – уважительное обращение к особо почитаемому человеку в Индии [Бул., с. 344].

От того же первокорня происходит название мая месяца. Латинское Maius (mensis): Muius идёт от имени Maia, богини матери Меркурия, которая является символом земли. Данному корню имеются соответствия в оскском mahiis, греческом máios. Имя Maia связано с корнем magis, от *magia < *mag-, *mah- (расти). Согласно Исидору, от имени Maia происходит maialis – свинья, которая приносилась в жертву. От этого же корня идут дериваты, связанные с маем месяцем, поскольку в эту пору пахались поля [ит. эт., с. 595]. В русский язык было заимствованно из латыни через посредничество итальянского, затем – французского, однокоренное слово «мажор» [Бул., с. 333; Кр., с. 453]. Латинское maior является сравнительной степенью от magnus, восходящего к индоевропейскому корню *meghe- (большой), которому соответствуют древнеперсидское magu, греческое mégas, готское mikils. В латыни сравнительная степень от magnus – maior, суперлятив – maximus [ит. эт., с. 599].

В испанском языке существует слово majo с придыхательной /h/ которое испанские иудеи используют в значении «спокойный, кроткий». Его корень семитского происхождения и не соответствует тому, что в слове majo – щёголь [исп. эт., с. 350]. Опираясь на указание о наличии сходного корня в семитских языках, выскажем предположение о родственности корня арабского языка в слове /māhir/ – умелый, используемое как определение к профессионалу (преподавателю, инженеру и т. п.).

Таким образом, первокорень *mag- транслирует смысл ‘более’. Значения трансформировались на основании метонимии «признак – действие», осуществился перенос nomina actionis «расти»; признак – соотношение между его носителями» – «более», «больший», «признак – его носитель» – «маг», «магистр», «махатма». Затем с носителя признака «магистр» был осуществлён метонимический перенос на его деятельность – «магистрат», «магия». Далее носитель признака «магистр» стал восприниматься как «профессионал», и произошёл метонимический перенос «носитель – его признак с положительной оценкой» – «умелый».

86. *Молодой* – общеславянское, имеющее соответствия в других индоевропейских языках. По звуковому оформлению восточнославянское и русское. Его современная форма развилась из древнерусской молодыи, вследствие изменения в русском языке -ый в -ой. Древнерусское молдыи образовано с помощью окончания полных прилагательных -ыи от краткой формы молодъ «молодой». Эта последняя развилась из праславянской *moldъ после развития в ней на восточнославянской почве полногласного сочетания -оло- из *ol- . Ему имеются соответствия в других языках: в древнепрусском maldai – «юноши», maldian (винительный падеж единственного числа) «жеребенок», в латыни mollis (из *moldvis) «мягкий», древнеирландском meldach «мягкий, нежный, приятный», готском ga-malteins «растворение», древнеанглийском meltan «плавить, растоплять». Наряду с *meld- существовало индоевропейское *meldh- [Мельничук, т. 3, с. 502; Фасмер, т. 2, с. 643-644; Цыг., с. 269; Шанск., с. 269].

На основании латинского соответствия mollis «мягкий» возможно констатировать функционирование однокоренного слова molle (мягкий, нежный, сырой, вялый) в современном итальянском. Оно восходит к латинскому mollis из более древнего *moldwis, из санскрита mldu- – нежный, сходное с греческим amaldýno (я слабею) и amalós / malakós (нежный) [ит. эт., с. 645].

Опираясь на соответствие древнеанглийского meltan «плавить, растоплять», отметим, что в современном английском функционирует однокоренное слово melt – плавиться, которое восходит к древ-

неанглийскому meltan «плавить» и соотносится с древнесеверным melta – солод (о пиве), перевариваться, с греческим meldein – плавиться [Кол., с. 974]. В итальянском слово malto имеет два значения: 1) солод, используемый в изготовлении пива; 2) malta – существительное женского рода обозначает смесь земли с известью. В значении ‘солод’ оно возводится к английскому malt. Ему соответствует немецкое Malz, восходящее к саксонскому mealt, которое происходит из семьи глагола meltan – растворяться. Malta – от латинского maltha, от греческого máltha – мягкая субстанция из воска и смолы, которой мазались дощечки, чтобы писать стилем – заострённой палочкой. Это слово восходит к глаголу malthássein – делать мягким, его можно связать с malakós мягкий. Исходным выступает индоевропейский корень *mel- (размельчать, дробить), который прослеживается также в латинском mel – мёд. Результатом арабско-греческого пересечения является слово амальгама. Amalgama происходит из средневековой латыни amàlgama, это слово использовалось в алхимии, оно является пересечением арабского amal-al-gama с греческим málagma – нежная смесь, от греческого глагола malásso – я размягчаю. Впервые появляется в текстах Фомы Аквинского. Однокоренным является также итальянское слово mattone – кирпич. Оно идёт из народной латыни *matta, слово средиземноморского происхождения со значением земляного блока, связанное с maltha [ит. эт., с. 58, 603, 619].

К анализируемому корню восходит также название мёда – mel в латыни. Mel, mellis (в современном итальянском – miele) восходит к индоевропейскому корню *mal- (быть мягким, приятным), который широко представлен в других языках: в греческом méli, mélitos (от которого mélissa – пчела), в готском milith. Существует мнение о том, что корню *mal- предшествовал более древний – mar с исходным значением «измельчать, крошить», а затем – «радовать», от которого – «нечто приятное, радующее», ему соответствует слово санскрита madhu – мёд и хмельной напиток [ит. эт., с. 634].

Приведённая этимология итальянского слова miele наводит на мысль о том, что тот же корень заключён в русском «мёд». По указанию М. Фасмера, среди дальнейших этимологических соответ-

ствий русскому слову «мёд» присутствует древнеиндийское madhu «сладкое», «мед, медовый напиток», которое фиксируется как соответствие приведённому итальянскому miele. В значении хмельного напитка данному корню соответствуют ирландское mid «хмельной мед», древневерхненемецкое metu, греческое métho «мёд-напиток». Близкие в звуковом отношении слова есть в финно-угорских языках, китайском, японском. Например, в пракитайском *mit, японском mitsu, источник которых видят в индоевропейском [Фасмер, т. 2, с. 588–589; Цыг., с. 260]. Общеславянское слово мёд с основой на -ŭ в славянских языках употребляется в двух значениях: ‘мёд’ и ‘напиток из мёда’ [Шанск., с. 260].

Если следовать греческой версии номинации, однокоренным является топоним Мальта. Существует предположение, что остров назван греками Melita из-за большого количества пчёл, поскольку пчела на греческом – mèlissa, его вариант – mèlitta. От греческого названия пчелы происходит женское имя Мелисса, а также обозначение травы мелисы [ит. эт., с. 624, 1119].

От корня *ml- (измельчать, крошить), прослеживающегося также в санскрите, происходит слово лонгобардов mëlm – песок, от которого итальянское – melma – грязь, топь [ит. эт., с. 624]. Ему родственно русское «мель».

Семантика ‘измельчать’ и фонетический облик указанного корня наводит на мысль о родственности английского mill – мельница. Mill восходит к древнеанглийскому mylen, которое идёт от позднелатинского molīna – мельница, от латинского mola – мельница, жёрнов, от molere – молоть [Кол., с. 992]. Однокоренным является итальянское слово мельница – mulino, восходящее к molere – молоть. От этого же корня происходит итальянское mola – жёрнов, шлифовальный круг, точильный камень. Оно идёт от латинского mola, которому имеются соответствия в греческом mýle, санскрите malanam – действие измельчения. Исходным выступает корень *mele- со значением молоть, затем – давить [ит. эт., с. 645, 655].

На основании латинского соответствия molo – мелю возможно сделать вывод о родственности русского глагола молоть, современ-

ная форма которого развилась из праславянского *melti «дробить» в результате изменения перед твёрдым / л / гласного / е / в / о / (*molti) и последующего развития в восточнославянских языках полногласия -оло- . Праславянскому слову *melti соответствуют литовское malti «молоть», албанское mel – «мука», армянское malem – «разбиваю», латинское molo – мелю, древневерхненемецкое malan – молоть. Однокоренным является слово мел [Цыг., с. 271, 270]. Праславянское мел образовано от той же основы *mělti, что и «молоть» с первоначальным значением мелкий. Слово «мел» писалось через ять и было прилагательным, а затем стало использоваться как существительное для наименования мелкого известняка, состоящего из слабо связанных частичек. От указанного прилагательного при помощи суффикса -ък- было образовано прилагательное мелок, мелкий, в котором буква ять перешла в е, кы перешло в ки, ъ исчез. От прилагательного мужского рода мелъ в древности было образовано существительное женского рода с окончанием ь (*i*) – мель со значением ‘нанос песка’, ‘осевшая на дне мелочь’. Сюда же относится древнерусское слово мельница [Цыг., с. 261], молотить и молот ‘то, чем измельчают’, от основы *mol-. Название насекомого «моль» образовано посредством чередования гласного е/о и темы -ь (< ī) от *melti «молоть, дробить, мельчить». Насекомое названо по своему мелкому размеру, а не по характеру действий [Шанск., с. 270].

Таким образом, первокорень *ml- транслирует смысл ‘размельчать, молоть’. Значения трансформировались на основании метонимического переноса «действие – его результат» – нечто мягкое, подобие мягкой консистенции породило значения мёд, солод, malta – смесь, которой покрывались таблички для письма. Метонимия «вещество – его признак» дало значение мягкий. Метафорический перенос на основании признака «мягкий» сформировал значение «молодой, незакостенелый». Метафора действия хмельного напитка сформировала значение «приятный». Метонимия по действию и тому, что его производит, nomina agentis, создало значение мельницы и жёрнова. Дальнейший метонимический перенос «действие (молоть) – его результат» дал значение мелкий. На основании нали-

чия мелких частичек был осуществлён метонимиический перенос, в результате которого возникли значение «мел» и «мель». Как видно, трансформация значений представляет сложное взаимодействие взаимообусловленных и взаимопорождающих метонимических и метафорических переносов, причём стартовым преобразованием, как правило, выступает метонимия.

89. *Новый* – общеславянское, индоевропейского характера [Шанск., с. 293]. Древнее славянское слово, сохраняющее своё первоначальное значение. Праславянское *novъ > новъ развилось из индоевропейского *neuos вследствие изменения дифтонга *eu перед последующим гласным в сочетание ov. Ему родственны: латинское novus, греческое neos, древнеиндийское navah «новый» [Цыг., с. 294], а также (все со значением ‘новый’) литовское naujas, древнепрусское nauns, авестийское nava-, галльское noviёo- , древнеирландское naue, готское niujis, древневерхненемецкое niuwi, хеттское newa- , армянское nor [Фасмер, т. 3, с. 78].

Однокоренным является слово русского языка, обозначающее числительное девять. Это общеславянское слово, оно образовано с помощью темы -ь от девятъ – «девятый». Devetъ является производным с суффиксом -et < *ent от индоевропейского *neu. Начальное / н / изменилось на / д / под влиянием «десять». Семантическая связь слов «новый» и «девять» заключается в том, что древние народы вели счёт четвёрками, это понятие было перенесено на девять, как начало новой четвёрки при счёте. В то время как индоевропейское *oktō, из которого происходит праславянское *ostmъ и русское «восемь», первоначально значило «дважды четыре», «две четвёрки пальцев», что отображает древний четверичный счет [Фасмер, т. 1, с. 492-493; Цыг., с. 122; Шанск, с. 122].

Очевидно, влияние «десять» на «девять» представляет собой явление контаминации, о котором Г. Пауль писал: «Слова, родственные по значению, в частности те, которые обозначают противоположные понятия и поэтому особенно часто связываются друг с другом, оказывают друг на друга взаимное влияние. В особенности в том случае, если между ними уже раньше имелось известное зву-

ковое сходство, основанное на совпадении в способах образования или же просто случайное … в латыни october по образцу september; испанское lunes «понедельник», miercoles «среда» по образцу martes «вторник», jueves «четверг», viérnes «пятница» (из Martis, Jovis, Veneris dies «день Марса, Юпитера, Венеры). Относительно взаимного влияния друг на друга один за другими числительных см. Osthoff, Morphologische Untersuchungen, I, стр. 92 и сл.» [Пауль 1960: 193].

В современном итальянском языке прилагательное новый nuovo также связано с числительным девять – nove. Nuovo происходит от латинского novus, которое, в свою очередь, восходит к индоевропейскому newo. Данному корню родственны санскритское navah, старославянское novu (новый), греческое néos, кельтское novjis, немецкое neu [ит. эт., с. 684]. Указывая на связь слов девять (nove) и новый (nuovo), итальянский этимологический словарь приводит альтернативную версию о причинах этой связи: считая на пальцах, «девять» попадает на безымянный палец с обручальным кольцом, то есть «новый», значит ‘недавно женатый’. К этому же корню восходит название ноября novembre, девятого месяца в древнем календаре, до присоединения июля и августа в римском календаре [ит. эт., с. 681; исп. эт., с. 392]. Отметим, что версия с кольцом выглядит неубедительной, поскольку социальная традиция ношения кольца сложилась гораздо позднее системы счёта. Эта же взаимосвязь (девять-новый) присутствует и в других романских языках, например, в каталонском nove (девять) / nou (новый), в испанском nueve (девять) / nuevo (новый). В испанском тоже есть связь между женитьбой и словом новый, поскольку однокоренным является слово novio (жених) / novia (невеста) [исп. эт., с. 392]. Отметим, что в данном случае связь с женитьбой, очевидно, обусловлена тем, что невеста приходила «новой» родственницей в дом, затем её название по закону аналогии перенеслось на жениха. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, описывая уклад индоевропейской семьи, отмечают приход в семью именно невесты, а не жениха.

В современном английском nine (девять) восходит в староанглийскому nigon, которое соотносится с готским niun и латинским

novem (nov-) [Кол., с. 1056]. New (новый) восходит к староанглийскому nīowe и соотносится с готским niujis, древнесеверным naujas, латинским novus (nov-) [Кол., с. 1050].

В турецком, арабском и кечуа связи между словами «новый» и «девять» не прослеживается. Однако в языках индоевропейского ареала (романских, германских, славянских) первокорень *neu-, транслирующий смысл ‘новый’, является базой пучка, из которого значение трансформировалось в «девять», а также на современном уровне указанных языков сохранилось древнее исходное значение «новый».

Рассматривая случаи столкновения двух сонантов, А. Мейе приводит в пример рассматриваемый корень: «После гласной, перед согласной или в конце слова первый сонант – согласная, второй – гласная, так, санскритское náva «девять», латинское nouem, греческое εννέ(f)α …» [Мейе, с. 157].

Таким образом, возможно сделать вывод о том, что в процессе трансформации значений могут сохраняться стабильные связи. Сделанный однажды метафорический перенос (в данном случае: девять – новый этап отсчёта) остаётся неизменным в пространстве и времени.

110. *Пёстрый* – общеславянское, образовано с помощью суффикса -ръ от той же основы (но с переогласовкой), что и писать. В первоначальном пьсръ возникло вставное /т/. Изначально это слово имело вид *рьsгъ. Оно образовано с суффиксом *-r-ъ от глагола *рьsati «мазать, пестрить». По одной из этимологических версий, однокоренным является слово пёс (пёстрый, пятнистый) [Цыг., с. 337, 338]. От той же основы, но с переогласовкой образован глагол «писать» – общеславянского, индоевропейского характера. Первоначальное значение – пестреть, украшать. Ему имеются соответствия в древнепрусском peisāi – пишут, латинском – pingere – «рисовать», греческом poikilos – пёстрый. Однокоренным, заимствованным в русский из старославянского языка является слово «испещрить». В старославянском оно образовано с помощью префикса из- от глагола пестрити. Группа / ст / перед смягчённым /р/ изменилась в /шт’/ и далее на русской почве – в щ [Шанск., с. 336, 339, 178].

От латинского pingere было образовано dipingere, которое фукционирует в современном итальянском языке. Оно образовано от латинского depingere, от de- и pingere – украшать [ит. эт., с. 311]. От этого же корня происходит латинское pictura(m), от pictus [ит. эт., с. 759]. В современном английском языке функционирует образованное от этого же латинского корня слово picture – картина [Кол., с. 1178]. Однокоренным также является слово современного испанского языка pintar – рисовать, которое непосредственно произошло от глагола народной латыни *pĭnctare, от *pinctus, причастия народной латыни от латинского *pĭngĕre, буквально ‘брать цвет от фруктов’, далее появилось значение ‘иметь хороший или плохой вид’. От этого же корня образовано терминологизировавшееся слово «пигмент» [исп. эт., с. 433], заимствованное в русский язык из латыни в значении «краска, мазь» [Бул., с. 439, Кр., с. 588].

Таким образом, первокорень *pei- транслирует смысл ‘наносить отпечаток’, значения которого трансформировались под влиянием осмысления цели и результата нанесения отпечатков по метонимической модели nomina actionis: брать цвет, мазать, рисовать, писать, украшать. Имел место также метонимический перенос по модели признак – его носитель: пёстрый – пёс, а также носитель окраса – цвет, пигмент, и последующий метонимический перенос по той же модели, актуализирующий признак «цветной» – картина.

117. *Поганый* – общеславянское, заимствованное из латинского языка, в котором paganus является суффиксальным производным к pagus – деревня, село [Фасмер, т. 3, с. 294-295; Шанск., с. 346].

Однокоренным является слово паж, заимствованное в русский из французского [Бул., с. 415; Кр., с. 556], однако в России пажем назывался воспитанник привилегированного учебного заведения, пажеского корпуса. Французское page восходит к латинскому pagius – слуга из деревни < сельский, деревенский [Мельничук, т. 4, с. 472; Шанск., с. 322].

В современном итальянском языке прилагательное pagano происходит от латинского paganus, которое обозначало житель pagus – села. Затем в христианскую эпоху pagano становится синонимом нехристианина, идолопоклонника, поскольку многие язычники

уходили из городов, чтобы продолжать поклоняться своим культам. Родственным является итальянское слово paese – село, которое восходит к слову народной латыни *pagensis от pagus – село, что происходит от корня *pag- , являющегося вариантом *pak- , того, что в слове расе – мир. Первым значением pagus было ‘вбитый в землю столб’, затем – ‘ограниченная территория сельской местности’. От того же корня происходит итальянский глагол pagare – платить. Он восходит к латинскому pacare – умиротворять, удовлетворять, в частности деньгами. Глагол происходит от существительного pax, корень которого – *pak- – вбивать, устанавливать соглашение, от которого образовалось слово pactum – пакт. От этого же корня происходит итальянское слово pagina – страница. Развитие шло следующим образом: сначала сформировалось значение pergola – пергола. Оно было также заимствовано в русский из итальянского и обозначает увитую растениями беседку или галерею на арках или столбиках [Бул., с. 434; Кр., с. 581]. Конструкция на столбах была названа словом, восходящим к корню со значением *pag- ‘вбитый в землю столб’. Далее, на основании подобия столбу, была названа колонка записей, которая получила именование pagina – страница. Среди римлян использование страниц ввёл Юлий Цезарь, который в своих письмах к Сенату скреплял нумерованные страницы, а не объединял их в свитки. Однокоренным является также слово пропаганда, заимствованное в русский из латыни через посредничество немецкого и французского языков. Данное слово происходит из сочетания congregātiō de propagandā fidē – название основанной папой Урбаном VII в 1623 году организации для распространения католической веры [Бул., с. 470; Кр., с. 631]. Propaganda образовано от глагола propagare, от латинского propages – отводок, разветвление, состоящего из pro- и деривата от глагола pangere – сажать, втыкать в землю. То есть в глаголе propagare актуализируется семантика ‘распространения, разрастания’ подобно побегам растения [ит. эт., с. 716, 717, 792].

К тому же латинскому корню pāgus – сельская местность, восходит слово современного английского языка peasant – крестьянин, ко-

торое в английский пришло через англофранцузское посредничество из старофранцузского païsant от païs – село [Кол., с. 1147].

По поводу обоснования связи села со столбом приводится мнение о родственности греческого págos – холм, пик горы. Словом pagus обозначалась надёжная позиция посреди открытого поселения, вершина крутой горы, на которой народ вместе со скотом мог спастись в случае завоевания или набега. Поскольку подобное стратегическое место находилось в центре поселения, его название было распространено на всё село и на его жителей [ит. эт., с. 717].

Практически все отмеченные трансформации значения происходили в пределах латыни, что не позволяет говорить о распространённости данного корня в других неродственных языках и возводить его в статус первокорня. Однако слово «паз», известное в восточно- и западнославянских языках, позволяет утверждать обратное. В своём первичном значении ‘стык, образуемая при этом щель, углубление’ «паз» считается родственным латинскому pax – договор, мир, отмечаемом выше. Родственно слову паз и, следовательно, латинскому *pak- / *pag- авестийское pas – связывать, готское fāhan – схватывать, связывать [Фасмер, т. 3, с. 185; Шанск., с. 322].

Данный корень приводит как пример А. Мейе в контексте изменения значений, что отмечает М. Сергиевский в предисловии к «Сравнительному изучению индоевропейских языков»: «…Мейе защищает положение, что основная причина изменения слов лежит в явлениях чисто социального порядка. Именно слова изменяют своё значение при переходе из одной социальной категории в другую. При этом, если слово переходит из более широкой группы в менее широкую, его значение сужается, при обратном явлении – наоборот. Так объясняется, например, почему латинское слово paganus, означавшее сперва просто сельского жителя, получило значение язычника. То есть оно сперва в этом смысле употреблялось прозелитами христианства в городах. В устах одной социальной группы оно сузило своё значение» [Мейе 1938: 18].

Таким образом, первокорень *pag- транслирует смысл ‘поселение’, значения которого подверглись трансформациям, удалившим

новообразованные слова от первоначального смысла. На основе метонимии название столба посреди села было распространено на всё поселение. Следующий метонимический перенос дал название его жителям. Метонимия «жители определённой местности – взаимодействие с ними» сформировала значение ‘платить’, ‘заключать мир’. Последующий метонимический перенос действие – его результат дал значение ‘мир’. С распространением христианства как официальной религии метонимия «село – его жители» дала значение ‘языческий’. Действие распространения религии среди язычников воспринялось подобным любой пропаганде, в результате чего метафорический перенос дал глагол пропагандировать. Отрицательная оценка язычников сделала возможным метонимический перенос «носители – их признак», в результате которого появилось значение ‘поганый’, присутствующее также в украинском языке. Значение слова паж, появившееся на основе метонимии «село – его житель», пришло к энантиосемии, поскольку стало обозначать приближённого ко двору, а затем – состоящего в пажеском корпусе, что противопоставлено крестьянину, жителю деревни.

115. *Плоский* – общеславянское по происхождению, образовано с помощью суффикса -к- от того же корня, что и пласт. Имеет соответствия в балтийских языках: в латышском plaskains – плоский, широкий, а также в греческом plax – равнина, немецком flach – плоский [Шанск., с. 343]. Пласт – древнее славянское слово, современная форма которого развилась из праславянского *plattъ «пласт», плоский. Сочетание /tt/ изменилось в / st /. Праславянское *plattъ образовано с помощью суффикса -tъ от индоевропейского *plat- (< *plōt-) «плоский». Родственными являются литовское plōtùs «ширина», латышское plats «широкий», древнеиндийское pràthati «распространять, делать более широким», в котором присутствует звуковое соответствие r – l ; французское plat – плоский, plateau – площадка, от которого происходит заимствованное в русский из французского слово «плато» [Бул., с. 447; Кр., с. 598]. В корне родственного русского слова плоский плот- (< *plōt-) произошло изменение t > s

[Цыг., с. 345]. Однокоренным является также древневерхненемецкое flah «плоский» [Мельничук, т. 4, с. 452 -453; Фасмер, т. 3, с. 284-285].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово flat – плоский. Оно восходит к древнесеверному flatr, соотносится с греческим platus – плоский, широкий [Кол., с. 587].

Исходя из связи с немецким flach – плоский, возможно отметить связь данного корня со словом современного итальянского языка piano – плоский, ровный. Оно восходит к латинскому planus, от корня *pela- – плоский. Данный корень возможно связать с латинским Plautus и с греческим platys – плоский, а также с сербским polie и польским pole, от которого происходит название Польши – Polonia – равнина. К этому же корню восходит слово palese – явный, очевидный, от латинского palam – «в открытую». Эти слова восходят к корню *pela- ‘нечто широкое, растянутое’, присутствующему в planus – плоскость и palma – ладонь. Латинскому palam родственно шведское fala – «равнина, пустошь», а также общеславянское слово поле, образованное с помощью суффикса -j- от полъ, к которому восходит «полый». Буквально «поле» обозначает «открытое, безлесое место» [Шанск., с. 350].

Двойное значение palma – ладонь а также пальма имелось уже в латыни ввиду схожести пальмового листа с ладонью. В греческом плоды пальмы назывались dáktilos – пальцы, к которому восходит итальянское слово dattero, обозначающее финик [ит. эт., с. 285, 719, 721, 751]. От слова «ладонь» в никарагуанском испанском происходит причастие palmado, обозначающее человека без денег, который хлопает ладонью о ладонь, показывая, что денег нет, что он с пустыми руками.

К тому же корню, что и плоский относятся слова «пласт», «полотно», наречие «пластом», а также «пластина» [Фасмер, т. 3, с. 273–274]. Пластина соответствует итальянскому piastra, которое имеет значение тонкий металлический лист, а также пиастра (монета). Оно восходит к plássein –лепить, придавать форму [ит. эт., с. 483]. Сближается с данными словами по семантике также современное испанское aplastar – придавить, сплющить, хотя существует предпо-

ложение о его ономатопеическом происхождении [исп. эт., с. 37]. От звукоподражательного плю- посредством суффикса -скъ образовано существительное плюскъ, от которого происходит суффиксальное производное «плюхнуть». От плюск при помощи суффикса -ить образован глагол плющить. К данному глаголу посредством темы -а образовано плюща, производным которого (с суффиксом -ька) является древнерусское слово плюшка. После падения редуцированных щьк перешло в шк [Шанск., с. 345].

Семантику ‘плоский’ имеет также древний строительный материал, именуемый словом «плинфа». Последнее сближается с «плинтус», восходящему к греческому plinthos – «кирпич». Ему родственно «плита», являющееся старым заимствованием из греческого [Фасмер, т. 3, с. 282, 283; Шанск., с. 343].

Однокоренным с «плоский» является также слово площадь [Фасмер, т. 3, с. 287], современная форма которого развилась от древнерусского плошчадь, возникшего из несохранившейся формы *ploskědь «плоское место, равнина», с тем же корнем *plosk- , что и в слове плоский. Перед гласным переднего ряда ě, представленным в кириллице буквой ять, сочетание ск изменилось в шч, в старославянском – шт, а после шч (щ) ять перешёл в ‘а [Цыг., с. 349]. Существует предположение о том, что слово площадь заимствовано из старославянского языка, в котором оно восходит к греческому plateia, которое является формой женского рода к platys – широкий [Шанск., с. 344].

Итальянское слово площадь – piazza восходит к piatto – плоский и является однокоренным с русским «площадь», как и слово piattaforma – платформа [ит. эт., с. 752], заимствованное в русский и в итальянский из французского plate-forme – буквально ‘плоская форма’ [Бул., с. 447; Кр., с. 599]. Тот же корень, что и в «плоский» – в слове плаха, от которого происходит наречие плашмя [Шанск., с. 342].

Таким образом, первокорень *plōt- транслирует смысл ‘плоский’. Значения трансформировались на основе метонимического переноса по модели признак – его носитель: плоский, широкий как вторичный призак чего-либо плоского, расплющенного; последующий виток метонимий по той же модели дал значения равнина, плато,

площадь. Следующий шаг метонимии дал название плоским артефактам: плинфа, пластина, пиастра, плитка, а также другое соотнесение по принципу смежности породил такие названия, как пласт и полотно. Метафорический перенос привёл к обозначению ладони, от которого затем посредством дальнейшего шага метафоры образовалось значение слова пальма. Метафора более высокого уровня абстракции пошагово назвала понятие ясности, открытости, признака явный: плоский, обозримый, очевидный, ясный, ничего не скрывающий.

134. *Сам* – общеславянское, индоевропейского характера, соответствия имеются в древнеиндийском samás – равный, готском sama – тот же [Шанск., с. 400], в авестийском hama-, древнеперсидском hama- – равный, тот же самый, древневерхненемецком samo, древнеанглийском same, латинском similis – подобный, тохарском A soma- , B somo- . В качестве замены названий вышестоящих лиц «сам» может употребляться в значении «начальник, господин, глава семьи», а также как табуистическое выражение со значением «черт» [Мельничук, т. 5, с. 171; Фасмер, т. 3, с. 551–552].

В современном английском языке функционирует однокоренное same – тот же, которое восходит к древнесеверному samr, соотносится со староанглийским наречием цели swā – тоже, также, готским – sama, латинским similis, греческим homos – тот же [Кол., с. 1369].

В современном итальянском языке присутствует однокоренное наречие simile – подобный. Оно восходит к латинскому similis, которое, в свою очередь, произошло от более древнего *semilis, от индоевропейского корня *sem- (один, единый). Ему соответствуют слова санскрита samah – такой же, греческого homós и hómoios – подобный, готского sama, древневерхненемецкого samnon, немецкого zusammen – вместе, английского same – тот же. С similis связывают simplex, singuli, semper, глагол similiare от которого происходит «ассимиляция» [ит. эт., с. 918]. От simplex происходит итальянское слово semplice – простой, английское simple с тождественным значением [Кол., с. 1441]. От singulus образовалось английское single, пришедшее через старофранцузский sengle [Кол., с. 1443]. От simper

произошло итальянское sempre – всегда, состоящее из *sem- – один раз и per- – для [ит. эт, с. 902]

Таким образом, первокорень *sem- транслирует смысл ‘один, единый’. Значения трансформировались с указанием подобия данному единому объекту – подобный, а также единственный, простой, с последующим метонимическим шагом – неделимый. На основании признака подобия (сам же, такой же) в результате метафорического переноса возникло понятие ассимиляции, которое было заимствовано в русский язык и терминологизировалось в широком спектре наук.

141. *Сладкий* – заимствовано из старославянского. На почве старославянского языка в слове сладъ, развившегося из *soldъ, *-ol- между согласными изменилось в неполногласное сочетание -ла- . Праславянское *soldъ «сладок» образовано с суффиксом *-d-ъ от той же основы, что и в слове соль. Ему родственны литовское saldùs – сладкий, готское solt – соль, латинское sāl – соль, sallĕre – солить. Развитие значения шло таким образом: солёный – вкусный – пряный – сладкий. Соль – праславянское по происхождению, имеет соответствия в других индоевропейских языках, корень тот же, что и в латинском sāl – соль, греческом (h)als – соль, море. Однокоренными являются слова салат, сладкий, соус [Цыг., с. 429-430, 441; Шанск., с. 414]. Родственным со словом «сладкий» является общеславянское солод, современная форма которого развилась из *soldъ после изменения / ol / в / olo / [Мельничук, т. 5, с. 348; Шанск., с. 420].

Латинское sal происходит от индоевропейского корня sal, который присутствует в немецком Salz, русском соль, древнеирландском salan. Среди дериватов отмечается salarium – заработная плата, поскольку солью платили магистратам и солдатам. Однокоренным является слово солдат [ит. эт., с. 866, 929].

К данному корню восходит существительное современного английского языка salt – соль, восходящее к староанглийскому sealt, соотносимому с древнесеверным, готским salt, немецким Salz, латинским sāl, греческим hals [Кол., с. 1367].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, от латинского sāl, ‘море’, ‘морская вода’ происходит слово īnsula ‘остров’ (буквально ‘в море находящийся’) [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 674].

О слове «солёный» А. Мейе пишет следующее: « «Соль», особенно необходимая при растительной пище, имеет своё название: латинское sāl, армянское ał и ałtkh, греческое ἅλς, тохарское B sālyi; этого названия нет в индо-иранском, где нет также индоевропейского корня, обозначающего «пахать»» [Мейе 1984: 399].

От корня sale – соль происходит слово salsa – соус, а также во втором значении – сальса – название танца. Развитие значения объясняется следующим образом: острый соус является ингредиентом многих карибских южноамериканских блюд, из тех же земель происходит этот весёлый танец [ит. эт., с. 867].

Однокоренным является также слово «сосиска», заимствованное из французского языка – sauciss – колбаса [Бул., с. 540; Кр., с. 727], которое восходит к среднелатинскому salsicia – суффиксальному образованию от salsus – солёный [Шанск., с. 422].

Таким образом, первокорень *sāl- транслирует смысл ‘с сильным вкусом’. Значения трансформировались на основании характерности вкуса: сладкий, солёный. Затем возникли обозначения того, что обладает солёным вкусом по метонимической модели признак – его носитель: в природе – море, дальнейший шаг метонимии nomina loci дал значение остров, то есть место, находящееся в солёной воде моря. По метонимической модели признак – его носитель сложились значения того, что сделано человеком: салат, соус. Последний был соотнесён с местом, из которого происходили виды соусов с особо сильным вкусом, Карибского бассейна, в результате чего метонимический перенос nomina loci дал название происходящему оттуда танцу – сальса. В обозначении последнего, очевидно, сыграла роль именно метонимия, поскольку метафорического сравнения соуса и танца нет, между ними нет никакого сходства. Использование соли в качестве оплаты, эквивалента дало обобщающее значение зарплаты. Здесь, очевидно, также имел место метонимический перенос по функции – оплата солью, оплата вообще как таковая.

144. *Смуглый* – восточнославянское, которому соответствует старославянское смаглъ. Вероятно, оно развилось из древнерусского смаглый «смуглый» в результате изменения /а/ в /у/. Древнерусское смаглый является причастной формой с суффиксом -л- от глагола смагнути. Последний образован при помощи суффикса -ну-ти от существительного смага – огонь индоевропейского происхождения. От данного корня имеются образования в русских диалектах смага – жар, огонь, в украинском засмагнути, смуга – тёмное пятно, полоса, в греческом smychō – жарю на медленном огне, в английском smoke – дым. Заимствованное в русский слово смокинг происходит от английского smoking-jacket – буквально, пиджак, в котором курят [Бул., с. 537; Кр., с. 723; Цыг., с. 435]. Очевидно, однокоренным является также глагол украинского языка смажити – жарить, в котором отмечается чередование звуков /г : ж/, а также смага [Мельничук, т. 5, с. 314-315]. Родственными являются также средневерхненемецкое smouch – дым, англосаксонское smoca – дым [Фасмер, т. 3, с. 693].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово smoke – дым, которое восходит к староанглийскому smoka, соотносимому со среднедатским smieken – производить дым [Кол., с.1459].

Однокоренным является также слово смог – завеса в промышленных городах, заимствованное в русский из английского [Бул., с. 537; Кр., с. 723]. Английское smog образовалось путём контаминации smoke – дым и fog – туман [Кол., с. 1459].

Ввиду наличия формы «смяглый» Р. Ф. Брандт, Й. М. Коржинек реконструируют отношение чередования гласных *smog- : *smeg- . «Смяглый», возможно, представляет собой экспрессивную палатализацию формы *smag- . Кроме того, предполагали также связь чередования гласных со смага, ссылаясь при этом на отношение хмура : хмара [Фасмер, т. 3, с. 693].

Таким образом, первокорень *smag- транслирует смысл ‘то, на что воздействовал огонь’, значения которого трансформировались на базе метонимии по модели действие – его результат – загорелый,

а также тёмное пятно, полоса; по модели nomina actionis – жарить на медленном огне; следствие горения, то, что его сопровождает, – дым. На современном синхронном уровне сформировались значения по внешнему сходству – смог, туман, подобный дыму и смокинг – то, в чём совершается процесс курения, ассоциируемый также с дымовыделением, горением. Последние два слова были заимствованы в русский язык и продолжают восприниматься как иностранные слова, несмотря на то, что реалии смокинга и смога известны быту русского человека.

153. *Тёплый* – общеславянское по происхождению, образовано с помощью суффикса -л- от индоевропейской по характеру основы tep-, которой соответствует древнеиндийское tapati – грею, taptas – тёплый, латинское tiepidus с тождественным значением, а также ирландское ten – огонь. Эта же основа на иной ступени чередования выступает в глаголе топить. Праславянское *teplъ древнее, чем *toplъ; последнее получило -о- из *topiti – топить [Мельничук, т. 5, с. 547; Фасмер, т. 4, с. 44; Шанск, с. 440].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное tiepido – тёплый, восходящее к латинскому tepidu (m) от tepere – быть достаточно тёплым [ит. эт., с. 999].

Однокоренным является глагол «топить». Общеславянский по происхождению, он образован с помощью суффикса -ити от той же основы, но на иной ступени чередования гласного, что и «тёплый». Он имеет каузативную семантику и буквально значит «заставить что-либо быть тёплым» [Шанск., с. 446].

Таким образом, первокорень *tep- транслирует смысл ‘быть тёплым’. Значения трансформировались, сохраняя общий семантический стержень ‘высокой температуры’. Метонимия по модели признак его носитель дала значение тёплый – тепло с вариациями – достаточно тёплый. Приведение в состояние тепла дало каузативное значение топить, отапливать.

162. *Целый* – общеславянское, имеющее соответствия в балтийских и германских языках: в готском hails – здоровый, древневерхненемецком heil – с тождественным значением, в древнепрусском

kailūstiskan – здоровье. Первоначальное значение целъ (через ять) – здоровый. Производным с суффиксом -ик от целый является слово целик со значением «непаханая земля, целина», от которого произошла форма творительного падежа «целиком», закрепившаяся в современном русском языке. С XIV–XV века в памятниках отмечается слово целина, являющееся производным с суффиксом -ина от целый [Мельничук, т. 6, с. 257; Фасмер, т. 4, с. 297; Шанск., с. 484].

В современном английском языке функционирует однокоренное слово whole – целый. Оно происходит от древнеанглийского hāl, hæl, соотносится с древнефригийским hāl, hēl, древневерхненемецким heil, готским hails. От того же корня происходит современное английское слово hale – крепкий, здоровый, которое в шотландском и северных диалектах английского языка заменяется отмеченным выше словом whole. К этому же корню восходит английское слово health – здоровье, которое образовалось от староанглийского hælth и соотносится с hāl [Кол., с. 699, 717, 1752].

К праславянскому прилагательному целъ (через ять) < *cělъ – здоров, невредим восходит древняя форма глагола целовать – целовати (через ять), образованная при помощи глагольного суффикса -ова- . На почве русского языка гласный ять изменился в е, конечный безударный -и утратился. Первоначально целовати обозначало желать здоровья, быть здоровым, возвратиться целым и невредимым. Впоследствии развилось вторичное значение «прикосновением губ выражать хорошее отношение к кому-либо» [Цыг., с. 528]. В первоначальном значении целовати является, вероятно, семантической калькой латинского salutare – приветствовать [Шанск., с. 484].

Таким образом, первокорень *cěl- транслирует смысл ‘здоров, невредим’. Значения трансформировались, сужаясь и конкретизируясь: целый – неповреждённый, а именно – здоровый, а также пожелание здоровья, жест с ним связанный (целовать). Очевидно, данная поведенческая модель, связанная с жестом, сформировалась на основании метонимического переноса сказать – наполовину сделать (жест, желающий здоровья, жест приятия вообще).

Отметим, что связь целый-здоровый отмечается в русском и английском – неродственных языках. М. Фасмер указывает на то, что о заимствовании славянского слова из германских языков говорить нет основания [Фасмер, т. 4, с. 297]. Следовательно, эта связь выходит за пределы одного языка и не является заимствованной. Очевидно, она отображает архетипичную ассоциацию здоровый-целый в сознании носителей разных языков.

165. *Юный* – заимствовано из церковнославянского языка, в котором юнъ восходит к праславянскому *junъ – юн. Ему соответствует древнерусское уный «юный», в котором / j / утрачен. Праславянское *junъ развилось из индоевропейского *iuun > *juven «юн». От этого индоевропейского корня происходят украинское юнь «юность, молодость», латинское juvenis «молодой», германское *juvunga, давшее сокращённое немецкое Junge «юнга», «подросток на судне», заимствованное в русский язык в XVIII веке и преобразованное по типу юноша в юнга [Цыг., с. 560]. Праславянское *junъ родственно литовскому jaunas – молодой, древнеиндийскому yuvan- , родительный падеж yinas – молодой, юноша, авестийскому yuvan-, латинскому iuvencus – бычок, готскому juggs. Балто-славянский вокализм и интонация соответствуют сравнительной степени, а формант -no-, вероятно, из антонима *senos – старый [Фасмер, т. 4, с. 531, Шанск., с. 522].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово giovane – молодой, которое восходит к латинскому iuvenis от индоевропейской темы *yuwen / *yun. Оно связано с санскритом yuga, с латинским iuvencus (молодой бычок), с немецким Jung. Некоторые связывают с этим корнем также iuniperus, которое в современном итальянском дало слово ginepro – можжевельник [ит. эт., с. 440]. Отметим, что с можжевельником устойчиво связывается символика смерти и её преодоления как начала вечной жизни [Мифы народов мира 1997: т. 2., с. 164]. Возможно, возрождение и жизнь породила также ассоциацию с вечной юностью и полнотой сил.

В современном английском языке функционирует однокоренное слово young, которое восходит к древнеанглийскому geong, соотно-

сится со старосаксонским, древневерхненемецким iung, древнесеверным ungr, латинским iuvenis, санскритом yuvan [Кол., с. 1782 -1783].

Таким образом, первокорень *yun- транслирует смысл ‘юный’. Значения трансформировались на основании метонимического переноса признак – его носитель: юноша, юнга, бычок, можжевельник. Почему название растения можжевельника относится к корню именования молодых существ, можно только догадываться. Гипотетически предположим, учитывая присутствие название можжевельника от этого корня в латыни, что древние жители Лациума могли наблюдать это растение «юным» и зелёным даже в более прохладное «зимнее» время. Отметим, что слово юнга, несмотря на общий корень, было заимствовано в русский в иноязычной огласовке, терминологизировалось, обозначая юнгу на корабле, и воспринимается как иностранное слово.

169. *Ярый* – древнее славянское слово, представляет собой полную форму с окончанием -ый от первоначального краткого прилагательного *jarъ > яръ – весенний, сияющий, ясный. Праславянское прилагательное *jarъ происходит от индоевропейской основы *jōr- (*jēr-) – год. У славян долгий /ō/ дал /a/. Поскольку в древности год начинался весной, это слово получило значение ‘весна’. Ему соответствуют готское jer, давшее немецкое Jahr – год, греческое ōra – цветущее время года, весна, лето, латинское hōra – время года, hornō – в нынешнем году. Однокоренными являются слова ярый, яровой, ярка. У слова ярый возникли два направления в развитии переносного значения. Одно из них выражает внешние признаки предмета: весенний, солнечный, ясный, отсюда прилагательное ярок, яркий от яр-ък-ый; другое – внутреннее состояние предмета: весенний, тёплый, горячий, возбуждённый, увлечённый, смелый, гневный, отсюда ярый, гневный. От него производное с суффиксом отвлечённых имён – -ость ярость – сильный гнев, бешенство [Цыг., с. 566-567]. Родственным является также англосаксонское gear – весна, авестийское yāre – год [Мельничук, т. 6, с. 550-551; Фасмер, т. 4, с. 562-563; Шанск., с. 525].

В современнм английском языке функционирует однокоренное слово year, которое пришло из староанглийского gear и соотносится с готским jēr, древнесаксонским, древневерхненемецким jār, древнесеверным ār – год, польским jar – весна, латинском – hōrnus – этого года [Кол., с. 1779].

Слово современного итальянского языка ora восходит к латинскому hora, от греческого hóra – сезон, временное пространство. Макробий связывает данный корень с греческим Oros, именем египетского бога солнца Ра, которое, возможно, соотносится с персидским Or – бог [ит. эт., с. 701].

Очевидно, однокоренным является имя славянского бога солнца Ярила. Имя Ярилы, как другие слова с корнем *jar, связано с представлениями о весеннем плодородии (яровой, ярый – весенний, посеянный весной. В украинском языке ярь – весна); о хлебе – (яровой хлеб, ярина – ячмень, овёс; ярь, ярица и другие обозначения хлебов), о животных (бычок-яровик, ярка). Вероятно, образ Ярилы возник из совокупности весенних обрядов, названия которых, включающие корень *jar, были восприняты потом как эпитет бога. В пантеоне ближайший аналог Ярила – Яровит у балтийских славян [Мифы народов мира 1997: т. 2, с. 687].

Таким образом, первокорень *jōr- (*jēr-) транслирует смысл ‘период времени – начала весны и тепла’, значения которого трансформировались на основании метонимической модели признак – его носитель – весна; то, что в это время года происходит – появление тепла, солнца, цветения, животных. Затем понимание отрезка времени было перенесено на более широкий отрезок – год. Метафора силы, бурного цветения породила значение ярый, в котором поменялась оценка, что привело к развитию отрицательного значения бурный, необузданный. В связи с персонификацией солнца как источника тепла и созидательной силы возникло однокоренное называние весеннего солнца Ярилой. Связь имени бога солнца с данным корнем прослеживается и в других мифологиях, например, имя бога солнца Ра.

Обобщив процессы трансформации значений лексико-семантической группы ‘основные качества’, возможно проследить следую-

щие тенденции трансформаций. Когда отправным значением выступает естественный признак, происходит перенос на объект-носитель данного признака (юный – человек, бычок, можжевельник), на действие (малый – умалять, уменьшать), на артефакт, которому он свойственен (ровный – равнина, плато, пластина), а также последующие метафорические переносы (ровный, плоский – ладонь, пальмовый лист; ясный, понятный; чёрный – быть чёрным, помрачнение рассудка). Метафорический перенос наблюдается в цепочке трансформаций от природного действия с возможной последующей мифологизацией (нести, принести богатство, Фортуна). От семы естетсвенного свойства трансформации идут в направлении обозначения носителя данного свойства с последующим сужением значения (холодный – колодец) с дальнейшим добавлением оценки, приводящей к развитию энантиосемии (свободный человек – бравый (оценка плюс), дикий бык, бурное море – оценка минус).

Обозначение действия существа переносится на его исполнителя, существо конкретизируется по модели nomina agentis, а также будучи перенесённым на носителя признака, как одушевлённого, так и неодушевлённого (пстрый – рисовать, писать, наносить отпечаток; пёстрый – пёс, пигмент). Возможен последующий метафорический перенос с оценкой (молоть, измельчать, делать мягким – мягкий, незакостенелый, молодой, приятный).

Началом трансформаций значений может быть также социальный признак, от которого происходят трансформации по моделям nomina actionis и nomina agentis (обладать чем-либо в большей степени, чем другие – расти – мастер, магистр).

Разветвлённый пучок трансформаций разрастается от вкусового значения, от которого происходит сужение, перенос на носителя вкусового признака, на артефакт, на его местонахождение по модели nomina loci (сладкий, солёный, море, соус, остров).

При обозначении тактильного ощущения также происходит перенос на носителя признака (одушевлённого и неодушевлённого) с последующим метафорическим переносом (гладкий – скользкий, глиста, лёд, круглый, блестящий – довольный).

Когда исходное значение привязано к денотату, трансформации происходят в направлении на результат действия с ним (ткань – ткать, нить, линия).

Довольно разветвлнные пучки значений даёт исходная семантика места, которая переносится на того, кто в этом месте находится, с возможной оценкой, действие, которое он выполняет, результат действия (поселение – поселянин, мир, язычник).

Данная лексико-семантическая группа ‘основные качества’ содержит первокорни с семантикой признака. Основной тенденцией трансформаций является сужение, конкретизация значений.

2.3.2. ‘Родственные отношения’

В составе лексико-семантической группы ‘родственные отношения’ присутствуют следующие слова русского языка, содержащие в себе первокорни: господь (глава семьи), дед, жена, племя, свекровь.

32. *Господь* – общеславянское, восходит к *gostьpodь, образованному путём сложения основ gostь и *podь, восходящему к *podis – «господин, хозяин». Славянское -d обусловлено основой на согласный *pod- / *pot- . Индоевропейскому корню *potis имеются соответствия в латыни potis «могущий», в латышском pats «супруг», древнеиндийском partis, авестийском paiti- [Мельничук, т. 1, с. 574-575; Фасмер, т. 1, с. 446-447; Шанск., с. 112].

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов отмечают индоевропейский корень *p[h]ot[h]- со значением ‘хозяин’, ‘повелитель’, ‘муж’. Уже в качестве производного от этой основы возникает форма *p[h]ot[h]nī в значении ‘госпожа’, ‘жена’, которому соответствуют древнеиндийское pátnī ‘госпожа’, ‘жена’, греческое, микенское po-ti-ni-ja ‘госпожа’, ‘хозяйка’, литовское viešpatni ‘госпожа’ [Гамкрелидзе, Иванов 1983: 758, 759].

В русский язык это слово со значением «бог» пришло из старославянского. Путь развития значения был следующим: «глава семьи > владыка > бог». Данному корню имеются соответствия в латыни potis «могущий», в латышском pats «супруг» [Шанск., с. 112].

Однокоренным является слово современного итальянского языка potere ‘мочь’ как глагол и ‘власть’ как имя существительное,

potente – ‘могущий, несущий в себе потенциал возможностей’, как причастие настоящего времени с последующей транспозицией в имя прилагательное. Оно происходит от латинского potens, причастия настоящего времени от древнего *potere, присутствующего также на оскско-умбрском ареале, которое, возможно, является каузативом от petere (руководить, управлять). Впоследствии оно пересеклось с potis (господин), затем, почти везде его сменила парадигма posse (мочь). Глагол posse состоит из двух основ: potis (хозяин) и esse (современное essere – быть); potis восходит к индоевропейской теме *poti (глава семьи), чему имеются соответствия в санскрите pátih (защищать), pâlas (государь, повелитель), patis (муж), patni (жена); в греческом pósis (супруг), pótnia (жена); в готском faths, литовском pats (муж) и pati (жена). От potis, potestas произошло итальянское podestà (власть, авторитет) [ит. эт., с. 775].

На основании соответствия данного корня слову санскрита pátih (защищать) возможно сделать предположение о том, что указанный набор корней восходит к первокорню *pa-, от которого идёт padre [ит. эт., с. 719]. Возможно, к нему восходят также слово современного итальянского языка palazzo – дом, здание, происходящее от латинского palatium. С этим латинским словом связано среднегреческое palation, заимствованное в древнерусский – «палата», множественным числом которого является «полати» – дом, крыша [Шанск., с. 350].

Palazzo происходит от латинского имени собственного Palatium (название одного из семи холмов Рима), от pala – округлость. Исходным значением было «холм», затем – дворец императора Августа и, наконец, просто богатый дом. Так имя собственное стало нарицательным обозначением дворянского дома. Одни этимологические версии связывают palatinum с этрусскским fala – деревянная башня, другие – с именем богини Palatua, которой был посвящён холм. Palatua или Pale была полевым божеством, защитницей пастбищ. Существует мнение, что этот корень восходит к *pa- – защищать, тому же, что и в слове padre [ит. эт., с. 719]. Padre происходит от латинского pater (испанское padre, каталонское pare), присутствует

во всём индоевропейском ареале и обозначает именование главы семьи: в санскрите – pita, готском –fadar, греческом – patér, умбрском pate, немецком – Vater, ирландском athir, английском father, от корня *pa- (питать, защищать). Однокоренным является Юпитер Juppiter (в умбрийском Jupater). Существует мнение об ономатопеическом происхождении данного корня. Образованием с женским показателем грамматического рода выступает patria (родина) – земля своего рода и племени. От данного корня образованы слова современного итальянского языка: patrono, padrone, padrino (крёстный), compare (кум), patrizio – в значении рождённый от свободного отца, patrimonio (наследие) [ит. эт., с. 716]. Некоторые из этих слов заимствованы в русский язык: патрон (от латинского – покровитель), патриций (от латинского – представитель родовой знати) [Бул.., с. 429; Кр., с. 575].

В современном английском языке слово father происходит от староанглийского fæder, соотносимого с древнесеверным father, древнефризским feder, древневерхненемецким fater, латинским pater, греческим patēr, санскритским pitr [Кол., с. 562].

Слово «отец» в современном турецком языка – baba, очевидно, восходит к тому же первокорню *pa- . В турецкой этимологической традиции данная лексема, как и в других источниках, трактуется как происходящая из детской речи [тур. эт.].

Возможно, параллельными либо однокоренным является арабское слово «отец» / ab /, возможно, соответствующее *pa- под воздействием процессов метатезы и озвончения b / p. Как указывает Б. Гранде, двухсогласные корни в семитских языках являются более древними по отношению к трёхсогласным.

Таким образом, первокорень *pa- транслирует смысл ‘мочь’ (‘могущий, наделённый силой’), затем семантической базой пучка стало ‘отец’, значения которого трансформировались, однако стержень полисемии сохранился очень чётко, в силу того, что этот первокорень происходит из детской речи, а отношения ребёнок-отец, так же, как и ребёнок-мать присутствует во всех культурах и является архетипичным. Метонимический перенос признака наделённый силой на его носителя дал значения, которые конкретизировались в зави-

симости от того, кого называют: господин, хозяин, муж, повелитель, государь. Присутствует также перенесение женского рода: госпожа, жена, хозяйка. Метафорический перенос на сакральную сферу дал значение бога, что имело место также в язычестве при именовании Юпитера и богини защитницы пастбищ, а также её храма, затем дворца, затем – дома. Вновь наблюдается закрепление вторичного, а не основного признака, который отдаляет последующие образования от исходного смысла.

Очевидно, смысл и значения первокорня не расходятся, поскольку отсутствует трансформация значения. Последняя имеет место при «путешествии» первокорня по языкам. Это путешествие невозможно, когда корень был произведён в данном языке. Таких идентичных первокорней, автохтонных для каждого языка, немного, возможно, они обусловлены детской речью, поскольку ребёнок проходит те же этапы развития в становлении речи, что и первобытный человек. Автохтонные первокорни сводятся к небольшому количеству.

В составе русского слова «господь», восходящего к *gostьpodь, присутствует две основы, первая из которых *gost- соотносима с латинским hospes, родительный падеж hospitis «хозяин; предоставляющий гостеприимство» из *hostipotis [Фасмер, т. 1, с. 446-447].

И. А. Бодуэн де Куртене приводит соответствие: «Слово gościniec от gość (сравни латинское hostis наряду с hospes) обозначает дорогу, которой прибывали goście, то есть чужие люди, иногородние, обычно купцы, а слово gos-poda (Herberge) – место и жилище, предназначенное для gości». [Бодуэн 1963: 219].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, институт обмена в древних обществах делает понятным обычаи, связанные с ‘гостеприимством’ и ‘угощением’. Это тоже своеобразный обмен между ‘хозяином’ и ‘гостем’, которые могут меняться ролями. Этим и объясняется возможность соединения в одном слове значений ‘хозяин’ и ‘гость’, то есть ‘тот, кто принимает’ и ‘тот, кого принимают’. Именно такую семантику следует приписать индоевропейскому *g[h]ost[h] i- ‘хозяин’ – ‘гость’, соответственно отражённому в исторических диалектах: латинское hostis ‘чужеземец’, hospes, родительный падеж

hospitis ‘чужеземец’, ‘гость’ + ‘хозяин’; готское gasts ‘гость’, древнеисландское gestr ‘гость’, древнеанглийское gięst ‘гость’ (английское guest), древневерхненемецкое gast ‘гость’ (немецкое Gast), старославянское gosti ‘гость’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 754].

Аналогичным сложением основ, что и русское «господь», образовано латинское hospes – тот, кто принимает в гостях (хозяин), и тот, кого принимают в гостях (гость), в его состав входят основа hostis (гость и хозяин), а также основа pot (potere – мочь). Ему соответствует испанское huesped – гость [исп. эт., с. 304], каталонское hospitalitat – гостеприимство. Hostis в значении «враг» заменило латинское perduellis; hostis соотносимо с готским gasts, английским guest, старославянским гость [ит. эт., с. 709].

Слово современного английского языка гость – guest восходит к староанглийскому giest (гость, незнакомец, враг), оно соотносимо с древнесеверным gestr, готским gasts, древневерхненемецким gast, старославянским гость, латинским hostis – враг [Кол., с. 689].

Значение «чужого» у данного корня прослеживается также в греческом, албанском huai «чужой» [Фасмер, т. 1, с. 447-448]. Значение «врага, чужого, злого», очевидно, возможно мотивировать, обратившись к слову современного английского языка ghost призрак. Потустороннее сверхъестественное существо видится как пришелец, намерения которого могут быть недобрыми. Однозначно существо того света воспринимается исходящим из другого, не-своего (чужого) мира. В народном сознании призрак или человек, герой сказок, осуществляя переход между мирами, пересекает границу (реку, лес, его переносит перевозчик, избушка на курьих ножках и т. п.). Слово современного английского языка ghost происходит от древнеанглийского gāst, соотносимого с древнефризским jēst, древневерхненемецким geist (дух), санскритом hēda (ярость, злость) [Кол., с. 649]. Следовательно, от значения «пришедший», «дух с того света», «злой дух», развилось значение «враг».

Наблюдается смена оценки: изначальным значением слова hostis является нейтральное ‘незнакомый человек’. Уже с отрицательной оценкой у него развилось значение «враг» (незнакомый чело-

век, пришедший со злыми намерениями), с положительной оценкой появилось значение «гость» (незнакомый человек, который не представляет опасности, странник, его возможно принять в своём доме), вместе с последним возникло значение «хозяин». По замечанию В. Ф. Пановой в к книге о пророке Мухаммеде, в быту древних племён, населявших Аравийский полуостров, существовал обычай: если бегущий враг успеет дотронуться до шатра, его уже нельзя было убить, а следовало принимать как гостя.

Слово современного русского языка гость – общеславянское, индоевропейского характера, его первоначальное значение – ‘приезжий купец’ [Шанск., с. 112; Цыг., с. 109]. Очевидно, значение ‘купец’ является неким «мостиком» в переходе оценки: купец ‘чужой’ как враг, но не несёт зла и воспринимается либо нейтрально, либо положительно, подобно гостю.

Таким образом, первокорень *gost- транслирует смысл ‘пришедший извне’, в процессе трансформации пучки значений разошлись из семантической точки ‘пришедший извне’ и затем отдалились, дойдя до энантиосемии, сформировавшейся на базе оценки: ‘незнакомец, чужой, враг’ и ‘свой, знакомый, гость’.

36. *Дед* – общеславянское, индоевропейского характера, имеет соответствия в латышском déds – «старик», германском deite – «отец». По происхождению от детского dē-dē [Мельничук, т. 2, с. 86-87; Фасмер, т. 1, с. 494; Шанск., с. 122].

Очевидно, этот же корень прослеживается в слове современного турецкого языка dede (дед), происходящем из детской речи [тур. эт.]. В современном арабском языке слово «дед» / djad / جد созвучно данному корню. Турецкий этимологический словарь указывает на соотнесённость данного корня с английским daddy – папочка. Слово современного английского dad (его диминутив daddy) восходит к корню, сформировавшемуся в детской речи. С ним соотносятся слова греческого языка tata и санскрита tatas [Кол., с. 398]. Очевидно, однокоренными являются также украинское «тато» и русское «тятя» – общеславянское, образованное редупликацией слога из детской речи [Шанск., с. 459].

В кечуа отец называется словом tayta [Quechua, с. 49]. Выскажем предположение соотносительности этого корня с русским «тятя» и украинским «тато» [Фасмер, т. 4, с. 26, 141].

В современном итальянском языке слово дедушка – nonno происходит из церковной латыни nonnus (монах святого Джероламо). Слово ономатопеического характера [ит. эт., с. 678]. Возможно, родственным представляется лексема современного итальянского языка zio (дядя), произошедшее от греческого theîos. Предполагается его ономатопеическое происхождение. Существует также версия о том, что это тот же корень, что и в theós – бог. В таком случае оно имеет значение ‘уважаемого, божественного’. Высказывается также предположение о связи данного корня с санскритским *dha- (вскармливать молоком). В таком случае, исходным значением было бы «кормилица» с женским родом [ит. эт., с. 1080].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, индоевропейский корень *d[h]eH(i)- с первоначальным значением ‘сосать, кормить, давать молоко’, прослеживается также в армянском dal – молозиво [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 570].

К этому же корню восходит слово современного испанского языка tio- дядя (tia – тётя). Оно образовалось от позднелатинского thīus, thīa, родственного греческому thêios, thêia [исп. эт., с. 539]. Слово дедушка abuelo современного испанского языка образовано от abuela – бабушка, выступившим первичным. Abuela произошло из народной латыни aviŏla – «бабулечка» (диминутив) от avia «бабушка». Дериватом является abuelo – дедушка, которое не имеет прямой связи с латинским словом мужского рода avus, диминутивом которого является *avŭlus [исп. эт., с. 4].

В языке кечуа tiyu «дядя» заимствовано из испанского tio (tiya – tia – тётя). Дедушка – awkillu, awilu, бабушка – awila, очевидно, является фонетически изменённым заимствованием из испанского, оно восходит к тому же корню, что и латинское avia – бабушка.

Возможно, латинскому корню *av- родственно арабское слово /ab/ – отец, однокоренное с древнеиндийским attā. Очевидно, арабское /ab/ – отец, латинское *av- (от которого произошло испанское

abuela – бабушка), кечуа awkillu (дедушка), турецкое ata (отец) восходит к тому же корню, что и слово русского языка «отец».

Отец – древнее славянское слово, его современная форма развилась из праславянского *otьcь вследствие изменения под ударением ь в е, отпадения конечного слабого ь и последующего отвердения в русском языке звука ц (в украинском отець звук ц сохраняет мягкость). Праславянское *otьcь развилось из индоевропейского *ătikos – отец, предок. По наблюдениям Г. П. Цыганенко, на славянской почве окончание -os заменилось ъ (после с’ – b), суффикс притяжательности *-ik- дал *-ic’- , в котором і изменился в ь, а после гласного ь звук / к / изменился в / с /, краткий / ă / дал / о /. Форма *otьcь была не уменьшительной, а притяжательной. Отметим, что среди притяжательных агглютинативных аффиксов -ik встречается также в кечуа: -ki – твой (принадлежащий тебе), -chik – наш, -kichik ваш.

А. Мейе пишет о соответствиях греческого αττα «тятя», латинского atta, санскрита tata… «из этих форм образовались производные, вошедшие в общее употребление, как хеттское attaš «отец», славянское отьць, готское atta (родительный падеж attins) «отец», ирландское aite «отец-кормилец»…» [Мейе 1938: 185].

Исходным словом для *otьcь представляется *ăt-ta, возникшее в детской речи, оно служило обращением к старшим. Родственными являются готское atta «предок», греческое atta – обращение к старшим, древнеиндийское attā «мать, старшая сестра». В индоевропейском *ătta сочетание tt упростилось в t, отсюда *ăttikos – предок, отец [Цыг., с. 321].

Таким образом, возможно предположить, что в детской речи возник некий первокорень, состоящий из удобно произносимого смычного согласного с гласным, с последующей редупликацией, который транслирует смысл обращения к старшему, взрослому, кормящему, родному. На начальных этапах, очевидно, отсутствовала этикетная коннотация уважения, поскольку в сознании ребёнка нет социальной иерархии. Трансформация значения в разных языках дала наименование – дедушки (dē-), бабушки (av-), дяди (the-), отца (at-) и других близких ребёнку родственников. Очевидно, первокорнем является

*dha- (вскармливать молоком), то есть ‘родной человек’, в котором гипотетически можно предположить соотнесение ребёнком с тем, от кого напрямую зависит его существование, питание, тактильные ощущения, чувство родителей, семьи и «своих».

44. *Жена* – древнее славянское слово, имеет соответствия в других индоевропейских языках. Общеславянское *žena восходит к индоевропейскому *guena «женщина», собственно ‘рождающая’. В корне слова *guen- ‘рождать’ на славянской почве звук / gu / перед гласным переднего ряда / e / изменился в / ж /. В других индоевропейских языках этому слову соответствуют: древнеиндийское gnā (богиня), jánis (женщина), древневерхненемецкое quena (женщина), английское queen (королева и пчелиная матка), латинское gignere (рождать), греческое genos (происхождение, род), ему родственно слово «генетика» [Мельничук, т. 2, с. 205-206; Цыг., с. 146; Шанск., с. 145].

Корень слова «жена» «женщина», В. М. Иллич-Свитыч приводит среди ностратических с индоевропейским соответствием *guenā [Иллич-Свитыс 1967: 340].

Слово современного английского языка queen восходит к староанглийскому cwēn, соотносимому с древнесаксонским quān (жена), древнесеверным kvæn, готским qēns (жена) [Кол., с. 1271].

Однокоренными с *gé- являются многие слова современного итальянского языка. Родственный им латинский глагол – generare восходит к genus. От глагола generare произошли слова genitore (родитель), родительный падеж генитив. От genus происходит generosus – дворянского происхождения, затем от него развилось значение, закрепившееся в современном итальянском языке generoso, – щедрый; прилагательное generale (‘главный, общий’, позже оно субстантивировалось и стало обозначать военное звание «генерал»), прилагательное genero (зять). В латыни производное gens обозначало ‘род, происхождение’, ingenuus – ‘рождённый от свободных родителей’, ingenium – ‘нрав, характер’. Итальянское слово инженер ingegnere изначально обозначало ‘строитель машин, механизмов’ (ingegno – механизм). У слова ingegno в современном итальянском

языке есть следующие значения: 1) интеллект, умственные способности; 2) хитрость, ловкость, обман; 3) инстинкт; 4) нрав, характер; 5) механизм, приспособление [Зорько, Майзель 1995: 459]. В русский язык слово инженер пришло из французского [Бул., с. 230: Кр., с. 302, 303]. От этого же корня происходит germen (ит.germe) – зародыш, завязь, источник, от которого образовалось germinare, germano (родной брат, сестра) [ит. эт., с. 430]. Однокоренным является также слово современного итальянского языка indigeno – абориген, индеец, которое происходит от латинского indigena, от in- , указывающего направление движения, усиленное и преобразованное в indo- (endo-) со значением «внутрь» и темы gingere (generare – генерировать) от корня *gene- [ит. эт., с. 500].

От латинского germānus (frater germānus – брат по отцу и матери) происходит слово современного испанского языка hermano – родной брат (hermana – сестра) [исп. эт., с. 295].

Слово gente (народ), присутствующее в современном итальянском и испанском языке, также является однокоренным и восходит к gens [исп. эт., с. 274], от *gene- , со вторым соотносятся древнеирландское kind (раса, порода, сорт, вид), немецкое Kind (ребёнок) [ит. эт., с. 431]. К этому же латинскому слову gens (семья) восходит gentile(m), от которого в современном итальянском – gentile (вежливый, любезный), значением которого в латыни было ‘принадлежащий к семье’, затем – ‘благородный, дворянский’ [ит. эт., с. 431]. У данного слова имеется также второе значение – ‘язычники римляне, не обращённые в христианство’; в иудейско-христианской терминологии – ‘народы, которые не относились к израильтянам или христианам, язычники’ [ит. эт., с. 431].

Однокоренным является также маркированное английской культурой слово джентльмен [Кол., с. 644]. Оно пришло в русский язык из английского: gentle – благородный и man – человек [Бул., с. 193; Кр., с. 249].

Однокоренным является также слово гений, толкование которого [Кол., с. 643] указывает на значение слова «гений» в контексте

римской мифологии как духа, сопровождающего человека от рождения к смерти, что в христианском мировосприятии трансформировалось в образ ангела-хранителя. В арабской мифологии однокоренным словом называется демон джинн (jinn). Отметим, что, согласно нормам арабского литературного языка фусха, слово «джинн» грамматически согласуется по правилам согласования одушевлённых существ, в отличие, например, от животных. В древнеримской мифологии гений представлялся амбивалентным существом, у каждого человека был добрый и злой гений. Ввиду данной амбивалентной сущности джинн тоже может быть как добрым, так и злым, исполняя как добрые, так и злые желания, помогая и вредя герою. Миф также представляется отпечатком мира и попыткой интерпретировать мир, равно как и слово является актом языкового познания, отражением восприятия и толкования, освоения и присвоения мира человеком.

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, одной из основных структурных единиц древнего индоевропейского общества было *k’en-(t[h])- ‘совокупность людей, связанных родственными отношениями’, ‘род’, ‘племя’. Основа слова увязывается этимологически с корнем *k’en- в значении ‘рождать’. Индоевропейское название ‘рода’, ‘племени’ образуется как производное от указанного корня с суффиксом *-t[h]- . Такое образование сохраняется в ряде древних индоевропейских диалектов. В италийском основа представлена в форме латинского gēns, родительный падеж gentis со значением ‘род’, ‘родовая община’, ‘племя’. В германском соответствующая основа предполагается на базе производного готского kindins ‘предводитель рода’ (из *k’ent[h]i-nos). Обнаруживается также в исторических диалектах и другое суффиксальное образование от того же корня *k’en- в значении ‘племенных объединений’ и других сходных значениях (‘потомка’, ‘происхождения’): латинское nātiō ‘род’, ‘племя’, ‘народность’ (из *gnātiō), древнеиндийское jāti- ‘рождение’, ‘семья’, древнеанглийское (ge)cynd ‘род’, ‘природа’, происхождение (английское) kind [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 748-749].

Таким образом, первокорень *ge- транслирует смысл ‘рождать, порождать’, его значения трансформировались в разных языках, од-

нако общий стержень полисемии ‘порождать’ сохранился. Метонимический перенос на носителей признака родства дал разветвляющиеся ряды сузившихся и конкретизировавшихся значений. В более древних языках (в латыни, в греческом, старославянском) этот первокорень отобразился в словах, называющих женщину, родительницу. В римском быту данный первокорень реализовался в обозначении рода и семьи. В современных языках (английском, итальянском, испанском) прямые значения указывают на лиц с узами родства (родители, жена, зять), а также сформировались метафорические переносные значения (жанр как ‘относящийся к тому же роду’, однако уже не обозначающий человека-родственника, ‘характер, нрав’, и «инженер» как ‘создатель приспособлений и механизмов’). Следовательно, чем далее языки уходят в своём развитии, тем сильнее значения удаляются от изначального смысла. Тем не менее, постоянным остаётся значение, однажды трансформировавшееся и закрепившееся в мифологии, поскольку мифологический компонент всегда (осмыслено или подсознательно), присутствует в человеческом мировоззрении. Так, образ гениев был составляющим мировидения римлян, затем значение данного слово трансформировалось и стало обозначать талантливого, гениального человека. В восточных сказках сверхъестественное существо джинн перестало осмысливаться как ‘тот, кто исходит от одного и того же рода с «адресатом повествования», с человеком’, его образ был переосмыслен как отдельного сильного представителя иного мира: как христианского ангела-хранителя и латинского гения.

Очевидно, трансформация значений движется вместе с развитием и отделением языков, современных языков от своего древнего языка (отношение латынь – итальянский, испанский) и от праязыка.

114. *Племя* – общеславянское, образовано с помощью суффикса *-men (> -мя) от того же корня, что и «плод» с переогласовкой о / е (pled). Сочетание / dm / изменилось в / м /, / en > ę > ‘а / [Шанск., с 342]. Праславянское *plemę развилось из *pledmen – народ, потомство, в котором отмечается суффикс *-men и основа *pled- / *plod- , состоящей из суффикса -d- и индоевропейской глагольной основы

*ple- (*pel-) «рождать», «производить». Ему родственны греческое plēthos – множество, латинское plēbs – народ [Цыг., с. 347], а также родственно ирландское loth – жеребенок [Мельничук, т. 4, с. 437; Фасмер, т. 3, с. 278].

В русский слово плебс заимствовано из латыни [Бул., с. 448; Кр., с. 599]. Оно присутствует также в итальянском plebe, восходит к латинскому plebs и связывается с греческим plethýs, plēthos – множество, от темы *pledhw, от корня *ple- – полный. Очевидно, родственным является также итальянское pieno, восходящее к латинскому plenus, от корня *pele- – наполнять, широко представленном в индоевропейском ареале. Ему соответствуют слова санскрита purnah – полный, греческого pléres, немецкого voll, а также plus и греческое polýs (pleíon и pleîstos) [ит. эт., с. 754, 762]. К этому же корню восходит слово «комплект», заимствованное в русский из латыни [Бул., с. 282; Кр., с. 379].

Однокоренным является также слово «племянник», древнерусское, суффиксальное производное от «племя» с первоначальным значением, известным ещё в XVI веке, «соплеменник», «родственник» [Шанск., с. 342].

Соответствие немецкого voll – «полный» позволяет предположить родственность английского full с идентичным значением. Full восходит к древнеанглийскому и соотносится с древнесеверным fullr, древневерхненемецким foll, греческим plērēs, латинским plenus [Кол., с. 622], что подтверждает родство английского full с искомым первокорнем. К этому же корню восходит русское слово «полный», общеславянского происхождения, которому соответствуют названные выше немецкое voll – полный и латинское plenus [Шанск., с. 351].

Таким образом, первокорень *ple- транслирует смысл ‘быть чреватым, полным тем, что родится (плод)’. Значения трансформировались в результате метонимического переноса «действие – его результат»: рождать, производить – плод, жеребёнок, потомство, затем значение обобщилось –народ, племя. Далее, очевидно, имела место менее частотная по количеству метонимическая модель, давшая значение множества. Последующий метафорический перенос сформи-

ровал значение быть полным вообще, быть наполненным чем-либо. Вновь прослеживается отдаление от исходного смысла в результате закрепления вторичного значения. Сема множества терминологизировалось в слове плюс, которое было заимствовано в русский язык и не воспринимается носителями как исконное.

135. *Свекровь* – праславянское, современная форма развилась из древнерусского свекръвь с изменением под ударением ъ в о и утратой конечного гласного ь. По происхождению свекръвь – форма винительного падежа единственного числа существительного свекры, родительный падеж свекръве – «свекровь». Форма винительного падежа стала восприниматься как именительный падеж единственного числа в связи с переходом этого имени из ы-основ в склонение i-основ. Праславянское свекры (*svekry) «свекровь» развилось из *sve-sry, в котором *sve- значит ‘свой’, а *sry – с неизвестным первоначальным значением в соотвестсвии с народной этимологией была заменена элементом *kry под влиянием славянского кры «кровь» и само слово воспринималось со значением «своя кровь». Форма мужского рода свекръ восходит к праславянскому *suekros из индоевропейского suekrūs с корнем *sue- > sve- , svoj «свой». Вторая часть *kr- < *kur-, очевидно, соотносится с греческим kyrios ‘имеющий силу, власть’. С корнем svoj «свой» связаны также слова свадьба и сестра. Существительное сватьба образовано с помощью суффикса глагольных имён -ьб-а от глагола сватати(ся), который, в свою очередь, в праславянский период образован с суффиксом -а-ти от существительного сватъ – первоначально – свой. Праславянское *svatъ > сватъ является производным с суффиксом *-to от *sva- , из индоевропейского *suo- (*sue-) свой, от которого также происходит греческое (w)etēs (> etēs) «друг, родственник», литовское svēczas – гость. Современная форма слова сестра развилась из праславянского *sesra – сестра вследствие вставки эпентетического согласного / t /. Существительное *sesra происходит от индоевропейского *suesor, в котором соединились корни *sue- – своя, тот же, что и слове свекровь, и элемент *sr из *sōr – женщина, слово сестра обозначало ‘женщина моего рода’. Однокоренным является глагол

«посетить», заимствованный из старославянского языка, образованный при помощи приставки по- от сетити (через ять), производного с глагольным суффиксом -и-ти от существительного сеть (через ять) – «гость». Оно восходит к индоевропейскому корню suet- со значением ‘свой’ [Цыг., с. 362, 411-412, 420-421]. Родственным является латинское socer – тесть, свекор [Мельничук, т. 5, с. 187; Фасмер, т. 3, с. 571-572; Шанск., с. 402].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, индоевропейский корень *soek[h]ruH- несёт семантику ‘мать мужа’, ‘свекровь’, корень *soek[h]ruo- (по диссимиляции из *soek[h]ru-ro-) обозначает ‘отец мужа’, ‘свёкр’. Индоевропейское *soek[h]ruH- разлагается на *soe- ‘свой’, ‘принадлежащий к данному коллективу, данной семье’, и *k[h]r- ‘глава’, ‘голова’; *soek[h]r- могло, таким образом, означать ‘глава семьи’, ‘глава своих людей’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 761].

В современном итальянском языке функционирует однокоренное слово suocera – тёща, свекровь, восходящее к позднелатинскому socera, классическому латинскому socrus, которое, в свою очередь, связывается с исходным индоевропейским swekru, присутствующим в санскрите çvaçrûs, в немецком Schwieger – родители мужа, жены, а также на следующих ареалах: кельтском, славянском, армянском и греческом в форме swekura более соответствующей позднелатинскому socera. В греческом hekýra для *sFecurá и hekyrós – свёкр, в старославянском svekry. Первый элемент swe- прослеживается в современных итальянских словах suo – свой, sorella – сестра. Второй элемент -kru сложно идентифицировать, предполагается соответствие в санскрите çuras, греческом kýrios – господин в значении высокого уважения, так, как жена называла младшего брата мужа dêvr или dêvara в санскрите, которому соответствует литовское deverís, старославянское deveri, греческое daFêr, латинское levir исходным значением которого является ‘божественный, близкий к богам’ [ит. эт., с. 970]. Данная семантика, очевидно, соотносится с восприятием первопредка, чудесного прародителя племени. Итальянское притяжательное местоимение suo – свой восходит к форме третьего лица единственного числа притяжательного местоимения латыни suus, раз-

вившемуся из первичной индоевропейской формы sewo / swo, соответствия которому присутствуют в санскрите svas, svayam – сам, ты сам, литовском savasis, готском svesa, древневерхненемецком swas, греческом eós. Итальянское слово sorella – сестра происходит от латинского soror, которое, в свою очередь, восходит к более старинной форме *swesor от корня *swe- , того же, что и в sodale – сотоварищ, soccer – тесть, свёкр, а также в английском sister [ит. эт., с. 934, 970]. Слово современного английского языка sister – сестра восходит к староанглийскому sweostor и соотносится с древнесеверным systir, древневерхненемецким swester, готским swistar [Кол., с. 1445]. В современном испанском языке присутствует однокоренное suegra – свекровь, от слова народной латыни sŏcra, заменившего классическое socrus. Suegro – свёкр фиксируется с XII века и происходит прямо от латинского soccer, произведённого от формы женского рода suegra, встречающегося чаще, чем мужской вариант suegro – свёкр [исп. эт, с. 518].

Таким образом, первокорень *suo- (*sue-) транслирует смысл ‘свой’. Значения трансформировались по метонимической модели перенесения признака на его носителя с последующими сужением и конкретизацией в зависимости от того, кого называли своим – сестру, свата, свекровь, свёкра. Отметим, что данный корень прослеживается в назывании людей, помещаемых в полюс «своего», противопоставленный «чужому».

Как известно, термины родства, называющие окружение ребёнка, происходят из детской речи, представляя собой наиболее удобопроизносимые звуки и краткие корни. Поскольку человек любого народа при рождении способен начать осваивать любой язык своей среды, эти звуки и слоги практически одинаковы в разных языках.

Другой очевидной тенденцией уже в речи взрослых, осознающих своё племя и отношения в нём, является именование некоторых родственников корнем с семантикой «свой».

Обобщив процессы трансформации значений лексико-семантической группы ‘родственные отношения’, возможно проследить следующие тенденции трансформаций.

Большинство из первокорней обозначения близких родственников восходит к детской речи. Перенос осуществляется от действия к названию его исполнителя по метонимической модели nomina agentis (питать, растить – дед). Присутствует также перенос признака на его носителя (свой – свекровь). Нечастым случаем в развитии трансформационной цепочки выступат расширение с последующим сужением значения (жена – рождающая, род, принадлежащие роду люди).

Очевидно, в обозначении людей, близких ребёнку, задействованы слова, порождённые в детской речи, а при обозначении родственных отношений с социальным компонентом семантики наблюдается процесс сужения и конкретизации значений

2.4. Пространство и время

2.4.1. 'Пространственные отношения'

Среди слов русского языка, содержащих в себе первокорни и формирующих лексико-семантическую группу 'пространственные отношения', содержатся следующие: в (во внутрь), ваза (вместилище), вампир (по ту сторону), век, вертеп (ограждённое пространство), год, долгий (длящийся), закон (конец и начало), мера, нутро, перёд, потолок, ряд, север, угол. Семнтика 'пространственности' восстанавливается по обобщению трансформаций значений, рассматриваемых ниже.

14. *В* (во) – общеславянское, представляет собой фонетическое видоизменение предлога vъn (вън > въ > в > во), в котором звук /в/ является протетическим, как в словах вопить. Более древняя форма ъn унаследована из индоевропейского языка (лат. in, греч. en, готское in [Шанск., с. 66]. В современном итальянском языке предлог in восходит к латыни, в итальянской этимологической традиции он также квалифицируется как индоевропейский со значением 'движение внутрь или сверху вниз', а также 'нахождения в определённом месте' [ит. эт., с. 488]. Предлогу in есть соответствия в древневерхненемецком in, древнесеверном ī [Кол., с. 782].

В литературном арабском предлог «в» выглядит как /fi/ **في** , что, возможно, фонетически соотносится со звонким /в/, имеющим следы

в русском «в», в также с долгим /ī/, отражённым в древнесеверном варианте данного предлога.

В агглютинативных языках аффиксы, выражающие значение ‘движения внутрь’ или ‘нахождения внутри’ эксплицируются местным падежом или послелогом. Так, в турецком «внутри» передаётся наречием içinde, представляющим собой основу iç , «внутренность, нутро» и аффикс местного падежа de. Основа iç не квалифицируется как заимствованная или восходящая к какому-либо иному языку [тур. эт.]. Возможно, в силу её древности, она не считается иноязычной, а корневой гласный соотносится с долгим / ī / предлога in.

Однокоренным с «в», «in» является слово «внутрь». Общеславянское по происхождению, оно возникло из сочетания предлога вън- (современная форма которого в(н)-) со значением ‘направление движения в середину чего-либо’ и винительного падежа существительного утрь из ontrь с начальным юсом большим, что обозначало «внутренность», «середина» > глубина. Производными выступают слова «утроба», «нутро». В слове «нутро» звук / н / приставки вън- присоединился к корню [Цыг., с. 76].

Однокоренным является слово «утроба», общеславянское по происхождению. Оно образовано при помощи суффикса -оба от *ontro – внутренности, являющегося переогласовкой к entro – печень, известного в памятниках и других индоевропейских языках: в древнеиндийском antram – внутренности, греческом – entera с тождественным значением, в древнегерманском inner – внутренний, авестийском antara- ; чередованием гласных оно связано с латинским interior – внутренний [Фасмер, т. 4, с. 176-177; Шанск., с. 469]. А. Мейе указывает на соответствия «латинского inter «между», с атематическою формою суффикса *-tero- и с протетическим *a- , которое встречается и в древнепрусском an и древнеславянском [/ on / юс большой], умбрийском ander и древнеславянском / on /трь (юс большой в начале) «внутрь» [Мейе 1938: 356].

Современное итальянское прилагательное interiore – «внутренний» восходит к тому же корню, от латинского interior, являющемуся компаративом от *interus – внутренний, которое происходит от inter,

представляющего, в свою очередь, компаратив от in. Ему соответствуют слова санскрита antaras и греческого éntera [ит. эт., с. 524].

Таким образом, первокорень может отображаться также в предлоге. Отметим, что данная служебная часть речи выстраивает пространственные отношения и, следовательно, отображает представления человека об окружающем мире. Предлоги в разных языках могут иметь эквиваленты перевода, однако их употребление весьма различно и своеобразно в каждом языке. Предлог «в» / «in» соответствует в своей основной семантике в разных языках, возможно, потому, что он заключает в себе первокорень, транслирующий смысл ‘движение внутрь, нахождения в определённом месте’. Значения трансформировались в зависимости от мировидения носителей того или иного языка, например, предлоги – это то, в чём продолжает ошибаться человек с высоким уровнем владения иностранным языком, поскольку его родной язык накладывает отпечаток, говорящий подсознательно продолжает переводить со своего родного языка. Так, на итальянском значения предлога «в» / «in» отличаются от русского тем, что «in» используется перед транспортом, островами, странами. По-итальянски правильно будет сказать «Еду в Италию, на Сицилию на поезде» – «Vado in Italia, in Sicilia in treno». В этой фразе использование предлога «в» / «in» совпадает с русским только перед страной. Таким образом, пространственное мироощущение носителей разных языков породило трансформацию значения данного предлога. Первокорень «in» транслирует смысл ‘нахождение внутри’.

15. *Ваза* – заимствовано в русский язык во второй половине XVIII века из немецкого [Кр., с. 151], в котором die Vase восходит к латинскому vas ‘ваза, сосуд’ [Мельничук, т. 1, с. 319; Шанск., с. 66]. В современном итальянском языке однокоренное слово vaso (ваза, однако, в итальянском данное слово имеет мужской род) восходит к латинскому vas, которое можно связать только с умбрийским vasor. Возможно, этот корень соотносится с индоевропейским корнем *vas, заключающим в себе общее понятие «содержать в себе, завёртывать, кутать», от которого в санскрите употреблялось слово vasanam (одежда, жилище, ваза, коробка) [ит. эт., с. 1040]. В современном англий-

ском vase также восходит к латинскому vās через посредничество французского [Кол., с. 1698].

А. Мейе указывает на то, что «Корень, означающий «одевать, одеваться» … является … и в распространённой форме *wes- в хеттском wašanzi «одеваются», санскрите váste «одевается», … латинском uestis «одежда», армянском z-gest «одежда», тохарском B wastsi «одежда», готском wasjan «одевать, одеваться» [Мейе 1938: 387].

Учитывая значение «вместилища», возможно предположить родственность слова «дом» на языке кечуа – wasi [Quechua, с. 155]. Язык кечуя не относится к ностратическим, однако, природа первокорня позволяет предполагать его проявления в весьма далёких языках. В отечественном языкознании кечуа посвящены исследования Е. И. Царенко.

Исходя из значения «одежда», выскажем предположение о родственности данному корню итальянского слова «одежда» veste, происходящего от латинского vestis, восходящее к индоевропейскому корню *wes- (одевать), в котором / w / представляется редукцией / eu / [ит. эт., с. 1050]. В санскрите имеются соответствия vastram (одежда), в греческом hénnymai (я одеваюсь), готское wasti (плащ), в немецком weste, в английском wear (носить) [ит. эт., с. 1050].

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, общеиндоевропейский термин для ‘одежды’ и ‘одевания’ вообще восстанавливается в форме *ues- , отражённой во всех основных древних индоевропейских диалектах. Основа *ues- может этимологически увязываться с первичным корнем *eu- (нулевая степень с суффиксом *-es-) ‘надевать’, ‘натягивать’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 705].

Таким образом, первокорень * vās-/*wes-, транслирует смысл ‘содержать в себе, завёртывать, кутать’. В результате метонимического переноса сформировались объектные значения, которые сузились и конкретизировались: вместилище, дом, коробка, а также одежда, плащ. Метонимический перенос nomina actionis дал название действиям одевать, носить одежду.

16. Семантику пространственных отношений, а именно ‘потусторонний’, несёт в себе слово *вампир*. Оно было заимствовано

в русский из немецкого через посредство французского [Бул., с. 112; Кр., с. 154] в XVIII веке. Немецкое Vampir < сербохорватское вампир [Шанск., с. 69]. Родственным данному корню является слово «упырь». Слово «упырь» заимствовано из тюркских языков. В памятниках отмечается с XVI века. Татарское убер – «ведьма, злой дух» [Мельничук, т. 1, с. 327-328; Шанск., с. 466].

В современный итальянский vampire было также заимствовано из немецкого через посредничество французского. Слово имеет сербо-хорватское происхождение (vampir) [ит. эт., с. 1037]. В испанской этимологической традиции данное слово квалифицируется как венгерское с указанием на сербохорватский источник [исп. эт., с. 568]. В английский слово vampire также пришло через посредничество французского и немецкого из венгерского, оно соотносится с турецким uber – ведьма и с русским «упырь» [Кол., с. 1695].

В современном турецком языке прилагательное öbür обозначает «другой» и входит в состав фразеологически связанного сочетания «öbür dünya» – тот свет. Возможно, внутренний формой слова вампир, восходящего к корню uber, является ‘иной, потусторонний’. Турецкое слово öbür этимологически соотносится с корнем bir [тур. эт.], (bir в современном турецком языке имеет 2 значения: один при счёте (числительное) или значение неопределённой предметности (неопределённый артикль). Сочетание o bir, в котором «о» – указательное местоимение «тот», породило слово öbür – «другой», огласованное по закону сингармонизма, обозначающее буквально «тот другой, вот тот». В данном словосочетании чётко прослеживается пространственная семантика тот – этот, далёкий – близкий, этот и тот свет, «существо иного мира».

Созвучным представляется испанское слово bruja – ведьма, восходящее к *BRŪXA. Оно имеет соответствие в гасконском и лангедокском романских диалектах. Происхождение его неизвестно, несомненно, что оно до романское [исп. эт., с. 88].

Отметим, что в тех случаях, когда первокорень прослеживается в слове, называющем сверхъестественное существо, следует принимать во внимание мифологию. Миф и связанные с ним явления изу-

чали, в частности, А. Ф. Лосев, Б. А. Рыбаков, Н. В. Слухай, Дж. Фрезер, З. Фрейд, О. М. Фрейденберг, К. Юнг.

Близко по звучанию данному корню, а также имеющей сходную семантику является русское слово «оборотень», тот, кто оборачивается, превращается. «Обратить» заимствовано из старославянского языка, происходит от *vorotiti [Шанск., с. 300], ему родственны слова «ворот» и «вертеть». Вертеть – слово индоевропейского характера (литовское verščiu – «верчу», латинское vertere – «вертеть», древнеиндийское vartatē – «поворачиваться»). Основа верт- содержит суффикс -t- и ту же основу (*uer- / *uor-), что и «вериги», «ворота», которые восходят к этому же корню *verti со значением ‘связывать, запирать’ [Шанск., с. 75, 76, 92].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, к семантической группе индоевропейских основ, давших производные в значении ‘колесо’, ‘круг’, ‘повозка’, примыкают основы *Huer-t[h]- и *Huer-ĝ[h]- . От второй пошло арийское –uartanna – ‘круг, на котором тренируют лошадей’, а также осетинское wærdon ‘арба’ [Гамкрелидзе, Иванов 1964: 719].

Этот древнейший корень упоминает также А. Мейе, рассуждая о глагольных образованиях: «Так, санскритский корень vart- «вертеть» даёт в «Ригведе»: настоящее время vártate «вертит»…» [Мейе 1938: 263].

Значение ‘связывать, запирать’, возможно, соотносится с семантикой ‘границы’, то есть, связать, запереть, чтобы не впустить. Граница в мифологических представлениях о мире является рубежом этого и того света. Проникнуть в миры возможно, поворачиваясь с одной стороны на другую, как это, например, делает избушка на курьих ножках. Оборотень, упырь (о bir – буквально «тот, иной»), вампир являются представителями иного мира, и внутренняя форма их номинации заключает в себе значение ‘иной’, буквально, ‘обернувшийся’. Первокорень *uer (*vorotiti) транслирует смысл ‘поворачиваться’, значения которого метафорически трансформировались, в частности, в название сверхъестественных существ, оборачивающихся из одного естества в другое.

18. Слово *век*, имеющее темпорально-локальное значение, обозначающее ‘культурный отрезок времени’, привязано к определённой исторической географии и является общеславянским, индоевропейского характера. Первоначальное значение – «сила, здоровье» [Мельничук, т. 1, с. 397; Шанск., с. 73], далее произошло развитие значения в «проявление силы» > «время, в течение которого человек проявляет силу», «жизнь человека», «длительное время», «период в 100 лет». Этимологически ему родственны литовское viēkas «сила, жизнь», vekti «действовать, работать»; латинское vinco, vincere «побеждать». От корня слова «век» произошло русское слово «увечить» – ‘лишать силы, способности трудиться’ [Цыг., с. 64].

В современном итальянском vincere, испанском vincer (побеждать) восходит к латинскому, которое, в свою очередь, произошло от корня *weik- (сражаться), ему родственны готское weihan (сражаться), англосаксонское wiking [ит. эт., с. 1054]. В современном английском глагол win (побеждать) восходит к древнеанглийскому winnan, соотносящемуся с древневерхненемецким vinna, немецким gewinnen [Кол., с. 1757].

Слово «викинг» заимствовано в русский в начале XIX века из скандинавского в значении ‘древнескандинавский воин, участник морских завоевательных походов (в 8-11в)’. На Руси викинги были известны под именем варягов, в западной Европе – под именем норманнов [Бул., с. 120, Кр., с. 165]. Шведское viking, от древнеисландского vikingr, суффиксального производного от vik – ‘жильё; залив, бухта’ [Шанск., с. 81; ит. эт., с. 1054].

Возможно, однокоренным является русское слово «витязь», заимствованное из германских языков, передающее германское Viking. Согласно другой этимологической версии, оно является исконно славянским от *вить – «добыча» [Шанск., с. 84]. В таком случае, родственным оказывается итальянское vincolo (связь), происходящее от латинского vinculum, от глагола vincire (связывать), индоевропейское по происхождению, которому родственно санскритское viyaki (он обнимает), корень *wik присутствует в древневерхненемецком vîgan и в готском veihan (сражаться), англосаксонское wîg (война), литовское veikti (усиливать, укреплять) [ит. эт., с. 1054].

Однокоренным является слово «вина» – общеславянское, образованное при помощи суффикса -на от той же основы, что и старославянское възвить – «добыча, война» [Шанск., с. 81], а также «война» – общеславянское, образованное при помощи суффикса -ьна от воин, этим словам русского языка имеются соответствия в литовском výti – «гнаться, преследовать», латинском venari – «охотиться», древневерхненемецком weida – «охота» [Шанск., с. 88].

Если предположить, что путь развития полисемии проходил следующим образом: ‘воевать’, ‘побеждать’, ‘охотиться’, ‘захватить как добычу’, ‘желать иметь в своём владении’, то возможно предположить родство индоевропейского корня *wen- (желать), от которого в латыни происходит слово venerari ‘поклоняться богам’ (в современном итальянском – venerare, испанском – venerar со значением чтить, поклоняться), родственным также выступает имя богини Венеры. Однокоренным *wen- является слово современного английского языка wish – желание [ит. эт., с. 1044], которое произошло от староанглийского wyscan, соотносящегося с древнесеверным öskja, немецким wünschen, датским wenschen [Кол., с. 1762]. Имя Венеры является производным Venus < venesnom – «приворотное зелье», в чём также прослеживается семантика «желать завладеть, присвоить», в современном итальянском (veleno), испанском (veneno [исп. эт., с. 571]), от данного корня развилось значение «яд» [ит. эт., с. 1043].

Таким образом, прослеживается один (и тот же) или два параллельных первокорня: *vek- / *wen- . Первокорень *vek- транслирует смысл ‘сила, здоровье’. Значения трансформировались на базе метонимического переноса время, когда человек здоров и селён, затем на основе временного признака – длительный период времени – век. Отметим, что указанное значение отошло от основного и в слове век закрепилось вторичное значение. Другое ответвление метонимических переносов по модели сила – то, где человек её проявляет, – гнаться, сражаться, охотиться. Метонимия по модели действие – его результат привело к дальнейшей трансформации добыча, победа, а также вина. В данном случае прослеживается влияние положительной и отрицательной оценки, сделавшей «крутой поворот» в трансформации значений. Метонимия nomina agentis дала значение воин,

витязь, викинг. Очевидно, в результате последующего шага метонимии, предметом которой является викинг, воин, прибывший на корабле, образовалось значение бухта.

Если предположить, что *weik / *wen – варианты одного и того же корня, возможно констатировать продолжение трансформации значения ‘захватить добычу, заполучить в своё владение’, ‘желать заполучить’, ‘желание’, ‘просьба об исполнении желаний’, ‘поклонение богам’, ‘зелье как средство заполучения желаемого’, ‘зелье’, ‘яд’.

20. Словом русского языка, восходящим к первокорню с семантикой «пространственные отношения», является *вертеп*. Оно заимствовано из старославянского языка, в котором вьртьпъ имело значение «пещера, сад»; образовано с помощью суффикса -ьпъ от вьртъ (ср. сербохорватское – врт – «сад, огород»), производное от *vert – «закрывать». Однокоренным является слово вертоград, которое предстаёт калькой готского aurtigards – «сад, огород» [Мельничук, т. 1, с. 358; Шанск., с. 76]. Истории слова «вертеп» в русском языке посвящено исследование В. В. Владимирской.

Этот же корень прослеживается в слове современного итальянского языка orto – огород, произошедшем от латинского hortus, родственного индоевропейской теме *ghorto, которая реализовалась в немецком и английском garden – сад). Корень *gher- / *ghor- обозначает «ограждать, охватывать», ему соответствует русское «город» [ит. эт., с. 707].

Слово русского языка город является общеславянским, индоевропейского характера, звуковое оформление – восточнославянское с полногласным сочетанием -оро- . Праславянское *gordъ образовано от индоевропейского корня *gher- «охватывать» (чередование е : о). Этимологическое значение слова город – ‘ограда’, ему имеются соответствия в других языках: в литовском gardas – ограда, готском gards – дом, албанском garth – забор, латинском hortus – огород, греческом chortos – огороженное пастбище, польском grord, верхнелужицком hrord, нижелужицком grod, кашубском gard, полабском gord.

Затем в слове «город» развилась семантика ‘укрепления’. Это значение отражено в старославянском градъ – стена, город, в чеш-

ском hrad – крепость, hrada – граница. Корень город- в исходном значении ‘ограждения’ прослеживается в глаголе городить, а также в словах гражданин, жердь, огород [Фасмер т. 1, с. 443; Цыг., с. 107-108; Шанск., с. 110-111].

По замечанию Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, ‘поселение’ (или, возможно, индивидуальный ‘дом с двором’, ‘дворец’) в защитных целях могло обноситься ‘оградой’, обозначавшейся специальным наименованием *g[h](e)rd[h], давшим соответствующие рефлексы в исторических индоевропейских диалектах. Основа *g[h](e) rd[h]- восходит к корню *g[h](e)r- || *ĝ[h](e)r- в значении ‘огораживать’, который, оформляясь суффиксом *t[h]- , дает сходные значения в греческом, в латыни cohors (из *ko-ghr-ti-s) ‘огороженное место’, ‘двор’, ‘скотный двор’, ‘когорта’, ‘часть легиона’, в валлийском garth ‘огороженное место’. Германские формы древневерхненемецкого garto, древнеанглийского geard можно вывести из основы на суффикс *-t[h] [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 744].

Однокоренным является слово современного итальянского языка corte (двор), родственное coorte, обозначающему отряд войска в Древнем Риме, составлявший десятую часть легиона. Из латыни оно было заимствовано в русский язык со значением «когорта» – ‘крепко сплоченная общими идеями группа людей’ [Бул., с. 274; Кр., с. 366]. Слово cohors в латыни имело первоначальное значение ‘ограждение для скота’, затем перешло в военную среду, а в эпоху средневековья curtis обозначало территориальное подразделение, резиденция короля, происходящее от более древнего *cohortis (префикс co и корень *gher- брать, охватывать) [ит. эт., с. 259].

Слова, обозначающие город, в современном испанском – ciudad, каталанском – ciutat, итальянском – città восходят к латинскому civitas [исп. эт., с. 132; ит. эт., с. 222], в свою очередь, произошедшее от civis – гражданин, от корня *kei- (оседать, поселяться). В латыни civis обозначало постоянного резидента, с постоянным местом жительства, в отличие от иностранца – peregrinus, происходящего извне, от incola или inquilinus – ‘непостоянного жителя не своего собственного места проживания’ [ит. эт., с. 223].

В современном английском слово город city происходит из старофранцузского cité, восходящему к латинскому civis – гражданин [Кол., с. 297]. Возможно, родственным корню *kei- является слово современного турецкого языка kent – «большой город», имеющее иранское происхождение [тур. эт.].

Значение «освоенной территории», «обитаемого пространства» отображено в слове украинского языка «місто», обозначающем ‘город’ и восходящем к праславянскому *město [Цыг., с. 262; Шанск., с. 263].

В процессе развития значений произошла терминологизация понятия, поскольку слово город имеет точный синтетически представленный перевод на разные языки.

Возможно сделать вывод о том, что когда развитие значения по цепочке (в пределах одного языка в диахронном и синхронном аспекте), в пучке (в процессе трансформации в разных языках) доходит до внутреннего предела на данном этапе своего развития, происходит терминологизация понятия, и тогда значение, вербализированное в конкретной форме (звуко-буквенной, иероглифической, узелковой и др., а также в звуковой) обретает свойство иметь точный перевод на разные языки. Однако эта способность к переводимости возможна только на одном синхронном срезе языков. Так, например, арабское слово «медина» в значении ‘древней ограждённой территории с большим количеством извилистых улочек с торговыми лавками и домами’ не соответствует этому же слову литературного арабского языка /madina/, обозначающему город.

Семантику «закрытого ограждения» несёт итальянское слово, обозначающее вертеп. В современном итальянском языке оно переводится как presepio в значении воссоздания при помощи статуэток сцены рождения Христа в яслях. Такие «вертепы» обычно расставляют на праздник Рождества. Presepio происходит от латинского praesaepe (закрытое ограждение, кормушка), образованное способом сложения основ prae и saepire (окружать изгородью, плетенем) [ит. эт., с. 782]. Слово siepe (плетень) происходит от латинского saepire, от которого образована форма saepes, по всей вероятности, связан-

ная с греческим sekós (огороженное место), что возможно связать с индоевропейским корнем *sak / *sag (фиксировать, связывать), ему есть соответствия в санскрите sagati (прикреплять), древневерхненемецком sweiga (заграждение для скота, старославянском seku [ит. эт., с. 915]. Общеславянское сечь, секу имеет индоевропейский характер, современная форма произошла из *sěkti (/ kt / перед гласным переднего ряда изменилось в / ч /, ять перешло в е [Шанск. с. 408]. Очевидно, произошла трансформация значения: сечь, резать прутья, делать из них заграждение, ограждённое место.

Как отмечалось выше, семантика ‘ограждённого пространства’ прослеживается также в английском garden (сад), которое восходит к старофранцузскому gardin германского происхождения, ему родственно английское слово yard (двор), однокоренным с yard является также английское orchard – фруктовый сад [Кол., с. 1099]. Yard восходит к староанглийскому geard, соотносимому с древнесаксонским gard, древневерхненемецким gart, древнесеверным garthr (двор), готским gards (дом), старославянским gradu (город), албанским garth (изгородь) [Кол., с. 1778].

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов рассматривают корень *d[h]ur- в разделе «Дверь» как «выход из дома» и оппозиция «дома-вне дома», «в поселении» – «вне поселения». Отмечается заимствование индоевропейского *d[h]uer- ‘двор’, ‘дверь’ из шумерского tùr ‘двор’, ‘скотный двор’, ‘загон для скота’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 743, 877].

Возможно, родственным является турецкое yer – земля, место, которое, очевидно, родственно арабскому / ard / أرض – пол, земля в территориальном значении.

Таким образом, первокорень *d[h]uer- транслирует смысл ‘ограждённой территории’. Значения трансформировались в разных языках практически одинаково, претерпев сужение и конкретизацию: огород, сад, ограждённое пастбище, загон для животных, ясли, библейское место рождества Христова, а также дом, двор, город. Метонимический перенос ограждённое пространство – то, чем оно огорожено, дал значение изгородь, ограда, а также метафорический переос ограждённый, отделённый – часть легиона, когорта.

С данной семантикой пересекается слово «дверь» на основе значения ‘ограждённой территории’, то есть отграничения своего и чужого.

Дверь – общеславянское, индоевропейского характера, имеет соответствия в готском daúr – ворота, древневерхненемецком turi – двери, греческом thúrā – дверь, латинском foris – дверь, древнеиндийском dvāris – «двери», древнеисландском dyrr. Тот же корень с чередованием / o : e / выступает в слове двор [Фасмер, т. 1, с. 487; Цыг., с. 121; Шанск., с. 120].

Двор – древнее славянское слово с первоначальным индоевропейским значением *dhuor – «дверь, ворота». Ему соответствуют латышское dvars «ворота», древнеиндийское dváram, древнеперсидское duvarayŕ-maiy «у моих ворот», латинское forum (f<dh) «передний двор», «рыночная площадь», древневерхненемецкое bara «барьер, преграда», нововерхненемецкое Ваrге «брус, болванка» [Фасмер, т. 1, с. 489; Цыг., с. 121].

Значение слова «двор» развивалось следующим образом: двор – «ворота», «площадь, закрытая воротами», «огороженная площадь» > «площадь с хозяйственными постройками вокруг» > «двор» > «поместье» > «жилище родовитого лица». У восточных и южных славян при помощи уменьшительного суффикса -ьць (> -ец) образовано слово «дворец». [Цыг., с. 121].

Очевидно, родственным является слово современного турецкого языка duvar – стена, сближающееся с древнеперсидским duvaray- , восходящим к фарси dīvār/divār. В турецком «стена» развилось от значения «закрытое место». Данному корню имеются соответствия в арабском dār دار дом, особняк; в арамейском dwārā/dūrā – жилище, аккадском dāru – кибитка кочевника, пастуха. В арабском также имеется этот же трёхсогласный корень dāra دار вращаться, а затем – оборот, круг, эпоха. Очевидно, значение развивалось следующим образом: вращать – оборачивать – огороженное место – шатёр (кибитка) ‘жилище’ – дом [тур. эт.].

От базовой семантики первокорня *dr- (*dhuor, dāra) в виде пучка разошлись значения. Обратимся к их анализу.

Однокоренным является слово современного итальянского языка torre (башня), восходящее к латинскому turris, средиземноморского происхождения, которому имеются соответствия в арабском tawr, в иврите tur – граница, пришедшее через посредничество этрусского языка Tyrrhenoí [ит. эт., с. 1007]. В значении, развившемся от слова «башня», это слово было заимствовано в русский язык во французской звуковой оболочке – тура, обозначающее шахматную фигуру, изображающую башню [Бул., с. 597, Кр., с. 800].

В современном английском языке также присутствует это слово – tower – башня, восходящее к старофранцузскому tur, в который оно пришло из латыни turris, куда оно было заимствовано из греческого [Кол., с. 1629], что подтверждает положение итальянского этимологического словаря о средиземноморском происхождении данного корня. Со значением «граница» в современном итальянском языке присутствует слово barra – перекладина, шлагбаум, из поздней латыни, иберийского происхождения *barra – земляная стена, ему имеются соответствия в баскском marra или parra – граница; от этого же корня образовано слово барьер [ит. эт., с. 125], заимствованное в русский язык из французского [Бул., с. 82; Кр., с. 118].

Очевидно, однокоренным также является слово форум, заимствованное в русский язык: форум – (лат. forum = площадь) – 1) площадь в Древнем Риме, на которой происходили народные собрания, устраивались ярмарки и совершался суд, а также народное собрание, суд на этой площади; 2) широкое представительное собрание; 3) в переносном значении – место выступлений, высказываний [Бул., 627].

Латинское слово forum исконно имело значение «ограждение, ограждённая территория». Данный корень соотносится с индоевропейской темой *dhworo, которая также прослеживается в греческом thyrai, немецком Tür со значением «дверь, ворота». Однокоренным представляется латинское fores со значением дверь, калитка в заборе. Изначально форумом называлась площадь города, окружённая зданиями культового и административного назначения. Среди зданий форума были те, в которых проходили слушания дел перед магистратом. В современном итальянском языке значение трансформи-

ровалось таким образом, что foro, подчиняющееся законам фонетики современного итальянского языка (u > o), стало использоваться в юридическом контексте и обозначать юридическую власть, действующую на данной территории [ит. эт., с. 406]. На трансформацию значения корня forum ‘забор’ повлиял экстралингвистический фактор: на ограждённой территории происходило судебное разбирательство, и слово foro обрело юридическое значение. Аналогичный процесс, когда трансформация значения обусловливается экстралингвистическим фактором, наблюдался в развитии полисемии в слове «фортуна», изначально именовавшем богини плодородия и изобилия. М. М. Покровский выделяет экстралингвистический фактор культурно-исторических обстоятельств как основной в развитии семантики. Видение богини изменилось, она стала восприниматься богиней удачи, поскольку сыну рабыни «повезло», он стал царём и установил официальный культ этой богини. Значение слова-омонима антропонима «Фортуна» трансформировалось в нарицательное существительное «удача». Так же смысл ‘ограждения’, заложенный в слове форум, транслируется как стержень полисемии: ограждённая площадь, место общественной жизни, юридическая власть, действующая на данной территории, а также в современном значении – пространства интернета, на котором происходит обсуждение на заданную тему. Отметим, что юридическое значение присутствует в современном итальянском языке, очевидно, в силу его непосредственного происхождения от латыни, языка, который, в частности, обслуживал сферу знаменитого Римского права.

К первокорню *dhwer- восходит слово современного итальянского языка fuori (снаружи), наречие места, а также предлог. Оно происходит от латинского foris, от темы *fora, породившей также немецкое Tor. Латинские наречия foras и foris связаны со словом fores, обозначающее дверь дома, которая открывается наружу, с ним также связано греческое thyra [ит. эт., 418]. Родственным данному корню является русское слово «двор». Тот же корень, но с переогласовкой выступает в слове «дверь», первоначальное значение которого – «дом». Слову дверь родственны готское daúr – «ворота», древ-

неверхненемецкое turi – «двери», греческое thúrā – дверь, латинское foris – дверь, древнеиндийское dvaras – двери [Шанск., с. 120, 121]. Возможно, им родственно арабское слово /dār/ – دار дом.

Отмечается трансформация значений, приведшая к энантиосемии: изначальная сема ‘ограждения’, подразумевавшая ‘пространство внутри’, и развившаяся семантика ‘выхода наружу’. Однако общий смысловой стержень полисемии сохраняется: ‘забор, ограда’, а от неё выводится как ‘внешнее’, так и ‘внутреннее пространство’.

Возможно предположить, что исходным был первокорень *d[h] uer- , поскольку он транслирует смысл ‘ограждённой территории’, то есть ‘освоения пространства’. Последующими трансформациями с конкретизацией и сужением представляются корни *dr- – ‘граница’, *vert- – закрывать, *kei- – поселяться, *dwer – снаружи, – все они связаны с наличием ‘своего’ и ‘чужого’ пространства и с переходом из одного в другое, чётко разграничивая их как космос и хаос. Транслируемый смысл «своего и чужого пространств» в разных языках трансформировался в различные значения: граница, башня, стена, дверь, ограда, оборачивать пространство, делая шатёр, шатёр, дом, освоенная территория, сад, однако все они связаны со смыслом ‘освоенного’ и ‘неосвоенного (чужого) пространства’.

26. В осознании пространства человеком важное место занимает единица летоисчисления *год*. Это слово является общеславянским по происхождению, образовано с помощью темы -ъ от годити – «прилаживать». Праславянский корень *god- этимологически связан с глаголом «годиться», которому имеются соответствия в разных языках: в украинском пригода, польском gody – «пир, празднество», словенском god – удобное время, средненижненемецком gaden «подходить, нравиться». Праславянское *god- восходит к индоевропейскому *ghedh- , *ghodh- , «соединить», «вместе держать», «подходить друг другу», следовательно, у корня «год» первоначально было пространственное значение, а затем развилось временное. В средневерхненемецком присутствует gaten соединять, в немецком gut – хороший. С помощью суффикса -ин-а со значением увеличения от существительного годъ «время» в древности образовано слово година с первона-

чальным значением ‘подходящее время’. Однокоренными являются также слова годный, годиться, ждать, негодовать, погода [Труб., т. 6, с. 187; Цыг., с. 103, 104; Шанск., с. 107, 108, 143].

Родственным выступает английское слово good – хороший, которое в современный язык пришло из древнеанглийского gōd, с чем соотносятся древнесеверное gōthr, древневерхненемецкое guot [Кол., с. 665].

Возможно, родственным является глагол современного итальянского языка godere – наслаждаться, происходящий от латинского gaudere. С ним соотносятся греческое gethéo, восходящее к gawedh, от корня *ga- [ит. эт., с. 445]. В современном испанском языке также присутствует существительное gozo – удовольствие, от латинского gaudium – удовольствие [исп. эт., с. 279].

Таким образом, первокорень *ga- транслирует смысл ‘соединять и подходить (друг другу)’, трансформировавшийся посредством метонимического переноса в nomina actionis наслаждаться, в имя действия ‘наслаждение как процесс получения удовольствия’, пир, праздник, удобное время. Затем временной признак был перенесён на отрезок времени, в результате чего получилось значение год, актуализирующее вторичный признак, отошедшее от исходного смысла. Положительная оценка без указания на временной отрезок дала перенос на значение хороший. В русском языке произошла более значительная трансформация, утратилась оценочная коннотация ‘приятный’ и остался только временной признак – ‘отрезок времени’ – «год». Очевидно, подобный процесс присутствовал и в украинском языке, в котором слово «година» также имеет временное значение. Оценка сменилась отрицательной, в результате чего появилось значение негодовать. Семантика периода времени, сезонности, по всей вероятности, дала значение погода.

40. Долгий – общеславянское, индоевропейского характера, образовано при помощи суффикса -г- от того же корня, что и диалектное доль – «длина», первоначальное значение – ‘длинный’; на иной ступени чередования соответствует корню, что в слове «длина, длинный». Слово «долгий» образовано от праславянского *dьlgъ

«длина», производного с суффиксом *-g-ъ от того же корня *dьl- , что в слове «длина». Родственными являются хеттское daluga, литовское ilgas, латинское longus из *dlongos, – «длинный». [Мельничук, т. 2, с. 100; Труб., т. 5, с. 207; Фасмер, т. 1, с. 524-525; Цыг., с. 132; Шанск., с. 126, 128]. Этимологически с прилагательным «долгий» связано существительное современного русского языка «долг» как то, что долго ждут [Шанск., с. 128].

Слово современного английского языка long (длинный, долгий) восходит к древнеанглийскому lang, соотносящемуся с древневерхненемецким lang, древнесеверным langr, латинским longus [Кол., с. 917].

В современном итальянском языке слово lungo (длинный) восходит к латинскому longus, которое, в свою очередь, восходит к кельтской основе dlong [ит. эт., с. 587]. Очевидно, в итальянском языке однокоренными являются слова lungo (длинный) и lontano (далёкий). Последнее происходит из народной латыни *longitanus, от наречия longe (ранее использовалось longiquus) [ит. эт., с. 584].

В современном испанском языке слово largo (длинный) восходит к латинскому largus (значительный, изобилующий) [исп. эт., с. 331], а слово lejos (далёкий) восходит к латинскому laxius, что является формой наречия в сравнительной степени от laxus (широкий) [исп. эт., с. 334].

В каталонском понятие «длинный» передаётся прилагательным llarg, восходящему к тому же латинскому корню largus, что и испанское largo.

Этот же корень прослеживается в английском large (большой, обширный), исходным значением которого было ‘щедрый’. Данное слово пришло в английский через посредство старофранцузского из латыни largus (изобилующий, обильный) [Кол., с. 877]

Наблюдается пересечение значений «долгий» – «длинный». Отметим, что сопряжённость этих понятий закреплена также в турецком языке, в котором долгий, длинный (uzun), далёкий uzak являются однокоренными словами, образованными от тюркского корня *uza- / *uzı- со значением «в далёком месте, далеко» [тур. эт.]. В турецком языке имеется слово dalga – «волна», однако, очевидно, это

совпадение звучания, поскольку турецкий этимологический источник указывает на монгольское происхождение корня dolgi- (колебаться, развеваться) в турецком языке [тур. эт.].

Таким образом, первокорень *dьl- (dlong- / lung-) транслирует смысл ‘длинный’, значения которого трансформировались в результате переноса признака, сужения и конкретизации: далёкий, большой, широкий. Метонимический перенос объектного значения породил семантику «долг», того, чего долго ждут. Метафорический перенос дал значение щедрый. Очевидно, на основании признака расстояния, длина, дистанция развилось значение ‘объёма’: широкий, большой, изобилующий. Данный перенос имеет место в неродственных языках: в русском, испанском, итальянском, английском, турецком. Если в первых перечисленных языках этот перенос мог иметь место под влиянием латыни, то в турецком наблюдается собственно тюркский корень. Длинная дорога, то есть долгий путь; перенос ‘долгое время для преодоления длинного пространства’ имеется и в арабском, в котором прилагательное / tāvilun / – «долгий», относится также к выражению значения длинного (долгого) пути. Следовательно, наблюдается не влияние одного источника заимствования на более современные языки, а именно ментальный процесс. Как неоднократно указывалось в данном исследовании, при различной внутренней форме ментальные процессы в номинации оказываются сходными, что свидетельствует о сходности процесса языкового познания.

46. *Закон* является однокоренным со словом «конец», которое входит в лексико-семантическую группу «пространственные отношения». Общеславянское по происхождению, образовано посредством приставки за- от вышедшего из употребления существительного конъ – «предел». Конъ – производное от также несохранившегося глагола *kьnti [Шанск., с. 154]. Конец – «предел» – древнее славянское слово, современная форма которого развилась из древнерусского и старославянского конец вследствие изменения под ударением ь в е, отпадения конечного слабого ь и отвердения звука ц. Существительное «конец» образовано с помощью уменьшительного суффикса -ьц-ь от праславянского корня *kon- (*ken-) со значением «появляться, наступать». Глагол *načenti образован с приставкой na- от čenti,

производного от корня čen- из *ken- (изменение перед е звука / к / в / č /. Развитие в одном корне *kon- (*ken-) противоположных значений (конец и начало) объясняется тем, что в размерах предмета его пределы, лимит, рамки начала и конца – одно и то же. Однокоренными являются слова «исконный», «начать» [Цыг., с. 213, 286]. Та же основа, что и в слове «конец», однако, в переогласованном виде, наблюдается в слове «чадо». Оно является общеславянским по происхождению, образовано при помощи суффикса -до от несохранившегося чати (того, что в глаголах зачать, начать). Звук / ’а / восходит к / en /. Однокоренным с именем существительным «чадо» является слово «щенок». Собственно русское по происхождению, оно образовано при помощи суффикса -ок- (< -ък-) от общеславянского щеня, производного посредством суффикса / -ent- / от той же основы, что и армянское skund – щенок, кимрское kenava – щенок. Щенок содержит тот же корень, что и чадо, зачать, осложнённый подвижным / с- / (*sken- > щен-) [Шанск., с. 487, 519].

Близким к значению ‘предела’ выступает слово «канун», которое было заимствовано из греческого [Бул., с. 249], в памятниках оно отмечается с XII в. Греческое kanōn первоначально обозначало «отвес, палка, шнур для меры», что соответствует значению предела, лимита, начала и конца. Далее развилось значение «правило». Без изменений это слово сохранилось в значении «канон» как ‘церковное пение в определённые дни’. Форма канун из канон возникла в диалектах. Очевидно, произошёл фонетический процесс лабиализации перехода / о / в / у /. Значение ‘вечер предшествующего дня’ в этом слове развилось в результате чтения канонов накануне праздника во время вечерней службы. Однокоренным является слово «накануне» [Шанск., с. 186].

В значении ‘правила, нормативного критерия’ слово «канон» присутствует в современном итальянском языке – canone, от латинского canon (правило), от греческого κανοναζ kánon (прямая палка, позже – линейка), от kánna тростник. В современном греческом языке κανοναζ обозначает правило, закон, канон и «линейку» в четвёртом значении. Отметим, что палочка тростника имеет природные

деления, в результате чего логично её использование в качестве первобытной линейки. Само слово kánna ассирийско-вавилонского происхождения, поскольку в Грецию это растение было завезено с Востока в V веке до н. э. [ит. эт., с. 180-181]. В итальянском языке от данного корня в результате внешнего подобия палочке тростника было названо много предметов. Например, canella – корица, которая, присутствует в быту как в виде порошка, так и в виде трубочки; canna – косяк, самокрутка с травой по типу марихуаны, cannone – пушка, ствол, cannolo – сицилийская сладость в форме трубочки с творогом. В абстрактном значении, исходной точкой которого выступала сема ‘мера, правило’, в современном итальянском и других языках-реципиентах функционируют слова, связанные с церковным контекстом: каноник, канонизировать.

В современном турецком языке слово kanun функционирует в значении ‘закон’. Соответствия данному корню имеются в арабском, однако, судя по написанию гласных (а не огласовок), данное слово в арабский пришло из древнегреческого [тур. эт.]. Отметим, что в арабском имеется созвучное данному корню kānūn, первой буквой которого является ك Кяф. Это другой корень, он фиксируется также в турецком – kânun и входит в состав названия месяцев декабря /kânun alaval/ и января /kânun athania/. Данный корень есть в арамейском, в котором обозначает «печь». Очевидно, мотивацией номинации является особая необходимость использования печи как источника тепла в более прохладные месяцы. Ночью, зимой в пустыне очень холодно, несмотря на солнечную и тёплую погоду днём на территории Северной Африки и Аравийского полуострова.

Корень, эксплицированный в словах арабского и турецкого языков / kanun /, является заимствованным, тем же, что в греческом слове kanōn «палка для меры».

В результате внешнего вида денотата тростниковой палочки, подходящей для того, чтобы с её помощью делать замеры, возник первый метонимический перенос значения «предмет – его функция» (тростниковая палочка – мерило). По справедливому замечанию М. М. Покровского, внешние бытовые объективные признаки и обстоятельства являются основным фактором развития семантики.

Смысл был закреплён за конкретной формой конкретного предмета, ввиду чего от корня *kn- произошла трансляция смысла в двух направлениях: одно из них – это перенос по функции «измерять», значения которого трансформировались как ‘лимит’, затем ‘начало’, ‘конец’, далее произошёл метафорический перенос – ‘образец, правило, канон’, затем –‘читаемое, согласно правилу, канону перед праздником’ – канун. В другом направлении пошла трансформация значений, возникшая в результате переноса по форме: круглое и длинное подобно палочке тростника (трубочка корицы, ствол пушки и др.).

Таким образом, первокорень *kon- (*ken-) породил два переноса по форме и по функции, которые явились отправными точками в трансляции смысла. Значения трансформировались и были заимствованы из греческого, а также из латыни в другие языки. В случаях, когда смысл привязан к денотату, близкому человеку и востребованному в быту, значения трансформируются в малой степени. Однако, если семантический перенос осуществляется в древних языках, таких, например, как латынь и греческий, в современных живых языках прослеживаются трансформации значений от вторичных смысловых переносов, и расхождение полисемии достаточно большое.

82. *Мера* – общеславянское, образовано посредством суффикса -ра от индоевропейской основы *mē – «мерить», присутствующей в латинском metior – измеряю, древнеиндийском máti – мерит, литовском metai – годы, греческом mētis – совет, предложение [Шанск., с. 262].

Слово современного итальянского языка misura – мера происходит от латинского mensura, от mensus, причастия прошедшего времени от metiri. Глагол от *metis, которому соответствует греческое mêti – осторожность, благоразумие, от индоевропейского корня *me- . Однокоренными являются санскритское matram (размер), греческое métron, готское mitan, а также корень слова mese – месяц [ит. эт., с. 641]. Mese (месяц) – от латинского mensis, индоевропейского *me- (измерять). Ему имеются соответствия в санскрите mâs (луна), в персидском maneg, греческом méne. Значение ‘луны’ обязано тому факту, что первые календари измеряли время по лунным месяцам [ит

эт., с. 629]. К данной индоевропейской основе восходит также русское слово «месяц» [Цыг., с. 263; Шанск., с. 264], готское mena – луна и английские month (месяц), а также moon (луна), поскольку month соответствует древнеанглийское mōnath и древневерхненемецкое mānōd; слову moon соответствует древнеанглийское mōna и древневерхненемецкое māno [Кол., с. 1012-1013]. Корень, положенный в основу номинации луны в русском, итальянском (luna), восходит к *louksna (светящаяся), тому же, что в словах луч, лучина, лоск, lux – свет [Цыг., с. 248; Шанск., с. 248; ит. эт., с. 587].

Однокоренным с *me- является слово современного итальянского языка meritare, испанского merecer (заслуживать), от латинского merere, которое соотносимо с хеттским mark ‘составлять части, быть составными частями’, а также с греческим méros (часть), meíromai (получаю мою часть), от корня *mer- (иметь собственную часть). Семантика ‘часть’ и ‘мерить’ связаны как ‘действие’ и ‘результат действия’. Слово «полдник» merenda (merendare – «полдничать») также восходит к данному корню и в своём исходном значении было ‘еда, данная как награда за работу, сделанную сверх положенного, либо за заслуги’ [ит. эт., с. 628]. В современном итальянском языке merenda было метонимически перенесено с названия приёма пищи на саму еду, то, чем сейчас итальянцы перекусывают, например, кекс в упаковке, то, что можно взять с собой. В испанском от данного корня образованы такие слова, как, например, merendar – полдничать, merendarse – возвратный глагол со значением достичь, добиться, merendero – ресторанчик, merendona – с суффиксом-аугментативом – плотная закуска [Большой испано-русский словарь 1997: 578]. Это же слово присутствует в испанском языке merienda, с которым связано название сладости безе merengue [исп. эт., с. 368] от merengar – взбивать сливки, а также название латиноамериканского танца merengue, движения в котором подобны взбиванию крема.

По наблюдениям Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, индоевропейское слово для ‘луны’ представлено в двух диалектных вариантах *meH-s- (в индо-иранском) и *me(H)-n- как производное от индоевропейской основы *meH- ‘мерить’, ‘измерять’ (время). ‘Луна’

мыслится, следовательно, как мерило времени [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 634].

Таким образом, первокорень *mē- транслирует смысл ‘мерить’, значения которого трансформировались в пространственном и временном (месяц) аспекте. Формирование семантики ‘часть’ в виде корня *mer- (‘иметь собственную часть’) породило цепочки значений в пределах латыни и, затем, романских языков – итальянского и испанского: часть, заслужить свою часть, а также каузатив – добиться, достичь. В понимании ‘еды как вознаграждения’ в результате метонимического переноса, утратилось основное значение и закрепилось второстепенное – название этой еды, процесса и способа её приготовления, а также метафорический перенос по подобию движения – название танца. Метафорический перенос дал значение размеренность, принимать меры, совет, предложение. Метонимия отрезок времени – то, что на него указывает, дала значение луны.

92. *Нутро* – древнерусское, образовано вследствие переразложения первоначального вън /ontro/, понятого как /v nutro/. Родственными являются слова утроба, внутрь. Утроба – общеславянское, образованное с помощью суффикса -оба от *Qtro – внутренности, являющегося переогласовкой к ętro – печень. Форма *Qtro имеет соответствия в индоевропейских языках: древнеиндийском antram – внутренности, греческом entera с тождественным значением, древнегерманском inner – внутренний. Общеславянское внутри является сращением предлога вън – «в» и формы местного падежа единственного числа существительного / ontr/ – внутренность [Мельничук, т. 4, с. 120; Шанск., с. 86, 295, 469].

В итальянском языке функционирует однокоренное слово ventre – живот, чрево. Оно связывается с uterus – утроба и восходит к корню *wet- . Ему соответствуют слова санскрита udáram, греческого gastér, немецкого wanst, готского qithra, древнего скандинавского kvidr, авестийского antara- «внутренний», латинского interus. Латинское uterus – утроба восходит к индоевропейскому корню *ut- / *wet- . В итальянском языке присутствует приставка entero- , заимствованная из греческого énteron, – внутренний [ит. эт., с. 351, 1034, 1046; Фасмер, т. 3, с. 90-91].

К тому же корню восходит глагол современного английского языка to enter – входить (внутрь), который в английский пришёл через старофранцузский entrer из латыни intrāre – входить из intrā – внутри [Кол., с. 518].

Таким образом, первокорень *ut- / *wet- транслирует смысл ‘внутри’. Значительной трансформации не произошло, данный корень сохраняет семантику движение внутрь – входить, признак – внутренний, а также метонимический перенос то, что находится внутри, дал значения названий внутренностей человека: живот, чрево, утроба, печень.

108. *Перёд* – общеславянское, образовано при помощи суффикса -дъ от сохранившегося в западнославянских языках из предлога *per, родственного древнепрусскому per – над, через, к, для, древнеиндийскому pari – вокруг, напротив, около, албанскому per – для, по причине, от. Древнее пер известно у нас лишь как приставка пере- и пре- , восходящее к праславянскому *perdъ [Мельничук, т. 4, с. 340-341; Фасмер, т. 3, с. 236, 237; Шанск., с. 333]. От данного корня при помощи суффикса -ък-ъ образовано слово русского языка предок, заимствованное из церковнославянского языка. Из старославянского языка заимствовано также этимологически родственное наречие прежде, которое развилось из праславянского *perdje «раньше» вследствие изменения *-er- в неполногласное сочетание -ре-, а *dj в / дж /. Ему соответствует древнерусское прежде «раньше», где *-er- дало -ере-, а *dj дало / ж /. Праславянское *perdje образовано с суффиксом -j-е от *perdъ, от которого произошло слово перед [Цыг, с. 368].

К теме *per – впереди восходит итальянский предлог per – для (кроме цели имеет другие значения), который произошёл от латинского per со значением ‘за, по ту сторону, через’. Тема *per присутствует во всех индоевропейских языках, значения разнятся. Данная тема наблюдается в санскрите pari, греческом peri – вокруг, старославянском pri, готском fair [ит. эт., с. 742].

Таким образом, первокорень *per транслирует смысл ‘направление действия’, значения которого конкретизировались в зависимости от цели, пространства и времени (вперёд, для, через, ради и т. п.).

121. *Потолок* – восточнославянское, образовано с помощью предметного суффикса -ък-ъ от предложно-падежного сочетания по тьлу, в котором «по» выражает значение сходства, соответствия, а «тло» – пол, основание, земля [Цыг., с. 363]. Ему родственно слово дотла, притолока, а также древнепрусское talus – «пол», древнеиндийское talam – поверхность, равнина, литовское pātalas – основание, латинское tellus – земля [Шанск., с. 358] а также ирландское talam «земля, почва» [Фасмер, т. 3, с. 345].

К латинскому tellus – земля восходит слово современного итальянского языка tellurico – теллурический, относящийся к земле, от индоевропейского корня *tele- . Латинское tellus, согласно одной из версий, отображает греческое telloûsa, представляющего собой причастие женского рода от глагола téllo (я рождаюсь, возникаю), значение которого, очевидно, то, что появляется из воды. Согласно другой версии, оно соответствует слову санскрита tala – почва от talâmi – я устанавливаю, что также связано с греческим telía – равнина, старославянским tilo и tija – пол, ирландское talam – земля, англосаксонским thell, скандинавским thilja, древневерхненемецким dilla, немецким Diele, литовским tilė – почва, затем сооружение из досок [ит. эт., с. 991].

Таким образом, первокорень *tele- транслирует смысл ‘относящийся к земле’. В процессе трансформации под воздействием метонимического переноса nomina loci образовались значения, связанные с местонахождением, – земля, почва, равнина. Последующий виток метонимии по той же модели породил значение сооружение из досок – пол, по отношению к которому произошёл следующий метонимический перенос, в результате которого закрепилось не основное, а вторичное значение – потолок, который связан с верхом, а не с низом, что привело к энантиосемии.

132. *Ряд* – общеславянское по происхождению, древнее славянское слово, современная форма которого развилась из праславянского *rędъ вследствие изменения у восточных славян носового / ę / в гласный / ‘а / (я) и последующей утраты слабого ъ. В слове *rędъ корень тот же, что и в рядити, рядиться, орудие, наряд [Цыг.,

с. 407-408], соответствия имеются также в балтийских языках: в литовском rinda – ряд, латышском riñda – ряд, а также в ирландском rann, которое в форме женского рода имеющее значение «часть», мужского рода – «стих» [Мельничук, т. 5, с. 153-154; Шанск., с. 398; Фасмер, т. 3, с. 536].

Ирландское соответствие позволяет связать данный корень с английским row – ряд, шеренга, сближающимся по семантике и по звуковому оформлению. Английское row – ряд восходит к староанглийскому rāw, и соотносится с древневерхненемецким rīga – линия, литовским raiwe – полоса [Кол., с. 1350]. Германское происхождение прослеживается в однокоренном слове современного итальянского языка riga – строка, ряд, пришедшем из лонгобардского riga – линия, которому соответствует немецкое Reihe – ряд, шеренга, строка, очередь [ит. эт., с. 842].

Корень *rędˀ- является звуковой разновидностью *rǫdˀ- , в нём наблюдается чередование носовых / ę : ǫ /. Корень *rędˀ- дал слово ряд, корень *rǫdˀ- породил существительное *orǫnda – работа, занятие, от него при помощи суффикса -ьj-е образовано праславянское *orǫndьje. От последнего на почве древнерусского языка вследствие изменения носового /о/ в /у/ развилась современная форма «орудие», которое ранее писавшееся с юсом большим. Однокоренными являются также слова «снаряд», «наряд» [Цыг., с. 283, 317, 436].

Таким образом, первокорень *rędˀ- транслирует смысл ‘ряд предметов, размещающихся в линию’. Значения трансформировались на основании метонимического переноса по модели nomina actionis – рядиться, затем, в результате метафорического переноса, появилось значение выстраиваться противоположно, линиями друг перед другом и спорить – рядиться. Метонимический перенос с объектным значением дал семантику орудие, от которого произошла дальнейшая конкретизация – снаряд. Метафорический перенос дал название серии подобных предметов: то, что написано в ряд – стих, строка; люди, нечто, расположенное в ряд, – очередь, шеренга. При помощи метафорического переноса появилось значение действия упорядочивать, от которого пошла семантика упорядоченного действия и его результата – наряжать – наряд.

136. *Север* – праславянское, современная форма которого развилась из древнерусской северъ (через ять) вследствие изменения в русском ять в е, а также утраты слабого краткого гласного ъ. Древнерусское «северъ» (через ять) происходит от праславянского *sěverъ из *sěu-eros, что значит левый. Древние люди смотрели на Восток, место восхода солнца, которое было для них передним и приоритетным.

В слове *sěu-eros прослеживается корень *sěu- – левый и суффикс -er -os. От *sěu- «левый» с суффиксом -jo-s образовано *sěu-jo-s, давшее *šujь – левая, древнерусское шуии – левый, в котором отмечается чередование s : š [Цыг., с. 415].

Обозначение понятий север и левый одним словом наблюдается в фусхе, арабском литературном языке: / šimāl / – 1) север, 2) левая сторона, 3) в форме женского рода – левая рука.

Солнце является божеством во всех религиях, обожествление Солнца архетипично, следовательно, видение места восхода как первого, переднего также является общечеловеческим и отображено в разных неродственных языках. Поскольку восток воспринимается как перёд, Север оказывается слева.

В греческих предсказательных ритуалах ответ оракула «слева» выглядел таким образом, что наблюдатель был обращён на север. Это закреплено в языке: в латыни более древними словами для обозначения лева и права были scaevus и laevus. Ответ, полученный оракулом с севера, слева, считался неблагоприятным. В римских ритуалах ответ, полученный с Юга, полагался благоприятным. В латинском слове «справа», «правый», как и в русском, заложена семантика с положительной оценкой: destroy от *desk- подходящий, целесообразный [ит. эт., с. 301, 921].

Слову «север» имеются соответствия в латыни caurus – северо-восточный ветер, в готском skira windis – ураганный ветер [Фасмер, т. 3, с. 588-589; Шанск., с. 404]. Значение холода и севера прослеживается в приводимом М. Фасмером слове «шуя», ближайшей этимологией которого является «лед в море, громоздящийся торосами» [Фасмер, т. 4, с. 494].

Таким образом, первокорень *sěu- транслирует смысл ‘левый по отношению к месту восхода солнца’. В мифологической картине

мира левая сторона и то, что от неё исходит, снабжено отрицательной оценкой. Очевидно, это обусловлено негативным восприятием холода, холодного ветра, исходящего с северной стороны. Признак холода, свойственный северу, закрепился как вторичное, однако стабильное значение.

155. *Угол* – общеславянское по происхождению, индоевропейского характера [Шанск., с. 460]. Современная форма этого слова произошла от древнерусского угълъ – стык двух стен вследствие изменения краткого ъ в сильной позиции в гласный о и утраты конечного слабого ъ. Древнерусское угълъ восходит к праславянскому *ongъlъ – угол, искривление. На почве древнерусского языка в нём носовой гласный / on / изменился в / у /.

В старославянском носовой гласный отражён при написании с юсом большим в начале. В праславянском *ongъlъ носовой / о / из сочетания / on /. Слово *ongъlъ содержит ту же индоевропейскую основа *onk- > *ong- гнуть, что и латинское ancus – искривлённый, ancon, anconis – сгиб локтя, угол стены, angulus – угол, древнеиндийское ankas – крюк.

Однокоренным, очевидно, является слово паук, образованное с помощью приставки *ра- со значением ‘сходство’ от корня *onkъ, родственного латинскому uncus, греческом onkos – крючок. В праславянский период сочетание un(on) в конце слова дало носовой / о /, из которого в восточнославянских языках развился гласный / у /. «Паук» по этимологии обозначает «крючконогий» [Цыг., с. 333, 499].

Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов отмечают, что индоевропейское слово *onk[h]-o- могло быть заимствовано из индоевропейской формы типа латинского uncus ‘крючок’ в финно-угорские (или финноволжские) языки *oŋke: финское onki, эстонское õng ‘крючок’. Не исключается, однако, возможность раннеиранского заимствования, проявлением чего может служить авестийское aka- ‘крючок’, anku-pəsəmna- ‘украшающий себя крючками’ с отражением иранского / а / в позиции перед сонантом / n / в виде / о / [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 941].

Слово «паук» является однокоренным с испанским araña [исп. эт., с. 40], итальянским ragno, которые восходят к латинскому

araneus, затем к *ranjus от древнего araksno. Ему соответствует греческое aráchne женского рода и arachnes мужского рода. Предполагается средиземноморское происхождение данного корня. Согласно мнению этимологов античности, это слово состояло из греческого áro – я тку и áchne – нечто тончайшее, лёгкое. Согласно другому мнению, оно соединяется с греческим árkys – «сеть» от корня *ark- – «прясть», согласно которому паук видится как насекомое, ткущее полотно. В санскрите он называется urnanabhas – тот, кто имеет нить в животе, шерсть в пупе [ит. эт., с. 818-819]. Слово «паук» родственно латинскому uncus – кривой, ancus – криворукий [Фасмер, т. 3, с. 218-219]. Этот же корень прослеживается в арабском слове паук /ankanut/, которое, однако, является заимствованным, поскольку не соответствует построению трёхсогласного корня, а также в турецком örümcek с идентичным значением. Корень турецкого слова örümcek – паук – ör- трактуется как древнетюркский [тур. эт.], что подтверждает его как первокорень, а не как заимствование.

Однокоренным с «паук» является общеславянское слово «ячмень». Оно восходит к *ęčьmy, родительному падежу *ęčьmene. Существительное *ęčьmy является производным с суффиксом *-men от основы, к которой восходит слово паук. От той же основы, что и ячмень, с помощью суффикса -ьн- (> -н-) образовано прилагательное ячьный, от которого, в свою очередь, с помощью вторичного суффикса -ев- было образовано собственно русское прилагательное «ячневый», засвидетельствованное в памятниках с XII века [Шанск., с. 526]. Современная форма развилась из ячьмы, родительного падежа ячьмене. Она является застывшей формой косвенного падежа существительного ячьмы. Старое ячьмене претерпело редукцию конечного безударного гласного и утрату слабого гласного ь. В украинском языке ячмінь тождественный звук / е / в закрытом слоге изменился в / і /. Древнерусское ячьмы развилось из праславянского *ęčьmy, *ęčьmene в результате появления / j / в начале слова и изменения у восточных славян носового / ę / в гласный / ‘а / (графический я). Существует предположение о том, что праславянское *ęč- родственно индоевропейскому *ank- «гнуть, изгибать». Ячмень,

созревая, наклоняет колос к земле, сгибает стебель. Однокоренными являются слова паук, угол [Цыг., с. 568-569].

В современном итальянском языке присутствует однокоренное слово angolo – угол, восходящее к латинскому angulus с тождественным значением. Родственным является итальянское слово якорь – ancora, от греческого ánkyra от ánchos – искривление. Индоевропейский корень *ank- – сжимать, тот, что в ánchos и в латинском angulus, он также дал слово «ангина». Однокоренными также являются итальянские слова angustia – стеснённость, нужда, angoscia – тоска, ‘то, что щемит душу’ [ит. эт., с. 66, 69]. Слово «ангина», заимствованное в русский язык из латинского angina, восходящего к греческому angere – душить [Бул., с. 40; Кр., с. 67]. К этому же корню восходит слово «якорь», древнерусское, заимствованное из древнеисландского языка. Древнеисландское ankari – якорь пришло через посредничество латыни, где слово ancora – якорь восходит к греческому agkyra [Шанск., с. 524]. Итальянское ancora – якорь происходит от греческого agkyra – искривление, изгиб. Возможно, от греческого корня происходит топоним, название итальянского портового города Ancona [ит. эт., с. 66]. Отметим, что название современной турецкой столицы Анкара, одного из древнейших городов Малой Азии, известного с VII века до нашей эры под греческим именем Ангира или Анкира, происходит от греческого Αγκυρα, – якорь. Логика ассоциативных связей с данной номинацией остаётся неизвестной, поскольку в Анкаре, в отличие от Анконы, нет выхода к морю.

В современном английском языке функционирует однокоренное слово angle, пришедшее через французский из латыни angulus – угол [Кол., с. 58].

Однокоренным является также слово современного итальянского языка uncino – крючок, которое восходит к латинскому uncinus от uncus, корня индоевропейского происхождения. Ему соответствует греческое óncos. Корень *ak- / *ank- – сгибать, от которого происходит также ancus – кривой и angulus – угол [ит. эт., с. 1029].

От корня onk- , того же, что в слове «паук», образовано старославянское онкоть – крюк с начальным юсом большим. От этого

корня при помощи суффикса -da было образовано общеславянское уда, от которого, в свою очередь, с добавлением суффикса -ъка произвелось слово удъка, что в результате последующего присоединения суффикса дало слово «удочка» [Шанск., с. 462].

Таким образом, первокорень *onk- транслирует смысл ‘гнуть’. Значения трансформировались, сохраняя семантику согнутости. Метонимический перенос по модели действие – его результат дал значение сгиб. Метафорическое соотнесение сгиба с реалиями природы привело к наименованию паука, ячменя, угла, а также артефакта – якоря. Дальнейший метонимический перенос якорь – корабль – порт дал названия топонимам, в результате чего закрепилось вторичное значение, утратив связь с исходным смыслом. Метафорическое понимание согнутости дало значение нужда.

Обобщая процессы трансформации значений слов, вошедших в состав лексико-семантической группы ‘пространственные отношения’, отметим, что одним из наиболее активных выступает перенос по метонимической модели nomina loci (предлог «в» с семантикой нахождения внутри). Дальнейшая конкретизация переносится на объект, называя, что именно находится внутри (чрево, печень). Семантика признака имеет тенденцию переноса на временной отрезок в контексте сезонности (лето-тёплое время, зима – холодное). Семантика ограниченного пространства осуществляется в рамках оппозиции своё-чужое, поскольку обозначает ограничение освоенного пространства (двор, форум). Более редким является метафорический перенос, происходящий на основе сужения и привязки к определённой ситуции (долгий, долго ждать, долг). Длинные цепочки трансформаций с большой степенью сужения приводят к энантиосемии понимания пространства (земля, пол, то, что изготовлно из досок – потолок). В даной лексико-семантической группе на равнее с метонимическим переносом по модели nomina loci весьма активным является сужение и перенесение на конкретный предмет.

Выводы к разделу 2

В проведённом исследовании было выявлено 170 первокорней, которые проявляются в словах современного русского языка, относящихся к следующим лексико-семантическим группам: ‘Элементарные действия и процессы’, ’Основные качества’, ’Названия животных’, ’Основные явления природы’, ’Пространственные отношения’, ’Названия растений’, ’Родственные отношения’.

Первокорни, сформировавшие указанные лексико-семантические группы, представляют собой фиксированный результат акта языкового познания, в процессе которого человек выделил предмет или явление из хаоса окружающего мира и дал ему номинацию. Первокорень содержит в себе наиболее общую и сконцентрированную информацию, которая затем конкретизируется и сужается при переносах трансформаций.

Основным видом переноса в трансформации значений первокорня является метонимия. Метонимия диахронична, это перенос, характерный и продуктивный во всех задействованных в данном исследовании языках на разных этапах их развития. Безусловно, анализировать метонимические переносы возможно и на синхронном уровне одного или нескольких языков, и тогда картина семантических изменений предстанет относительно данных конкретных пространственно-временных рамок. Слова языка соединяются в сознании носителей в различные группы по причине сходства, в результате которого явления одного порядка бессознательно переносятся на другие. При возникновении разных ассоциаций появляются вариации значений, поскольку они соответствуют ассоциациям по смежности и по сходству. Ассоциативному объединению подлежат как сходные, так и противоположные по значению слова.

В процессе изучении трансляции смысла и трансформации значений первокорня переносы рассматриваются на материале разных языков без привязывания к какому-либо из них в отдельности.

При всём своём многообразии явления трансформации значений закономерны и логичны, если нельзя определить с высокой степенью достоверности, то возможно наметить потенциальный запас значений, развивающихся от определённого первокорня в разных языках. Набор

всех значений во все эпохи всех языков, очевидно, восстановим.

Согласно проанализированному корпусу выявленных первокорней, трансляция смысла и трансформация значений происходит следующим образом. Отправной точкой является смысл, заложенный в первокорне (например, *jōr- (*jēr-) ‘период времени – начала весны и тепла’, *ōku- ‘быстрый (о взгляде, о полёте)’). Далее, трансформируясь в разных языках, от него формируются значения посредством разветвления метонимических переносов (например, первокорень *kon- (*ken-) транслирует смысл ‘мерило’ (в русском языке проявляется в слове «закон»), трансформировался в значениях: конец, начало, измерять, линейка (праобразом которой был стебель бамбука с делениями), а также трубочка, ствол орудия, самокрутка).

Переносы осуществляются по известным метонимическим моделям (действие – его результат, исполнитель действия, инструмент, место действия (nomina actionis, nomina agentis, nomina strumenti, nomina loci)) и т. п., выявленным, в частности, А. Мейе, М. М. Покровским, А. А. Тараненко и др.). Названия деятеля происходят из обозначения свойств предмета или из имени действия (грести – гребец, пахать – пахарь (трансформации первокорня *ere- ‘грести’, реализованного в слове русского языка «орало»). От перенесения действия на его объект получаются имена с объектным значением (первокорень *peis- , транслирующий смысл ‘толочь, давить’, трансформировавшийся в значение слова «пшено», то есть измельчённое, растолчённое). Названия инструмента могут давать имя действия, а также места, где это действие происходит (первокорень *sk- транслирует смысл ‘твёрдое покрытие’, трансформировался в значение русского слова «скала», в литовском трансформация по модели nomina stumenti дала значение skalis – мотыга, кирка, в современном итальянском scoglio – скала над водой, от греческого skópelos индоевропейского происхождения с семантикой ‘я смотрю вокруг’, поскольку скала, по этимологическим наблюдениям Д. Мельди, является местом обзора).

Значения всегда конкретизируются и сужаются (первокорень *suc- транслирует смысл ‘внутренняя жидкость’, в процессе трансформироваций обрёл значения сок, смола и табуированное название

крови (sangue – ит.)). Слова, называющие свойства предметов, могут становиться обозначением единичного предмета или явления (первокорень *tem- транслирует смысл ‘отсутствие света’, трансформировался в значение русского слова «тьма», а также в процессе сужения конкретизировался в значениях ‘мрак’, ‘тень’).

По отношению к семантике смысла первокорня каждое из трансформировавшихся значений всегда уже. Очевидно, это связано с тем, что человек познавал мир более подробно, обозначая в своём сознании его детали и подробности после того, как получил общее впечатление.

Далее, после пучка разнонаправленных метонимий возникает перенос метафорический (трансформации значений ‘пузырь’, ‘шар’ преобразовались в название действия ‘лопаться’, ‘метать шар’, а также в называние действия ‘танцевать’, исполнителя действия ‘балерина’, поскольку действие летящего шара метафорически было соотнесено с движением в танце).

Очевидно, это связано с тем, что абстрактное соотнесение образа по сходству возможно на более высоком уровне осознания предмета или явления после того, как последний был познан в своих деталях, названных в метонимических смежностях. После метафоричесого переноса, давшего образное значение, от него же и от прежних значений, возникших в результате метонимических переносов, продолжаются свои цепочки переносов по смежности. Метонимия гораздо более активный троп – в процессе трансформации значений первокорня, чем метафора.

От исконного корня в процессе трансформации значений происходит некое конкретное наименование предмета или явления, которое может заимствоваться обратно в русский язык, однако данное слово предстаёт термином определённой сферы, воспринимается носителями языка как иностранное и не ассоциируется с исходным корнем. Такой процесс произошоел с первокорнем *oku- , транслирующим смысл ‘смотреть’, трансформировавшимся в слово «око», а также в латинские слова, давшие, в частности, название глазного врача окулиста, которое было заимствовано в русский и воспринимается носителями русского языка как иностранное.

Одной из наиболее важных причин трансформации значения выступает экстралингвистический фактор культурно-исторических обстоятельств: изменение условий жизни, объективных причин, поскольку одинаковые условия бытия приводят к одинаковым последствиям изменения семантики, ведь язык – это зеркало жизни человека. Творческое начало носителей языка часто идёт уже существующим путём (например, русское слово «творог» от творить отображает тот же ход мысли, что привёл к образованию итальянского слова «сыр» formaggio, в основу номинации которого заложено «forma» и представление о том, что сыру была придана форма, он был «сотворён», сделан так же, как творог; русское «ватрушка», приготовленная на огне (ватра) и итальянское focaccia (вид лепёшки), приготовленный на огне (fuoco – огонь)).

В результате произведённого анализа было выявлено 170 первокорней, которые имплицированы в лексике современного русского языка. Это древнейшие первокорни, которые продолжают жить и порождать в современном русском языке.

В числе этих 170-ти представлены 18 корней, определяемые В. М. Иллич-Свитычем как *ностратические:* земля (53 – номер первокорня в данном исследовании) *ghdhōm [Иллич-Свитыч 1971 – 1984: с. 342], огонь (95) *egni- [с. 352], сок (145) *s(u)ekuo- [с. 366], солнце (146) *seHu- [с. 366], жена (44) *guenā [с. 340], глаз (гладкий) (24) *ghleHdh- [с. 335], голый (27) *gol- [с. 337], кость (68) *kost- [с. 345], ухо (159) *Heus- [с. 370], язык (166) *dnghu- [с. 373], гореть (30) *dheguh- [с. 337], давать (дать) (34) *deHu- [с. 338], звенеть (звучать) (51) *suei- [с. 342], знать (56) *genHu- [с. 343], лизать (77) *les- [с. 347], мазать (79) *smeH- [с. 348], плевать (113) *pt(i)eu- [с. 354], есть (42) *ed-[с. 340].

Среди выявленных в русском языке первокорней, присутствуют 30 из тех, которые Т. В. Гамкрелидзе, В. И. Иванов атрибутируют как индоевропейские: первокорень *vās- / *wes-, транслирующий смысл ‘содержать в себе, завёртывать, кутать’, рассматриваемый в данной работе под номером 15, *uer (*vorotiti) ‘поворачиваться’, № 16, *uei ‘вить, плести’, № 22, *krm ‘красный цвет’, № 164, *ghr- (*vert-, *dvr-, *dr-) ‘ограждённая территория’, № 20, *pa- ‘мочь’, № 32, *dha- ‘вскармливать молоком’, № 36, *di- ‘светить’, № 37, *egh- ‘колоть’,

№ 43, *ge- ‘рождать, порождать’, № 44, *pa- ‘питать’, № 105, *mē ‘иметь собственную часть’, № 82, *ĝhei- ‘оседание холодных осадков в зимний ненастный период’, № 55, *gol- (*kol-), ‘ономатопея колокола, голоса’, № 64, *ker- ‘голова’ (рога, затылок, мозг, череп), № 66, *sker-||*skor- ‘резать’ № 67, *kot ‘кот’, № 69, *el- (*ol-) на начальном этапе своего развития, имея значение ‘жёлтый’, закрепился за реалией крупного животного олень, лось, лань, № 73, *elb-, (*alb-), ‘белый цвет’, № 75, *lin- (*len-) ‘лён’, который обобщился до номинации ‘нечто, связанное с тканью’, № 78, *men- ‘думать’, № 85, *mer- (*mor-) ‘мерцать’, ‘раскачиваясь, двигаться и мерцать при этом’, № 87, *an- ‘дуть, веять’, № 94, *ere- ‘грести’, № 99, *plou- (*pleu-) ‘плыть по поверхности воды’, № 116, *suo- (*sue-) ‘свой’, № 135, *sol- ‘солёный’, № 141, *sau- ‘светить’, № 146, *onk- ‘гнуть’, № 155, *onty ‘утка’, № 158, *ōku ‘быстрый (о взгляде, о полёте)’, № 170.

Отметим, что однозначно вербализировать первокорень не представляется возможным. В тех или иных проявлениях трансформации значений он может проявиться в одном и том же языке или в разных языках, в том числе неродственных. Ввиду данного обстоятельства не является корректным приводить какие-либо подсчёты и делать статистические выводы о том, сколько первокорней функционирует в современном русском языке. Однако с достаточной точностью возможно сделать выводы о процессах трансляции смысла и трансформации значений первокорня, что и осуществляется в заключении к данной работе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведённого исследования было выявлено 170 первокорней, которые продолжают развиваться в современном русском языке, пройдя путь трансформации значений из глубокой древности и отобразившись в других, в частности, неродственных языках.

Указанный набор, безусловно, не может считаться закрытым, поскольку объём данной работы ограничил количество описанных примеров, и среда поиска может быть расширена как в пределах русского языка с задействованием толковых и переводных словарей, так и с использованием в качестве первоисточника этимологических (а также толковых и переводных) словарей других языков.

Отметим, что дальнейший выход в изучении трансформаций значений возможен на материале современных языков с рассмотрением первых, вторых и т. д. денотативных и коннотативных значений, данных в толковых словарях.

Была создана среда поиска первокорней, которой явились лексико-семантические группы: ’Элементарные действия и процессы’, ‘Основные качества’, ‘Названия животных’, ‘Основные явления природы’, ‘Пространственные отношения’, ‘Части тела’, ‘Назания растений’, ‘Родственные отношения’, выделенные вслед за В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитычем.

Путём сопоставления этимологических данных русского, украинского, итальянского, английского, испанского, турецкого, арабского, греческого и кечуа языков удалось выявить лексемы, содержащие в себе первокорни и входящие в состав указанных лексико-семантических групп.

Выявленные первокорни содержатся в словах современного русского языка: ‘Элементарные действия и процессы’: болтать, брать (касса), быть, вить, велеть, вешать, гореть, грести, дать, дремать, есть, заключать, залпом, защищать, звенеть, знать, де (говорить), калить, каяться, колесо (вращаться), колокол, кормить, кушать / кусать, лизать, мазать, мнить, парить, пасти, пищать, плевать, плыть, почить, прыгать (гопак), меркнуть, мести, мурлыкать, обитать, обонять, ора-

ло, ориентироваться, потрошить, работать, расти, связывать (ярмо), скрипеть, смердеть, стонать, тащить, творить (ватрушка), хоронить, цедить; ‘Основные качества’: белый, богатый, большой (мастер), бравый, гладкий, голый, гордый, грязный (кал), клейкий, короткий, круглый, лёгкий, малый, молодой, новый, пёстрый, плоский, поганый, подобный (сам), ровный (прямя линия), сладкий, смуглый, тёплый, холодный (колодец), целый, юный, ярый; ‘Названия животных’: агнец, бабочка, блоха, гнездо, ёж, зверь, корова, кот, лань, лебедь, осёл, пава, поросёнок, птица, раковина, угорь, улей, утка, червяк, яйцо, ястреб. К данной группе были отнесены животные и место их проживания (гнездо, раковина). ‘Основные явления природы’: вода, день, дерево, зима, море, ночь, огонь, пена, порох, река, руда, сад, село, семя, скала, сок, солнце, тьма; ‘Пространственные отношения’: в (внутрь), ваза (вместилище), вампир (по ту сторону), век, вертеп (ограждённое пространство), год, долгий (длящийся), закон (конец и начало), мера, нутро, перёд, потолок, ряд, север, угол; ‘части тела’: горло, десна, закорки, запястье, кость, ланита, нога (перл), нос, око, панцирь, пелена, слюна, сопля, чело, язык; ‘названия растений’: абрикос, астра, бор, бумага (как то, что производится из растений), зерно, олива, омела, полотно, пшено, роза; ‘Родственные отношения’: господь (глава семьи), дед, жена, племя, свекровь.

Каждое из выявленных слов является реализацией трансформации значений первокорня в современном русском языке. На основе анализа этимологии слов русского, украинского, итальянского, английского, испанского, турецкого, арабского, греческого, кечуа языков был определён смысл, транслируемый первокорнями в диахронии: первокорень *pekw- транслирует смысл ‘готовить (еду)’**,** *kr (сердце), ‘то, что вибрирует (в центре тела)’, *pac- ‘объединять (в том числе животных в стадо)’, *ster- ‘свет’, * -b- /ab, baba/, ‘старший, старый’, *bhā- ‘светить, сиять, блестеть’, *bei- ‘бить’, *blous-, *plous- ‘подражание прыжку блохи, трепету насекомого’, *bhag- ‘богатство’, *b…l b-o/u/a-l ‘круглая форма’, *bhr- ‘острый, колючий’, *brav- /*bar- / *br- ‘вольной (свободной, неограниченной) силы’, *qrt- ‘бумага’, *(i)n ‘нахождение внутри’, *vās- / *wes- ‘содержать

в себе, завёртывать, кутать', *uer- 'поворачиваться', *tvr- 'творить, создавать, придавать форму', *weik / *wen- 'заполучение в своё владение', *wel- 'хотение', *ghr- (*vert-, *dvr-, *dr-) 'ограждённая территория', *wekw- 'звучание спокойного голоса', *uei- 'вить, плести', *wed- / *ud- 'вода', *gl- 'гладкий', *nei- 'внизу', *ga- 'приятный отрезок времени', *ghel- , 'твёрдый', *hop- 'ономатопея прыжка, подскока', *grd- 'прочный, твёрдый', *ghar-/*har- 'горение, выделение тепла и света', *ghel- 'глотать', *pa- 'мочь', *grab- 'подцепить и…тянуть к себе', *dō- / *dōu- 'дать, давать', *deik- 'сказать',*dha- 'вскармливать молоком', *di- 'светить', *dr- 'дерево', *det- 'зуб', *dьl- (dlong / lung-) 'длинный', *drm- 'неглубокий сон', *ĕd- 'есть', *egh- 'колоть', *ge- 'рождать, порождать', *klu- 'ключ', *kon- (*ken-) 'мерило', *kr- 'обворачивать вокруг', *sel- 'целый, целостный, единый', *penk- 'пять пальцев', *ska- / *sku- 'покрывать', *swene- 'издавать звук', *g(w)her- 'дикое животное', *dheĝhōm- 'земля, почва', *gr- 'распасться, стать ломким', *ĝhei- 'оседание холодных осадков в зимний ненастный период', *g(e)no- 'знать', *kal- 'тёмный, чёрный', *kali/e- 'твёрдый', *kap- (*ghabh-) 'брать', *kuei- 'платить', *klej- 'свойство клейкости, липкости', *kuel- 'вращаться', *gel- 'колоться' > 'холодный', *gol- (*kol-), 'ономатопея колокола, голоса', *kr- 'питать', *ker- 'голова' (и всё, что с ней связано: снаружи – рога, затылок; внутри – мозг, череп), *sker- / *skor- 'резать', *ost- 'кость', *kot 'кот', *grengh- (> *grongh-) 'огибать', *geus-, 'отведывать, испытывать', *ol / al – el / 'дуга по форме', *el- (*ol-) 'жёлтый', 'крупное животное', *lop- (*lep-) 'нечто плоское', *elb-, (*alb-) 'белый цвет', *legh- (*lengh-) 'лёгкий', *dnĝhū / *jnĝhū 'язык', *lin- (*len-) 'лён', *mak- (*mah-, *maz-) 'делать, формировать из эластичного (мокрого, вязкого) материала', *mel- 'небольшой размер', *mag- 'более', *mē- / *mer- 'иметь собственную часть', *merqu- 'темнота', *mis- (*mes-) 'смешивать', *men- 'думать', *ml- 'размельчать, молоть', *mer- (*mor-) 'раскачиваясь, двигаться и мерцать', *mr- (mur-, mor-, mır-) 'подражание звукам природы, которым свойственно журчащее течение', *neu- 'новый', *nas- 'нос', *negh- 'ночь', *ut / *wet- 'внутри', *vi- 'жить', *an- 'дуть, веять', *ognis (*egnis) 'огонь', *oku- ,

‘смотреть’, *el- (*ol-) ‘олива’, *eugw- ‘быть влажным’, *ere- ‘грести’, *or- ‘появляться в высоте, возникать’, *as- ‘осёл’, *pfâwo- ‘пава’, *pant- ‘живот’, *pōr- (*pēr-) ‘летать’, *pa- ‘питать’, *pel- ‘оболочка’, *pume- ‘пенится’, *per- ‘направление действия’, *pern- ‘округлая вытянутая форма’, *pei- ‘наносить отпечаток’, *pi- ‘звук пищать’, *pi- ‘пить’, *speu- ‘плевать’, *ple- ‘быть чреватым, полным’, *plōt- ‘плоский’, *plou- (*pleu-) ‘плыть по поверхности воды’, *pag- ‘поселение’, *palta- ‘ткань, материя’, *perk- ‘свинья’, *pers- ‘брызгать, осыпать’, *tele- ‘относящийся к земле’, *troh- ‘разделённый на куски’, *kwye- ‘тишина, покой’, *pъta- ‘молодое существо’, *peis- ‘толочь, давить’, *ed- / *od- ‘бесхозность’, *ark- ‘препятствовать проникновению’, *ardu- ‘расти’, *rei- ‘течь, стремиться’, *warda ‘роза’, «роза» (не претерпело трансформаций), ‘растение’, *reudh- / *rudh- ‘красный’, *rę̄d- ‘ряд предметов, размещающихся в линию’, *sed- ‘сидеть’, *sem- ‘один, единый’, *suo- / *sue-) ‘свой’, *sĕu- ‘левый по отношению к месту восхода солнца’, *selo ‘почва’, *se- ‘сеять’, *sk- ‘твёрдое покрытие’, *kri- ‘крик’, *sol- ‘солёный’, *sli- ‘слюна’, *smard- ‘зловоние’, *smag- ‘то, на что воздействовал огонь’, *suc- ‘внутренняя жидкость’, *sau- ‘светить’, *sop- ‘дуть’, *stor- / *ster- ‘простираться’, *ston- ‘звучание (гул)’, *task- ‘переносить’, *terp- ‘неметь’, *ten- ‘тянуть’, *tepl- ‘быть тёплым’, *tem- ‘отсутствие света’, *onk- ‘гнуть’, *ong- ‘змеевидная рыба’, *aul- ‘щель’, *onty ‘утка’, *aus- ‘ухо’, *swer- / *wer- ‘наблюдать’, *keidt- ‘процеженный, очищенный’, *cĕlъ ‘здоров, невредим’, *kel- ‘гора, возвышенность’, *krm- ‘красный цвет’, *yun- ‘юный’, *eng- ‘язык как орган речи’, *aje- ‘яйцо’, *air- ‘прилаживать, соединять’, *jōr- (*jēr-) ‘период времени – начала весны и тепла’, *ōku- ‘быстрый (о взгляде, о полёте)’.

Каждый из указанных первокорней реализовался в соответствующем слове русского языка, что отображено в приложении.

В процессе изучения явления трансляции смысла и трансформации значений удалось выявить определённые закономерности. Прежде всего, они обусловлены ментальными процессами, определяющими принципы номинации. Последние обусловливают механизмы трансляции смысла и трансформации значений, которые являются формой содержательной наполненности смысла первокорня.

I. *Ментальные процессы, определяющие принципы номинации*

Более общими выступают выводы, связанные с ментальными процессами, определяющими принципы номинации.

При различии внутренних форм, ассоциативные связи, выстраиваемые в сознании носителей разных языков на разных этапах их развития, оказываются одинаковыми. Принципы семантического переноса, соотнесения и проведения аналогий в сознании носителей различных эпох и языковых культур сходны, в отличие от внутренней формы слов, отражающей национально-культурную специфику.

Аналогичное построение ассоциативных связей обусловлено универсальностью процесса языкового познания. Носители всех языков осмысливают и познают мир вне зависимости от их национально-культурной принадлежности. Результатом языкового познания является создание первокорня. Дальнейшее познание происходит посредством конкретизации и сужения, соотнесения нового с прежде познанным. Механизмом движения языкового познания является трансляция смысла и трансформация значений первокорня.

Законы развития значений универсальны и выходят за пределы одного конкретного языка: сходные реальные причины дают похожие витки в трансформации значений.

Аналогичный способ построения ассоциативных связей и одна и та же логика хода мысли прослеживается в формировании значения как лексической единицы, так и пословицы. Пословица отображает путь трансформации значения, представляя тот же ход мысли в интерпретации того или иного явления или положения вещей.

Перенос свойств воспринятого ранее объекта номинации на новый объект аналогичен выстраиванию подобий и аналогий в действии и воздействии: часть заменяет целое, подобное рождает подобное.

Данный факт свидетельствует о том, что связи в построении подобий остаются неизменными. Поэтому внутренняя форма слов, представляющая собой перенос, в составе которого есть предмет и образ, в разных языковых культурах разная, но ментальное построение связей при переносе часто оказывается одинаковым.

В процессе трансформации значений сохраняются стабильные связи. Произошедший однажды метонимический и / или метафорический перенос остаётся неизменным в пространстве (в разных языках) и времени (на разных этапах их развития).

II. З*акономерности механизмов трансляции смысла и трансформации значений*

Значения как вытекают друг из друга, так и идут параллельно, развиваются они по цепочке, а трансформируются пучками, поскольку из одной отправной точки прослеживается целый набор преемственно не связанных ответвлений.

Линейное развитие семантики происходит в пределах одного языка, подобный ход развития представлен в этимологических словарях при помощи графического знака > , отображающего логичное происхождение одного значения от другого. Трансформация значений выявляется при рассмотрении переосмысления одного и того же первокорня в разных языках. Очевидно, на специфику трансформации влияет не только менталитет носителей того или иного языка, но и внешние экстралингвистические факторы среды бытования того или иного народа.

Расходясь из одной точки, значения в процессе трансформации могут дойти до энантиосемии. Развитие последней, в частности, обусловливается позитивной и негативной оценкой, которая определяет конечные противоположные значения, что в прошлом восходят к одному и тому же первокорню. На том или ином синхронном срезе закрепляется дополнительное, вторичное, оценочное, порой происходящее от коннотативного значение, а не основное этимологическое.

Также имеет место идентичность значения. В том случае, когда слово однозначно переводится на многие языки, происходит терминологизация понятия. Данный процесс имеет место, когда развитие значения по цепочке (в пределах одного языка в диахронном и синхронном аспекте), в пучке (в процессе трансформации в разных языках) доходит до внутреннего предела на данном этапе своего развития, и тогда значение, вербализированное в конкретной форме (звукобуквенной, иероглифической, узелковой, а также в звуковой),

обретает свойство иметь точный перевод на разные языки. Однако эта способность к переводимости возможна только на синхронном срезе языков.

С другой стороны, отсутствие расхождения смысла и значения происходит в результате отсутствия трансформации. Последняя имеет место при перемещении первокорня по языкам. Это движение невозможно, когда корень был произведён в данном языке. Таких идентичных первокорней, автохтонных для каждого языка, немного. Они обусловлены детской речью, поскольку ребёнок проходит те же этапы развития в становлении речи, что и первобытный человек. Автохтонные первокорни, в основном, связаны с терминами близкого родства и сводятся к небольшому количеству.

Трансформация значений происходит в меньшей степени, если данный корень прослеживается в малом количестве языков. Поскольку она движется вместе с развитием разных языков, а также в пределах родственных языков на пути их отделения от общего древнего источника (отношения, подобные тем, что присутствуют между русским, украинским – древнерусским и старославянским или испанским, итальянским – латынью народной и классической).

Транслируемый смысл – это не всегда исходная сема. Если семантический перенос осуществляется в древних языках, в современных живых языках прослеживаются трансформации значений от вторичных смысловых переносов, и в таком случае наблюдается расхождение полисемии в большой степени. Как результат подобного расхождения путь смысла идёт по виткам, выходящим на очередной уровень переосмысления посредством трансформации значений. Это приводит к невосстанавливаемости единого условного графического облика праформы.

Отметим, что последняя с достаточной точностью восстановима из разных этимологических словарей. Идентичная праформа, приводимая в этимологических словарях разных языков, обладает большой степенью достоверности.

Трансформация значений представляет сложное взаимодействие взаимообусловленных и взаимопорождающих метонимических и

метафорических переносов, причём стартовым преобразованием, как правило, является метонимия.

Не только первичным, но и более распространённым процессом выступает именно метонимия. Метафора вторична по отношению к метонимии. «Признак» подобия – это то, чем обладает предмет, следовательно – смежность, часть, заменяющее целое. Метафора – это разновидность метонимии, признак, который уже присутствует в объекте переноса. В «первичной» номинации имеет место метонимия. Метафора прослеживается при так называемой вторичной номинации и трансформациях значений.

В том случае, когда действие природное переносится на действие, осуществляемое человеком, имеет место метафора, а не метонимия, подобие, а не смежность.

III. *Содержательная наполненность смысла, транслируемого первокорнем*

Наиболее чётко сохраняется тот смысл, значимый сгусток которого базируется на тактильном ощущении, которое выступает наиболее конкретным и всегда актуальным. Базовый признак, от которого отталкивается трансформация, – это наиболее интенсивно ощутимое свойство.

Значения корня ономатопеического происхождения трансформируются в небольшой степени. Звукоподражание всегда связано с конкретным предметом, поэтому этимологические цепочки не оказываются длинными.

Значения практически не расходятся в полисемии, если первокорень вербализирует архетип или мифологему. Такое значение остаётся постоянным, поскольку оно однажды трансформировалось и закрепилось в мифологии, а мифологическая картина мира всегда (осознанно или подсознательно), присутствует в человеческом мировоззрении.

Небольшая трансформация значений имеет место также в том случае, когда первокорень называет денотат, постоянно сопровождающий человека в быту. Таковым может быть как предмет, так и неопасное животное, которое, безусловно, наполнялось сакральным

смыслом, однако это неопасное животное не подвергалось табуированию. Его имя наделялось характером, однако не угрожало человеку. В том случае, когда животное не подвергалось табуированию, оно имело только одно название. Если название закреплено за кем-то конкретным, оно либо не меняется, либо не выходит за пределы класса подобных «аналогичных» по отношению к человеку животных и растений, которые выполняют похожую, если не одну и ту же роль, в окружающей человека среде.

В противоположном случае, когда источником отправления развития значения оказывается наименование не денотата, а действия, значения трансформируются в большей степени, поскольку перенос осуществляется на более широкий круг предметов, явлений и действий, не связанных с конкретным денотатом.

Таким образом, первокорни движутся в разных языках, продуцируют номинации осознаваемых человеком новых свойств и явлений. Очевидно, возникшие однажды первокорни, претерпевая фонетические изменения, служат необходимости номинации. Как правило, новые слова не изобретаются, но происходит трансформация значений уже существующих первокорней, обретающих лексическую оболочку и превращающихся в слова того или иного языка. Выявленные первокорни отображают древнейший пласт, унаследованный русским языком, поскольку они продолжают жить и функционировать в нём, имея соответствия в других, в том числе неродственных языках.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список выявленных первокорней

1. *pekw- – первокорень, который транслирует смысл ‘готовить (еду)’, рассматривается в параграфе, посвящённом слову «абрикос» из лексико семантической группы ‘растения’.
2. *kr (сердце), ‘то, что вибрирует (в центре тела)’, (сердце), «агнец», ‘животные’.
3. *pac- ‘объединять (в том числе животных в стадо)’, «акула», ‘животные’.
4. *ster- ‘свет’, «астра», ‘растения’.
5. * -b- /ab, baba/, ‘старший, старый’, «бабочка», ‘животные’.
6. *bhā- ‘светить, сиять, блестеть’, «белый», ‘основные качества’.
7. *bei- ‘бить’, «быть», ‘элементарные действия’.
8. *blous-, *plous- , ‘подражание прыжку блохи, трепету насекомого’, «блоха», ‘животные’.
9. *bhag- ‘богатство’, «богатый», ‘основные качества’.
10. *b…l b-o/u/a-l ‘круглая форма’, «болтать», ‘элементарные действия’.
11. *bhr- ‘острый, колючий’, «бор», ‘растения’.
12. *brav- /*bar- / *br- ‘вольной (свободной, неограниченной) силы’, «бравый», ‘основные качества’.
13. *qrt- ‘бумага’, «бумага», ‘растения’.
14. *(i)n ‘нахождение внутри’, предлог «в, во», ‘пространственные отношения’.
15. *vās-/*wes- ‘содержать в себе, завёртывать, кутать’, «ваза», ‘пространственные отношения’.
16. *uer- ‘поворачиваться’, «вампир», ‘пространственные отношения’.
17. *tvr- ‘творить, создавать, придавать форму’, «ватрушка», ‘элементарные действия’.
18. *weik / *wen- ‘заполучение в своё владение’, «век», ‘пространственные отношения’.
19. *wel- ‘хотение’, «велеть», ‘элементарные действия’.
20. *ghr- (*vert-, *dvr-, *dr-) ‘ограждённая территория’, «вертеп», ‘пространственные отношения’.
21. *wekw- ‘звучание спокойного голоса’, «вещь», ‘элементарные действия’.
22. *uei- ‘вить, плести’, «вить», ‘элементарные действия’.
23. *wed- / *ud- ‘вода’, «вода», ‘явления природы’.
24. *gl- ‘гладкий’, «глаз», ‘основные качества’.
25. *nei- ‘внизу’, «гнездо», ‘животные’.
26. *ga- ‘приятный отрезок времени’, «год», ‘пространственные отношения’.
27. *ghel- , ‘твёрдый’, «голый», ‘основные качества’.
28. *hop- ‘ономатопея прыжка, подскока’, «гопак», ‘элементарные действия’.
29. *grd- ‘прочный, твёрдый’, «гордый», ‘основные качества’.
30. *ghar- / *har- ‘горение, выделение тепла и света’, «гореть», ‘элементарные действия’.

31. *ghel- ‘глотать’, «горло», ‘части тела’.
32. *pa- ‘мочь’, «господь», ‘родственные отношения’.
33. *grab- ‘подцепить и…тянуть к себе (грести, грабли, грабить; соединить вместе; виноградные ягоды; скоба’, «грести», ‘элементарные действия’.
34. *dō- / *dōu- ‘дать, давать’, «дать», ‘элементарные действия’.
35. *deik- ‘сказать’, «де», ‘элементарные действия’.
36. *dha- ‘вскармливать молоком’, «дед», ‘родственные отношения’.
37. *di- ‘светить’, «день», ‘явления природы’.
38. *dr- ‘дерево’, «дерево», ‘явления природы’.
39. *det- ‘зуб’, «десна», ‘части тела’.
40. *dьl- (dlong / lung-) ‘длинный’, «долгий», ‘пространственные отношения’.
41. *drm- ‘неглубокий сон’, «дремать», ‘элементарные действия’.
42. *ĕd- ‘есть’, «есть», ‘элементарные действия’.
43. *egh- ‘колоть’, «ёж», ‘животные’.
44. *ge- ‘рождать, порождать’, «жена», ‘родственные отношения’.
45. *klu- ‘ключ’, «заключить», ‘элементарные действия’.
46. *kon- (*ken-) ‘мерило’, «закон», ‘пространственные отношения’.
47. *kr- ‘обворачивать вокруг’, «закорки», ‘части тела’.
48. *sel- ‘целый, целостный, единый’, «залпом», ‘элементарные действия’.
49. *penk- ‘пять пальцев’, «запястье», ‘части тела’.
50. *ska- / *sku- ‘покрывать’, «защитить», ‘элементарные действия’.
51. *swene- ‘издавать звук’, «звенеть», ‘элементарные действия’.
52. *g(w)her- ‘дикое животное’, «зверь», ‘животные’.
53. *dheĝhōm- ‘земля, почва’, «земля», ‘явления природы’.
54. *gr- ‘распасться, стать ломким’, «зерно», ‘растения’.
55. *ĝhei- ‘оседание холодных осадков в зимний ненастный период’, «зима», ‘явления природы’.
56. *g(e)no- ‘знать’, «знать», ‘элементарные действия’.
57. *kal- ‘тёмный, чёрный’, «кал», ‘основные качества’.
58. *kali / e- ‘твёрдый’, «калить», ‘элементарные действия’.
59. *kap- (*ghabh-) ‘брать’, «касса», ‘элементарные действия’.
60. *kuei- ‘платить’, «каяться», ‘элементарные действия’.
61. *klej- ‘свойство клейкости, липкости’, «клей», ‘основные качества’.
62. *kuel- ‘вращаться’, «колесо», ‘элементарные действия’.
63. *gel- ‘колоться’ > ‘холодный’, «колодец», ‘основные качества’.
64. *gol- (*kol-), ‘ономатопея колокола, голоса’, «колокол», ‘элементарные действия’.
65. *kr- ‘питать’, «кормить», ‘элементарные действия’.
66. *ker- ‘голова’ (и всё, что с ней связано: снаружи – рога, затылок; внутри – мозг, череп), «корова», ‘животные’.
67. *sker- / *skor- ‘резать’, «короткий», ‘основные качества’.
68. *ost- ‘кость’, «кость», ‘части тела’.
69. *kot ‘кот’, «кот», ‘животные’.
70. *grengh- (> *grongh-) ‘огибать’, «круглый», ‘основные качества’.

71. *geus- ‘отведывать, испытывать’, «кушать», ‘элементарные действия’.
72. *ol / al – el / ‘дуга по форме’, «ланита», ‘части тела’.
73. *el- (*ol-) ‘жёлтый’, ‘крупное животное’, «лань», ‘животные’.
74. *lop- (*lep-) ‘нечто плоское’, «лапа», ‘части тела’.
75. *elb- (*alb-) ‘белый цвет’, «лебедь», ‘животные’.
76. *legh- (*lengh-) ‘лёгкий’, «лёгкий», ‘основные качества’.
77. *dnĝhū / *jnĝhū ‘язык’, «лизать», ‘элементарные действия’.
78. *lin- (*len-) ‘лён’ > ‘нечто, связанное с тканью’, «линия», ‘основные качества’.
79. *mak- (*mah- , *maz-) ‘делать, формировать из эластичного (мокрого, вязкого) материала’, «мазать», ‘элементарные действия’.
80. *mel- ‘небольшой размер’, «малый», ‘основные качества’.
81. *mag- ‘более’, «мастер», ‘основные качества’.
82. *mē- / *mer- ‘иметь собственную часть’, «мера», ‘пространственные отношения’.
83. *merqu- ‘темнота’, «меркнуть», ‘элементарные действия’.
84. *mis- (*mes-) ‘смешивать’, «месить», ‘элементарные действия’.
85. *men- ‘думать’, «мнить», ‘элементарные действия’.
86. *ml- ‘размельчать, молоть’, «молодой», ‘основные качества’.
87. *mer- (*mor-) ‘раскачиваясь, двигаться и мерцать’, «море», ‘явления природы’.
88. *mr- (mur-, mor- , mır-) ‘подражание звукам природы, которым свойственно журчащее течение’, «мурлыкать», ‘элементарные действия’.
89. *neu- ‘новый’, «новый», ‘основные качества’.
90. *nas- ‘нос’, «нос». ‘части тела’.
91. *negh- ‘ночь’, «ночь», ‘явления природы’.
92. *ut- / *wet- ‘внутри’, «нутро», ‘пространственные отношения’.
93. *vi- ‘жить’, «обитать», ‘элементарные действия’.
94. *an- ‘дуть, веять’, «обонять», ‘элементарные действия’.
95. *ognis (*egnis) ‘огонь’, «огонь», ‘явления природы’.
96. *oku- , ‘смотреть’, «око», ‘части тела’.
97. *el- (*ol-) ‘олива’, «олива», ‘растения’.
98. *eugw- ‘быть влажным’, «омела», ‘растения’.
99. *ere- ‘грести’, «орало», ‘элементарные действия’.
100. *or- ‘появляться в высоте, возникать’, «ориентироваться» ‘элементарные действия’.
101. *as- ‘осёл’, «осёл», ‘животные’.
102. *pfâwo- ‘пава’, «пава», ‘животные’.
103. *pant- ‘живот’, «панцирь», ‘части тела’.
104. *pōr- (*pēr-) ‘летать’, «парить», ‘элементарные действия’.
105. *pa- ‘питать’, «пасти», ‘элементарные действия’.
106. *pel- ‘оболочка’, «пелена», ‘части тела’.
107. *pume- ‘пенится’, «пена», ‘явления природы’.
108. *per- ‘направление действия’, «перед», ‘пространственные отношения’.
109. *pern- ‘округлая вытянутая форма’, «перл», ‘части тела’.

110. *pei- ‘наносить отпечаток’, «пёстрый», ‘основные качества’.
111. *pi- ‘звук пищать’, «писк», ‘элементарные действия’.
112. *pi- ‘пить’, «пить», ‘элементарные действия’.
113. *speu- ‘плевать’, «плевать», ‘элементарные действия’.
114. *ple- ‘быть чреватым, полным тем, что родиться’, «племя», ‘родственные отношения’.
115. *plōt- ‘плоский’, «плоский», ‘основные качества’.
116. *plou- (*pleu-) ‘плыть по поверхности воды’, «плыть», ‘элементарные действия’.
117. *pag- ‘поселение’, «поганый». ‘основные качества’.
118. *palta- ‘ткань, материя’, «полотно», ‘растения’.
119. *perk- ‘свинья’, «поросёнок», ‘животные’.
120. *pers- ‘брызгать, осыпать’, «порох», ‘явления природы’.
121. *tele- ‘относящийся к земле’, «потолок», ‘пространственные отношения’.
122. *troh- ‘разделённый на куски’, «потрошить», ‘элем действия’.
123. *kwye- ‘тишина, покой’, «почить», ‘элементарные действия’.
124. *pъta- ‘молодое существо’, «птица», ‘животные’.
125. *peis- ‘толочь, давить’, «пшено», ‘растения’.
126. *ed- / *od- ‘бесхозность’, «работать», ‘элементарные действия’.
127. *ark- ‘препятствовать проникновению’, «раковина», ‘животные’.
128. *ardu- ‘расти’, «расти», ‘элементарные действия’.
129. *rei- ‘течь, стремиться’, «река», ‘явление природы’.
130. *warda ‘роза’, «роза», ‘растение’.
131. *reudh- / *rudh- ‘красный’, «руда», ‘явления природы’.
132. *ręd- ‘ряд предметов, размещающихся в линию’, «ряд», ‘пространственные отношения’.
133. *sed- ‘сидеть’, «сад», ‘явления природы’.
134. *sem- ‘один, единый’, «сам», ‘основные качества’.
135. *suo- / *sue- ‘свой’, «свекровь», ‘родственные отношения’.
136. *sĕu- ‘левый по отношению к месту восхода солнца’, «Север», ‘пространственные отношения’.
137. *selo- ‘почва’, «село», ‘явления природы’.
138. *se- ‘сеять’, «семя», ‘явления природы’.
139. *sk- ‘твёрдое покрытие’, «скала», ‘явления природы’.
140. *kri- ‘крик’, «скрип», ‘элементарные действия’.
141. *sol- ‘солёный’, «сладкий», ‘основные качества’.
142. *sli- ‘слюна’, «слюна», ‘части тела’.
143. *smard- ‘зловонный запах’, «смердеть», ‘элементарные действия’.
144. *smag- ‘то, на что воздействовал огонь’, «смуглый», ‘основные качества’.
145. *suc- ‘внутренняя жидкость’, «сок», ‘явления природы’.
146. *sau- ‘светить’, «солнце», ‘явления природы’.
147. *sop- ‘дуть’, «сопля», ‘части тела’.
148. *stor- / *ster- ‘простираться’, «стлать», ‘элементарные действия’.
149. *ston- ‘звучание (гул)’, «стон», ‘элементарные действия’.

150. *task- ‘переносить’, «тащить», ‘элементарные действия’.
151. *terp- ‘неметь’, «терпеть», ‘элементарные действия’.
152. *ten- ‘тянуть’, «тетива», ‘части тела’.
153. *tepl- ‘быть тёплым’, «тёплый», ‘основные качества’.
154. *tem- ‘отсутствие света’, «тьма», ‘явления природы’.
155. *onk- ‘гнуть’, «угол», ‘пространственные отношения’.
156. *ong- ‘змеевидная рыба’, «угорь», ‘животные’.
157. *aul- ‘щель’, «улей», ‘животные’.
158. *onty ‘утка’, «утка», ‘животные’.
159. *aus- ‘ухо’, «ухо», ‘части тела’.
160. *swer- / *wer- ‘наблюдать’, «хоронить», ‘элементарные действия’.
161. *keidt- ‘процеженный, очищенный’, «цедить», ‘элементарные действия’.
162. *cĕl- ‘здоров, невредим’, «целый», ‘основные качества’.
163. *kel- ‘гора, возвышенность’, «чело», ‘части тела’.
164. *krm- ‘красный цвет’, «червяк», ‘животные’.
165. *yun- ‘юный’, «юный», ‘основные качества’.
166. *eng- ‘язык как орган речи’, «язык», ‘части тела’.
167. *aje- ‘яйцо’, «яйцо», ‘животные’.
168. *air- ‘прилаживать, соединять’, «ярмо», ‘элементарные действия’.
169. *jōr- (*jēr-) ‘период времени – начала весны и тепла’, «ярый», ‘основные качества’.
170. *ōku- ‘быстрый (о взгляде, о полёте)’, «ястреб», ‘животные’.

Список условных сокращений источников справочной литературы

1. Бул. – Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко.– М., 2008. – 704 с.
2. исп. эт. – Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
3. Ит. эт. – Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.
4. Кол. – Collins English dictionary, Third edition, Harper Collins Publishers, 1991. – 1791 p.
5. Кр. – Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с. – (Библиотека словарей).
6. Мельничук – Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. (выходные данные каждого из томов многотомных словарей представлены в списке литературы).
7. Труб. – Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд.
8. тур. эт. – http://www.nisanyansozluk.com
9. Фасмер – http://www.vasmer.narod.ru; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка,
10. Цыг. – Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: «Радянська школа», 1970. – 597 с.
11. Шанск. – Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей / Н. М. Шанский / Под ред. чл. кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1975. – 543 с.
12. Quechua – Quechua Español Diccionario. Corporacion editorial chirre s.a., Lima,- 160 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kambujiya, Čišpš / В. И. Абаев // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 286-295.
2. Абаев В. И. Скифо европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада / В. И. Абаев. – М.: Наука, 1965. – с. 168.
3. Абаев В. И. Как апостол Пётр стал Нептуном / В. И. Абаев // Этимология. 1970. / Ин т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 322-332.
4. Абдуллаев И. Х. К истории названий пророка в дагестанских языках / И. Х. Абдуллаев // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 339-348.
5. Айрапетян В. Э. Толкование слова. Краткое введение в Герменевтику для русистов / В. Э. Айрапетян // Ноосфера и художественное творчество / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М.: Наука, 1991. – С. 119-138.
6. Аллендорф К. А. Значение и изменение значений слов / К. А. Аллендорф // Учён. зап. / 1 й Моск. пед. ин-т иностр. яз. – 1965. – 32. – С. 3-171.
7. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение и концепт / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика: Мат лы 2 й международной школы семинара по когнитивной лингвистике., ч. 2. – Тамбов: Изд во Тамб. Ун та, 2000. – С. 33-36.
8. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологический аспект когнитивной семантики / Н. Ф. Алефиренко // Русистика: Сб. научн. трудов. – К., 2002. вып. 2. – С. 16-22.
9. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 416 с.
10. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 328 с.
11. Алефиренко Н. Ф. Когнитиво семиотическе содержание понятия «языковая картина мира» / Н. Ф. Алефиренко. – М: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.
12. Алимурадов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность / О. А. Алимурадов. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. Ун т, 2003 (ПГЛУ). – 305 с.
13. Андронов М. С. Дравидийские языки / Андронов М. С. – М.: Наука, 1965. – 124 с.
14. Андронов М. С. Сравнительная грамматика дравидийских языков / Андронов М. С. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. – 466 с.
15. Аникин А. Е. К семантическому анализу некоторых славянских слов / А. Е. Аникин // Этимология. – М.: Наука, 1985. – С. 65-83.
16. Антонюк О. В. Концепт «вода» в українських замовляннях / О. В. Антонюк // Записки з українського мовознавства: Зб. наук. праць. –Вип. 12: "Українська ментальність: діалог світів". – Одеса: Астропринт, 2003. – С. 56-62.
17. Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк) / Ю. Д. Апресян. – М. : Просвещение, 1966. – 302 с.

18. Апресян Ю. Д. Синонимия и конверсивы / Ю. Д. Апресян // Русский язык в национальной школе. – М., 1970. – № 6. – С. 8-17.
19. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
20. Апресян Ю. Д. Трансформационный метод / Ю. Д. Апресян // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с. – С. 519-520.
21. Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – т. I: Лексическая сематника; т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – изд. 2-е. – М. : Языки русской культуры, 1995. – Т. 1. – 715 с.; Т. 2. – 767 с.
22. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания, № 1. – М., 1995. – С. 37-66.
23. Арапанова Н. С. К истории слов герой и героический в русском языке / Н. С. Арапанова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд во Московского ун та, 1968. – С. 5-6.
24. Арапова Н. С. Из истории нескольких русских калек / Н. С. Арапанова // Этимологические исследования по русскому язику. Вып. IX / Под ред. Н. М. Шанского. – М.: Изд во Моск. ун та, 1981. – С. 5-11.
25. Арапова Н. С. Этимон / Н. С. Арапанова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 597.
26. Аристова В. М. Трансформация английских слов в русском языке / В. М. Аристова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун та, 1972. – С. 4-11.
27. Аристотель. О душе / Предисловие В. К. Сережымкова / Аристотель; пер. и примеч. П. С. Попова. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 179 с.
28. Аристотель. Категории / Аристотель. – М. : Соцэкгиз, 1939. – 84 с.
29. Арутюнова Н. Д. Номинация и текст / Н. Д. Арутюнова // Языковая номинация. Виды наименований / Отв. ред. Б. А. Серебреников, А. А. Уфимцева. – М., 1977. – С. 304-357.
30. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения / Н. Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980.
31. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР. – Сер. Лит ры и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 356-367.
32. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1983. – С. 15-23.
33. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики: сб. научн. трудов. – М.: Наука, 1984. – С. 5-23.
34. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания, № 3. – М., 1987. – С. 46-51.

35. Арутюнова Н. Д. Образ (Опыт концептуального анализа) / Н. Д. Арутюнова // Референция и проблемы текстообразования. – М., 1988. – С. 18-24.
36. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
37. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория Метафоры. / Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 5-32.
38. Арутюнова Н. Д. Метафора / Н. Д. Арутюнова // Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2 е изд., перераб. и доп. – М.: БРЭ, 1998. – С. 233-236.
39. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1998. – 896 с.
40. Арутюнова Н. Д. Феномен молчания / Н. Д. Арутюнова // Язык о языке. Сб. ст. / Под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 2000. – С. 416-436.
41. Арутюнова Н. Д. Воля и свобода / Н. Д. Арутюнова // ЛАЯ: Космос и хаос. Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Арутюнова Н. Д. – М.: Индрик, 2003. – С. 73-99.
42. Арутюнова Н. Д. Воля и свобода. / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова – М.: Индрик, 2005. – С. 73-100.
43. Архетипы в русском фольклоре и литературе: Сб. науч. Трудов / Кемер. Гос. ун-т. / Отв. ред. Б. П. Невзоров. – Кемеров: Кузбассвузиздат, 1994. – 94 с.
44. Аскольдов С. А., Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская речь. Новая серия. Вып. II. – Л.,1928. – 13-49.
45. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / Под ред. Л. В. Щербы. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
46. Афанасьев А. Н. Дерево жизни. Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
47. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трёх томах / А. Н. Афанасьев. Том первый. – М.: Современный писатель, 1995. – 416 с.
48. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трёх томах / А. Н. Афанасьев. Том второй. – М.: Современный писатель, 1995. – 396 с.
49. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. В трёх томах / А. Н. Афанасьев. Том третий. – М.: Современный писатель, 1995. –416 с.
50. Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / А. Н. Афанасьев. – М.: Индрик, 1996. – 640 с.
51. Афанасьев А. Н. Мифология Древней Руси. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев. – М.: ОКО Эксмо, 2007. – 608 с.
52. Ахманова О. С., Виноградов В. В. О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-историческкой лексикологии / О. С. Ахманова, В. В. Виноградов // В Я. – 1956. – № 3. – С. 3-24.
53. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.

54. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
55. Бабушкин А. П. Типология концептов в лексико фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин // Вестник ВГУ. – [Сер. 1. Гуманитарные науки]. – 1996. – № 2. – Воронеж, 1996. – С. 3-17.
56. Бабушкин А. П. Общеязыковые концепты и концепты языковой личности / А. П. Бабушкин // Вестник ВГУ . – [Сер. 1. Гуманитарные науки]. – 1997. – № 2. – Воронеж, 1997. – С. 114-118.
57. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии методика их выявления / А. П. Бабушкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. научн. статей / Под. ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 53-57.
58. Баксанский О. Е., Кучер Е. Н. Современный когнитивный подход к категории «образ мира» / О. Е. Баксанский, Е. Н. Кучер // Вопр. Философии. – М., 2002. № 8. – С. 52-69.
59. Балли Шарль. Язык и жизнь / Ш. Балли: пер. с фр. / Вступ. статья В. Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 232 с.
60. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов // А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. – 193 с.
61. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольская // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11-21.
62. Басенкова И. А. Семантические корреляции родственных слов немецкого и русского языков / И. А. Басенкова. Дисс. … канд. филол. наук. – Днепропетровск, 1984. – 216 с.
63. Баскаков Н. А. Историко-фонологическая типология тюркских языков / Баскаков Н. А. – М.: Наука, 1988. – 208 с.
64. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
65. Баш Л. М. К истории слова ренегат в русаком языке / Л. М. Баш // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. / Под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд во Моск. ун та, 1981. – С. 11-21.
66. Белик А. А. Историко теоретические проблемы психологической антропологи: учебное пособие / А. А. Белик. – М.: Российский государственный гуманитарный університет, 2005. – 420 с.
67. Бєлєхова Л. І. Словесний поетичний образ в історико типологічній перспективі: лінгвокогнітивний аспект. – К., 2002. – 367 с.
68. Бєлова А. Д. Вербальне відображення концептосфери етносу: сучасний стан вивчення проблеми / А. Д. Бєлова // Мовні і концептуальні картини світу. – 2001. – № 5. – С. 15-22.
69. Бельская В. А. Общее и специфическое в лексике славянских языков (на примере общих названий лиц в современном славенском и русском языках) / В. А. Бельская. Дисс. … канд. филол. наук. – Минск, 1985. – 221 с.

70. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М.: Прогресс, 1947. – 448 с.
71. Беркович Т. Л. Из истории названий головных уборов в русском языке / Т. Л. Беркович // Этимологические исследования по руському язику, вип. IX. Под ред. Н. М. Шанского. – М., Изд во Моск. ун та, 1981. – С. 21-30.
72. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: в 2 т. / Бернштейн С. Б. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – Т. 2. – 350 с.
73. Біланюк Л. Картина мовного світогляду в Україні / Л. Біланюк // Мовознавство. – 2000. – № 4 5. – С. 44-52.
74. Благова Г. Ф. К этимологии русской фамилии Бабурин / Г. Ф. Благова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун та, 1963. – С. 5-7.
75. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 307 с. – (перевод с англ. Е. С. Кубряковой и В. П. Мурат.).
76. Боас Ф. Методы этнологии / Ф. Боас // Антология исследований культуры. – Т. 1. Интерпретация культуры. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 519-527.
77. Боас Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас; пер. с англ. А. М. Водена. – М. – Л.: Госиздат, 1926. – 153 с.
78. Боброва А. В. К истории одного спортивного термина / А. В. Боброва // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. Под ред. Н. М. Шанского. М., Изд во Моск. ун-та, 1981. – С. 36-45.
79. Боброва Т. А. О некоторых названиях ягод с суффиксом -ик (а) / Т. А. Боброва // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 7-16.
80. Боброва Т. А. Структурно семантическая типология названий растений на -ик(а), -иц(а) в русском языке / Т. А. Боброва // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун-та, 1972. – С. 12-18.
81. Боброва Т. А. «Шиповник» и другие названия / Т. А. Боброва // РЯШ – 1974а. – № 3. – С. 98-99.
82. Богданович Г. Ю. «Национальные концепты» в лингво когнитивном осмыслении / Г. Ю. Богданович // Межкультурные коммуникации. Реалии и перспективы. Материалы научной конференции, Крым, Алушта. – С. 27 31.
83. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию: [Т. 1-2] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 384 с. (т. 1). – 392 с. (т. 2).
84. Бойченко И. В. Проблема метода в категориальном аппарате исторического материализма / И. В. Бойченко // Социальное познание: принципы, формы, функции: сб. науч. трудов / отв. ред. В. И. Куценко, И. В. Бойченко. – К. : Наукова думка, 1989. – С. 56-78.
85. Бондалетов В. Д. Греческие элементы в условных языках русских торговцев и ремесленников / В. Д. Бондалетов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 19-62.

86. Бопп Ф. Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого / в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно-педагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 28-35 .
87. Бочегова Н. Н. Этнос. Культура. Язык / Н. Н. Бочегова. Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун та, 2005. – С.160 с.
88. Брайнова Р. К. К вопросу о системно сопоставительном описании лексики / Р. К. Брайнова // Болгакская русистика. – 1983. – № 2. – С. 71-75.
89. Брицын В. М. Из истории медицинских терминов Древней Руси / В. М. Брицын / в кн. : Вопросы теории и истории словарного состава русского языка. Сб. статей. – К., 1972, с. 74-90.
90. Брицын М. А. Из истории восточнославянской лексики / М. А. Брицын. – К. : Наук. думка, 1965. – 160 с.
91. Брицин М. Я. Юридичні терміни зобов'язального права у східних слов'ян до XVI ст. / М. Я. Брицин // Київська старовина. – 2002. – № 6. – С. 9-17.
92. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Филологические науки. – 1973. – № 1. – С. 108-110.
93. Будагов Р. А. Типы соответствий между значениями слов в родственных языках / Р. А. Будагов // Филологические науки. – 1968. – № 5. – С. 3-20.
94. Булаховский Л. А. Доэтимологизация в русском языке / Л. А. Булаховский // Труды Ин-та русского языка АН СССР. – 1949. – Т. 1. – С. 147-209.
95. Булаховский Л. А. Сравнительно исторический метод и изучение славянских языков / Л. А. Булаховский // В кн.: Вопросы теории и истории языка. – М.,1952. – С. 237-259.
96. Булаховский Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. Ч. 2. – М.: Учпедгиз, 1953. – 178 с.
97. Булаховский Л. А. Об омонимии в славянских языках / Л. А. Булаховский // В кн.: Булаховский Л. А. Избранные труды. Т. 3. Славистика. Русский язык. – Киев, 1978. – С. 320-329.
98. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Культурные концепты. Логический анализ языка. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1991. – С. 14-21.
99. Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д. Языковая концептуализация мира // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. – М., 1997. – 576 с.
100. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Буслаев Ф. И. – М. : Учпедгиз, 1959. – 632 с.
101. Бухаров В. М. Концепт в лингвистическом аспекте / В. М. Бухаров // Международная коммуникация: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 74-84.
102. Вайсгербер И. Л. Родной язык и формирование духа / И. Л. Вайсбергер / Пер. с нем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
103. Вакуров В. Н. Лексикографические заметки / В. Н. Вакуров // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 8-15.

104. Валенцова М. М. Терминология хлебов в календарной обрядности чехов и словаков / М. М. Валенцова // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. – М., 1999. – С. 99-123.
105. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес. Пер с фр. примеч. П. С. Кузнецова под ред. и с предисл. Р. О. Шор. Госуд. социальн-экономич. изд во. – М. – 1937. – 410 с.
106. Ванюшечкин В. Т. Заметки по этимологии областных слов: куршаки, полусадник / В. Т. Ванюшечкин // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 17-21.
107. Варбот Ж. Ж. Индоевропейское *k'leu- / Ж. Ж. Варбот // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 58-70.
108. Варбот Ж. Ж. О некоторых характеристиках суффиксального именного отглагольного словообразования в праславянском языке (на материале древнерусского языка) / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 82-122.
109. Варбот Ж. Ж. Морфологический анализ древнерусских корневых имён существительных, соотносительных с глаголами / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 123-139.
110. Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии (укр. кочубей, русск. настырный, измываться) / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 68-79.
111. Варбот Ж. Ж. О реконструкции чередования гласных в некоторых славянских этимологических гнёздах / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 55-64.
112. Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 65-84.
113. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 3-19.
114. Варбот Ж. Ж. К реконструкцци и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён / Ж. Ж. Варбот // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 23-34.
115. Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён / Ж. Ж. Варбот // Этимология. М.: «Наука», 1985. – С. 24-34.
116. Варбот Ж. Ж. Этимология / Ж. Ж. Варбот // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 596-597.

117. Варбот Ж. Ж. О первичной мотивации праславянского *kъrma «корма» / Ж. Ж. Варбот // Славянские этюды. – М., 1999. – С. 134-135.
118. Варина В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // В кн.: Принципы и методы сопоставительных исследований. – М., 1976. – С. 233-244.
119. Васильева В. Ф. О логико-семантическом аспекте в сопоставительной ономасиологии (к вопросу о межъязыковой асимметрии) / Васильева В. Ф. // В кн.: Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – М., 1994. – С. 5-21.
120. Васильева В. Ф. О межъязыковой эквивалентности номинативной единицы (на материале современного русского и чешского языков) / В. Ф. Васильева // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. – М., 1997. – С. 104-130.
121. Васильев Д. М. К методике сопоставительного изучения лексики славянских литературных языков / Д. М. Васильев // Уч. зап. Башк. гос. ун-та. Сер. Филол наук, 1964., Т. 28., № 8. – С. 59-63.
122. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М., 1997. – 411 с.
123. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описания языков / А. Вежбицкая / Пер. с англ. М.: Школа «Языки славянской культуры», 1999. – 780 с.
124. Вежбицкая А. Лексическая семантика в культурно-сопоставительном аспекте / А. Вежбицкая // Пер. с англ. А. Д. Шмелёва / Под ред. Т. В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 503-652.
125. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая., – М., 2001. – 287 с.
126. Величковский Б. Н. Современная когнитивная психология / Б. Н. Величковский. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 336 с.
127. Вендина Т. И. Семантическая функции суффикса и сопоставительное изучение славянского словообразования / Т. И. Вендина // В кн.: Теоретические и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – М., 1994. – С. 80-95.
128. Венедиктов Г. К. Об одном аспекте изучения истории лексики современного болгарского литературного языка / Г. К. Венедиктов // Этимология. М.: «Наука», 1985. – С. 86-101.
129. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Рус. язык, 1980. – 320 с.
130. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005, – 137 с.
131. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – М.: Айрис-пресс, 2003. – 576 с.
132. Веселитский В. В. История раннего литературного употребления слова факт / В. В. Веселитский // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 177-183.

133. Веселитский В. В. Ранняя литературная история слов. Характер / В. В. Веселитский // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун та, 1968. – С. 22-27.
134. Веселитский В. В. Отвлечённая лексика в русском литературном языке XVIII – нач. XIX вв. / В. В. Веселитский. – М.: Наука, 1972. – 319 с.
135. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов.: Государственное учебно-педагогоическое издательство Министерства Просвещения РСФСР. – М., 1947. – 784 с.
136. Виноградов В. В. Из истории лексических взаимоотношений между русскими диалектами и литературным языком / В. В. Виноградов // Бюлл. диалект. сектора Ин-та рус. яз. АН СССР. – 1949а. – Вып. 5. – С. 96-101.
137. Виноградов В. В. Основные вопросы изучения современных славянских литературных языков / В. В. Виноградов // Вестник МГУ. – 1949б. – № 7. – С. 19-38.
138. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова / В. В. Виноградов // ВЯ. – 1953. – С. 4-29.
139. Виноградов В. В. Различия между закономерностями развития славянсих литературных языков в донациональную и национальную эпохи. V Межлународный съезд славистов / София, сентябрь 1963 / В. В. Виноградов. – М.: АН СССР, 1963. – 34 с.
140. Виноградов В. В. И Историко-этимологические заметки / В. В. Виноградов // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С 161-176.
141. Виноградов В. В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках / В. В. Виноградов // Славянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. – М., 1968. – С. 53-119.
142. Виноградов В. В. Историко-этимологические заметки / В. В. Виноградов // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 157-171.
143. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка [VII – XIX веков / В. В. Виноградов // Учебник. – 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
144. Виноградов В. В. История слов: Ок. 1500 слов и выраж. и более 5000 слов, с ними связанных / В. В. Виноградов / Отв. ред. Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.
145. Виокур Г. О. О славянизмах в современном русском литературном языке / Г. О. Винокур // РЯШ. – 1947. – № 4. – С. 9-19.
146. Вишневский А. . Семантические особенности наименования битвы в древнеанглийской поэзии / А. В. Вишневский. Автореф. … дис. канд. филол. наук. Иваново, 1998. – 16 с.
147. Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство: На материале современного английского языка / О. Д. Вишнякова. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 379 с.

148. Владимирская В. В. К истории слова вертеп в русском языке в связи с проблемой столкновения омонимов / В. В. Владимирская // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 28-40.
149. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
150. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачёв // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
151. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачёв. Монография. Краснодар: Изд-во Кубан. Гос. техн. ун-та, 2002. – 142 с.
152. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачёв. Монография. – М.: ИТДГК Гнозис, 2004. – 237 с.
153. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Монография / В. В. Воробьёв. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 330 .
154. Воробьев В. В. О русской национальной личности в языке и культуре / В. В. Воробьев // Язык и культура. VI Международная научная конференция. Том II Культурологический компонент языка. – К., 1998. – С. 38-43.
155. Воронина С. М. Тема состязательности: англо-русские оценочные параллели / С. М. Воронина // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 60-66.
156. Востоков А. Х. Рассудение о славянском языке / А. Х. Востоков / в кн. Хрестоматия по общему языкознанию / Сост. Л. П. Иванова. – К.: Освіта України, 2008. – 710 с., С. 22-25.
157. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. – 324 с.
158. Габка К., Супрун А., Якобсон Г. Особенности сопоствления близкородственных и неродственных языков в целях обучения / К. Габка, А. Супрун, Г. Якобсон // Болгарская русистика. – 1987. – № 1, С. 51-60.
159. Гак В. Г. Сопоставительное изучение языков и лингвистическая типология / В. Г. Гак // Русский язык за рубежом. – М., 1974. – № 3. – С. 52-58.
160. Гак В. Г. Понятие «рука» и его отражение в русском языке / В. Г. Гак // Русский язык за рубежом. – М., 1991. – № 6. – С. 12-18.
161. Гак В. Г. Сопоставительная прагматика / В. Г. Гак // Филол. науки. – М., 1992, № 3. С. 78-88.
162. Гак В. Г. Судьба и мудрость // В. Г. Гак // Понятие судьбы в контексте разных культур / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1994. – С. 198-206.
163. Гак В. Г. Логические основы развития значений слов в родственных языках / В. Г. Гак. В кн.: Сравнительно-историческое и общее языкознание. – М., 2004. – С. 84-91.
164. Гамкрелидзе Т. В. Лингвистическая типология и индоевропейская реконструкция / Гамкрелидзе Т. В. // Филол науки. – М., 1977. – № 3. – С. 195-201.

165. Гамкрелидзе Т. В. Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984 т. 1. – 429 с , т. 2. – 1328 с.
166. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М., 1996. – 352 с.
167. Гачев Г. Д. Национальные образы мира / Г. Д. Гачев. Космо – Психо – Логос. – М.: Изд. Группа «Прогресс», 1995. – 480 с.
168. Герасимов В. И., Петров В. В. На пути к когнитивной модели языка / В. И. Герасимов, В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике – М., 1988. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С. 5-11.
169. Гербачева М. Н. К истории субстантивных суффиксальных наименований места на -ище в русском языке / М. Н. Гербачева // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 49-70.
170. Герд А. С. Из истории трёх слов русской речи (муксун, мунду, кондевка / А. С. Герд // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 41-45.
171. Герд А. С. Читая новый «Этимологический словарь русского языка» / А. С. Герд // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 63-69.
172. Герд А. С. Читая «Этимологический словарь русского языка» / А. С. Герд // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 45-49.
173. Герд А. С. Введение в этнолингвистику / А. С. Герд. – СПб.: Изд-во С. Петерб. Гос. ун-та, 1995. – 92 с.
174. Гиндин Л. А. Догреческо-малоазийские лексико-ономастические отношения / Л. А. Гиндин // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 211-228.
175. Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского / Л. А. Гиндин // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 272-331.
176. Гиндин Л. А. Франко-анатолийская теонимическая основа *Herta- / Л. А. Гиндин // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 168-173.
177. Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1958. – 223 с.
178. Глущенко В. А. К вопросу о структуре лингвистического метода / В. А. Глущенко // Теоретические и прикладные проблемы русской филологии: научно-методич. сб. / отв. за вып. В. А. Глущенко. – Славянск, 2001. – Вып. VIII. – С. 3-6.
179. Глущенко В. А. Причины фонетических изменений в концепции Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова / В. А. Глущенко // Нова філологія. – 2002. – № 2 (13). – С. 5-30.

180. Глущенко В. А. Лінгвістичний метод і його структура / В. А. Глущенко // Мовознавство. – 2010. – № 6. – С. 32-44.
181. Глущенко В. А. Принципи порівняльно-історичного дослідження в українському і російському мовознавстві (70-і рр. XIX ст. – 20 і рр. XX ст.) / В. А. Глущенко // НАН України, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; відп. ред. О. Б. Ткаченко. – Донецьк, 1998. – 222 с.
182. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Голев Н. Д./ Под ред. О. Н. Блиновой. – Томск, Изд-во Томского ун-та, 1989. – 252 с.
183. Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка: Контрастичный анализ лексической группы со значением «высшие силы и абсолюты», «органы наивной анатомии», «основные мыслительные категории», «базовые эмоции» / М. К. Голованивска. – М.: Диалог – МГУ, 1997. – 129 с.
184. Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира / И. А. Голубовская. Монография, К. – 2000, – 293 с.
185. Гончаров В. И. Лексика промыслов в русском языке XVII в.: автореф. дис. … канд. филол. наук / В. И. Гончаров; Киевский государственный педагогический институт им. А. М. Горького. – К.: КГПИ, 1983. – 18 с.
186. Горячева Т. В. К этимологии выражения под микитки / Т. В. Горячева // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 217-227.
187. Горячева Т. В. К этимологии русского диалектного спорыдать / Т. В. Горячева // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1973. – С. 205-207.
188. Горячева Т. В. К этимологии русск. диал. стень ‘ледяное сало’ / Т. В. Горячева // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 95-98.
189. Горячева Т. В. К этимологии славянских метеорологических терминов / Т. В. Горячева // Этимология. – М.: Наука, 1985. – С. 54-61.
190. Грабарова Э. В. Лингвокультурологические характеристики концепта «смерть» / Э. В. Грабарова // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. – С. 71-78.
191. Гранде Б. М. Введение в сравнительное изучение семитских языков / Б. М. Гранде – М. : Наука, 1972. – 442 с.
192. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении / Б. М. Гранде. – М.: «Восточная литература» РАН, 2001. – 592 с.
193. Гребнев А. А. О некоторых проблемах изучения лексики славянских языков в сопоставительном плане / А. А. Гребнев // Сопоставительный лингвистический анализ. – уйбышев, 1977. – Т. 202. – С. 9-18.
194. Гречко В. А. Семантическая терминология А. А. Потебни как система (К структуре лингвистического значения) / В. А. Гречко // Сб. науч. трудов Наукова спадщина О. О. Потебні і сучасна філологія. – К.: Наукова думка, 1985. – 248 с. – С. 163-179.
195. Гримм Я. О происхождении языка / Я. Гримм // в кн. Хрестоматия по общему языкознанию / Сост. Л. П. Иванова. – К.: Освіта України, 2008. – 710 с., С. 21-22.

196. Гримич М. Традиційний світогляд та етнологічні константи українців (когнітивна антропологія) / М. Гримич. – К. : КНУ ім. Т. Г. Шевченка, 2000. – 379 с.
197. Гринкова Н. П. Некоторые вопросы изучения словарного состава славянских языков / Н. П. Гринкова // Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена. – Л., 1954. – Т. 92. – С. 35-70.
198. Грот Я. Филологические разыскания. Материалы для словаря, грамматики и истории русского языка / Я. Грот, 3 е, значит. дополн. изд., СПБ, 1885 VIII. – 629 с.
199. Гудков В. П. Три русские этимологии / В. П. Гудков // Этимологические исследования по русскому языку. – М., 1966. – Вып. – С. 34-38.
200. Гумбольдт В. фон. О различіи организмовъ человечаскаго языка и о влияніи этого различія на умственное развитіе человеческаго рода. Посмертное сочиненіе Вильгельма фонъ-Гумбольдта. Введеніе во всеобщее языкознаніе. Перевод П. Билярскаго. Ученое пособіе по теоріи языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Санктпетербургъ, 1859. – 366 с.
201. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода. / Природа и свойства языка вообще / В. фон Гумбольдт // в кн.: История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях, ч. I./ Сост. В. А. Звегинцев. – М., 1960. – 406 с., С. 65-86.
202. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт // Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
203. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт // Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1985. – 451 с.
204. Дельбрюк Б. Введение в изучение индоевропейских языков / Звуковые изменения / Б. Дельбрюк // в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно-педагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 183-196.
205. Дельбрюк Б. Введение в изучение языка: из истории и методологии сравнительного языкознания / Б. Дельбрюк / общ. ред. С. Булича. – 2 е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.
206. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // ВЯ, 1994, № 4. – С. 17-33.
207. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном тексте / В. З Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 35-46.
208. Демьянков В. З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идеоэтнические) стратегии / В. З. Демьянков // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. тепанова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 309-323.
209. Денисенко В. Н. Концепт Изменение в русской языковой картине мира: Монография, – М.: Изд-во рос. Ун-та дружбы народов, 2004 (ИПК РУДН). – 306 с.
210. Дерибас В. М. О заимствовании и калькировании производных слов в русском языке / Дерибас В. М. // Этимологические исследования по русскому

языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 70-85.
211. Дерягин В. Я. К истории слова пахать в русском языке / В. Я. Дерягин // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 46-51.
212. Десницкая А. В. Архаичные черты в индоевропейском словосложении / А. В. Десницкая // Язык и мышление. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1948. – 11. – С. 133-152.
213. Джинджолия Г. П. Концептосфера глагола «любить» в русском языке / Г. П. Джинджолия // Когнитивные стратеги языковой коммуникации. Докл. меж. конф. Симферополь, 1998. – С. 83-85.
214. Димитрова Е. В. Трансляция эмотивных смыслов русского концепта «тоска» во французскую лингвокультуру / Е. В. Димитрова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2001. – 16 с.
215. Добродомов И. Г. К истории казахского слова пәтер «квартира» / И. Г. Добродомов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 16-19.
216. Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках / И. Г. Добродомов // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 189-197.
217. Добродомов И. Г. Из булгарского вклада в славянских языках / И. Г. Добродомов // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 91-102.
218. Добродомов И. Г. К этимологии русского слова колчан / И. Г. Добродомов // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. Под ред. Шанского Н. М. – М., Изд-во Моск. Ун-та, 1981. – С. 70-90.
219. Добродомов И. Г. Заимствование / И. Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.: ил. – С. 158-159
220. Добродомов И. Г. Три невыявленных тюркизма русского словаря (тюбяк, тюря, бандура) / И. Г. Добродомов // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 113-123.
221. Долгопольский А. Б. Ностратические этимологии и происхождение глагольных формантов / А. Б. Долгопольский // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 237-242.
222. Долгопольский А. Б. Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала / А. Б. Долгопольский // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 356-369.
223. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков) / Н. В. Дорофеева: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2002. – 19 с.
224. Дурново Н. Н. Лекции по истории русского языка / Н. Н. Дурново 2-е изд. – М., 1913. – 364 с.
225. Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском / В. А. Дыбо. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

226. Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратические языки / В. А. Дыбо, В. А. Терентьев // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 338-339.
227. Евсюкова Т. В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии / Т. В. Евсюкова. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. Гос. Эконом. Ун-та, 2001. – 256 с.
228. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев. – М.: Книга, 2006. – 248 с.
229. Ермакова О. П. Концепты совесть и зависть в их языковом выражении / О. П. Ермакова // Русский язык сегодня: Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 375-385.
230. Ермакова О. П. Концепт «безумие» с точки зрения языка / О. П. Ермакова // в сб. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, – М.: Индрик. – С. 108-117.
231. Еремеева Н. Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки / Н. Ф. Еремеева, – Дис...канд. филол. наук. Черкассы. 1997. – 193 с.
232. Ёлкина Н. М. К этимологии слова товар / Н. М. Ёлкина // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 116-129.
233. Жаботинская С. А. Концептуальный анализ: типы фреймов / С. А. Жаботинская // Когнитивная семантика: Мат-лы 2-й междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С. 10-13.
234. Жаботинская С. А. Компаративные фреймы. Теория номинации: когнитивный ракурс / С. А. Жаботинская // Лексика в разных типах дискурса. Вестник МГЛУ. Вып. 478. – М., 2003. – С. 145-164.
235. Жайворонок В. В. Мова і духовний розвиток народу / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 1991. – № 3. – С. 22-30.
236. Жайворонок В. В. Слово в етнологічному контексті / В. В. Жайворонок // Мовознавство. – 1996. – № 1. – С. 7-14.
237. Жайворонок В. В. Українська етнолінгвістика: нариси / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2007. – 262 с.
238. Жданова Л. А., Ревзина О. Г. “Культурное слово” милосердие / Л. А. Жданова, О. Г. Ревзина // Логический анализ языка. Культурне концепты / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1991. – С. 56-61.
239. Железняк Н. М. Науково-публіцистичній дискурс про особливості національного характеру (концепт “волелюбність”) / Н М. Железняк // Вестник Харьковского университета, 2001, № 520, Сер.: Филология, в. 33. – 286 с.
240. Жигалова О. В. Наименования одежды и её деталей в современном русском языке. / О. В. Жигалова. Дисс. … канд. филол. наук. – Алма Ата, 1986. – 216 с.
241. Жихарєва О. Л. Проблема походження східнослов’янських мов у мовознавстві XIX ст. – 20 – 30 х рр. XX ст.: автореф. дис. На здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.05 «Загальне мовознавство» / О. Л. Жихарєва. – Донецьк, 2004. – 22 с.
242. Жоль К. К. Мысль. Сдово. Метафора: проблемы семантики в философском освещении / К. К. Жоль. – К . : Наукова думка, 1984. – 303 с.

243. Журавлёв В. К. Обзор литературы по русской и славянской этимологии за 1958 1959 гг. / В. К. Журавлёв // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд. во Московского университета. – М., 1962. – С. 6-25.
244. Журавлёв В. К. Диахроническая фонология / В. К. Журавлёв. – М.: Наука, 1986. – 232 с.
245. Журавлёв В. К. Теория группофонем: развитие группового сингармонизма в праславянском языке / Журавлёв В. К. / предисл. Ю. Я. Бурмистровича. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 128 с.
246. Залевская А. А. Межъязыковые сопоставления в психолингвистике / А. А. Залевская. – Калинин : Изд-во Калининского гос. Ун-та, 1979. – 178 с.
247. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследование / А. А. Залевская. – Воронеж: Изд во Воронежского ун-та, 1990. – 208 с.
248. Залевская А. А. Национально культурная специфика картины мира и различные подходы к её исследованию / А. А. Залевская // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с., С. 39-54.
249. Зализняк А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» / А. Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13-25.
250. Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях / В. А. Звегинцев // Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР. – М, 1960. – 406 с.
251. Зиновьев В. Н. Соотношение номинативных единиц разных языков / В. Н. Зиновьев // Лексика. Терминология. Стили. Межвуз. сб. – Вып 1. – Горький, 1973. – С. 18-32.
252. Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте / В. Г. Зусман // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. Н. Новгород: Деком, 2001.– С. 38-53.
253. Иванов В. В. К этимологии русского пасти / В. В. Иванов // Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. – М., 1961. – С. 105
254. Иванов Вяч. Вс. Разыскания в области анатолийского языкознания / Вяч. Вс. Иванов // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1973. – С. 298-306.
255. Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав *čelověkъ ‘человек’ / Вяч. Вс. Иванов // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 17-23.
256. Иванов Вяч. Вс. Праязык / Вяч. Вс. Иванов // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., с. 391-392.
257. Иванова Л. П. Методы лингвистических исследований / Л. П. Иванова. – К.: КГПУ, 1994. – 87 с.
258. Иванова Л. П. Пособие к спецкурсу «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте»: (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») / Л. П. Иванова. – К., 2000. – 54 с.

259. Іванова Л. П. Проблема співвідношення мовної особистості та національно-мовної картини світу / Л. П. Іванова // Проблеми зіставної семантики, вип. 5. – К., 2001, – С. 34-36.
260. Иванова Л. П. Возможно ли национальное мировоззрение? (лингвокультурологический аспект) / Л. П. Иванова // Язык и культура. Вып. 5., Т. 2., Ч. 1 Культурологический компонент языка / Под ред. Н. И. Остапова, Ю. С. Глушко. – К. – 2002. – С. 166-172.
261. Иванова Л. П. Кавказ в русском языковом сознании XIX-XX столетий / Л. П. Иванова. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2004. – 110 с.
262. Иванова Л. П. Представленность английской культуры в русской литературе XIX в. / Л. П. Иванова // Вісник Житомирського університету ім. І. Франка. Вип. 17, 2004. − С. 63-65.
263. Иванова Л. П. Феномен ментального пространства индивида, народа, цивилизации / Л. П. Иванова // Актуальні проблеми менталінгвістики. Збірник статей за матеріалами IV Міжнародної наукової конференції / Под ред. В. П. Мусиенко. – Черкассы: Черкасский национальный университет им. Б. Хмельницкого, 2005. – С. 8-9.
264. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Л. П. Иванова. − Изд. 2 е, доп. − К., Освіта Україны, 2006. − 140 с.
265. Иванова Л. П. Хрестоматия по общему языкознанию / Л. П. Иванова / Составитель Л. П. Иванова. – К.: Освіта України, 2008. – 710 с.
266. Иванова Л. П. Общее языкознание. Курс лекций: научное пособие / Л. П. Иванова. − К.: Освіта Україны, 2010. – 432 с.
267. Иванова Л. П. Метод и смежные явления: функции, критерии разграничения / Л. П. Иванова // Методи лінгвістичних досліджень : матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. – Слов'янськ: СДПУ, 2010. – С. 69-72.
268. Иванова Л. П. Освоение инокультурных онимов в русском языковом сознании / Л. П. Иванова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63), № 2. Часть 2, 2011. − С. 9-14.
269. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм / С. В. Иванова: учеб. пособие. – Уфа: РИО БашГу, 2004. – 150 с.
270. Ивашко О. В. Концептуальная метафора в формировании абстрактных концептов / О. В. Ивашко // Когнитивная семантика. – Часть 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – С. 74-78.
271. Іващенко В. Термін концепт у лінгвокультурному осмисленні / В. Іващенко // Вісник Національного університету «Львівська політехніка». – № 490: Проблеми української термінології. – Львів, 2003. – С. 120-127.
272. Иллич-Свитыч В. М. Русск. смоковница, слав. smoky «инжир, Ficus carica». Русск. диал. пигва, слав. *pigy «айва», Cydonea / В. М. Иллич-Свитыч // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд. во Московского университета. – М., 1962. – С. 71-77.

273. Иллич-Свитыч В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) / В. М. Иллич Свитыч // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 321-373.
274. Иллич Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков / В. М. Иллич Свитыч / Под ред. В. А. Дыбо, [т. 1 3], М., 1971 1984. – 546 с.
275. Иорданский А. М. Слово космос и его производные в русском языке / А. М. Иорданский // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 52-57.
276. Ипполитов О. О. Концепт «дорога» в русской концептосфере / О. О. Ипполитов // Русский язык вчера, сегодня, завтра. – Воронеж: Изд во ВГУ, 2000. – С. 81-82.
277. Историчесая типология славянских языков: Фонетика, словообразование, лексика, фразеология / Под ред. А. С. Мельничука; АН УССР, Ин-т. языкознания им. А. А. Потебни. – Киев: Наукова думка, 1986. – 286 с.
278. Камчатнов А. М. О неизвестном омониме слова бразна / А. М. Камчатнов // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 83-85.
279. Капанадзе Л. А. Номинация / Л. А. Капанадзе // Русска разговорная речь. – М.: Наука, 1973. – С. 403-463.
280. Каралюнас С. К этимологии лтш. Luõps / С. Каралюнас // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 281-285.
281. Каралюнас С. К этимологии лтш. Dārgs / С. Каралюнас // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 156-159.
282. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
283. Караулов Ю. Н. Между семантикой и гносеологией / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1985. – 199 с.
284. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: УРСС, 1987, – 264 с.
285. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. 2 е изд., стереотип. – М.: УРСС, 2002. – 264 с.
286. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети / Ю. Н. Караулов // Языковое сознание и образ мира. Сб. статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – С. 191-206.
287. Карпенко У. А. Отражение богатства в славянской и западноевропейской картине мира (на материале произведений А. С. Пушкина) / У. А. Карпенко // в сб. Актуальні проблеми менталінгвістики / Відповідальний за випуск Калько М. І. – К. Ч., – 1999. – С. 63-65.
288. Карпенко У. А. Концепт «Солдатской службы» в русском и итальянском языковых сознаниях / У. А. Карпенко // Серия «Филология», «Язык и культура», вып. 5, т. 3., Ч. 1. Национальные языки и культуры в их специфике и взаимодействии. Издательский дом Д. Бураго / Гл. Ред. Д. С. Бураго. – К., 2002. – С.200-208.

289. Карпенко У. А. Антиномия как подход к анализу концептов / У. А. Карпенко // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания: Сб. научн. трудов / Отв. ред. Л. А. Кудрявцева. – К. КГПУ им. Б. Д. Гринченко: ИПЦ, 2002. – С. 36-40.
290. Карпенко У. А. Репрезентация концептов «Отвага», «Смелость» в русской и английской художественной речи А. С. Пушкина и Дж. Г. Байрона / У. А. Карпенко // Актуальные проблемы вербальной коммуникации. Язык и общество / Под ред. Кудрявцевой Л. А. – К.: Киевский ун-т., 2002. – С. 317-323.
291. Карпенко У. А. Концепт “Месть” в русской, итальянской, английской культурно-языковых традициях как константа культуры / У. А. Карпенко // Культура народов Причерноморья, № 49, т. 1 / Под ред. Богданович Г. Ю. – 2004. – С. 20-23.
292. Карпенко Иванова У. А. Фрейм «Вооружённое противостояние» в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции / У. А. Карпенко. – К.: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2006. – 232 с.
293. Карпенко У. А. Концепт «Бой» в русской, английской, итальянской культурно-языковой традиции / У. А. Карпенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, т. 18 (57). № 2, филология / Гл. ред. Багров Н. В. – Симферополь, 2006. – С. 35-39.
294. Карпенко У. А. Концепт «Победитель» итальянской культурно-языковой традиции в зеркале русской и английской / У. А. Карпенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, т. 20 (59). № 1, филология / Гл. ред. Багров Н. В. – Симферополь, 2007. – С. 311-315.
295. Карпенко У. А. Storia della lingua italiana per stranieri. Курс лекций / У. А. Карпенко. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2008. – 96 с.
296. Карпенко У. А. Лексика современного русского языка в аспекте межкультурной коммуникации / У. А. Карпенко // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. Вип. 12. – Т. V (130). – С. 30-37.
297. Карпенко У. А. Корреляция внутренней и внешней формы в языках аглютинативного типа (на материале турецких пословиц) / У. А. Карпенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», т. 22 (61). № 2, Симферополь, 2009. – С. 432-436.
298. Карпенко У. А. Арафатка как новый концепт русской культуры / У. А. Карпенко // Система і структура східнословянських мов: До 175 річчя Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова: Зб. наук. праць. – «Освіта України», 2010. – С. 65-69.
299. Карпенко У. А. Функционирование «Третьего элемента» (концепция А.А.Потебни) в познании действительности / У. А. Карпенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации», т. 23 (62). № 2, часть 2, Симферополь, 2010. – С. 489-494.

300. Карпенко У. А. Приёмы параллельного изучения неродственных иностранных языков (на материале преподавания итальянского китайским студентам при посредничестве русского, украинского, английского языков) / У. А. Карпенко // Теория и технология иноязычного образования. Материалы IV международной научно-методической конференции 29-30 сентября 2010 г. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2010. – С. 43-47.
301. Карпенко У. А. Миграционные языковые процессы как отражение евразийского языкового сознания. / У. А. Карпенко // II Congreso Internacional "La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas", т. II, Granada 2010. – С. 1217-1222.
302. Карпенко У. А. Первокорень в сакральном дискурсе / У. А. Карпенко // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір: зб. наук. праць. – № 1 (33). Луганськ: Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – С. 84-90.
303. Карпенко У. А. Трансформация значений и трансляция смысла в процессе заимствования / У. А. Карпенко // Мова і культура. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – Вип. 13. – Т. I (137). – С. 176-179.
304. Карпенко У. А. Первокорень в сакральном дискурсе / У. А. Карпенко // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Науковий простір дискурсології: ретроспективно-проспективний вимір: зб. наук. праць. – № 1 (33). Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2011. – С. 84-90.
305. Карпенко У. А. Путь первокорня // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Научный журнал, т. 24 (63). № 2, часть 1. – Симферополь, 2011. – С. 102-105.
306. Карпенко У. А. Категория первокорня и её реализация в процессе взаимодействия языков / У. А. Карпенко // Congreso internacional "Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos" Granada 2011, – С. 128-131.
307. Карпенко У. А. Трансляция внутренней формы слова в индоевропейских языках (опыт анализа) / У. А. Карпенко // Система і структура східнослов'янських мов: зб. наук. праць до 175-річчя від дня народження О. О. Потебні / редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. – К. : Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011. – Вип. 3. – С. 103-107.
308. Карпенко У. А. Лазаренко Л. Н. Этимологический поход в преподавании иностранных языков / У. А. Карпенко, Л. Н. Лазаренко // Науковий часопис Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова. Серія № 9. Сучасні тенденції розвитку мов. – Вип. 6 : збірник наукових праць / за ред. проф. В. І. Гончарова. – К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2011. – С.111-114.
309. Карпенко У. А. Пути освоения некоторых арабизмов в истории русского литературного языка / У. А. Карпенко // III Селищевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой

125-летию со дня рождения Афанасия Матвеевича Селищева (Елец. 22-23 сентября 2011 г.). – Елец: Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, 2011. – С. 109-116.
310. Карпенко У. А. Первокорень и заимствование / У. А. Карпенко // Мова і культура. (науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмирта Бураго, 2011. – Вип. 14. – Т. IV (150). – 496 с. – С. 77-80.
311. Карпенко У. А. Трансформация значения первокорня посредством лексической метафоры и метонимии / У. А. Карпенко // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Серия «Филология. Социальные коммуникации», т. 25 (64). № 1, часть 2. – Симферополь, 2012. – С. 31-35.
312. Карпенко У. А. Когнитивно-сравнительный этимологический метод исследования первокорня / У. А. Карпенко. Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць, випуск 4, до ювілею професора Іванової Л. П. – К.: Видавництво НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – 331 с., С. 65-75.
313. Карпенко У. А. Шаги выявления первокорня / У. А. Карпенко. Сучасні дослідження з іноземної філології. Збірник наукових праць. Випуск 10. Відп. ред. Фабіан М. П. – Ужгород: ФОП Бреза А. Е., 2012. – 399 с., С. 136-139.
314. Карпенко У. А. Трансформация значений первокорня слова «лебедь» / У. А. Карпенко. Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць – К.: Видавництво НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – Вип. 5. – 325 с., С. 74-79.
315. Карпенко У.А. Трансформация значений первокорня слова «бравый» // Речевая коммуникация в теоретическом, практическом и учебно методическом аспектах. – Краснодар: КубГАУ, 2013. – С. 64-68.
316. Карпинец Т. А. Концепт как способ смысловой организации художественного текста / Т. А. Карпинец. Монография. – Кеиерово: Изд-во КРИПК «ПРО, 2004. – 154 с.
317. Касевич В. Б. О когнитивной лингвистике / В. Б. Касевич // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб. – С. 14-21.
318. Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования / С. Д. Кацнельсон. 1. Из истории атрибутивных отношений. – М. – Л.: Изд во АН СССР, 1949. – 384 с.
319. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М. – Л.: Наука, 1965. – 110 с.
320. Качалкин А. Н. Слово майдан в истории русского языка / А. Н. Качалкин // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 86-92.
321. Квачадзе А. В. Праславянские элементы в русском и других славянских языках / А. В. Квачадзе. Дисс. … канд. филол. наук. – Тбилиси, 1972. – 223 с.
322. Кимягарова Р. С. Из истории формирования театральной терминологии. Действующее лицо / Р. С. Кимягарова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 93-103.

323. Кимягарова Р. С. Из истории формирования театральной терминологии / Р. С. Кимягарова // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. Под ред. Н. М. Шанского. М., Изд-во Моск. Ун-та, 1981. – С. 90-100.
324. Киш Лайош. Происхождение слов бекеша, кучма, шалаш и шишак / Лайош Киш // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 48-65.
325. Кияк Т. Г. О «внутренней форме» лексических единиц / Т. Г. Кияк // вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 58-68.
326. Климов Г. А. Абхазско-адыгские этимологии / Г. А. Климов // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 296-306.
327. Климов Г. А. Заимствованные числительные в общекартвельском / Г. А. Климов // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 307-310.
328. Климов Г. А. Кавказские этимологии / Г. А. Климов // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 223-231.
329. Климов Г. А. Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков / Г. А. Климов // Этимология. 1971. / Ин т русского языка. – М.: Наука, 1973. – С. 356-368.
330. Климов Г. А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков / Г. А. Климов // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 349-355.
331. Климов Г. А. Ещё одна индоевропейско-семитско-картвельская лексическая параллель / Г. А. Климов // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 156-159.
332. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева: Учебник. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
333. Коваль О., Бондар К. Іконічні можливості культурних концептів (в аспекті потебнянських студій) / О. Коваль, К. Бондар // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови: матеріали VII міжнародних Карських читань. 13-14 травня / Под ред. Арват Н. Н. – 1996 р. – Ніжин-Гродно: НДПІ, 1998. – С. 78-82.
334. Кодухов В. И. Сопоставительный метод при изучении и преподавании славянских языков / В. И. Кодухов // Славянская филология. Вып. 3. – Л., 1975. – С. 36-44.
335. Козлова Р. М. Образования с корнем * (s) kork-/ * (s) korč в славянских языках / Р. М. Козлова // Этимология. М.: «Наука», 1985. – С. 47-54.
336. Колесников Н. П. О происхождении слова конверт / Н. П. Колесников // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 58-61.
337. Колесов В. В. Сравнительно-исторический метод в трудах А. А. Потебни / В. В. Колесов // Сб. науч. трудов Наукова спадщина О. О. Потебні і сучасна філологія. – К.: Наукова думка, 1985. – 248 с. – С. 25-39.

338. Колесов В. В. Жизнь происходит от слова… / В. В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
339. Колесов В. В. Язык и ментальность / В. В. Колесов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004. – 368 с.
340. Колшанский Н. А. Универсальная и частная типология языков / Н. А. Колшанский // Лингвистическая типология. – М., 1985 – С. 13-18.
341. Кондрашов Н. А. Основные этапы калькирования в истории русского языка / Н. А. Кондрашов. – Калининград, 1989. – С. 101-109.
342. Коннова В. Ф. Славянские лексико-семантические изоглоссы и типы изменений значений слов (на материале слов со знчением имущества, скот, хлеб, зерновые культуры)./ В. Ф. Коннова. Дисс. … канд. филол. наук. – М., 1973. – 227 с.
343. Копыленко М. М. Основы этнолингвистики / М. М. Копыленко. Алматы: Евразия, 1995. – 179 с.
344. Корнев А. И. К этимологии слова бред / А. И. Корнев // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 104-113.
345. Корнилов Г. Е. К этимологии русского диалектного векша ‘белка обыкновенная’ Sciurus vulgaris Linnaei / Г. Е. Корнилов // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 192-194.
346. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М; ЧеРо, 2003. – 364 с.
347. Кохташвили Н. И. Семантические характеристики концепта «подвиг» / Н. И. Кохташвили // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. – С. 122-126.
348. Коч Н. В. Генезис восточнославянской концептосферы в языковом и культурном отражении: монография / Н. В. Коч. – Николаев : Илион, 2010. – 440 с.
349. Коч Н. В. Отражение концептосферы восточных славян в памятниках письменности XI – XVII вв. (фрагмент «фауна» в антропоморфной картине мира) / Н. В. Коч. // Дисс. на соиск. уч. степ. Доктора филол.наук. – К., 2010. – 462 с.
350. Кошелев А. Д. О языковом концепте «долг» / А. Д. Кошелев // Логический анализ языка: Языки этики / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Школа «Яз. Рус. культуры», 2000. – с. 119-124.
351. Кошелев А. К. Этимологические заметки (русск. ни гугу; диал. гунявый) / А. Д. Кошелев // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 113-118.
352. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
353. Красновский В. Н., Шарбатов Г. Ш. Карманный русско-арабский словарь / В. Н. Красновский, Г. Ш. Шарбатов: Ок. 11000 слов – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1992. – 560 с.
354. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – М. : Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.

355. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
356. Кримський С. Б. Запити філософських смислів / С. Б. Кримський. – К. : Вид. ПАРАПАН, 2003. – 240 с.
357. Крушевский Н. В. Очерки по языковеденію. II. Антропофоника Н. В. Крушевскаго. Посмертное изданіе съ предисловіемъ и примечаніями проф. В. Богородицкаго. Оттискъ из «Русскаго филологическаго вестника». Варшава. Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа. Королевская № 13. 1893. – 48 с. (Прибавленіе. Предметъ, деленіе и методъ науки о языке).
358. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке / Крушевский Н. В. – Казань, 1882. – 212 с.
359. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современномрусском языке / Л. П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
360. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
361. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1986. – 158 с.
362. Кубрякова Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова // Кубрякова Е. С. Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов, М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 90-93.
363. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1997. – 331 с.
364. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Яз. Славян. Культуры, 2004 (ППП Тип. Наука). – 555 с.
365. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста. (Докл. УП Междунар. конф.). – М., 1999. – С. 186-197.
366. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – № 4. – С. 34-47.
367. Кузнецов А. И. Из истории семантического развития движения русского языка / А. И. Кузнецов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд. во Московского университета. – М., 1962. – С. 159-171.
368. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во Моск. ун-та. 1953. – 306 с.
369. Кузнецов П. С. К истории слова д и аид / П. С. Кузнецов // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 62-74.
370. Куркина Л. В. Варакать / Л. В. Куркина // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 184-188.

371. Куркина Л. В. О типах отношений основ на -i- и -no- в славянских языках / Л. В. Куркина // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 140-152.
372. Куркина Л. В. Из наблюдений за некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских язиках / Л. В. Куркина // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 92-106.
373. Куркина Л. В. К реконструкции этимологических связей основ с дифтонгом на -u / Л. В. Куркина // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 58-79.
374. Куркина Л. В. Славянские этимологии / Л. В. Куркина // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1973. – С. 87-92.
375. Куркина Л. В. Славянские этимологии / Л. В. Куркина // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 34-44.
376. Куркина Л. В. Южнославянские этимологии / Л. В. Куркина // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 13-24.
377. Куркина Л. В. Система пространственных представлений древних славян (по материалам лексики) / Л. В. Куркина // Славянское языкознане. XIII Межд. съезд славистов. Любляна, 2003. – М., 2003. – С. 256-376.
378. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы семантической деривации / Г. И. Кустова: Автореф. дисс. … д-ра филол наук. – М., 2001. – 23 с.
379. Ларин Б. А. Историческая лексикология / Б. А. Ларин // В кн.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. – М., 1977. – С. 11-43.
380. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // НЗЛ. Выпуск X. Лингвистическая семантика. Выпуск XXIII. М., 1981. – С. 350-368.
381. Лакофф Дж. Мышление в зеркале класификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 13-27.
382. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс: пер. с фр. / Под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
383. Ледянёва С. Д. К истории слова сынъ «башня» / С. Д. Ледянёва // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 24-32.
384. Ледянёва С. Д. К истории слова вокзал в русском языке / С. Д. Ледянёва // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 119-146.
385. Леонтьев А. А. Психолингвистика / А. А. Леонтьев. – Л.: Наука, 1967. – 118 с.
386. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
387. Леонтьев А. А. Личность, деятельность, образование / А. А. Леонтьев // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с., С. 7-12.
388. Леута О. І. Старословя'нська мова / О. І. Леута. підручник. – К.: Вища школа, 2001. – 255 с.

389. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Изв. РАН. Сер. Лит. и яз., М. – 1993. Т. 2. – С. 282-283.
390. Лихачёв Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. – М.: «Наука», 1979. – 352 с.
391. Лобода С. М. Просторові слова-концепти в художній картині світу М. Гумільова та Й. Бродського / С. М. Лобода: Астореф. дис. … канд. філол. наук. – Симферополь, 2001. – 20 с.
392. Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – 640 с.
393. Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2005. – 672 с.
394. Лопатин В. В. Барахтаться. Бедокур / В. В. Лопатин // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 139-148.
395. Лопатин В. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ как этимолог / В. В. Лопатин // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 33-47.
396. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М., 1982. – 431 с.
397. Лосев А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. – М.: МГУ, 1990. – 269 с.
398. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
399. Лотман Ю. М. Семиосфера: культура и взрыв. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – С. Петербург: «Искусство – СПБ», 2001. – 704 с.
400. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов / Д. С. Лоте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.
401. Лукин В. А. Концепт истины и слово «истина» в русском языке (опыт концептуального анализа рационального и иррационального в языке / В. А. Лукин // Вопросы языкознания, 1993. – № 4. – С. 63-87.
402. Лукина Г. Н. Названия тканей в языке памятников древнерусской письменности XI-XIV вв. / Г. Н. Лукин // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 242-262.
403. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М.: изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
404. Луценко Н. А. История наших слов : диахронно-лексикологические этюды / Н. А. Луценко ; Донецкий национальный университет. – Донецк : изд-во «Вебер» (Донецкое отделение), 2009. – 370 с.
405. Лучик В. В. Диалектизмы как материал для реконструкции архаичной основы *sъ- / В. В. Лучик // «Сельская Россия : прошлое и настоящее» : Докл. и сообщения. 8-й рос. научн. и культ-просвет. о-во «Энциклопедия рос. деревень» и др. М.: 2001. – с. 165-166.
406. Лучик В. В. Становлення центральноукраїнської топонімії в Європейському контексті / В. В. Лучик // Наукові записки. – 2001. – Вип. 37. – с. 38-42.
407. Лучик В. В. Походження праслов'янської назви tyky – ъое / В. В. Лучик // Мовознавство. – 2007. – № 2. – С. 3-10.

408. Львов А. С. Две русские этимологии (багрец, сапог) / А. С. Львов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 66-86.
409. Львов А. С. Из лексикологических наблюдений / А. С. Львов // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 189-195.
410. Львов А. С. Из лексикологических наблюдений / А. С. Львов // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 207-216.
411. Львов А. С. Тюркизм ли старославянское тъло? / А. С. Львов // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 61-65.
412. Лыткин В. И. К этимологии слов угры и югра / В. И. Лыткин // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка.– М.: Наука, 1971. – С. 197-207.
413. Ляпин С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Вып. 1. Архангельск: Изд во Помор. ен-та, 1997. – С. 11-35.
414. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания / Э. А. Макаев. – М.: Наука, 1977. – 205 с.
415. Маковский М. М. Опыт типологической характеристики лексико-семантических систем / М. М. Маковский // ВЯ. – 1969. – № 3. – С. 24-36.
416. Маковский М. М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза в индоевропейских языках / М. М. Маковский. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 208 с.
417. Мамедали оглы Мамедали Аслан. Проблематика библейских переводов и переводы библии на тюркские языки / Мамедали оглы Мамедали Аслан // Диалог языков и культур СНГ и ШОС в XXI веке: сборник материалов VI Международного форума, Баку, 8 11 ноября 2010 г. – Часть II. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 204-209.
418. Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология / В. Н. Манакин. – К.: Знания, 2004. – 326 с.
419. Маргарян Б. А. Из истории русской лексики Петровского времени / Б. А. Маргарян // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 90 97.
420. Маркарьян Н. Е., Байрамова Л. К. Некоторые причины семантического расхождения генетически родственных слов в славянских языках / Н. Е. Маркарьян, Л. К. Байрамова // Уч. зап. Казан. ун-та. – Казань, 1962. – Т. 122. – Кн. 5. – С. 117-143.
421. Маркова Е. М. Типология семантических трансформаций праславянской лексики и её отражение в русском языке. Монография. – М., Издательство МГОУ, 2007. – 254 с.
422. Марковский И. К. Паспорт / И. К. Марковский // Этимологические исследования по руському язику, вип. IX. Под ред. Н. М. Шанского. – М., Изд-во Моск. Ун-та, 1981. – С. 100-109.
423. Марр Н. Я. Язык и письмо / Н. Я. Марр. Изд. 2, т. VI. Вып. 6, 1931. – 24 с. (Известия гос. акад. ист. материальной культуры).

424. Марр Н. Я. К семантической палеонтологии в языках яфетических систем. / Н. Я. Марр (Известия Гос. акад. Истории материальной культуры т. VII – VIII.). – Л., 1931. 57 с.
425. Марр Н. Я. Вопросы языка в освещении яфетической теории / Н. Я. Марр. Избр. Отрывки акад. Н. Я. Марра. Сост. В. Б. Аптекарь Л., аимк 1933. – 560 с.
426. Марр Н. Я Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с историей материальной культуры) / Н. Я. Марр // Избранные работы. – Т. III : Язык и общество. – М. – Л. : Соцэкгиз, 1934. – 423 с.
427. Марр Н. Я. Избранные работы / Н. Я. Марр. Л. Т. 1. Этапы развития яфетической теории. Изд. Гаимк, 1933. 399 с. Т. 2. Основные вопросы языкознания. Соцэкгиз., 1936. XVIII, 523 с.
428. Мартынов В. В. Из славянских этимологий / В. В. Мартынов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 44-58.
429. Мартынов В. В. Анализ по семантическим микросистемам и реконструкции праславянской лексике / В. В. Мартынов // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 11-24.
430. Мартынов В. В. Прусско-славянские эксклюзивные изолексы / В. В. Мартынов // Этимология. М.: «Наука», 1985. – С. 3-13.
431. Марченко О. Ю. Фонемна дистрибуція: історія вивчення / О. Ю. Марченко. Дис. на здобуття наукового ступеня канд. філол. наук, – Словєянськ, 2012. – 216 с.
432. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию / В. А. Маслова. – М.: «Наследие», 1997. – 206 с.
433. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. Учебное пособие / Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
434. Матвеев А. К. Этимология субстратных топонимов и апеллятивные заимствования / А. К. Матвеев // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 332-355.
435. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе. – М., 1954. – 99 с.
436. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М. Ленинград, 1938. – 510 с.
437. Мейе А. Основные особенности германской группы языков / А. Мейе. – М.: Изд во Моск. ун та, 1952. – 267.
438. Меладзе Е. О. Старославянизм торжество и его семантическая адаптация в русском языке / Е. О. Меладзе // Этимологические исследования по руському язику, вип. IX. Под ред. Н. М. Шанского. – М., Изд во Моск. Ун та, 1981. – С. 109-122.
439. Мельников Г. П. Лингвистические воззрения А. А. Потебни и типология языков / Г. П. Мельников // Сб. науч. трудов Наукова спадщина О. О. Потебні і сучасна філологія. – К.: Наукова думка, 1985. – 248 с. – С. 65 89.

440. Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма / А. С. Мельничук // Вопросы языкознания. – 1970. – № 1. – С. 19-32.
441. Мельничук А. С. О генезисе индоевропейского вокализма / А. С. Мельничук // Впросы языкознания, 1979, № 5, 6.
442. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира / А. С. Мельничук // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1991, № 2. – С. 27-42, № 3., С. 46-65.
443. Меркулова В. А. К этимологии некоторых названий растений / В. А. Меркулова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд. во Московского университета. – М., 1962. – С. 78-81.
444. Меркулова В. А. Славянское *žab- / В. А. Меркулова // Этимология. – М., 1963. – С. 72-80.
445. Меркулова В. А. Несколько диалектных названий растений / В. А. Меркулова // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 153-260.
446. Меркулова В. А. Заметки по истории и этимологии слов / В. А. Меркулова // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 79-92.
447. Меркулова В. А. Украинские этимологии / В. А. Меркулова // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 55-61.
448. Меркулова В. А. Восточнославянские этимологии / В. А. Меркулова // Этимология. – М.: Наука, 1985. – С. 39-47.
449. Микаилов К. Ш. Ещё несколько дагестанских аланизмов / К. Ш. Микаилов // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 333-338.
450. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
451. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Когнитивные аспекты языка: Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. – С. 281-309.
452. Мицык А. Л. Развитие значений слов праславянского происхождения в русском языке. / А. Л. Мицык Дисс. … канд. филол. наук. – Ростов на-Дону. 1981. – 232 с.
453. Младенов М. Названия черепахи в болгарском языке / М. Младенов // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 106-114.
454. Мокиенко В. М. К этимологии слов бочага, мочага, корчага. Из истории русской экспрессивной лексики / В. М. Мокиенко // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 146-165.
455. Мокиенко В. М. Повесить нос на квинту / В. М. Мокиенко // Этимологические исследования по руському язику, вип. IX. / Под ред. Шанского Н. М. – М., Изд-во Моск. ун та, 1981. – С. 122-131.
456. Муравицкая М. П. Семасиологические категории в украинском языке (Психолингвистический аспект) / М. П. Муравицкая: Дисс. … д ра филол. наук. – К. 1987. – 410 с.

457. Мусієнко В. П. Покликання та можливості когнітивної лінгвістики / В. П. Мусієнко // Актуальні проблеми менталінгвістики / Відповідальний за вип. Калько М. І. – К. – Черкаси.: «Брама», 1999. – С. 14-19.
458. Неделяева Т. Г. Семантические корреляции слов в родственных языках / Т. Г. Неделяева // Филологические науки. – 1976. – № 4. – С. 34-42.
459. Нерознак В. П. Архетип / В. П. Нерознак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990 – 685 с., С. 47.
460. Нерознак В. П. Сравнительно-исторический метод / В. П. Нерознак // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 485-486.
461. Нерознак В. П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун та, 1998. – С. 80 85.
462. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения / М. В. Никитин. – М.: Высш. шк., 1988. – 168 с.
463. Никитин М. В. Денотат-Концепт-Значение / М. В. Никитин // Чествуя филолога: Сб. ст., посвящённых 75-летию Ф. А. Литвина. – Орёл, 2002. – С. 169-180.
464. Никитина С. Е. О концептуальном анализе в народной культуре / С. Е. икитина // Логический анализ языка: Культурные концепты / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1991. – С. 117-123.
465. Никитина Ф. А. Влияние аналогии на словообразование: на материале родственных языков : монография / Ф. А. Никитина. – Киев : Издательство Киевского университета, 1973. – 197 с.
466. Николаева Т. М. Универсалии / Т. М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 535-536.
467. Никонов В. А. Против наглядных этимологий / В. А. Никонов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 90-102.
468. Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий / В. А. Никонов // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 103-115.
469. Никонов В. А. Опыт сравнения русских фамилий / В. А. Никонов // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 208-280.
470. Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий / В. А. Никонов // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 131-156.
471. Новиков А. И. Смысл как особый способ членения мира в сознании / А. И. Новиков // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с., С. 33-38.
472. Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 1: Проблемы языкового значения. – М., 2001. – 300 с.
473. Новикова Т. В. Заимствование культурных концептов / Т. В. Новикова // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации. Волгоград: Колледж, 2001. – С. 118-121.

474. Новодранова В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине / В. Ф. Новодранова // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент. – М.: Ин т языкознания РАН, 2001. – С. 247-251.
475. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21. Новое в современной индоевропеистике: Переводы / Редкол.: В. А. Звегинцев (пред.) и др.; Сост., вступ. ст. и общ. ред. Вяч. Вс. Иванов. – М.: Прогресс, 1988. – 560 с.
476. Общее и индоевропейское языкознание / отв. ред. В. А. Звегинцев. – М.: Изд. иностр. лит., 1956. – 199 с.
477. Огибенин Б. Л. Семантический аспект изучения ведийского поэтического языка в связи с проблемой реконструкции индоевропейского поэтического языка / Б. Л. Огибенин // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 307-331.
478. Одинцов Г. Ф. Два ногайских заимствования в русском языке / Г. Ф. Одинцов // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1973. – С. 195-204.
479. Одинцов Г. Ф. Из истории названий тул, колчан, сайдак (и его вариантов) в русском языке / Г. Ф. Одинцов // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 98-109.
480. Одинцов Г. Ф. К истории др.-рус. меч / Г. Ф. Одинцов // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 104-113.
481. Одри Ж. Индоевропейский язык / Ж. Одри // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 21. Новое в современной индоеврапеистике: Переводы / Редкол. В. А. Звегинцев (пред.) и др.; Сост., вступ. ст. и общ. ред. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Прогресс, 1988. – 560 с., С. 183-190.
482. Озерова Н. Г. Лексическая и грамматическая семантика существительного / Н. Г. Озерова / АН УССР. Институт языкознания им. А. А. Потебни. – К.: Наук. думка, 1990. – 192 с.
483. Озерова Н. Г. и др. Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / Н. Г. Озерова. – К.: Наук. думка, 2003. – 534 с.
484. Ольшанский О. Е. К вопросу о фазах опрощения / О. Е. Олышанский // Этимологические исследования по руському язику, вип. IX. Под ред. Шанского Н. М. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 131-142.
485. Опарина Е. О. Концептуальная метафора / Е. О. Опарина // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В. Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 65-77.
486. Османалиев Т. К истории русской военной терминологии / Т. К. Османалиев // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун-та, 1968. – С. 98-113.
487. Остгофф Г. и Бгугман К. Морфологические исследования в области индоевропейских языков Г. Остгофф, К. Бгугман // в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно-педагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 153-164.
488. Отин Е. С. К истории и этимологии слова харч (и) / Е. С. Отин // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 114-133.

489. Отин Е. С. К этимологии слова разгильдяй / Е. С. Отин // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 166-168.
490. Отин Е. С. Из этимологических исследований донской гидронимии (К вопросу о первичном звене в коррелятивной паре битюг // Битюг) / Е. С. Отин // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 228-229.
491. Отин Е. С. К этимологии одного славянского глагола речи / Е. С. Отин // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. Под ред. Шанского Н. М. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 142-167.
492. Откупщиков Ю. В. Об этимологии русских слов борона и борозда. Тюркское ли заимствование слово штаны? / Ю. В, Откупщиков // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун та, 1963. – С. 87-110.
493. Откупщиков Ю. С. Из истории индоевропейского словообразования / Ю. В. Откупщиков. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 323 с.
494. Откупщиков Ю. В. О топониме Тюмень / Ю. В. Откупщиков // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 134-141.
495. Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии / Ю. В. Откупщиков. – Спб.: Изд-во С Петерб. ун-та, 2001. – 480 с.
496. Павиленис Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
497. Панова Л. Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato» / Л. Г. Панова // Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред. Н Д. Арутюнова. – М., 2000. – С. 167-177.
498. Папина А. Ф. Происхождение славянской письменности / А. Ф. Папина. Учебное пособие для гимназий и студентов высших учебных заведений. – Обнинск, 1997. – 204 с.
499. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М., 1960. – 500 с.
500. Песоцкая И. В. Концептосфера слова «Боль» в русском языке / И .В. Песоцкая. Автореф. канд. дисс…10.02.02. – Минск, 2005. – 21 с.
501. Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватсткого языка / И. П. Петлева // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 114-157.
502. Петлева И. П. Праславянский слой лексики сербохорватского языка / И. П. Петлева // Этимология.1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 20-58.
503. Петлева И. П. О семантических истоках слов со значением ‘скупой’ в русском языке / И. П. Петлева // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка – М.: Наука, 1972. – С. 143-206.
504. Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике / И. П. Петлева // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 34-39.
505. Петренко В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М.: Изд во МГУ, 1988. – 207 с.

506. Півторак Г. П. Праслов'янська епоха у світі сучасних наукових даних / Г. П. Пывторак // Мовознавство., 1982, № 2, с. 32-43.
507. Півторак Г. П. Проблема східнослов'янської прамови / Г. П. Пывторак // Мовознавство: доповід. IV Міжнарод. конгр. україністів. – К.: Пульсари, 2002. – С. 268-272.
508. Пизани В. Этимология / В. Пизани. – М.; Изд во иностр. лит., 1956. – 188 с.
509. Пизани В. Etymologica parerga / В. Пизани. // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 159-168.
510. Пименова М. В. Категории языка и культуры // М. В. Пименова. Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць. – К.: Вид во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – Вип. 6. – 284 с. – С. 10-22.
511. Подкорытов Г. А. О природе научного метода / Г. А. Подкорытоа. – Л.: Изд во Ленинградск. ун та, 1988. – 224 с.
512. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию / М. М. Покровский. М.: Изд-во Аккад. Наук СССР, 1959. – 382 с.
513. Полякова Т. М. Лінгвокультурологічне відображення реалій козацької доби у словнику В. І. Даля / Т. М. Полякова // Мовознавство 2011. – № 4. – С. 46-55.
514. Пономаренко В. А. Очерки по сравнительной семасиологии германских, балтийских и словянских язіов / В. А. Пономаренко. – К. : Довіра, 2005. – 368 с.
515. Пономаренко В. А. Історичні та сучасні тенденції розвитку категорії звертання в індоєвропейських мовах / В. А. Пономаренко // Мовознавство. 2008. – № 4 5, с. 92-100.
516. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 158 с.
517. Попова З. Д., Стернин И. А. Интерпретационное поле национального концепта и методы его изучения / З. Д. опова, И. А. Стернин // Культура общения и её формирование. Вып. 8. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 27-30.
518. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки 2001. – 192 с.
519. Попова Н. С. Когнитивная метафора в концептосфере языка / Н. С. Попова // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Вып. 2. – Тамбов, 1999. – С. 128-134.
520. Попова Т. Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков) / Н. С. Попова. – М.: Изд-во МГОУ Народный учитель, 2003. – 145 с.
521. Попова Т. О. Психосемантика універсальних етнічних концептів в етномовній картині світу / Т. О. Попова: автореф. дис …канд. филол. наук: 10.02.15. – К., 2004. – 21 с.
522. Попова Т. О. Психолінгвістичні кореляти концептів добро і зло / Т. О. Попова // Мовні і концептуальні картини світу. – К., 2002. – № 6. – Кн. 2. – С. 110-113.
523. Постовалова В. И. Историческая фонология и её основания: опыт логико-методологического анализа / В. И. Постовалова. – М.: Наука, 1978. – 203 с.
524. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 8-70.

525. Потебня А. А. Изъ записокъ по русской грамматике. I Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замены. Составилъ А. Потебня Изданіе 2-е, испр. и доп. Харьковъ. Изданіе книжнаго магазина Д. Н. Полуехтова, 1888. – 535 с.
526. Потебня А. А. Из лекций по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков, 1894. – 162 с.
527. Потебня А. А. Мысль и языкъ. 3-е изданіе, дополненное статьями «Языкъ и народность» и «О націонализме». Харьковъ. Типографія «Мирный трудъ», Девичья улица, № 14 й, 1913. – 225 с.
528. Потебня А. А. Из записок по теории словестности / А. А. Потебня. – Харьков, 1905. – 652 с.
529. Потебня А. А. Полное собрание сочинений. Мысль и язык / А. А. Потебня. Под ред. Комитета по изданию сочин А. А. Потебни при всеукр. АН. Т. 1, изд. 4. Пересмотр и исправлен. с вводн. ст. В. И. Харциева. Одесса, Госиздат Украины, 1922. XXIX, 188 с.
530. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня.: В 4 т. – Т. ½. – М.: Учпедгиз, 1958. – 536 с.; Т. 3. – М. : Просвещение. 1968. – XIV, 551 с.; Т. 4. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 320 с.
531. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. – М.: Искусство, 1976. – 614 с.
532. Потебня А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 624 с.
533. Потебня А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня. – К.: СИНТО, 1993. – 192 с.
534. Проценко Б. Н. Название белки врусском языке и некоторых других славянских языках / Б. Н. Проценко // Этимологические исследования по русскому языку, вип. IX. / Под ред. Шанского Н. М. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1981. – С. 167-168.
535. Проценко Б. Н. История названий животных в славянских языках / Б. Н. Проценко. Дисс. … канд. филол. наук. – Минск, 1985. – 252 с.
536. Пропп В. Я. (Собрание трудов) Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – М.: «Лабиринт», 1998. – 512 с.
537. Радзієвська Т. В. Концепт шляху в українській мові: поєднання ідеї простору і руху / Т. В. Радзієвська // Мовознавство. – К., 1997. – № 4 5. – С. 17-26.
538. Радзієвська Т. В. Сумління й совість крізь призму української мови / Т. В. Радзієвська // Мовознавство. – 1999. – № 1. – С. 31-39.
539. Радзієвська Т. В. Мова та історія / Т. В. Радзієвська: зб. наук. праць. Вип. 82. Вип. на пошану докт. філол. наук. проф. С. К. Росовецького. – К., 2005. – 196 с.
540. Раевский М. В. К этимологии немецкого прилагательного gesund / М. В. Раевский // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 264-266.
541. Раск Р. Исследования в области жревнесеверного языка или происхождение исландского языка / Об этимологии вообще / Р. Раск // в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно педагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 36-47.

542. Рахлина Е. В. Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахлина // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. – М., 1997. – С. 370-389.
543. Реформатский А. А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия / Реформатский А. А. – М.: Наука, 1970. – 389 с.
544. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский: Учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. − М., «Аспект Прессы», 2003. − 536 с.
545. Риков Г. Т. Этимологические заметки / Г. Т. Риков // Этимология. – М.: «Наука», 1985. – С. 148 151.
546. Ройзензон Л. И. «Несобранные» слова русского языка. Об одной группе славянских топонимов / Л. И. Ройзензон // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 141-143.
547. Ройзензон Л. И. «Вторичное включение» как явление словообразования / Л. И. Ройзензон // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 168-175.
548. Ройзензон Л. И., Агафонова Н. К методике составления этимологического словаря по русскому языку / Л. И. Ройзензон, Н. К. Агафонова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 176-179.
549. Русанівський В. М. Семантичні процеси розвитку української лексики / В. М. Русанівський // Історія української мови. Лексика і фразеологія. – К.: Наук. думка, 1983. – С. 660-715.
550. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1994.– 608 с.
551. Рядчикова Е. Н., Кушу С. А. Адыгейский менталитет и языковая картина мира Т. Керашева в лингвокультурных концептах / Е. Н. Рядчикова, С. А. Кушу.: ООО Аякс, 2004. – 138 с.
552. Садник Л. К проблеме этимологическо-грамматических связей / Л. К. Садник // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 3-11.
553. Сандлер А. М. О слове космос и его спутниках / А. М. Сандлер // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 150-157.
554. Сандлер А. М. Креатура / А. М. Сандлер // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 180-181.
555. Сахно С. Л. «Своё» и «чужое» в концептуальных структурах / С. Л. Спхно // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М., 1991. – С. 95-101.
556. Свердлов Л. Г. О некоторых отглагольных именах существительных / Л. Г. Свердлов // Этимологические исследования по русскому языку.

Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 111-128.
557. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология / Е. А. Селиванова. – К., 2000. – 156 с.
558. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми / О. О. Селиванова: підручник. – Полтава: Довкілля. – К., 2008. – 712 с.
559. Сендровиц Е. М. Синонимия производных значений у названий частей человеческого тела / Е. М. Сендровиц // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 182-197.
560. Сендровиц Е. М. О сложениях с морфемой -люб- в древнерусском и русском языках / Е. М. Сендровиц // Этимологические исследования по руському язику, вип. IX. Под ред. Н. М. Шанского. – М., Изд-во Моск. ун та, 1981. – С. 167 170.
561. Сепир Э. Язык / Э. Серир. – М. Л. : Соцэкгиз, 1934. – XIX. – 223 с.
562. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Серир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
563. Сергеев В. Н. К этимологии слова маринист / В. Н. Сергеев // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 129-135.
564. Серебренников Б. А. Проблема взаимоотношения общей методологии, лингвистической науки и частных методов лингвистического исследования / Б. А. Серебренников // Общее языкознание: методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1973. – С. 257-313.
565. Серебренников Б. А. Этимологические заметки / Б. А. Серебренников // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 207-215.
566. Сібрук А. В. Структура та семантика назв прикрас (на основі пам'яток XI – XIV ст.) / А. В. Сібрук / автореф. дис. канд. філол. наук. – К., 2011. – 17 с.
567. Синиця І. А. Етноніми та етнотопоніми як термінологічна лексика в історичних працях М. І. Костомарова / І. А. Синиця // Укр. термінологія і сучасність: Зб. наукових праць. – Вип. VI. – К.: КНЕУ, 2005. – С. 333-337.
568. Скляренко В. Г. Етимологічні розвідки 6 / В. Г. Скляренко // Мовознавство. – 1997. – № 5 4. – С. 11-16.
569. Скляренко В. Г. Етимологічні розвідки 8 / В. Г. Скляренко // Мовознавство. – 2009. – № 1. – С. 3-13.
570. Скляренко В. Г. Етимологічні розвідки. 9 / В. Г. Скляренко. // Мовознавство. – 2010. – № 1. – С. 3-13.
571. Скляренко В. Г. Етимологічні розвідки. 10 / В. Г. Скляренко // Мовознавство. – 2010. – № 4 5. – С. 14-21.
572. Скляренко В. Г. Етимологічні розвідки. 11 / В. Г. Скляренко // Мовознавство. – 2011. – № 5 5. – С. 3-10.
573. Слухай Н. В. Мифопоетична мова етносу: деякі ознаки і типи значень / Н. В. Слухай // вісник КІСУ. – вип. 3. Філологія. – К.: КІСУ, 1999. – С. 77-90.

574. Слышкин Г. Г. Концепт чести в американской и русской культурах (на материале толковых словарей) / Г. Г. Слышкин // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С. 54-60.
575. Слышкин Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
576. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
577. Смирнова О. Г. Проблемы энантеосемии в исторической лексикологии. / О. Г. Смирнова // Дисс. … канд. филол. наук. – М., 1976. – 243 с.
578. Снитко Е. С. Внутренняя форма номинативных единиц / Е. С. Снитко. Львов: Світ, 1990. – 188 с.
579. Соколов О. М. Вопросы структурно-семантической дивергенции в лексике / О. М. Соколов / Отв. ред. С. О. Соколова. – Нежин: ТОВ «Гідромакс», 2009. – 332 с.
580. Соколова М. А. Очерки по исторической грамматике русского языка / М. А. Соколова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 312 с.
581. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Соссюр Ф. де. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
582. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Соссюр Ф. де. Пер. с фр. / Под ред. и с примеч. Р. И. Шор. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Ком Книга, 2006. – 206 с. (Лингвистическое наследие XX века).
583. Срезневский И. И. История русского языка / И. И. Срезневский : курс 1849 – 50 года. Составлял г. Чернышевский // Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 93-132.
584. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1975. – 311 с.
585. Степанов Ю. С. Метод / Степанов Ю. С. // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Сов. Энциклопедия, 199. – 685 с., С. 298-299.
586. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов.: Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.
587. Степанов Ю. С. Семиотика концептов / Ю. С. Степанов // Семиотика: антология / Сост. Ю. Степанов, изд. 2-е. – М.: Академич. Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001, – 702 с.
588. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю.С.Степанов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 312 с.
589. Степанов Ю. С. Протей: очерк хаотической революции / Ю. С. Степанов. – М., 2004. – 264 с.
590. Стрелков П. Н. К вопросу о возникновении приставочных глаголов со связанными основами / П. Н. Стрелков // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 136-144.

591. Сукаленко Н. И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания / Н. И. Сукаленко. : Дис… д-ра филол. Наук: 10.02.15. – Харьков, 1991. – 316 с.
592. Супрун А. Е. К этимологии слова полтина / А. Е. Супрун // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 109-116.
593. Супрун А. Е. Среднеазиатская лексика в русском языке / А. Е. Супрун // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 145-159.
594. Супрун А. Е. О комплексном подходе к построению славянской сопоставительной лексикологии / А. Е. Супрун // В кн.: Теоретическое и методологические проблемы сопоставительного изучения славянских языков. – М., 1994. – С. 38-51.
595. Тагунова В. И. Волокита / В. И. Тягунова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 158-165.
596. Тараненко О. О. Полісемічний паралелізм і явище семантичної аналогії / О. О. Тараненко. – К.: Наук. думка, 1980. – 115 с.
597. Тараненко О. О. Відображення суспільного сприйняття світу в семантиці мови / О. О. Тараненко // Мова і культура. – К.: Наук. думка, 1986. – С. 91-137.
598. Тараненко О. О. Місце метафори у словотворчих процесах / О. О. Тараненко // Мовознавство. – 1986. – № 3. – С. 11-17.
599. Тараненко А. А. Языковая семантика в её динамических аспектах / АН УССР. Ин-т языковедения и. А. А. Потебни. – К.: Наук. думка, 1989. – 256 с.
600. Тарасова Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасова // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с., С 24-32.
601. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 267 с.
602. Телия В. Н. Коннотатиный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия / Отв. ред. А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
603. Телия В. Н. Номинация / В. Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 336-337.
604. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1996. – 288 с.
605. Терехова С. І. Референція в системі орієнтаційних репрезентацій української, російської та англійської мов (поліпарадигмальне дослідження) // С. І. Терехова, автореф. дис. док. філол. наук. – Донецьк, 2012. – 40 с.
606. Теркулов В. И. Семантическая деривация и концепт // В. И. Теркулов. Система і структура східнослов'янських мов : зб. наук. праць. – К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2012. – Вип. 6. – 284 с. – С. 112-118.

607. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
608. Тер Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики… / С. Г. Тер Минасова: учеб. пособие, С. Г. Тер Минасова. – М.: АСТ: Аристотель: Хранитель, 2007. – 286 [2] с.
609. Тищенко О. В. Обрядова семантика у слов'янському просторі / О. В. Тищенко. – К. 2000. – 236 с.
610. Ткаченко О. Б. Етимології слів / О. Б. Ткаченко // Укр. мова в школі, 1959. № 2. – С. 65-67.
611. Ткаченко О. Б. Проблемы и принципы реконструкции лексики дославянских субстрактных языков. Источники и критерии (на материале мерянского языка) / О. Б. Ткаченко // Этимология. 1984. – М. – Наука. – 1986. Внадзаг. АН. СССР. Ин-т рус. яз. – С. 20-205.
612. Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значеним субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имён греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. / А. И. Толкачёв // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 109-131.
613. Толстой Н. И. Избран. труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология / Н. И. Толстой. – М.: Язык русской культуры, 1997. – 520 с.
614. Толстой Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии / Н. И. Толстой. // Слаянское языкознание. VI Межд. съезд славистов. – М., 1968. – С. 339-365.
615. Толстой Н. И. Славянгская географическая терминология. Семосиологические этюды / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1969. – 262 с.
616. Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
617. Топоров В. Н. Из этимологии енисейских языков (К вопросу об одном ряде соотпктствий пумпокольскому I / В. Н. Топоров // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: Наука, 1967. – С. 311-320.
618. Топоров В. Н. О происхождении нескольких русских слов (К связям с индо-иранскими источниками) / В. Н. Топоров // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 21-45.
619. Топоров В. Н. К семье анатолийск. kat(a) др.-греч. Χατά / В. Н. Топоров // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 286-297
620. Топоров В. Н. Из индоевропейской этимологии. V (1) / В. Н. Топоров // Этимология. 1991– 1993. – М. : Наука, 1994. – С. 126-154.
621. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс, Культура, 1995. – 624 с.
622. Топоров В. Н. Язык и миф / В. Н. Топоров // Известия АН. Сер. Литературы и язика. – 2000. – Т. 59. – № 5. – С. 14-20.
623. Тропина Н. П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование (монография). – Херсон: Изд. ХГУ, 2003. – 336 с.

624. Трубачёв О. Н. История славянских терминов родства и некоторіх древнейших терминов общественного строя / О. Н. Трубачёв. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 212 с.
625. Трубачёв О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. (Этимологические исследования) / О. Н. Трубачёв. – М.: Изд-ва Акад. наук СССР, 1960. – 115 с.
626. Трубачев О. Н. Славянские этимологии / О. Н. Трубачёв // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 26-43.
627. Трубачёв О. Н. Заметки по старославянской этимологии (боляринъ, врачь) / О. Н. Трубачёв // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун та, 1963. – С. 160-168.
628. Трубачёв О. Н. О составе праславянского словаря / О. Н. Трубачёв // Славянское языкознание. V Межд. съезд славистов. – М, !963. – С. 159-197.
629. Трубачев О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений / О. Н. Трубачёв // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 3-81.
630. Трубачёв О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике / О. Н. Трубачёв // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 24-68.
631. Трубачёв О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике / О. Н. Трубачёв // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 3-20.
632. Трубачёв О. Н. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имён / О. Н. Трубачёв // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1973. – С. 80-86.
633. Трубачёв О. Н. Несколько древних латинско-славянских праллелей / О. Н. Трубачёв // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. – С. 3-16.
634. Трубачёв О. Н. Этимологические исследования и лексическая семантика / О. Н. Трубачёв // В кн.: Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 147-179.
635. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном причерноморье. Этимологии / О. Н. Трубачёв // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 140-148.
636. Трубачёв О. Н. Реконструкция слов и их значений / О. Н. Трубачёв // Славнское языкознание. X Межд. съезд славистов. – М., 1988.
637. Трубачёв О. Н. Славянская филология и сравнительность. От съезда к съезду / О. Н. Трубачёв // Славянское языкознание. XII Межд. съезд славистов. – М, 1998. – С. 3-33.
638. Трубачёв О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура / О. Н. Трубачёв. Т. 2. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 664 с. (Opera etimologica. Звук и смысл).
639. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии / Н. С. Трубецкой. – М.: Наука, 1987. – 251 с.

640. Трубецкой Н. С, Общеславянский элемет в русской культуре / Н. С. Трубецкой // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 121-139.
641. Трубецкой Н. С. Проблема родства между большими языковыми семьями / Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. – М., 1987. – С. 60-61.
642. Туева И. А. О слове пожалуй / И. А. Туева // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 197-202.
643. Ужченко В. Базові концепти в культурно-національній семантиці східнослов'янської ідеоматики (вітер) / В. Ужченко // Вісник Луганського держ. Пед. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка. – Сер. «Філологічні науки». – № 10. – Луганськ, 2003. – С. 234-239.
644. Улуханов И. С. Подражать / И. С. Улуханов // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд. во Московского университета. – 1962. – С. 153-158.
645. Улуханов И. С. История слов горожанин-гражданин / И. С. Улуханов // этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1968. – С. 166-178.
646. Ульманн С. Семантические универсалии / С. Ульманн // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. – М.: Прогресс, 1970. – 300 с., С. 250-298.
647. Ульянова Н. П. Внутренняя форма как компонент семантики лексических единиц / Н. П. Ульянова // сб. научн. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 213. – М., 1983. – С. 134-146.
648. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 462 с., С. 135-169.
649. Урысон Е. В. Архаичные представления в русской языковой картине мира / Е. В.Урысон: Дис… д. филол. наук: 10.02.02. М., 1997.– 418 с.
650. Урысон Е. В. Пробдемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В.Урысон. – М., 2003. – 224 с.
651. Усачева В. В. Материалы для словаря славянских названий рыб / В. В. Усачева // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 65-95.
652. Усачева В. В. Из опыта сопоставительного изучения терминологических систем в славянских язиках / В. В. Усачева // Теоретические и методологические проблемы сипоставительного язучения славянских языков. – М., 1994. – С. 56-67.
653. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
654. Уфимцева А. А. Знак языковой / А. А. Уфимцева // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с., С. 167.
655. Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования / Т. Н. Ушакова // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М., 2000. – 320 с., С. 13-23.

656. Федорчук Е. В. Типы семантических отношений в межъязыковой омонимии (на материале русского и украинского языков) / Е. В. Федорчук // В кн.: Семантика языковых единиц и категорий в диахронии. Сб. научн. тр. – Калининград, 2001. – С. 142-151.
657. Фенрих Х. Об одной картвельской реконструкции / Х. Фенрих // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1975. –С. 173 175.
658. Филин Ф. П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи / Ф. П. Филин. – Л., 1949. – 288 с.
659. Финкель А. М. О слове шаматон в русаком языке / А. М. Финкель // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд во Московского ун та, 1963. – С. 168-175.
660. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковеденіе (общий курс). Лекціи З. П. Филиппа Федоровича Фортунатова. Чит. Въ 1901 – 1902 ак. г. М.: Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д. 1901. – 256 с.
661. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Задачи языковедения и связь его с другими науками Ф. Ф. Фортунатов // в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно педагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 201-225.
662. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды / Фортунатов Ф. Ф. – М.: Учпедгиз, 1956. – М. – 449 с.
663. Франчук В. Ю. Олександр Опанасович Потебня / В. Ф. Франчук / відп. ред. В. М. Русанівський. – К.: Наук. думка, 1985, – 168 с.
664. Франчук В. Ю. Олександр Опанасович Потебня. Сторінки життя і наукової діяльності / В. Ю. Франчук. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. – 376 с.
665. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика / Г. Фреге. – Вып. 8. – М: ВИНИТИ, 1977. – С. 181-200.
666. Фрезер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Дж. Фрезер: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1980. – 831 с.
667. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии / З. Фрейд – СПб. : Алтейя, 1997. – 222 с.
668. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг – .М.: Наука, 1991. – 456 с.
669. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога / Р. М. Фрумкина // Научно техническая информация, 1992. Серия 2, № 3. – С. 3-29.
670. Хабургаев Г. А. Старославянский язык / Хабургаев Г. А. – М. : Просвещение, 1974. – 432 с.
671. Хашимов Р. И. Русско-восточные связи как отражение картины языковых и культурных контактов (Афанасий Никитин как билингвальная языковая личность) / Р. И. Хашимов // в сб.: Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 7. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2009. – 321 с.

672. Хижняк Л. Г. Концепт «свобода-воля» в современной коммуникации / Л. Г. Хижняк // Проблемы речевой коммуникации: Сб. науч. Тр. Саратов: Изд-во Саратов. Ун-та, 2000. – С. 69-75.
673. Ховалкина А. А. О типах соответствий в общеславянской лексике / А. А. Ховалкина // РЯШ. – 1978. – № 1. – С. 79-83.
674. Храсекин А. И. Несколько замечаний о попытках интерпретации этрусских надписей из Пирги / А. И. Храсекин // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1971. – С. 231-237.
675. Хомский Н. Синтаксические структуры / Н. Хомский.: пер. с англ. Т. Н. Молошной // Новое в лингвистике, вып. 2, сост. В. А. Звегинцев. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – С. 412-526.
676. Хубшмид И. Методы исследования дороманского и средиземноморского субстрата / И. Хубшмид // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 235-247.
677. Хэмп Э. Miscellanea / Э. Хэмп // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1972. – С. 263-271.
678. Хэмп Э. (Чикаго) Слав. * vonja / Э. Хэмп // Этимология. – М.: Наука, 1985. – С. 64-65.
679. Царенко Е. И. Некоторые фонетические особенности языка кечуа / Е. И. Царенко // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4. – С. 113-117.
680. Цейтлин Р. М. Заметки по старославянской лексикологии / Р. М. Цейтлин // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 102-114.
681. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка / Р. М. Цейтлин. – М.: Наука, 1977. – 336 с.
682. Цейтлин Р. М. Лексика славянских языков X–XI – XIV–XV вв. / Р. М. Цейтлин // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. – М., 1988. – С. 369-389.
683. Чайкина Ю. И. Ещё раз о слове кулига / Ю. И. Чайкина // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 176-186.
684. Чейф Л. Значение и структура языка / Л. Чейф / Пер с англ. Г. С. Щура. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
685. Чистилин Е. А. Слово число в «Арифметике» Л. Ф. Магницкого / Е. А. Чистилин // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II // Под ред. Кузнецова П. С. / Изд.-во Московского университета. – М., 1962. – С. 172-190.
686. Чумакова Ю. П. О происхождении одного диалектного ткаческого термина / Ю. П. Чумакова // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VI // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун та, 1968. – С. 179-188.
687. Чумакова Ю. П. Замечания к географии и этимологии слов рядно, ряднина / Ю. П. Чумакова // Этимология. 1968 / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1971. – С. 171-176.
688. Чумакова Ю. П. Из этимологических примечаний к лексике рязанских говоров / Ю. П. Чумакова // Этимология. М.: Наука, 1985. – С. 101-104.

689. Шагиров А. К. Этимологический разбор кабардинской песенной фраз уэрейдэ рейдэ оу (или у-э-э) редэдэ махуэ / А. К. Шагиров // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 368-371.
690. Шагиров К. К этимологии топонима Мацеста / А. К. агиров // Этимология. 1973. / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1975. – С. 175-177.
691. Шагиров А. К. О тюркизмах в абхазо-адыгских языках / А. К. Шагиров // Этимология. – М.: «Наука», 1985. – С. 159-164.
692. Шаклеин В. М., Лопухина Р. В. Семантическое поле концепта Стыд в русской языковой картине мира / В. М. Шаклеин, Р. В. Лопухина // Русский язык за рубежом, 4 / 2003. – С.-П. – С. 32-37.
693. Шанский Н. М. Несколько русских этимологий / Н. М. Шанский // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. II / Под ред. Кузнецова П. С. / Изд. во Московского университета. – М., 1962. – С. 130-138.
694. Шанский Н. М. Замечания об этимологизации заимствованных слов в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера / Н. М. Шанский // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. IV / Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1963. – С. 179-184.
695. Шанский Н. М. Слова с приставкой ко- и её алломорфами в русском языке / Н. М. Шанский // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII // Под ред. Шанского Н. М. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. – С. 203-213.
696. Шанский Н. М. В мире слов / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1985. – 255 с.
697. Шанский Н. М. Сопоставительное изучение языков и обучение русскому языку нерусских / Н. М. Шанский // В кн.: Н. М. Шанский. Русское языкознание и лингводидактика, избранные работы. – М., 1985. – С. 224-227.
698. Шанский Н. М. Сходство и различие в номинативных системах языков / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1991. – № 2. – С. 72-74.
699. Шаур В. К вопросу о реконструкции праславянских названий месяцев / В. Шаур // Этимология. 1971. / Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1973. – С. 93-101.
700. Шахматов А. А. Очерки древнейшего периода истории русского языка / Шахматов А. А. – М. : Индрик, 2002. – XXVIII, II, L,. – 369 с.
701. Шведова Н. Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» / Ю. Н. Шведова // Вопросы языкознания, 1999, №1.
702. Шеворошкин В. В. Этимологические заметки / В. В. Шеворошкин // Этимология. 1965. Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам / АН СССР. Ин-т русского языка. – М.: «Наука», 1967. – С. 229-234.
703. Шкатова Л. А. Принципы и методика лингвокультурологического анализа / Л. А. Шкатова // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Тез. Международ. Науч. практ. конф. 7-9 декабря 2001 г. – Челябинск: Челяб. госуд. ун-т, 2001. – С. 14-20.
704. Шлейхер А. Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков / А. Шлейхер // в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно-пе-

дагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 89-92.
705. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А. Д. Шмелёв // Русский язык в школе. – 1996. – № 4. – С. 83-90.
706. Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке / А. Д. Шмелёв // Вопросы языкознания. – 1958. – № 6. – С. 63-75.
707. Шмелев Д. Н. Основные процессы в лексике современных восточнославянских языков / А. Д. Шмелёв // Славянское языкознание VI Межд. съезд славистов. – М., 1968. – С. 393-406.
708. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / А. Д. Шмелёв. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
709. Штейнталь Г. Грамматика, логика и психология (их принципы и взаимоотношения) / Организм. Принцип и индивидуальность языка / Г.Штейнталь // в кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Часть I, М.: Государственное учебно педагогичнское издательство министерства просвещения РСФСР, 1960. – 406 с., С. 108-116.
710. Шустер Швец Х. Сербо Лужицкие этимологии / Х. Шустер-Швец // Этимология. 1970. / Ин-т русского языка. – М.: Наука, 1972. – С. 85-90.
711. Шухардт Г. Избранные статьи поязыкознанию / Г. Шухардт: Пер с нем. / Ред., предисл. и примеч. Р. А. Будагова. Изд. 2 е. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.
712. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. – М. : Учпедгиз, 1957. – 187 с.
713. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
714. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 242 с.
715. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. Пер с англ. – К.: Port-Royal, 1996. – 384 с.
716. Юнг К. Г. Символы трансформации / К. Г. Юнг. – М. : АСТ Москва, Мидгард, 2008. – 736 с.
717. Яворская Г. М. О концепте «Дом» в украинском языке / Г. М. Яворская // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 716-727.
718. Язык и ментальность: Текст и концепт: Вып.1 / Под ред. проф. В. В. Колесова. – СПб.: Политехника, 2004. – 157 с.
719. Языковое сознание и образ мира. Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М.: РАН Ин т яз я, 2000. – 320 с.
720. Якобсон Р. О. Избранные работы / Якобсон Р. О. – М., 1985. – 264 с.
721. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира: (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
722. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопр. Языкознания. – М., 1998. № 3. –С. 43-73.

723. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. – М. : Учпедгиз 1953. – 368 с.
724. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков / В. Н. Ярцева // Филологические науки. – 1960. – № 1. – С. 3-14.
725. Ясіновська О. Il nome dell'amore: концепт любов і слово любов у текстах нового завіту / О. Ясіновська // Вісник Львів. ун-ту, 200. Вип. 29. – С. 152.

Справочная литература

726. Антология концептов: словарь / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007, – 511 с.
727. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
728. Баранов Х. К. Арабско русский словарь в 2 х тт. Ок. 42000 слов / Х. К. Баранов. – 8 е изд., стереотип. – М.: Русский язык., 1996. – 456 с.
729. Белкин В. М. Карманный арабско-русский словарь / В. М. Белкин: Ок. 9400 слов – 2 е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1986. – 528 с.
730. Большой испано русский словарь / Л. М. Калво, изд. 2-е. – М.: «Эспаньол». 1997. – 861 с.
731. Большой словарь иностранных слов / А. Н. Булыко. – М., 2008. – 704 с.
732. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998. – 1535 с.
733. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка / Н. В. Горяев. – Тифлис, 1896. – 451 с.
734. Грицанов А. А., Можейко М. А., Румянцева Т. Г., Мерцалова А. И. Новейший философский словарь: 3-е изд., испр. – М.: Книжный дом, 2003. – 1280 с. – URL.: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/
735. Добровольская Ю. Г. Современный русско итальянский словарь / Ю. Г. Добровольская. Гомель, ЛИНГВИСТИКА, 2001. – 1052 с.
736. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 1: А – Г. – К.: Наук. думка, 1982. – 631 с.
737. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 2: Д – Копці. – К.: Наук. думка, 1985. – 570 с.
738. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 3: Кора – М. – К.: Наук. думка, 1989. – 552 с.
739. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 4: Н – П./ Уклад. Р. В. Болдирєв та ін.; ред. тому: В. Т. Коломієць, В. Г. Скляренко. – К.: Наук. думка, 2003. – 656 с.

740. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 5: Р – Т. / Уклад. Р. В. Болдирєв та ін. – К.: Наук. думка, 2006. – 704 с.
741. Етимологічний словник української мови: в 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні; Редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 6: У – ь. / Уклад. Г. П. Півторак [та ін.] – К.: Наук. думка, 2012. – 568 с.
742. Зорько Г. Ф., Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Новый итальянско-русский словарь / Г. Ф. Зорько, Б. Н. Майзель, Н. А. Скворцова. – М.: Рус. яз., 1995. – 1018 с.
743. Итальянско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я. И. Рецкера. – М.: «Русский язык», 1982. – 1056 с.
744. Королёв К. Энциклопедия сверхъестественных существ / К. Королёв. – М.: Локид; Миф, 1997. – 592 с.
745. Красновский В. Н., Шарбатов Г. Ш. Карманный русско арабский словарь: Ок. 11 000 слов – 2 е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1992. – 560 с.
746. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 944 с. – (Библиотека словарей).
747. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
748. Майзель Б. Н., Скворцова Н. А. Русско итальянский словарь: в 2-х тт. 65000 словарных статей. с прил. морфологических таблиц русского языка, сост. д. ф. н. А. А. Зализняком. – М.: Рус. яз., 1995. – 504 с.
749. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: Гуманит. изд. Центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.: илл.
750. Матвеева Т. В. Учебный словарь: Русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
751. Мифология. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – 4-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 736 с.
752. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. – Т. 1. А – К. – 671 с. с ил.
753. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. – Т. 2. К – Я. – 791 с. с ил.
754. Оскфордский русско-английский словарь / сост. Маркус Уиллер. – М.: Престиж. Баркалая и К, 1998. – 913 с.
755. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 х т. / А. Г. Преображенский. – М., 1959, т. 1 А – О, 717 с.; т. 2 П – Я, 1284 с.
756. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К, 2006. – 716 с.
757. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля. – К., 2010. – 844 с.
758. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1, А – Ф, М.: Международные отношения, 1995. – 577 с.
759. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 2, Д – К, М.: Международные отношения, 1999. – 697 с.

760. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 3, К (Круг) – П (Перепёлка), М.: Международные отношения, 2004. – 697 с.
761. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер. Пер. с англ. С. Палько. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 448 с.: ил
762. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1 (А – *besědьlivъ) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1974. – 214 с.
763. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 2 (*bez – *bratrъ) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1975. – 238 с.
764. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 3 (*bratrьcь – *cьrky) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1976. – 199 с.
765. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4 (*čaběniti – *dělza) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1977. – 235 с.
766. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 5 (*dělo – *dьržьlь) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1978, – 232 с.
767. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 6 (*e – *golova) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1979 – 222 с.
768. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 (*golvačь – *gyžati) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
769. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*xa – *jьvъlga) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1981. – 252 с.
770. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 9 (*jьz – *klenьje) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1983. – 197 с.
771. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 10 (*klepačь – *konь) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1983. – 198 с.
772. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 11 (*konьcь – *kotьna(ja)) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1984. – 220 с.
773. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 12 (*koulъkъ – *kroma / *kromъ) Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1985. – 186 с.
774. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 13 (*kroměžirъ – *kyžiti) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1987. – 285 с.

775. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 14 (*labati – *lěteplъtь) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1987. – 268 с.
776. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 15 (*lětina – *lokačь) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1988. – 264 с.
777. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 16 (*lokadlo – *lъživьcь) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
778. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 17 (*lъžь – *matješьnъjь) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1990. – 272 с.
779. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 18 (*matoga – *mekyšьka) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1993. – 255 с.
780. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 19 (*mes(ʻ)arъ – *morzakъ) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1993. – 254 с.
781. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 20 (*morzatьtъjь – *mъrsknoti) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1994. – 256 с.
782. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 21 (*mъrskovatъjь – *nadějьnъjь) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1994. – 236 с.
783. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 22 (*naděliti – *narodъ) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1995. – 255 с.
784. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 23 (*narodьnъjь – *navijakъ) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1996. – 239 с.
785. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 24 (*navijati (se) / *navivati (se) – *nerodimъ(jь)) Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1997. – 234 с.
786. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 25 (*neroditi – *novotьnъ(jъ)) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1999. – 238 с.
787. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 26 (*novoukъ(jь) – *obgorditi) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1999. – 237 с.
788. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 27 (*obgordja / *obgordjь – *oblězati) Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2000. – 247 с.

789. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 28 (*oblězti – *obpovědanьje) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2001. – 268 с.
790. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 28 (*obpovědati – *obsojьnica) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2002. – 253 с.
791. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 30 (*obsojьnikъ – *obvedьnъjь) / Под ред. чл корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2003. – 269 с.
792. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 31 (*obvelčenьje – *obžьniviny) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2005. – 258 с.
793. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 32 (*obžьnъ – *orzbotati) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2005. – 261 с.
794. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 33 (*orzbotěti – *orzmajati (se)) / Под ред. чл. корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2007. – 284 с.
795. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 34 (*orzmajь – *orzstegajь) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2008. – 307 с.
796. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 35 (*orzstegati (se) – *orzъjьti (se)) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2009. – 233 с.
797. Трубачёв О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 36 (*orz(ъ)zeleněti / *orz(ъ)zeleneti – *otъgrěbati) / Под ред. чл-корр. АН СССР О. Н. Трубачёва. – М.: Наука, 2010. – 260 с.
798. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, т. I (А Д), 1986. – 573 с.
799. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, т. II (Е М), 1986. – 671 с.
800. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Астрель АСТ, т. III (М С), 2003. – 831 с.
801. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М.: Прогресс, т. IV (Т Я), 1973. – 852. с.
802. Философский словарь / Под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина, изд. 2 е. – М.,1968. – 432 с.
803. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка / Г. П. Цыганенко. – К.: Радянська школа, 1970. – 597 с.
804. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей / Н. М. Шанский / Под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
805. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – М.: Прозерпина, 1994. – 400 с.

806. Breve diccionario etimológico de la lengua castellana / Joan Coromines (2010): Breve diccionario etimológico de la lengua castellana. Tercera edición muy revisada y mejorada, editorial gredos, 2010. – 596 p.
807. Collins English dictionary, Third edition, Harper Collins Publishers, 1991. – 1791 p.
808. Dizionario etimologico / redazione Diego Meldi (2005): Dizionario etimologico. Edizione Aggiornata. Rusconi libri. – Trento, 2005. – 1245 p.
809. Il Nuovo Etimologico DELI – Dizionario Etimologico della Lingua Italiana di Manlio Cortelazzo e Paolo Zolli, Bologna, 1999. – 1184 p.
810. Magyar – orosz útiszótár.: terra Budapest, 1961. – 768 l c.
811. Quechua Español Diccionario. Corporacion editorial chirre s. a., Lima. – 160 p.
812. Soto Ruiz Clodoaldo / Quechua: manual de enseñanza / Clodoaldo Soto Ruiz .: IEP Istituto de Estudios Peruanos, Lima, 2006. – 442 p.

Литература на итальянском языке

813. Migliorini Bruno, Storia della Lingua Italiana, Introduzione di Ghino Chinassi, Saggi tascabili, giugno 1994. – 761 p.
814. Pisani Vittore. Le lingue dell'Italia antica oltre il latino / Seconda edizione fondamentalmente riveduta e notevolmente accresciuta., Torino.: Rosenberg & Seller. – 1986. – 378 p.
815. Trombetti A. Elementi di glottologia. Bologna 1923. L'unita' d'orgine del linguaggio. Bologna 1905.

Литература на английском языке

816. Bierwish M & Schreuder R. From concepts to lexical items // Cognition. – 1992. – Nvol. 42. – Pp. 23-62.
817. Boyer 1996 : Boyer R. Archetypes //Companion to Literary Myths, Heroes and Archetypes. – L.; N. Y.: Routledge. – 1996. – P.110-117.
818. Langacker 1990 : Langacker R. Concept, Image and Symbol, the Cognitive Basis of Grammar. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1990. – 546 p.
819. Langacker 1997 : Langacker R. W. The conceptual basis of cognitive grammar // Language and Conceptualization / Ed. By J. Nuyts, E. Pederson. – Cambridge : Cambridge University Press. – 1997. P. 221 – 253.
820. Wierzbicha 1895 : Wierzbicha A. Lexicography and conceptual alalysis. – Ann Arbor, 1985.
821. Wierzbicha, Anna. Semantics. Primes and universals. Oxford; N. Y., 1996.

Интернет источники

822. http://www.nisanyansozluk.com
823. http://www.vasmer.narod.ru

Карпенко У. А.

ТРАНСЛЯЦИЯ СМЫСЛА
И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПЕРВОКОРНЯ

Монография

Подписано в печать 14.06.2013.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 28,83. Тираж 300 экз.

Издательство «Освита Украины»,
04136, м. Киев, ул. Маршала Гречко, 13, оф. 218

Свидетельство о внесении в Государственный реестр
Субъектов издательской деятельности ДК №1957 от 27.09.2004 р.
Тел./факс (044) 384-26-08, (097) 479-78-36, (050) 552-20-13.
E-mail: osvita2005@gmail.com, www.rambook.ru

Издательство «Освита Украины»
приглашает авторов к сотрудничеству
по выпуску изданий, относящихся к вопросам управления,
модернизации, инновационных процессов, технологий,
методических и методологических аспектов образования и учебного
процесса в высших учебных заведениях.
Предоставляем весь спектр издательских и полиграфических услуг